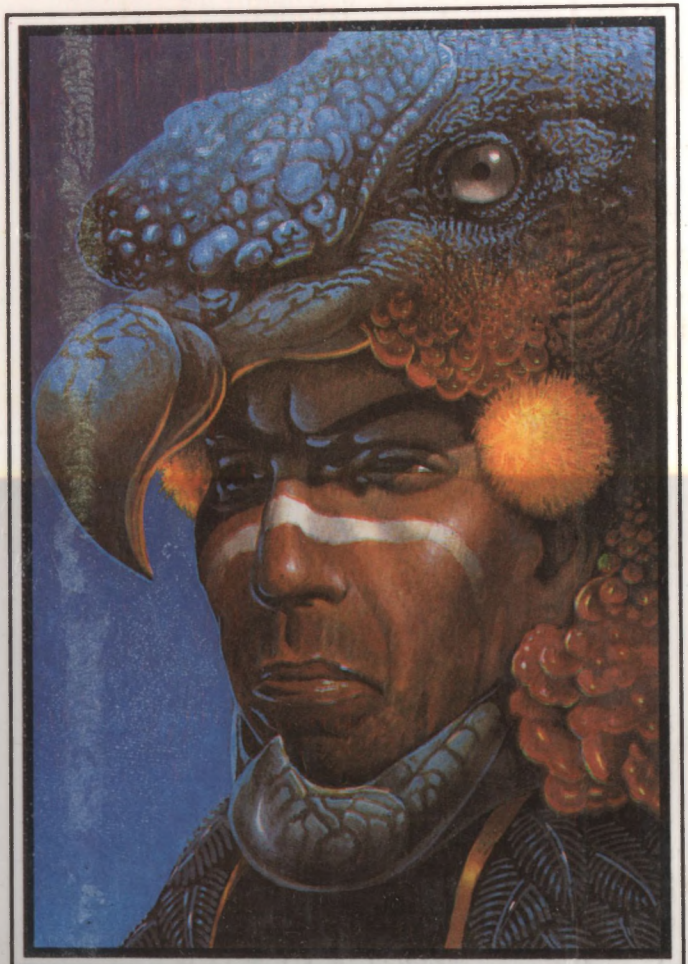
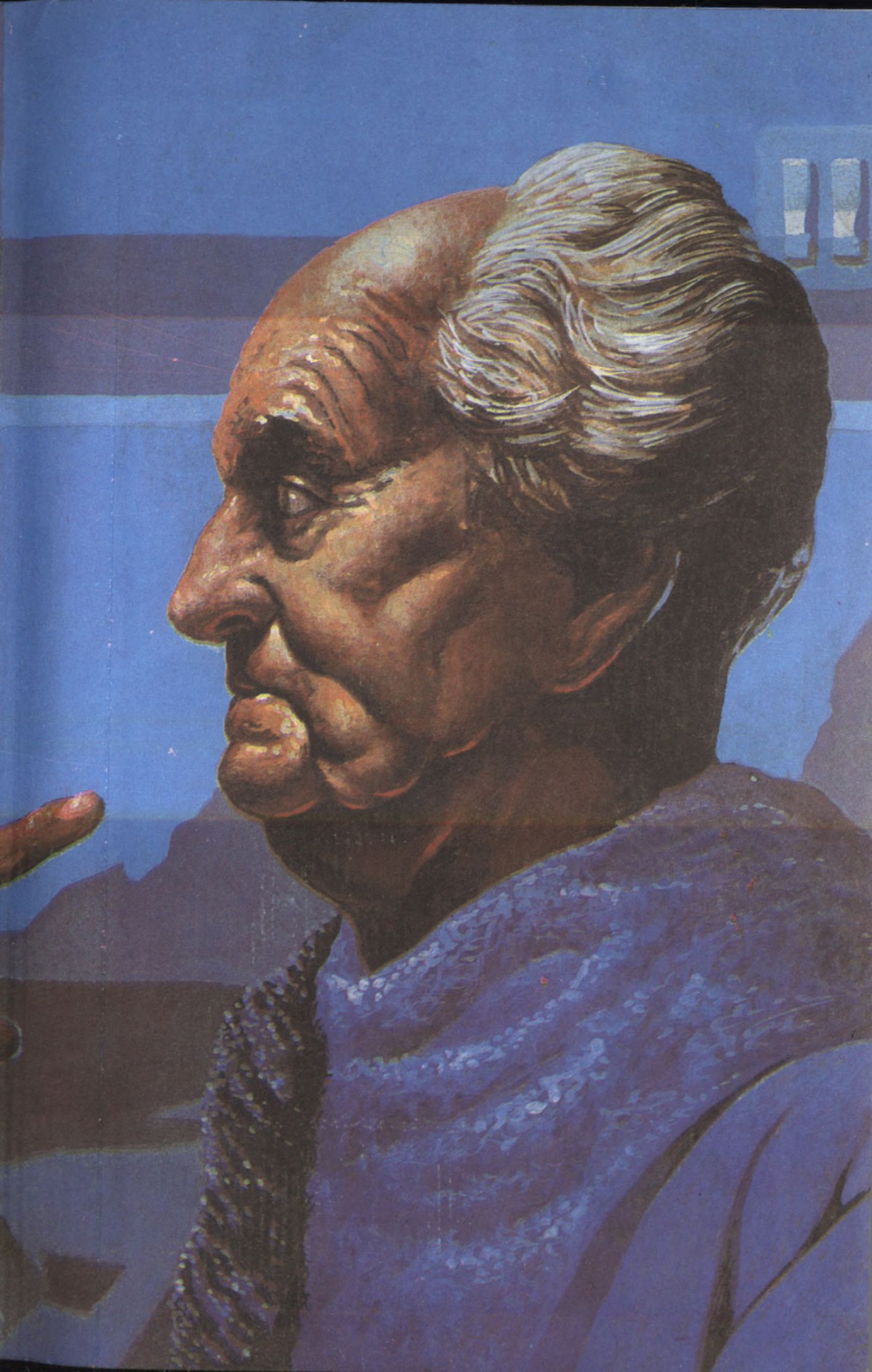
МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

5

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА





ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «ПОЛЯРИС»

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume twenty five

SHORT STORIES

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга двадцать пятая

РАССКАЗЫ

Издательская фирма «Полярис»
1994

ББК 84.7США
Х15.

The Unpleasant Profession of Jonathan Hoag
Copyright © **1959** by Robert A. Heinlein

Expanded Universe
Copyright © **1980** by Robert A. Heinlein

© **1994** Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык, оформление, составление

© **1992** Издательская фирма «Полярис»,
название серии

Книга выпущена при участии издательства «Фолио», г. Харьков

Перепечатка отдельных рассказов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Х $\frac{4703040100—050}{94}$ **Без объявл.**

ISBN 5-88132-107-3

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ МИСТЕРА ДЖОНАТАНА ХОГА

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ МИСТЕРА ДЖОНАТАНА ХОГА

Бесстрашно отгоните
Надежд самообман,
С достоинством примите
Тот жребий, что нам дан:
Отжив, смежим мы веки,
Чтоб не восстать вовеки,
Все, как ни вьются, реки —
Вольются в океан.

*А. И. Суинберн**

I

— Это что, кровь?

Джонатан Хог нервно облизнул пересохшие губы и подался вперед, пытаясь прочитать, что написано в лежащем перед врачом листке бумаги.

Доктор Потбери пододвинул бумажку к себе и взглянул на Хога поверх очков.

— А почему вы, собственно, думаете, что у вас под ногтями кровь? Есть какая-нибудь причина?

— Нет. То есть... Ну, в общем, нет. Но ведь это все-таки кровь, так ведь?

The Unpleasant Profession of Jonathan Hoag, 1942

* Перевод М.Донского.

— Нет, — с каким-то нажимом сказал Потбери. — Нет, это не кровь.

Хог знал, что должен почувствовать облегчение. Но облегчения не было. Было внезапное осознание: все это время он судорожно цеплялся за страшную догадку, считая коричневатую грязь под своими ногтями засохшей кровью, с единственной целью — не думать о чем-то другом, еще более невыносимом.

Хога слегка затошнило. Но все равно он обязан узнать...

— А что это, доктор? Скажите мне.

Потбери медленно смерил его взглядом.

— Вы пришли ко мне с вполне конкретным вопросом. Я на него ответил. Вы не спрашивали у меня, что это за субстанция, вы просили определить, кровь это или нет. Это не кровь.

— Но... Вы издеваетесь надо мной. Покажите мне анализ.

Приподнявшись со стула, Хог протянул руку к лежащей перед врачом бумаге.

Потбери взял листок, аккуратно разорвал его пополам, сложил половинки и снова разорвал их. И снова.

— Да какого черта!

— Поищите себе другого врача, — сказал Потбери. — О гонораре можете не беспокоиться. Убирайтесь. И чтобы ноги вашей здесь больше не было.

Оказавшись на улице, Хог направился к станции подземки. Грубость врача буквально потрясла его. Грубость пугала его — равно так же, как некоторых пугают змеи, высота или тесные помещения. Дурные манеры, даже не направленные на него лично, а только проявленные при нем, вызывали у Хога тошноту, чувство беспомощности и крайний стыд.

А уж если мишенью грубости становился он сам, единственным спасением было бегство.

Поставив ногу на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей к эстакаде, он замялся. Даже при самых лучших обстоятельствах поездка в надземке была суровым испытанием — толчея, давка, жуткая грязь и каждую секунду — шанс нарваться на чью-либо грубость, сейчас ему этого просто не выдержать. Хог подозревал,

что, услышав, как вагоны визжат на повороте, он завизжит и сам.

Он развернулся и тут же был вынужден остановиться, оказавшись нос к носу с каким-то человеком, направлявшимся к лестнице.

— Поосторожней, приятель, — сказал человек, проходя мимо отпрыгнувшего в сторону Хога.

— Извините, — пробормотал Хог, но человек был уже далеко.

Фраза, произнесенная прохожим, звучала резковато, но отнюдь не грубо, так что этот случай не должен был обеспокоить Хога, однако обеспокоил. Его вывели из равновесия одежда, лицо, даже сам запах этого человека. Хог прекрасно понимал, что поношенный комбинезон и кожаная куртка — совсем не повод для упрека, равно как и слегка запачканное лицо с полосами засохшего трудового пота. Козырек фуражки встречного украшала овальная кокарда с номером и какими-то буквами. Хог решил, что этот человек — водитель грузовика или механик, или сборщик — словом представитель одной из тех квалифицированных профессий, благодаря которым бесперебойно крутятся колесики и шестеренки нашей цивилизации. Скорее всего — добропорядочный семьянин, любящий отец и хороший кормилец, а самые большие его отклонения от добродетели — лишняя кружка пива да склонность поднимать на гривенник, имея на руках две пары*.

А то, что Хог позволяет себе брезгливо относиться к такой внешности и предпочитает белую рубашку, приличное пальто и перчатки — это просто каприз, другого слова и не подберешь. И все же исходи от этого человека запах лосьона для бритья, а не пота, случайная встреча не оставила бы такого неприятного впечатления.

Все это Хог сказал себе, а заодно назвал себя глупым и слабонервным. И все же — неужели такое грубое, зверское лицо может быть маской, за которой скрываются теплота и чувствительность? С этой-то бесформенной картошкой вместо носа, с этими свинячьими глазками?

---

* Имеется в виду игра в покер.

Ладно, все это ерунда, он поедет домой на такси и не будет ни на кого смотреть. Вот как раз и стоянка — чуть впереди, перед деликатесной лавкой.

— Куда едем?

Дверца такси была распахнута, в голосе шофера звучала безликая, безразличная настойчивость.

Хог поймал его взгляд, чуть поколебался и передумал. Опять это скотство — глаза, лишенные глубины, кожа, обезображенная черными головками угрей и крупными порами.

— М-м-м... извините, пожалуйста. Я кое-что забыл.

Хог отвернулся от машины и тут же снова был вынужден резко остановиться — кто-то вцепился ему в талию, как оказалось — маленький мальчик на роликовых коньках. Восстановив равновесие, Хог придал своему лицу выражение отеческой доброты, которое использовал при общении с детьми.

— Ну, ну, малыш.

Взяв мальчика за плечо, он осторожно отодрал его от себя.

— *Морис*!

Голос прозвучал над самым ухом, визгливый и бессмысленный. Кричала женщина, высокая и пухлая, только что появившаяся в дверях деликатесной лавки. Схватив мальчика за другое плечо, она рванула его в сторону, одновременно замахиваясь другой рукой — с очевидной целью врезать ему по уху. Хог начал было защищать мальчика, но осекся, увидев, с каким выражением смотрит на него женщина. Почувствовав настроение матери, мальчишка пнул Хога ногой.

Стальные ролики ободрали голень. Было очень больно. Хог пошел прочь, куда попало, лишь бы уйти. Слегка прихрамывая из-за пострадавшей ноги, он свернул в первый же переулок, уши и затылок Хога горели от стыда, словно он вправду обидел этого щенка, на чем и был постыдно пойман.

Переулок оказался не лучше улицы. Его не окаймляли витрины магазинов, над ним не висел стальной желоб надземки, зато здесь сплошной стеной стояли жилые дома, четырехэтажные, перенаселенные чуть ли не как ночлежки.

Поэты воспевают прекрасное и невинное детство. Только вряд ли их восторги относятся к обитателям

такого вот переулка, да еще увиденного глазами Хога. Мальчишки напоминают ему крысят — злобные, пустые, не по годам ушлые. Девчонки ничем не лучше. У восьми-девятилетних, неоформившихся и костлявых, все ясно написано на сморщенных личиках — сплетницы, мелкие злобные душонки, рожденные для каверз и глупой болтовни. Их чуть более старшие сестрички, едва вышедшие из детского возраста, но уже насквозь пропитанные трущобным духом, заняты, похоже, единственной мыслью — как бы произвести впечатление своими столь недавно обретенными прелестями — объектом этих стараний являлся, естественно, не Хог, а прыщавые юнцы, околачивающиеся вокруг драгстора.

Даже младенцы в колясках... Хог любил разыгрывать роль доброго дядюшки, считая, что ему нравятся маленькие дети. Только не эти. Обмотанные соплями, вонючие, жалкие, непрерывно визжащие...

Маленькая гостиница напоминала тысячи ей подобных, явно третьеразрядная и без малейших претензий на что-либо большее. Неоновая вывеска «Отель Манчестер», а ниже, помельче: «Комнаты для постоянных и временных жильцов». Вестибюль шириной всего в половину здания, длинный, узкий и плохо освещенный. Такое заведение не замечаешь, если только не ищешь его специально. В таких местах останавливаются коммивояжеры, вынужденные экономить командировочные, а постоянно живут одинокие люди, которым не по карману что-либо лучшее. Единственный лифт представляет собой клетку из железных прутьев, коекак заляпанную золотой краской. Пол вестибюля кафельный, по углам — латунные плевательницы. Конторка портье, две чахлые пальмы в бочках и восемь кожаных кресел. Одинокие, ничейные старики, у которых, кажется, даже и прошлого никогда не было, сидят в этих креслах, живут в номерах наверху. В этих номерах их и находят время от времени — качающимися на люстре, в петле из собственного галстука.

Хог не собирался заходить в «Манчестер», просто по тротуару неслась стайка детей, и ему пришлось попятиться, чтобы не быть сбитым с ног. Видимо —

какая-то игра, до ушей донесся конец пронзительно выкрикиваемой считалки: «...летела мина из Берлина, по-немецки говорила, пендель в жопу, в глаз кулак, кто последний, тот дурак».

— Вы кого-нибудь ищете, сэр? Или желаете снять комнату?

Хог удивленно повернулся. Комната? Больше всего ему хотелось оказаться в собственной, такой уютной квартире, но в данный момент комната, любая комната, лишь бы в ней можно было запереться, отгородиться дверью от внешнего мира, тоже казалась чуть ли не пределом мечтаний.

— Да, мне нужна комната.

Развернув регистрационную книгу, портье пододвинул ее к Хогу.

— С ванной или без? С ванной — пять пятьдесят, без — три с полтиной.

— С ванной.

Портье смотрел, как Хог расписывается в книге и отсчитывает деньги, но потянулся за ключом, только получив пять долларов пятьдесят центов.

— Рады иметь вас своим гостем. Билл! Проводи мистера Хога в четыреста двенадцатый.

Единственный рассыльный, скучающий в вестибюле, проводил Хога в ту самую золоченую клетку и искоса окинул взглядом с головы до ног, не упустив из внимания дорогой плащ и полное отсутствие вещей. В номере он чуть-чуть приоткрыл окно, включил в ванной свет и в ожидании замер у двери.

— Может, ищете кого-нибудь, — поинтересовался он. — Помощь нужна?

Хог сунул ему чаевые.

— Уматывай, — неожиданно грубо сказал он.

Похабная улыбка исчезла с лица рассыльного.

— Как знаете, — пожал он плечами.

В комнате находилась двуспальная кровать, комод с зеркалом, стул и кресло. Над кроватью висела окантованная гравюра, изображавшая, если верить надписи, «Колизей в лунном свете». Но дверь запиралась не только на замок, но и на засов, а окно выходило не на улицу, а в узкий проулок. Хог опустился в кресло. Продавленное сиденье сейчас его не волновало.

Он снял перчатки и посмотрел на свои ногти. Абсолютно чистые. А может, все это просто галлюцинация? Может, он и не ходил к доктору Потбери? Если у человека однажды была потеря памяти, она в любой момент может повториться, да и галлюцинации — тоже.

Верно, но не могло же все это ему просто примерещиться, слишком уж яркие воспоминания. Или могло? Он начал перебирать события в памяти.

Сегодня среда, у него был выходной, как и всегда по средам. Вчера он вернулся с работы обычным путем и в обычное время. Он начал одеваться к ужину — несколько рассеянно, так как одновременно решал, куда пойти. Попробовать этот новый итальянский ресторанчик, который так расхваливает чета Робертсонов? А может, надежнее будет положиться на неизменно аппетитный гуляш, приготовленный шеф-поваром «Будапешта»?

Решение остановиться на последнем, более безопасном варианте было уже почти принято, когда зазвонил телефон. Хог чуть не прозевал этот звонок из-за воды, шумевшей в раковине. Услышав что-то вроде звонка, он закрыл кран. Ну так и есть — телефон.

Звонила миссис Поумрой Джеймсон, одна из тех немногих, в гости к кому он любил ходить, очаровательная женщина, а заодно и обладательница повара, который умеет готовить прозрачные супы, не напоминающие по вкусу воду, оставшуюся после мытья посуды. И соусы. Так что проблема решалась сама собой.

— Меня неожиданно подвели в самый последний момент, и мне просто необходим еще один мужчина за столом. Вы свободны? И вы согласитесь мне помочь? Согласны? Мистер Хог, вы просто душка.

Хог очень обрадовался, нимало не обижаясь, что его позвали в последнюю секунду вместо кого-то другого, нельзя же в конце концов ожидать, что тебя будут приглашать на каждый маленький ужин. Он был в восторге от возможности оказать услугу Эдит Поумрой. Она подавала к рыбе незамысловатое, но вполне пристойное белое вино и никогда не опускалась до распространенного сейчас вульгарного обычая подавать шампанское когда попало. Прекрасная хозяйка, и Хогу льстило, что она так легко обратилась за помощью

именно к нему. Значит, она чувствовала, что даже не запланированный заранее, он хорошо впишется в компанию гостей.

Вот с такими мыслями в голове, вспоминал Хог, он и одевался. Наверное, за всеми этими волнениями, да еще с телефонным звонком, прервавшим привычные процедуры, он и забыл почистить ногти.

Да, так оно, скорее всего, и произошло. Уж конечно ему негде было испачкать ногти — да еще таким жутким образом — по пути к Поумроям, к тому же он был в перчатках.

И кто бы там увидел эти ногти, он бы и сам ничего не заметил, если бы не золовка миссис Поумрой — женщина, которой Хог всегда старался по возможности избегать. С не допускающей сомнения уверенностью, считающейся почему-то современной, она провозгласила, что род занятий человека оставляет на нем безошибочные следы.

— Возьмите, например, моего мужа — ну кем он может быть, как не адвокатом? Или вы, доктор Фиттс — всегда словно у постели больного.

— Надеюсь, не тогда, когда я на званом ужине?

— Но полностью от этого вам никогда не избавиться.

— Пока что вы ничего нам не доказали. Вы же *знаете*, кто мы такие.

После чего эта до крайности неприятная женщина окинула взглядом сидящих за столом и уставилась в конце концов на Хога.

— Пусть меня проверит мистер Хог. Я не знаю, чем он занимается. Никто не знает.

— Ну что ты придумываешь, Юлия.

Увидев, что уговоры бесполезны, миссис Поумрой повернулась к своему соседу слева.

— В этом году Юлия занялась психологией, — улыбнулась она. Левый ее сосед, Садкинс, или Снаггинс, или нет, Стаббинс, так вот, этот Стаббинс спросил:

— А каков род занятий мистера Хога?

— Это — маленькая тайна. Он никогда не разговаривает в обществе о работе.

— Да нет, — вмешался Хог. — Я просто не считаю...

— Только не говорите, — остановила его эта женщина. — Я сейчас определю сама. Какое-то из профессиональных занятий. Я так и вижу вас с портфелем.

Он и не собирался ей ничего говорить. Некоторые предметы годятся для обсуждения за столом, некоторые — нет. Но она продолжала:

— Возможно, вы занимаетесь финансами. А может, торгуете картинами или книгами. Похожи вы и на писателя. Покажите мне ваши руки.

Несколько обескураженный такой просьбой, Хог положил, однако, руки на стол без малейших опасений.

Женщина прямо бросилась на него.

— Ну вот, все ясно. Вы химик.

Все повернули головы. И все увидели темные каемки под его ногтями. Наступившую на мгновение тишину нарушил ее муж.

— Что за ерунда, Юлия. Ногти можно испачкать десятками различных способов. Возможно, Хог балуется фотографией или гравирует по металлу. Твоя догадка не пройдет без доказательств ни в одном суде.

— Вот полюбуйтесь, как рассуждают адвокаты! А я уверена, что не ошибаюсь. Ведь правда, мистер Хог?

Все это время он неотрывно смотрел на свои ногти. Появиться на званом ужине с грязными ногтями — уже одного этого было достаточно для расстройства, даже *если бы* он понимал, как такое могло случиться.

Но Хог не имел ни малейшего представления, где он мог испачкать ногти. На работе? Вероятно, да, но только чем он занимался на работе?

Он не знал.

— Так скажите, мистер Хог, ведь я права, верно ведь?

С большим трудом отведя глаза от этих жутких каемок, Хог еле слышно пробормотал: «Прошу извинить меня» — и встал из-за стола. В ванной он, поборов беспричинное отвращение, вытащил перочинный нож и выскреб из-под ногтей липкую красновато-коричневую грязь. Непонятная субстанция пристала к лезвию, он вытер его бумажной салфеткой, чуть по-

медлил, сложил салфетку и сунул ее в жилетный карман. А затем взял щетку и несколько раз тщательно вымыл руки.

Хог не мог уже вспомнить, в какой именно момент появилась у него уверенность, что это вещество — кровь, человеческая кровь.

Он сумел найти котелок, плащ, перчатки и трость, не обращаясь за помощью к горничной, и, ни с кем не прощаясь, торопливо покинул дом гостеприимной хозяйки.

Обдумывая это происшествие сейчас, в тишине убогого гостиничного номера, Хог понял, что первый его страх был вызван инстинктивным отвращением при виде темно-красной грязи под ногтями. И лишь потом он осознал, что не понимает, где мог испачкать ногти, не понимает потому, что не помнит, где был сегодня. Или вчера. Или в любой из предыдущих дней. Он не знал, какая у него профессия.

Это было нелепо, чудовищно — и очень пугало.

Ужинать Хог не стал, чтобы не покидать жалкую, но спокойную комнатушку; около десяти часов он наполнил ванную довольно горячей — какая уж текла из крана — водой и лег в нее. Купание его немного успокоило, судорожно мелькавшие мысли пришли хоть в какой-то порядок. «Во всяком случае, — утешал себя Хог, — если я не способен вспомнить род своих занятий, то уж конечно не смогу к ним вернуться. И значит — не рискую снова обнаружить у себя под ногтями этот ужас.»

Хог вылез из ванной, вытерся, лег и, несмотря на незнакомую кровать, сумел в конце концов уснуть.

Проснулся он от какого-то страшного сна, хотя не сразу это понял, настолько убогая безвкусица комнаты согласовывалась со сном. Когда он осознал, где и почему находится, даже кошмарный сон показался предпочтительнее реальности. Правда, вспомнить, что именно ему снилось, Хог уже не мог. На часах обычное время его утреннего подъема; позвонив коридорному, Хог заказал завтрак в номер.

К тому времени как из расположенного за углом ресторанчика принесли завтрак, он уже оделся и был полон нетерпения отправиться домой. Выпив две чашки

безвкусного кофе и поковыряв еду, Хог покинул гостиницу.

Войдя в свою квартиру, он повесил плащ и шляпу, снял перчатки и привычно направился в ванную. Здесь он тщательно вычистил ногти левой руки и как раз взялся за правую, когда сообразил, чем занимается.

Ногти левой его руки были белыми и чистыми, а правой — темными и грязными. Изо всех сил стараясь сдерживаться, Хог выпрямился, взял с туалетного столика свои часы, затем пошел в спальню и проверил их по висящим там электрическим часам. И те и другие показывали десять минут седьмого — обычное время, когда он возвращается домой вечером.

Возможно, он забыл свою профессию, но вот она-то о нем не забыла.

II

Ночной телефон фирмы «Рэндалл и Крэг. Конфиденциальные расследования» располагался не в конторе, а на квартире — это было удобнее, так как Рэндалл женился на Крэг еще на заре их делового сотрудничества. Младший партнер только что положила грязные после ужина тарелки в раковину и теперь пыталась принять решение — нужна ли ей «книга месяца», рекомендованная клубом, когда раздался телефонный звонок, и пришлось брать трубку.

— Да? — спросила она не очень довольным голосом и добавила через несколько секунд: — Да.

Старший партнер приостановил свое занятие, это было весьма сложное научное исследование, связанное с оружием, баллистикой и некоторыми крайне эзотерическими аспектами аэродинамики, — говоря конкретно, он отрабатывал бросок дарта из-под руки, причем мишенью служило прикрепленное к доске для резки хлеба цветное изображение самой модной сейчас в обществе девицы. Один дарт воткнулся красотке прямо в левый глаз, теперь шли попытки придать лицу симметрию.

— Да, — снова сказала Крэг, жена Рэндалла.

— А ты попробуй сказать «нет», — посоветовал ей муж.

— Заткнись и дай карандаш, — ответила она, прикрыв микрофон рукой, а затем перегнулась через столик и сняла с крючка висевший на стене блокнот.

— Да, говорите.

Получив от супруга карандаш, она изобразила на бумаге несколько крючков и загогулин, которыми пользуются стенографистки вместо нормальных человеческих букв.

— Не думаю, — сказала она после некоторой паузы. — В такое время мистера Рэндалла обычно нет. Он предпочитает принимать клиентов в нормальные рабочие часы. Мистер Крэг? Нет, мистер Крэг не сможет вам помочь. Да, я уверена. Даже так? Подождите секунду, не вешайте трубку, я попробую узнать.

Рэндалл совершил еще одно покушение на очаровательную девушку. Дарт воткнулся в ножку радиолы.

— Так что там?

— Звонит какой-то тип, которому просто но терпится увидеться с тобой, и прямо сегодня. По фамилии Хог, Джонатан Хог. Заявляет, что ему физически невозможно посетить тебя днем. Сперва не хотел говорить, что у него за дело, а когда попробовал, наплел нечто несусветное.

— Джентльмен или жлоб?

— Джентльмен.

— С деньгами?

— Похоже. Эта сторона его вроде не беспокоит. Возьми-ка ты это дело, Тедди. Пятнадцатое апреля на носу.

— О'кей. Дай мне его.

Отмахнувшись от мужа, она снова заговорила в трубку.

— К счастью, я сумела все-таки найти мистера Рэндалла. Через несколько секунд он сможет с вами поговорить. Подождите, пожалуйста.

Прервав разговор, она аккуратно отсчитала по часам тридцать секунд, а затем сказала:

— Мистер Рэндалл на проводе. Говорите, мистер Хог, — и сунула трубку мужу.

— Говорит Эдвард Рэндалл. В чем у вас дело, мистер Хог?.. Да нет, мистер Хог, думаю, вам все-таки лучше зайти сюда утром. В конце концов мы ведь тоже

люди и должны когда-то отдыхать, во всяком случае я должен... Хочу сразу предупредить вас, мистер Хог, когда солнце опускается, цены у меня поднимаются... Ну, дайте немного подумать. Я как раз собирался идти домой. По правде говоря, я только что позвонил своей жене, и она ждет меня, а вы же знаете, что такое женщины. Но если бы вы согласились зайти ко мне домой минут через двадцать, то есть в... э-э... восемь семнадцать, мы могли бы поговорить. Хорошо. У вас есть под рукой карандаш? Пишите адрес...

Рэндалл положил трубку на рычаг.

— Ну и кем же буду я на этот раз? Женой, партнером, секретаршей?

— А ты сама как думаешь? Ведь это ты с ним говорила.

— Лучше, пожалуй, женой, а то голос у него малость чопорный.

— Женой так женой.

— И я переоденусь в платье. А ты, мозговой центр, убрал бы куда-нибудь эти свои цацки.

— Может, не стоит? Хороший штрих, такая, знаешь ли, небольшая невинная эксцентричность.

— Давай тогда выложим трубочный табак в ковровом шлепанце. Или сигареты «Реджи».

Она выключила верхний свет, а затем поставила стол и торшеры таким образом, чтобы кресло, в которое сядет посетитель, было хорошо освещено.

Не удостоив ответом гнусный выпад младшего партнера, старший партнер детективного агентства собрал дарты, взял хлебную доску, задержавшись на мгновение, чтобы послюнить палец и потереть им царапину на радиоле, закинул все это хозяйство на кухню и прикрыл дверь. В мягком, приглушенном свете комната, из которой больше не открывался вид на кухню, выглядела строго и почти богато.

— Добрый вечер, сэр. Дорогая, это мистер Хог. Мистер Хог... миссис Рэндалл.

— Добрый вечер, мадам.

Рэндалл помог гостю снять плащ, попутно удостоверившись, что тот не вооружен, носит пистолет не под мышкой, не на бедре, а в каком-то более скрытном месте. Рэндалл не страдал болезненной подозрительностью, он просто был прагматичным пессимистом.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Хог. Сигарету?

— Нет, спасибо.

Рэндалл помолчал. Он сидел и разглядывал посетителя — не грубо, спокойно, но в то же время — внимательно. Костюм английский или от братьев Брукс. И уж во всяком случае — не дешевка от Харта, Шаффнера и Маркса. Галстук такого качества, что впору называть его кравatом — и притом скромный, что твоя монашенка. Да, тут можно содрать гонорар и побольше. Этот коротышка нервничает, никак не может сесть в кресле свободно. Возможно, его сковывает присутствие Синти. Тем лучше, пусть немного дойдет на медленном огне, а потом отставим в сторону.

— Вы только не стесняйтесь миссис Рэндалл, — сказал он в конце концов. — Все, что можно доверить мне, можно доверить и ей.

— О... о, да. Да, конечно.

Не поднимаясь с кресла, Хог наклонился всем корпусом, от талии.

— Я счастлив, что в нашей беседе будет участвовать миссис Рэндалл.

На этом он замолчал, не собираясь вроде говорить о своих проблемах.

— Ну так что, мистер Хог, — сказал наконец Рэндалл, утомившись играть в молчанку. — Вы, кажется, хотели о чем-то со мной посоветоваться, я верно вас понял?

— Н-ну, да.

— Тогда, возможно, вы расскажете мне, что у вас за дело?

— Да, конечно. Это... То есть... Понимаете, мистер Рэндалл, вся эта история просто нелепа.

— Так обычно и бывает. Но вы продолжайте. Неприятности с женщиной? Или кто-нибудь вас шантажирует?

— Нет, нет! Ровно ничего похожего, все гораздо сложнее. Но я боюсь.

— Чего?

— Я не знаю, — быстро ответил Хог и добавил, судорожно переведя дыхание: — Мне нужно, чтобы вы это узнали.

— Подождите немного, мистер Хог, — недоумевающе остановил его Рэндалл. — Я что-то ничего не понимаю. Вы говорите, что боитесь чего-то и хотите, чтобы *я* выяснил, чего вы боитесь. Но ведь я — не психоаналитик. Я детектив. Чем конкретно может помочь вам в вашем деле детектив?

Хог молчал, вид у него был совершенно несчастный.

— Я хочу, чтобы вы узнали, чем я занимаюсь днем, — выпалил он наконец.

Рэндалл снова внимательно оглядел своего клиента.

— Так, значит, вы хотите, чтобы *я* узнал, чем *вы* занимаетесь днем?

— Да. Да, именно так.

— М-м-м. А не проще ли будет, если вы сами расскажете мне это?

— О, но я не могу этого рассказать.

— Почему?

— Потому, что не знаю.

Рэндалла начало охватывать раздражение.

— Мистер Хог, — сказал он. — За игру в загадки я обычно беру по двойному тарифу. Если я сейчас не услышу, чем вы занимаетесь днем, это будет вполне определенно указывать на недостаток у вас ко мне доверия, а в таком случае мне будет крайне затруднительно оказать вам какую бы то ни было помощь. Давайте начистоту. Чем вы занимаетесь днем и как это связано с вашим делом. И вообще — в чем состоит ваше дело?

Мистер Хог встал.

— Мне надо было с самого начала понимать, что я не смогу ничего объяснить, — сказал он убитым голосом скорее самому себе, чем Рэндаллу. — Извините, пожалуйста, что я вас побеспокоил. Я...

— Подождите, мистер Хог, — впервые вмешалась Синтия Крэг Рэндалл. — Мне кажется, вы двое просто не понимаете друг друга. Ведь вы имеете в виду, если я правильно понимаю, что самым буквальным образом *не знаете*, чем именно занимаетесь в дневное время?

— Да, — благодарно повернулся к ней Хог. — Да, именно так.

— И вы хотите, чтобы мы это узнали? Проследили за вами, выяснили, куда вы ходите, а потом рассказали вам, что вы там делали?

— Да, — энергично кивнул головой Хог. — Именно это я и пытался сказать.

Рэндалл перевел взгляд с Хога на жену, а потом опять на Хога.

— Давайте сформулируем все поточнее, — медленно сказал он. — Значит, вы действительно не знаете, чем занимаетесь в дневное время, и хотите, чтобы я это узнал. Сколько времени продолжается такая ситуация?

— Я... я не знаю.

— Хорошо, ну а что же вы знаете?

С некоторыми понуканиями Хог сумел все-таки рассказать свою историю. Из своего прошлого он помнил только последние пять лет, начиная с Дюбюка, с санатория Святого Георгия. Необратимая амнезия. Но эта болезнь больше его не беспокоила, он считал себя полностью вылечившимся. При выписке они, то есть администрация санатория, подыскали ему работу.

— Какую работу?

Этого Хог не знал. По всей видимости, это была та же самая должность, которую он занимал и сейчас, теперешняя его работа. Выписывая Хога из санатория, врачи настоятельно рекомендовали ему никогда не беспокоиться о служебных делах, никогда не брать работу на дом — не только в буквальном смысле слова, но даже и в мыслях.

— Видите ли, — объяснил Хог, — они исходят из теории, что амнезия вызывается беспокойством и переутомлением. Доктор Рено подчеркивал — мне это очень хорошо запомнилось — что я не должен в свободное время говорить о работе, не должен о ней даже думать. Возвращаясь вечером домой, я должен забывать о делах и думать о более приятных материях. Именно так я и старался поступать.

— Хм-м-м. И, похоже, добились успеха, такого успеха, что даже с трудом верится. Послушайте, а не пользовались ли они при лечении гипнозом?

— Не знаю, просто не знаю.

— Наверное, пользовались. А как думаешь ты, Син? Ведь все согласуется.

— Да, согласуется, — кивнула Синтия. — Постгипнотическое внушение. Пять лет такой жизни — и он просто не может после работы думать о ней, не может, как бы ни старался. Только странная какая-то это терапия.

Рэндалл был вполне удовлетворен. Психология — это по его части. Строит ли Синтия свои заключения на основе науки (формальная подготовка у нее приличная) или берет готовыми откуда-то из подсознания — этого он не знал, да, собственно, и знать не хотел. Главное — она всегда права.

— Но у меня есть еще один вопрос, — добавил он. — Целые пять лет вы живете себе, не имея представления, где ваша работа и что вы там делаете. Отчего же вдруг такой интерес и озабоченность?

Хогу пришлось рассказать и про разговор за столом, странное вещество под ногтями и про непонятное поведение врача.

— И я боюсь, — закончил он несчастным голосом. — Сперва я думал, это кровь. А теперь я знаю, что это — нечто худшее.

— Почему? — недоуменно поглядел на него Рэндалл.

Хог нервно облизал губы.

— Потому, что...

Он беспомощно смолк.

— Но ведь вы поможете мне, правда?

Рэндалл встал.

— Это не по моей части, — сказал он. — Совершенно ясно, что вам действительно нужна помощь, но помощь психиатра, а не детектива. В амнезии я ничего не понимаю.

— Но я хочу именно детектива. Я хочу, чтобы вы проследили за мной и выяснили, чем я занимаюсь.

Рэндалл открыл было рот, чтобы отказаться, но его остановила Синтия.

— Мы сумеем помочь вам, мистер Хог, я в этом уверена. Пожалуй, вам и вправду стоит обратиться к психиатру...

— Нет, ни в коем случае!

— ...но если вы хотите, чтобы за вами проследили, это можно организовать.

— Не нравится мне это, — повернулся к жене Рэндалл. — Мы ему не нужны.

— Я оплачу ваши хлопоты.

Хог положил перчатки на столик, полез в карман пиджака и стал отсчитывать купюры.

— У меня тут только пять сотен, — озабоченно посмотрел он на Рэндалла. — Хватит этого?

— Сойдет, — ответила вместо мужа Синтия.

— В качестве задатка, — уточнил Рэндалл. Взяв деньги, он небрежно сунул их в карман.

— А кстати, — добавил он, — если вы не знаете, чем занимаетесь на работе, и все ваше прошлое ограничивается больницей, откуда же у вас деньги?

Вопрос был задан небрежно, словно между прочим.

— О, мне платят каждое воскресенье. Двести долларов наличными.

Когда Хог ушел, Рэндалл отдал деньги жене.

— Какие красивые фантики, — сказала она, разгладив и аккуратно сложив купюры. — Тедди, а чего это ты прямо из кожи вон лезешь, чтобы испортить такую голевую ситуацию?

— Я хотел испортить? Да ничего подобного, я просто вздувал цену. Старая методика «видеть-тебя-не-могу-обними-меня-покрепче».

— Так я и думала. Только ты чуть не перестарался.

— Ни в коем разе. Я знал, что всегда могу положиться на тебя. Что уж ты-то не выпустишь клиента из дома, пока тот не выложит все до последнего цента.

Синтия весело улыбнулась.

— Хороший ты все-таки человек, Тедди. И у нас с тобой очень много общего. Мы оба любим деньги. Ну и насколько ты поверил этой истории?

— Ни на грош.

— Вот и я тоже. Очень неприятный тип, плюгавый и какой-то жутковатый. Интересно, что это он такое задумал.

— Не знаю, но намерен выяснить.

— Ты что, собираешься сам за ним следить?

— А почему бы и нет? Зачем платить десятку в день какому-нибудь отставному полицейскому, который обязательно сделает все сикось-накось?

— Мне как-то все это не по душе, Тедди. С чего это он платит такую кучу денег? — Синтия махнула рукой в сторону аккуратно сложенных купюр. — За удовольствие поводить тебя за нос?

— Вот это я и узнаю.

— Только поосторожнее. Не забывай про «Союз рыжих».

— Союз... а, опять Шерлок Холмс. Пора бы тебе и повзрослеть, Син.

— А я взрослая. Чего и вам желаю. Этот коротышка вызывает у меня *ужас*.

Синтия вышла, чтобы спрятать деньги. Вернувшись в комнату, она обнаружила своего мужа рядом с креслом, в котором только что сидел Хог. Стоя на коленях, Рэндалл сосредоточенно работал распылителем. Он поднял на нее глаза.

— Син...

— Да, Мозговой Центр?

— Ты не трогала это кресло?

— Конечно, нет. Я только протерла его ручки перед приходом этого типа — все как обычно.

— Я не про это, а про после его ухода. Ты не помнишь, он снимал перчатки?

— Подожди-ка секунду. Да. Я уверена, что снимал. Я помню, что посмотрела на его ногти, когда он нам про них вешал лапшу на уши.

— Вот и я тоже, просто хотелось проверить, не спятил ли я. Ты погляди на эту поверхность.

Синтия осмотрела полированные подлокотники кресла, покрытые сейчас тонким слоем серого порошка. Девственно гладкая поверхность, ни одного отпечатка пальца.

— Наверное, он до них не дотрагивался... Да нет же, *дотрагивался*. Я сама это *видела*. Сказав: «Но я боюсь», он прямо вцепился в ручки. Я помню, как побелели костяшки его пальцев.

— Может, коллодий?

— Не говори глупостей. Тут же вообще нет пятнышка. Ты пожимал ему руку. Так что, был у него коллодий на ладонях?

— Не думаю. Я должен был бы заметить. Человек Без Отпечатков Пальцев. Давай, будем считать его призраком и забудем о нем.

— Призраки не платят наличными за то, чтобы за ними пустили хвост.

— Нет, не платят. По крайней мере я о таком не слыхал.

Поднявшись на ноги, Рэндалл направился к телефону и набрал номер междугородной связи.

— Мне нужна медицинская служба Дюбюка, ээ...

Прикрыв микрофон ладонью, он окликнул жену.

— Слушай, лапа, а в каком штате этот чертов Дюбюк?

По прошествии сорока пяти минут и нескольких телефонных разговоров трубка была с силой брошена на рычаг.

— Все один к одному, — объявил Рэндалл. — В Дюбюке нет санатория Святого Георгия. Нет, не было и скорее всего никогда не будет. Ну и доктора Рено, естественно, тоже нет.

III

— Вон он!

Синтия Крэг Рэндалл больно толкнула своего мужа локтем.

Тот продолжал держать перед лицом «Трибюн», делая вид, что газета очень его заинтересовала.

— Сам вижу, — тихо ответил он. — Держи себя в руках. Можно подумать, ты никогда раньше ни за кем не следила. Главное тут — не суетиться.

— Тедди, я прошу тебя, будь осторожен.

— Непременно.

Глядя поверх газеты, он проследил, как Джонатан Хог спускается по ступенькам. Квартира коротышки располагалась в Готэм-билдинге, здании весьма фешенебельном. Выйдя из-под козырька переднего входа, загадочный клиент свернул налево. Было ровно без семи минут девять утра.

Рэндалл встал, аккуратно, не спеша, свернул газету, положил ее на скамейку автобусной остановки — своего наблюдательного пункта, а затем повернулся к расположенному рядом драгстору и опустил монетку в щель автомата, торгующего жевательной резинкой. Зеркало, укрепленное на лицевой стороне автомата, давало ему прекрасный вид на Хога, неторопливо шествующего по противоположной стороне улицы. Столь же неторопливо Рэндалл двинулся следом, но — по своей стороне.

Синтия продолжала сидеть на скамейке, и только тогда, когда муж удалился на полквартала, встала и пошла за ним.

На следующем углу Хог вошел в автобус. Воспользовавшись задержкой автобуса у светофора, Рэндалл перебежал улицу на красный свет и успел к автобусу в тот самый момент, когда тот трогался с места. Хог поднялся на открытый второй этаж машины. Рэндалл уселся внизу.

Синтия подбежала слишком поздно, однако успела разглядеть номер автобуса. Остановив первое же свободное такси, она сказала этот номер водителю, и они пустились в погоню. Увидеть автобус удалось только через двенадцать кварталов, а еще через три квартала красный светофор позволил шоферу такси встать рядом с автобусом. Синтия рассмотрела внутри своего мужа, больше ей ничего и не надо было. Остаток поездки она посвятила тому, чтобы все время иметь в кулаке точную сумму по счетчику плюс четвертак чаевых.

Увидев, что Хог и Рэндалл выходят, она попросила шофера притормозить. Такси свернуло к бровке тротуара в нескольких ярдах от автобусной остановки. К несчастью Хог шел как раз в ее направлении, и Синтия не смогла выйти сразу. Она отсчитала шоферу точную сумму, одновременно краем глаза — того глаза, который у хорошего сыщика расположен на затылке — приглядывая за мужем и Хогом. Таксер начинал смотреть на свою пассажирку с явным любопытством.

— А вы бегаете за бабами?

Неожиданный вопрос немного ошарашил его.

— Нет, мадам. Я человек семейный.

— А вот мой муж — бегает, — бесстыдно соврала она полным горечи голосом. — Возьмите.

Тот самый четвертак перешел, наконец, в руки таксера.

Теперь объекты ее внимания уже удалились на несколько ярдов. Выйдя из машины, Синтия пересекла тротуар, остановилась перед витриной какого-то магазина и стала ждать. К своему крайнему удивлению она увидела, что Хог обернулся и заговорил с Рэндаллом. Они были далеко, и слов она не слышала.

Синтия замялась в нерешительности — подходить к ним или нет. Все шло не так, как намечалось, и это настораживало, но Рэндалл не выказывал никаких признаков озабоченности. Он спокойно выслушал Хога, после чего они вместе поднялись по ступенькам административного здания, перед которым и происходил их разговор.

Теперь Синтия двигалась быстро. Как и должно быть в такое время, вестибюль кишел людьми. Шесть расположенных в ряд лифтов работали безостановочно. Перед самым ее носом захлопнулись двери лифта номер два, а третий как раз начал заполняться. В третьем их не было; Синтия встала рядом с табачным киоском и быстро огляделась.

В вестибюле их не было. Не было их и, как она быстро в том убедилась, в парикмахерской, примыкавшей к вестибюлю. Скорее всего, они успели попасть во второй лифт. Синтия начала наблюдать за его указателем. Впрочем, толку от этого занятия было чуть — лифт останавливался почти на каждом этаже.

Когда второй лифт снова открыл двери, она вошла в него, не первой, не последней, а в составе основной толпы. Этаж называть она не стала, а подождала, когда выйдет последний из пассажиров.

Лифтер недоуменно поднял брови.

— Этаж, пожалуйста.

Синтия продемонстрировала ему долларовую бумажку.

— Мне нужно с вами поговорить.

Лифтер закрыл двери, обеспечив предполагаемому разговору подобающую конфиденциальность.

— Только быстро, — сказал он, с тревогой глядя на истерически мигающие лампочки вызова.

— В последний раз к вам вошли двое мужчин, вместе.

Быстро и очень живо Синтия описала лифтеру своего мужа и Хога.

— Я хочу знать, на каком этаже они вышли.

— Не знаю, — покачал головой лифтер. — Сейчас ведь час пик, в таком сумасшедшем доме разве запомнишь.

Синтия добавила к первой бумажке вторую.

— Думайте. Скорее всего они вошли последними. Возможно, им приходилось выходить на остановках, чтобы выпустить других. А этаж, вероятно, называл тот, который пониже.

Лифтер снова покачал головой.

— Ничего я не вспомню, даже за пятерку. При такой толкучке тут хоть леди Годива со своей кобылой, я и их не замечу. Ну так что, выйдете здесь или везти вас вниз?

— Вниз. — Синтия сунула ему одну из бумажек. — И на том спасибо.

Лифтер взглянул на доллар, пожал плечами и сунул его в карман.

Теперь оставалось только одно — занять позицию в вестибюле и ждать. Именно так и сделала кипящая негодованием Синтия. Это же надо, думала она, попалась, как маленькая, на самый старый из способов избавления от хвоста. Гордо именовать себя сыщиком и попасться на трюк с административным зданием! Их небось давно здесь нет, а Тедди ломает голову, куда могла подеваться его надежная напарница. Может быть, как раз сейчас ему нужна помощь.

Ей бы лучше вязанием заняться. Или вышивать крестиком. Вот же черт!

Синтия купила в табачном киоске бутылку пепси-колы и, все также стоя, неторопливо ее выпила. Она как раз думала, сможет ли — из соображений маскировки — поглотить еще одну бутылку этой бурды, когда появился Рэндалл.

И только теперь, когда Синтию охватило огромное, всепоглощающее облегчение, она осознала, в каком страхе провела эти минуты. Однако выходить из роли она не стала и безразлично отвернулась, зная, что муж узнает ее по затылку не хуже, чем по лицу.

Он не подошел к ней, не заговорил, поэтому Синтия продолжила наблюдение. Хога нигде не было видно. Прозевала она его, что ли?

Выйдя из здания, Рэндалл дошел до угла, задумчиво посмотрел на стоянку такси, а затем вскочил в только что остановившийся автобус. Она вошла следом, но не сразу, а пропустив перед собой несколько человек. Автобус тронулся. Хог на этой остановке не садился, и Синтия решила, что нет никакого риска в нарушении условленной процедуры.

Рэндалл поднял глаза на появившуюся рядом жену.

— Син! Я уже решил, что потерял тебя.

— Почти так оно и было, — призналась она. — Но ты расскажи, как там дела?

— Подожди, в конторе все узнаешь.

Ждать она не хотела, однако смирилась. Автобус подвез партнеров фирмы «Рэндалл и Крэг» прямо к зданию, в котором располагалась их контора, да и езды той было всего шесть остановок. Открыв дверь крошечного помещения, Рэндалл сразу направился к телефону. Аппарат, установленный в их конторе, был подключен к коммутатору круглосуточной секретной службы.

— Были звонки? — спросил он и добавил, помедлив несколько секунд: — О'кей. Пришлите записи. Можете особенно не спешить. — Положив трубку, он повернулся к жене. — Ну что ж, крошка, это самые легкие пять сотен, какие мы когда-нибудь зашибали.

— Ты выяснил, чем он там занимается?

— Конечно.

— Ну и чем же?

— А ты угадай.

Синтия смерила мужа взглядом.

— А по соплям не хочешь?

— Ладно, ладно, стихни. Тебе бы в жизни не угадать, хотя все это крайне просто. Он работает ювелиром — шлифует драгоценные камни. И ты знаешь, что

это было у него под ногтями, из-за чего он так всполошился?

— Ну?

— Ровно ничего страшного, да и вообще интересного. Красная полировочная паста. А он со своим больным воображением решил, что это — засохшая кровь. Вот так мы и отхватили полкуска.

— Мм-м-м. Похоже, так оно и есть. А работает он, как я понимаю, где-то в этом корпусе «Акме».

— Комната тысяча триста десять. Или скорее — квартира тысяча триста десять. А ты почему отстала?

Синтия немного замялась. Ей не хотелось сознаваться в своей неловкости, однако привычка — они с мужем всегда и все говорили друг другу прямо — оказалась сильнее.

— Я немного растерялась, когда Хог заговорил с тобой у входа в «Акме», и пропустила ваш лифт.

— Ясненько. Ну что ж, я... Погоди! Что ты такое мелешь? Хог заговорил со мной?

— Ну да.

— Но он же со мной не говорил. Он меня даже не видел. О чем это ты?

— О чем это я? О чем это ты! Буквально за минуту до того, как вы с ним вошли в здание, Хог остановился, обернулся и заговорил с тобой. Вы стояли там и трепались, что несколько сбило меня с толку. А затем вы с ним вошли в вестибюль, чуть ли не под ручку.

Несколько секунд, показавшихся Синтии очень долгими, Рэндалл сидел, молчал и как-то странно смотрел на нее. В конце концов она не выдержала.

— Ну что ты уставился на меня, словно недоумок какой. Что там случилось?

— А теперь, Син, — медленно заговорил Рэндалл, — послушай, как все было. Я вышел из автобуса после Хога и проследовал за ним в вестибюль «Акме». В лифт я зашел по старой методике — дыша ему прямо в затылок, а затем, когда он повернулся к двери кабины, быстро передвинулся и снова встал у него за спиной. Когда Хог вышел, я немного задержался в дверях, то ли выходя, то ли нет и задавая лифтеру дурацкие вопросы. Хог тем временем отошел на приличное расстояние. Когда я свернул за угол коридора,

он как раз исчезал в двери тысяча триста десять. Он ни разу не заговорил со мной, он даже ни разу не видел моего лица — я в этом абсолютно уверен.

Синтия заметно побледнела, но сказала только:

— Валяй дальше.

— Когда туда входишь, там справа длинная такая стеклянная перегородка, а изнутри впритык к ней стоят верстаки, или рабочие столы, или как их еще там. Можешь смотреть через стекло и наблюдать за работой ювелиров — хорошо придумано, отличная реклама. Хог нырнул направо и к тому времени как я пошел по проходу, оказался уже по ту сторону стекла, без пиджака, в рабочем халате и с этой самой увеличительной хреновиной в глазу. Я прошел мимо — он так и не поднял глаза — к столу дежурного и попросил вызвать управляющего. Через какое-то время появился маленький тощий мужик, похожий на воробья, и я спросил, работает ли здесь человек по фамилии Джонатан Хог. Управляющий сказал «да» и спросил, не хочу ли я с ним поговорить. Я ответил, что нет необходимости, я всего лишь следователь страховой компании. Он захотел узнать в чем дело, нет ли каких неприятностей, но я его успокоил, сказал, что Хог просто хочет застраховать свою жизнь, и нам надо знать, как долго он здесь работает. Пять лет, сказал управляющий и добавил, что Хог у них — один из самых надежных и умелых работников. Я сказал, вот и прекрасно, и поинтересовался, потянет ли Хог страховой полис на десять тысяч. Он ответил «конечно» и сообщил, что они всегда рады, когда их работники вкладывают деньги в такое надежное дело, как страховой полис. Так я, собственно, и думал, когда вешал ему всю эту лапшу.

По пути к двери я остановился напротив стола Хога и посмотрел на него через стекло. Через некоторое время он поднял голову, взглянул на меня и вернулся к своей работе. Я уверен, что он меня не узнал — на его лице ничего не отразилось. Клинический случай полной шазо, шизо... как это произносится?

— Шизофрения. Полное расщепление личности. Но послушай, Тедди...

— Да?

— И все-таки ты *говорил* с ним. Я же видела собственными глазами.

— Тише, киска, тише, не кипятись. Ты просто *считаешь*, что видела, а в действительности смотрела на каких-то других мужиков. А как далеко ты стояла?

— Не настолько далеко. Я находилась перед обувным магазином Бичема, после него идет «Chez Louis», а там и вход в «Акме», я увидела его в профиль.

На лице Рэндалла отразилось отчаяние.

— Да не говорил я с ним. Я шел не вместе с ним, а сзади, незаметно.

— Знаете, Эдвард Рэндалл, не надо мне рассказывать сказки. Верно, я потеряла вас с Хогом, но это еще не дает вам права измываться надо мной и выставлять меня дурочкой.

Рэндалл был женат слишком давно и удачно, чтобы не обращать внимания на явные признаки опасности. Он встал, подошел к Синтии и обнял ее за плечи.

— Слушай, маленькая. — Голос его звучал ласково и серьезно. — Я не устраиваю никаких шуток. Что-то у нас здесь перепуталось, но я рассказываю тебе все совершенно прямо, так, как я это помню.

Синтия всмотрелась в глаза Рэндаллу, а затем неожиданно чмокнула его.

— Ну ладно. Мы оба правы, хотя это и невозможно. Пошли.

— «Пошли»? Куда?

— На место преступления. Если не разобраться в этой истории, я, пожалуй, никогда больше не сумею заснуть.

Здание «Акме» оказалось, слава тебе Господи, на том же месте, что и раньше. Равно как и обувной магазин, «Chez Louis» и газетный киоск. Рэндалл встал на место, где утром стояла его жена и согласился, что с такого расстояния ошибиться можно только в мертвецки пьяном виде. Однако он был по-прежнему уверен и в своей версии.

— А ты не опрокинула, случаем, по дороге пару стопарей? — спросил он с надеждой в голосе.

— Ни в коем разе.

— Ну и что же будем теперь делать?

— Не знаю. Да нет, слушай, я придумала! Ведь мы же покончили с Хогом, верно? Ты его выследил, а больше ничего не требовалось.

— Ну да... а что?

— Проводи меня туда, где он работает. Я хочу спросить у его дневной личности, говорил он с тобой, выйдя из автобуса, или нет.

Рэндалл пожал плечами.

— Хорошо, лапа. Делай, как знаешь.

Зайдя в вестибюль, они направились к свободному лифту. Щелкнул стартер, лифтер захлопнул двери и провозгласил свое обычное: «Этажи, пожалуйста».

Шестой, третий и девятый. Рэндалл подождал, пока обслужат других пассажиров, и только потом сказал: «Тринадцатый».

Лифтер недоуменно обернулся.

— Могу отвезти тебя, парень, на двенадцатый и на четырнадцатый, а пополам дели их сам.

— Чего?

— Нету у нас тринадцатого. А если бы был, никто не стал бы снимать там помещение.

— Что-то ты ошибаешься. Я был на тринадцатом сегодня утром.

По взгляду, которым лифтер одарил Рэндалла, было видно, что он с трудом сдерживается.

— Смотрите сами.

Секунда быстрого подъема, затем остановка.

— Двенадцатый.

Дальше кабина пошла медленнее. Число двенадцать уползло из поля зрения, а затем сменилось другим.

— Четырнадцатый. Ну и какой выберете?

— Извините, — несколько неуверенно выговорил Рэндалл. — Какая-то глупая ошибка. Я действительно был здесь утром и думал, что запомнил этаж.

— А может, восемнадцатый, — попытался прийти ему на помощь лифтер. — Восьмерку часто путают с тройкой. А кого вы ищете?

— «Детеридж и компания», это ювелирная фирма.

— Только не в нашем корпусе, — покачал головой лифтер. — Здесь нет никаких ювелиров и никаких Детериджей.

— Вы уверены?

Вместо ответа лифтер опустил кабину на десятый этаж.

— Попробуйте узнать в десять-ноль-один. Там администрация корпуса.

Нет, у них нет съемщиков по фамилии Детеридж. Нет, у них нет ни ювелиров, ни даже торговцев ювелирными изделиями. Возможно, джентльмен перепутал, и ему нужен корпус «Апекс», а не «Акме»? Рэндалл поблагодарил администратора и удалился, порядком ошарашенный.

Все это время Синтия хранила полное молчание. Теперь она заговорила.

— Слушай, Тедди...

— Да? Что тебе?

— Мы можем подняться на самый верх и обследовать все здание, этаж за этажом.

— Чего ради? Будь здесь эта фирма, в конторе здания знали бы об этом.

— А может, они знают, но не говорят. Во всей этой истории есть что-то очень сомнительное. В таком здании можно спрятать целый этаж, замаскировав его дверь под гладкую стену.

— Да нет, глупости. Просто у меня поехала крыша, вот и все. Отвела бы ты меня к психиатру.

— Никакие это не глупости, и головой ты пока не повредился. Чем отсчитывается высота в лифте? Этажи. Замаскируй этаж, чтобы его не было видно, и никто никогда не догадается, что он вообще существует. Возможно, мы вышли на что-то очень крупное.

Синтия и сама не больно-то верила своим доводам, но понимала, что ее мужу необходимо сейчас чем-нибудь заняться.

Рэндалл начал было спорить, но затем сдержался.

— А как же лестницы? Уж с лестницы-то этаж не пропустишь.

— Не знаю, может, и с лестницами устроен какой-нибудь фокус. Вот мы и постараемся это выяснить. Пошли.

Однако никаких фокусов не было и в помине. Между двенадцатым и четырнадцатым этажами они насчита-

ли восемнадцать ступенек — ровно столько же, как и между любыми двумя соседними этажами. Они прошли все здание сверху донизу и прочитали надпись на матовом стекле каждой двери. На это потребовалось довольно много времени — Синтия наотрез отвергла предложенный мужем вариант — разделиться, и каждому осматривать по половине этажа. Она не хотела ни на секунду терять его из виду.

И нигде ни тринадцатого этажа, ни двери с надписью «Детеридж и компания». И никаких ювелирных фирм, хотя бы и с другим названием. Даже простое чтение названий фирм на дверях требовало уйму времени; чтобы зайти под тем или иным предлогом в каждую фирму не хватило бы и суток.

Рэндалл смотрел на дверь с надписью «Прайд, Гринвей, Гамильтон, Стейнболт, Картер и Гринвей, адвокаты».

— За это время, — задумчиво сказал он, — надпись на двери могли и поменять.

— Только уж не на этой, — указала на адвокатскую контору Синтия. — Да и вообще, если это было декорацией, они могли изменить все подчистую, до неузнаваемости.

Однако несмотря на уверенный тон, она смотрела на невинно выглядевшую надпись с растущим сомнением. При всей своей доступности административное здание — место удивительно скрытное. Звукоизолирующие стены, плотные жалюзи и ничего не говорящие названия фирм. В таком месте может произойти, что угодно, в самом буквальном смысле — что угодно. И никто не узнает. И никто не поинтересуется. Никто даже ничего и не заметит. Никаких полицейских, обходящих свой участок; соседи, расстояние до которых — толщина стенки, могли бы с тем же успехом находиться на Луне, даже уборщица не зайдет, если съемщик этого не хочет. Администрация заинтересуется арендатором в одном-единственном случае — если тот не внесет арендную плату в срок. Можете совершать преступления по своему вкусу и набивать шкафы широким ассортиментом трупов.

Синтия зябко поежилась.

— Пошли дальше, Тедди. Надо спешить.

Осмотрев остаток здания быстро, как только могли, они вернулись в вестибюль. Вид человеческих лиц и

солнечный свет несколько успокоили Синтию, хотя они и не нашли загадочную фирму. Остановившись на ступеньке, Рэндалл растерянно огляделся.

— Как ты думаешь, а может, мы и вправду были в другом здании? — спросил он с сомнением в голосе.

— Ни в коем разе. Видишь этот табачный киоск? Я знаю каждое мушиное пятнышко на его витрине.

— Тогда где же решение?

— Решением будет ленч. Пошли.

— О'кей, только я, пожалуй, перейду на жидкую диету.

Синтия кое-как заставила мужа закусить третью дозу виски тарелкой гуляша из говяжьей тушенки. Выпив в довершение две чашки кофе, он оказался трезвым, как стеклышко, и еще более несчастным, чем прежде.

— Син...

— Да, Тедди?

— Так что же это со мной случилось?

— Я думаю, — медленно ответила Синтия, — что мы стали жертвой великолепного, высокопрофессионального гипноза.

— Вот и я так думаю — теперь. Или это, или у меня и вправду крыша поехала. Так что пусть будет гипноз. Хотелось бы только знать — для чего это все?

Синтия рассеянно водила вилкой по тарелке.

— А вот я не уверена, что мне хочется знать. Знаешь, Тедди, что мне хочется сделать?

— Что?

— Отослать мистеру Хогу эти пять сотен с запиской, что мы не можем ему помочь и поэтому возвращаем деньги.

Рэндалл явно был поражен.

— Вернуть деньги? Силы небесные!

По лицу Синтии можно было подумать, что ее поймали на совершенно непристойном предложении, однако она не отступала.

— Знаю, знаю. И все равно мне хотелось бы так сделать. Мы можем заработать на хлеб разводными делами и поисками беглых должников, так что совсем не обязательно связываться с сомнительными историями.

— Ты рассуждаешь так, словно пять сотен — это ерунда, вроде чаевых официанту.

— Нет, я так не рассуждаю. Просто мне кажется, что не стоит рисковать шеей — или здравым рассудком — даже ради такой суммы. Слушай, Тедди, кто-то изо всех сил старается загнать нас в угол. Прежде всего я хочу узнать, зачем ему это.

— Вот и я хочу узнать — зачем. Именно поэтому мне и не хочется бросать это дело. Какого черта, я не привык, чтобы со мной играли такие шутки. Мне это не нравится.

— Что ты скажешь мистеру Хогу?

Рэндалл поворошил рукой волосы, такие, впрочем, взъерошенные, что это не имело особого значения.

— Не знаю. Может, ты с ним поговоришь? Наплети там чего-нибудь.

— *Прекрасная* мысль. Просто *великолепная* мысль. Я скажу, что ты сломал ногу, но к завтрашнему дню обязательно поправишься.

— Не надо так, Синти. Я же знаю, что ты справишься.

— Хорошо. Только ты обещай мне одну вещь.

— Какую вещь?

— Во время этого расследования мы все и всегда делаем вместе.

— Так мы же всегда так.

— Я имею в виду — буквально вместе. Я не хочу терять тебя из виду ни на секунду.

— Послушай, Син, это может оказаться неудобным.

— Обещай.

— Хорошо, хорошо. Обещаю.

— Вот так-то лучше.

Теперь Синтия немного успокоилась и выглядела почти умиротворенной.

— Не вернуться ли нам в контору?

— Ну ее к черту. Пошли лучше в кино, на тройной сеанс.

Фильмы не доставили Рэндаллу удовольствия, а ведь программа состояла из сплошных вестернов, предмета нежной его любви. Но сейчас отважный герой казался таким же бандитом, как и главный злодей, а таинственные всадники в масках не вызывали приступа энтузиазма, а просто пугали. Из головы не шел тринадцатый

этаж здания «Акме», длинная стеклянная перегородка и согнувшиеся над своим трудом мастера, маленький иссохший управляющий «Детериджа и компании». Кой бес — неужели можно загипнотизировать человека так, что он во все поверит и будет вспоминать такие подробности?

Синтия почти не смотрела на экран. Все ее внимание занимали окружавшие их люди. Она поймала себя на том, что осторожно изучает их лица каждый раз, когда в зале зажигается свет. Если даже развлекаясь, эти люди выглядят подобным образом, на что же они похожи в несчастье? В лучшем случае на лицах читалась героическая решимость ни на что не жаловаться, исключений почти не было. Неудовлетворенность, зловещие следы перенесенной физической боли, одиночество, разочарование, тупая озлобленность — всего этого было в достатке, и очень, очень редко мелькали веселые лица. Даже Тедди, одним из главных достоинств которого была неискоренимая жизнерадостность, выглядел крайне кисло и, надо признать, не без причин. Интересно, а какие причины сделали несчастными всех остальных?

Синтия вспомнила картину — она где-то ее видела — называвшуюся «Подземка». Художник изобразил дверь вагона подземки и толпу, вываливающуюся на перрон. Одновременно другая толпа пыталась прорваться внутрь вагона. Было видно, что все они — и входящие и выходящие — очень спешат, но удовольствия от этого не получают. Красота отсутствовала в картине напрочь, было ясно, что единственная цель, двигавшая кистью художника, — едкая критика современного образа жизни.

Синтия почувствовала большое облегчение, когда фильмы окончились и они с Рэндáллом сменили тесноту зала на относительную свободу улицы. Рэндалл остановил такси и дал шоферу свой адрес.

— Тедди...

— Да?

— Ты не обратил внимания, какие лица были у людей, сидевших в кино?

— Да нет, я как-то не смотрел. А что?

— Ни про одного из этих людей не скажешь, что жизнь доставляет ему удовольствие.

— А может, она и не доставляет ему удовольствия.

— Но почему не доставляет? Слушай, ведь мы-то живем весело, правда?

— Это уж точно.

— Мы всегда жили весело. Даже когда у нас не было ни гроша, и мы только пытались организовать свое дело — даже и тогда нам было весело. Мы ложились в постель улыбаясь и вставали счастливыми. У нас с тобой и до сих пор так. В чем тут дело?

Рэндалл улыбнулся, в первый раз после неудачных розысков тринадцатого этажа, и ущипнул жену.

— А дело в том, лапа, что мне весело с тобой.

— Благодарствую. И вам того же самого по тому же месту. Знаешь, когда я была маленькой, у меня появилась странная мысль.

— Чего ты замолчала? Колись.

— У меня самой было счастья — целый вагон. Но вот я стала подрастать и замечать, что у мамы его нет. И у папы тоже. Мои учителя, да и почти все окружающие взрослые — все они не были счастливыми. Вот мне и влезло в голову, что я тоже вырасту и узнаю что-то такое, после чего никогда больше не буду счастливой. Ты же знаешь, как принято говорить с детьми: «Ты еще маленькая и ничего не понимаешь» или «Вот подрастешь, тогда и поймешь». Я задавалась вопросом, что же это за секрет такой они от меня скрывают; иногда я подслушивала за дверью и пыталась это выяснить.

— Прирожденный сыщик.

— Чушь. Но я отлично видела — в чем бы там ни состоял этот секрет, он не дает взрослым счастья, наоборот, он делает их печальными. Вот я и стала молиться, чтобы никогда не узнать этого секрета. — Синтия слегка пожала плечами. — Наверное, я так его и не узнала.

— И я тоже, — хмыкнул Рэндалл. — Я профессиональный Питер Пэн. И это ничуть не хуже, чем иметь здравый смысл.

— А ты не смейся, Тедди. — Маленькая, обтянутая перчаткой рука легла на запястье Рэндалла. — И вот что пугает меня в истории с Хогом: я боюсь, что,

продолжая ею заниматься, мы и вправду узнаем то, что знают взрослые. И навсегда перестанем смеяться.

Рэндалл хотел рассмеяться, но затем повернулся к жене и пристально на нее посмотрел.

— Ты это что, серьезно? — Кончиками пальцев он слегка приподнял ее подбородок. — Тебе все-таки нужно хоть чуть повзрослеть. А обоим нам нужен обед — и хорошая выпивка.

IV

После обеда, едва Синтия начала собираться с мыслями, решая, что же в самом деле сказать мистеру Хогу, как эти нелегкие раздумья прервал входной звонок. Подойдя к двери, она взяла трубку домофона.

— Да?

Буквально через долю секунды она повернулась к мужу и беззвучно, одними губами проговорила:

— Это мистер Хог.

Брови Рэндалла приподнялись. Предостерегающим жестом приложив палец к губам, он с преувеличенной осторожностью на цыпочках двинулся к спальне. Синтия понимающе кивнула.

— Секунду, пожалуйста. Вот так... так, вроде лучше. У нас тут что-то аппарат барахлит. Кто это, повторите, пожалуйста. А... мистер Хог. Заходите, мистер Хог.

Нажав на кнопку электрического замка, она открыла дверь подъезда.

Было видно, что Хог чем-то очень возбужден. Прямо с порога он начал быстро, нервно сыпать словами:

— Хотелось бы надеяться, что вы не сочтете мое вторжение бестактным, но я попал в такую неприятную ситуацию, что просто не мог ждать вашего сообщения.

Сесть Синтия ему не предложила.

— К сожалению, я должна вас разочаровать.

В ее приветливом голосе слышались нотки искреннего сочувствия.

— Мистер Рэндалл еще не вернулся.

— О!

Огорченный Хог выглядел настолько жалким, что на мгновение Синтия и вправду почувствовала к нему

симпатию, однако, вспомнив, через что прошел сегодня ее муж, она снова заледенела.

— А вы не знаете, — продолжал непрошеный гость, — когда он будет дома?

— Трудно сказать. Жена детектива, мистер Хог, быстро отвыкает смотреть на часы и ждать мужа.

— Да, понимаю. Ну что ж, тогда, пожалуй, я не стану больше обременять вас своим присутствием. Но мне *очень* нужно с ним поговорить.

— Я передам ему. А вы хотели сообщить что-нибудь конкретное? Какие-нибудь новые данные?

— Нет. — Было видно, что Хог в нерешительности. — Пожалуй, нет... все это выглядит исключительно глупо!

— Что выглядит глупо, мистер Хог?

— Да как вам сказать... — Хог с надеждой посмотрел ей в глаза. — Миссис Рэндалл, а вот вы верите в одержимость?

— Одержимость?

— Одержимость человеческих душ — дьяволом.

— Знаете, я как-то об этом никогда не задумывалась.

Сейчас Синтия отвечала осторожно, тщательно подбирая слова. Интересно, слышит ли все это Тедди? И как быстро прибежит он на крик?

Путающимися пальцами Хог делал что-то непонятное со своей рубашкой. Вот он расстегнул верхнюю пуговицу, пахнуло чем-то едким, неприятным, затем в руках у него оказалось что-то странное, что-то, висевшее под рубашкой на шнурке.

Только сделав над собой большое усилие, Синтия вгляделась в непонятную вещь и поняла, к величайшему своему облегчению, что это — просто ожерелье из головок чеснока.

— Зачем вы это носите?

— Очень глупо, правда? — обреченно признал Хог. — Никогда бы не поверил, что поддамся таким дурацким суевериям, но сейчас это как-то успокаивает. У меня появилось совершенно жуткое ощущение, что за мной следят...

— Естественно. Ведь мы... то есть мистер Рэндалл следил за вами по вашей же просьбе...

— Я не про это. Человек в зеркале...

Хог не закончил фразу.

— Человек в зеркале?

— Понимаете, когда смотришь в зеркало, отражение всегда смотрит на тебя, но это естественно и ничуть не беспокоит. А тут — нечто совсем иное, неприятное, словно кто-то пытается добраться до меня и только ждет удобного случая. Вы, наверное считаете меня сумасшедшим? — несколько неожиданно закончил он.

Синтия слушала гостя вполуха, ее внимание привлекла рука, сжимавшая чесночное ожерелье. Кончики пальцев Хога были испещрены дугами, петлями и завитками точно так же, как и у любого другого человека, и никакого коллодия на них нет, это уж точно. Неплохо бы получить отпечатки пальцев странного клиента.

— Нет, я не считаю вас сумасшедшим. — Сейчас ее голос звучал успокаивающе, словно при разговоре с капризным ребенком. — Только вы слишком много тревожитесь. Расслабьтесь, успокойтесь. Вы не хотели бы что-нибудь выпить?

— Стакан воды, если это вас не затруднит.

Хоть вода, хоть виски, главное — стакан. Выйдя на кухню, Синтия взяла с полки высокий стакан с гладкой, без каких-либо узоров поверхностью. Аккуратно протерев стакан, она с той же аккуратностью — чтобы не замочить стенки снаружи — налила в него воду, положила лед и отнесла гостю, осторожно держа за донышко.

Однако замыслу ее не суждено было осуществиться. Хог стоял перед зеркалом, судя по всему, поправляя галстук и вообще приводя себя в порядок после возвращения на место чесночного ожерелья. Когда гость повернулся к вошедшей в комнату хозяйке дома, оказалось, что он — намеренно или ненамеренно — уже надел перчатки.

В надежде, что он снова их снимет, Синтия предложила Хогу присесть, но тот вежливо отказался:

— Нет, нет, я и так отнял у вас слишком много времени.

Выпив полстакана воды, он поблагодарил ее, попрощался и удалился.

— Ушел он? — появился в двери Рэндалл.

— Да, ушел, — повернулась Синтия. — Знаешь, Тедди, делал бы ты сам свою грязную работу. У меня от него мурашки по всему телу. Я же чуть не заорала, хотела звать тебя на помощь.

— Спокойнее, мать, спокойнее.

— Все это очень хорошо, но только лучше бы нам никогда его не видеть.

Подойдя к окну, Синтия распахнула его настежь.

— Слишком поздно, мы уже влезли в это дело с головой. — Глаза Рэндалла остановились на стакане. — Слушай, ты что, взяла его отпечатки?

— Ничего не вышло, наверное, он прочитал мои мысли.

— Жаль.

— Ну и что же ты намерен делать дальше.

— Есть у меня одна мысль, но надо еще подумать. А что это он такое наплел про чертей и человека в зеркале, который за ним следит?

— Он говорил совсем не так.

— Наверное, я и есть тот самый человек. Сегодня утром я следил за ним при помощи зеркала.

— Он говорил не буквально, а в переносном смысле. Психует он, дергается.

Синтия резко повернулась, ей почудилось сзади какое-то движение. Однако там все было спокойно, мебель, стена — и больше ничего. Наверное, просто отражение в зеркале.

— Вот и я начинаю дергаться, — добавила она. — А что касается чертей, то какие мне еще черти после него самого. Знаешь, чего бы я хотела?

— Чего?

— Хорошую дозу чего-нибудь покрепче и лечь пораньше.

— Мысль здравая.

Выйдя на кухню, Рэндалл начал смешивать заказанное женой лекарство.

— А бутерброд надо?

Когда Рэндалл пришел в себя, он обнаружил, что стоит, одетый в пижаму, в гостиной перед висящим рядом с входной дверью зеркалом. Его отражение —

нет, какое там отражение, изображение в зеркале было вполне пристойно облачено в несколько консервативного вида костюм, приличествующий серьезному деловому человеку — изображение обратилось к нему.

— Эдвард Рэндалл.

— А?

— Эдвард Рэндалл, вас вызывают. Вот, возьмитесь за мою руку. Пододвиньте стул, тогда пролезть будет совсем легко, сами увидите.

Почему-то такой способ действий показался вполне естественным, более того — единственно возможным. Рэндалл поставил перед собой стул, взял предложенную ему руку и пролез сквозь зеркало. На другой стороне под зеркалом оказалась раковина, с ее помощью Рэндалл легко опустился на пол. Он и его спутник находились в маленькой, выложенной белым кафелем туалетной комнате — такие часто встречаются в конторах.

— Быстрее, — поторопил его спутник. — Все остальные уже собрались.

— Кто вы такой?

— Моя фамилия Фиппс, — слегка поклонился Рэндаллу его компаньон.— Сюда, пожалуйста.

Открыв дверь туалета, он несильно подтолкнул Рэндалла. Зал, в котором они оказались, явно предназначался для заседаний совета некой фирмы. В настоящий момент как раз и происходило одно из таких заседаний — за длинным столом сидело около дюжины людей. Все эти люди смотрели на Рэндалла.

— Але гоп, мистер Рэндалл!

Еще один толчок — на этот раз не такой уж нежный — и он сидит в самом центре полированного стола. Сквозь тонкую ткань пижамы явственно ощущался холодок гладкой, жесткой столешницы.

Не в силах совладать с охватившим его ознобом, Рэндалл покрепче закутался в пижамную куртку.

— Кончайте эти штучки, — сказал он. — Дайте мне слезть отсюда.

Попытавшись встать, он сразу убедился, что не способен даже на такое несложное действие.

Сзади кто-то невидимый коротко хохотнул.

— Не слишком-то он упитан, — сказал кто-то издевательским голосом.

— Для данного дела это неважно, — ответил другой голос.

Рэндалл начал узнавать ситуацию. Без штанов на Мичиганском бульваре — так, кажется, это было в последний раз. А сколько раз он попадал в детство, в школу, и не только в раздетом виде, но еще и с неприготовленными уроками. А для полного комплекта — безнадежно опаздывал к началу занятий. Ну что ж, тогда понятно, что надо делать — закрыть глаза, натянуть на себя одеяло, а потом проснуться в уюте и безопасности собственной постели.

Он закрыл глаза.

— Прятаться бессмысленно, мистер Рэндалл. Все равно мы вас видим, так что напрасная трата времени.

Рэндалл открыл глаза.

— Что вы тут придумали? — спросил он с яростью в голосе. — Где я? Зачем вы меня сюда притащили? Что тут происходит?

Заседание возглавлял сидевший напротив Рэндалла человек весьма внушительной внешности. Его высокий — не меньше ста восьмидесяти сантиметров — рост дополнялся широкими плечами и крепким телосложением. Толстый слой жира обильно облегал этот огромный костяк. Однако кисти рук его были тонкими, изящными и великолепно ухоженными, а черты лица, и так не очень крупные, казались еще миниатюрнее в обрамлении жирных щек и многочисленных складок на шее. Маленькие глазки весело щурились, рот непрестанно складывался в улыбку. Кроме того он обладал забавной привычкой выпячивать плотно сложенные губы.

— Не все сразу, не все сразу, мистер Рэндалл, — весело ответил председательствующий. — На один вопрос могу ответить — это тринадцатый этаж здания «Акме», да вы же помните.

Он слегка хохотнул, словно при понятной им обоим шутке.

— Что здесь происходит? Здесь происходит собрание фирмы «Детеридж и компания», а я ваш, сэр,

покорный слуга, — тут он сумел, оставаясь сидеть и несмотря на огромное свое брюхо, изобразить нечто вроде поклона, — возглавляет совет и носит имя Р.Джефферсон Стоулз.

— Но...

— Пожалуйста, мистер Рэндалл. Сперва я должен представить вам всех присутствующих. Направо от меня мистер Таунсенд.

— Рад познакомиться, мистер Рэндалл.

— Рад познакомиться, — автоматически ответил Рэндалл. — Послушайте, все это заходит слишком...

— Затем мистер Грэвзбай, мистер Уэллс, мистер Йокам, мистер Принтам, мистер Джоунс. С мистером Фиппсом вы уже знакомы, он наш секретарь. Далее сидят мистер Райфснайдер и мистер Снайдер — они не состоят в родстве. Последние — мистер Паркер и мистер Круз. Должен с сожалением сообщить вам, что мистер Потифар не смог сегодня явиться на собрание, однако кворум у нас уже есть.

Рэндалл еще раз попробовал встать, однако крышка стола оказалась прямо-таки невероятно скользкой.

— А мне по́фиг, — с ненавистью сказал он, — кворум у вас тут или бандитская разборка. Отпустите меня.

— Ну, ну, мистер Рэндалл. Неужели вы не хотите получить ответы на свои вопросы?

— Не настолько. Да какого черта, дайте мне...

— Однако на эти вопросы необходимо ответить. Совершенно необходимо. Это — деловое совещание, а обсуждаемой деловой проблемой являетесь именно вы.

— Я?

— Да, вы. Вы представляете собой, как бы это выразиться, не очень значительный раздел повестки дня, однако и по этому разделу нужна полная ясность. Нам не нравится ваша деятельность, мистер Рэндалл. Вы должны ее прекратить.

Прежде чем Рэндалл успел ответить, Стоулз остановил его жестом руки.

— Не нужно никакой поспешности, мистер Рэндалл. Выслушайте меня. Я совсем не имел в виду всю вашу деятельность. Нам совершенно безразлично, сколько блондинок вы подсунете в гостиничные номера для дальнейшего использования в качестве послушных сви-

детельниц на бракоразводных процессах. В равной степени нас не интересует, ко скольким телефонным линиям вы подключитесь и сколько писем вскроете. Нас занимает одна-единственная часть вашей деятельности. Я имею в виду мистера Хога.

Последнее слово прозвучало, как плевок.

Все присутствующие как-то неловко зашевелились, Рэндалл почувствовал это совершенно отчетливо.

— Так что насчет мистера Хога? — спросил он вызывающе.

Шевеление повторилось. Стоулз больше не улыбался и даже не изображал улыбку.

— Давайте, — сказал он, — начиная с этого момента употреблять термин «ваш клиент». Все очень просто, мистер Рэндалл. У нас имеются свои планы в отношении мистера... в отношении вашего клиента. Вы должны прекратить всякие с ним отношения — забыть о нем, никогда с ним не встречаться.

Сейчас взгляд Стоулза стал тяжелым, но Рэндалл не дрогнул и не отвел глаз.

— В жизни своей не динамил клиентов и впредь не собираюсь. Да я скорее в аду вас увижу.

— Готов согласиться,— выпятил губы Стоулз,— что не исключена и такая возможность, однако вряд ли вам или мне хочется рассматривать ее иначе, чем излишне живописную метафору. Попробуем быть разумными. Ведь вы, насколько мне известно, разумный человек, а я и мои собратья — тоже существа разумные. Поэтому я не стану пытаться вас уговорить, подкупить или принудить, я просто расскажу вам некую историю, из которой вы сами все поймете.

— Я не хочу слушать никаких историй. Я ухожу.

— Уходите? Сильно сомневаюсь. И вы будете слушать!

Стоулз ткнул пальцем в сторону Рэндалла. Рэндалл попробовал что-нибудь ответить, однако оказалось, что теперь он не может даже этого.

«Это, — подумал сыщик, — самый дурацкий из моих бесштанных снов. Ведь знал же, что не надо наедаться перед сном.»

— Вначале, — провозгласил Стоулз, — была Птица.

Неожиданно он закрыл лицо ладонями; все остальные присутствующие сделали то же самое.

Птица. Рэндалла посетило неожиданное видение, он увидел, что скрывается за таким простым словом, когда его произносит этот отвратительный толстяк — не мягкий пушистый цыпленок, а хищная птица, мощная и прожорливая... немигающие глаза, тускловато-серые, как снятое молоко, и пристальные... налитые кровью сережки... но особенно отчетливо он увидел лапы, огромные птичьи лапы, костлявые, когтистые, покрытые желтыми чешуйками и какой-то отвратительной грязью. Ужасные и непристойные...

Стоулз убрал ладони от лица.

— Птица была одинока. Ее огромные крылья мерно взбивали бескрайние глубины пространства, где не на чем было остановить взгляд. Но в Ее глубинах была Сила и Сила была Жизнью. Она посмотрела на север, где не было севера, и Она посмотрела на юг, где не было юга, Она посмотрела на восток и запад, вверх и вниз. А затем из ничего и из Своей Воли Она свила гнездо.

Гнездо было широким, глубоким и крепким В это гнездо Она положила сто яиц. Она сидела в гнезде, высиживая яйца и размышляя, десять тысяч лет. Когда время приспело, она покинула гнездо и повесила вокруг него светильники, дабы птенцы могли видеть. Она смотрела, и Она ждала.

Из каждого яйца вылупились по сто Сынов Птицы — общим числом в десять тысяч. Но столь широким и столь глубоким было это гнездо, что места хватило всем и с избытком — каждому по царству и каждый был царь — царь надо всеми существами, которые ползают и плавают, летают и бегают на четырех ногах, над существами, родившимися в щелях и закоулках гнезда, рожденными из тепла и ожидания.

Мудра и жестока была Птица, мудры и жестоки были Сыны Птицы. Два раза по десять тысяч лет они сражались и они царствовали, и Птица была довольна. Затем некоторые из них решили, что они столь же мудры и столь же могущественны, как Сама Птица. Из ткани гнезда они сотворили тварей, подобных самим себе, и дохнули им в ноздри, дабы иметь своих сыновей, которые станут служить им и сражаться за них. Но сыновья Сынов не были мудрыми, не были сильными и

жестокими, а были глупыми, слабыми и мягкотелыми. Птица не была довольна.

Она низринула своих сынов и позволила, чтобы их сковали глупые и мягкотелые... Перестаньте крутиться, мистер Рэндалл! Я знаю, что это слишком огромно для вашего маленького умишка, однако вы уж мне поверьте, что сейчас вам просто необходимо задуматься над вещами, которые длиннее вашего носа и шире вашего рта.

Глупые и слабые не могли сдержать Сынов Птицы, поэтому Птица поместила среди них, в разных местах, других, более сильных, более умных и более жестоких, дабы хитростью своей, жестокостью своей и обманом они не дали Сынам вырваться на свободу. Потом Птица удалилась, довольная, и стала ждать и стала смотреть, как игра играет сама себя.

Эта игра играется. А посему мы не можем позволить вам общаться с вашим клиентом, равно как и способствовать ему каким-либо образом. Теперь вы видите сами, не правда ли?

— А ни хрена, — закричал Рэндалл, почувствовавший вдруг, что снова может говорить, — я не вижу! И к чертовой матери всю вашу гопу! Эта шутка зашла слишком далеко.

— Неразумный, слабый и глупый, — вздохнул Стоулз. — Покажите ему, мистер Фиппс.

Фиппс встал, положил на стол портфель, открыл его, вытащил оттуда какой-то предмет и сунул его Рэндаллу под нос. Предмет оказался зеркалом.

— Посмотрите, пожалуйста, сюда, мистер Рэндалл, — вежливо попросил он.

Рэндалл посмотрел на свое отражение в зеркале.

— О чем вы думаете, мистер Рэндалл?

Отражение потускнело и исчезло, теперь он смотрел в собственную спальню, но со странной точки зрения, словно немного сверху. В спальне было темно, однако он вполне мог различить голову своей жены, лежащую на подушке. Вторая подушка — его собственная — пустовала.

Синтия пошевелилась, повернулась и негромко вздохнула. Приоткрытые губы слегка улыбались, наверное, ей снилось что-то хорошее.

— Видите, мистер Рэндалл? — прервал молчание Стоулз. — Ведь вы не хотите, чтобы с ней что-нибудь случилось, верно?

— Послушай, ты, грязный ублюдок...

— Спокойнее, мистер Рэндалл, спокойнее. Так вот, мы не хотим от вас ничего особенного. Просто не забывайте о своих интересах — и об ее интересах.

Стоулз отвернулся от Рэндалла, словно от чего-то безмерно скучного.

— Удалите его, мистер Фиппс.

— Идемте, мистер Рэндалл.

И снова Рэндалл ощутил унизительный толчок сзади, а затем оказалось, что он летит по воздуху, а все окружающее кувыркается, вертится, рассыпается на мелкие куски...

Совершенно проснувшись, он лежал в своей собственной постели, на спине, покрытый холодным липким потом.

Синтия пошевелилась и села.

— Что с тобой, Тедди, — спросила она сонно. — Ты так страшно кричал.

— Ерунда. Сон какой-нибудь, наверное. Прости, что я тебя разбудил.

— Ничего. Желудок не в порядке?

— Да, есть немного.

— Выпей соды.

— Сейчас.

Рэндалл встал, вышел на кухню, разболтал щепотку соды в воде и выпил. Теперь, полностью проснувшись, он почувствовал неприятное жжение во рту, сода немного помогла.

Когда он вернулся в спальню, Синтия уже спала, он тихо скользнул под одеяло. Не просыпаясь, она прижалась к мужу, согревая его своим теплом.

Вскоре заснул и он.

— Ла-диди-да! Все не беда!

Оборвав песню на полуслове, Рэндалл слегка ослабил заглушавший нормальный разговор душ.

— Доброе утро, красавица!

Появившаяся в дверях ванной Синтия терла рукой один глаз и сонно глядела на мужа другим.

— Всем людям, поющим на голодный желудок, доброе утро.

— А чего мне не петь? Сегодня прекрасный день, я прекрасно выспался. И я сочинил новую, прекрасную душевую песню. Ты только послушай.

— Могу и обойтись.

— Эта песня, — продолжал Рэндалл, нимало не возмутившись, — посвящается Юноше, Который Вознамерился Питаться Червями Из Огорода.

— Какая гадость.

— Никакая это не гадость. Слушай.

Включив душ посильнее, он объяснил:

— Для достижения максимального эффекта необходим аккомпанемент льющейся воды. Куплет первый:

Я червей призову, и они приползут.
Не желаю в грязи я копаться.
Мне пускай создадут и комфорт и уют,
Раз уж должен я дрянью питаться

Он сделал паузу, ожидая, видимо, аплодисментов, а затем объявил:

— Припев.

Ла-диди-да! Все не беда!
Я червяков приглашаю сюда!
Они вкусны весьма с витамином А.
Я люблю червяков, я от них без ума!

Тут он снова помолчал и объявил:

— Второй куплет. Только второй куплет я еще не сочинил. Повторить первый?

— Спасибо, не надо. Лучше вылезай скорей и дай мне возможность помыться.

— Тебе не понравилось, — укоризненно сказал Рэндалл.

— Я этого не говорила.

— Настоящее искусство редко получает признание, — скорбно возгласил он, однако из душа вышел.

К тому времени как Синтия умылась, кофе был уже готов. Рэндалл церемонно вручил ей стакан апельсинового сока.

— Тедди, ты просто душка. И что же ты намерен выцыганить у меня всем этим подлизыванием?

— Тебя самое. Правда — попозже. А ведь я не только очарователен, но и умен.

— Правда?

— Ага. Слушай, я придумал, что делать с общим нашим другом Хогом.

— Хог? О Господи.

— Осторожнее, разольешь.

Забрав у жены стакан, он поставил его на стол.

— Успокойся, киска. Что это с тобой?

— Не знаю, Тедди. Просто у меня ощущение, словно мы вооружились детским пугачом и пытаемся при его помощи победить самого главного шпиона.

— Не надо было мне начинать деловые разговоры до завтрака. Выпей ты кофе, может полегчает.

— Хорошо. А тоста мне не надо. Так что же у тебя там за блестящая идея?

— Все очень просто, — объяснил Рэндалл, хрустя поджаренным хлебом. — Вчера мы старались не попадаться Хогу на глаза, чтобы он часом не вернулся в вечернюю свою личность. Так?

— Вот-вот.

— Ну а сегодня нам этого совсем не потребуется. Мы можем прицепиться к нему, как пиявки, идти за ним по пятам. Если это как-нибудь помешает его дневной личности — ну и что? Ведь мы можем сами показать ему дорогу в «Акме». А там привычка приведет его туда, куда он ходит всегда. Ну как, все верно?

— Не знаю, Тедди. Возможно. Люди, перенесшие амнезию, ведут себя иногда очень странно. Он может просто прийти в смятение, утратить ориентацию.

— Так ты думаешь, не получится?

— Может получится, может и нет. Но пока в твои планы входит быть всюду и все время со мной, я согласна попробовать, хотя лучше бы бросить все это дело.

Рэндалл словно не обратил внимания на поставленное женой условие.

— Вот и отлично. Сейчас я позвоню этому старому сычу и скажу, что мы зайдем за ним, прямо в его квартиру.

Потянувшись через стол, он подвинул к себе телефон и позвонил Хогу.

— Ну точно он с приветом, — сказал он после короткого разговора с клиентом. — Сперва он вообще меня не узнал. Затем вроде как в его голове что-то щелкнуло и дальше все пошло нормально. Ты готова, Син?

— Одну секунду.

Тихонько насвистывая какой-то мотив, он встал и направился в гостиную.

Неожиданно свист прекратился, Рэндалл чуть не бегом вернулся на кухню.

— Син...

— Что там такое, Тедди?

— Пойди, пожалуйста, сюда.

Встревоженная выражением лица мужа, Синтия торопливо встала и прошла в гостиную. Рэндалл указывал на стул, поставленный прямо под висящим рядом со входной дверью зеркалом.

— Как он попал сюда, Син?

— Стул? Да это я поставила его сюда, чтобы поправить зеркало, вечером, когда ложилась спать. Ну и забыла его там, наверное.

— Мм-м-м... ну, наверное, так и было. Странно только, что я не заметил его, когда гасил свет.

— А почему это тебя так встревожило? Ты испугался, что к нам в квартиру ночью кто-то залез?

— Да. Да, конечно, так я и решил.

Однако выражение тревоги не покинуло лица Рэндалла.

Недоуменно поглядев на него, Синтия прошла в спальню. Здесь она взяла свою сумочку, быстро просмотрела ее содержимое, а затем выдвинула маленький потайной ящик комода.

— Если кто-нибудь и вправду залез к нам, он немногим разжился. Посмотри свой бумажник. Все на месте? А твои часы?

— Все в порядке, — ответил Рэндалл через несколько секунд. — Наверное, ты и вправду забыла там стул, а я его не заметил. Так ты готова?

— Сию секунду.

Больше Рэндалл об этом не говорил, размышляя про себя, какая же каша может получиться из нескольких застрявших в подсознании воспоминаний в сочетании с плотным ужином. Наверное, он все-таки заметил этот

стул, когда гасил свет, — отсюда и появление стула в кошмаре. Поставив таким образом все на место, он начал обдумывать грядущую операцию.

V

Хог ждал их.

— Заходите, пожалуйста. Добро пожаловать, мадам, в мое скромное прибежище. Вы не откажетесь присесть? У вас найдется время на чашку чая? Боюсь, — на его лице появилась смущенная улыбка, — что кофе в этом доме нет.

— Времени достаточно, — успокоил гостеприимного хозяина Рэндалл. — Вчера вы вышли из дома в восемь пятьдесят три, а сейчас еще только восемь тридцать пять. Думаю, лучше всего будет выйти в то же самое время.

— Вот и чудесно.

Хог исчез из комнаты, и сразу же вернулся с чайным подносом, каковой и водрузил на стол рядом с Синтией.

— Вы разольете, миссис Рэндалл? Это китайский чай, — добавил он. — Моя собственная смесь.

— С удовольствием.

Сейчас, утром, в этом человеке нет ровным счетом чего зловещего, вынуждена была признать Синтия. Просто маленький, суетливый холостяк, обладатель усталых морщинок около глаз и — прямо-таки великолепной квартиры. На стенах картины, хорошие, хотя понять насколько хорошие — на это у Синтии не хватало знаний. Во всяком случае похожи на оригинальные работы. И картин этих не слишком много, отметила она с одобрением. А то такие вот склонные к искусству холостяки зачастую любят загромождать свои квартиры почище иной старой девы.

Вот уж про квартиру мистера Хога такого на скажешь. Во всем воздушное изящество, словно в вальсах Брамса. Синтии хотелось спросить, где он взял такие драпировки.

Хог с поклоном принял у нее чашку, нежно обхватил ее ладонью и, прежде чем сделать глоток, вдохнул аромат. Затем он повернулся к Рэндаллу.

— Боюсь, сэр, что у нас сегодня ровно ничего не получится.

— Не исключено. Но почему вы так думаете?

— Понимаете ли, я сейчас нахожусь в полной растерянности, что мне делать дальше? Ваш телефонный звонок... Когда вы мне позвонили, я готовил себе чай — ведь у меня нет служанки... правду говоря, по утрам я словно в тумане — ну, вы понимаете, рассеянный, делаю все, что полагается делать, встав с постели, умываюсь и все прочее, а мысли мои где-то в другом месте. Когда вы позвонили, я был немного ошарашен и только через несколько секунд вспомнил, кто вы такой и какие дела у нас друг с другом. Разговор с вами в некотором роде прочистил мне голову, я, если можно так сказать, осознал, кто я такой, однако теперь... — он беспомощно пожал плечами. — Теперь у меня нет ни малейшего представления, что же мне делать дальше.

Рэндалл кивнул.

— Я не упускал и такого варианта. Не могу назвать себя большим психологом, но мне казалось возможным, что переход от вечернего Я к дневному происходит у вас как раз при выходе из квартиры, и любое нарушение привычного порядка может совсем выбить вас из колеи.

— Тогда почему же...

— Сейчас это не имеет значения. Видите ли, мы следили за вами вчера и знаем, куда вы ходите.

— Вы *знаете*? Расскажите мне, сэр! Расскажите, пожалуйста.

— Не так быстро. В самую последнюю минуту мы вас потеряли. Теперь я хочу сделать следующее: мы проводим вас по тому же самому пути, вплоть до того места, где вчера вас потеряли. Я надеюсь, что начиная оттуда вами начнет руководить привычка, а мы будем следовать по пятам.

— Вы сказали «мы». Разве миссис Рэндалл помогает вам в работе?

Рэндалл замялся, запоздало сообразив, что, как ни крути, придется признаться клиенту в неполной своей искренности. Синтия бросилась ему на помощь.

— Обычно мы такого не делаем, мистер Хог, но этот случай совершенно исключительный. Вам ведь вряд ли понравится вторжение в вашу жизнь обычного наемного оперативника, так что Рэндалл решил заняться этим делом лично, привлекая при необходимости на помощь меня.

— О, даже так. Это крайне любезно с вашей стороны.

— Спасибо, но это вовсе не стоит вашей благодарности.

— Нет, что вы, я крайне тронут. Но только... ээ... не знаю, достаточно ли я вам заплатил. Насколько я понимаю, услуги руководителя фирмы должны оплачиваться несколько выше?

Хог смотрел на Синтию; Рэндалл настойчиво подавал жене сигналы «Скажи, да», но та делала вид, что не замечает его лихорадочной безмолвной жестикуляции.

— Суммы, заплаченной вами, мистер Хог, вполне достаточно. Если возникнет необходимость дополнительных расходов, мы сможем обсудить это позднее.

— Да, конечно.

Хог задумчиво подергал себя за нижнюю губу.

— Я в высшей степени признателен вам за такую предусмотрительность, за то, что вы не стали знакомить с моими личными делами никого со стороны. Но я бы хотел... — С неожиданной резкостью он повернулся к Рэндаллу. — Скажите, а как вы поступите, если моя дневная жизнь окажется — ну, скажем, шокирующей?

Было видно, с каким трудом дался ему этот вопрос.

— Все останется строго между нами.

— А предположим, обнаружится не просто скандальное мое поведение, а что-то гораздо худшее. Что-нибудь преступное. Скотское.

Отвечал Рэндалл, тщательно подбирая слова.

— У меня есть лицензия, выданная штатом Иллинойс. Согласно этой лицензии я обязан сознавать себя чем-то вроде внештатного работника полиции — в ограниченном смысле. Конечно же, я не могу и не стану покрывать серьезное преступление. Однако в мои обязанности не входит сдавать своих клиентов властям за всякие мелкие грешки. Уверяю вас, мой клиент должен

совершить очень серьезный проступок, чтобы у меня возникло желание способствовать его аресту.

— Но вы не можете заверить меня, что ни при каких обстоятельствах не сделаете этого?

— Нет.

Хог закрыл глаза и некоторое время молчал. Когда он заговорил, голос его был едва слышен.

— Но вы ведь не узнали ничего такого — пока?

Рэндалл покачал головой.

— Тогда, возможно, разумнее будет бросить все это дело прямо сейчас. Некоторые вещи лучше не знать.

Взволнованность Хога, его беспомощность в сочетании с благоприятным впечатлением, которое производила эта изящная, аккуратная квартира, вызвали у Синтии прилив сочувствия, о котором она и помыслить не могла вчера вечером.

— Ну зачем вы так нервничаете, мистер Хог, — наклонилась она к нему. — Ведь у вас нет никаких оснований думать, что вы делаете что-либо плохое, верно?

— Да, оснований у меня нет. Никаких оснований, кроме неотвязного предчувствия.

— Но почему?

— Миссис Рэндалл, а бывало у вас так, что вы услышите за спиной какие-то звуки и боитесь повернуться? Случалось вам когда-нибудь проснуться посреди ночи и лежать с плотно зажмуренными глазами, чтобы только не узнать, что именно прервало ваш сон? Есть такие разновидности зла, которые проявляют полную свою силу лишь тогда, когда их существование осознано и признано, когда им смотрят в глаза. И вот здесь есть нечто, чему я не в силах посмотреть в глаза, — обреченно добавил он. — Мне показалось, что у меня есть такие силы, но я ошибался.

— Оставьте, — попробовала успокоить его Синтия. — Реальные факты почти всегда оказываются лучше наших страхов.

— Вы уверены в этом? Почему им не быть значительно хуже наших страхов?

— Потому, что так не бывает, они лучше.

Синтия смолкла, осознав вдруг, что расхожее мнение, которое она преподносит с таким апломбом, всего лишь бодренькая утешительная ложь из тех, какими взрослые успокаивают детей. Она вспомнила свою мать, та легла в больницу, опасаясь аппендицита — и друзья и все любящее семейство единодушно считали это обычной мнительностью — и умерла там. От рака.

Нет, факты и вправду бывают значительно хуже самых страшных страхов.

И все равно она не могла согласиться с Хогом.

— Но даже если мы предположим наихудшее. Предположим, что вы действительно занимаетесь чем-то преступным во время своих провалов памяти. Ни один суд этого государства не признает вас ответственным.

Хог бросил на Синтию взгляд, полный ужаса.

— Нет, скорее всего они не признают меня вменяемым. Но знаете, что они тогда сделают? Вы же знаете это, правда? Вы представляете себе, что делают с сумасшедшими преступниками?

— Конечно, знаю, — уверенно ответила Синтия.— С ними обращаются так же, как со всеми прочими пациентами психиатрической клиники, ни о какой дискриминации нет и речи. Я видела это собственными глазами, когда работала в государственной лечебнице.

— Хорошо, вы это видели, но воспринимали все глазами постороннего. А вы можете представить себе, как это выглядит с другой стороны? Вас заворачивали когда-нибудь в мокрые простыни? К вашей кровати ставили охранника? Вас кормили принудительно? Вы знаете, что это такое, когда ключ поворачивается в скважине при каждом вашем движении? Когда хочешь спрятаться от непрестанно наблюдающих глаз — и не можешь?

Хог встал и стал нервно мерить комнату шагами.

— Но и это не самое плохое. Хуже всего соседи по палате. Вы что, думаете, что человек, у которого иногда отказывает память, не способен различить признаки сумасшествия у окружающих? У некоторых из них изо рта непрерывно текут слюни, другие ведут себя настолько по-скотски, что этого не передать словами. И все они говорят, говорят, говорят. Вы можете представить себе как лежите на кровати, прикрученные к ней про-

стыней, а рядом кто-то — да где там «кто-то», что-то непрерывно повторяет: «маленькая птичка взлетела, а потом улетела; маленькая птичка взлетела, а потом улетела; маленькая птичка взлетела, а потом улетела...»

— Мистер Хог!

Рэндалл встал и встряхнул Хога за плечо.

— Мистер Хог, держите себя в руках! Нельзя так себя вести.

Хог растерянно смолк. Он перевел взгляд с Синтии на Рэндалла, потом обратно, и на его лице появилось пристыженное выражение.

— Ничего, мистер Хог, все в порядке, — сухо сказала Синтия. Однако прежнее отвращение вернулось.

— А я бы не сказал, что все в порядке, — возразил Рэндалл. — Думаю, сейчас самый подходящий случай кое в чем разобраться. Последнее время происходит много такого, чего я не понимаю, и мне кажется, мистер Хог, что вы должны прямо и откровенно ответить на несколько вопросов.

— Конечно отвечу, мистер Рэндалл если только сумею. — Хог искренне недоумевал. — Неужели вам кажется, что я чего-то не договариваю?

— Я в этом абсолютно уверен. Во-первых, вы находились в лечебнице для психически невменяемых преступников. Когда это было?

— Что вы, такого не было никогда. Во всяком случае, *я не думаю*, что такое было. Я не помню ничего подобного.

— А чем же можно тогда объяснить истерическую болтовню, которая так и сыпалась из вас последние пять минут? Вы что, придумали все это?

— О нет! Это... Это было... это связано с санаторием Святого Георгия. Это не имеет ни малейшего отношения к... к лечебнице подобного рода.

— Санаторий Святого Георгия, говорите? К этому мы еще вернемся. Мистер Хог, расскажите мне, пожалуйста, что именно произошло вчера?

— Вчера? Днем? Но, мистер Рэндалл, вы же *знаете*, что я не могу рассказать, что происходит со мной днем.

— А вот я думаю — можете. Там творится черт знает что, какое-то непонятное мошенничество, и вы

находитесь в самом центре происходящего. Когда вы остановили меня перед зданием «Акме», *что вы мне тогда сказали*?

— «Акме»? Я ничего не знаю про «Акме». Я что, там был?

— Были, были, нечего строить невинные глазки, и не только были, но еще и сыграли со мной какую-то подлую шутку — накачали наркотиками, или загипнотизировали, или еще что.

Хог растерянно перевел взгляд с горящего возмущением Рэндалла на Синтию. Однако ее лицо оставалось бесстрастным, с этой стороны помощи ожидать не приходилось. В отчаянии он повернулся к Рэндаллу.

— Поверьте, мистер Рэндалл, я просто не помню, о чем вы говорите. Возможно, я заходил в «Акме». Но если я даже и был там и делал что-то в отношении вас, мне это неизвестно.

Слова Хога звучали так серьезно, с такой торжественной искренностью, что Рэндалл заколебался, несмотря на всю свою убежденность. И все же... какого черта, ведь кто-то провел его за нос. Можно попробовать подойти к делу с другой стороны.

— Мистер Хог, если вы и вправду настолько искренни со мной, как это можно заключить из ваших слов, у вас, конечно, не появится никаких возражений против того, что я собираюсь сейчас сделать.

Рэндалл вынул из кармана серебряный портсигар, открыл его и протер зеркально-гладкую поверхность крышки носовым платком.

— Пожалуйста, мистер Хог.

— Что вам нужно?

— Мне нужны отпечатки ваших пальцев.

Ошеломленный Хог несколько раз судорожно сглотнул.

— Зачем вам мои отпечатки? — еле слышно спросил он.

— А в чем, собственно, дело? Если вы не замешаны ни в чем дурном, эта процедура никак не может повредить вам.

— Вы хотите сдать меня в полицию?

— У меня нет к тому никаких оснований. У меня вообще нет на вас никакого материала. Ну так давайте снимем пальчики.

— Нет!

Рэндалл встал, шагнул к Хогу и угрожающе навис над ним.

— А как вам понравится, если я переломаю вам руки? — спросил он, уже не сдерживая охватившую его ярость.

Искоса взглянув на сыщика, Хог испуганно съежился, однако, похоже, остался тверд в своем нежелании дать отпечатки пальцев. Отвернув лицо к стене, он крепко прижал ладони к груди.

Рэндалл почувствовал прикосновение к своей руке.

— Хватит, Тедди. Пошли отсюда.

Хог поднял глаза.

— Да, — сказал он. — Уходите. И никогда не возвращайтесь.

— Пойдем, Тедди.

— Сейчас, потерпи минутку. Я еще не совсем покончил с мистером Хогом.

Хог посмотрел на Рэндалла, было видно, что это потребовало от него большого усилия.

— Мистер Хог, вы уже дважды упоминали санаторий Святого Георгия как свою alma mater. Так вот, я хочу, чтобы вы знали, что я знаю, что такого места не существует в природе.

И снова Хог, если судить по его виду, искренне изумился.

— Но ведь этот санаторий существует, — настаивал он. — Ведь я же пробыл там целых... Во всяком случае, мне сказали, что он так называется, — добавил он уже с сомнением в голосе.

Презрительно фыркнув, Рэндалл повернулся к двери.

— Пошли, Синтия.

В кабине лифта Синтия повернулась к мужу.

— Чего это ты сорвался с цепи?

— А того, — со злостью ответил Рэндалл, — что не люблю такие штучки. Когда мешают противники, это куда ни шло, но когда тебя дурит твой же собственный клиент, это уже не лезет ни в какие ворота. Он вывалил перед нами целую кучу вранья, он мешал нашей

работе, он организовал какую-то подлую махинацию в этой истории с «Акме». Мне не нравится, когда клиенты откалывают такие номера. Я не собираюсь с этим мириться. Деньги нужны мне, но не настолько.

— Ну что ж, — вздохнула Синтия. — Я лично с радостью готова вернуть ему эти деньги. И просто счастлива, что со всем этим покончено.

— Как это — «вернуть ему эти деньги»? Я не намерен возвращать ему никаких денег, я хочу их заработать.

Кабина лифта слегка дернулась, остановившись на первом этаже, но Синтия не прикоснулась к двери.

— Тедди! Что это ты еще придумал?

— Хог поручил мне выяснить, что он делает. Черт побери, вот я и *выясню* это — с его помощью или без оной.

Было видно, что Рэндалл ждет ее реакции, но Синтия молчала.

— А тебе, — добавил он с вызовом, но уже не так уверенно, — совсем не обязательно в этом участвовать.

— **Если ты продолжишь расследование, я тоже не останусь в стороне. Вспомни, что ты мне обещал.**

— А что я обещал? — с невинным видом спросил Рэндалл.

— Ты прекрасно все помнишь.

— Но послушай, Син, я собираюсь просто поокола-чиваться здесь, пока он не выйдет из дома, а потом проследить за ним. На это может уйти целый день. Он может решить и вообще никуда сегодня не ходить.

— Вот и прекрасно. А я буду ждать вместе с тобой.

— Но кому-то ведь надо приглядеть за конторой.

— Вот и пригляди за конторой, — предложила Синтия. — А я буду вести наблюдение за Хогом.

— Но это же просто смешно. Ты...

Кабина лифта поползла вверх.

— Ну вот. Кто-то вызывает лифт.

Он ткнул пальцем в кнопку «Стоп», а затем — в кнопку первого этажа. На этот раз они не стали задерживаться в кабине.

Рядом со входной дверью дома располагалось небольшое помещение — нечто вроде холла или комнаты ожидания, туда Рэндалл и направил Синтию.

— Нам нужно решить этот вопрос... — начал он.

— Он давно решен.

— О'кей, твоя взяла. Теперь выберем какую-нибудь точку.

— А почему не прямо здесь? Мы сядем здесь, и он не сможет выйти, не попав нам на глаза.

— О'кей.

Лифт поехал вверх почти сразу, как они из него вышли. Теперь характерное звяканье возвестило о его возвращении на первый этаж.

— Ну, лапа, принимай низкий старт.

Согласно кивнув, Синтия отодвинулась поглубже в тень. С того места, где стоял Рэндалл, он видел отражение двери лифта в украшавшем холл зеркале.

— Это Хог? — прошептала Синтия.

— Нет, — так же тихо ответил ей муж. — Этот мужик крупнее. Он похож на...

Осекшись, Рэндалл схватил Синтию за руку.

Сквозь открытую дверь холла они увидели фигуру Джонатана Хога. Никуда не поворачиваясь, не заметив наблюдавших за ним сыщиков, он прошел прямо на улицу. Когда входная дверь захлопнулась, рука Рэндалла немного расслабилась.

— Чуть не прошляпил,— признал он с облегчением в голосе.

— А что случилось?

— Не знаю. Паршивое зеркало. Искажение. Ну — ноги в руки.

Выйдя из двери, они увидели, как объект их охоты спустился на тротуар и, как и днем раньше, свернул налево.

Рэндалл остановился в нерешительности.

— Он может увидеть нас, но этим стоит, пожалуй, рискнуть. Я не хочу его потерять.

— А может, поехать за ним в такси? Тогда, если он опять поедет на автобусе, мы окажемся в лучшем положении, не надо будет прыгать вслед за ним.

Даже себе самой Синтия не хотела признаться, что старается держаться подальше от Хога.

— Нет, он может и не сесть в автобус. Пошли.

Преследовать Хога не составило большого труда; он шел по улице в быстром, но не выматывающем темпе.

Подойдя к той же, что и вчера автобусной остановке, он купил газету и сел на скамейку. Рэндалл и Синтия прошли за его спиной и укрылись за входной дверью магазина.

Когда подошел автобус, Хог, как и прежде, поднялся на второй ярус; они тоже сели в этот автобус, но остались внизу.

— Похоже, он едет туда же, что и вчера, — заметил Рэндалл. — Сегодня мы прищучим его, маленькая.

Синтия не ответила.

Когда автобус приблизился к «Акме», они были наготове и напряженно ждали появления Хога, но тот все не спускался. Резко дернувшись, автобус поехал дальше, Синтия и Рэндалл разочарованно сели.

— Как ты думаешь, что это он еще придумал, — беспокойно спросил Рэндалл. — Думаешь, он увидел нас?

— А может, он стряхнул нас с хвоста?

В голосе Синтии звучала плохо скрываемая надежда.

— Как? Спрыгнул с верхушки автобуса? Ну-ну!

— Не совсем, но почти так. Если у светофора рядом с нами встал какой-нибудь другой автобус, Хог легко мог туда перебраться. Один раз какой-то человек проделал это у меня на глазах. А в задней части автобуса это можно сделать почти незаметно.

Рэндалл на секунду задумался.

— Я почти уверен, что ни один автобус не останавливался рядом с нашим. Но все равно Хог мог перебраться на крышу какого-нибудь грузовика, хотя одному богу известно, как он потом слезет.

После этого разговора сыщик утратил последние остатки спокойствия.

— А знаешь, я подойду к лестнице и попробую заглянуть наверх.

— И встретишься с ним нос к носу? Ты прямо как ребенок.

Несколько кварталов неохотно уступивший Рэндалл просидел молча.

— А вот и наш угол, — заметил он.

Синтия кивнула; она не хуже мужа видела, что автобус подъезжает к их конторе, точнее — к ближайшей от нее остановке. Пришлось вынимать косметичку и пудрить нос — в восьмой раз за одну эту

поездку. Маленькое зеркальце вполне сносно играло роль перископа для наблюдения за выходящими через заднюю дверь пассажирами.

— Вот он, Тедди!

Рэндалл мгновенно вскочил на ноги и бросился по проходу, размахивая при этом руками, чтобы привлечь внимание кондуктора. Вид у кондуктора был недовольный, однако он просигналил водителю задержаться.

— Чего не следишь за остановками? — пробурчал он.

— Прости, друг, я не здешний. Пошли, Син.

Человек, которого они преследовали, как раз входил в дверь того самого здания, где располагалась их контора. Рэндалл остановился.

— Странно мне все это, лапа.

— Ну и что будем делать?

— Пойдем за ним.

До здания они добрались почти бегом, но в вестибюле Хога уже не было. Мидуэй-Колтон — здание не очень большое и не из роскошных — иначе арендная плата была бы им не по карману. В нем всего два лифта, один из которых, пустой, стоял внизу, а второй, судя по указателю, только что тронулся вверх.

Рэндалл подошел к открытой кабине, но входить туда не стал.

— Джимми, — сказал он. — Сколько пассажиров сейчас в том лифте?

— Двое, — не задумываясь ответил лифтер.

— Точно?

— Да. Я трепался с Бертом до самого момента, когда он закрыл двери. Мистер Гаррисон и какой-то еще тип. А что?

Рэндалл сунул ему четвертак.

— Да так, — неопределенно ответил он, не сводя глаз с медленно поворачивающейся стрелки указателя. А на какой этаж поехал мистер Гаррисон?

— Седьмой.

Стрелка как раз остановилась на семерке.

— Отлично.

Стрелка двинулась снова, миновала восьмерку, девятку и остановилась на числе десять.

Рэндалл впихнул Синтию в кабину.

— Наш этаж, Джимми, — чуть не выкрикнул он. — И побыстрее.

На пульте рядом с четверкой настойчиво мигала сигнальная лампочка «вверх». Джимми потянулся было к кнопкам, но Рэндалл схватил его за руку.

— Ничего с ними не случится, подождут немного.

Лифтер пожал плечами, но возражать не стал.

Коридор десятого этажа оказался пустым. Мгновенно оценив обстановку, Рэндалл повернул к Синтии.

— Пробегись быстренько по другому крылу, Син, — сказал он и быстро двинулся направо, к их конторе.

Синтия, вообще-то говоря, от своей прогулки не ожидала никаких результатов. Она находилась в полной уверенности, что Хог приехал сюда из-за их конторы. Однако привычка во время операций беспрекословно выполнять указания мужа взяла свое; если Тедди хочет проверить и второй коридор, она, конечно же, так и сделает. В плане этаж представлял собой нечто вроде заглавного «Н», причем лифты располагались в перекладине буквы. Синтия свернула налево. Никого. Развернувшись, она посмотрела в противоположную сторону — опять пустой номер. И тут у нее возникла мысль, что Хог мог выйти на пожарную лестницу — вероятность слабая, но и исключать ее тоже нельзя. В действительности пожарная лестница находилась в том направлении, куда она смотрела сначала, в задней части здания, но Синтию обманула привычка — в том крыле, где располагалась их контора, все, конечно же, было зеркально вывернуто по сравнению с этим крылом.

Сделав три или четыре шага по коридору, выходящему на улицу, она осознала свою ошибку — впереди виднелось открытое окно, за которым не было никакой пожарной лестницы. Негромко выругав себя за свою глупость, Синтия повернулась.

И увидела в нескольких шагах от себя Хога.

И тогда эта профессионалка крайне непрофессионально взвизгнула.

— А, миссис Рэндалл, — зловеще улыбнулся Хог.

Синтия ничего не ответила, она просто не могла придумать — что тут можно сказать. В ее сумочке лежал пистолет тридцать второго калибра; появилось страшное желание выхватить его и начать стрелять. Когда-то она работала «приманкой» в полицейской наркобригаде и получила две благодарности за хладнокровную отвагу в опасных ситуациях; сейчас она не замечала у себя ни хладнокровия, ни отваги.

Хог сделал шаг в ее сторону.

— Вы ведь хотели найти меня здесь, не правда ли?

Синтия отступила на шаг.

— Нет! — еле слышно выдохнула она. — Нет!

— Но ведь я знаю, что хотели. Вы думали, что я в вашей конторе, однако я предпочел встретиться не с вашим мужем, а с вами. Здесь.

Сейчас коридор был глухим и безлюдным, не слышались даже обычные в таких местах перестуки пишущих машинок и обрывки разговоров. Словно огромные бельма слепо таращились матовые стеклянные двери. Едва долетавший сюда, на десятый этаж, уличный шум был сейчас единственным звуком — если не считать немногих слов, которыми обменялись Хог и Синтия.

Хог подошел ближе.

— Вы ведь хотели снять у меня отпечатки пальцев, верно? Вы хотели проверить их и узнать про меня всякие вещи. Вы и ваш всюду лезущий со своим длинным носом муженек.

— Отойдите от меня.

Хог продолжал улыбаться.

— Ну что вы. Вы ведь хотели получить отпечатки моих пальцев? Ну так вы их получите.

Вытянув вперед руки с широко растопыренными пальцами, он потянулся к Синтии. В ужасе она отпрянула от этих страшных, готовых вцепиться в нее рук. И сейчас Хог не казался маленьким, он стал выше, шире — даже крупнее, чем Тедди. Его глаза смотрели на нее сверху вниз.

Каблук пятившейся Синтии во что-то уперся, она поняла, что дошла да самого конца коридора — до тупика.

Руки приближались.

— Тедди! — закричала она. — Тедди!

Склонившийся над ней Тедди шлепал ее по щекам.

— Прекрати, — возмущенно сказала Синтия. — Больно ведь.

Рэндалл вздохнул с облегчением.

— Ну, маленькая, уж я тут перепсиховал. Ты ж была в отключке, не знаю сколько времени.

Только сейчас вспомнив все происшедшее, Синтия в ужасе застонала.

— И ты знаешь, где я тебя подобрал? Здесь! — Он указал на место прямо под раскрытым окном. — Упади ты не так удачно, тебя бы сейчас соскребали с асфальта. А что случилось? Захотела посмотреть вниз, и головка закружилась?

— Ты поймал его?

— Вот это понимаю — профессионал, — с восхищением посмотрел на жену Рэндалл. — Нет, хотя почти поймал. Я увидел его в противоположном конце коридора и немного помедлил, хотелось посмотреть, что это он задумал. Если бы ты не закричала, я бы его точно...

— Если бы я не закричала?

— Ну да. Он остановился перед дверью нашей конторы, дверь хотел вскрыть, наверное, а тут вдруг...

— Кто остановился?

— Как кто? — недоуменно посмотрел на жену Рэндалл. — Да Хог же, конечно... *Синти*! Встряхнись! Никак ты собираешься снова шлепаться в обморок?

Синтия собрала в легкие воздух и медленно выдохнула.

— Со мной все в порядке, — мрачно сказала она. — Сейчас. Когда ты рядом. Доведи меня до конторы.

— Может, отнести тебя?

— Нет, только дай руку.

Осторожно подняв жену на ноги, Рэндалл начал отряхивать ее платье.

— Брось, не до того, — отмахнулась от него Синтия. Однако сама она задержалась, чтобы попытаться —

безо всякого успеха — послюнявленным пальцем остановить длинную «стрелку» на чулке.

Открыв дверь конторы, Рэндалл осторожно усадил Синтию в кресло и протер ей лицо мокрым полотенцем.

— Ну как, лучше?

— Да я вообще в порядке — физически. Нужно только кое-что выяснить. Так значит, Хог пытался забраться в нашу контору?

— Ага. Вовремя мы врезали этот хитрый замок.

— И как раз в это время я закричала?

— Ну да.

Синтия задумчиво побарабанила пальцами по ручке кресла.

— В чем дело, Син?

— Ни в чем. Все нормально, кроме одного обстоятельства: я закричала потому, что Хог пытался меня задушить.

Рэндаллу потребовалось довольно много времени, чтобы хоть что-нибудь сказать, да и после раздумий его вопрос не блистал глубокомыслием.

— А?

— Да, милый, я понимаю. Вот так оно все и есть, хотя это — сумасшедший дом какой-то. Хог опять сыграл с нами эту шутку — не знаю уж, как ему такое удается. Только я могу поклясться на чем угодно, что он пытался меня задушить. Точнее, что я так думала.

Синтия подробно изложила мужу все случившееся.

— Ну и что же теперь получается? — закончила она свой рассказ.

— Хотел бы я знать, — ответил Рэндалл. — Очень хотел бы. Если бы не вчерашняя история в «Акме», я бы сказал, что у тебя закружилась голова, ты упала в обморок и очнулась немного не в себе. Но теперь я и не знаю, кто из нас свихнулся. Ведь я был абсолютно уверен, что вижу его.

— А может, у нас обоих крыша поехала? Стоило бы нам вместе показаться хорошему психиатру.

— У обоих? А может все-таки у одного кого-нибудь? Разве бывает, чтобы два человека свихнулись одним и тем же образом?

— Бывает. Это случается, хотя и редко. Folie a deux.

— Фоли аду?

— Инфекционное сумасшествие. Это когда слабости двоих людей совпадают и они усиливают сумасшествие друг друга.

Синтия вспомнила истории болезни, которые когда-то изучала; обычно один из членов такой психованной парочки играл доминирующую роль, а другой — подчиненную, но сейчас не хотелось упоминать об этом. Она имела собственное мнение о том, кто доминирует в их семье, однако из соображений стратегических держала это мнение при себе.

— А может, — сказал Рэндалл после долгого молчания, — нам просто нужно хорошенько отдохнуть. Съездить на Мексиканский залив, поваляться на солнышке.

— А вот *это*, — охотно поддержала его Синтия, — мысль отличная, вне зависимости от чего бы то ни было. Я никогда не понимала, откуда берутся охотники жить в таком мерзком, грязном, уродливом месте, как Чикаго.

— Сколько у нас денег?

— После оплаты всех счетов и налогов останется сотен восемь. Ну и пять сотен Хога, если ты хочешь считать и их тоже.

— Думаю, мы их заработали, — мрачно сказал Рэндалл. — *Послушай*! А у нас и вправду есть такие деньги? А вдруг это тоже было надувательством?

— Ты хочешь сказать, никакого мистера Хога никогда и не было, а сейчас придет сестричка и принесет нам вкусный обед?

— Мм-м-м... ну, что-то в этом роде. Так есть у тебя эти деньги?

— Я *думаю*, что есть. Подожди секунду.

Открыв сперва сумочку, а затем — закрытое на молнию отделение этой сумочки, Синтия проверила наличность.

— Здесь они, как миленькие. Красивые такие зеленькие бумажки. Поехали в отпуск, Тедди. Да и вообще, чего мы сидим в этом Чикаго?

— А того, что здесь для нас есть работа. Кушать-то надо или нет? Кстати, спсихел я или нет, но стоит узнать, кто за это время звонил.

Рэндалл потянулся было к телефону, но тут его взгляд упал на пишущую машинку. На секунду он замер и смолк.

— Подойди сюда, — сказал он наконец каким-то чужим, напряженным голосом. — Погляди.

Синтия вскочила на ноги, подошла к мужу и заглянула через его плечо. В пишущую машинку был вставлен их собственный фирменный бланк, на котором чернела одна-единственная строчка:

ЛЮБОПЫТНОМУ НОС ПРИЩЕМИЛИ

Синтия почувствовала болезненный спазм где-то в нижней части желудка. Она стояла и молчала.

— Син, это ты напечатала?

— Нет.

— Ты уверена?

— Да.

Синтия потянулась, чтобы вытащить лист из машинки, но Рэндалл остановил ее руку.

— Не трогай. Отпечатки.

— Ладно. Но только есть у меня предчувствие, — добавила она, — что на этом ты не найдешь вообще никаких отпечатков.

— Может, и нет.

И все-таки Рэндалл сделал попытку. Вынув из нижнего ящика стола свою технику, он опылил бумагу и машинку — одинаково безрезультатно. Не было даже отпечатков пальцев Синтии, которые могли бы запутать дело; отличаясь образцовой аккуратностью, она ежедневно протирала машинку перед уходом домой.

— Сдается, ты видел, как он *выходит* из конторы, а не входил в нее, — заметила Синтия, наблюдая за бесплодными стараниями мужа.

— Чего? Как это?

— Вскрыл, наверное, замок.

— Только не этот. Ты забываешь, что этот замок — одно из высших достижений мистера Йейла. Сломать его, очень постаравшись, можно, но вскрыть — никогда.

Синтия не ответила, она просто не знала, что и ответить. Рэндалл посмотрел на машинку с таким выра-

жением, словно хотел спросить у нее, что же произошло в этой комнате, затем выпрямился, собрал свое хозяйство и засунул его в ящик.

— Что-то есть мерзкое во всей этой истории, — сказал он, начиная нервно расхаживать по слишком тесной для такого занятия комнате.

Синтия вынула из своего стола тряпочку, стерла порошок с машинки, села и стала молча смотреть на взволнованного мужа. Беспокойство, отражавшееся на ее лице, не было беспокойством за себя, однако назвать его полностью материнским тоже было нельзя. Она беспокоилась за них обоих, за всю семью.

— Син, — резко остановился Рэндалл. — Этому нужно положить конец.

— Вот и прекрасно, — согласилась Синтия. — Давай положим этому конец.

— Каким образом?

— Уедем в отпуск.

Рэндалл покачал головой.

— Я не могу сбежать от этой истории. Я должен знать.

— А вот я бы предпочла ничего не знать, — вздохнула Синтия. — Мы встретились с чем-то слишком огромным, бороться нам просто не под силу — так что же постыдного будет в бегстве?

— Что это с тобой, Син? — недоуменно посмотрел на нее Рэндалл. — Раньше ты никогда не трусила.

— Да, — медленно сказала она. — Я никогда не трусила. Но у меня никогда и причин к тому не было. Погляди на меня, Тедди, — ведь ты знаешь, что я не из «женственных» женщин. Мне совсем не надо, чтобы ты ввязывался в драку, когда в ресторане ко мне начинает приставать какой-нибудь балбес. Я не начинаю визжать при виде крови и не требую, чтобы ты исключил из своего лексикона выражения, недостойные моих нежных девичьих ушек. А что касается работы — разве я тебя хоть раз подводила? Я имею в виду из-за трусости. Подводила?

— Кой черт, конечно, нет. А я этого и не говорю.

— Но здесь — совсем другое дело. Несколько минут назад — ведь у меня в сумочке лежал пистолет,

но я не могла его использовать. Бессмысленно спрашивать — почему. Просто — *не могла.*

Рэндалл выругался, длинно и цветисто.

— Жаль, я его тогда не видел. Уж за мной бы не заржавело.

— Ты уверен?

Увидев, как изменилось выражение лица мужа, она подошла и чмокнула его в кончик носа.

— Я совсем не хочу сказать, что ты бы испугался, ты же понимаешь, что я имела в виду совсем другое. Ты смелый, ты сильный, и я лично считаю тебя умным. Но ты подумай — вчера он обвел тебя вокруг пальца и заставил поверить, что ты видишь вещи, которых не было и в помине. Ну так почему же ты не взялся за свой пистолет?

— У меня не было ни случая, ни причины.

— Вот именно. Ты видел то, что должен был видеть — согласно чьему-то решению. Как можно драться, если нельзя верить даже своим собственным глазам?

— Какого черта, не может же этот проклятый коротышка...

— *Не может*, говоришь? А вот я тебе скажу, что он может.

Синтия начала загибать пальцы.

— Он может быть в двух местах одновременно. Он может заставить тебя видеть одно, а меня в то же самое время — другое. Помнишь, перед «Акме»? Он может заставить тебя считать, что ты посетил фирму, которая не существует, на этаже, которого отродясь не бывало. Он может пройти сквозь запертую дверь, чтобы воспользоваться пишущей машинкой. И он не оставляет отпечатков пальцев. Ну и что же получается, если сложить все это вместе?

— Чушь какая-то получается, — раздраженно махнул рукой Рэндалл. — Или колдовство. А в колдовство я не верю.

— И я тоже.

— Ну а тогда получается, — засмеялся Рэндалл, — что мы оба с приветом.

Однако смех его трудно было назвать веселым.

— Возможно, и так. Если это колдовство, нам стоило бы сходить к священнику.

— Я же сказал, что не верю в колдовство.

— Слышала. Ну а если второй вариант, нам нет никакого смысла пытаться следить за мистером Хогом. Ведь не может человек в белой горячке пытаться переловить своих зеленых чертей и сдать их в зоопарк. Ему лучше обратиться к доктору — как, возможно, и нам.

— Слушай! — неожиданно насторожился Рэндалл.

— Что слушать?

— Ты сейчас напомнила мне о совсем упущенном нами моменте. Врач Хога, ведь мы так и не проверили *его*.

— Но ты же сам и проверил, забыл, что ли? Никакого такого врача не существует.

— Я не про доктора Рено, а про доктора Потбери, того, к которому Хог носил свою грязь из-под ногтей.

— А ты что, веришь, что так оно и было? Я считала это частью той кучи вранья, которую он нам наплел.

— Я тоже. Но проверить все-таки не мешает.

— Зуб даю, нет такого доктора.

— Скорее всего так оно и есть, но нам нужно знать. Дай-ка телефонную книгу.

Получив у Синтии справочник, Рэндалл начал его перелистывать.

— Потбери... Потбери. Здесь их целых полстолбца. Но среди них ни одного Д.М.*, — подытожил он безуспешные поиски. — Посмотрим желтые страницы, иногда врачи не помещают в справочниках своего домашнего адреса.

Синтия передала ему другой том телефонной книги.

— «Врачи и хирурги». Господи, да сколько же их тут! Врачей больше, чем забегаловок — можно подумать, что половина города только и делает, что лечится. Ну вот, пожалуйста. «Потбери, П.Т.**, Д.М.»

— Да, возможно это тот самый, — согласилась Синтия.

— А чего же мы ждем? Поедем и узнаем.

— Тедди!

— Ну что тут такого? — оправдывающимся голосом спросил Рэндалл. — Ведь Потбери — это не Хог и...

— Не знаю, не знаю.

---

* Д.М. — доктор медицины.

** П.Т. — а вот это — просто инициалы.

— Чего? Что ты хочешь сказать? Ты думаешь, что Потбери может быть тоже замешан во всей этой дикой афере?

— Я не знаю. Просто мне хотелось бы совсем позабыть про нашего милого мистера Хога.

— Слушай, киска, да чего же тут такого страшного? Сяду я в машину, быстренько поеду, задам глубокоуважаемому доктору пару вполне пристойных, уместных вопросов и вернусь как раз к ленчу.

— Машину мы отдали в ремонт, на протирку клапанов, ты что, забыл?

— Ну и что, поеду надземкой, так даже быстрее.

— Если ты так настаиваешь, поедем вместе. Теперь, Тедди, мы все время будем вместе.

Рэндалл задумчиво подергал себя за губу.

— Может, ты и права. Мы же не знаем, где сейчас Хог. Если ты предпочитаешь...

— Предпочитаю. Совсем недавно мы с тобой разошлись на какие-то три минуты — и посмотри, что из этого вышло.

— Да, пожалуй. И уж, конечно, очень не хочется, чтобы с тобой что-то случилось.

— Я не про себя, а про *нас*, — возразила Синтия. — Если с нами что-нибудь случится, я бы предпочла, чтобы с обоими случилось одно и то же.

— Хорошо, — с неожиданной серьезностью согласился Рэндалл. — С этого момента мы держимся вместе. Если хочешь, сцепимся наручниками.

— Незачем, я и так от тебя не отстану.

VI

Кабинет Потбери располагался на юге города, за университетом. Миля за милей рельсы надземки тянулись среди давно знакомых им жилых кварталов. Обычно подобные пейзажи воспринимаются механически, почти не отражаясь в мозгу, но сегодня Синтия глядела на них и видела, причем видела окрашенными в тона своего мрачного настроения.

Четырех, пятиэтажные дома без лифтов, отвернувшиеся своими фасадами от линии надземки, в каждом здании — не меньше десяти семей, а чаще — два де-

сятка, даже больше. Дома эти теснятся почти вплотную друг к другу, деревянные крылечки черных лестниц ясно говорят, какими ловушками станут эти перенаселенные крольчатники в случае пожара. Стираное белье, вывешенное сохнуть на эти самые крылечки. Мусорные баки. Миля за милей уродливого, унизительного убожества.

И на всем — черная пленка грязи, вечной и неизбежной — в точности такой же, как и грязь на раме вагонного окна, сквозь которое смотрит Синтия.

Она начала думать об отпуске, о чистом воздухе и ярком солнечном свете. Зачем оставаться в Чикаго? Чем этот город может оправдать свое существование? Один приличный бульвар, один приличный пригород на севере, но жить в нем по карману только богатым, два университета и озеро. А все остальное — бесконечные мили грязных, наводящих тоску улиц. Этот город — словно огромный загон для скота.

Теперь дома сменились вагонным парком надземки, поезд свернул налево и полетел на восток. Еще несколько минут поездки и они сошли на остановке Стоуни Айленд; Синтия с большим облегчением вышла из поезда, избавилась от слишком уж откровенных, повергающих в уныние картин изнанки повседневной жизни — даже шум и грошовое торгашество Шестьдесят Третьей стрит, по которой шли теперь они с Рэндаллом, казались предпочтительнее.

Окна кабинета Потбери выходили на улицу, давая великолепный вид на эстакаду надземки. В таком месте терапевт может не сомневаться, что пациентов у него будет достаточно, в равной степени ему не приходится сомневаться, что ни богатых людей, ни знаменитых среди них не окажется. Маленькая, душная комната ожидания была переполнена, но очередь двигалась быстро, так что ждать Рэндаллу и Синтии пришлось недолго.

— Кто из вас пациент? — спросил Потбери, окинув их взглядом. Выглядел врач довольно раздраженным.

Они собирались подойти к вопросу о Хоге исподволь, использовав в качестве предлога для визита недавний обморок Синтии. Следующая фраза, произне-

сенная Потбери, совершенно поломала такую схему — с точки зрения Синтии.

— Кто бы ни был пациентом, второй может подождать снаружи. Я не люблю устраивать здесь митинги и демонстрации.

— Моя жена... — начал Рэндалл. Синтия крепко сжала его руку.

— Моя жена и я, — без малейшей запинки перестроился он, — хотели задать вам, доктор, пару вопросов.

— Ну и? Говорите.

— У вас был один пациент — некий мистер Хог.

Торопливо встав, Потбери подошел к выходящей в комнату ожидания двери, убедился, что она плотно закрыта и повернулся спиной к этому единственному выходу из кабинета.

— Ну так что же насчет Хога? — зловеще спросил он.

Рэндалл вынул свои документы.

— Вы можете сами убедиться, что я имею вполне законное право проводить расследование. У моей жены тоже есть лицензия.

— Какое отношение имеете вы к... к упомянутому вами человеку?

— Он поручил нам провести некое расследование. Ваша профессия чем-то близка к моей, и, как врач, вы понимаете, что я предпочитаю откровенность...

— Вы *работаете* на него?

— И да и нет. Если конкретнее, мы пытаемся узнать некоторые факты, касающиеся его жизни, но ему это известно, мы не делаем ничего за его спиной. Можете, если хотите, позвонить и убедиться в этом лично.

Рэндалл сделал такое предложение скорее вынужденно, но надеялся, что Потбери им не воспользуется.

Именно так Потбери и поступил, однако его поведение не внушало особых надежд.

— Разговаривать *с ним*? Только под страхом смертной казни. Что вы хотите про него узнать?

— Несколько дней назад, — осторожно начал Рэндалл, — Хог принес вам на анализ некое вещество. Я хочу узнать, что это было за вещество.

Потбери негодующе фыркнул.

— Всего несколько минут назад вы сами напомнили мне о родстве наших профессий. Удивляюсь, что вам в голову могло прийти задать подобный вопрос.

— Я понимаю вашу точку зрения, я знаю, что врачебные сведения о пациенте являются конфиденциальными. Однако в данном конкретном случае имеется...

— Вам лучше этого не знать.

Рэндалл на секунду задумался.

— Знаете, доктор, я достаточно насмотрелся на изнанку жизни, так что вряд ли что-нибудь может меня шокировать. Может быть, вас стесняет присутствие миссис Рэндалл?

Потбери с интересом осмотрел его, а затем перевел взгляд на Синтию.

— Вы выглядите довольно приличными людьми, — снизошел он в конце концов. — Вероятно, вы и вправду считаете, что шокировать вас почти невозможно. Но позвольте дать вам хороший совет. Как я понимаю, вы тем или иным образом связаны с этим человеком. Так вот, *держитесь от него подальше.* Не имейте с ним никаких дел. И не спрашивайте меня, что было под его ногтями.

Синтия с трудом сдержала возглас удивления. Она не участвовала в беседе, однако следила за ней очень внимательно. И Тедди ни словом не упомянул прежде о ногтях.

— Но скажите мне, почему? — настаивал Рэндалл.

Потбери начинал подавать признаки раздражения.

— Вы довольно глупый юноша, сэр. Позвольте мне сказать вам следующее: если вы знаете об этой личности не больше, чем можно судить по вашему поведению, то не имеете и малого представления о бездонности скотства, возможного в этом мире. И это — ваше счастье. Лучше, несравненно лучше, не знать этого.

Рэндалл помедлил, он понимал, что спор поворачивается не в его пользу. Затем он сделал новую попытку

— Хорошо, доктор. Предположим, что вы правы. Но почему же тогда, зная, что он такой, вы не сообщили в полицию?

— А откуда вы знаете, что не сообщил? Но я отвечу вам на ваш вопрос, сэр. Нет, я не сообщил о нем в полицию и поступил так по очень простой причине — от этого не было бы никакого проку. Наши блюстители порядка не обладают ни умом, ни фантазией, необходимыми, чтобы хотя бы представить себе саму возможность связанного с Хогом зла. В наши дни, в наш век он просто неуязвим для правосудия.

— Простите, я не понял, что вы имели в виду, говоря «в наши дни, в наш век».

— Ничего, не обращайте внимания. И вообще, с обсуждением этого вопроса покончено. В начале вы сказали что-то про свою жену, так она что, хотела со мной проконсультироваться?

— Ерунда, — торопливо вмешалась Синтия. — Ровно ничего серьезного.

— Просто предлог? — почти дружелюбно улыбнулся Потбери. — Так что там у вас было?

— Пустяки. Утром со мной случился обморок, но сейчас все в порядке.

— Хм-м-м. Вы ведь не в положении, верно? По глазам не похоже. Вид у вас вполне здоровый, ну может — чуть анемичный. Думаю, вам не повредило бы побольше солнца и воздуха.

Подойдя к дальней стене кабинета, Потбери открыл белый шкафчик и начал перебирать пузырьки. Через минуту он вернулся с небольшим стаканчиком, наполненным янтарно-коричневой жидкостью.

— Выпейте это.

— А что это такое?

— Тонизирующее. В его составе как раз достаточно «того, от чего поп заплясал», чтобы вам понравилось.

Синтия нерешительно посмотрела на мужа.

— Не хочется пить в одиночку? — весело поинтересовался Потбери, перехватив этот взгляд. — Ну что ж, нам это тоже не повредит.

Он опять отошел к шкафчику и вернулся с двумя новыми порциями коричневатой жидкости, одну из которых вручил Рэндаллу.

— Ну, давайте за то, чтобы забыть обо всех неприятностях, — сказал он, поднял свой стаканчик и опрокинул его в рот.

Рэндалл тоже выпил, а затем его примеру последовала и Синтия. Вполне приличная отрава, подумала она. Малость горьковатая, но вкус виски — а это именно виски, решила она, а не какой-то там медицинский спирт, — покрывал все остальные привкусы. Возможно, бутылка такого тонизирующего и не принесет реальной пользы, но зато почувствуешь ты себя значительно веселее.

Потбери проводил их к двери.

— Если ваш обморок повторится, миссис Рэндалл, приходите сразу ко мне, и я вас тщательно обследую. А пока — не беспокойтесь попусту о таких делах, в которых вы бессильны.

На обратном пути Синтия и Рэндалл сели в последний вагон и достаточно далеко от других пассажиров, чтобы говорить, не стесняясь ничьим присутствием.

— Ну и что ты можешь про все это сказать? — спросил Рэндалл, когда они устроились на своих местах.

— Даже и не знаю, — наморщила лоб Синтия. — Ясно, как Божий день, что Потбери не любит Хога, только он так и не сказал — почему.

— Вот-вот.

— А как понимаешь все это ты, Тедди?

— Во-первых, Потбери знает Хога. Во-вторых, Потбери крайне озабочен, чтобы мы не узнали ничего про Хога. В-третьих, Потбери ненавидит Хога — и боится его.

— Да? А почему ты так решил?

Вот за такие снисходительные улыбочки Синтия иногда была готова выцарапать любимому мужу глаза.

— Пошевели немного извилинами, красавица. Думаю, мы в чем-то сходимся с Потбери, но только он напрасно надеется напугать меня так, чтобы я прекратил попытки узнать, чем занимается Хог в свое рабочее время.

Синтия вполне резонно решила не спорить сейчас с мужем — за годы совместной жизни она узнала его достаточно хорошо.

По ее просьбе они поехали прямо домой, а не в контору.

— Я сейчас просто не могу, Тедди. А если ему так уж хочется поиграть с моей пишущей машинкой — ну и пускай его.

— Все еще дрожат коленки после несостоявшегося прыжка в окно? — озабоченно спросил Рэндалл.

— Да, вроде.

Почти весь оставшийся день Синтия продремала. Похоже, думала она, что от этого самого тонизирующего никакого проку — только голова кружится да во рту противный вкус.

Рэндалл не стал мешать ей. Покрутившись бесцельно по квартире, он установил мишень и начал было свои метательные упражнения, но вовремя сообразил, что может разбудить Синтию. Заглянув в спальню, он увидел, что она и вправду мирно спит. Тогда Рэндалл решил, что, проснувшись, его жена вряд ли откажется от банки пива, найдя таким образом вполне удовлетворительный предлог для прогулки, тем более что и сам хотел пива. Слегка побаливала голова, ничего особенного, но только после посещения доктора ему все время было как-то не по себе. Ерунда, пара пива и все пройдет.

А как раз не доходя до ближайшей деликатесной лавки располагалась вполне уютная пивная, в которую Рэндалл и завернул, чтобы опрокинуть кружку разливного. В какой-то момент он с удивлением обнаружил, что невесть уже сколько времени с пылом втолковывает хозяину заведения, *почему именно* вся совокупность реформ никогда не покончит с машиной, заправляющей городом.

Выходя из пивной, он припомнил все-таки первоначальное свое намерение, а потому вернулся домой, нагруженный пивом и разнообразными мясными деликатесами. Синтия уже встала и возилась на кухне.

— Приветик, крошка!

— Тедди!

Рэндалл поцеловал ее, еще не успев освободить руки от свертков.

— Испугалась небось, когда проснулась, а меня нету?

— Не то чтобы, но лучше бы ты оставил записку. Что это у тебя?

— Пиво и всякое мясное. Рада?

— Отлично. Не хочу сегодня никуда идти и вот пробую сообразить, что бы состряпать, но в доме ни кусочка мяса.

Синтия взяла свертки.

— Кто-нибудь звонил или заходил?

— Ага. Проснувшись, я позвонила на станцию, там ничего интересного. Но зеркало уже доставили.

— Зеркало?

— Не строй невинные глазки, Тедди. Большое спасибо за такой приятный сюрприз. Пойди посмотри, как теперь красиво в спальне.

— Слушай, давай-ка разберемся, — остановил ее Рэндалл. — Я не знаю ничего ни про какое зеркало.

Синтия удивленно смолкла.

— А я думала, ты купил его мне, как сюрприз. Грузчики сказали, что за него уже уплачено.

— А на чье имя его доставили, на твое или мое?

— Даже и не заметила, я ведь тогда едва проснулась. Просто подписала какую-то бумажку, а они распаковали его и повесили, где я попросила.

Зеркало оказалось очень красивым — толстое шлифованное стекло с фаской, безо всякой рамы — и довольно большим. Рэндалл был вынужден согласиться, что теперь туалетный столик Синтии выглядит совсем по-другому.

— Знаешь, лапа, если ты хочешь такое зеркало — я тебе куплю. Но это зеркало не наше. Думаю, нужно позвонить и сказать, чтобы его у нас забрали. Где квитанция?

— Они, кажется, взяли ее с собой. Да и вообще, сейчас уже поздно, все закрыто.

— Тебе оно что, очень понравилось? — снисходительно, как ребенку, улыбнулся Рэндалл. — Ну ладно, на сегодня оно твое, а завтра я подсуечусь добыть другое.

Это и вправду было великолепное зеркало — абсолютно прозрачное стекло, покрытое безупречным слоем амальгамы. Синтии казалось, что в него можно просунуть руку, как в открытое окно.

Когда они легли, Рэндалл уснул быстрее Синтии — это потому, подумала она, что я чуть не весь день провалялась. Приподнявшись на локте, она смотрела на мерно дышащего во сне мужа. Тедди. Он очень добрый — во всяком случае ко мне. Завтра я скажу, чтобы он не беспокоился доставать другое зеркало — зачем оно мне, собственно. Мне нужно одно — всегда быть с ним, чтобы ничто нас не разделяло. Вещи ровно ничего не значат, быть вместе — это единственно важная вещь.

Синтия взглянула на зеркало. Красивое, слов нет. И такое прозрачное — ну как распахнутое окно. Сейчас ей показалось, что она может пролезть сквозь зеркало — как Алиса пролезла в Зазеркалье.

Проснулся Рэндалл от того, что кто-то кричал его имя.

— Вылезай из постели, Рэндалл. Ты опаздываешь.

Не Синтия, это уж точно. Он сонно протер глаза и попытался сфокусировать взгляд.

— В чем дело?

— В тебе, — сказал просунувшийся сквозь зеркало Фиппс. — Пошевеливайся! Не заставляй нас ждать.

Рэндалл инстинктивно посмотрел на соседнюю подушку. Синтия исчезла.

Исчезла! Теперь у Рэндалла сна не осталось ни в одном глазу; мгновенно вскочив с кровати, он начал лихорадочно искать ее, сразу везде. В ванной нет — Син!! — в гостиной тоже нет, в кухне, в столовой — тоже.

— Син! Синтия! Где ты?

Все так же лихорадочно, он пооткрывал все шкафы и чуланы.

— Син!

Затем он вернулся в спальню и встал посреди нее, не зная, где еще искать — печальная босая фигура в мятой пижаме и с всклокоченными волосами.

Взявшись одной рукой за нижний край зеркала, Фиппс без видимого напряжения перепрыгнул в комнату.

— Здесь должно быть место для установки высокого зеркала, в рост, — заметил он, поправляя пиджак и галстук. — В каждой комнате должно быть высокое зеркало. Думаю, вскоре такое требование будет выдвинуто — я прослежу за этим лично.

Рэндалл перевел глаза на зазеркального гостя, словно только что его заметив.

— *Где она?* Что вы с ней сделали?

Он угрожающе шагнул к Фиппсу.

— Не ваше дело, — отрезал Фиппс. Кивком головы он указал на зеркало. — Перелезайте туда.

— *Где она?* — закричал Рэндалл и попытался схватить Фиппса за глотку. Он так и не понял, что, собственно, произошло дальше. Фиппс поднял руку — и Рэндалла отбросило к кровати. Он попытался подняться — никакого толку. Все усилия были бесполезны, словно в кошмарном сне.

— Мистер Круз! — окликнул Фиппс. — Мистер Райфснайдер! Мне нужна ваша помощь.

В зеркале появились еще два смутно знакомых лица.

— Сюда, пожалуйста, мистер Круз, — скомандовал Фиппс.

Мистер Круз пролез сквозь зеркало.

— Прекрасно! Думаю, мы пронесем его вперед ногами.

Мнением Рэндалла никто не интересовался; он пытался сопротивляться, но мускулы словно превратились в студень. Слабое подергивание конечностей — это все, чего он смог добиться. Он попробовал вцепиться зубами в оказавшуюся рядом руку и был вознагражден за свою предприимчивость ударом в лицо. Впрочем, это был скорее даже не удар, а болезненный толчок твердым, костлявым кулаком.

— Добавлю потом, — пообещал Фиппс.

Протиснув Рэндалла через зеркало, они свалили его на стол — на *тот самый* стол. И помещение было то же самое — зал заседаний совета фирмы «Детеридж и компания», вокруг стола собрались те же самые знакомые ледяные физиономии, а возглавлял приятную

компанию тот же самый жовиальный толстяк со свинячьими глазками. Единственным изменением было большое зеркало, не отражавшее зал, а показывающее вместо этого изображение спальни Рэндалла, но изображение не прямое, а перевернутое справа налево, словно наблюдаемое в то же самое зеркало.

Однако все эти подробности мало интересовали сейчас Рэндалла. Попытавшись сесть, он, как и в прошлый раз, убедился, что не может этого сделать и был вынужден ограничиться приподниманием головы.

— Куда вы ее дели? — с ненавистью спросил он у председательствующего.

Улыбка Стоулза была полна самого искреннего сочувствия.

— А, мистер Рэндалл! Так значит вы решили снова посетить нас. И где вы только не бываете, вы такой общительный человек. Я бы даже сказал, чересчур общительный. Неразумный, слабый и глупый, — задумчиво, словно сам себе, добавил он. — И только подумать, что я и мои родные братья не смогли создать ничего лучшего, чем вы. Ну что же, вы за это заплатите. Птица жестока.

Это последнее замечание он произнес благоговейно и на секунду закрыл лицо руками. Остальные сделали то же самое; чья-то ладонь грубо опустилась Рэндаллу на глаза, а затем убралась прочь.

Стоулз заговорил снова. Рэндалл попытался перебить его, но снова, как в тот раз, Стоулз ткнул пальцем в его сторону и строго произнес: «Достаточно», после чего сыщик утратил способность говорить. При каждой попытке сказать что-либо перехватывало горло и накатывала тошнота.

— Хотелось думать, — с манерами заправского оратора продолжал Стоулз, — что существо даже столь жалкой породы, как ваша, сумеет понять предостережение, которое вы получили, и будет действовать соответственно.

Смолкнув на мгновение, Стоулз выпятил вперед плотно сжатые губы.

— Иногда мне начинает казаться, что моя собственная слабость в непонимании того, насколько бездонны слабость и глупость, присущие людям. Будучи сам су-

ществом разумным, я обладаю несчастной склонностью ожидать от других, не подобных мне, разумного поведения.

Здесь он остановился и перенес внимание с Рэндалла на одного из своих коллег.

— А вы, мистер Паркер, не надейтесь попусту, — произнес он с самой приветливой улыбкой. — Уж вас-то я не стану недооценивать. И если вы желаете сразиться со мной за право сидеть там, где сижу я, — пожалуйста, но только чуть позже. Интересно, — добавил он задумчиво, — какова на вкус ваша кровь.

Мистер Паркер был не менее учтив.

— Думаю, господин Председательствующий, что на вкус она практически такая же, как и у вас. Ваша мысль сама по себе превосходна, но я вполне удовлетворен существующим положением вещей.

— Крайне печально слышать такое, мистер Паркер, ведь вы мне нравитесь. Я надеялся, что у вас побольше амбиций.

— Я терпелив — как наш Предок.

— Даже так? Ну что ж, вернемся к делу. Мистер Рэндалл, в прошлом я уже пытался убедить вас в настоятельной необходимости прекращения каких бы то ни было отношений с... с вашим клиентом. Вы понимаете, какого клиента я имею в виду. Каким, по вашему собственному мнению, способом можно убедить вас в том, что Сыны Птицы не потерпят вмешательства в их планы? Говорите, отвечайте мне.

Но Рэндалл слышал очень маленькую часть сказанного, не понял вообще ничего. Все его существо поглощала одна единственная, ужасная мысль. Обнаружив, что снова способен говорить, он выразил эту мысль вслух.

— Где она? — спросил он хриплым шепотом. — Что вы с ней сделали?

Стоулз нетерпеливо махнул рукой.

— Иногда, — раздраженно сказал он, — коммуникация с ними становится практически невозможной — почти полное отсутствие разума. Мистер Фиппс!

— Да, сэр.

— Вы не откажетесь позаботиться, чтобы сюда доставили другой экземпляр?

— Непременно, мистер Стоулз.

Фиппс взглянул на своего помощника, они вышли из зала, чтобы почти сразу вернуться. Ноша, которую они небрежно бросили на стол рядом с Рэндаллом, оказалась Синтией.

Прилив облегчения был почти невыносим. Он накатился на Рэндалла, лишив его дыхания, оглушив его, застлав глаза слезами, он не оставил места для понимания всего ужаса их теперешнего положения. Однако постепенно трепет всего его существа ослабел, и Рэндалл понял, наконец, что здесь что-то не так. Ни малейшего движения. Даже если они взяли ее спящей, небрежное обращение должно было ее разбудить.

Тревога была почти столь же ошеломляющей, как и радость секунду назад.

— Что вы с ней сделали? — молящим голосом спросил Рэндалл. — Неужели она...

— Нет, — брезгливо прервал его Стоулз. — Она не мертвая. Держите себя в руках, мистер Рэндалл. Разбудите ее, — повернулся он к своим коллегам, сопроводив приказание взмахом руки.

Один из них ткнул Синтию пальцем в бок.

— Заворачивать не надо, я съем это по пути, — сказал он.

— Весьма остроумно, мистер Принтам, — усмехнулся Стоулз, — но я просил вас разбудить ее. Не заставляйте меня ждать.

— Сейчас, господин Председательствующий. — Он резко ударил Синтию по щеке; Рэндалл буквально почувствовал удар своим собственным лицом — в сочетании с полной беспомощностью это почти лишило его рассудка.

— Во Имя Птицы — проснись.

Рэндалл увидел, как грудь Синтии слегка приподнялась под шелком ночной рубашки, ее ресницы задрожали, а губы разжались и произнесли:

— Тедди?

— Син! Я здесь, маленькая, я здесь!

Повернув голову в его сторону, Синтия вскрикнула:

— Тедди! — а затем добавила: — Мне снился странный сон...

Только сейчас она заметила окружающих, жадно глядевших на нее. Медленно обведя зал серьезными, широко раскрытыми глазами, она снова посмотрела на Рэндалла.

— Тедди, это все еще сон?

— Боюсь, что нет, милая. Держись.

Синтия еще раз взглянула на собравшихся за столом, но на этот раз — бегло.

— Я не боюсь, — твердо сказала она. — Действуй, как знаешь, Тедди. В обморок я больше не шлепнусь.

С этого момента она не сводила глаз с Рэндалла.

Рэндалл искоса взглянул на заросшего жиром председательствующего; тот смотрел на них, забавляясь, по всей видимости, зрелищем и не высказывая пока намерения вмешиваться.

— Син, — торопливо прошептал Рэндалл, — они что-то со мной сделали, и теперь я не могу пошевелиться. Я парализован. Так что не очень на меня рассчитывай. Если у тебя появится шанс смыться — не задумывайся.

— И я не могу пошевелиться, — таким же шепотом ответила Синтия. — Нам надо ждать. — И добавила, заметив появившееся на его лице отчаяние: — Держись, ты же сам так сказал. Но я бы хотела прикоснуться к тебе.

Пальцы правой ее руки задрожали, сумели чуть-чуть зацепиться за гладкую, полированную поверхность стола и начали медленно, мучительно трудно преодолевать немногие разделявшие их дюймы.

Рэндалл обнаружил, что он тоже может слегка двигать пальцами, и его левая кисть поползла навстречу Синтии, также медленно, на полдюйма за шаг, сковываемая мертвым весом парализованной руки. В конце концов руки встретились, пальцы Синтии сомкнулись с его пальцами и едва заметно их сжали. Она улыбнулась.

Стоулз негромко постучал по столу.

— Я очень тронут этим небольшим представлением, — сочувственным тоном произнес он, — но пора вернуться к делу. Нам надо принять решение, как лучше с ними поступить.

— А не лучше ли всего совсем от них избавиться? — спросил тот, который тыкал Синтию пальцем в ребра.

— Да, это было бы крайне приятно, — согласился Стоулз, — но не надо забывать, что эти двое — только мелкая деталь наших планов, касающихся... клиента мистера Рэндалла. Именно он должен быть уничтожен.

— Но я не понимаю...

— Ну конечно же вы не понимаете, потому-то я и сижу на этом месте. Наша ближайшая задача состоит в том, чтобы вывести из игры этих двоих таким способом, который не вызовет никаких подозрений с его стороны. Поэтому вопрос сводится к методу и выбору конкретного субъекта.

Теперь заговорил мистер Паркер.

— А забавно было бы, — предположил он, — вернуть их в таком вот состоянии. Они медленно умрут от голода, неспособные открыть дверь, неспособные подойти к телефону, беспомощные.

— Да, именно так и было бы, — одобрительно кивнул Стоулз. — Я ожидал, что вы предложите нечто в этом роде. Ну а если он попытается их увидеть, найдет их в таком состоянии? Вы что, думаете, он не поимет их рассказа? Нет, это должно быть нечто такое, что свяжет им языки. Когда я отошлю их назад, один из них будет мертвым — и в то же время живым.

Вся ситуация была настолько нелепой, настолько чудовищно неправдоподобной, что Рэндалл не мог в нее поверить. Этого не может быть, говорил он себе. Это просто кошмарный сон, нужно только суметь проснуться, и все будет в порядке. Неспособность пошевелиться — это уже встречалось в прошлых снах. Потом просыпаешься и обнаруживаешь, что запутался в простыне или просто спал, засунув руки под голову. Он попробовал укусить себя за язык, чтобы проснуться, однако безрезультатно.

Последние слова Стоулза резко вернули внимание Рэндалла к происходящему, но не потому, что он понял эти слова — они не значили для него почти ничего, хотя и были полны какого-то ужаса — а из-за ропота

одобрения, пробежавшего по собравшимся, напряженного ожидания, появившегося на их лицах.

Пальцы Синтии сжались чуть сильнее.

— Тедди, что они хотят сделать? — прошептала она.

— Не знаю, маленькая.

— И конечно же мужчина, — сказал Паркер.

Стоулз смерил его взглядом.

Рэндалл ясно чувствовал, что до этого момента Стоулз предназначал — то, что они намерены сделать — для мужчины, для него. Но теперь он сказал другое.

— Я всегда благодарен вам за советы. После них гораздо легче принимать *правильное* решение. Приготовьте женщину, — скомандовал он своим коллегам.

«Сейчас, — подумал Рэндалл. — Сейчас или никогда.» Собрав всю свою волю в кулак, он попытался встать — встать, чтобы принять бой.

Можно было и не стараться.

Обессиленный страшным напряжением, он опустил голову на стол и виновато произнес:

— Ничего не выходит, маленькая.

Может быть, Синтия и боялась но сейчас на ее лице читалась только озабоченность состоянием мужа.

— Держись, Мозговой Центр, — ответила она, подкрепив свои слова легким пожатием пальцев.

Вставший со своего места Принтам склонился над Синтией.

Вообще-то это работа Потифара, — недовольно сказал он.

— Потифар оставил подготовленный флакон, — ответил Стоулз. — Он у вас, мистер Фиппс?

Вместо ответа Фиппс открыл свой портфель, вынул оттуда бутылочку и после утвердительного кивка Стоулза передал ее Принтаму.

— А воск? — спросил тот все тем же сварливым голосом.

— Сию секунду, — пообещал Фиппс, снова залезая в свой портфель.

— Благодарю вас, сэр. А теперь, если кто-нибудь уберет это, — указал он на Рэндалла, — мы, пожалуй, начнем.

Многочисленные руки вцепились в Рэндалла и перетащили его на дальний край стола; двумя пальцами сжимая бутылочку, Принтам склонился над Синтией.

— Секунду, — остановил его Стоулз. — Я хочу, чтобы каждый из них понимал, что именно происходит и почему. Миссис Рэндалл, — с тяжеловесной учтивостью поклонился он, — надеюсь, что наш с вами краткий разговор убедил вас в том, что Сыны Птицы никоим образом не позволят, чтобы им мешали существа, подобные вам двоим. Вы поняли меня, не так ли?

— Я поняла вас, — ответила Синтия. Однако в ее глазах стоял вызов.

— Прекрасно. Мы хотим — и вам необходимо это понять — чтобы ваш муж не имел никаких дел с... с определенной личностью. Для того, чтобы гарантировать такое положение вещей, мы сейчас разделим вас на две части. Ту из них, которая двигает вами, и которую вы — что довольно забавно — называете душой, мы выдавим в этот флакон и оставим у себя. Ну а что касается всего остального — все остальное ваш муж может оставить себе в качестве постоянного напоминания о том, что вы находитесь в руках Сынов Птицы. Вы меня понимаете?

Синтия молчала. Рэндалл попробовал ответить, однако обнаружил, что горло опять ему не повинуется.

— Послушайте меня, миссис Рэндалл; вы сможете когда-либо встретиться со своим мужем при том только условии, что он будет нам повиноваться. Он не должен, под страхом вашей смерти, никогда больше встречаться со своим клиентом. Под страхом того же наказания он обязан молчать в отношении нас и всего здесь происходящего. Если он не послушается... уверяю вас, мы сделаем вашу смерть весьма интересной.

Рэндалл хотел закричать, пообещать им сделать все, что угодно, лишь бы они пощадили Синтию, но голоса все еще не было — видимо, Стоулз хотел выслушать сперва Синтию. Синтия покачала головой.

— Он поступит по своему усмотрению.

— Великолепно, — улыбнулся Стоулз. — Такой ответ я и хотел услышать. Ну а вы, мистер Рэндалл, вы обещаете?

Он хотел согласиться, он уже почти согласился, но тут увидел глаза Синтии, говорившие: «Нет!». По выражению лица жены он понял, что теперь блокирована ее речь. Рэндаллу показалось, что где-то в глубине его головы ясно, отчетливо звучит голос Синтии:

— Это ловушка, Мозговой Центр. Не обещай им ничего.

Рэндалл молчал.

Фиппс вдавил палец в его глаз.

— Отвечай, когда с тобой разговаривают!

Чтобы видеть Синтию, Рэндаллу пришлось зажмурить поврежденный глаз; на ее лице по-прежнему читалось одобрение. Он продолжал молчать.

— Ладно, ерунда, — заговорил в конце концов Стоулз. — Продолжим, джентльмены.

— Давай! — скомандовал Принтам, прижав бутылочку к левой ноздре распростертой на столе женщины.

Кто-то резко надавил Синтии на грудь; с коротким хриплым стоном воздух вырвался из ее легких.

— Тедди, — выговорила она задыхаясь. — Они рвут меня на ча...

Операцию повторили, прижав бутылочку к другой ноздре. Теплые, нежные пальцы, лежавшие в ладони Рэндалла, внезапно обмякли.

— Дайте воск, — отрывисто скомандовал Принтам, зажав горлышко бутылки пальцем. Запечатав, он передал ее Фиппсу. Стоулз махнул рукой в сторону зеркала и небрежно кивнул:

— Положите их на место.

Проследив за тем, как сквозь зеркало протолкнули Синтию, Фиппс обратился к Стоулзу.

— А нельзя ли нам оставить ему кое-что на память?

— Как хотите, — безразлично пожав плечами, ответил Стоулз, поднимаясь с места. — Только постарайтесь, чтобы без серьезных повреждений.

— Прекрасно, — ухмыльнулся Фиппс и так ударил Рэндалла тыльной стороной ладони, что у того чуть не вылетели все зубы. — Мы его осторожненько.

Значительную часть этой процедуры Рэндалл находился в сознании — хотя, конечно же, точно оценить пропорцию было трудно. Раз или два он отключался —

но только затем, чтобы очнуться от еще более сильной боли.

Напоследок Фиппс приберег новый, им же, вероятно, и придуманный способ без особого членовредительства доводить человека до предела страданий.

Рэндалла окружали зеркала; зеркальными были и стены комнаты, куда он попал, и ее пол, и ее потолок. Куда ни посмотри — всюду бесконечные вереницы его изображений, и каждое из этих изображений — он сам, его «я», и каждое из этих «я» ненавидело его и бежать от них было некуда.

— Врежь ему еще, — орали они — орал он — и их-его крепко сжатые кулаки били его в зубы. А затем раздавался их-его довольный гогот.

Они обступали его все ближе и ближе, а он не мог бежать достаточно быстро. Какие отчаянные усилия он ни прилагал — мышцы его не слушались. Это потому, что его приковали, приковали к огромному колесу вроде беличьего. Заодно ему завязали глаза, а скованные руки не давали сдернуть повязку. Но надо было бежать — ведь наверху стояла Синтия, и надо было до нее добраться.

Только какой там верх, когда ты в беличьем колесе.

Рэндалл страшно устал, а когда он хоть чуть-чуть замедлял движение, они снова его били. Кроме того он должен был считать шаги, иначе не считается, иначе все бесполезно. Десять тысяч девяносто один, десять тысяч девяносто два, десять тысяч девяносто три, вверх-вниз, вверх-вниз... Хоть бы увидеть, куда я бегу.

Рэндалл споткнулся, его ударили сзади, и он упал лицом вниз. Мир куда-то исчез.

Когда сознание наконец-то вернулось, он обнаружил, что лежит, прижавшись лицом к чему-то жесткому, холодному и бугристому. Отодвинувшись от непонятного предмета, он почувствовал, что все его тело онемело. Ноги не слушались: с трудом разглядев их в неверном свете раннего утра, Рэндалл понял причину — наполовину стянутая с кровати простыня плотно обвила его лодыжки.

Жесткий холодный предмет оказался батареей парового отопления, рядом с которой он почему-то лежал. Рэндалл начал ориентироваться в обстановке, он находился в своей собственной спальне. По-видимому, он бродил во сне, надо же, ведь последний раз такое было страшно давно, в раннем детстве! Бродил во сне, зацепился за что-то и врезался головой в батарею. Ну и отшибло мозги, конечно же, напрочь. Как еще жив остался.

Собравшись немного с силами, болезненно морщась при каждом движении, он начал подниматься на ноги и заметил непривычный предмет — новое зеркало. Мгновенно вспомнив свой сон, он бросился к кровати.

— Синтия!

Но Синтия была на месте, в целости и сохранности. Она даже не проснулась от этого вопля, чему Рэндалл очень обрадовался — зачем же людей зря пугать? На цыпочках отойдя от кровати, он тихо пробрался в ванную, притворил за собой дверь и только тогда повернул выключатель.

Хорош видок, ничего не скажешь. Нос расквашен, и давно — кровь в основном уже подсохла и не течет. Вся грудь пижамной куртки в той же кровище. Кроме того, по всей видимости, он лежал правой щекой в луже крови, кровь засохла, и картина получилась устрашающая — значительно страшнее, чем в действительности, как он с облегчением обнаружил, умывшись.

В действительности повреждений не так уж много, только вот — ой! — весь правый бок онемел и ноет — наверное расшиб, падая, а потом, для полного комплекта, еще и застудил. Интересно, думал Рэндалл, долго ли я так валялся?

Сняв куртку, он решил, что стирать сейчас — слишком много хлопот, смял ее в комок и засунул за унитаз. Чтобы Синтия не наткнулась на такой ужас раньше, чем он объяснит ей происшедшее.

«Господи, Тедди, что это с тобой?» — «Да так, маленькая, ерунда. Просто поцеловался с батареей.»

Объяснение звучало даже сомнительнее, чем классическое «на дверь наткнулся».

Голова все еще кружилась, кружилась сильнее, чем Рэндалл думал — засовывая куртку, он чуть не упал и с трудом сохранил равновесие, ухватившись за бачок. И стучало в этой голове так, словно внутри нее лупила по своим барабанам целая орава доброхотов из Армии Спасения. Пошарив в аптечке, Рэндалл нашел аспирин, проглотил три таблетки и задумчиво воззрился на коробочку люминала, приобретенную Синтией несколько месяцев назад. Прежде такое было ни к чему, спал он всегда как убитый, но тут — особый случай. Кошмары две ночи кряду, а для полной радости — начал расхаживать по квартире, как лунатик, и чуть не свернул себе дурацкую свою шею.

А ведь девочка в чем-то права, подумал Рэндалл, глотая таблетку. Отпуск совсем не повредил бы — а то я совсем как выжатый лимон.

Найти чистую пижаму, не зажигая в спальне свет, было практически невозможно, так что Рэндалл скользнул под одеяло без куртки, подождал секунду — не проснется ли Синтия, а потом закрыл глаза и попытался расслабиться. Через несколько секунд снотворное начало действовать, болезненные толчки в голове немного стихли, и вскоре он крепко заснул.

VII

Проснувшись от бившего в лицо солнца, Рэндалл сощурил один глаз на будильник, увидел, что уже десятый час, и торопливо слез с кровати. Поступок оказался не из самых остроумных — дико заныл правый бок. Затем коричневое пятно под батареей напомнило ему вчерашние приключения.

Осторожно повернув голову, он поглядел на жену. Та все еще безмятежно спала и, по всей видимости, даже не собиралась шевелиться. Такой расклад вполне устраивал Рэндалла — лучше сперва напоить ее апельсиновым соком, а уж потом описывать столь прискорбные обстоятельства. Зачем сразу устраивать панику?

Кое-как нащупав шлепанцы, он накинул на себя купальный халат — голые плечи зябли, а все мышцы неприятно ныли. Чистка зубов несколько улучшила положение — избавившись от противного вкуса во рту,

Рэндалл настолько осмелел, что начал подумывать о завтраке.

Мысли его рассеянно скользили по событиям прошлой ночи, даже не пытаясь проникнуть в них поглубже. Неприятная все-таки вещь, думал он, выжимая сок из апельсинов, эти ночные кошмары. Может, и не психоз, но невроз — это уж точно, а что в этом хорошего? Кончать надо с этим. Разве можно работать, если всю ночь прослонялся, как дурак по квартире — даже если при этом и не сломал себе шею, зацепившись за что-нибудь. Мужчине нужен сон — какие тут сомнения.

Управившись со своей порцией сока, Рэндалл понес второй стакан в спальню.

— Ну-ка, красавица, — подъем!

Синтия не пошевелилась, так что он решил прибегнуть к средствам более радикальным и запел:

— Вставай, вставай, штанишки надевай, маечку натягивай, песенку подтягивай!

И снова никакого результата. Аккуратно поставив стакан на тумбочку, Рэндалл сел на край кровати, взял Синтию за плечо и слегка ее потормошил.

— Вставай, засоня! Всю молодость проспишь!

Синтия не шелохнулась. Плечо было холодным, как лед.

— Син! — закричал он в голос. — Син! Син!

Теперь Рэндалл тряс ее изо всех сил.

Безжизненно, как ватная, Синтия перевернулась на спину. Он снова встряхнул ее.

— Син, милая... ой, Господи!

Через некоторое время испытанное Рэндаллом потрясение само успокоило его, фигурально говоря, он сорвал тормоза и был готов с мертвенным, ледяным спокойствием сделать все, что угодно, все, что окажется необходимым. Неизвестно почему, Рэндалл считал Синтию мертвой. Однако он решил убедиться наверняка — при помощи известных ему средств. Пульс не прощупывался. «А может, я просто не умею его искать, — говорил он себе. — А может, пульс есть, но очень слабый». И все это время какой-то дьявольский хор кричал в его голове: «Она умерла... умерла... умерла... Это ты позволил ей умереть!»

Рэндалл приложил ухо к груди жены. Теперь ему показалось, что сердцебиение прослушивается, но уверенности не было, возможно — это просто отзвуки его собственного пульса. Так ничего и не поняв, он оглянулся в поисках какого-нибудь небольшого зеркала.

Вполне подходящее круглое зеркальце нашлось в сумочке Синтии; Рэндалл старательно вытер его рукавом халата и приблизил к губам жены.

Зеркало слегка запотело.

В полном ошеломлении, все еще не позволяя себе надеяться, Рэндалл снова протер зеркальце и сделал еще одну попытку. Оно снова запотело, чуть-чуть, но вполне определенно.

Она жива — она *жива*.

Удивившись секунду спустя, почему лицо Синтии плывет у него перед глазами, Рэндалл понял вдруг, что собственное его лицо залито слезами. Вытерев на ходу глаза, он, как заведенный автомат, продолжил ненужную теперь, собственно, проверку.

Иголка, иголка... где в этом доме иголки? Вытащив иголку из подушечки, лежавшей на туалетном столике, Рэндалл подошел к кровати, двумя пальцами оттянул кожу на руке Синтии, прошептал: «Прости, маленькая», — зажмурился и уколол.

Показалась алая капелька, затем укол быстро затянулся. Жива! Хорошо бы измерить температуру, но термометра не было — они с Синтией практически никогда не болели. Что еще... Когда-то и где-то Рэндалл читал что-то про то, как изобретали стетоскоп. Если свернуть листок бумаги...

Найдя подходящий листок, он свернул его в трубку, приставил один конец этой трубки к груди Синтии, где-то в районе сердца, а к другому приложил ухо.

Тук-тук... тук-тук... тук-тук... Негромко, но ритмично и отчетливо. На этот раз сомнений не оставалось, раз бьется сердце, значит, она жива.

Чтобы справиться с собой, ему пришлось на минуту присесть.

Только большим усилием Рэндалл заставил себя думать — что же делать дальше. Ну конечно же — вы-

звать врача. Он не догадался сделать это раньше потому, что они с Синтией никогда не болели — а значит никогда не вызывали врача. И правда, ведь за все время после свадьбы им ни разу не потребовался врач.

А может, позвонить в полицию и попросить прислать медицинскую машину? Ну пришлют какого-нибудь ихнего живодера, который привык полосовать ножиком несчастных, пострадавших в автомобильных авариях и перестрелках. Нет, врач нужен самый лучший.

А кто из них самый лучший? Семейного врача семейство Рэндалл не имело. Смайлз... да ну его, алкоголика. Еще Хартвик — но у него очень узкая специализация — весьма интимные операции для сливок общества. Рэндалл взялся за книгу.

Потбери! Кто его, конечно, знает, этого старого шарлатана, но вид у него вполне компетентный. Рэндалл нашел нужную страницу, три раза набрал номер неправильно, отчаялся и попросил помощи у телефонистки.

— Да, это Потбери. Что вам нужно? Говорите же.

— С вами говорит Рэндалл. Рэндалл. Р-Э-Н-Д-А-двойное Л. Мы с женой заходили к вам вчера, помните? Это насчет...

— Да, я помню, в чем дело?

— Моя жена заболела.

— Что с ней такое? Снова обморок?

— Нет... ну да. То есть я хотел сказать — она без сознания, она совсем как мертвая.

— Она мертвая?

— Не думаю — но она в очень тяжелом состоянии. Я боюсь, доктор. Вы можете приехать прямо сейчас?

Последовало недолгое молчание.

— Я приеду.

— Ой, как хорошо! Послушайте, а что мне делать до вашего приезда?

— Не делать ничего. Не трогайте ее. Я скоро буду.

Потбери повесил трубку.

Рэндалл торопливо вернулся в спальню.

Вид Синтии не изменился. Он хотел было ее потрогать, вспомнил указание доктора и резко отдернул

руку. Однако, заметив свой импровизированный стетоскоп, Рэндалл не устоял перед искушением.

Услышав успокоительное «тук-тук», он виновато убрал бумажную трубку.

Теперь Рэндаллу оказалось нечего делать — только стоять рядом с кроватью, смотреть на Синтию и обкусывать ногти. Десять минут такого плодотворного занятия привели его на грань истерики. Тогда Рэндалл прошел на кухню, достал с верхней полки бутылку, налил полстакана виски, несколько минут смотрел на щедрую дозу народного успокоительного средства, выплеснул ее в раковину и побрел в спальню.

Никаких изменений.

Неожиданно Рэндалл вспомнил, что не дал врачу своего адреса. Бросившись на кухню, он схватил телефонную трубку, с трудом держа себя в руках, каким-то образом сумел правильно набрать номер. Ответил женский голос.

— Нет, доктор на выезде. Вы хотите что-нибудь передать?

— Моя фамилия Рэндалл. Я...

— О, мистер Рэндалл. Доктор выехал к вам минут пятнадцать назад. Он будет у вас с минуты на минуту.

— Но у него нет адреса.

— Как? Да нет, я уверена, что он знает адрес, иначе он уже позвонил бы сюда.

Рэндалл в недоумении положил трубку. Все это до крайности странно. Ладно, дадим Потбери три минуты, а потом попробуем поискать другого врача.

На сигнал домофона Рэндалл поднялся со стула, покачиваясь, словно боксер после нокдауна.

— Да?

— Потбери. Это вы, Рэндалл?

— Да, да, поднимайтесь.

Прижимая ухом трубку, он нажал кнопку замка.

Рэндалл встретил Потбери у настежь распахнутой двери.

— Заходите, доктор, заходите, заходите!

Коротко кивнув, врач прошел мимо него.

— Где пациентка?

— Здесь, она здесь.

Суетливо проводив Потбери в спальню, Рэндалл напряженно замер около кровати, с надеждой наблюдая, как врач осматривает лежащую без сознания Синтию.

— Ну как она? Она поправится? Скажите доктор...

Слегка распрямившись, Потбери недовольно хмыкнул и повернул голову к ненаходящему себе места Рэндаллу.

— Будьте любезны, отойдите от кровати и перестаньте дышать мне в затылок. Тогда, возможно, мне и удастся что-нибудь выяснить.

— Ой, извините. — Рэндалл испуганно ретировался к двери.

Достав из саквояжа стетоскоп, Потбери некоторое время прослушивал Синтию, затем передвинул прибор и вслушался снова. В конце концов он вытащил черные резиновые трубки из ушей, и Рэндалл, все это время тщательно пытавшийся прочесть что-нибудь на его непроницаемом лице, с надеждой шагнул вперед.

Однако Потбери не обратил на него никакого внимания. Теперь врач двумя пальцами оттянул веко Синтии и всмотрелся в ее зрачок, передвинув тонкую безжизненную руку так, что она свесилась с кровати и постучал молоточком по локтю, после чего выпрямился и несколько минут просто смотрел на пациентку.

Рэндаллу хотелось кричать и ломать мебель.

Потбери проделал еще несколько странных, почти ритуальных телодвижений, входящих в репертуар каждого терапевта. Некоторые из этих действий Рэндалл — так ему по крайней мере казалось — понимал, некоторые — точно нет.

— А что она делала вчера, после того как вы ушли от меня? — неожиданно спросил врач, закончивший, по всей видимости, осмотр.

— Так я и думал, — умудренно кивнул он, выслушав сбивчивый рассказ Рэндалла. — Все это связано с утренним ее шоком. И ведь виноваты вы, а не кто другой.

— Я виноват?

— Вы были предупреждены. Вам не следовало и близко подходить к подобному человеку.

— Но... но... ведь вы предупредили меня *после* того, как он ее напугал.

Было похоже, что замечание Рэндалла несколько обеспокоило врача.

— Пожалуй да, пожалуй да. Мне показалось, что кто-то предупреждал вас еще до меня. В любом случае нужно было понимать, с какой тварью имеете дело.

Однако сейчас эта тема мало интересовала Рэндалла.

— А как она, доктор? Она поправится? Ведь она поправится, правда?

— На вашем попечении, мистер Рэндалл, оказалась очень больная женщина.

— Да, я понимаю, что она... но чем она больна?

— Lethargica gravis на почве психической травмы.

— А это опасно?

— Достаточно опасно. Однако при соответствующем уходе она должна поправиться.

— Все, что угодно, доктор, все, что **угодно**. Деньги не проблема. Что мы теперь сделаем? Отправим ее в больницу?

— Ничего хуже и не придумаешь, — отмахнулся Потбери. — Проснувшись в незнакомой обстановке, она может снова потерять сознание. Держите ее здесь. Вы можете так организовать свои дела, чтобы находиться при ней непрерывно?

— Конечно, могу.

— Вот так и сделайте. Не отходите от нее ни днем, ни ночью. Лучше всего, если, проснувшись, она увидит свою комнату, а также вас — рядом и бодрствующего.

— Но ей наверняка нужна сиделка?

— Не думаю. С ней, собственно, ничего не надо делать — только следить, чтобы была тепло укрыта. Ну разве еще — чтобы ее ноги находились чуть выше головы. Подложите по паре книг под ножки кровати с нужной стороны — и все.

— Сейчас же сделаю.

— Если такое состояние продлится неделю или около того, подумаем о глюкозных вливаниях или еще о чем-нибудь в этом роде.

Потбери наклонился, застегнул свой саквояж и поднял его с пола.

— Если ее состояние изменится — звоните.

— Обязательно. Я...

Рэндалл осекся на полуслове, последние слова врача напомнили ему о забытом обстоятельстве.

— Доктор, а как вы нас нашли?

На лице Потбери появилось изумление.

— Что вы имеете в виду? Ваш дом совсем легко найти.

— Но я не говорил вам адрес.

— Что? Чепуха.

— Но я действительно не говорил. Потом я быстро это сообразил и позвонил в вашу приемную, но вас уже не было.

— А кто говорит, что вы дали свой адрес сегодня?

Вид у Потбери был уже не удивленный, а раздраженный.

— Вы дали мне его вчера.

Рэндалл немного задумался. Вчера он показывал Потбери свои документы, но там ведь только адрес конторы. Конечно, их домашний телефон есть в справочнике и в лицензии, но и там и там — просто как ночной деловой телефон, без адреса. Разве что Синтия...

Но Синтию сейчас не спросишь, и мысль о ней заставила его позабыть все эти мелочи.

— Доктор, так вы уверены, что ничего больше не нужно? — озабоченно спросил он.

— Ничего. Сидите дома и наблюдайте за ней.

— Обязательно. Только лучше бы я был парой близнецов, — с сожалением сказал Рэндалл.

— Это еще почему? — повернул голову Потбери, уже взявший свои перчатки и направлявшийся к двери.

— А из-за этого дурацкого Хога. У меня теперь к нему счет, и большой. Ну ладно, я пошлю кого-нибудь следить за этой гадиной, а как только освобожусь — разберусь с ним по-свойски.

Вздрогнув, словно ужаленный, Потбери резко повернулся.

— Ничего подобного вы не сделаете, — зловеще посмотрел он на Рэндалла. — Ваше место здесь.

— Да, да, понимаю, — но мне хотелось бы иметь его под колпаком. А потом, когда все придет в порядок, я разберусь — кто он такой и что он такое.

— Молодой человек, — медленно, с угрозой в голосе сказал Потбери. — Вы должны обещать мне, что никогда и *никоим образом* не вступите в отношения с... с упомянутым вами человеком.

Рэндалл посмотрел на кровать.

— Я не могу допустить, чтобы все это сошло ему с рук, — почти выкрикнул он. — Неужели вы не понимаете?

— Во имя... Послушайте. Я старше вас и должен бы вроде привыкнуть к глупостям и неразумности. И все же — ну как еще можно убедить вас, что есть вещи слишком опасные, с которыми лучше не шутить? Ну как я могу взять на себя ответственность за ее, — Потбери указал на Синтию, — выздоровление, если вы намерены совершать поступки, неминуемо ведущие к катастрофе?

— Но... Послушайте, доктор Потбери, я ведь сказал, что буду точно следовать всем вашим указаниям, касающимся ее. Но я не намерен просто так вот простить ему то, что он сделал. Если она умрет... если она умрет, то прости меня Господи, но я разберу его на кусочки ржавым топором.

На этот раз Потбери немного помедлил, а когда наконец заговорил, то спросил только:

— А если не умрет?

— Если не умрет, моим главным делом будет находиться здесь, заботиться о ней, но забывать про Хога я ни в коем случае не собираюсь. Такого обещания вы от меня не получите.

— Ладно, на том и порешим — и будем надеяться, что она не умрет. Но позвольте мне сказать вам, молодой человек, — тут Потбери решительно нахлобучил шляпу, — что вы — идиот.

И он ушел, негодующе топая ногами.

Некоторое возбуждение, охватившее Рэндалла во время перебранки с Потбери, быстро выветрилось, и его обуяла черная тоска. Делать было ровно нечего, ничто не отвлекало его мозг от жгучей тревоги за Синтию. Следуя совету Потбери, он приподнял немно-

го задние ножки кровати, но на это ушло всего несколько минут, а затем опять наступило выматывающее душу безделье.

Поднимая кровать, он действовал очень осторожно, словно боясь разбудить Синтию, и только на второй ножке сообразил, что разбудить ее — самое страстное его желание. И все равно он не мог делать это шумно и небрежно — такой слабой и беззащитной казалась она сейчас.

Рэндалл поставил стул поближе к кровати, чтобы всегда иметь возможность потрогать руку Синтии, и начал пристально глядеть на нее, выискивая хоть какие-нибудь изменения. Через некоторое время он начал различать, как поднимается и опускается казавшаяся прежде абсолютно неподвижной грудь. Открытие несколько ободрило его, и он провел довольно долгое время за наблюдением — медленный, почти незаметный вдох, затем — гораздо более быстрый выдох...

Лицо Синтии побледнело и устрашающе походило на мертвое, но все равно оставалось прекрасным. Такая хрупкая... и она так в него верила... а теперь он не может ей ничем помочь. Если бы он ее послушал, если бы только он ее послушал, ничего этого не произошло бы. Она боялась, но делала все, о чем он ее просил.

Даже Сыны Птицы не смогли ее напугать.

Господи, да что же я такое говорю? Возьми себя в руки, Эд, — *этого* не было, все это — часть твоего страшного сна. И все равно, случись что-либо подобное, именно так она и вела бы себя — держалась бы сама и поддерживала его игру при любом, даже самом худшем раскладе.

Мысль, что даже во сне он абсолютно уверен в Синтии, уверен в ее отваге и преданности, принесла Рэндаллу некое печальное удовлетворение. Твердость, характер — редкие даже у мужчин. Вот хотя бы вспомнить, как она вышибла бутылку с кислотой из рук этой сумасшедшей старухи, которую он повинтил по делу Мидвелла. Если бы не ее быстрота и решительность,

носить бы тебе, Эд, сейчас черные очки, и водила бы тебя по улицам здоровая такая, симпатичная псина.

Слегка отодвинув одеяло, Рэндалл посмотрел на руку Синтии — вот тогда она и получила этот шрам. Ни одна капля кислоты не попала на Рэндалла, но кое-что попало на нее, и остались следы, навсегда остались, но ее это, похоже, не беспокоило.

— Синтия! Син, милая ты моя!

Однако в конце концов наступил момент, когда даже он не мог больше оставаться в одном положении. Болезненно морщась — застуженные вчера ночью, а теперь к тому же занемевшие мышцы ног жутко болели, — Рэндалл кое-как встал и, вздохнув, начал борьбу с трудностями повседневной жизни. Мысль о еде вызывала отвращение, но никуда не денешься — надо питаться, чтобы сохранить силы для ожидания и наблюдения, которые могут продлиться неизвестно сколько времени.

При обыске, произведенном на кухонных полках и в холодильнике, обнаружилась какая-то пища — всякая мелочь для завтрака, несколько банок консервов, какая-то крупа, пучок вялого салата. Кулинарные вопросы никогда не волновали Рэндалла, консервированный суп, решил он, — еда не хуже любой другой. Открыв банку шотландской бараньей похлебки, он вывалил ее содержимое в кастрюлю, добавил немного воды и зажег газ. Дав месиву побулькать пару минут, Рэндалл снял его с огня и съел, стоя, и прямо из кастрюли. Ничего, вполне прилично, правда малость смахивает на вареные опилки.

Затем Рэндалл вернулся в спальню, сел и возобновил свое ненадолго прерванное бдение. Однако вскоре выяснилось, что лучше было бы ему не заниматься рассуждениями, а послушаться голоса организма — спешно выскочив в ванную, он вытошнил все содержимое своего желудка. Вымыв лицо и почистив зубы, Рэндалл снова уселся на свой стул уже в довольно приличном состоянии — разве что бледный и обессиленный.

На улице стемнело, и это дало ему небольшое занятие — он встал, зажег стоящую на туалетном столике лампу, прикрыл ее, чтобы не светила в глаза Синтии, и снова сел. Состояние Синтии не изменилось.

И тут зазвонил телефон.

Резкость реакции Рэндалла, его удивление превосходили все разумные пределы. Он так долго просидел здесь, с тоской и страхом глядя на неподвижное лицо Синтии, что совсем забыл про всех остальных людей, живущих где-то там во внешнем мире. Немного собравшись, он поднял трубку.

— Алло? Да, это Рэндалл.

— Мистер Рэндалл, все это время я много думал и пришел к выводу, что должен извиниться перед вами — и дать некоторые объяснения.

— Что вы мне должны? Кто это говорит?

— Это я, Джонатан Хог, мистер Рэндалл. Когда вы...

— Хог! Вы сказали *Хог*?

— Да, мистер Рэндалл. Я хочу извиниться перед вами за беспардонность своего поведения вчера утром и буквально умоляю вас простить меня. Хотелось бы надеяться, что миссис Рэндалл не была оскорблена моим...

К этому времени Рэндалл достаточно оправился от начального своего удивления, чтобы выразить все, что думал. И выразил свои мысли он сочно, с использованием лексики и риторических фигур, освоенных за долгие годы общения с теми личностями, с которыми чаще всего приходится общаться частному сыщику. По окончании своего монолога он услышал в телефонной трубке судорожный вздох, за которым последовала мертвая тишина.

Однако полного удовлетворения Рэндалл не чувствовал. Ему хотелось, чтобы Хог заговорил, чтобы можно было прервать его и с новыми силами продолжить свою тираду.

— Хог, вы еще у телефона?

— Ээ, да.

— А я еще хочу добавить следующее. Возможно, вам кажется милой такой шуткой подстеречь жену в коридоре и перепугать ее до полусмерти. Мне это шуткой не кажется. Но я не собираюсь сдавать вас в

полицию, не дождетесь вы такого счастья. Просто как только миссис Рэндалл выздоровеет, я отыщу вас, где бы вы ни были, и тогда — тогда помоги вам Бог, Хог. Вам очень потребуется такая помощь.

Рэндалл был уже уверен, что его собеседник повесил трубку — так долго продолжалось молчание на этот раз. Однако, как оказалось, Хог просто собирался с мыслями.

— Мистер Рэндалл, это просто ужасно...

— Да уж конечно!

— Насколько я понимаю, вы говорите, что я намеренно подстерег миссис Рэндалл и напугал ее.

— Вы сами знаете, что вы сделали.

— Но ведь я не знаю, правда не знаю.

Тут Хог замолчал, а потом продолжил дрожащим, неуверенным голосом:

— Вот именно этого я и боялся, мистер Рэндалл, боялся узнать, что во время провалов в памяти делаю нечто очень плохое. Но причинить страдание миссис Рэндалл... и после всего ее доброго ко мне отношения. Это просто ужасно.

— Вы еще мне говорите!

Хог глубоко вздохнул, как безмерно уставший человек.

— Мистер Рэндалл?

Рэндалл молчал.

— Мистер Рэндалл, мне нет никакого смысла обольщать себя иллюзиями; выход тут только один. Вы должны сдать меня в полицию.

— А?

— Собственно я понял это еще во время последнего нашего с вами разговора. Я думал об этом весь вчерашний день, но никак не мог набраться смелости. Мне хотелось надеяться, что я покончил с моей... моей *другой* личностью, но сегодня это произошло снова. Весь сегодняшний день для меня белое пятно, я пришел в себя только недавно, по возвращении домой. Стало окончательно ясно — с этим *необходимо* что-то делать, поэтому я решил позвонить вам и попросить о возобновлении расследования. Но мне и в голову не приходило, что я мог сделать что-нибудь плохое миссис Рэндалл.

Ужас и потрясение, которыми был полон голос Хога, звучали очень убедительно.

— А когда... когда это случилось, мистер Рэндалл?

Рэндалл оказался в крайней растерянности. Он разрывался между желанием пролезть каким-то образом по телефонному кабелю, чтобы свернуть шею человеку, из-за которого Синтия оказалась в таком состоянии, и необходимостью оставаться дома, чтобы заботиться о Синтии. А тут еще этот Хог говорит совсем не так, как надо, не как злодей. Беседуя с Хогом, слыша его робкие ответы, его встревоженный голос, Рэндалл с большим трудом сохранял в уме образ некоего жуткого чудовища, вроде Джека Потрошителя, хотя и знал, что подобные типы совсем не редко обладают скромными манерами.

Поэтому на этот раз ответ Рэндалла был сухим, чисто фактографическим.

— Десять тридцать утра или около того.

— А где я был сегодня в девять тридцать утра?

— Не *сегодня*, вы (несколько непригодных к воспроизведению на бумаге выражений), а вчера.

— Вчера утром? Но это невозможно. Вчера утром я был дома, неужели вы не помните?

— Конечно помню, а потом я видел, как вы уходили из дома. Возможно, это вам неизвестно.

Тут логика Рэндалла немного хромала — прочие события вчерашнего памятного утра убедили его, что Хог знал об установленной за ним слежке — но сейчас было не до логики.

— Но вы никак не могли меня видеть. Как раз вчерашнее утро — единственное, если не считать моих обычных сред, про которое я знаю точно, где находился и что делал. Я был дома, в своей квартире, и только около часа дня пошел в клуб.

— Да что вы мне...

— Подождите, пожалуйста, секунду, мистер Рэндалл! Все это повергает меня в такую же растерянность и непонимание, как и вас, но вы просто должны меня выслушать. Вы поломали мой распорядок дня — помните? Моя вторая личность так и не вступила в свои права. После вашего ухода я сохранил свою... свою

настоящую личность. Именно поэтому я и начал надеяться, что наконец освободился.

— Хрена вы освободились. С чего это вы взяли?

— Я понимаю, что моим собственным показаниям не велика цена, — робко сказал Хог, — но ведь я был не один. Почти сразу после вашего ухода пришла уборщица, и она пробыла у меня все утро.

— Вот почему я только не видел, как она входит в лифт?

— Она обслуживает все этажи, — объяснил Хог. — Это жена дворника, миссис Дженкинс. Может быть, вы хотели бы с ней побеседовать? Я, пожалуй, сумею отыскать ее и привести к телефону.

— Но...

Теперь Рэндалл находился уже в полной растерянности, к тому же он начал понимать невыгодность своего положения. Нужно было не вступать в разговоры с Хогом, а приберечь этого проходимца на потом, до того момента, когда появится возможность до него добраться. Ну до чего же скользкий и хитрый тип, правду говорил Потбери. Алиби у него, понимаешь.

Кроме того, отлучившись так надолго из спальни, Рэндалл начинал чувствовать себя все более неспокойным. Разговор продолжался уже не менее десяти минут, а из угла кухни, где стоял телефон, заглянуть в спальню было невозможно.

— Не хочу я с ней говорить, — грубо ответил он. — У вас что ни слово, то ложь.

Бросив трубку на рычаг, Рэндалл бегом вернулся в спальню.

Синтия лежала так же, как и прежде, можно было подумать, что она просто уснула. И какая красивая, просто сердце щемит. На этот раз привычный глаз Рэндалла легко уловил ее дыхание — неглубокое, но регулярное, а самодельный стетоскоп одарил его такими прекрасными сейчас звуками сердцебиения.

Потом Рэндалл сел рядом с кроватью и начал смотреть на Синтию, всем своим существом впитывая теплое, горькое вино печали. Он не хотел забывать о своей боли, лелеял ее, на собственном опыте познавая, как это познали бесчисленные его предшественники, что

самая глубокая, разрывающая сердце тревога о любимой предпочтительнее любого утешения.

Однако через какое-то время его вывела из ступора простая мысль: вот так, упиваясь собственной болью, он вряд ли приносит большую пользу Синтии. Необходимо иметь в доме хоть какую-то пищу, стоило бы также научиться есть эту пищу, и есть таким образом, чтобы она не вылетала через минуту назад. Завтра, сказал он себе, сяду на телефон и посмотрю, как можно удержать фирму на плаву до того времени, когда удастся вернуться к делам. Все неотложные дела можно передать в агентство «Ночная Стража» — ребята достаточно надежные и не раз сами пользовались его услугами. Но это подождет до завтра.

Ну а сейчас... Рэндалл позвонил в ближайшую деликатесную лавку, сделал довольно-таки беспорядочный заказ и дал владельцу лавки полномочия по собственному усмотрению добавить еще все, что угодно, лишь бы достаточно съедобное и питательное. В завершение он попросил подыскать какого-нибудь охотника заработать доллар доставкой всего этого хозяйства.

Покончив таким образом с продовольственной проблемой, Рэндалл удалился в ванную и тщательно побрился, хорошо понимая глубокую взаимосвязь между аккуратностью внешнего вида и высоким моральным духом. Дверь ванной он не закрывал, чтобы все время одним глазом присматривать за кроватью. Затем он взял половую тряпку и стер пятно под батареей. Окровавленная пижамная куртка отправилась в корзину для грязного белья.

Свершив все эти подвиги, Рэндалл сел и начал ждать заказанные в лавке продукты. Мысли о Хоге не оставляли его. С Хогом, мудро решил он, ясно одно — что с ним ничего не ясно. Уже с самого начала его история была чистый абсурд — это же надо, заявиться вот так и предложить капусту, чтобы за тобой пустили хвост. Ну а дальше — тут вообще крыша поехать может. Хоть этот, долби его, тринадцатый этаж. Ведь он собственными глазами видел тринадцатый этаж и как Хог работает там, засунув лупу в глаз.

А быть этого не могло, никак.

Ну и что же получается в итоге? Гипноз? Однако Рэндалл не был полным лопухом, он знал, что гипноз существует, но при этом далеко не так всесилен, как считают читатели газетных сказочек. На шумной улице в мгновение ока загипнотизировать человека так, чтобы он во все поверил и мог во всех подробностях вспомнить события, которых не было, — расскажите своей бабушке. Если такое осуществимо — тогда и весь мир может оказаться сплошным очковтирательством.

А может, так оно и есть?

Возможно, весь мир на том только и держится, что ты сохраняешь его в центре своего внимания, веришь в него. А стоит только позволить себе замечать несоответствия — начинаешь сомневаться в нем, и мир расползается, как гнилая тряпка. Может, все это случилось с Синтией потому, что он усомнился в ее реальности? А стоит только закрыть глаза, поверить, что она жива и здорова, и сразу же...

Рэндалл сделал такую попытку. Отключившись от остального мира, он представил себе Синтию — Синтию живую и здоровую, этот изгиб ее губ, когда она смеется; Синтию утреннюю, едва проснувшуюся и прекрасную; Синтию в отлично сидящем костюме и задорной маленькой шляпе, готовую идти за ним, куда угодно; Синтию...

Рэндалл открыл глаза и посмотрел на кровать. Она все так же лежала, все такая же неподвижная и бледная, как смерть. Позволив себе немного пореветь, он высморкался и пошел к раковине, чтобы ополоснуть лицо холодной водой.

VIII

Когда загудел домофон, Рэндалл не стал поднимать трубку, а сразу нажал кнопку замка — не хотелось говорить вообще ни с кем, а тем более — с разносчиком, которого нанял Джо.

Через пару минут раздался осторожный стук в дверь.

— Заноси, — сказал Рэндалл, открывая дверь, и замер, как вкопанный.

На пороге стоял Хог.

Первые мгновения оба они молчали — Рэндалл был слишком потрясен, чтобы говорить, а Хог явно чувствовал себя неуверенно и ждал, чтобы разговор начал хозяин дома.

— Я *должен* был прийти, мистер Рэндалл, — робко произнес он. — Можно... можно я войду?

Рэндалл глядел на него, не находя слов от возмущения. Ну и наглец же — это только представить себе такое бесстыдство!

— Я пришел сюда, желая доказать вам, — все также смущенно продолжал Хог, — что никак не мог сознательно сделать что-либо плохое для миссис Рэндалл. А если я все же поступил так, сам того не зная, то хочу сделать все возможное для возмещения ущерба.

— Поздно догадались.

— Но, мистер Рэндалл, почему вы считаете, что именно я сделал что-то вашей жене. Я не понимаю, как такое могло случиться — во всяком случае вчера утром.

Смолкнув, он в отчаянии посмотрел в закаменевшее лицо Рэндалла.

— Ведь вы же не застрелите собаку, не разобравшись сперва в ее вине?

Рэндалл решительно не знал, что делать. Вот послушаешь этого Хога и начнет казаться, что говоришь с человеком вполне порядочным.

— Заходите, — резко произнес он, широко распахнув дверь.

— Спасибо, мистер Рэндалл.

Не успел Хог войти, как на пороге появился еще один человек, никому не известный и увешанный свертками.

— Ваша фамилия Рэндалл?

— Да, — чистосердечно признался Рэндалл, выискивая в кармане мелочь. — А как вы вошли?

— Вместе с ним, — ответил рассыльный, указывая на Хога, — но сперва я перепутал этаж. А пиво холодное, шеф, — добавил он заискивающе. — Только из холодильника.

— Благодарю.

Добавив к полтиннику еще четвертак, Рэндалл закрыл дверь, подобрал с пола сверток и пошел на кухню. Стоит, решил он, сразу и выпить пива — вряд ли

когда-нибудь оно казалось более соблазнительным. Свалив на кухне свертки, Рэндалл нашел в ящике стола открывалку, взял одну из банок и готов был уже открыть ее, но тут краем глаза уловил какое-то движение — это Хог беспокойно переступил с ноги на ногу. Только сейчас Рэндалл вспомнил, что так и не предложил ему сесть.

— Садитесь.

— Спасибо, — поклонился Хог.

Рэндалл вернулся к пиву, однако чувствовал себя крайне неловко — чёрт бы побрал эти хорошие манеры. Невозможно ведь налить пиво одному себе, не предложив гостю, хоть сто раз незваному.

«А черт с ним, — подумал он после секундной нерешительности. — Ни мне, ни Синтии не повредит, если этот тип выпьет банку пива».

— Вы пьете пиво?

— Да, благодарю вас.

Вообще-то Хог крайне редко употреблял пиво, сберегая свое нёбо для тонкостей ароматов хороших вин, однако в этот момент он скорее всего согласился бы на любую бормотуху, даже на воду из лужи, предложи Рэндалл таковой напиток.

Рэндалл принес стаканы, поставил их, а потом сходил в спальню, открыв при этом ее дверь едва-едва, лишь бы протиснуться. Синтия, как он и ожидал, была все в том же состоянии. Рэндалл чуть-чуть повернул ее, считая про себя, что даже человеку, находящемуся без сознания, утомительно долго лежать в одном и том же положении, а затем расправил покрывало. Глядя на жену, он думал о Хоге и предостережениях Потбери. Неужели Хог действительно настолько опасен, как считает врач? Не может ли случиться, что он, Рэндалл, прямо сейчас играет ему на руку?

Нет, сейчас Хог не может причинить никакого вреда. Когда самое худшее уже позади, любое изменение может быть только к лучшему. Не страшно, если оба они умрут — или даже если умрет одна Синтия, ведь он последует за ней. Так Рэндалл решил сегодня еще с утра — и шли бы подальше те, которые назовут подобный поступок трусостью.

Нет, если во всем виноват Хог — теперь он безоружен. Рэндалл вернулся в гостиную.

Пиво Хога стояло нетронутым.

— Да вы пейте, — предложил Рэндалл, садясь за стол и беря свой стакан. Хог последовал его примеру; у него хватило здравого смысла не провозглашать никакого тоста и даже не обозначать тоста подниманием стакана.

— Не понимаю я вас, Хог, — с усталым любопытством оглядел своего гостя Рэндалл.

— Я сам не понимаю себя, мистер Рэндалл.

— Зачем вы пришли сюда?

— Узнать про миссис Рэндалл, — беспомощно развел руками Хог. — Узнать, что именно я ей сделал. Попробовать хоть как-то возместить ущерб.

— Так вы признаете, что сделали это?

— Нет, мистер Рэндалл. Нет. Не понимаю, как я мог сделать с миссис Рэндалл что бы то ни было вчера утром.

— Не забывайте, что я видел вас.

— Но... Что я сделал?

— Вы подстерегли миссис Рэндалл в коридоре Мидуэй-Колтон-билдинг и пытались ее задушить.

— Боже милосердный! Но... вы видели, как я это сделал?

— Нет, не совсем. Я был...

Рэндалл замолк. Интересно это будет звучать, если он расскажет Хогу, как не смог увидеть его в одной части здания потому, что в это же самое время наблюдал за ним в другой части того же здания.

— Продолжайте, пожалуйста, мистер Рэндалл.

Рэндалл нервно вскочил на ноги.

— Все эти разговоры бесполезны, — резко сказал он. — Я не знаю, что вы сделали. Я не знаю, сделали ли вы вообще что-нибудь. Но вот одно я знаю прекрасно. Начиная с самого первого дня, как вы вошли в эту дверь, с моей женой и со мной происходят странные вещи — страшные вещи — а теперь она лежит здесь, словно мертвая. Она...

Не в силах говорить дальше, Рэндалл закрыл лицо руками.

Он почувствовал осторожное прикосновение к своему плечу.

— Мистер Рэндалл... пожалуйста, мистер Рэндалл. Я очень сожалею и хотел бы вам помочь.

— Не знаю, как может помочь мне кто бы то ни было — разве что вы знаете какой-нибудь способ разбудить мою жену. Вы знаете такой способ?

— Боюсь, что не знаю, — медленно покачал головой Хог. — Но скажите мне, что с ней такое? Ведь я еще не знаю.

— Рассказывать тут особенно и нечего. Сегодня утром она не проснулась. Очень похоже, что она так никогда и не проснется.

— А вы уверены, что она не... не умерла?

— Нет, она не умерла.

— У вас, конечно же, был уже врач. Что он сказал?

— Он сказал, чтобы я не трогал ее и все время за ней наблюдал.

— Да, но какой он поставил диагноз?

— Он назвал это Lethargica gravis.

— Lethargica gravis? Он именно так сказал?

— Да, а что?

— Неужели он не пытался установить диагноз?

— Но это и был его диагноз...

Хог оставался в недоумении.

— Но ведь это же не диагноз, мистер Рэндалл. Это — просто напыщенный способ сказать «очень глубокий сон». Эти слова совершенно ничего не значат. Это все равно, что сказать человеку с кожным заболеванием, что у него дерматит, или человеку с неполадками в желудке — что он болен гастритом. Какие он делал анализы?

— Ээ... Не знаю. Я...

— Он вводил зонд в желудок?

— Нет.

— Рентген?

— Нет, да и как он мог в квартире.

— Вы хотите сказать мне, мистер Рэндалл, что врач просто зашел к вам, посмотрел на нее и ушел, не делая с ней ничего, не проводя никаких анализов, не созывая консилиума? Это ваш семейный врач?

— Нет, — уныло признался Рэндалл. — Вообще-то я не очень понимаю во врачах. Мы с Синтией никогда к ним не ходили. Но вы сами должны знать, хороший он или нет — ведь это был Потбери.

— Потбери? Вы имеете в виду доктора Потбери, того самого, к которому я обращался? Как это случилось, что вы выбрали именно его?

— Ну, мы же не знаем никаких врачей — а к нему мы ходили, когда проверяли ваш рассказ. А что вы имеете против Потбери?

— Да в общем-то ничего. Просто он был груб со мной — либо мне так показалось.

— Ладно, а тогда что он имеет против вас?

— Не понимаю, как Потбери может иметь что-нибудь против меня, — удивился Хог. — Я и видел-то его всего однажды. Разве что из-за этого анализа, хотя чего бы собственно?

Он недоуменно пожал плечами.

— Вы говорите про эту самую грязь из-под ваших ногтей? Я считал ваш рассказ чистой выдумкой.

— Нет.

— Как бы там ни было, это не может быть единственной причиной. Он такого про вас наговорил...

— А что он про меня говорил?

— Он сказал...

Рэндалл осекся, сообразив, что Потбери не говорил против Хога ничего конкретного, все его зловещие намеки состояли как раз в том, чего он не хотел говорить.

— Тут дело не в том, что он говорил, а скорее в том, как он к вам относится. Он вас ненавидит, а заодно и боится.

— Меня боится?

Хог слабо улыбнулся, словно стараясь показать, что понял и разделяет шутку Рэндалла.

— *Этого* он не говорил, но все и так ясно, как Божий день.

— Вот этого я совсем не понимаю, — покачал головой Хог. — Мне как-то привычнее самому бояться людей, чем чтобы они меня боялись. Подождите — а *вам* он не сказал результатов того анализа?

— Нет. Знаете, а я вот сейчас вспомнил самую странную вещь из связанных с вами, Хог.

Рэндалл секунду помолчал, думая об этой невероятной истории с тринадцатым этажом.

— Вы случайно не гипнотизер?

— Боже помилуй, конечно нет. А почему вы об этом спросили?

Рассказ Рэндалла о первой попытке установить за ним наблюдение Хог выслушал молча, с напряженным и недоумевающим лицом.

— Вот так оно, значит, и получается, — подытожил Рэндалл. — Тринадцатого этажа не существует, «Детериджа и компании» не существует, ничего не существует. А я помню все с абсолютной ясностью.

— Это все?

— А что, мало? Вообще-то я могу добавить еще одну вещь. Значения она никакого не имеет, но показывает, как все это на меня подействовало.

— И что это за вещь?

— Подождите минутку.

Рэндалл встал и снова направился в спальню; на этот раз он не так старался минимально открывать дверь, хотя все-таки прикрыл ее за собой. С одной стороны он несколько нервничал, что не сидит все время рядом с Синтией, но с другой стороны, будь Рэндалл способен честно разобраться в своих чувствах, пришлось бы признаться, что присутствие даже такого маложелательного гостя, как Хог, несколько облегчает его бремя. Сам он считал свое поведение попыткой выяснить причины постигших их с Синтией бед.

Он снова послушал, как бьется ее сердце. Убедившись, что жена не покинула еще сию юдоль скорби, он чуть-чуть взбил подушку и откинул с лица Синтии какой-то случайный волос. Затем, наклонившись и клюнув ее губами в лоб, Рэндалл вернулся в гостиную.

Хог ждал.

— Как там? — спросил он.

Тяжело опустившись на стул, Рэндалл подпер голову руками.

— Все так же.

Хог разумно воздержался от пустых соболезнований; после нескольких секунд молчания Рэндалл начал

устало рассказывать о кошмарах, преследовавших его несколько ночей подряд.

— Поймите, я совсем не хочу сказать, что это имеет какое-то значение, — добавил он в конце. — Я не суеверен.

— А вот я и не знаю, — задумчиво сказал Хог.

— Что вы имеете в виду?

— Я не имею в виду ничего такого сверхъестественного, но разве можно исключить возможность, что это не какие-то там случайные сны, вызванные вашими дневными переживаниями? Я хочу сказать — если есть кто-то, способный среди белого дня вызвать у вас такие сны наяву, которые снились вам в «Акме», почему он не может управлять заодно и вашими ночными снами?

— Как это?

— Вас кто-нибудь ненавидит, мистер Рэндалл?

— Если и есть такие, то я о них не знаю. Конечно, при моем роде занятий приходится иногда делать вещи, которые не вызывают особого дружеского расположения, но это всегда — по чьему-то поручению, в этом нет ничего личного. У некоторых типов есть на меня зуб — но они не способны ни на что подобное. Все это — бред какой-то. А вас кто-нибудь ненавидит? Не считая Потбери?

— Я о таких тоже не знаю. Да и про него мне тоже непонятно, чего это он. Кстати о нем, ведь вы наверное обратитесь теперь к другим врачам?

— Да. Что-то у меня шарики в голове крутятся медленно. Но я и придумать не могу, как это сделать — разве что взять телефонную книгу и выбрать первый попавшийся номер.

— Можно поступить гораздо лучше. Позвоните в какую-нибудь из больших больниц и попросите прислать за ней машину.

— Вот так я и сделаю, — вскочил на ноги Рэндалл.

— Можно подождать с этим до утра. До утра с ней все равно ничего существенного делать не будут, а она может за это время сама проснуться.

— Ну... да, пожалуй что и так. Надо мне еще на нее посмотреть.

— Мистер Рэндалл?

— Да?

— Ээ., вы бы не возражали... нельзя ли и мне на нее посмотреть?

Рэндалл поднял голову. Он и сам не осознавал, насколько усыплены были его подозрения словами и вежливостью Хога, но теперь неожиданная просьба отрезвила его, заставила вспомнить зловещее предупреждение доктора Потбери.

— Лучше не надо, — натянуто произнес он.

Хог с трудом скрыл свое разочарование.

— Конечно, конечно, я вполне вас понимаю.

Когда Рэндалл вернулся из спальни, неожиданный гость уже стоял у двери со шляпой в руке.

— Пожалуй, мне лучше уйти, — сказал он и добавил, не получив ответа: — Если хотите, я останусь здесь до утра.

— Не надо. В этом нет необходимости. Всего хорошего.

— Всего хорошего, мистер Рэндалл.

После ухода Хога Рэндалл начал бесцельно бродить по квартире, раз за разом возвращаясь в спальню, к жене. Замечания, сделанные Хогом по поводу врачебных методов Потбери, обеспокоили его сильнее, чем он сам себе в том признавался; кроме того Хог, частично усыпив подозрения в отношении себя, отнял у Рэндалла простого и очевидного козла отпущения — это тоже не прибавляло спокойствия души.

Рэндалл поужинал бутербродами, запил их пивом и с радостью констатировал, что на этот раз все обошлось без неприятных последствий. Затем он перетащил в спальню большое кресло, поставил перед ним скамеечку для ног, вынул запасное одеяло и приготовился к ночному бдению. Делать было нечего, читать не хотелось — Рэндалл попытался было, но книга валилась из рук. Время от времени он поднимался и выуживал из холодильника очередную банку пива. Когда пиво кончилось, пришлось перейти на виски. Нервы эта отрава немного успокоила, но никакого другого ее действия Рэндалл не замечал. Напиваться ему не хотелось.

Проснулся он словно от толчка, в ужасе, и первые секунды был уверен, что через зеркало лезет Фиппс,

намеренный похитить Синтию. В спальне царила полная темнота, сердце буквально колотило в ребра Рэндалла; он нащупал выключатель и увидел, что ничего подобного не происходит, и его жена, бледная, как воск, лежит на прежнем месте.

Только обследовав большое зеркало, убедившись, что оно самым нормальным образом отражает помещение, а не стало окном в какое-то другое, жуткое место, он решил потушить свет. При слабых отблесках проникающего в окно света фонарей Рэндалл налил себе рюмку для поправки расшатавшихся нервов.

Краем глаза уловив в зеркале какое-то шевеление, он резко повернулся, но увидел только свое же собственное, полное ужаса лицо. Опустившись снова в кресло, он потянулся и принял решение не позволять себе больше засыпать.

Что это?

Он бросился в кухню, но там все было в порядке. Во всяком случае глазом ничего подозрительного не видно. Новый приступ панического страха бросил его обратно в спальню — а вдруг это была просто уловка, чтобы он отошел от Синтии.

Они издевались над ним, дразнили его, старались заставить сделать неверный шаг. Рэндалл *знал* это — уже многие дни они плетут сети заговора, стараясь сорвать его самообладание. Они наблюдают за ним через каждое зеркало, имеющееся в доме, и быстро прячутся, когда он пытается их поймать. Сыны Птицы...

— Птица жестока!

Что это, он сам это сказал? Или это крикнул кто-то другой? Птица жестока. Рэндаллу не хватало воздуха, он подошел к открытому окну спальни и выглянул наружу. Темно, как в яме, ни малейших признаков рассвета. На улице ни души. Со стороны озера наползает стена тумана. Времени-то сколько? Шесть утра, если верить часам на столике. Да светает ли когда-нибудь в этом Богом позабытом городе?

Сыны Птицы. Неожиданно Рэндалл почувствовал себя очень хитрым и изворотливым; они считают, что он у них в руках, а он их одурачит, не позволит делать такое с ним и с Синтией. Вот пойдет сейчас и перебьет все зеркала, какие есть в квартире. Рэндалл целеустрем-

ленно направился к кухонному столу и вытащил из ящика, предназначенного для хранения всякой ерунды, молоток. Вооружившись таким образом, он уверенно вошел в спальню. Сначала — большое зеркало...

Уже замахнувшись, он замер в нерешительности. Синтия расстроилась бы — семь лет счастья не видать. Сам-то он не суеверен, но... Синтии это не понравилось бы. Рэндалл повернулся к кровати с намерением объяснить ей все. Это же так очевидно — просто перебить все зеркала, и никаким Сынам Птицы сюда не влезть.

Повернулся и увидел бледное, неподвижное лицо.

А что еще можно придумать? Они пользуются зеркалами. А что такое зеркало? Кусок стекла, который отражает. Ну и пожалуйста, сделаем так, что они не будут отражать! И как сделать, это тоже ясно, в том же ящике, что и молоток, лежит три или четыре банки эмалевой краски и небольшая кисть — напоминание об охватившем однажды Синтию благородном порыве перекрасить всю мебель.

Рэндалл вылил содержимое всех банок в миску, получилось около пинты густой краски — вполне достаточно, подумал он, для предстоящей работы. Первым нападению подверглось новое зеркало; Рэндалл швырял на него краску быстрыми беззаботными мазками. Краска текла по рукам, капала на туалетный столик — хрен с ним, не до того. Теперь возьмемся за остальные.

На зеркало в гостиной краски все-таки хватило, хотя и едва-едва. Ну и хорошо, все равно — это последнее в квартире зеркало, не считая, конечно, крохотных зеркалец в сумках Синтии, но на эти штуки, решил Рэндалл, можно не обращать внимания. Слишком маленькие, чтобы пролезть человеку, да и вообще спрятаны от глаз.

Краска в банках была черная и красная, все это перемешалось и теперь изобильно украшало руки Рэндалла; выглядел он сейчас так, словно только что совершил зверское убийство с последующим расчленением — «расчленёнку», выражаясь нежным полицейским жаргоном. Ничего, переживем. Вытерев краску — если не

всю, то большую ее часть — полотенцем, он вернулся к своему креслу и к своей бутылке.

А вот теперь пусть попробуют. Пусть они попробуют свою подлую, грязную черную магию. Ничего, голубчики, не выйдет.

И когда только начнет светать?

Звонок в дверь выдернул Рэндалла из кресла. Несмотря на полный сумбур в голове, он продолжал хранить твердую уверенность, что не сомкнул глаз ни на секунду. Синтия в порядке, то есть спит по-прежнему — ни на что большее он и не надеялся. Свернув свой бумажный стетоскоп, он на всякий случай послушал ее сердце.

Звон продолжался — а может возобновился — в точности Рэндалл не знал. Совершенно механически он взял трубку домофона.

— Потбери, — послышался раздраженный голос. — В чем дело? Вы что там, уснули? Как состояние больной?

— Без изменений, доктор, — ответил Рэндалл, изо всех сил пытаясь справиться с неожиданно непослушным голосом.

— Действительно? Ладно, впустите меня.

Когда Рэндалл открыл дверь, Потбери бесцеремонно прошел мимо него, направился прямо к Синтии и несколько секунд смотрел на нее, низко нагнувшись к кровати.

— Все, похоже, как и раньше, — выпрямился он. — Да и трудно ожидать каких-нибудь перемен в первые день-два. Кризис должен наступить примерно в среду.

С явным любопытством Потбери оглядел Рэндалла.

— А чем это вы тут, позволительно будет спросить, занимались? Видок у вас — как после недельного запоя.

— Ничем, — искренне удивился Рэндалл. — А почему вы не велели мне отправить ее в больницу?

— Самое худшее, что только можно сделать.

— А почему вы так решили? Вы ведь даже толком ее не обследовали. Вы ведь не знаете, что с ней такое. Ведь вы не знаете?

— Вы что, свихнулись? Я же вчера вам это сказал.

— Одни умственные слова и увертки, — упрямо помотал головой Рэндалл. — Вы пытаетесь меня обмануть, хотелось бы только знать — почему.

Потбери шагнул к Рэндаллу.

— Вы действительно сошли с ума, а заодно и напились. — Он бросил взгляд на большое зеркало. — А вот мне хотелось бы узнать, что тут происходило. — Он потрогал косо наляпанную краску, обезобразившую безукоризненную когда-то поверхность.

— Не трогайте!

Потбери отодвинулся от зеркала.

— Зачем это?

Лицо Рэндалла приобрело хитрое, пройдошистое выражение.

— А я их обманул.

— Кого?

— Сынов Птицы. Они приходят через зеркало, а я им помешал.

Потбери смотрел на него молча, безо всякого выражения.

— Я их знаю, — продолжил Рэндалл. — Больше они меня не проведут. Птица жестока.

Потбери спрятал лицо в ладонях.

Несколько секунд оба они стояли совершенно неподвижно. Эти секунды потребовались, чтобы новая мысль нашла себе место в измученном, а заодно и отравленном ночными возлияниями мозгу Рэндалла. А когда она нашла-таки это место, Рэндалл ударил врача ногой в пах. Следующие несколько секунд прошли довольно сумбурно. Не проронив ни звука, Потбери начал яростно сопротивляться. Даже не пытаясь придерживаться правил честной драки, Рэндалл дополнил первый танковый удар другими, столь же эффективными — и грязными.

Когда дым сражения рассеялся, Потбери был в ванной, за запертой дверью, а Рэндалл — в спальне, с ключом от этой двери в кармане. Дышал он тяжело, но даже и не замечал своих немногочисленных и незначительных боевых ран.

Синтия продолжала спать.

— Мистер Рэндалл, выпустите меня отсюда!

Рэндалл вернулся в свое кресло и теперь напряженно думал, как выбраться из несколько странной ситуации. Полностью протрезвев, он не порывался искать совета у бутылки. Мысль, что Сыны Птицы действительно существуют и что один из них заперт в его ванной, укладывалась в голове с трудом.

Это как же получается? Значит, Синтия лежит без сознания, потому что — Господи милосердный! — эти самые Сыны украли ее душу. Дьяволы — они с Синтией связались с дьяволами.

— Что все это значит, мистер Рэндалл? — продолжал барабанить в дверь Потбери. — Вы совсем свихнулись. Выпустите меня!

— А что вы тогда сделаете? Вы оживите Синтию?

— Я сделаю для нее все, что в силах врача. Зачем вы загнали меня сюда?

— Сами знаете. Почему вы закрыли лицо руками?

— При чем тут это? Я хотел чихнуть, а вы вдруг ударили меня ногой.

— А что я должен был сделать? Сказать: «Будьте здоровы»? Вы, Потбери, дьявол. Вы — Сын Птицы.

Последовало короткое молчание.

— Что это за чушь?

Рэндалл задумался. А может и вправду чушь? А что если Потбери действительно собирался чихнуть? Нет! Никакие прочие объяснения ничего не объясняют. Дьяволы, дьяволы и черная магия. Стоулз, и Фиппс, и Потбери, и вся остальная компания.

Хог? Это легко поставит на место... секундочку, секундочку. Потбери ненавидит Хога. Стоул ненавидит Хога. Все Сыны Птицы ненавидят Хога. Прекрасно, дьявол там Хог или не дьявол — все равно он союзник.

Потбери снова колотил в дверь, но теперь уже не кулаками, а, судя по тяжелым, более редким ударам, плечом, всем телом. Дверь ванной — довольно хлипкая, как и все внутренние двери современных квартир — вряд ли собиралась долго терпеть столь неаккуратное с собой обращение.

Рэндалл постучал в дверь снаружи.

— Потбери! Эй, Потбери! Вы меня слышите?

— Да.

— А вы знаете, что я сейчас сделаю? Я позвоню Хогу и позову его сюда. Вы слышите, Потбери? Он убьет вас, Потбери, он убьет вас.

Ответа не последовало, но через некоторое время тяжелое буханье возобновилось. Рэндалл достал револьвер.

— Потбери!

Опять ответа не было.

— Потбери, кончайте эту долбежку, или я буду стрелять.

Удары даже не ослабели.

И тут Рэндалла неожиданно осенило.

— Потбери — Во Имя Птицы — отойдите от двери.

Шум стих, словно отрезанный.

Немного послушав, Рэндалл решил закрепить свое преимущество.

— Во имя Птицы, не трогайте больше эту дверь. Вы слышите меня, Потбери?

Ответа снова не последовало, но стук не возобновлялся.

Время было еще раннее, и Хог оказался дома. Мало что поняв из сбивчивых объяснений Рэндалла, он однако согласился приехать к нему сию секунду или чуть быстрее.

Вернувшись в спальню, Рэндалл возобновил свою — теперь уже двойную — стражу. В левой руке он держал холодную, безжизненную ладонь жены, а в правой — револьвер, на случай, если заклятие не сработает. Однако грохот не возобновлялся, несколько минут во всей квартире царила мертвая тишина. Затем Рэндалл услышал — либо ему померещилось, что услышал, — в ванной негромкое поскребывание, звук необъяснимый и странным образом зловещий.

Что бы это могло значить, он не понял, так что и делать ничего не стал. Звуки продолжались несколько минут, а потом прекратились. А дальше — снова тишина.

Увидев оружие, Хог отшатнулся.

— Мистер Рэндалл!

— Хог, — вопросил Рэндалл, — вы дьявол?

— Я вас не понимаю.

— Птица жестока!

Хог не закрыл лица, однако на этом самом его лице, очень растерянном, забрезжило какое-то понимание.

— О'кей, — решил наконец Рэндалл. — Вы прошли испытание. Если вы и дьявол, то дьявол, который мне нужен. Заходите, я запер Потбери и хочу выставить вас против него.

— Меня? Почему?

— Потому, что он-то настоящий дьявол. Сын Птицы. А они все вас боятся. Идемте.

Продолжая разговор, он потащил Хога в спальню, к дверям ванной.

— Моя ошибка заключалась в том, что я не хотел верить в происходящее. *Это были не сны.*

Стволом револьвера он постучал в дверь.

— Потбери! Здесь находится Хог. Делайте, как я скажу, и тогда — *может быть* — останетесь живы.

— А что вы от него хотите? — несколько нервно спросил Хог.

— Как что? Ее, конечно.

— О...

Постучав в дверь еще раз, Рэндалл прошептал Хогу:

— А вы согласны ему противостоять, если я открою дверь? Я буду рядом с вами.

Хог бросил взгляд на Синтию, нервно сглотнул и решился.

— Конечно.

— Ну, поехали.

Ванная комната оказалась пустой; ни окна, ни какого-либо иного мыслимого выхода она не имела, но угадать путь бегства Потбери не представляло труда — краска, которой Рэндалл измазал поверхность зеркала, была содрана. При помощи бритвенного лезвия.

Плюнув на предстоящие семь лет невезения, они с Хогом разбили зеркало. Знай Рэндалл, как это делается, он мог бы броситься на ту сторону, чтобы в одиночку разобраться со всей их компанией, но он этого не знал, так что представлялось разумным прикрыть лазейку.

Дальше делать опять было нечего. Сидя рядом с безжизненной Синтией, они обсудили ситуацию, но так ничего и не придумали. Магией они не владели. Через какое-то время Хог тактично удалился в гостиную, не желая нарушать интимность с новой силой охватившего Рэндалла отчаяния, однако совсем уходить он не хотел. Время от времени он заглядывал в спальню. Именно в один из таких визитов Хог заметил торчащий из-под кровати предмет.

— Эд, — спросил он, поднимая с пола черный саквояж, — а эту штуку вы видели?

— Какую?

Тусклыми, осоловевшими глазами Рэндалл прочитал надпись, сделанную на крышке саквояжа золотыми, порядком потертыми буквами:

ПОТИФАР Т. ПОТБЕРИ. Д.М.

— А?

— Он, наверное, забыл его.

— У него и возможности-то не было его унести.

Взяв у Хога саквояж, Рэндалл открыл его — стетоскоп, акушерские щипцы, иглы, зажимы, набор ампул в футляре — обычные инструменты врача широкого профиля. И один лекарственный пузырек. Рассеянно повертев в руках этот пузырек, Рэндалл прочел прикрепленный к нему рецепт:

ЯД!
Рецепт не используется повторно.
МИССИС РЭНДАЛЛ — ПРИНИМАТЬ ПО НАЗНАЧЕНИЮ.
АПТЕКА «БОНТОН» — ВСЕ ТОВАРЫ СО СКИДКОЙ.

— А может, он думал ее отравить? — предположил Хог.

— Не думаю, это обычные предостережения, как всегда на наркотиках. Хотелось бы все-таки посмотреть, что там за отрава.

Встряхнув казавшийся совсем пустым пузырек, Рэндалл начал соскребать с его горлышка воск.

— Осторожнее, — встревоженно сказал Хог.

— Постараюсь.

Извлекая пробку, Рэндалл отодвинул пузырек подальше от лица, затем повел носом и почувствовал аромат, тонкий и необыкновенно приятный.

— Тедди.

Роняя пузырек, он мгновенно обернулся. Да, говорила Синтия, ее ресницы приподнялись.

— Ничего не обещай им, Тедди.

Тяжело вздохнув, она прошептала:

— Птица жестока! — и снова закрыла глаза.

IX

— Все дело в ваших провалах памяти, — настаивал Рэндалл. — Будь известно, чем вы занимаетесь днем, какая у вас профессия, стало бы понятно — чего это ради так ополчились на вас Сыны Птицы. Более того, мы бы знали, как с ними бороться — ведь они самым очевидным образом вас боятся.

— А как считаете вы, миссис Рэндалл? — повернулся к Синтии Хог.

— Думаю, Тедди прав. Понимай я достаточно в гипнозе, можно было бы попробовать его, но тут я, к сожалению, пас — поэтому лучше всего воспользоваться скополамином. Вы согласны?

— Если предлагаете вы — да, согласен.

— Достань это хозяйство, Тедди.

Синтия спрыгнула с края стола, на котором сидела все время разговора, и Рэндалл протянул руки, пытаясь ее поймать.

— Поосторожнее бы ты, лапа, — укорил он жену.

— Ерунда, я же в полном порядке.

Почти сразу после пробуждения Синтии они переместились в контору. Говоря попросту, все трое были перепуганы, перепуганы до дрожи в коленках, но не до потери рассудка. Квартира казалась очень опасным местом — правда, и контора вряд ли была многим лучше. Поэтому Рэндалл с Синтией решили убраться из города, заезд в контору намечался как последняя остановка, для проведения военного совета.

А Хог не знал, что ему делать.

— Будем считать, что вы никогда не видели этого набора, — предупредил его Рэндалл, наполняя шприц. — Я ведь не врач и не должен бы его иметь. Но иногда такая вещь бывает очень кстати.

Он протер предплечье Хога спиртом.

— А теперь — спокойно.

Оставалось только ждать, когда наркотик подействует.

— А что ты надеешься узнать? — прошептал Рэндалл Синтии.

— Не знаю. Если повезет, две его личности воссоединятся — и тогда может выясниться много интересного.

Через некоторое время голова Хога безвольно повисла, он стал тяжело дышать. Синтия слегка потормошила его за плечо.

— Мистер Хог, вы меня слышите?

— Да.

— Как вас звать?

— Джонатан... Хог.

— Где вы живете?

— Корпус «Готем» — квартира шестьсот два.

— Чем вы занимаетесь?

— Я... не знаю.

— Постарайтесь вспомнить. Какая у вас профессия?

Молчание. Синтия сделала еще одну попытку.

— Вы гипнотизер?

— Нет.

— Вы... маг?

На этот раз ответ прозвучал только после заметной паузы.

— Нет.

— *Кто вы такой, Джонатан Хог?*

Хог открыл рот, готовый, казалось, ответить, но затем неожиданно выпрямился и посмотрел на Синтию. Манеры его разительно изменились, движения стали быстрыми, точными, никаких последствий действия наркотика не было и в помине.

Встав, Хог подошел к окну.

— Плохо, — сказал он, выглянув на улицу. — До чего же плохо.

Говорил он скорее сам с собой, ни к кому не обращаясь. Синтия и Рэндалл смотрели на него, затем переглянулись, словно ища друг у друга помощи.

— Что плохо, мистер Хог? — неуверенно спросила Синтия.

Она еще не анализировала своих впечатлений, но ясно было, что сейчас в конторе находился буквально другой человек — более молодой, полный энергии.

— Да? А, извините. Мне, наверное, надо было объяснить. Я был вынужден, ну, скажем, освободиться от этого препарата.

— Освободиться?

— Отбросить его, проигнорировать, уничтожить. Видите ли, милая, пока вы со мной разговаривали, я припомнил свою профессию. — Хог весело посмотрел на Рэндалла и Синтию, однако от дальнейших объяснений воздержался.

Первым пришел в себя Рэндалл.

— Так какая же у вас профессия?

Хог улыбнулся ему чуть ли не с нежностью.

— Мне не стоит этого вам сообщать, — сказал он. — Во всяком случае — пока. Дорогая, — повернулся он к Синтии, — вас не затруднит снабдить меня письменными принадлежностями?

— Ээ... конечно, конечно.

С поклоном взяв у Синтии карандаш и бумагу, он сел и начал быстро писать.

Видя, что Хог, судя по всему, не намерен объяснять своего поведения, Рэндалл прервал его.

— Послушайте, Хог, как мы должны все это... — начал он, но увидел в повернувшемся к нему ясном, безмятежном лице нечто такое, что заставило его изменить тон и неловко скомкать фразу.

— Ээ... мистер Хог, я ничего не понимаю.

— Вы согласны мне довериться?

Рэндалл на мгновение прикусил нижнюю губу, а затем поднял глаза на спокойное, терпеливое лицо Хога.

— Да... пожалуй, я согласен, — промямлил он в конце концов.

— Вот и хорошо. Я хочу вас попросить кое-что купить для меня вот по этому списку. Ближайшие два часа я буду очень занят.

— Вы нас покидаете?

— Вы беспокоитесь насчет Сынов Птицы, верно? Выкиньте их из головы, они не принесут вам больше никакого вреда, это я вам обещаю.

Хог вернулся к прерванному занятию. Через несколько минут он передал список Рэндаллу.

— Внизу я написал место, где мы с вами встретимся — это заправочная станция неподалеку от Уокигана.

— Уокиган? А почему Уокиган?

— Да особых причин, собственно, нет. Просто я хочу еще раз сделать нечто, что я очень люблю делать, — и вряд ли смогу когда-либо сделать вновь. Вы ведь поможете мне, да? Кое-что из заказанного мной не очень просто найти, но ведь вы постараетесь?

— Конечно, постараемся.

— Отлично.

Не сказав больше ни слова, Хог встал и вышел.

Когда дверь конторы закрылась, Рэндалл опустил глаза на список.

— Ну, чтоб меня черти... Ты знаешь, Син, что мы должны купить? Гастрономию всякую.

— Гастрономию? Дай-ка посмотреть..

X

Теперь они находились на северной окраине города, и Рэндалл вел машину все дальше на север. Впереди лежало условленное место встречи с Хогом, а сзади, в багажнике их машины, находились сделанные для него покупки.

— Тедди?

— Да, маленькая?

— А здесь можно развернуться на встречную полосу?

— Конечно — если никто не поймает. А что?

— Понимаешь, именно этого мне сейчас больше всего хочется. Подожди, — торопливо добавила она, — не прерывай. Мы на машине, все наши деньги у нас с собой. Ничто не может помешать нам поехать на юг, если захотим.

— Все еще думаешь об отпуске? Так мы и поедем в отпуск — только сперва отвезем Хогу всю эту хурдумурду.

— Я не про отпуск. Мне хочется уехать отсюда прямо сейчас, и никогда не возвращаться.

— Со всеми этими умопомрачительными продуктами, которые Хог заказал, и за которые он должен нам восемьдесят долларов? Гуляйте.

— Сами съедим.

— Икру и крылышки колибри? — фыркнул от возмущения Рэндалл. — Нам это, лапа, не по карману. Мы все больше насчет гамбургера или еще чего в этом роде. Да и вообще я хочу еще раз увидеть Хога. Поговорить с ним напрямую, получить какие-нибудь объяснения.

— Так я и думала, Тедди, — вздохнула Синтия. — Вот потому-то мне и хочется бросить все и удрать. Не хочу я никаких объяснений, мир, как он есть, вполне меня удовлетворяет. Чтобы ты и я — и никаких таких сложностей. Не хочу я и знать ничего ни про мистера Хога и его профессию, ни про Сынов Птицы — ни про что.

Рэндалл нашарил в кармане сигарету, чиркнул спичкой. Все это время он краем глаза чуть насмешливо смотрел на жену. Движение на шоссе, к счастью, было довольно слабым.

— Знаешь, маленькая, я ведь тоже отношусь ко всем этим делам примерно так же, как и ты. Но тут есть одно обстоятельство — если мы оставим все, как есть, я буду бояться Сынов Птицы весь остаток своих дней, да я бриться не буду, чтобы только в зеркало не посмотреть. Но есть же какое-то рациональное объяснение всему — обязательно должно быть — и я хочу его услышать. Только тогда мы сможем спокойно спать.

Синтия молчала; вся ее потерянно съежившаяся маленькая фигурка выражала отчаяние.

— А ты посмотри с такой стороны, — продолжал Рэндалл. — Все случившееся с нами могло быть вызвано вполне обычными причинами, безо всякого обращения к потусторонним силам. А что касается потусторонних сил — знаешь, вот сейчас, среди бела дня, посреди оживленного шоссе в них как-то с трудом верится. Сыны, понимаешь ли, Птицы — хрен это все.

— Первый важный момент состоит в том, — с растущим раздражением продолжил Рэндалл, так и не получив ответа от Синтии, — что Хог — потрясающий актер. И совсем он не этакий маленький чопорный Каспар Милкитост*, как нам раньше казалось, а самая что ни на есть доминантная личность. Вспомни только, как я заткнулся, взял под козырек и сказал: «Есть, сэр», когда он сделал вид, что нейтрализовал наркотик и приказал нам купить все эти роскошные яства.

— Сделал вид?

— А ты как думала? Кто-то подменил мое сонное зелье подкрашенной водичкой — скорее всего, тогда же, когда на нашей машинке напечатали это дурацкое предостережение. Но вернемся к делу. Хог очень сильная натура и, почти наверняка, опытный гипнотизер. Этот самый фокус с тринадцатым этажом и «Детеридж и компанией» хорошо показывает, насколько он искусен, а если не он, то кто-то другой. А может быть, накачали меня заодно и наркотиками — так же, как впоследствии и тебя.

— Меня?

— Конечно. Помнишь эту отраву, которой поил тебя Потбери? Какое-то снотворное замедленного действия.

— Ты ведь тоже пил!

— Но совсем не обязательно ту же самую дрянь. Потбери с Хогом в заговоре, вот они на пару и создали атмосферу, в которой любой бред стал возможным. А все остальное — мелочи, каждая из которых в отдельности не особенно существенна.

У Синтии было на этот счет собственное мнение, но она решила держать его пока про себя. Однако, один момент находился, как ей казалось, в вопиющем противоречии с теорией Рэндалла.

— А как Потбери выбрался из ванной? Ты ведь говорил, что запер его?

---

*Каспар Милкитост — герой серии комиксов Х.Т.Вебстера «Робкая душа», в переносном смысле — мягкий, робкий, стеснительный человек.

— Думал я и об этом. Он вскрыл замок, пока я говорил с Хогом, спрятался в чулане и потом дождался подходящего момента и смылся.

— Хмм... — Синтия решила не обсуждать пока этот вопрос.

Рэндалл тоже замолк, сосредоточившись на управлении машиной — они проезжали Уокиган. Он свернул налево, к выезду из города.

— Тедди, если ты так уверен, что никаких Сынов не существует, и вся эта история — просто большое надувательство — почему тогда нам не бросить ее и не свернуть на юг? Зачем нам ехать на эту встречу?

— Я уверен, что в общих чертах мое объяснение верно, — сказал Рэндалл, умело объехав явно настроенного на самоубийство велосипедиста. — Однако в мотивах я не уверен — именно поэтому хочется увидеть Хога. Только странное у меня ощущение, — продолжил он задумчиво. — Вот никак не верится, что Хог имеет что-нибудь против тебя или меня. Были у него, наверное, причины потратить полкуска на то, чтобы поставить нас в тяжелое положение, пока он осуществляет какие-то там свои планы. Но — посмотрим. И вообще поворачивать уже поздно — вон та самая заправка, а рядом с ней наш хороший знакомый.

Хог сел в машину молча, только кивнув и улыбнувшись, но Рэндалл снова почувствовал то же самое желание выполнить любые приказы этого человека, которое охватило его два часа назад. Хог указал дорогу.

Сначала они удалялись от города по шоссе, затем свернули на узкий проселок и подъехали в конце концов к воротам огороженного забором пастбища. По просьбе Хога Рэндалл открыл эти ворота и проехал внутрь.

— Владелец не станет возражать. Я бывал здесь много раз по своим средам. Очень красивый уголок.

Место и вправду оказалось очаровательным. Дорога, превратившаяся теперь в еле заметную колею, полого поднималась на возвышенность, к небольшой роще. Остановив машину под деревом, в месте, указанном Хогом, они вышли. На какое-то время Синтия замерла, буквально впитывая красоту окружающего, наслаждаясь каждым глотком прозрачного воздуха. На юге чер-

ной кляксой виднелся Чикаго, а за ним и к востоку серебром блестело озеро.

— Ты только посмотри, Тедди, роскошь какая.

— Да, — согласился Рэндалл, но его сейчас больше интересовал Хог.

— Зачем мы, собственно, приехали сюда?

— Пикник, — улыбнулся Хог. — Мне кажется, что это место очень подходит для моего финала.

— Финала?

— Сперва поедим, — остановил дальнейшие расспросы Хог. — Ну а потом, если вам того хочется, можно и поговорить.

Меню было несколько странным — место обычной для пикников простой, сытной еды занимали десятки блюд, способных усладить вкус самого изысканного гурмана — консервированные китайские апельсины, желе из гуавы, разнообразные мясные деликатесы в маленьких горшочках, тающие во рту вафли с названием знаменитой фирмы на этикетке; чай Хог приготовил лично, на спиртовке. Несмотря на необычность меню Рэндалл и Синтия — к собственному своему удивлению — ели с большим аппетитом. Хог не пропустил ни одного из блюд, однако ел он, как обратила внимание Синтия, очень мало — не обедал, а скорее дегустировал.

Через какое-то время Рэндалл набрался наконец смелости и вернулся к расспросам — становилось ясно, что сам Хог разговора не начнет.

— Хог?

— Да, Эд?

— А не пора ли вам снять эту маску и перестать нас дурачить?

— Я никогда не дурачил вас, Эд.

— Вы знаете, что я имею в виду всю эту бредовую историю, тянувшуюся последние дни. Вы связаны с ней и знаете о ней больше нас — уж это-то вполне очевидно. Поймите, я ни в чем вас не обвиняю, — торопливо добавил Рэндалл, — но мне хочется выяснить, что все это значит.

— А попробуйте сами объяснить, что все это значит?

— О'кей, — принял вызов Рэндалл. — Попробую.

Он изложил Хогу ту же самую гипотезу, которую совсем недавно набросал Синтии. Ни во время рассказа, ни потом Хог не сделал ни одного замечания.

— Ну так что? — нервно спросил Рэндалл. — Так оно и было?

— Вполне разумное объяснение.

— Я тоже так считаю. Но вы должны кое-что мне объяснить. Зачем вам все это понадобилось?

— Извините, Эд, — задумчиво покачал головой Хог, — но я просто не смогу объяснить вам свои мотивы.

— Какого черта, это же нечестно. Вы могли бы как минимум...

— А где вы, скажите на милость, видали эту самую честность, Эдвард?

— Ну... от вас я ожидал честной игры. Вы поддерживали в нас впечатление, что являетесь нашим другом. Вы должны нам хоть что-то объяснить.

— Я обещал дать вам объяснения. Но подумайте, Эд, вы действительно хотите их получить? Можете быть уверены, никто вас больше не **побеспокоит**, никаких Сынов вы больше не увидите.

— Не надо ничего спрашивать, Тедди, — тронула Рэндалла за руку Синтия.

Он отмахнулся от нее, без злости, но решительно.

— Я обязан *знать*. Давайте послушаем ваши объяснения.

— Вам они не понравятся.

— Рискну уж.

— Ну хорошо. — Хог устроился поудобнее. — Вы не откажетесь налить нам пива, дорогая? Спасибо. Сперва я расскажу вам небольшую историю. Отчасти она будет аллегорической — из-за отсутствия некоторых слов, понятий. Жило однажды некое племя, совсем не похожее на племя людское — совсем. Я не сумею описать вам ни как они выглядели, ни как они жили, но они обладали одной важной чертой, понятной и вам — они были существами творческими. Творчество и наслаждение искусством являлись и главным их занятием и смыслом их жизни. Я намеренно употребил слово «искусство», искусство — понятие неопределенное, не определяемое, не имеющее никаких пределов.

Это слово можно использовать без боязни употребить его неправильно, так как оно лишено точного значения. Оно имеет столько значений, сколько есть художников. Не забывайте, однако, что эти художники не люди, и их искусство — не искусство людей.

И был один из этого племени, молодой, если пользоваться вашей терминологией. Он создал произведение искусства под присмотром и под руководством самого учителя. Он был талантлив, этот молодой, и его творение обладало многими интересными и забавными чертами. Поощряемый учителем, он продолжал работу над своим творением и готовил его к оценке. Не забывайте, что я говорю метафорически, так, словно это был художник из людей, готовящий холсты к ежегодной выставке.

Прервав свой рассказ, Хог неожиданно повернулся к Рэндаллу.

— Скажите, а вы религиозны? Вам приходило когда-нибудь в голову, что все это, — широким движением руки он обвел окружающую их красоту природы, — может иметь Творца? Должно иметь Творца?

Рэндалл сконфуженно покраснел.

— Вообще-то я не то чтобы много ходил в церковь, — неуверенно пробормотал он, — но... да, пожалуй, я в это верю.

— А вы, Синтия?

Напряженно слушавшая разговор Синтия молча кивнула.

— Художник создал этот мир на свой собственный манер, используя аксиомы, ему понравившиеся. Учитель одобрил творение в целом, однако...

— Подождите секунду, — перебил его Рэндалл. — Вы что, пытаетесь описать творение нашего мира, Вселенной?

— А что же еще?

— Но... какого черта, это же нелепость какая-то! Я просил вас объяснить события, происшедшие *с нами*.

— А я предупреждал, что вам не понравится мое объяснение.

Помолчав секунду, Хог продолжил.

— Вначале Сыны Птицы были основным элементом этого мира.

Голова Рэндалла готова была лопнуть. С тошнотворным ужасом он признался наконец себе, что все его логические построения, придуманные по пути сюда, были грошовой поделкой, кое-как сляпанной с единственной целью — подавить обуревавший его страх. Сыны Птицы реальны, они реальны, ужасны и обладают колоссальной мощью. Теперь он знал, о каком племени говорит Хог. Потрясенное, застывшее в ужасе лицо Синтии говорило, что и она знает — и теперь никогда больше не будет спокойствия, ни для кого из них.

— Вначале была Птица...

Взгляд, которым Хог окинул Рэндалла, был лишен недоброжелательства, но и сострадания в этом взгляде не было тоже.

— Нет, — сказал он просто и спокойно. — Никакой Птицы никогда не было. Существуют только те, которые называют себя Сынами Птицы. Глупые и наглые. Вся их священная история — сказки и суеверия. Но, согласно законам, которые правят этим миром, они сильны — в некотором роде. И все, что вам, Эдвард, казалось, вы видели в действительности.

— Вы хотите сказать, что...

— Подождите, дайте мне закончить, у меня мало времени. Вы действительно видели все, что, как казалось вам, видели — за одним исключением. *Меня* вы видели только в вашей квартире или в моей. А все эти существа, которых вы выслеживали на улице, то существо, которое испугало Синтию — все это Сыны Птицы. Стоулз и его дружки.

Учителю не понравились Сыны Птицы, и он предложил внести в творение некоторые поправки. Но художник был тороплив, а может — беззаботен; вместо того чтобы убрать их совсем, он их... ну, скажем, перекрасил, придал им вид неких новых творений из тех, которыми он населил свой мир.

И все это не имело бы особого значения, не будь эта работа избрана для оценки. И, конечно же, критики заметили Сынов Птицы, они были... плохими произведениями искусства, они безобразили работу. В умах критиков появились сомнения, стоит ли сохранять такое творение. Вот потому-то я и нахожусь здесь.

Хог замолк, словно ему нечего было больше сказать.

— Так значит вы... — в благоговейном страхе посмотрела на него Синтия, — значит вы...

— Нет, Синтия, — улыбнулся Хог. — Я не Творец вашего мира. Когда-то вы интересовались моей профессией. Так вот, я — искусствовед, критик.

Все существо Рэндалла не хотело верить этим словам, но искренность, правдивость, звучавшие в голосе Хога, не оставляли места для сомнений.

— Я уже предупреждал, — продолжил Хог, — что буду вынужден говорить в рамках ваших понятий, вашего языка. Не трудно понять, что составить суждение о таком творении, как этот ваш мир, — совсем иное дело, чем подойти к картине и оглядеть ее. Этот мир населен *людьми*, и глядеть на него нужно глазами людей. Поэтому я — человек.

Теперь Синтия находилась в еще большем смятении.

— Я не понимаю. Получается, что вы действуете через человеческое тело?

— Я действительно *человек*. В человеческом племени рассеяны Критики-люди. Каждый из них — проекция Критика, но одновременно каждый из них — человек, человек во всех отношениях, даже не подозревающий, что он Критик.

Словно утопающий за соломинку, Рэндалл ухватился за прозвучавшее в этих словах противоречие.

— Но ведь *вы* знаете это — или по крайней мере так говорите. Здесь что-то не сходится.

— Верно, — невозмутимо кивнул Хог, — но до самого сегодняшнего дня, когда по различным причинам — в том числе из-за проведенного Синтией допроса — стало неудобным продолжать такое существование, вот этот человек, — он постучал себя по груди, — не имел ни малейшего представления, зачем он здесь. Есть целый ряд вопросов, на которые я не мог ответить, оставаясь Джонатаном Хогом.

Джонатан Хог возник, как человек, с единственной целью — проникнуться, *насладиться* артистическими аспектами этого мира. Тем временем оказалось удобным использовать его же для расследования некоторых сторон деятельности этих отвергнутых, перекрашенных существ, которые именуют себя Сынами Птицы. Так уж случилось, что вы двое, ничего не знающие и

ничего не понимающие, оказались вовлечены в эти события — как почтовые голуби, используемые сражающимися армиями. Но этим дело не ограничилось, и, общаясь с вами, я познакомился с некоторыми незамеченными мной прежде обстоятельствами художественного плана, почему, собственно, я и взял на себя труд вдаваться во все эти объяснения.

— Что вы имеете в виду?

— Позвольте мне сперва упомянуть обстоятельства, замеченные мною в моей роли Критика. Ваш мир обладает целым рядом удовольствий. Еда.

Протянув руку, он отщипнул большую сахарно-сладкую мускатную виноградину и неторопливо, смакуя, съел ее.

— Странное удовольствие. И весьма примечательное. Никому прежде не приходило в голову превратить в искусство элементарный процесс получения необходимой для жизни энергии. Ваш Художник весьма талантлив.

Кроме того, вы видите сны. Необычайная рефлексия, при которой творениям Художника дано творить новые миры, свои собственные. Теперь вы видите, — улыбнулся Хог, — почему Критик должен быть самым взаправдашным человеком — иначе как бы он увидел сны, которые видят люди?

Затем вино и все прочее в этом роде — наслаждение, соединяющее в себе черты еды и снов.

Есть у вас и ни с чем не сравнимое наслаждение беседы, дружеской беседы — чем мы с вами сейчас и занимаемся. Это удовольствие не ново, однако достойно всяческой похвалы то, что Художник включил и его.

Далее — любовь мужчины и женщины. Она просто смешна, и я полностью бы отверг такое нововведение, если бы, благодаря вам, друзья мои, не увидел в ней нечто, полностью избегнувшее внимания Джонатана Хога, нечто такое, что никогда не сумел бы придумать сам. Как я уже говорил, талант вашего Художника весьма велик.

Почти с нежностью Хог посмотрел на Синтию и Рэндалла.

— Скажите, Синтия, что вам нравится в этом мире, чего вы боитесь и что ненавидите?

Вместо ответа Синтия прижалась к мужу, который обнял ее за плечи, словно пытаясь защитить ото всех бед.

— А вы, Эдвард? — повернулся Хог к Рэндаллу. — Есть в этом мире нечто такое, ради чего вы отдали бы и тело и душу, возникни такая необходимость? Не надо отвечать, я все видел на вашем лице и в вашем сердце вчера, когда вы склонялись над кроватью. Великолепные, просто великолепные произведения искусства — я имею в виду вас обоих. В вашем мире я нашел целый ряд образцов отличного, оригинального искусства, вполне достаточно, чтобы оправдать продолжение работы Художника над этим его творением. Но много здесь и неудовлетворительного, плохо написанного, дилетантского, такого, из-за чего я никак не мог одобрить работу в целом, пока не встретил, не почувствовал, не оценил трагедию человеческой любви.

— Трагедию? — изумленно посмотрела на него Синтия. — Вы сказали «трагедию»?

— А чем она может быть еще?

Во взгляде Хога была не жалость, а спокойное мудрое понимание.

Несколько секунд Синтия молча, широко открытыми глазами смотрела на него, а затем спрятала лицо на груди мужа. Рэндалл потрепал ее по голове.

— Прекратите это, Хог, — яростно сказал он. — Вы снова ее напугали.

— Я не хотел.

— Все равно напугали. И я скажу вам, что думаю о вашем рассказе. В нем такие дырки, через которые слона провести можно. Вы все это выдумали.

— Вы сами в это не верите.

Так оно и было, в глубине души Рэндалл поверил Хогу. Однако он продолжал говорить, рукой пытаясь успокоить жену.

— А как насчет грязи под вашими ногтями? Я заметил, что вы ни словом ее не упомянули. И еще — отпечатки ваших пальцев.

— Вещество из-под моих ногтей очень слабо связано с этой историей. Оно выполнило свою задачу — напугало Сынов Птицы. Они сразу разобрались, что это такое.

— А именно?

— Кровь Сынов, помещенная туда другой моей личностью. Но при чем здесь отпечатки моих пальцев? Джонатан Хог искреннейшим образом боялся давать их. Джонатан Хог был человеком, Эдвард, и вы не должны об этом забывать.

Рэндаллу пришлось рассказать о своих с Синтией столь же бесплодных, сколь многочисленных упражнениях в дактилоскопии.

— Понятно, — кивнул Хог. — Правду говоря, я не припоминаю всего этого даже сейчас, хотя моя полная личность должна бы все знать. У Джонатана Хога была вредная привычка протирать различные предметы носовым платком, возможно, он протер ручки вашего кресла.

— Я такого не помню.

— Как и я.

— Это еще далеко не все, это только малая часть несуразностей, — не сдавался Рэндалл. — А как насчет той больницы, в которой вы, по вашим же собственным словам, находились? И кто вам платит? Где вы берете деньги? Кроме того — почему Синтия вас боялась?

Хог посмотрел на далекий город; со стороны озера накатывался туман.

— На все эти вещи не остается времени, — сказал он. — И даже для вас самих не имеет значения — поверите вы мне или не поверите. Но вы ведь верите — несмотря ни на что. Однако вы напомнили мне про еще один момент. Вот.

Вытащив из кармана толстую пачку банкнот, он протянул ее Рэндаллу.

— Возьмите, мне они больше не понадобятся. Через несколько минут я вас покину.

— Куда вы направляетесь?

— Назад, к себе. После моего ухода вы должны сделать следующее: забирайтесь в машину и сразу же уезжайте, на юг, через город. *Ни в коем случае* не открывайте окна машины, пока не удалитесь от города на приличное расстояние.

— Почему? Все это мне как-то не нравится.

— И все равно делайте, как я сказал. Предстоят некоторые — ну, скажем, изменения, перестройки.

— Что вы имеете в виду?

— Ведь я говорил вам, что с Сынами Птицы покончено, верно? С ними и со всеми их делами.

— Каким образом?

Хог не ответил, он смотрел на туман, начинавший окутывать город.

— Думаю, мне пора вас покинуть. — Он повернулся с явным намерением уйти. — Делайте все, как я сказал.

— Не уходите. — Синтия оторвалась от груди мужа. — Подождите немного.

— Да, дорогая моя?

— Вы обязаны сказать мне одну вещь. *Мы же с Тедди не разлучимся?*

Хог внимательно посмотрел ей в глаза.

— Я понимаю, что вы хотите спросить. Только я этого не знаю.

— Но вы *должны* знать!

— Я не знаю. Если оба вы — существа этого мира, тогда ваши дороги могут и дальше идти рядом. Но ведь есть и Критики.

— Критики? А они-то какое имеют к нам отношение?

— Не исключено, что либо один из вас, либо другой, либо оба сразу являетесь Критиками. Этого я знать не могу. Ведь Критики — просто люди — пока они здесь. До сегодняшнего дня я не знал даже про себя. Вот он вполне может оказаться Критиком. — Хог задумчиво посмотрел на Рэндалла. — У меня уже появилось сегодня такое подозрение.

— А я?

— Я просто не могу этого знать. Но крайне маловероятно. Видите ли, мы не должны быть знакомы друг с другом, это портит достоверность наших оценок.

— Но... но... если мы не одинаковы, значит...

— Это все.

Слова были сказаны без нажима, но звучали настолько окончательно, что Рэндалл с Синтией вздрогнули. Наклонившись к остаткам пиршества, Хог отщипнул еще одну виноградину, съел ее и закрыл глаза.

И больше их не открыл.

— Мистер Хог? — окликнул Рэндалл через некоторое время. — Мистер Хог!

Ответа не было. Отодвинув Синтию, он встал, подошел к сидящему человеку и потрогал его за плечо.

— Мистер Хог!

— Но нельзя же бросить его здесь, — убеждал Рэндалл Синтию через несколько минут.

— Он знает, что делает, Тедди. Теперь нам нужно следовать его указаниям.

— Ну ладно, мы можем заехать в Уокиган и известить полицию.

— Сказать им, что там на холме валяется мертвец, которого мы оставили? И что же они нам ответят? «Прекрасно, — скажут, — езжайте дальше»? Нет, Тедди, мы будем делать так, как сказал Хог.

— Слушай, лапа, неужели ты поверила всему, что он нам наплел?

— А ты? — Синтия смотрела на него глазами, полными слез. — Только честно.

Не выдержав ее взгляда, Рэндалл опустил голову.

— Ладно, ерунда это все. Сделаем, как он сказал. Садись в машину.

Спустившись с холма и направляясь к Уокигану, они не заметили и следа того тумана, который совсем недавно покрыл Чикаго, не увидели они его и свернув на юг, к городу. День был таким же ясным, солнечным, как и начинавшее его утро; в воздухе чувствовалась легкая прохлада, делавшая вполне осмысленным совет Хога держать окна машины плотно закрытыми.

Они выбрали путь вдоль берега озера, огибая таким образом Петлю, с намерением так и ехать на юг, пока машина не окажется далеко за пределами города. Теперь машин попадалось заметно больше, чем утром, и Рэндаллу приходилось внимательно следить за дорогой, что было даже и кстати — ни он, ни Синтия не хотели сейчас разговаривать.

— Синтия... — сказал Рэндалл, когда район Петли остался позади.

— Да.

— Нужно кому-то сказать. Как только встретим полицейского, я остановлюсь и скажу ему, чтобы он позвонил в Уокиган.

— Тедди!

— Не кипятись. Наплету ему чего-нибудь, чтобы расследование началось, а на нас подозрений не было. Сумею, не в первый раз.

Синтия замолкла, кому как не ей было знать, что фантазии у мужа больше чем достаточно для такой простой задачи. Полицейский встретился через несколько кварталов; стоя на тротуаре, служитель закона грелся на солнышке и лениво наблюдал за мальчишками, играющими на пустыре в футбол. Свернув к бровке, Рэндалл остановил машину.

— Открой окно, Син.

Синтия опустила окно и тут же резко, судорожно хватила ртом воздух. И она и Рэндалл с трудом подавили желание закричать.

За окном не было ни солнечного света, ни полицейского, ни мальчишек — не было вообще ничего. Только серый, безликий туман, и этот туман медленно пульсировал, словно живя какой-то своей, неоформившейся еще жизнью. И никаких признаков города, но не потому, что туман был очень плотным, а потому, что он был — пуст. Сквозь него не проглядывало ни одно движение, сквозь него не долетал ни один звук.

— Закрой окно!

Увидев, что Синтия никак не может справиться со своими негнущимися от ужаса пальцами, Рэндалл перегнулся через нее и лихорадочно крутанул ручку, подняв стекло до упора.

И все стало по-прежнему, через стекло они снова увидели полицейского, играющих детей, тротуар, а дальше — город. Синтия взяла мужа за руку.

— Поезжай, Тедди.

— Подожди секунду, — напряженным голосом сказал Рэндалл, поворачиваясь к своему окну. Медленно, очень осторожно, он приспустил стекло — чуть-чуть, меньше чем на дюйм.

Этого хватило. И здесь тоже стояла серая бесформенная масса. Через стекло отчетливо виднелись улица

и машины, бегущие по ней, сквозь открытую щель — ничего.

— Поезжай, Тедди. Пожалуйста.

Уговаривать Рэндалла было не надо, отжав сцепление, он резко бросил машину вперед.

Их дом стоит не прямо на берегу, но поблизости: Залив хорошо виден с вершины ближайшего холма. В поселке, куда они ходят за покупками, живут всего восемь сотен человек, но им этого вполне хватает. Да и вообще они не особенно любят общество — кроме, конечно, общества друг друга. Вот этого у них предостаточно. Когда он идет работать в огород или в поле, она идет следом, прихватив с собой какую-нибудь мелкую женскую работу. В город они тоже ездят вместе, рука в руку, всегда без всяких исключений.

Он отпустил бороду, и не потому, что ему очень уж это нравится, а по необходимости — во всем их доме нет ни одного зеркала. Есть у них одна странность, которая обратила бы на себя внимание в любой общине, знай о ней окружающие, но такова уж природа этой странности, что никто и никогда о ней не узнает.

Вечером, отходя ко сну, он обязательно пристегивает наручниками свою руку к ее руке и только потом выключает свет.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПУТЕШЕСТВОВАЛ СЛОНАМИ

Дождь рекой струился по окну автобуса. Джон Уоттс смотрел в окно на поросшие лесом холмы и, несмотря на плохую погоду, казался довольным. Пока он катил вот так по дорогам, колесил из одного места в другое — одним словом, путешествовал, — боль одиночества стала немного притупляться. Он мог бы даже закрыть глаза и представить, что рядом с ним сидит Марта.

Они всегда путешествовали вместе; свой медовый месяц — и тот они провели в поездках по различным распродажам. Со временем в стране не осталось ни одного уголка, где бы они не побывали: маршрут 66 — в мокасинах по тропам; маршрут 1 — на велосипедах через весь округ по Пенсильванской магистрали; они тогда, помнится, на скорости проскакивали сквозь горные туннели — он сам, низко склонившись над колесом, и Марта рядом с ним; листали карты и рассчитывали расстояние в милях до следующей остановки.

Он вспомнил, как одна из подруг Марты однажды сказала ей:

— Но, дорогая, разве ты не устала от всего этого?

The Man Who Travelled in Elephants, 1957

И до сих пор в памяти у него остался переливчатый смех Марты:

— Нам еще нужно посмотреть сорок восемь больших и чудесных штатов — как можно устать от этого? Кроме того, там всегда есть что-то новенькое — ярмарки, выставки и всякое такое.

— Но увидеть одну ярмарку — значит увидеть все.

— Ты думаешь, праздник Святой Барбары ничем не отличается от шоу, где показывают откормленный на убой скот из факторий? Во всяком случае, — продолжала Марта, — мы с Джонни — деревенские чудаки; нам нравится таращить глаза на высокие здания, разинув от удивления рот — да так, что на небе появляются веснушки.

— Будь же благоразумна, Марта. — И женщина обычно поворачивалась к нему. — Джон, не пора ли вам обоим успокоиться и начать как-то устраивать свою жизнь?

Такие люди утомляли его.

— Все это ради поссумов, — однажды сказал он ей очень серьезно. — Им нравится путешествовать.

— Опоссумов? Марта, ради Бога, о чем он говорит?

Марта коротко и понимающе взглянула на него и затем на полном серьезе произнесла:

— О, извини меня! Видишь ли, Джонни растит детенышей поссумов в своем пупке.

— Я хорошо к этому подготовился, — подтвердил он, похлопывая по своему выпуклому животу.

Ее это так потрясло, что она, наконец, замолчала. Он терпеть не мог людей, которые давали советы «для вашего же блага».

Марта где-то прочитала, что весь помет новорожденных опоссумов умещается в чайной ложке и что не менее шести малышей становятся сиротами, так как в маминой сумке на всех не хватает ни места, ни еды. Они немедленно организовали «Общество по спасению и поддержке шести отвергнутых поссумов», и Джонни был единодушно — Мартой — избран местом расположения Города Поссумов Папы Джонни.

У них были и другие воображаемые ручные зверюшки. Одно время Марта и он с надеждой ожидали детей. Дети так и не появились, и тогда их семья пополнилась

невидимыми зверьками. Мистер Дженкинс, маленький серый ослик, помогал им советами в выборе мотелей; Чипминк, болтунишка бурундук, обитал в перчаточном отделении; Mus*-Подражателус, мышь-путешественница, которая хоть и не произносила ни слова, но зато довольно неожиданно кусалась, особенно рядом с коленками Марты.

Все они к этому времени отошли в мир иной; они угасали постепенно — по мере того, как в Марте угасало то радостное заразительное настроение, которое поддерживало в них жизнь. Даже Бродяги, обладателя вполне реального, видимого тела, не было больше с ним. Бродяга был собакой, которую они подобрали у дороги далеко в пустыне, напоили и обласкали, а взамен получили огромную сердечную преданность. С тех пор Бродяга всегда путешествовал с ними, пока и он не ушел из жизни вскоре после Марты.

Джон Уоттс часто размышлял о Бродяге. Где он сейчас? Может, странствует где-нибудь на планете Собак, в царстве, которое изобилует кроликами и незакрытыми мусорными бачками? Но, скорее всего, он с Мартой — сидит рядом, положив ей голову на колени, или путается у нее в ногах. Джонни очень надеялся, что так оно и есть.

Он вздохнул и посмотрел на пассажиров. Сухощавая, очень пожилая женщина перегнулась через проход и спросила:

— Едем на ярмарку, молодой человек?

Он вздрогнул. Прошло уже двадцать лет с тех пор, как его в последний раз назвали «молодым человеком».

— Хм? Да, конечно. — Они все держали путь на ярмарку — специальный рейс.

— Вам нравится ездить на ярмарки?

— Очень.

Он, конечно, понимал, что все эти, пустые, малозначащие фразы — лишь формальный шаг для завязывания разговора. Он не сердился на нее, старые одинокие женщины чувствуют потребность поговорить с незнакомыми людьми — и он откликнулся на это желание. Кроме того, ему нравились такие вот веселые, бойкие

---

* Мышь (лат.).

старушки. Они казались ему воплощением самой Америки и вызывали в памяти церковные общественные собрания, сельские кухни... и крытые фургоны.

— Мне тоже нравятся ярмарки, — продолжала она. — В свое время я даже выставляла свои изделия — желе из айвы и вышивку иорданским крестиком.

— Держу пари, что главные призы с голубыми лентами были вашими.

— Иногда, — согласилась она, — и все же, в основном, мне просто нравилось посещать их. Я — миссис Альма Хилл Эванс. У мистера Эванса недурно получались всякие поделки. Да взять ту же выставку на открытии Панамского канала — впрочем, навряд ли вы ее помните.

Джон Уоттс признался, что не был там.

— Во всяком случае, аукцион был не из лучших. Вот Ярмарка-93 — другое дело; то была ярмарка, что надо. Все другие лишь ее жалкое подобие.

— Наверное, к нынешней это не относится?

— Нынешней? Тьфу! Масштаб — это еще не все. — Всеамериканская выставка, несомненно, побьет все рекорды по своему размаху — и по достоинствам тоже. Если б только Марта была с ним, эта выставка вообще показалась бы ему раем. Старая леди поменяла тему. — Вы ведь любите путешествовать, не так ли?

Он поколебался, не зная, как лучше ответить, затем произнес:

— Да.

— Я всегда угадываю. А каким видом транспорта вы путешествуете, молодой человек?

На этот раз он колебался еще дольше, а затем решительно сказал:

— Я путешествую слонами.

Она пристально посмотрела на него. Ему хотелось объяснить, но верность Марте не позволяла распространяться по этому поводу. Марта настояла тогда на их серьезном отношении к своему увлечению и велела никому ничего не объяснять и ни перед кем не извиняться. Эту тему они впервые затронули, когда он подумывал об уходе на заслуженный отдых; они говорили о том, что хорошо бы приобрести акр земли и

заняться на ней чем-то полезным: выращиванием редиски, или разведением кроликов, или чем-нибудь в этом роде. Затем, во время их последней поездки по привычному ярмарочному маршруту, Марта после долгого молчания вдруг заявила:

— Джон, а ты не хочешь прекратить наши путешествия?

— Что? Не хочу ли я? Ты имеешь в виду: нам следует заняться фермерством?

— Нет, с этим уже все решено. Но и сидеть на одном месте мы не будем.

— А что ты хочешь делать? Вести цыганский образ жизни?

— Не совсем так. Я думаю, нам нужно поменять направленность наших путешествий.

— Скобяной товар? Туфли? Женская готовая одежда?

— Нет. — Она задумалась. — Мы должны путешествовать чем-то. Это придаст определенную направленность нашим поездкам. По-моему, нам лучше всего подойдет то, что не слишком быстро передвигается, — так, чтобы в нашем распоряжении могла бы быть поистине обширная территория, скажем, целые Соединенные Штаты.

— Может, линкоры?

— Линкоры уже вышли из моды, но ты попал почти в точку. — Они проходили мимо летнего театра; ветерок трепал обрывки старой цирковой афиши. — Придумала! — вскричала Марта. — Слоны! Мы будем путешествовать слонами.

— Слоны, да? Перевозить их довольно трудно.

— А нам и не нужно их перевозить. Все знают, как выглядит слон. Разве я не права, мистер Дженкинс? — Невидимый ослик, как всегда, согласился с Мартой. Вопрос был улажен.

Марта знала, как подойти к делу.

— Сначала мы все обследуем. Прежде чем что-либо предпринять, мы должны прочесать Соединенные Штаты вдоль и поперек.

Обследованием они занимались десять лет. У них появился повод для посещения каждой ярмарки, зоопарка, выставки, шоу с демонстрацией товаров, цирка или показа всевозможных поделок из тыквы в любом

уголке страны — разве они не были потенциальными покупателями? В список обязательных для обследования мест были включены даже национальные парки и другие чудеса природы — иначе как еще узнать, где существует настоятельная потребность в слонах? Марта подходила к делу с невозмутимым видом и всегда носила с собой блокнот: «Ла Бреа Тар Питс, Лос-Анджелес — избыток слонов, исчезающий вид, в этих местах приблизительно 25 000 лет тому назад»; «Филадельфия — продают по меньшей мере шесть профсоюзной Лиге»; «Зоопарк Брукфилда, Чикаго — африканские слоны — изумительные»; «Таллап, Нью-Мексико — каменные слоны в восточной части города, очень красивые»; «Риверсайд, Калифорния, парикмахерская Слона — у владельца подтяжек можно купить талисман»; «Портленд, Орегона — спросить Ассоциацию хвойных пород Дугласа. Продекламировать "Дорогу в Мандалей". То же самое — для фракции Южной сосны. Нью-Брансуик, требуется поездка в Галф Коуст — сразу, как закончим с родео в Ларами».

Десять лет — и каждая миля пути доставляла им удовольствие. Обследование еще не завершилось, когда Марта отошла в лучший мир. Джон частенько спрашивал себя, не утомила ли она святого Петра своими не интересными для него разговорами о положении дел со слонами в Святом городе. Он мог поспорить на десять центов, что так оно и было.

Но он не мог признаться незнакомому человеку, что путешествие слонами было для его жены просто поводом для поездки по стране, которую они любили.

Старушка не настаивала на продолжении разговора о слонах и путешествиях.

— Когда-то я знала человека, который продавал мангуст, — весело сообщила она. — Или мангустов? Он занимался дератизацией и... Что он там себе позволяет, этот водитель?

До сих пор, несмотря на проливной дождь, огромный автобус плавно катил по дороге. А сейчас его заносило к обочине. Автобус накренился, раздался страшный треск — и, резко дернувшись, машина застыла на месте.

Джон Уоттс сильно ударился головой о переднее сиденье. Он выпрямился, с трудом приходя в себя после удара, и не сразу сообразил, где находится; но, высокое уверенное сопрано миссис Эванс привело его в чувство.

— Без паники, граждане, все в порядке. Я этого ожидала, и вот, видите — все обошлось.

Джон Уоттс сделал вывод, что и с ним все обошлось. Он близоруко огляделся и принялся наощупь искать на покатом полу слетевшие с носа очки. Он их нашел, но очки оказались разбитыми. Он пожал плечами и отложил их в сторону — по прибытии на место надо бы разыскать в чемоданах запасные.

— А теперь давайте посмотрим, что же там произошло, — продолжала миссис Эванс. — Пойдемте, молодой человек.

Джон послушно последовал за ней.

Правое колесо, словно пьяное, прислонилось к бордюру подъездного пути на мост. Водитель стоял под дождем и осторожно ощупывал порез на щеке.

— Я ничего не мог поделать, — сказал он. — Через дорогу бежала собака, и я пытался объехать ее.

— Вы могли убить нас, — жалобно посетовала одна женщина.

— Нечего хныкать, ведь вы даже не ушиблись, — посоветовала ей миссис Эванс. — Давайте вернемся в автобус, пока водитель куда-то там звонит, чтобы нас подобрали.

Бросив взгляд на каньон, над которым нависал мост, Джон Уоттс невольно попятился. Он стоял почти на краю крутого обрыва, из зияющей бездны вздымались мощные грозные скалы. Джон содрогнулся и поспешил вернуться в автобус.

Машина, посланная им на выручку, не заставила себя долго ждать; впрочем, он, наверное, вздремнул. Последнее наиболее вероятно, так как дождь уже прекратился и сквозь тучи пробивалось солнце. Водитель подошедшей машины сунул голову в дверь их автобуса и крикнул:

— Живей, народ! Время — деньги! Выходите и заходите.

Торопливо залезая в автобус, Джон споткнулся. Водитель подал ему руку.

— Не ушиблись, папаша? Тряхнуло немного, да?

— Со мной все в порядке, спасибо.

— Не сомневаюсь. Лучше и быть не может.

Он сел на свободное место рядом с миссис Эванс, которая с улыбкой сказала:

— Ну разве сегодня не восхитительный день?

Он согласился. День был действительно чудесным, особенно теперь, после грозы. Огромные кучевые облака постепенно растворялись в ласковой голубизне неба; запахи чистого влажного асфальта, сырой земли и зелени все усиливались. Откинувшись на спинку кресла, Джон буквально упивался этим ароматом. И пока он с наслаждением созерцал природу, в восточной части неба, сначала робко, а затем во всей своей красе, засияла огромная двойная радуга. Джон посмотрел на две дуги в небе и загадал два желания — одно для себя, другое для Марты. Повсюду, куда бы он ни посмотрел, казалось, лежали отблески многокрасочных радуг. Теперь, когда скрылось солнце и на небе сияли только две радуги, даже пассажиры выглядели моложе, счастливее и наряднее. На душе стало легко, привычная ноющая боль одиночества куда-то отступила.

Они прибыли точно по расписанию: чтобы наверстать упущенное время, новый водитель выжал из автобуса все, на что тот был способен, и даже больше. Над дорогой вздымалась громадная арка: «ВСЕАМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА» — и ниже: «МИР И ДОБРЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ ВСЕМ». Автобус проехал под аркой и, тяжело вздохнув, остановился.

Миссис Эванс тут же вскочила.

— У меня встреча — я должна бежать! — Она заторопилась к выходу и, крикнув на ходу: «До встречи на проспекте, молодой человек!», так исчезла в толпе.

Джон Уоттс вышел последним и обратился к водителю:

— Э-э, я насчет своего багажа. Я бы хотел...

Но водитель уже снова запустил мотор.

— Не беспокойтесь за свой багаж! — выкрикнул он. — О вас позаботятся. — И огромный автобус тронулся с места.

— Но... — начал было Джон Уоттс и замолчал — автобус уже ушел. Все прекрасно — но что ему делать без очков?

Позади него послышались звуки карнавала, и он решился. В конце концов, подумал он, завтра будет видно. Если мне не удастся что-то рассмотреть издали, я всегда смогу подойти поближе. Он встал в конец очереди у входа и вскоре был уже на территории Выставки. Несомненно, это было самое грандиозное шоу, которое когда-либо устраивали на удивление человечеству. По размерам оно в два раза превосходило все виденные им до сих пор шоу под открытым небом; оно было ярче самых ярких огней; современнее, чем все современное; оно было ошеломляющим, изумительным, потрясающим, внушающим благоговение, супершикарным — и наконец, очень веселым. Все общества и организации Америки прислали на этот удивительный праздник все самое лучшее, что у них было. Здесь были собраны замечательные вещи от П.Т. Барнума, от Рипли и от всех крестников Тома Эдисона. Сокровища богатейшей земли и плоды труда умных и трудолюбивых людей со всех концов обширного континента соединились в одно целое с народными фестивалями, ежегодными торжествами, праздниками и со всем богатством карнавальных традиций. То, что получилось в результате такого соединения, было таким же типично американским, как слоеный торт с клубничной начинкой и кремом; таким же ярким и богато украшенным, как рождественская елка, — и все это лежало теперь перед ним, шумное и полное жизни, с толпами счастливых и празднично настроенных людей.

Джонни Уоттс глубоко вздохнул и с головой окунулся в праздничный водоворот.

Он начал с экспозиции достижений юго-западных факторий и выставки скота, откормленного на убой, где он провел целый час, восхищаясь смирными беломордыми бычками, толстыми и массивными, как конторки с плоским верхом; вычищенными скребницей и отмытыми до блеска, тщательно причесанными с голо-

вы до кончика хвоста. Затем он полюбовался на крошечных черных ягнят одного дня от роду на тонких каучуковых ножках, на жирных овец, чьи широкие спины становились еще более плоскими и жирными от шлепков парней с серьезным взглядом, сосредоточенным на голубых ленточках главного приза. По соседству он обнаружил выставку Помоны с огромными степенными першеронами и грациозными белогривыми лошадьми пегой масти с ранчо Келлога.

И бега. Они с Мартой всегда любили бега. Он выбрал небольшую лошадку с симпатичной мордой, поставил на нее, выиграл — и отправился дальше, ведь так много еще нужно было посмотреть. Здесь были и яблоки из Якимы, и роскошные вишни из Бьюмонта и Баннинга, и персики из Джорджии. Где-то вдалеке оркестр наигрывал: «В Айове, в Айове — вот где растет высокая кукуруза».

Прямо перед собой Джонни увидел киоск, где продавали розовую сахарную «вату». Марта любила это лакомство. Когда им приходилось бывать на ярмарках в Мэдисон Скуэр Гарден или Империал Каунти, первым делом она всегда подходила к киоску с сахарной «ватой».

— Большую, милая? — пробормотал он сам себе. У него было такое чувство, что если он сейчас обернется, то увидит, как она согласно кивает.

— Большую, пожалуйста, — попросил он продавца.

Пожилой продавец, одетый в просторную куртку и плотную рубашку, торговал этой розовой паутиной с каким-то благородным изяществом.

— Разумеется, сэр, других у нас и не бывает.

Он ловко свернул бумажный «рог изобилия» и протянул покупателю. Джонни подал ему монету в полдоллара. Мужчина разжал пальцы — монета исчезла. Похоже, процедура продажи товара на этом завершилась.

— Это стоит пятьдесят центов? — робко поинтересовался Джонни.

— Вовсе нет, сэр. — Старый фокусник вынул монету из-за лацкана пиджака Джонни и отдал ее прежнему хозяину.

— За счет фирмы. Вы ведь от них, я вижу. В конце концов, что такое деньги?

— Спасибо вам, конечно, но я совсем не «от них», знаете ли.

Старик пожал плечами.

— Если вы желаете оставаться инкогнито, то кто я такой, чтобы спорить с вами? Но ваши деньги здесь не пригодятся.

— Как? Не может быть!

— Сами увидите.

Джонни почувствовал, что кто-то трется об его ногу. Этим «кем-то» оказалась собака той же породы, а вернее, той же беспородности, что и Бродяга. Она была удивительно похожа на Бродягу. Подняв голову, собака посмотрела на него и завиляла не только хвостом, но и всем телом.

— Ну, привет, дружище! — Он погладил пса, и глаза его увлажнились — даже рукой он ощутил некую схожесть с Бродягой. — Ты потерялся, братец? Знаешь, и я тоже. Может, будем держаться вместе, а? Ты проголодался?

Собака лизнула его ладонь. Джонни повернулся к продавцу сахарной «ваты».

— Где тут можно купить сосиски в тесте?

— Напротив через дорогу, сэр.

Джонни поблагодарил его, свистнул собаке и пошел через дорогу.

— Полдюжины сосисок, пожалуйста.

— Подходяще! Только с горчицей или со всеми приправами?

— О, извините меня. Мне нужны сырые, для собаки.

— Понятно. Секундочку!

Вскоре ему вручили шесть колбасок в бумажном свертке.

— Сколько я должен?

— Нисколько, это вам от фирмы.

— Прошу прощения?

— У каждой собаки бывает праздник. Сегодня — ее день.

— О! Что ж, спасибо.

Позади раздался непонятный нарастающий шум. Джонни оглянулся и увидел двигавшуюся по улице первую из карнавальных платформ Жрецов Паллады

из Канзас-Сити. Его приятель пес тоже увидел платформу и начал лаять.

— Успокойся, дружище!

Джонни стал разворачивать сверток с сосисками. На противоположной стороне улицы кто-то свистнул, собака метнулась на свист, лавируя между платформами, и скрылась из виду. Джонни хотел было последовать за ней, но его остановили и посоветовали дождаться конца шествия. Платформы двигались одна за другой, и только в просветах между ними Джонни видел собаку, которая стояла на задних лапах и передними упиралась в незнакомую леди на той стороне улицы. Вспышки прожекторов на платформах ослепляли, к тому же, Джонни был без очков, и потому никак не мог разглядеть ее; но одно было ясно: собака хорошо знала женщину, потому что приветствовала ее со всем своим собачьим безраздельным энтузиазмом, на который только была способна.

Он показал женщине сверток и попытался позвать ее; она махнула ему рукой. Оглушительная музыка оркестра и шум толпы не давали им услышать друг друга. Тогда он решил воспользоваться возможностью и сполна насладиться красочным зрелищем, а затем, как только проедет последняя платформа, перейти улицу и отыскать дворнягу — а заодно и ее хозяйку.

Ему показалось, что это самый замечательный парад Жрецов Паллады, какой он когда-либо видел. Если подумать, парад Жрецов Паллады не устраивался довольно давно. Должно быть, его решили возродить специально для нынешней ярмарки.

Это было похоже на Канзас-Сити — огромный город. Впрочем, он не знал, отчего ему так показалось. Возможно ярмарка походит на Сиэтл. И, конечно же, на Новый Орлеан.

И на Дьюлат, шикарный Дьюлат. Мемфис тоже. Когда-то ему хотелось стать владельцем автобуса, на котором он бы ездил из Мемфиса в Сент-Джоу, из Начеса в Мобил — повсюду, где веет ветер странствий.

Мобил — вот это город!

Мимо медленно проехала последняя платформа, и Джонни побежал через улицу.

Но леди там не оказалось — ни ее, ни собаки. Он внимательно посмотрел по сторонам. Ни собаки. Ни леди с собакой.

Джонни бродил по ярмарке, не переставая изумляться тому, что представало перед его взором, но мысли о собаке не выходили у него из головы. Она действительно была невероятно похожа на Бродягу... и ему очень хотелось познакомиться с леди, ее хозяйкой — ведь человек, которому нравятся такие собаки, должен быть очень хорошим. Возможно, он угостил бы ее мороженым или уговорил прогуляться с ним по главному проспекту. Он не сомневался, что Марта одобрила бы его. Марта всегда знала, что помыслы его чисты.

Во всяком случае никто всерьез не принимал маленького толстяка.

Здесь было на что посмотреть и куда пойти, и беспокойные мысли вскоре оставили Джонни. Он очутился на зимнем карнавале в честь святого Павла, непостижимым образом сотворенном в разгар лета совместными усилиями Йорка и американцев. Лет пятьдесят этот карнавал проводился в январе; но теперь вот он, здесь — бок о бок с Пендлтонским собранием, с Праздником изюма из Фресно и Колониальной неделей в Аннаполисе. Джонни успел к самому концу ледового шоу, но успел посмотреть одну из своих любимых миниатюр «Старые напевы», извлеченную по этому случаю из запасников и с былым совершенством исполненную на льду под музыку «Свети, луна, перед обильной жатвой».

Глаза Джонни стали влажными, и дело было вовсе не в том, что ему недоставало очков.

Покинув ледовую арену, он вскоре поравнялся с большой вывеской: «ДЕНЬ СЕЙДИ ХОУКИНСА — ТОЧКА ОТСЧЕТА ДЛЯ ХОЛОСТЯКОВ». Соблазн принять участие в этом мероприятии был слишком велик — ведь вполне возможно, что леди с собакой окажется среди незамужних. Однако он немного утомился. Прямо перед собой Джонни увидел открытый балаган из серии увеселительных затей типа «катание на пони» и «колесо обозрения», мгновение спустя он уже взобрался на карусель и собирался было войти в одну из тех

гондол в виде лебедя, к которым так расположены родители. В гондоле уже сидел молодой человек, читавший книгу.

— О, извините меня, — произнес Джонни. — Вы не возражаете?

— Конечно, нет, — ответил молодой человек и отложил книгу. — Возможно, вы — тот самый человек, которого я ищу.

— Вы кого-то ищете?

— Да. Видите ли, я — детектив. Я всегда хотел им стать и вот сейчас мое желание осуществилось.

— Правда?

— Вполне. Рано или поздно все придут сюда покататься, поэтому, ожидая здесь, я избавлен от лишних хлопот. Мне, конечно, приходится также крутиться неподалеку от Голливуда и Вайна, или на Таймс-Скуэр, или на Кэнел-Стрит, но здесь я могу сидеть и читать.

— Но как вы можете и читать, и кого-то подкарауливать?

— Да я уже знаю, о чем тут написано... — Он показал книгу. Это была «Охота на снарка». — ...А потому могу делать вид, что читаю, и наблюдать.

Джонни начинал нравиться этот молодой человек.

— А здесь встречаются снарки?

— Нет. Для этого нам надо было бы затаиться, стать невидимыми. А заметили бы мы что-нибудь если б стали невидимками? Я должен поразмышлять над этим. Вы тоже детектив?

— Нет, я... э-э... я путешествую слонами.

— Прекрасное занятие. Но здесь вам едва ли повезет. У нас есть жирафы... — Он заговорил, стараясь перекричать музыку и окидывая взглядом карусель. — ...Верблюды, две зебры, уйма лошадей, но слонов нет. Обязательно сходите посмотреть на Большой парад; там наверняка будут слоны.

— О, постараюсь не пропустить.

— Вы не должны пропустить. Это будет самый удивительный парад, и длиться он будет так долго, что никогда не достигнет назначенного предела; каждая миля его будет до отказа заполнена всякими чудесами, и каждое из чудес будет восхитительнее прежнего. Вы уверены, что вы не тот человек, которого я ищу?

— Не думаю. Послушайте, что бы вы предприняли, чтобы отыскать в толпе леди с собакой?

— Ну, если она придет сюда, я дам вам знать. А лучше всего, идите вниз по Кэнел-стрит. Да, думаю, будь я леди с собакой, я пошел бы вниз по Кэнел-Стрит. Женщины обожают надевать маски, а это значит, что они могут и снять их.

Джонни встал.

— Как мне добраться до Кэнел-стрит?

— Идите прямо через центральную часть города мимо здания оперы, затем поверните направо у Чаши роз. Дальше будьте осторожны, так как ваш путь будет пролегать через район Небраски, который находится под полным контролем Ак-Сар-Бена. Всякое может случиться. После Небраски будет округ Калаверас — остерегайтесь темных личностей! — а там и Кэнел-стрит.

— Большое вам спасибо!

Джонни пошел в указанном направлении, не забывая смотреть по сторонам, ища леди с собакой. Это однако не мешало ему удивляться всему, что он видел, пробираясь сквозь толпы ликующих людей. Видел он и пса, но он оказался собакой-поводырем — очередное чудо из чудес, ведь живые ясные глаза хозяина собаки прекрасно справлялись со своей обязанностью и видели все, что происходило вокруг, и тем не менее мужчина, шедший рядом с собакой, позволял ей выбирать путь и послушно следовал за ней, словно для каждого из них иной способ передвижения был немыслим или неприемлем.

Вскоре Джонни добрался до Кэнел-стрит; иллюзия присутствия на реально существующей улице была настолько полной, что ему с трудом удалось отделаться от мысли, что он мгновенно и чудесным образом перенесся в Новый Орлеан. Карнавал был в полном разгаре, здесь праздновали Сытный Вторник; повсюду толпились люди в масках. Джонни купил маску у уличного продавца и продолжил свой путь.

Поиски леди с собакой стали казаться ему делом безнадежным. Улица была битком забита веселившимися людьми, которые наблюдали за парадом Общества Венеры. Дышать было тяжело, но еще тяжелее — про-

сто двигаться и продолжать поиски. Он с облегчением вздохнул только тогда, когда свернул на Бурбон-стрит, где размещался Французский квартал — и вдруг увидел собаку.

Он не сомневался, что встретил ту самую собаку. На ней был костюм клоуна и колпачок, но это не помешало ему заметить удивительное сходство с его собакой. Он поправил себя — с Бродягой.

Собака взяла сосиску, благодарно взглянув ему в глаза.

— Где она, дружище?

Собака басисто гавкнула и устремилась в толпу. Джонни сразу отстал от нее, так как в отличие от собаки не мог передвигаться в такой тесноте. Но он не унывал — раз уж ему удалось отыскать собаку, значит, он отыщет ее снова. Именно на бале-маскараде он впервые встретил свою Марту; она была грациозной Пьереттой, а он — толстым Пьеро. Они вместе любовались рождением нового дня, и, прежде чем солнце снова скрылось за горизонтом, решили стать мужем и женой.

В толпе он искал глазами Пьеретту, почему-то не сомневаясь, что хозяйка собаки наденет именно этот костюм.

Все, связанное с ярмаркой, напоминало ему о Марте и ни на минуту не давало забыть о ней — если вообще ее можно было забыть. Как они вместе путешествовали — она всегда была рядом — используя каждый отпуск, когда бы его ни давали. Закидывали в машину путеводитель Дункана Хайнса и несколько сумок — и в дорогу. Перед ними расстилалась широкая лента пустынной автострады. Марта... сидела рядом... не спуская с него глаз, и распевала их дорожную песню «Прекрасная Америка»: «...купаются в лучах твоих, сверкая белизной, все города твои; их блеск не замутнен слезой...»

Однажды она сказала ему, когда они мчались по шоссе через... где же это было? Блэк Хиллз? Озарк? Поконос? Неважно. Она сказала тогда:

— Джонни, ты никогда не будешь Президентом, а я никогда не буду Первой Леди, но держу пари, что мы знаем о Соединенных Штатах больше, чем любой Пре-

зидент. У этих деятельных, способных людей никогда не бывает времени, чтобы увидеть свою страну, действительно не бывает.

— Наша страна чудесна, дорогая.

— Ты прав, она чудесна. Я могу целую вечность путешествовать по ней — путешествовать слонами. С тобой, Джонни.

Он протянул руку и погладил ее по колену; рука его до сих пор помнила то прикосновение...

Шумная веселая толпа в искусно воссозданном Французском квартале постепенно рассеялась; пока он грезил, люди незаметно разошлись. Он остановил красного чертенка.

— Куда все уходят?

— На парад, конечно.

— На Большой парад?

— Да, он вот-вот начнется. — Красный чертенок двинулся дальше, и Джонни пошел за ним.

Кто-то дернул его за рукав.

— Вы нашли ее? — Это была миссис Эванс, слегка изменившая свою внешность черным домино; рядом с ней, взяв ее под руку, шел высокий пожилой Дядя Сэм.

— Что? О, здравствуйте, миссис Эванс! Что вы имеете в виду?

— Не притворяйтесь. Так вы нашли ее?

— Как вы узнали, что я ищу кого-то?

— Конечно, вы искали. Ладно, продолжайте. Нам пора. — И они затерялись в толпе.

Когда Джонни добрался до места, откуда начинался маршрут Большого парада, тот уже начал свое триумфальное шествие. Но это не имело ровно никакого значения, так как параду было бесконечно далеко до завершения. Мимо проходили Холли, Колорадо, Бустерс; за ними последовала знаменитая отлично вымуштрованная команда Шрайнера. Затем настала очередь предсказателя Хорассана в чалме и его Королевы любви и красоты, которые прибыли сюда прямо из своей пещеры в низовьях Миссисипи... Парад Юбилейного дня школьников из Бруклина, махавших маленькими американскими флажками... Парад роз из Пасадены с растянувшимися на несколько миль платформами, утопавшими в цветах... Шумная индейская Конференция,

которую представляли двадцать два племени; в их колонне не нашлось ни одного щеголя, который не увешал бы себя драгоценностями, обработанными вручную, меньше чем на тысячу долларов. После коренных жителей Америки на лошади прогарцевал Билл-Бизон со шляпой в руке; его локоны развевались на ветру, а козлиная бородка надменно топорщилась. Далее проследовала гавайская делегация с самим королем Камахамеха в роли Алии, Повелителя карнавалов; всю дорогу он с чисто королевской импульсивностью пританцовывал, и висевшие на его шее гирлянды из живых цветов, в чашечках которых еще не высохла роса, метались в танце за его спиной, словно посылая всем привет с Гавайских островов.

Празднику не было конца. Уличные танцоры из Оджаи и северной части штата Нью-Йорк; дамы и джентльмены из Аннаполиса, Куэро, Техаса, Терки Трота; представители всех спортивных обществ и клубов любителей марш-парадов из старого Нового Орлеана с двойными факелами; знать, бросавшая в толпу безделушки — зулусский король с бронзово-смуглыми приближенными, которые пели: «Те, кто был всем, сомневались в этом...»

Появились лицедеи; «идя навстречу пожеланиям толпы», они сыграли пантомиму «Ох уж эти чертовы золотые туфли». Зажигательная джига, исполненная участниками театра масок, была старше, чем страна, отмечавшая праздник, — ведь она родилась на заре человечества, когда оно впервые праздновало приход весны. Прошли участники клубов любителей маскарадов; их руководители были одеты в плащи, стоившие целое состояние — или закладной на стандартный одноквартирный дом — и пятьдесят пажей помогали им нести их сокровища. За ними шли вольные клоуны и другие комики и наконец — благозвучные струнные оркестры, чьи мелодии вызывали слезы.

Джонни мысленно вернулся в 44-й год, когда он впервые увидел их — стариков и совсем юных мальчиков, поскольку всех годных к строевой забрали на войну. А еще он вспомнил о том, чего не должно было быть на Бродстрит в Филадельфии в первый день января, — о мужчинах, ехавших на параде в колясках,

потому что (да простит нас милосердный Бог!) они не могли идти.

Джонни снова взглянул на праздничное шествие и увидел колонну автомобилей, израненных в последней войне. Он обратил внимание на одного ветерана Республиканской армии: старомодная шляпа, руки скрещены на набалдашнике трости. Джонни затаил дыхание и ждал. Приблизившись к судейскому возвышению, автомобили остановились, и все, кто находился в них, вышли. Помогая друг другу, прихрамывая и еле передвигая ноги, они из последних сил перебрались через судейскую линию, не посрамив честь клубов, к которым принадлежали.

Но на этом чудеса не кончились — ветераны не стали возвращаться в машины, а строевым зашагали по Брод-стрит.

Затем улица превратилась в Голливудский бульвар, замаскированный под Переулок Санта Клауса более удачно, чем это удавалось сделать кинематографистам, несмотря на все их попытки. Чего тут только не было: подарки, безделушки, сладости для всех детей, да и для всех взрослых детей тоже. Наконец прибыла платформа самого Санта Клауса, такая длинная, что ее нельзя было охватить взглядом — настоящий айсберг, почти Северный полюс. На платформе, по обе стороны от святого Николаса, сидели Джон Барримор и Микки Маус.

В задней части огромной ледяной платформы виднелась маленькая трогательная фигурка. Джонни прищурился и узнал в ней мистера Эмметта Келли, короля клоунов, в роли Печального Уилли. Уилли не радовался, — о нет, он дрожал. Джонни не знал, плакать ему или смеяться. Игра мистера Келли всегда действовала на него таким образом.

И вот пришли слоны.

Большие слоны, маленькие слоны, слоны средних размеров, от совсем крошечных Ринклов до великанов Джамбо... а рядом с ними сильные мужчины: Честер Конклин, П. Т. Барнум, Уолли Беери, Маугли.

А вот это, сказал себе Джонни, должно быть, Малберри-стрит.

Со стороны двигавшейся колонны послышался шум: незнакомый человек отгонял кого-то прочь. Джонни увидел, что это была собака. Он свистнул; животное, казалось, пришло в замешательство. Затем собака узнала его, стремглав перебежала через дорогу и прыгнула ему на руки.

— Оставайся со мной, — сказал ей Джонни. — Тебя могут затоптать.

Собака лизнула его в лицо. Свой клоунский костюм она где-то потеряла, но на шее все еще болтался сбившийся колпачок.

— Куда ты бежал? — спросил Джонни. — И где твоя хозяйка?

Приближались последние слоны, по трое в ряд, впряженные в громадную карету. Из толпы зрителей раздался громкий звук трубы, и процессия остановилась.

— Почему они остановились? — обратился к соседу Джонни.

— Погодите немного. Скоро увидите.

Великий церемониймейстер праздничного марша поспешил назад. Он ехал верхом на черном жеребце и выглядел великолепно в вилланских сапогах, белых бриджах, визитке и цилиндре. Он ехал и поглядывал по сторонам.

Поравнявшись с Джонни, он остановился. Джонни крепче прижал к себе собаку. Великий церемониймейстер спешился и поклонился. Джонни обернулся, чтобы посмотреть, кому преназначался этот поклон. Церемониймейстер снял роскошный цилиндр и посмотрел Джонни прямо в глаза.

— Сэр, вы Человек, Который Путешествует Слонами? — Это было, скорее, утверждение, чем вопрос.

— Что? Да.

— Я приветствую вас, Rex*! Ваше величество, ваша королева и ваш двор ждут вас. — Человек слегка повернулся, как бы показывая путь.

Джонни ахнул и подхватил Бродягу под мышку. Церемониймейстер повел его к карете, запряженной слонами. Собака вырвалась и прыгнула в карету, прямо

---

* Царь (лат.).

на колени леди. Та погладила ее и счастливыми глазами посмотрела на Джонни Уоттса.

— Здравствуй, Джонни! Добро пожаловать домой, дорогой!

Он всхлипнул:

— Марта! — И Рех, спотыкаясь полез в карету, чтобы обнять свою королеву.

Впереди прозвучал мелодичный голос трубы, и процессия снова тронулась в свой бесконечный путь...

«ВСЕ ВЫ ЗОМБИ...»

22.17 Временная зона V (ВСТ) 7 ноября 1970, Нью-Йорк, бар «У Папули»: Я надраивал коньячную рюмку, когда вошел Мать-одиночка. Я отметил время — 10 часов 17 минут пополудни пятой зоны (или по восточному времени), 7 ноября 1970 года. Темпоральные агенты всегда отмечают время и дату. Обязаны.

Мать-одиночка был парнем двадцати пяти лет, не выше меня, с лицом подростка и раздражительным характером. Мне его вид не понравился — и никогда не нравился — но именно его я прибыл завербовать. Этот парень был моим, и я встретил его своей лучшей барменской улыбкой.

Наверное, я излишне привередлив. Не такой уж он и зануда, а прозвище свое заработал из-за того, что если какой-нибудь любопытный тип интересовался, чем он занимается, он всегда отвечал: «Я мать-одиночка». И если был зол на весь мир меньше обычного, иногда добавлял: «...за четыре цента слово. Я пишу исповеди для журналов».

Если настроение у него оказывалось паршивое, он пытался кого-нибудь спровоцировать на оскорбление. Дрался он жестоко, насмерть, как женщина-полицей-

---

«All You Zombies...», 1959

ский — одна из причин, по которой он мне стал нужен. Но не единственная.

Он уже успел нагрузиться, и по его лицу было ясно, что люди сегодня отвратительны для него больше обычного. Я молча налил ему двойную дозу «Старого нижнего белья» и оставил бутылку на стойке. Он выпил и налил себе еще.

Я протер стойку.

— Как жизнь у Матери-одиночки?

Его пальцы стиснули стакан. Мне показалось, что сейчас он швырнет его в меня, и я нашарил под стойкой дубинку. Занимаясь манипуляциями во времени, стараешься предвидеть любую неожиданность, но тут замешано столько разных случайностей, что никогда нельзя идти на неоправданный риск.

Я увидел, что он расслабился на ту самую малость, которую нас учили подмечать в тренировочной школе Бюро.

— Извини, — сказал я. — Просто хотел спросить, как идут дела. Считай, что спросил какая сегодня погода.

— Дела нормальные, — кисло отозвался он. — Я кропаю, они печатают, я ем.

Я плеснул себе и склонился к нему.

— Знаешь, — сказал я, — а у тебя здорово получается — я кое-что из твоей писанины прочел. Ты изумительно хорошо понимаешь женский взгляд на мир.

Тут я допустил прокол, но пришлось рискнуть — он никогда не называл своих псевдонимов. Но он успел достаточно накачаться, и поэтому вцепился только в последнюю фразу.

— Женский взгляд! — фыркнул он. — Да, я знаю, как бабы смотрят на мир. Еще бы мне не знать!

— Неужели? — усомнился я. — Сестры?

— Нет. Могу рассказать, только ты все равно не поверишь.

— Брось, — мягко отозвался я, — барменам и психиатрам прекрасно известно, что нет ничего более странного, чем правда. Знаешь, сынок, если бы тебе довелось выслушать все то, что мне рассказывали... считай, богачом бы стал. Поразительные были истории.

— Ты и понятия не имеешь, что такое «поразительное»!

— Да ну? Меня ничто не удивит. Я всегда смогу припомнить байку и похуже.

Он снова фыркнул.

— Спорим на то, что осталось в бутылке?

— Ставлю полную, — принял я вызов и поставил бутылку на стойку.

— Валяй...

Я махнул своему второму бармену, чтобы он обслуживал пока клиентов. Мы сидели у дальнего конца стойки, где я отгородил единственный табурет, уставив рядом с ним стойку банками с маринованными яйцами и прочей дребеденью. Несколько клиентов у дальнего конца смотрели по ящику бокс, кто-то гонял музыкальный автомат — словом, мы с ним уединились не хуже, чем в постельке.

— Ладно, — произнес он, — начнем с того, что я ублюдок.

— Этим здесь никого не удивишь.

— Я серьезно, — рявкнул он. — Мои родители не были женаты.

— Опять-таки ничего удивительного, — повторил я. — Мои тоже.

— Когда... — Он смолк, и я впервые за все время заметил в его глазах теплоту. — Ты тоже серьезно?

— Тоже. Стопроцентный ублюдок. Более того, — добавил я, — никто в моей семье никогда не был женат. Все были ублюдками.

— Не старайся меня перещеголять — ведь *сам* ты женат.

Он показал на мое кольцо.

— А, это... — Я продемонстрировал ему кольцо. — Оно только похоже на обручальное, я его ношу, чтобы женщин отпугивать. Это кольцо — древняя вещичка. Я купил его в 1985 году у другого нашего агента, а тот вывез его с дохристианского Крита. — Змей Уроборос... мировая змея, бесконечно заглатывающая собственный хвост. Символ Великого Парадокса.

Он лишь бросил на кольцо мимолетный взгляд.

— Если ты и в самом деле ублюдок, то сам знаешь, каково им живется. Когда я был маленькой девочкой...

— Ого! — перебил я. — Мне не послышалось?

— Кто из нас рассказывает? Когда я был маленькой девочкой... Слушай, тебе ничего не напоминает имя Кристина Йоргенсон? Или Роберта Коуэлл?

— Гм, смена пола. Ты пытаешься рассказать мне...

— Не перебивай меня и не подначивай, а то не стану рассказывать. Меня подбросили в приют в Кливленде в 1945 году, когда мне был месяц от роду. Когда я была маленькой девочкой, то очень завидовала детям, у которых были родители. Позднее, когда я узнала, что такое секс — и поверь мне, Папуля, в приюте тебя быстро всему научат...

— Знаю.

— ...я твердо поклялась, что у любого моего ребенка будут и папа, и мама. Это держало меня в «чистоте», что в том окружении было не так-то просто — мне пришлось ради этого драться. Став старше, я поняла, что у меня чертовски мало шансов выйти замуж — по той же причине меня и не удочерили. — Он нахмурился. — У меня было лошадиное лицо, такие же зубы, плоская грудь и прямые волосы.

— Ты выглядишь не хуже меня.

— А кого волнует, как выглядит бармен? Или писатель? Люди-то хотят удочерить маленьких голубоглазых блондиночек-идиоток. А парням, когда подрастешь, нужны выпирающие титьки, смазливая мордашка да еще чтоб почаще повторяла, какой он необыкновенный мужик. — Он пожал плечами. — Состязаться с красивыми дурами я не могла. И поэтому решила завербоваться в ДЕВКИ.

— Во что?

— В Дамские Евгенические Войска, Космическая Интербригада. Их теперь называют «Космические ангелы» — Американский Национальный Гиперсексуальный Евгенический Легион.

Я вспомнил оба термина, сделав привязку по времени. Хотя теперь мы используем и третье название; это элитные женские части: Штурмовая Любовная Хабилитированная Интербригада. Изменения смысла слов — самая большая пакость для прыгунов во времени. Знаете ли вы, что «станция обслуживания» когда-то означала место, где торговали легкими нефтяными фракциями? Как-то был я на задании в эпоху Черчилля, и женщина мне сказала: «Встретимся на станции обслу-

живания в соседнем квартале» — а это совсем *не то*, что вы подумали; «станции обслуживания» (тогда) не имели кроватей.

— Как раз тогда впервые признали, что нельзя посылать мужчин в космос на месяцы и годы, не предоставляя им возможность сбросить напряжение, — продолжил он. — Помнишь, как вопили ханжи? Но это лишь увеличивало мои шансы, добровольцев было очень мало. Девушке следовало быть респектабельной, предпочтительно девственницей (им нравилось обучать девушек с нуля), умнее среднего уровня и эмоционально стабильной. Но добровольцами вызывались по большей части или старые девы, или невротические дамочки, которые свихнулись бы, не проведя в космосе и десяти дней. Так что от меня не требовалась красивая внешность — если меня принимали, то приводили в порядок зубы, делали завивку, учили ходить, танцевать, внимательно выслушивать мужчин и всему прочему, плюс тренировка по выполнению главных обязанностей. Если имелась необходимость, делали даже пластическую операцию — для Наших Парней ничего не жалко.

А что еще лучше, на срок действия контракта тебе не грозит опасность забеременеть, а после его окончания имеешь почти верный шанс выйти замуж. Да и сейчас все то же самое — АНГЕЛы выходят замуж за космонавтов.

Когда мне стукнуло восемнадцать, меня отправили работать «помощницей матери». Этой семейке просто-напросто требовалась дешевая прислуга, но я не возражала, потому что не могла завербоваться, пока мне не исполнится двадцать один год. Я делала всю домашнюю работу и ходила в вечернюю школу — говорила, будто продолжаю начатые в школе курсы машинописи и стенографии, а на деле училась тому, как ловчее охмурять мужиков, чтобы иметь больше шансов при вербовке.

Потом я встретила того городского хлыща, набитого деньгами. — Он нахмурился. — У этого ничтожества и в самом деле была пачка стодолларовых бумажек. Как-то вечером он мне ее показал и предложил выбрать любую.

Но я не стала. Я любила его. Он стал первым мужчиной в моей жизни, который был со мной любезен, не пытаясь при этом залезть мне под юбку. Я бросила

вечернюю школу, чтобы чаще с ним встречаться. То было счастливейшее время в моей жизни.

А потом однажды вечером в парке он все-таки залез мне под юбку.

Он смолк.

— И что потом? — полюбопытствовал я.

— А *ничего!* Больше я его никогда не видела. Он проводил меня домой, заверил, что любит, поцеловал, пожелал спокойной ночи — и больше не приходил. — Он помрачнел. — Если бы я смогла его отыскать, то убила бы на месте!

— Еще бы, — посочувствовал я, — прекрасно тебя понимаю. Но вот убить — за то, что произошло само собой — гммм... Ты сопротивлялась?

— Что? Да какая разница?

— Большая. Может, он на тебя так грубо накинулся, что заслужил, чтобы ему сломали руки, но...

— Он заслуживает гораздо худшего! Погоди, я еще не закончил. Мне удалось все устроить так, что никто ни о чем не подозревал, и я решила, что все кончилось к лучшему. Вряд ли я любила его по-настоящему, и больше, наверное, никого не полюблю... но после этого мне еще сильнее захотелось завербоваться в ДЕВКИ. Меня не стали дисквалифицировать, потому что на девственности они не настаивали. И я даже повеселела. Но догадалась лишь тогда, когда мне стали тесны юбки.

— Залетела?

— После этой сволочи меня раздуло, как воздушный шар! Эти жмоты, у которых я жила, не обращали внимания на мой живот, пока я могла работать — а потом дали пинка под зад. В приют меня обратно не взяли. В конце концов меня приютили в больнице, в палате для бедных, где я выносила горшки за такими же толстопузыми бедолагами, пока не настал мой срок.

И вот однажды вечером я очутилась на операционном столе. Медсестра сказала мне: «Расслабься. А теперь глубоко вдохни».

Я очнулась в постели. Ниже груди я своего тела не чувствовала. Вошел хирург.

— Как себя чувствуете? — весело спросил он.

— Как мумия.

— Естественно. Вас спеленали бинтами ничуть не хуже фараона и накачали лекарствами, чтобы вы не чувствовали боли. Вы скоро поправитесь... но сделать кесарево — это не занозу вытащить.

— Кесарево? — изумилась я. — Док... *неужели ребенок умер?*

— О, нет. Ребенок в полном порядке.

— Уфф! Мальчик или девочка?

— Совершенно здоровая девочка. Пять фунтов и три унции.

Я расслабилась. Я очень гордилась тем, что родила и сказала себе, что обязательно добьюсь того, чтобы добавить к своему имени «миссис», а дочка пусть думает, что ее папа умер. Мой ребенок в сиротский приют не попадет!

Но хирург еще не все сказал.

— Скажите, гм... — Он не стал называть меня по имени, — вам никогда не казалось, что у вас железы не в порядке?

— Что? Конечно, нет. На что вы намекаете?

Он немного смутился.

— Я расскажу вам все сразу, потом сделаю укольчик, чтобы вы заснули и справились с нервным потрясением. К сожалению, без него не обойтись.

— Почему? — потребовала я ответа.

— Никогда не слыхали о враче-шотландце, которая была женщиной до тридцати пяти лет? А потом ей сделали операцию, и она стала юридически и анатомически считаться мужчиной? Он женился, и у него все было в порядке.

— А какое это имеет отношение ко мне?

— Самое прямое. Вы мужчина.

Я попыталась сесть.

— *Что?*

— Не надо так волноваться. Когда я вас вскрыл, то внутри обнаружилось черт знает что. Я послал за главным хирургом, пока извлекал ребенка, и мы тут же, не отходя от стола, обсудили ваш случай. А потом несколько часов работали, спасая то, что можно. У вас оказалось два полных набора органов, оба недоразвитые, но женские развились в достаточной степени, чтобы выносить ребенка. В дальнейшем они все равно оказались бы для вас бесполезны, поэтому мы их уда-

лили и переделали все таким образом, чтобы вы далее развились в мужчину. — Он ободряюще положил на меня ладонь. — Не волнуйтесь. Вы еще молоды, кости примут новую форму, мы проследим за гормональным балансом — и сделаем из вас прекрасного молодого мужчину.

— А что станет с моим *ребенком?* — заплакала я.

— Ну, выкормить вы его все равно не сможете, молока у вас не хватит даже на котенка. На вашем месте я не стал бы забирать девочку... лучше, если ее удочерят.

— *Нет!*

— Решать вам, — пожал он плечами, — вы ее мать... вернее, родитель. Но сейчас на этот счет не волнуйтесь, сперва нужно привести в порядок вас.

На следующий день мне позволили увидеться с ребенком. Ее приносили ко мне каждый день — я старалась к ней привыкнуть. До тех пор мне не доводилось видеть новорожденных, и я понятия не имела, как ужасно они выглядят — дочка напоминала мне оранжевую обезьянку. Постепенно во мне созрела холодная решимость научиться правильно с ней обращаться. Но через четыре недели все это перестало иметь значение.

— Вот как?

— Ее похитили.

— Похитили?

Мать-одиночка едва не опрокинул бутылку, на которую мы спорили.

— Сперли... слямзили прямо из детского отделения! — Он тяжело дышал. — Что бы ты почувствовал, если бы у тебя украли последнее, ради чего стоило жить?

— Тяжелый случай, — согласился я. — Дай-ка я тебе еще налью. И что, никаких следов?

— Полиция так и не нашла, за что ухватиться. Некто пожелал посмотреть на девочку, назвался ее дядей. Сестра ненадолго отвернулась, а он схватил ребенка и вышел.

— А как он выглядел?

— Ничем не примечательный мужчина, самое обычное лицо, как у тебя или у меня. — Он нахмурился. — Думаю, то был ее отец. Сестра божилась, что на вид он был средних лет, но он наверняка загримировался.

Кому еще понадобилась бы моя девочка? Иногда на такую подлость решаются бездетные женщины — но мужчине-то это зачем?

— И что с тобой было потом?

— Одиннадцать месяцев в этой паршивой больнице и три операции. Через четыре месяца у меня начала расти борода; перед выпиской я уже регулярно брился... и более не сомневался в том, что стал мужчиной. — Он кисло улыбнулся. — Даже стал заглядывать медсестрам за вырез халата.

— Что ж, — заметил я, — похоже, ты перенес это вполне успешно. Посмотри на себя теперь — нормальный мужик, зашибаешь неплохие бабки, никаких особых проблем в жизни. А у женщин жизнь легкой не назовешь.

Он зло сверкнул глазами:

— Много ты о женской жизни знаешь!

— Даже так?

— Не доводилось слышать выражение «погубленная женщина»?

— М-м-м-м, да. Много лет назад. Сейчас оно почти потеряло смысл.

— Моя жизнь была загублена так, как может быть загублена только жизнь женщины. Эта сволочь загубила ее так, что дальше некуда — я перестал быть женщиной... и не знал, *как* быть мужчиной.

— Наверное, пришлось приспосабливаться.

— Ты даже представить не сможешь, чего мне это стоило. И дело даже не в том, чтобы научиться правильно одеваться или заходить в нужную кабинку туалета — это я освоил еще в больнице. Но как мне следовало дальше *жить?* Какую работу я мог получить? Черт, я даже машину не умел водить. У мне не было профессии, а физический труд с самого начала был заказан — слишком много внутри швов и рубцов, нельзя напрягаться.

Я ненавидел его за то, что он погубил мою будущую карьеру в ДЕВКАх, но по-настоящему возненавидел, когда провалилась моя попытка завербоваться в космические войска. Меня признали непригодным к любой воинской службе, едва взглянув на живот. Офицер-медик осмотрел меня из чистого любопытства — он уже слышал про мой случай.

Поэтому я сменил имя и приехал в Нью-Йорк. Перебивался, торгуя с уличной жаровни, потом взял напрокат машинку и подал объявление о том, что перепечатываю рукописи и документы. Смех, да и только! За четыре месяца мне заказали перепечатать четыре письма и одну рукопись. Рукопись предназначалась в журнал «Настоящие жизненные истории» и не стоила бумаги, которую на нее потратили, но ведь козел, что ее сочинил, продал ее в журнал! У меня возникла идея, я купил пачку журналов, где печатают такие «признания», и изучил их от корки до корки. Теперь ты знаешь, откуда в моих историях про матерей-одиночек такое понимание женского взгляда на мир... хотя одну-единственную версию я им так и не продал — свою собственную, настоящую. Так что, выиграл я бутылку?

Я подтолкнул бутылку к нему. После его рассказа у меня на душе тоже кошки скребли, но дело есть дело, и за меня его никто не сделает.

— Сынок, — спросил я, — ты все еще хочешь ухватить за шиворот того сукиного сына?

Его глаза вспыхнули — холодным, жестоким блеском.

— Эй, полегче! — предупредил я. — Ты ведь его не убьешь?

— Дай попробовать — узнаешь, — зловеще усмехнулся он.

— Успокойся. Я о нем знаю больше, чем ты можешь вообразить. И могу тебе помочь. Я знаю, где он.

Его рука метнулась через стойку:

— *Где он?*

— Отпусти мою рубашку, сынок, — тихо посоветовал я, — или тебя найдут в переулке, а фараонам мы скажем, что ты перебрал и отрубился. — Я показал ему дубинку.

Он выпустил рубашку и посмотрел на меня.

— Извини, но где он? И откуда ты так много знаешь?

— Потерпи, всему свое время. Остались разные архивные записи — в больнице, в приюте, медицинские. Матрону в твоем приюте звали миссис Феверэдж — верно? Потом ее сменила миссис Грюнштейн — правильно? А когда ты был девочкой, тебя звали Джейн — так? И ничего из этого ты мне не говорил — правильно?

Он смутился и слегка испугался.

— Что-то не пойму. Неужто ты собрался решать мои проблемы за меня?

— Не совсем. Просто ты мне по душе, парень. И того типа могу подать тебе на блюдечке. Можешь сделать с ним все, что сочтешь нужным — а я гарантирую, что тебе за это ничего не будет. Но убивать его и думать не смей. Для этого нужно быть психом — а ведь ты не псих. Вернее, не совсем еще псих.

Он нетерпеливо махнул рукой.

— Слушай, кончай треп. *Где он?*

Я плеснул немного в его стакан. Он был пьян, но злость начала пересиливать спиртное.

— Не гони лошадей. Я сделаю кое-что для тебя — а ты для меня.

— Э-э... а что?

— Ты не любишь свою работу. А что ты скажешь насчет высокого жалованья, постоянной должности, неограниченного счета на служебные расходы, полной самостоятельности и целого мешка приключений?

Он выпучил глаза.

— Знаешь, что я скажу? Не вешай мне лапшу на уши! Сливай воду, Папуля, — такой работенки не бывает.

— Ладно, сделаем иначе: я вручаю его тебе тепленьким, ты с ним рассчитываешься, потом пробуешь мою работу. И если окажется, что я наобещал тебе лишку... что ж, удерживать не стану.

Он покачнулся — последний стакан довел его до кондиции.

— К-к-гда ты его мне д-д-ставишь? — выдавил он.

— Если согласен, то *прямо сейчас!*

— По рукам! — сказал он, протягивая ладонь.

Я кивнул своему помощнику, чтобы приглядывал за обоими концами стойки, отметил время — ровно 23.00 — и уже присел, чтобы нырнуть в дверку под стойкой, но тут музыкальный автомат рявкнул «Я свой собственный дедуля!» Техникам было приказано зарядить его американской попсой и классикой, потому что я на дух не выношу «музыку» семидесятых годов, но я и не знал, что в автомате имелась и эта запись.

— Вырубите музыку! — крикнул я. — А клиенту верните деньги. Я в кладовую, сейчас вернусь, — до-

бавил я и отправился туда. Мать-одиночка шел следом.

Кладовая находилась в конце коридорчика напротив туалета — стальная дверь, ключ к которой имели только я и дневной управляющий, а внутри еще одна дверь, открыть которую мог только я. Мы вошли.

Он обвел помутневшими глазами глухие стены.

— Г-где он?

— Сейчас, — отозвался я, открывая саквояж, — единственный предмет, находившийся в комнатке. То был координатный трансформер в полевом исполнении, выпущен в 1992 году, вторая модель. Прелесть приборчик — ни одной движущейся детальки, весит полностью заряженный всего двадцать три килограмма, и замаскирован под саквояж. Я уже провел днем точную настройку, и теперь мне осталось лишь вытряхнуть металлическую сетку, ограничивающую поле трансформации.

— Это что т-т-кое? — встревоженно спросил он.

— Машина времени, — ответил я и набросил на нас сеть.

— Эй! — завопил он, делая шаг назад. Тут есть особый приемчик: сеть нужно набросить так, чтобы субъект инстинктивно шагнул назад и наступил на сеть, а потом сомкнуть ее, полностью укутывая и его, и себя — иначе можно оставить на этом месте подошву, а то и кусок ноги, или же прихватить с собой кусок пола. Но опыт приходит с годами. Некоторые агенты заманивают клиента под сеть; я же говорю правду и пользуюсь моментом, пока клиент пребывает в изумлении, чтобы щелкнуть переключателем. Так я и поступил.

10.30, зона V, 3 апреля 1963 года, Кливленд, штат Огайо, Эпекс-билдинг: — Эй! — повторил он. — Сними с меня эту чертову сеть!

— Извини. — Я стянул сеть, сунул ее в саквояж и щелкнул замком. — Ты говорил, что хотел его отыскать.

— Но... Ты сказал, что это машина времени!

Я ткнул пальцем в окно.

— Разве там ноябрь? Или Нью-Йорк?

Пока он, разинув рот, пялился в окно на набухающие почки и весеннее солнце, я снова открыл саквояж

и вынул пачку стодолларовых купюр, затем убедился, что номера и подписи на них не вызовут в 1963 году подозрения. Темпоральное Бюро мало заботит, сколько ты тратишь (ему эти деньги ничего не стоят), но лишние анахронизмы ему ни к чему. Если станешь допускать слишком много ошибок, полевой суд приговорит тебя к изгнанию в какой-нибудь гнусный период, скажем, в 1974 год — время скудных пайков и принудительного труда. Я таких ошибок не допускаю, деньги оказались в порядке.

— Что произошло? — спросил он, оборачиваясь.

— Он здесь. Выходи и делай с ним, что хочешь. Вот тебе на расходы. — Я протянул ему деньги и добавил: — Когда кончишь свои дела, я тебя отыщу.

Стодолларовые купюры оказывают гипнотический эффект на тех, кто к ним не привык. Когда я вывел его в прихожую и открыл наружную дверь, он все еще теребил пачку, не веря своим глазам. Следующий прыжок предстоял легкий — легкое перемещение в той же эре.

17.00, зона V, 10 марта 1964, Кливленд, Эпекс-билдинг: Под дверь подсунули записку с извещением, что срок аренды квартиры истекает на следующей неделе, во всем прочем комната выглядела точно так же, как и секунду назад. Деревья на улице стояли голыми, низкие тучи обещали снегопад. Я торопливо вышел, задержавшись ровно настолько, чтобы надеть пиджак, шляпу и пальто, припасенные еще с той поры, когда я снял эту квартиру, поймал такси и поехал в больницу. Всего за двадцать минут я настолько наскучил помощнице медсестры, что смог незаметно похитить младенца и тут же вернулся с ним домой. На сей раз настройка оказалась сложнее, потому что в 1945 году это здание еще не существовало, но мне помогли справиться предварительные расчеты.

01.00, зона V, 20 сентября 1945 года, Кливленд, мотель «Скайвью»: Трансформер, младенец и я появились в пригородном мотеле. Я заблаговременно зарегистрировался под именем Грегори Джонсона из Уэрре-

на, штат Огайо, поэтому мы возникли в комнате с задернутыми шторами, закрытыми окнами и запертыми дверьми. Всю мебель я сдвинул к стенам — машина при срабатывании иногда рыскает в пространстве, и если, к примеру, стул стоит в неподходящем месте, можно сильно ушибиться. Стулу-то ничего не сделается, зато поле дает отдачу.

Появление прошло гладко. Джейн безмятежно посапывала, я вынес ее на улицу, уложил в заранее приготовленную корзинку на заднем сиденье машины, доехал до приюта, поставил корзинку на ступеньки, проехал пару кварталов до «станции обслуживания» (там продавали нефтепродукты) и позвонил в приют. Подъехал снова, как раз вовремя — корзинку на моих глазах внесли в приют, добрался до мотеля, бросил возле него машину, вошел и переместился в Эпекс-билдинг, в 1963 год.

22.00, зона V, 24 апреля 1963 года, Кливленд, Эпекс-билдинг: Я вернулся с вполне приличной точностью — темпоральная точность, кроме случаев возврата в исходную точку, зависит от длительности прыжка. Если мои расчеты верны, то как раз сейчас в парке, пряным весенним вечером, Джейн обнаруживает, что она не совсем та «примерная» девушка, каковой себя считала. Поймав такси, я помчался к дому тех скупердяев, у которых она жила, велел водиле подождать за углом, а сам затаился в тени.

Наконец я заметил их в дальнем конце улицы, в обнимочку. Он поднялся с ней на крыльцо и занялся серьезным делом — целовал на прощание. Времени на это ушло куда больше, чем я предполагал. Потом она зашла в дом, а он спустился по ступенькам на тротуар и отвернулся. Я незаметно приблизился и взял его под руку.

— Вот и все, сынок, — прошептал я. — Я вернулся за тобой.

— *Ты!* — Он ахнул и затаил дыхание.

— Он самый. Теперь ты знаешь, кто *он* такой... а если пораскинешь мозгами, то догадаешься, кто *ты*... если же напряжешься еще чуток, то вычислишь, кто этот младенец... и кто такой *я*.

Он не ответил, настолько оказался потрясен. И неудивительно — если тебе только что доказали, что ты не удержался и попытался обольстить сам себя. Я отвел его в Эпекс-билдинг и мы совершили новый прыжок.

23.00, зона VII, 12 августа 1985 года, база под Скалистыми горами: Я растолкал дежурного сержанта, сунул ему свое удостоверение и велел дать парню снотворное, уложить в постель, а утром завербовать. Сержант насупился, но начальство в любой эре остается начальством; он выполнил мой приказ, наверняка думая о том, что при нашей следующей встрече он может оказаться полковником, а я сержантом. В наших подразделениях такое не исключается.

— Как его звать? — буркнул сержант.

Я написал имя. Его брови поползли вверх.

— Вот как? *Г-м-м-м...*

— Просто сделайте свое дело, сержант. — Я повернулся к своему компаньону. — Сынок, все твои неприятности кончились. Скоро ты приступишь к лучшей из работ, известных людям... и станешь делать ее хорошо. Я знаю.

— Но...

— Никаких «но». Выспись хорошенько, потом обдумай мое предложение. Оно тебе понравится.

— Еще как понравится! — согласился сержант. — Ты на меня посмотри — родился в 1917 году, а все еще служу, молод и наслаждаюсь жизнью.

Я вернулся в комнату для темпоральных прыжков и установил прибор на заранее рассчитанную нулевую точку.

23.01, зона V, 7 ноября 1970 года, Нью-Йорк, бар «У Папули»: Я вышел из кладовой с литровой бутылкой «драмбуйе», чтобы оправдать проведенную там минуту. Мой помощник все еще спорил с клиентом, запустившим в музыкальном автомате «Я мой собственный дедуля!».

— Да пусть доиграет до конца, потом выключишь автомат, — сказал я, борясь с усталостью.

Работа тяжелая, но ее кому-то надо делать, а в последующие годы, из-за Ошибки 1972 года, завербовать кого-либо очень трудно. Можете ли вы придумать лучший способ вербовать рекрутов, чем находить отчаявшихся неудачников в их паршивом настоящем и предлагать им хорошо оплачиваемую и интересную (хотя и опасную) работу? Сейчас-то всем известно, почему Пшик-война 1963 года пшикнулась. Бомба, предназначенная для Нью-Йорка, так и не поднялась в воздух, сотни других событий прошли не так, как были запланированы — и все это благодаря таким, как я.

Но не Ошибка семьдесят второго года. Нашей вины в том нет, а исправить ее невозможно — в ней нет скрытого парадокса, который можно направить в нужную сторону. Вещь или есть, или ее нет — сейчас и навсегда. Аминь. Но другой такой ошибки не будет; заказ, помеченный 1992 годом, в любой год имеет преимущество перед прочими.

Я закрыл заведение на пять минут раньше, оставив в кассе письмо дневному управляющему, в котором сообщал, что принимаю его предложение, так что пусть он встретится с моим юристом, а сам я отправляюсь в долгий отпуск. Деньги за проданный бар Бюро может принять, если захочет, но начальство требует, чтобы напоследок все дела приводились в порядок. Я зашел в комнатку в кладовой и отправился вперед, в 1993 год.

22.00, зона VII, 12 января 1993 года, Темпоральная база отдыха под Скалистыми горами: Я доложил дежурному офицеру о возвращении и отправился в свою комнату, намереваясь недельку поспать. Там я откупорил бутылку, на которую мы спорили (в конце концов, я ведь ее выиграл) и хлебнул, прежде чем сесть за отчет. Вкус оказался мерзким и я задумался — с какой стати я считал, будто мне нравится «Старое нижнее белье». Но лучше эта дрянь, чем совсем ничего: мне не нравится оставаться трезвым, начинаю слишком много думать. Но я и не напиваюсь; другим мерещатся змеи, а мне люди.

Я продиктовал отчет: сорок рекрутов, все одобрены психологами, включая меня самого — я заранее знал,

что тут проблем не возникнет. Ведь я уже служу, верно? Потом добавил рапорт с просьбой назначить меня на операции — от вербовки меня уже тошнило. Спустив оба документа в почтовую щель, я направился к койке.

Мой взгляд сам остановился на висящем над нею «Темпоральном уставе»:

Никогда не делай вчера того, что следует сделать завтра.

Если тебе наконец удалось добиться успеха, никогда не повторяй попытку.

Стежок во времени спасает девять миллиардов жизней.

Любой парадокс может быть отпарадоксирован заново.

Сейчас раньше, чем ты думаешь.

Предки всего-навсего люди.

Даже Юпитер иногда ошибается.

Он уже не вдохновлял меня так, как во времена моей рекрутской молодости; тридцать субъективных лет прыжков во времени способны вымотать кого угодно. Я разделся, и стянув майку, посмотрел на живот. После кесарева сечения остается большой шрам, но я стал таким волосатым, что его совсем не видно, если специально не приглядываться.

Потом взглянул на кольцо у себя на пальце.

Змей, вечно пожирающий собственный хвост... Я-то *знаю*, откуда *я* взялся... *но откуда взялись все вы, зомби?*

Я ощутил, как наваливается головная боль, но я никогда не принимаю лекарств от головной боли. Однажды я попробовал — и вы все исчезли.

Поэтому я залез под одеяло и свистнул, гася свет.

Вас здесь на самом деле нет. Тут, во мраке, нет никого, кроме меня — Джейн. Совсем одной

И как же мне тебя не хватает!

ОНИ

Они не оставят его в покое.

Они никогда не оставят его в покое. Он понял, что это было частью заговора против него — никогда не оставлять его надолго в тишине и одиночестве, никогда не позволять поразмыслить над ложью, которую они пытаются внедрить в его сознание, не давать возможности поймать их на противоречиях и неувязках, и выяснить, наконец, правду.

Этот проклятый служитель сегодня утром! Он ворвался в комнату с завтраком на подносе, разбудил его и помешал запомнить сон. Если бы он только сумел вспомнить этот сон...

Кто-то отпирал дверь. Он не повернул головы.

— Привет, старина. Мне сказали, что вы отказались завтракать? — Профессиональная доброжелательная «маска» доктора Хейворда нависла над его кроватью.

— Мне не хотелось есть.

— Но мы не можем этого допустить. Вы ослабеете, и тогда я не смогу как следует вас вылечить. Вставайте, одевайтесь, и я закажу для вас взбитые яйца с ромом. Пора подниматься, хватит валяться. Вот и молодец!

They, 1941

Нехотя и внутренне готовый к любому конфликту, он встал с постели и накинул халат.

— Вот так-то лучше, — одобрил Хейворд. — Хотите сигарету?

— Нет, спасибо.

Доктор недоуменно покачал головой.

— Черт возьми, но я никак не могу вас понять. Отсутствие интереса к материальным удовольствиям не укладывается в схему подобных заболеваний.

— И какое же у меня заболевание? — вяло осведомился он.

— Ну-ну-ну! — Хейворд попытался состроить лукавую мину. — Если медики начнут раскрывать свои маленькие секреты, им придется подыскивать другую работу.

— И все-таки, в чем состоит мое заболевание?

— Ну, название не имеет особого значения, ведь так? Расскажите-ка лучше обо всем сами. Я пока еще не совсем разобрался в вашем случае. Вам не кажется, что нам пора поговорить?

— Я сыграю с вами в шахматы.

— Хорошо, хорошо, — Хейворд согласно махнул рукой. — Мы всю неделю каждый день играем в шахматы. Если вы будете говорить, я сыграю партию.

Какое это могло иметь значение? Если он прав, то они уже давно прекрасно поняли, что он раскрыл их заговор; ничего не выиграешь, скрывая очевидное. Пусть разубедят его. Что жалеть о хвосте, когда пропадает вся шкура! Черт с ним!

Он достал шахматы и начал расставлять фигуры.

— Так что же все-таки вам известно о моем случае?

— Очень немногое. Обычное медицинское обследование ничего не показало. Ничего не дало и изучение вашего прошлого. Высокий уровень развития интеллекта, о чем свидетельствуют ваши успехи и достижения в избранной профессии. Изредка вас охватывали приступы плохого настроения, но в этом нет ничего особенного. Единственная существенная информация, имеющаяся в нашем распоряжении — эпизод, который вынудил вас обратиться к нам.

— Вот уж оставьте — я к вам не обращался. Ну а что существенного в том эпизоде?

— Ну как же! — ведь вы забаррикадировались в своей комнате и утверждали, что ваша собственная жена строит против вас какие-то козни. Вы же должны понимать, что на такой эпизод не могли не обратить внимания.

— Однако так оно и было — да и вы занимаетесь тем же самым. Белые или черные?

— Черные, сегодня ваша очередь атаковать. Почему вы думаете, что мы в заговоре против вас?

— Это запутанная история, ее начало уходит в мое далекое детство. Однако совсем недавно произошло нечто... — Он сделал первый ход конь на С3, Хейворд приподнял брови.

— Странный выбор дебюта.

— А почему бы и нет? Вы же знаете, что для меня слишком рискованно разыгрывать с вами какой-нибудь гамбит.

Доктор пожал плечами и сделал ответный ход.

— Что ж, давайте начнем с вашего раннего детства. Это может как-то прояснить ситуацию. Вам в детстве казалось, что вас кто-то преследует?

— Нет! — он даже приподнялся на стуле. — Когда я был ребенком, меня не посещали сомнения. Я знал тогда, повторяю: тогда я знал! Жизнь имела смысл, и я в этом не сомневался. Я находился в мире с собой и всей вселенной. Жизнь была прекрасной, и я чувствовал себя хорошо — тогда-то я и решил, что окружающие меня существа — такие же, как я.

— А разве они были не такими?

— Совсем не такими! И дети — в первую очередь. Я и представления не имел о том, что такое настоящая жестокость, пока не оказался один среди других детей. Маленькие дьяволята! Предполагалось, что я должен быть таким же, должен играть с ними.

Доктор кивнул.

— Я знаю. Стадное чувство. Дети иногда бывают очень жестокими.

— Вы меня не поняли. Это не было здоровой резкостью; они были совсем иными — совсем не похожими на меня. Они выглядели, как я, но были другими. Если я пытался сказать кому-нибудь из них о том, что имело для меня значение, в ответ я всегда встречал недоумен-

ные взгляды и презрительные усмешки. Потом они всегда находили какую-нибудь возможность наказать меня за то, что я был с ними откровенен.

Хейворд кивнул.

— Я понимаю, о чем вы говорите. А как обстояли дела со взрослыми?

— Тут кое-что иное. Поначалу взрослые не слишком интересуют детей, во всяком случае, так было со мной. Они были слишком большими и не особенно обращали на меня внимание, к тому же они постоянно занимались делами, которые меня совершенно не интересовали. Только позднее, заметив, что мое присутствие влияет на них, я начал задумываться об их поведении.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, они никогда не делали при мне того, что делали, когда меня не было поблизости.

Хейворд внимательно посмотрел на него.

— А вам не кажется, что ваша последняя фраза очень многое объясняет? Откуда вы знали, чем они занимались, когда вас не было рядом?

Он вынужден был признать, что в словах доктора есть логика.

— Но я не раз ловил их на том, что они замолкали, стоило мне появиться. Когда я входил в комнату, все разговоры моментально прекращались, а потом они начинали говорить о погоде, или о других пустяках. Тогда я начал прятаться, подглядывать и подслушивать. Взрослые всегда вели себя по-другому, когда думали, что меня рядом нет.

— Кажется, ваш ход. Но послушайте, старина, так было, пока вы оставались ребенком. Каждый ребенок проходит через подобные переживания. Теперь, когда вы сами стали взрослым человеком, вы же понимаете, почему взрослые так себя вели. Дети особые существа и их необходимо ограждать — во всяком случае, мы пытаемся это делать — от многих взрослых разговоров. Существует целая система условностей...

— Да, да, — нетерпеливо прервал он Хейворда. — Я об этом знаю. Тем не менее я видел и запоминал много такого, что мне до сих пор непонятно. Я постоянно находился настороже — отчего и сумел заметить кое-что еще.

— Что именно? — Он обратил внимание на то, что доктор отвел глаза в сторону, сделав вид, будто поправлял свою ладью.

— То, о чем люди говорили, и то, что они делали, никогда не имело ни малейшего значения. На самом деле они должны были заниматься совсем другим.

— Я не понимаю о чем вы говорите.

— Вы просто не хотите понять. Я рассказываю вам все это только потому, что вы согласились сыграть со мной партию.

— Почему вы так любите играть в шахматы?

— Потому что только здесь я могу учесть все факторы и понимаю все правила. Остальное не имеет ни малейшего смысла — я вижу вокруг себя огромные заводы, фермы, фабрики, церкви, школы, дома, железные дороги, качающиеся на волнах корабли, деревья, саксофоны, библиотеки, людей и животных. Людей, которые так похожи на меня, которые должны были бы чувствовать так же, как и я — конечно, если все, что мне говорили, правда. И что же все они делают? «Они отправляются на работу, чтобы заработать деньги, чтобы купить еды, чтобы восстановить силы, чтобы отправиться на работу, чтобы заработать деньги, чтобы купить еды, чтобы восстановить силы, чтобы отправиться на работу, чтобы заработать деньги, чтобы купить еды, чтобы восстановить силы, чтобы...» и так до тех пор, пока не упадут мертвыми. Любое незначительное отклонение от основной схемы значения не имеет, потому что, в конечном счете, они все равно умирают. И все пытаются убедить меня в том, что я должен делать то же самое. Вот уж дудки!

Доктор посмотрел на него взглядом, который должен был означать, что он признает себя разбитым наголову, и рассмеялся.

— Я не могу с вами спорить. Жизнь действительно выглядит именно так и, весьма возможно, что она совсем бессмысленна. Но это — единственная жизнь, которая у нас есть. Почему бы не взять от нее столько, сколько она дает?

— О нет! — Он выглядел мрачным и упрямым. — Вам не удастся внушить мне чепуху, прикидываясь наивным. Почему я уверен, что это чепуха? Потому что

вся эта огромная сцена, полная невероятного количества актеров, не может быть установлена только для того, чтобы они вели друг с другом всяческие идиотские разговоры. Должно быть какое-то объяснение. В это — я никогда не поверю. Такое сложное, изощренное безумие, какое окружает меня, обязательно должно быть спланировано. Мне удалось понять этот план!

— И в чем же он заключается?

Он заметил, что доктор опять отводит глаза.

— Это игра, задача которой состоит в том, чтобы отвлечь, смутить, занять меня мелочами, так чтобы у меня не осталось времени как следует обо всем подумать. Вы все вовлечены в эту игру, все до одного. — Он потряс пальцем перед самым носом у доктора. — Большинство — это, вероятно, не имеющие воли беспомощные автоматы, но только не вы. Вы — один из заговорщиков. Вас послали, чтобы разобраться с нарушителем спокойствия, заставить меня исполнять предназначенную мне роль!

Он видел, что доктор ждет, пока он остынет.

— Не надо так волноваться, — наконец сказал Хейворд. — Может быть, вы правы и заговор существует, но почему вам кажется, что кто-то именно на вас обращает особое внимание? Может быть, мы в одинаковом положении? Почему бы не предположить, что я такая же жертва этой игры, как и вы?

— Вот вы и попались! — он торжествующе направил длинный палец на Хейворда. — В этом и заключается вся суть заговора. Все эти существа были присланы сюда и сделаны такими похожими на меня для того, чтобы я не смог догадаться, что именно я являюсь центром всех хлопот. Но я сумел ухватить ключевой факт, факт математически безупречный — что я — уникален. Вот он я, сидящий здесь, перед вами. Мир исходит во все стороны — от меня. Я его центр...

— Полегче, дорогой, полегче! Неужели вы не понимаете, что для меня мир выглядит точно так же. Каждый из нас центр вселенной...

— А вот и нет! Именно в этом вы и пытаетесь меня все время убедить, в том, что я лишь один из миллионов себе подобных. Чепуха! Если бы они были такими же, как я, то мы могли бы вступить в контакт. А это

невозможно! Я много раз пытался это сделать, но у меня ничего не выходило. Я посылал им свои самые сокровенные мысли, пытаясь найти хотя бы одного, разделяющего их. И что я получил в ответ? Всякую чушь, злобные непристойные глупости, и все! Я старался, говорю вам! Господи! Как я старался! Но не было никого, кто мог бы мне ответить, вокруг была только пустота и отчуждение!

— Подождите минуточку. Вы хотите сказать, что кроме вас не существует других разумных существ? Вы не верите, что я живу и способен мыслить?

Он мрачно посмотрел на доктора.

— Да, вы конечно живой, но вы один из них, один из моих противников. И вы окружили меня тысячами пустых лиц, чья речь лишь бессмысленное сотрясение воздуха.

— Ну, если вы согласны с тем, что я обладаю собственным эго, почему же вы настаиваете на том, что я так сильно отличаюсь от вас?

— Почему? Подождите! — Он выбрался из-за шахматного столика, подошел к шкафу и вынул из него футляр со скрипкой.

Он играл, и постепенно выражение страдания стало исчезать с его лица и оно сделалось красивым и спокойным. На время ему вновь удалось овладеть если не знанием, то по крайней мере эмоциями, которыми он обладал во сне. Мелодия развивалась все дальше и дальше с неумолимой логикой. Он закончил, повторив напоследок главную тему, и повернулся к доктору:

— Ну?

— Хм-м.— Ему показалось, что доктор еще больше насторожился. — Довольно-таки странный отрывок, но запоминающийся. Жаль, что вы бросили серьезные занятия музыкой. Вас ждало прекрасное будущее. Думаю, даже сейчас еще не поздно вернуться к занятиям. Почему бы вам не попробовать? Насколько я знаю, вы вполне можете это себе позволить.

Он стоял и долго смотрел на доктора, а потом потряс головой, словно пытаясь избавиться от посторонних мыслей.

— Бесполезно, — медленно проговорил он, — совершенно бесполезно. Нет никакой возможности об-

щения. Я совсем один. — Он положил инструмент обратно в футляр и вернулся к шахматному столику. — Кажется, мой ход?

— Да, я напал на вашего ферзя.

Он внимательно посмотрел на доску.

— Пустое дело. Мне больше не нужен ферзь. Шах.

Доктор передвинул пешку, чтобы защититься от шаха.

Он кивнул.

— Вы хорошо используете свои пешки, но я научился заранее предугадывать ваши ходы. Еще шах — и мат, так мне кажется.

Доктор некоторое время обдумывал создавшееся положение.

— Нет, — решил Хейворд, — еще нет. — Он отступил королем назад. — Не мат, в худшем случае пат. Да, еще один пат.

Он был расстроен визитом доктора. Конечно, он не усомнился в собственной правоте, но доктору, несомненно, удалось указать на слабые места в его рассуждениях. С логической точки зрения вполне может быть, что весь мир действительно грандиозная фальшивка для всех сразу. Но логика ничего не значит — ведь она сама самый настоящий обман, начинающийся с ничем не подтвержденных утверждений и с помощью которого можно доказать все что угодно. Мир — это то, что он есть, — и в нем самом заключено доказательство обмана!

Но так ли это? Достаточно ли у него сведений, чтобы сделать следующий шаг? Может ли он провести четкую границу между наверняка известными фактами и всем остальным, сделать осмысленную интерпретацию мира, опирающуюся только на факты — интерпретацию, свободную от хитросплетений логики и заключений, основанных на сомнительных предположениях? Итак...

Факт первый — он сам. Себя он знает непосредственно. Он существует.

Вторичные факты — свидетельства его «пяти чувств», все, что он сам видит, слышит, может понюхать, попробовать на вкус и пощупать. При всей их ограниченности он должен верить своим ощущениям. Без них он был бы совершенно одиноким, запертым в темнице из

костей и плоти, слепым и глухим, отрезанным от всего. Единственное живое существо во всей вселенной.

Но это не так. Он знал, что не он придумал всю ту информацию, которую доносят до него его чувства. Где-то должны были быть какие-то иные существа, которые произвели все то, что регистрируют его ощущения. Всякая философия, утверждающая, что физический мир вокруг существует лишь в его воображении, чистейшая чепуха.

Но что за всем этим стоит? Существуют ли какие-то третьи факты, на которые он может полагаться? Нет, на данном этапе нет. Он не может позволить себе поверить в то, что ему кто-нибудь сказал, или в то, что ему довелось прочитать, или опереться на какое-нибудь кажущееся очевидным заключение. Нет, он не может верить во все это, потому что суммарный результат того, о чем ему говорили, о чем он читал, чему его учили в школе, был таким противоречивым, таким бессмысленным, таким абсолютно безумным! Ни во что из этого всего нельзя верить до тех пор, пока он не сможет сам, лично, подтвердить или опровергнуть это.

Так, одну минутку, ведь уже то, что он знает обо всей этой лжи, бессмысленности, противоречиях, не есть факт, который ему известен непосредственно. И в этом смысле все сведения, собранные им, весьма и весьма важны.

Мир, такой, каким он ему показан, — абсурд, сон идиота. И в тоже время уж слишком он грандиозен, чтобы на все это не было какой-то причины. Он устало вернулся к своему исходному доводу: раз мир не может быть таким безумным, каким он кажется, значит, он сделан таким специально, чтобы помешать ему узнать правду.

Зачем им это? И какая правда за этим таится? В самом их обмане должны содержаться ответы на эти вопросы. Какая нить соединяет все эти безумия? Ну, для начала ему дали колоссальный избыток объяснений того, что происходит вокруг: философия, религия, здравый смысл, наконец. Большинство из этих объяснений были такими неуклюжими, такими очевидно неверными или бессмысленными, что они вряд ли могли рассчитывать на то, что он всерьез отнесется к ним. Видимо,

они были придуманы просто для того, чтобы сбить его с толку.

Однако существовали определенные, базовые предположения, которые объединяли сотни безумных идей, независимо друг от друга существующих вокруг него. Вот в эти-то базовые предположения он и должен был, по их замыслу, верить. Например, существовало базовое, аксиоматическое предположение, что он — «человеческое существо», в основном ничем не отличающееся от миллионов других вокруг и многих триллионов до него и после него.

Это было полнейшей чепухой! Ему ни разу не удалось вступить в настоящий контакт с одним из этих существ, внешне столь похожих на него, но, на самом деле, совсем иных. В агонии своего одиночества он обманывал себя, предполагая, что Алиса понимала его и была такой же, как он. Теперь он знал, что отказывался обращать внимание на тысячи мелких несоответствий, так как боялся даже думать, что снова останется один. Ему было просто необходимо верить, что его жена такое же существо, как и он, понимающее и разделяющее его мысли. Он отказывался рассматривать возможность того, что она всего лишь зеркало, эхо — а может быть, и нечто гораздо худшее.

Он нашел друга, и мир стал казаться гораздо более терпимым, хотя по-прежнему оставался скучным, глупым и полным мелких раздражающих неприятностей. Он был сравнительно счастлив и отбросил все свои подозрения. С удивившей его самого кротостью он занялся однообразным трудом, и все шло своим чередом, пока по некоторой странной случайности он не обнаружил, что все это — подделка. И тогда все сомнения обрушились на него с новой силой; горькие подозрения его детства подтвердились.

Теперь-то он понял, что поступил глупо, когда устроил по этому поводу скандал. Если бы он помалкивал, они не засадили бы его сюда. Ему нужно было действовать так же хитро и незаметно, как они, держать глаза и уши открытыми — может быть, тогда ему удалось бы разузнать все детали заговора против него. Возможно, он бы даже смог ускользнуть от них.

Но что с того, что они заперли его здесь, ведь мир — это сумасшедший дом, и все они служат в нем надсмотрщиками.

Ключ заскрипел в замке, и подняв глаза, он увидел, что в комнату входит служащий с подносом.

— Ваш обед, сэр.

— Спасибо, Джо, — мягко сказал он. — Поставь его на стол.

— Сегодня вечером будут показывать кино, сэр, — продолжал служащий. — Вы не хотите пойти? Доктор Хейворд сказал, что вы можете...

— Нет, спасибо. Я предпочитаю остаться здесь.

— Я бы хотел, чтобы вы пошли, сэр. — Его смешила удивительная искренность тона служащего. — Мне кажется, доктор хочет, чтобы вы пошли. Это хороший фильм. И еще будет мультфильм о Микки Маусе...

— Ты почти уговорил меня, Джо, — вяло проговорил он. — У Микки действительно те же проблемы, что и у меня. Однако я не пойду. Они могут не беспокоиться о кино сегодня.

— О, сэр, но кино сегодня будет в любом случае. Многие другие наши гости придут его посмотреть.

— Правда? Вот достойный пример добросовестного отношения к делу. Или ты говоришь это специально для меня? В этом нет никакой необходимости, Джо. Не надо так напрягаться. Я знаю правила игры. Если я не приду, то не будет никакого резона показывать фильм.

Ему понравилась ухмылка, с которой служащий отреагировал на его последний выпад. Действительно ли это существо таково, каким оно кажется — большие мускулы, терпимость, располагающее спокойствие, доброжелательность? Или за этими добрыми глазами нет ни единой мысли, только рефлексы робота? Нет, скорее всего это один из них, раз он так тщательно следит за ним.

Служащий ушел, а он стал есть, подбирая ложкой заранее разрезанные кусочки мяса. Ножа и вилки ему не полагалось. Он опять улыбнулся, оценив их осторожность и предусмотрительность. Напрасное беспокойство — он не станет причинять вред своему телу до тех пор, пока оно будет помогать ему искать правду. У него еще осталось множество доступных возможно-

стей исследования. Только исчерпав их, он пойдет на этот, возможно, безвозвратный шаг.

После еды он подумал, что сможет привести свои мысли в некоторый порядок, если запишет их. Нашел бумагу. Для начала решил записать какое-нибудь общее утверждение, из тех, которые всю его «жизнь» пытались ему вдолбить. «Жизнь?» Да, с этого стоит начать. Он написал:

«Мне сказали, что я родился определенное количество лет назад и что еще через сколько-то лет я умру. Мне рассказывали несколько разных, но одинаково неуклюжих историй о том, где я находился до своего рождения и что произойдет со мной после смерти, но все это грубая ложь, направленная даже не на то, чтобы обмануть, а просто чтобы увести в сторону. Всеми возможными способами окружающий мир пытается убедить меня в том, что я смертен, что мой срок пребывания здесь строго ограничен и вскоре я вообще перестану существовать — притом навсегда.

ЛОЖНО! Я бессмертен. Я переступлю границы, отмеренные мне на временной оси; семидесятилетний промежуток на ней лишь маленький эпизод в моем существовании. Если не считать самого неопровержимого факта моего бытия, второй по неоспоримости факт — мое бессмертие. Я могу быть замкнутой кривой, но, замкнутая или нет, она не имеет ни начала ни конца. Самосознание есть понятие иррациональное, оно абсолютно, его нельзя ни уничтожить, ни воссоздать. Память же, являясь рациональной составляющей сознания, может быть изменена и даже уничтожена.

Действительно, большинство предлагаемых мне религий утверждают бессмертие — но как они это делают! Самый лучший способ убедительно соврать — сказать правду так, чтобы в нее невозможно было поверить. Они не хотели, чтобы я им поверил.

Предостережение: почему они так старались убедить меня в том, что через несколько лет я умру? Тут обязательно должна быть какая-то причина. Можно предположить, что они готовят меня к каким-то глобальным переменам. Для меня может оказаться критически важно узнать их намерения — вероятно, мне

остается еще несколько лет, в течение которых я должен найти решение.

Замечание: следует избегать стереотипов мышления, которым они меня научили».

Вернулся служащий.

— К вам пришла жена, сэр.

— Скажите ей, чтобы она ушла.

— Пожалуйста, сэр, — доктор Хейворд очень просил, чтобы вы ее повидали.

— Скажите доктору Хейворду, что я просил ему передать: он превосходно играет в шахматы.

— Да, сэр, — служащий немного подождал. — Значит, вы не хотите ее видеть, сэр?

— Да, я не хочу ее видеть.

Несколько минут он ходил по комнате, слишком возбужденный, чтобы снова взяться за перо. По большому счету они играли с ним вполне достойно. Он был рад, что они разрешили ему жить в отдельной комнате. Здесь у него было куда больше времени для спокойных размышлений, чем тогда, когда он жил с женой. Конечно, они постоянно пытались чем-нибудь занять его, но благодаря упрямству и хитрости ему часто удавалось-таки выгадать для себя несколько свободных часов.

Но, проклятье! Очень не хочется, чтобы они использовали Алису для того, чтобы отвлекать его от размышлений. Хотя она и перестала вызывать в нем тот гнетущий ужас и отвращение, которые он ощутил, когда впервые понял правду, ему все равно было тяжело переносить ее присутствие, потому что оно вынуждало его принять какое-то окончательное решение относительно нее.

Все-таки она была его женой столько лет. Женой? Что такое жена? Другая, но такая близкая душа, дополнение, второй, столь необходимый, полюс пары, убежище, где всегда можно найти понимание и сострадание среди бездонного океана одиночества. Именно так он думал, именно в это он верил долгие годы, верил с яростью отчаяния. Неистребимая потребность общения с себе подобными заставляла его видеть себя, отраженным в этих прекрасных глазах, вынуждала не замечать частую неадекватность ее реакций.

Он чувствовал, что избавился от большинства эмоциональных привязанностей, которые долгие годы внедрялись в его сознание, но Алиса была настолько близка ему, что даже теперь мысли о ней причиняли боль. Он был счастлив — что, если это был наркотический сон? Они дали ему идеальное, прекрасное зеркало — а он имел глупость заглянуть за него!

Он устало вздохнул и вернулся к своим записям.

«Мир принято объяснять или на основе "здравого смысла", утверждающего, что вселенная есть то, чем она кажется, что обычное человеческое поведение, мотивация, стоящие за ним, разумны; или религиозно-мистически. При этом вселенная представляется сном, не имеющим под собой никакой реальности, некой выдуманной субстанцией, а настоящая реальность будто бы находится вне его.

ЛОЖНО — и первое, и второе. В «здравом смысле» нет ни здравости, ни смысла. Жизнь коротка и полна несчастий. Человек, рожденный женщиной, входит в мир для страданий, с такой же неизбежностью, с какой искры всегда летят вверх. Ему отмерено совсем мало дней. Он обречен на бессмысленную суету и муки. Можно, конечно, дать и более точное определение. Но суть мира-здравого-смысла-такого-каким-он-кажется заключается именно в этом. В таком мире человеческая жизнь со всеми ее устремлениями имеет не больше смысла, чем слепое мельтешенье мошек, летящих на свет зажженной лампы. Мир «здравого смысла» полон слепого безумия, он идет из никуда в никуда, без всякой цели и смысла.

Что же до второго объяснения, то на первый взгляд оно кажется разумным, особенно в той его части, где отрицается иррациональный мир «здравого смысла». Однако это не конструктивное решение, а бегство от реальности любого вида — ведь оно отказывается верить в результаты единственного реального контакта между эго и внешним миром. Несомненно одно: пять чувств, какими бы жалкими и ограниченными они ни были — это единственный канал связи с реальностью».

Он смял бумагу и вскочил со стула. Последовательность и логика совершенно излишни — его решение было верным. Он это чуял нутром. Однако он все еще

не знал ответов на все вопросы. Зачем нужна такая чудовищно сложная структура обмана, бесчисленные существа, огромные континенты, колоссально разросшаяся и удивительно детализированная безумная история человечества, безумные традиции и еще более безумная культура? Зачем все это, когда вполне можно обойтись одной камерой и смирительной рубашкой?

Значит, так должно быть, значит, для них исключительно важно полностью ввести его в заблуждение — частичный обман их не устраивает. Может быть, для них настолько необходимо не позволить ему осознать свое истинное «я», что они ради этого готовы пойти на все?

Он должен знать. Каким-то образом он должен проникнуть в их планы, увидеть, что происходит на самом деле, когда они думают, что он не смотрит. Однажды ему уже удалось бросить один взгляд; теперь он должен увидеть все — увидеть, как кукловоды дергают за ниточки.

Очевидно, что для начала ему необходимо выбраться отсюда, но сделать это так ловко, чтобы они заранее ничего не заподозрили и не поймали его, а главное — не успели построить новые декорации. Это будет очень трудно. Нужно превзойти их в хитрости и ловкости.

Приняв, наконец, решение, он провел остаток вечера, рассматривая различные варианты достижения поставленной цели. Задача казалась почти неразрешимой — он должен исчезнуть и какое-то время никому не попадаться на глаза, чтобы они напрочь потеряли его след, тогда они не будут знать, где сосредоточивать свои фальшивые видения. В течение нескольких дней ему придется обходиться без еды. Что ж, это не трудно. А пока он не должен дать себя заподозрить, хоть в чем-то изменив свое поведение.

Свет дважды мигнул. Он послушно встал и начал готовиться ко сну. Когда служитель заглянул в глазок, он уже лежал в постели, отвернувшись лицом к стене.

Радость! Радость повсюду! Как прекрасно находиться среди своих, слышать музыку, исходящую от каждого живого существа, как это всегда было и всегда будет, как замечательно чувствовать, что все живое знает о твоем существовании и разделяет его с тобой.

Как хорошо быть, как хорошо знать о единстве многих и многообразии одного. Была, правда, и какая-то одна дурная мысль, смутная, — детали ускользали от него. Но она тут же исчезла, словно ее никогда и не было; таким мыслям здесь просто не было места.

Утренние звуки, доносящиеся из соседней палаты, проникли в сознание наполненного сном тела, которое служило ему здесь, и не сразу он вспомнил, что лежит на больничной койке. Переход был таким мягким, что удалось унести с собой воспоминания о том, что он делал и почему. Он лежал неподвижно, мягко улыбаясь, и погружался в странную довольно приятную истому тела, в котором он вновь оказался. Удивительно, как он умудрился все забыть, поддавшись на их хитрости и уловки. Теперь, когда ему удалось заполучить ключ, он быстро все здесь поставит на место. Он прямо сейчас призовет их и сообщит о новом порядке. Будет забавно увидеть, какое выражение появится на лице старого Гларуна, когда тот поймет, что цикл закончился...

Щелчок в глазке и скрежет открывающейся двери, словно гильотиной, перерезал нить его мыслей. Служитель быстро вошел в палату и поставил на край стола поднос с завтраком.

— Доброе утро, сэр. Отличный сегодня будет денек. Будете завтракать в постели, или встанете?

Не отвечать! Не слушать! Не отвлекаться! Это часть их плана... Но было уже поздно, слишком поздно. Он почувствовал, что соскальзывает, падает, отрывается от истинной реальности и вновь попадает в фальшивый мир, в котором они его держат. Все ушло, ушло совершенно, не оставив ему ни единой детали, за которую можно было бы зацепиться. Не осталось ничего, кроме чувства рвущей сердце потери, острой боли от ощущения так и не наступившего катарсиса.

— Оставь его на столе. Я с ним потом разберусь.

— Вот и ладушки. — Служащий быстро выскочил за дверь, захлопнул ее за собой, а потом запер.

Он долго лежал не двигаясь, а каждый нерв в его теле кричал, моля о помощи.

Наконец он поднялся с постели, чувствуя себя ужасно несчастным, и попытался сосредоточиться на плане побега. Однако шок, полученный им, когда он был так

жестоко вырван из своей реальности, оставил его эмоционально опустошенным. Его снова охватили сомнения, и никак не удавалось сосредоточиться на чем-то конструктивном. Может ли быть, что доктор прав, и он не единственный, у кого возникли подобные проблемы? А вдруг он и в самом деле страдает от паранойи, от возвеличивания собственной личности?

А что, если каждая палата в этой больнице — тюрьма, в которой томится другое одинокое и беспомощное «я», слепое и немое, приговоренное к вечному и печальному одиночеству? Был ли страдальческий взгляд Алисы правдивым отражением ее внутренней муки, или лишь очередным маневром, направленным на то, чтобы заставить его поверить им?

В дверь постучали. Не поднимая взгляда, он сказал:

— Войдите. — Их приходы и уходы не имели для него никакого значения.

— Мой дорогой... — хорошо знакомый голос звучал тихо и неуверенно.

— Алиса! — он стремительно вскочил и повернулся к ней. — Кто тебя впустил сюда?

— Пожалуйста, дорогой, пожалуйста, я должна была повидать тебя.

— Это нечестно. Это нечестно, — он говорил скорее для себя, чем для нее. — Зачем ты пришла?

Она стояла перед ним с достоинством, которого он от нее никак не ожидал. Красота ее детского лица поблекла, но оно светилось удивительным мужеством.

— Я люблю тебя, — спокойно ответила она. — Ты можешь сказать мне, чтобы я ушла, но ты не можешь заставить меня перестать тебя любить и пытаться помочь тебе.

Он отвернулся от нее, не зная, какое принять решение. Может ли быть, что он зря ее осудил? А вдруг там, за барьером плоти и пустых слов, тот дух, который действительно стремился соединиться с ним? Любовники, шепчущие в темноте: «*Ты действительно понимаешь, ведь правда?*»

«*Да, мое сердце, я понимаю*».

«*Тогда все, что может случиться с нами, не имеет значения, до тех пор, пока мы вместе и понимаем...*»

Слова, слова, глухо отражающиеся от непробиваемых стен...

Нет, он мог ошибиться! Нужно еще раз испытать ее...

— Почему ты хотела, чтобы я продолжал работать в той конторе, в Омахе?

— Но я вовсе не настаивала на этом. Я просто говорила, чтобы ты как следует подумал перед...

— Ладно, не имеет значения. Не имеет значения.

Нежные руки и прекрасное лицо с кротким упорством не давали ему делать то, чего так жаждало его сердце. И всегда с лучшими намерениями, с лучшими намерениями, всегда так, что ему никогда не удавалось совершить те глупые, нелогичные поступки, которые, как он твердо знал, только и стоило совершать. Торопись, торопись, торопись, стремись вперед, а твой жокей с лицом ангела проследит за тем, чтобы у тебя не было возможности остановиться и подумать...

— Почему ты пыталась не дать мне подняться наверх в тот день?

Ей удалось улыбнуться, хотя глаза ее уже наполнились слезами...

— Я не знала, что для тебя это было так важно. Я боялась опоздать на поезд.

Это было совсем маленькой деталью, незначительной мелочью. По какой-то причине, не до конца понятной ему самому, он настаивал на том, что должен вернуться в свой кабинет, когда они уже вышли из дома, собираясь ехать в отпуск. Шел дождь, и она сказала, что они опаздывают на вокзал. Он удивил тогда и себя, и Алису, настаивая на своем в ситуации, в которой он никогда ранее не проявлял подобного упрямства.

Он в буквальном смысле слова оттолкнул ее в сторону и поднялся по лестнице. Даже и тогда еще могло бы ничего не произойти, если бы — без всякой на то надобности — он вдруг не поднял штору на окне, которое выходило на противоположную сторону дома.

Это была совсем несущественная деталь. Шел сильный дождь — там, перед домом. А из этого окна открывалось безоблачное небо и светило солнце, не было и следа дождя.

Он стоял перед окном довольно долго, глядя на яркое солнце, которого здесь просто не могло быть, и переосмысливая весь свой мир. Он пересматривал все свои давно забытые сомнения в свете этого маленького, но совершенно необъяснимого несоответствия. А потом обернулся и увидел, что она стоит у него за спиной.

С тех самых пор он пытается забыть выражение лица Алисы, которую сумел тогда застать врасплох.

— А как насчет дождя?

— Дождя? — тихо и удивленно повторила она. — Ну, конечно, шел дождь. Что в этом такого?

— Но если смотреть из окна моего кабинета, то дождя не было.

— Что? Да нет, был, конечно. Просто я заметила, что солнце на короткое время выглянуло из-за туч, вот и все.

— Чепуха!

— Но, дорогой, какое отношение имеет погода к тебе и ко мне? Какое значение имеет дождь и идет ли он, или нет — для нас? — Она робко подошла к нему и попыталась обнять. — Я что, отвечаю за погоду?

— Думаю, да. А теперь, пожалуйста, уходи.

Она отпрянула от него, слепо провела рукой по глазам, сглотнула, а потом произнесла еще достаточно твердым голосом:

— Ладно. Я уйду. Но помни — ты можешь вернуться домой, стоит тебе только захотеть. — Она немного помолчала, а потом с сомнением добавила: — Ты... поцелуешь меня на прощанье?

Он не ответил ни голосом, ни взглядом. Она посмотрела на него, потом повернулась и, ничего не видя, бросилась к дверям и выскочила из палаты.

Существо, которое он знал под именем Алисы, направилось к месту сбора, даже не остановившись для того, чтобы изменить форму.

— Необходимо прервать эту последовательность. Я больше не в состоянии влиять на его решения.

Они ожидали такого исхода, но все же расстроенно зашевелились.

Гларун обратился к Первому Манипулятору:

— Приготовьтесь срочно трансплантировать избранный кусок памяти.

Потом, повернувшись к Первому Исполнителю, Гларун сказал:

— Экстраполяция показывает, что он попытается спастись в ближайшие два дня. Эта последовательность развалилась прежде всего из-за того, что вам не удалось создать дождь со всех сторон от дома. Учтите это на будущее.

— Было бы гораздо проще, если бы мы понимали его мотивы.

— Будучи доктором Хейвордом, я часто так думал, — ядовито заметил Гларун, — но если мы будем понимать его мотивы, то станем его частью. Не забывайте о Договоре! Он почти вспомнил!

Существо, которое называло себя Алисой, вновь заговорило:

— А не можем ли мы устроить ему Тадж Махал* в следующей последовательности? По каким-то причинам он его ценит.

— Вы теряете объективность?

— Возможно. Я этого не боюсь. Так сможем мы это сделать?

— Мы рассмотрим ваше предложение.

Гларун обратился к остальным:

— Оставьте все как есть до прерывания. Нью-Йорк Гарвардский университеты сейчас демонтируются. Отвлеките его от этих секторов.

— Действуйте!

---

* Тадж Махал — белый мраморный мавзолей, построенный в Агре императором Шах Джаном (первая полов. XVIIв.) для своей любимой жены.

НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД

Пит Перкинс завернул по дороге на городскую автостоянку и крикнул:

— Привет, Папочка!

Старый мужчина, служащий автостоянки, поднял голову.

— Сейчас, Пит, подожди минутку, — ответил он, продолжая разрывать воскресную юмористическую газету на узкие полоски.

Рядом с ним приплясывал маленький смерч, подбирая обрывки старой газеты и комочки грязи и швыряя их в лица идущим мимо прохожим. Старик протянул смерчу узкую полоску ярко раскрашенной газеты с комиксами.

— Иди сюда, Кисонька, — ласково уговаривал он, — ну же, Кисонька...

Смерч нерешительно поколебался, затем, вытягиваясь в высоту, заметно подрос и, перепрыгнув через два стоявших автомобиля, приземлился sur le point* рядом с ним. При виде подношения он как будто презрительно фыркнул.

Our Fair City, 1948

* Точно (франц.).

— Возьми это, Кисонька, — с мягкой настойчивостью произнес старик и разжал пальцы.

Смерч подхватил пестрый серпантин и обвил им себя примерно посередине. Старик оторвал от газеты еще одну длинную полоску и еще одну; смерч намотал на себя и их, буквально ввинтив в массу свободно колыхавшихся обрывков бумаги и мусора, которые делали видимым его тело. Оживившись от холодных порывов ветра, которые обрушились на глубокое ущелье между высокими зданиями, смерч закружился еще быстрее и стал еще выше, сооружая из разноцветных газетных ленточек причудливую прическу. Старик повернулся, улыбаясь.

— Кисоньке очень нравятся новые наряды.

— Не принимай это близко к сердцу, Папочка, а то я и впрямь поверю в твою Кисоньку.

— Что? Тебе не надо верить в Кисоньку — ты можешь *видеть* ее.

— Да-да, конечно; но ты ведешь себя так, словно она — я имею в виду этот смерч — может понять, о чем ты говоришь.

— А ты так не думаешь? — с кротким терпением спросил он.

— Оставь, Папочка!

— Хм-м-м... одолжи-ка мне свою шляпу. — Папочка привстал и взял шляпу. — Иди сюда, Кисонька, — позвал он. — Вернись, Кисонька!

Смерч, крутясь, резвился над ними; ростом он был уже в несколько этажей. Как бы услышав слова старика, он опустился ниже.

— Эй! Ты куда это с моим головным убором? — поинтересовался Перкинс.

— Погоди минутку... Иди сюда, Кисонька! — Смерч внезапно осел, уронив на землю свою ношу.

Старик протянул ему шляпу. Смерч выхватил ее и стремительно стал поднимать по длинной спирали.

— Эй! — взвизгнул Перкинс. — Ты соображаешь, что делаешь? Это не смешно, в конце концов — шляпа стоила мне шесть баксов всего три года назад.

— Не волнуйся, — успокоил его старик. — Кисонька вернет ее.

— Да неужели? Скорее, она уронит ее в реку.

— О нет! Она никогда не выронит то, чего ей не хочется ронять. Смотри! — Запрокинув голову, старик устремил взгляд туда, где рядом с надстройкой на крыше отеля через улицу танцевала шляпа. — Кисонька! Кисонька! Верни ее.

Поколебавшись, смерч выпустил шляпу, и та пролетела на пару этажей вниз. Смерч устремился следом, на лету подхватил ее и без особого желания пожонглировал ею.

— Принеси ее сюда, Кисонька.

Шляпа начала движение по нисходящей спирали и, описав длинную плавную кривую, ударила Перкинса прямо по лицу.

— Она пыталась надеть тебе ее на голову, — пояснил служащий. — Обычно она отличается большей меткостью.

— Правда? — Перкинс поднял шляпу и, открыв рот, уставился на смерч.

— Убедился? — спросил старик.

— Убедился ли? Да, пожалуй. — Он взглянул на шляпу, затем снова на смерч. — Папочка, по такому случаю требуется выпить.

Они зашли в небольшое здание на территории стоянки; Папочка нашел рюмки, а Перкинс достал бутылку, почти полную, и щедро налил в обе рюмки. Он залпом выпил свою порцию, налил еще и сел.

— Первая была в честь Кисоньки, — объявил он. — А эта — чтобы взбодриться перед банкетом у мэра.

Папочка сочувственно хмыкнул.

— Что, нужен репортаж на эту тему?

— Я должен о чем-то написать целую колонку, Папочка. «Вчера вечером мэр Хиззонер, окруженный плеядой блестящих мошенников, всяких темных личностей, подхалимов и фальсификаторов голосования, выслушивал дифирамбы в свой адрес на банкете, устроенном в его честь...» Нужно что-то написать, Папочка; те, кто платит наличными, ждут моего репортажа. Так почему бы мне не взбодриться, как человеку, и не расслабиться на время?

— Сегодняшняя статья получилась неплохо, Пит, — утешил его старик.

Он подобрал номер «Дейли Форума»; Перкинс забрал у него газету и пробежал глазами свою статью.

«Питер Перкинс. НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД», — прочитал он, и ниже: «Как, нет конки? Что вполне устраивало отцов-основателей нашего города, то устраивает и нас — такова уж традиция нашего городского рая. Мы спотыкаемся о ту самую выбоину, в которой еще в 9-м году сломал ногу двоюродный дедушка Тозиа. Отрадно знать, что вода, слитая из ванн, не пропадает, но возвращается к нам через водопроводные краны в кухнях, до неузнаваемости преображенная всего лишь перенасыщением хлоркой — и все-таки вода та же самая. (Для сведения: Хиззонер употребляет только родниковую воду, разлитую в бутылки. Над этим следует задуматься.)

Но должен вам сообщить обескураживающую новость. Кто-то отменил конку!

Вы можете этому не поверить. Наш общественный транспорт передвигается так медленно и с такими большими интервалами, что вы, может, вовсе не замечали его; и все же клянусь, что собственными глазами видел одно средство передвижения, которое едва тащилось по Гранд-авеню без всяких там лошадей. По всей видимости, оно приводилось в движение с помощью какого-то новомодного электрического устройства.

Даже в атомный век некоторые перемены трудно воспринимаются. Я настоятельно прошу всех сограждан...» — Перкинс негодующе фыркнул. — Это все равно, Папочка, что пытаться удержать дот одним духовым ружьем, стреляющим бобами; город развращен, и таким он и останется. Почему я должен морочить себе голову подобной чепухой? Дай-ка мне бутылку.

— Не унывай, Пит. Тиран страшится смеха больше, нежели пули убийцы.

— Где ты этому научился? О'кей, значит, я не смешон. Я пытался выставить их на посмешище, чтобы заставить уйти со своего поста, но ничего не вышло. Мои усилия так же бессмысленны, как и деятельность твоей подружки, похожей на крутящегося дервиша.

Под порывом внезапно налетевшего ветра задребезжали окна.

— Не говори так о Кисоньке, — предостерег его старик. — Она может обидеться.

— Прошу прощения. — Он встал и поклонился двери. — Кисонька, я прошу у тебя прощения. Твоя деятельность, несомненно, приносит больше пользы, чем моя. — Он повернулся к хозяину. — Давай выйдем и поговорим с ней, Папочка. Если бы я мог выбирать, то предпочел бы заняться этим, а не тащиться на банкет к мэру.

Они вышли на улицу. Перкинс прихватил с собой остатки иллюстрированной газеты с комиксами. Он стал отрывать от нее длинные узкие полоски.

— Сюда, Котенок! Сюда, Котенок! Иди же, быстрее!

Смерч изогнулся и стал подхватывать бумажные ленточки по мере того, как Перкинс рвал газету.

— Она все еще не выбросила те газетные полоски, что ты дал ей.

— Конечно, — согласился Папочка. — Кисонька у нас как барахольщик. Когда ей что-нибудь понравится, она хранит это целую вечность.

— Разве она никогда не устает? Ведь бывают же безветренные, тихие дни.

— Здесь никогда не бывает совсем безветренно и тихо. Все дело в расположении зданий и Третьей улицы, которая тянется от самой реки. Но мне думается, свои любимые игрушки она прячет на крышах зданий.

Журналист присмотрелся к мусору, кружившемуся в воздушном водовороте.

— Держу пари, что у нее есть газеты, выпущенные месяц и более тому назад. К примеру, Папочка, я здесь вижу одну статью — о наших службах по уборке мусора и о том, как мы не убираем наши улицы. Я отыщу несколько газет, выпущенных пару лет тому назад, и сделаю заявление, что они носятся по городу со времени их выпуска.

— Зачем плутовать? — отозвался Папочка. — Давай лучше посмотрим, что у Кисоньки есть. — Он тихонько свистнул. — Иди сюда, малыш — дай Папочке посмотреть на твои игрушки. — Смерч раздулся; его содержимое кружилось уже не так быстро. Служащий выдернул обрывок старой газеты из груды

мусора, медленно проплывавшего мимо. — Вот, пожалуйста, эта — трехмесячной давности.

— Нам нужно кое-что получше.

— Попробую еще. — Он протянул руку и выхватил еще один газетный лист. — За прошлый июнь.

— Вот это уже лучше.

На стоянке загудел автомобиль, требуя обслужить его, и старик поспешил к нему. Когда он вернулся, Перкинс все так же всматривался во вращавшийся в воздухе столб мусора.

— Как успехи? — спросил Папочка.

— Она мне не дает их взять. Выхватывает прямо из рук.

— Кисонька, озорница, — сказал старик. — Пит — наш друг. Будь с ним поласковей. — Смерч нерешительно колыхался.

— Все в порядке, — сказал Перкинс. — Она просто не знала. Взгляни-ка, Папочка, — видишь вон тот лист наверху? С передовицей.

— Тебе он нужен?

— Да. Посмотри внимательно — в заголовке написано: «Дьюи» и что-то еще. Ты не думаешь, что она прячет эту газету еще со времен кампании сорок восьмого года?

— Вполне возможно. Сколько я себя помню, Кисонька всегда была здесь. И она всегда прячет то, что подбирает. Подожди секунду. — Он тихонько позвал ее. Вскоре газета была в его руках. — А теперь посмотрим.

Перкинс вгляделся в газету.

— Быть мне сенатором краткосрочного созыва! Удачнее и не отыщешь, Папочка!

Заголовок гласил: «ДЬЮИ ЗАХВАТИЛ МАНИЛУ»; и дата — 1898 год.

Через двадцать минут, почти опустошив бутылку Перкинса, они все еще обсуждали этот вопрос. Журналист не отрывал глаз от пожелтевшего грязного листка.

— Только не говори мне, что это носилось по городу последние полстолетия.

— Почему бы и нет?

— Почему бы и нет? Хорошо, я еще могу допустить, что улицы все это время не убирались, но газета от ветхости давно бы уже рассыпалась. Солнце и дождь, ну и так далее.

— Кисонька очень заботится о своих игрушках. В плохую погоду она, вероятно, прятала газету в каком-нибудь укрытии.

— Ради Бога, Папочка, неужели ты всерьез веришь... А впрочем, ты действительно веришь. Честно говоря, меня не особенно волнует, где она достала газету; официальная версия вырисовывается вполне определенно: именно этот газетный лист болтается под ногами на наших грязных улицах в течение последних пятидесяти лет, и за это время его никто не заметил и не убрал. Ну и позабавлюсь же я, дружище! — Он аккуратно свернул обрывок газеты и хотел уже положить его себе в карман.

— Слушай, не делай этого! — запротестовал старик.

— Почему? Я собираюсь переписать все, что здесь напечатано, и сфотографировать.

— Ты не должен этого делать. Газета принадлежит Кисоньке — я всего лишь одолжил на время ее игрушку.

— Ты что? Спятил?

— Она расстроится, если ты не вернешь газету. Ну пожалуйста, Пит — она даст тебе ее посмотреть в любое время, когда пожелаешь.

Старик выглядел таким серьезным, что у Перкинса пропало желание спорить.

— А что, если мы никогда больше не увидим эту газету? А ведь моя статья привязана к ней.

— *Тебе* от этого никакой пользы — чтобы придать твоей статье большую убедительность, газета должна храниться у *нее*. Не беспокойся, я скажу ей, чтобы берегла этот лист и ни в коем случае не потеряла.

— Ну ладно.

Они вышли на улицу, и Папочка очень серьезно поговорил с Кисонькой, а затем отдал ей газетный лист, датированный 1898 годом. Она сразу же спрятала его в верхней части столба. Перкинс попрощался с Папочкой и направился было прочь, но, пройдя несколько шагов,

остановился и обернулся. У него был слегка растерянный вид.

— Послушай, Папочка...

— В чем дело, Пит?

— Ты ведь не думаешь в самом деле, что смерч — живой, правда?

— А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? Почему бы и нет — и это все, что ты можешь сказать?

— Ну что ж, — рассудительно сказал Папочка, — а откуда ты знаешь, что ты — живой?

— Но... да потому, что я... ну, если ты так ставишь вопрос... — Он умолк. — Я не знаю. Задал же ты мне задачу, приятель.

Папочка улыбнулся.

— Ты понял?

— Ну-у, думаю, что да. Спокойной ночи, Папочка. Спокойной ночи, Кисонька. — Он слегка коснулся шляпы, глядя на смерч. Столб поклонился.

Главный редактор вызвал Перкинса к себе в кабинет.

— Видишь ли, Пит, — сказал он, бросая перед ним на стол пачку серой бумаги с отпечатанным на ней текстом, — с эксцентричностью все в порядке, но мне хотелось бы видеть материал, который не был бы наспех написан в какой-нибудь пивнушке.

Перкинс просмотрел странички, которые шеф вручил ему столь небрежно. «Питер Перкинс. НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД. Свистом подзывая ветер. Прогулки по нашему городу — это всегда увлекательный — и даже рискованный — эксперимент. Мы пробираемся через груды разнообразнейшего мусора, то и дело наступая на полусгнившие объедки, кухонные отбросы, окурки и другие, еще менее аппетитные предметы, сплошь устлавшие наши тротуары, в то время как наши лица постоянно подвергаются нападению со стороны более симпатичных сувениров: конфетти с прошлого Хэлоуина, охапок прелых листьев и других потерявших всякий вид предметов, до неузнаваемости преображенных капризами изменчивой погоды. Тем не менее я всегда полагал, что постоянные раскопки в залежах на наших улицах являются причиной их полного обновле-

ния по крайней мере каждые семь лет...» Далее в газетной колонке рассказывалось о смерче, в котором обнаружилась газета пятидесятилетней давности, и высказывалось сомнение, что в любом другом городе страны найдется что-либо подобное.

— Что, недостаточно информации? — спросил Перкинс.

— Трубить о грязи на улицах прекрасно, Пит, но дай этому фактическое обоснование.

Перкинс наклонился над письменным столом.

— Шеф, но моя статья — факт сама по себе.

— Да ты что? Не глупи, Пит.

— Не глупи, говорите? А вот послушайте... — И Перкинс во всех подробностях рассказал ему о Кисоньке и о газете за 1898 год.

— Пит, ты наверняка прикладываешься к бутылке с самого утра.

— Только Ява и томатный сок. Ей-богу, провалиться мне на этом месте.

— А как насчет вчерашнего дня? Бьюсь об заклад, что ты со смерчем отправился прямо в бар.

— Я был трезв как стеклышко... — Тут Пит, вспомнив о чувстве собственного достоинства, одернул себя. — Вот мой рассказ. Или печатайте, или стреляйте в меня.

— Не говори так, Пит. Мне не нужна твоя работа; мне нужна содержательная, интересная колонка. Раздобудь несколько фактов относительно человеко-часов по уборке улиц и оплате этого труда по сравнению с другими городами.

— Да кто будет читать такую чепуху? Давайте вместе выйдем на улицу. Я *покажу* вам факты. Подождите минутку — я забегу за фотографом.

Через несколько минут Перкинс уже представлял Папочке главного редактора и фотографа Кларенса В. Уимза. Кларенс настроил фотоаппарат.

— Ну что, сфотографируем его?

— Пока нет, Кларенс. Папочка, ты можешь попросить Кисоньку отдать нам ту музейную редкость?

— Ну, конечно. — Старик запрокинул голову и свистнул. — Кисонька, иди к Папочке.

Над их головами зашумел ветерок, который, подняв с земли обрывки бумаг и упавшие листья, на глазах принял вполне определенную форму и расположился на стоянке. Перкинс заглянул в середину смерча.

— Но у нее нет газеты, — расстроенно протянул он.

— Она принесет ее.

Папочка шагнул вперед, и смерч поглотил его. Гости видели его шевелившиеся губы, но слова не долетали до них.

— Сейчас? — спросил Кларенс.

— Пока нет.

Смерч свернулся кольцом и перепрыгнул через соседнее здание. Главный редактор открыл рот — и снова закрыл.

Кисонька вскоре вернулась. Она выронила все, что у нее было, оставив лишь один клочок бумаги — *ту самую* газету.

— Сейчас! — воскликнул Перкинс. — Ты можешь сделать снимок той газеты, Кларенс — сейчас, пока она в воздухе?

— Естественно, — сказал Кларенс и поднял свой «спид график». — Отойди немного назад и замри, — скомандовал он, обращаясь к смерчу.

Кисонька заколебалась; казалось, она вот-вот с шумом унесется прочь.

— Расправь ее, Кисонька, плавно, не торопясь, — добавил Папочка, — и переверни. Нет, нет, не так — другим концом вверх. — Газета расправилась и медленно поплыла в воздухе.

— Ты сфотографировал? — спросил Перкинс.

— Естественно, — ответил Кларенс. — Это все? — поинтересовался он у редактора.

— Естес...я имею в виду: это все.

— О'кей, — произнес Кларенс и, подобрав с земли сумку, ушел.

Редактор вздохнул.

— Джентльмены, — сказал он, — давайте выпьем.

После четвертого стаканчика Перкинс и его шеф все еще спорили. Папочка уже давно покинул их компанию.

— Будьте благоразумны, шеф, — говорил Пит, — вы не можете напечатать статью о живом смерче. Вас подымут насмех, и вам придется покинуть город.

Главный редактор Гейнз гордо выпрямился.

— Политика «Форума» — публикация всех новостей, причем немедленно. Есть новость — мы печатаем ее. — Он перевел дух. — Эй! Официант! Еще того же самого — и не добавляйте так много соды.

— Но с научной точки зрения это невозможно.

— Ты все понял, не так ли?

— Да, но...

— Мы попросим Смитсоновское научное общество, — прервал его Гейнз, — вплотную заняться этим вопросом.

— Над нами будут смеяться, — упорствовал Перкинс. — Вы когда-нибудь слышали о массовом гипнозе?

— Что? Да нет, это не объяснение — ведь Кларенс тоже видел.

— И что это доказывает?

— Но это же очевидно — чтобы быть загипнотизированным, нужно иметь разум. Ipso facto*.

— Вы хотите сказать: «Ipse dixit»**?

— Перестань икать. Перкинс, тебе не следует пить в дневное время. А теперь начни снова и говори помедленнее.

— Почему вы думаете, что у Кларенса нет разума?

— Докажи это.

— Что ж, он — живой; значит, у него должен быть хоть какой-то разум.

— Как раз об этом я и говорил. Смерч — живой; следовательно, у него есть разум. Перкинс, если те длиннобородые из Смитсоновского общества будут упорствовать в своем ненаучном подходе, то лично я не потерплю этого. И «Форум» не потерпит. Ты тоже не потерпишь этого.

— Не потерплю?

— Ни одной минуты. Хочу, чтобы ты знал: за тобой стоит «Форум». Возвращайся на автостоянку и возьми интервью у смерча.

---

* В силу самого факта (лат.).

** Сам сказал (лат.).

— Но я уже взял. А вы не позволили мне его напечатать.

— Кто не позволил тебе напечатать его? Я его застрелю! Иди, Пит. Мы разобьем этот город в прах. Разрушь привычный порядок. Рассчитывай на первую полосу. Действуй! — Он нахлобучил шляпу Пита и устремился в мужской туалет.

Пит уселся за свой письменный стол с огромной кружкой кофе, банкой томатного сока и последним (вечерним) номером газеты. На первой полосе под четырехцветной отретушированной фотографией Кисонькиной игрушки разместилась его колонка в рамочке. 18-кегельным жирным шрифтом читателю предписывалось: СМ. ПЕРЕДОВИЦУ, СТР. 12. На странице 12 еще одна черная строчка настоятельно рекомендовала ему СМОТРЕТЬ «НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД», СТР. 1. Он проигнорировал последнее предписание и прочитал: МИСТЕРА МЭРА — В ОТСТАВКУ!!!

Пит читал и хихикал: «Ветер, несущий погибель...»; «...символ духовной грязи, скрывающейся в темных углах муниципалитета»; «...возрастет до размеров циклона и выметет из офисов продажную и потерявшую всякий стыд администрацию». Передовица отмечала, что за уборку улиц и вывоз мусора отвечает зять мэра, и далее высказывала предположение, что смерч может привести город в порядок лучше и дешевле.

Зазвонил телефон. Пит поднял трубку и произнес:

— О'кей — начало положено.

— Пит, это ты? — вопросил голос Папочки. — Меня отвели в полицейский участок.

— За что?

— Они обвиняют Кисоньку в нарушении общественного порядка.

— Я сейчас приеду.

Он остановился у департамента искусства, подхватил Кларенса, и оба поспешно выехали. Папочка с непреклонным видом сидел в кабинете лейтенанта. Перкинс ворвался, как вихрь.

— За что он тут? — решительно спросил он и резким движением большого пальца руки указал на Папочку.

Лейтенант с раздражением посмотрел на него.

— Не вмешивайтесь не в свое дело, Перкинс. Вы что, его адвокат?

— Сейчас? — спросил Кларенс.

— Пока нет, Кларенс. Я пришел взять у вас интервью, Думброски, — я работаю в газете, помните? И я еще раз спрашиваю: за что он тут?

— За противодействие офицеру при выполнении им служебных обязанностей.

— Это правда, Папочка?

На лице старика появилось выражение отвращения.

— Этот тип... — он показал на одного из полицейских, — подходит к моей стоянке и пытается выхватить у Кисоньки газету «Манильский Залив». Я прошу ее держать газету повыше, чтобы он не смог до нее дотянуться. Тогда он грозит мне своей дубинкой и приказывает отнять газету. А я ему высказываю все, что он может сделать со своей дубинкой. — Он пожал плечами. — И вот мы здесь.

— Понятно, — сказал Перкинс и повернулся к Думброски. — Вам звонили из муниципалитета, не так ли? Поэтому вы и послали Дьюгана на грязную работу. Но чего я не понимаю, так это почему вы послали именно Дьюгана. Я слышал — он настолько туп, что вы даже не позволяете ему брать взятки на его собственном участке.

— Ложь! — вмешался Дьюган. — Я справляюсь с этим...

— Заткнись, Дьюган! — взревел его шеф. — А теперь вот что — сейчас же уходите отсюда. Здесь для газеты ничего нет.

— Ничего нет? — тихо спросил Перкинс. — Полиция пытается арестовать смерч, а вы говорите, что ничего нет?

— Сейчас? — спросил Кларенс.

— Никакой смерч никто и не пытался арестовывать! А теперь убирайтесь!

— Тогда как получилось, что вы обвиняете Папочку в противодействии офицеру? И что делал, по-вашему, Дьюган — запускал воздушного змея?

— Он не обвиняется в противодействии офицеру.

— Значит, не обвиняется? Тогда почему вы завели на него дело?

— На него не завели дело. Мы вызвали его на допрос.

— Как же так? Дела на него не завели, ордера не предъявили, преступления не доказали — выходит, просто прицепились к гражданину и силой потащили его в участок. Гестаповские методы. — Перкинс повернулся к Папочке. — Ты свободен. Советую тебе встать и выйти вон в ту дверь.

Папочка начал подниматься.

— Эй! — Лейтенант Думброски вскочил со стула и толкнул Папочку в плечо, заставив снова сесть. — Здесь я отдаю приказы. Оставайся...

— *Сейчас*! — выкрикнул Перкинс. Сработала фотовспышка, от неожиданности все на мгновение застыли. Придя в себя, Думброски снова подскочил.

— Кто его сюда впустил? Дьюган — отними у него камеру!

— Как же! — произнес Кларенс и переложил фотоаппарат в другую руку, подальше от полицейского. Остальным предоставилась возможность полюбоваться на танец вокруг майского дерева в миниатюре, причем в качестве «дерева» выступал Кларенс.

— Смелей! — пронзительно кричал Перкинс. — Давай, Дьюган, вырви у него камеру — я просто жажду написать репортаж, который назову так: «Лейтенант полиции уничтожает свидетельство грубого произвола полицейских».

— Лейтенант, как по-вашему, что мне делать? — взмолился Дьюган.

Думброски посмотрел на него с отвращением.

— Сесть и закрыть лицо. Не пускайте в ход эту фотографию, Перкинс — я предупреждаю вас.

— О чем? Хотите заставить меня станцевать с Дьюганом? Пойдем, Папочка. Пойдем, Кларенс.

Они ушли.

Следующий день начался с чтения «НАШЕГО ПРЕКРАСНОГО ГОРОДА». «Муниципалитет приступил к уборке. Пока чистильщики городских улиц наслаждались своей обычной сиестой, лейтенант Думброски, действуя в соответствии с приказами, поступающими из офиса Хиззонера, устроил облаву на наш смерч с Третьей улицы. Но все его труды пошли насмарку, так

как патрульный полицейский Дьюган не смог заманить смерч в тюремный фургон. Но это не остановило доблестного Дьюгана; как сообщника смерча он арестовал одного из граждан, стоявшего неподалеку, — некоего Джеймса Меткафа, который работает на автостоянке. В чем заключается его сообщничество, Дьюган не сказал, но все и так знают, что сообщник — это что-то чрезвычайно ужасное. Лейтенант Думброски допросил сообщника. Для размышления: лейтенант Думброски весит 215 фунтов, без обуви; сообщник — 119.

Мораль: Не попадайтесь под ноги, когда департамент полиции играет с ветром в игры.

P.S. Во время верстки статьи смерч все еще являлся обладателем музейной редкости 1898 года. Задержитесь у пересечения Мейн и Третьей улицы и взгляните на нее. Но советуем не задерживаться там надолго — по нашим предположениям, Думброски производит аресты молниеносно».

Колонка Пита — а он, как любой комментатор, имел в газете свою колонку — продолжала действовать на нервы администрации и на следующий день: «Ох уж эти вечно пропадающие документы. Неприятно сознавать, что любой документ, необходимый Верховному Суду присяжных, наверняка где-то затеряется еще до того, как его смогут представить в качестве свидетельства. Полагаем, что городу следует взять на работу Кисоньку, наш смерч с Третьей улицы — как выдающегося делопроизводителя — и доверить ей хранение любой бумаги, которая сейчас не нужна, но понадобится, вероятно, позднее. Кисонька могла бы даже сдать специальный гражданский экзамен, которым пользуются для поощрения верноподданных — еще не было ни одного случая, чтобы этот экзамен заваливали.

А впрочем, зачем ограничивать Кисоньку скромной работой клерка? Она постоянна; к тому же, привязана к тому, что имеет. Никто не возьмется утверждать, что она менее квалифицированна, чем некоторые наши городские чиновники.

А что, если мы выставим кандидатуру Кисоньки на пост мэра! Она — идеальный кандидат: у нее есть чувство локтя, она не прочь принять участие в беспо-

рядках, она летает кругами, она умеет бросаться грязью, а оппозиция даже уколоть ее не сможет.

Что касается того, какой мэр из нее выйдет, ясно из одной старой истории о короле Бревне и короле Аисте, которую нам поведал Эзоп. Мы сыты по горло королем Аистом; а с королем Бревном мы наконец-то вздохнем свободно.

Для сведения Хиззонера: что сталось с известными подрядами на мощение Гранд-авеню?

P.S. Кисонька все еще экспонирует газету за 1898 год. Не проходите мимо и посмотрите на нее, пока наш департамент полиции не сообразил, как запугать смерч».

Пит подхватил Кларенса, и оба понеслись на автостоянку. Стоянка была уже огорожена, человек у входа вручил им два билета и отмахнулся от протянутых денег. Внутри Пит увидел огромный круг, обнесенный цепью, а посреди него — Кисоньку и Папочку; и стал протискиваться через толпу к старику. Фотограф не отставал от него.

— Похоже, ты сколачиваешь на этом состояние, Папочка?

— Да нет, а надо бы. Сегодня утром мою стоянку попытались прикрыть. Хотели, чтобы я платил по пятьдесят долларов в час — как за проведение циркового или карнавального представления, да вдобавок чтобы внес залог. Потому-то я и отказался от мысли взимать плату за вход — но глаз с них не спускаю. Клянусь, я подам на них в суд, они еще попомнят меня.

— Ты не соберешь свидетельские показания — по крайней мере, не в этом городе. А впрочем, не переживай, мы еще заставим их покорчиться, если они не оставят тебя в покое.

— Но это еще не все. Сегодня утром они пытались схватить Кисоньку.

— Что? Кто? Как?

— Полицейские. Они тут неожиданно появились с одной из воздуходувных машин для вентилирования смотровых отверстий; только переделали ее, чтобы гнала воздух не от себя, а наоборот, засасывала. Они намеревались всосать Кисоньку или хотя бы завладеть тем, что у нее есть.

Пит свистнул.

— Тебе следовало позвать меня.

— Не было необходимости. Я предупредил Кисоньку, и она куда-то припрятала газету с испанской войной, а потом вернулась. Ей та машина здорово понравилась. Кисонька прокрутилась через нее раз шесть — ни дать ни взять карусель. Она, как молния, стремительно пролетала сквозь нутро машины и вылетала еще более энергичной, чем когда-либо. Когда она в очередной раз влетала в машину, то прихватила с собой фуражку сержанта Янсела, и машину заклинило, фуражку при этом, конечно, порядком измочалило. Они разозлились и уехали.

Пит рассмеялся.

— Тебе все же следовало позвать меня. Кларенс запечатлел бы эту сцену.

— Уже запечатлел, — произнес Кларенс.

— Как? Я не знал, что ты был здесь этим утром, Кларенс.

— А ты и не спрашивал меня.

Пит посмотрел на него.

— Кларенс, дорогой, всякая фотография, несущая в себе какую-то новую информацию, изначально предназначена для печати, а не для того, чтобы пылиться в департаменте искусства.

— На твоем столе, — произнес Кларенс.

— О! Э-э... давайте лучше побеседуем на менее волнующую тему. Папочка, я бы хотел повесить здесь объявление.

— Почему бы и нет? А что ты собираешься написать в нем?

— «Кисоньку — в мэры!» «Штаб-квартира Избирательной Кампании Смерча». Приклей лист двадцать четвертого формата за углом стоянки, так, чтобы все видели объявление, с какой бы стороны ни подъезжали. Оно соответствует... о! Присоединяйтесь к нам, девушки! — крикнул он, повернув голову к входу.

Вернулся сержант Янсел.

— Все в порядке, все в порядке, — приговаривал он, проталкиваясь сквозь толпу. — Не задерживайтесь! Уходите отсюда!

Трое полицейских под предводительством Янсела убеждали публику покинуть стоянку. Пит подошел к нему.

— Что происходит, Янсел?

Янсел обернулся.

— А, это вы? Э-э, вы тоже... нам надо очистить это место. Чрезвычайное положение.

Пит посмотрел через его плечо.

— Кисоньке лучше перебраться в безопасное место, Папочка! — крикнул он. — *Сейчас*, Кларенс.

— Уже, — сказал Кларенс.

— О'кей, — ответил Пит. — А теперь, Янсел, вы должны сказать мне, что это за штука, которую мы только что сняли — чтобы правильно назвать фотографию.

— Сообразительный малый. Тебе и твоей марионетке лучше убраться отсюда, если вы не хотите, чтобы вам оторвали головы. Мы устанавливаем базуку.

— Вы устанавливаете что? — Не веря своим ушам, Пит взглянул на полицейскую машину. И действительно, двое полицейских выгружали базуку. — Продолжайте съемку, юноша, — сказал он Кларенсу.

— Естественно, — произнес Кларенс.

— И перестань щелкать своей жвачкой. А теперь послушайте, Янсел: я — просто газетчик. Так что же, наконец, вы задумали?

— А послоняйся здесь и выясни, в чем дело — ты же у нас умный малый. — Янсел отвернулся от него. — Эй, вы там, все о'кей! Принимайтесь за дело — начинайте стрелять!

Один из полицейских поднял голову.

— А куда, сержант?

— А я-то думал, что ты — бывалый морской пехотинец. В смерч, конечно.

Папочка вытянул шею и посмотрел через плечо Пита.

— Что они делают?

— Я начинаю кое-что понимать. Папочка, пусть Кисонька держится подальше отсюда — думаю, они собираются ударить по ее горловине ракетным снарядом. А это может повлечь за собой нарушение ее динамической устойчивости или что-то в этом роде.

— Кисонька в безопасности. Я попросил ее спрятаться. Но ведь это безумие, Пит. Они, должно быть, полностью, совершенно и окончательно свихнулись.

— А есть ли закон, согласно которому полицейский обязан пребывать в своем уме, если ему хочется остаться в полиции?

— Какой смерч, сержант? — спросил в это время стрелок.

Янсел, яростно жестикулируя, начал ему рассказывать, но когда до него дошло, что никакого смерча поблизости нет, самоуверенности в нем поубавилось.

— Погоди, — сказал он стрелку и повернулся к Папочке. — Ты! — пронзительно закричал он. — Ты прогнал отсюда смерч. Сейчас же верни его!

Пит достал свой блокнот.

— Очень интересно, Янсел. То, что смерчу можно приказывать, словно дрессированной собаке, — ваше личное мнение, то есть мнение профессионала? Или это официальное мнение департамента полиции?

— Я... Комментария не будет! Держи язык за зубами, иначе тебе не поздоровится.

— Пожалуйста. Но ваша пиратская пушка нацелена таким образом, что когда снаряд пройдет сквозь смерч — если таковой здесь имеется — то свой полет он обязательно завершит примерно у здания муниципалитета. Это что — заговор с целью убийства Хиззонера?

Янсел стремительно оглянулся, затем взглядом прошелся по воображаемой траектории.

— Эй вы, олухи! — крикнул он. — Нацельте ту штуку в другую сторону. Вы хотите прикончить мэра?

— Так-то лучше, — сказал Пит сержанту. — Теперь они наставили свою пушку на Первый национальный банк. Я не могу больше ждать.

Янсел снова исследовал ситуацию.

— Нацельте ее так, чтобы никто не пострадал, — приказал он. — Мне что, все время нужно за вас думать?

— Но, сержант...

— Что еще?

— *Нацельте* вы, а мы выстрелим.

Пит наблюдал за ними.

— Кларенс, — вздохнул он, — ты тут еще походи и сфотографируй, как они будут загружать пушку в машину. Долго тебе ждать не придется — минут пять, не больше. Папочка и я будем в гриль-баре «Счастливый Час». Смастери тут славный снимок, с физиономией Янсела.

— Естественно, — сказал Кларенс.

Очередной выпуск «НАШЕГО ПРЕКРАСНОГО ГОРОДА», поделенный на три части, был помещен на самом видном месте и озаглавлен: «Полиция объявляет смерчу войну». Пит взял номер газеты и отправился на автостоянку, намереваясь показать ее Папочке.

Но Папочки там не было. Так же, впрочем, как и Кисоньки. Он осмотрел все окрестности, заглянул во все закусочные и бары. Безуспешно.

Пит повернул обратно, к зданию «Форума», убеждая себя, что Папочка, наверное, пошел в какой-нибудь магазин или кино. Он снова уселся за свой письменный стол и попытался написать статью на завтра, но после двух неудачных попыток смял бумагу и отправился в департамент искусства.

— Эй! Кларенс! Ты сегодня заходил на автостоянку?

— Не-а.

— Папочки нигде нет.

— И что?

— Как что — пойдем! Мы должны найти его.

— Зачем?

Однако он пошел, прихватив с собой фотоаппарат.

Стоянка по-прежнему пустовала: ни Папочки, ни Кисоньки; даже случайного ветерка — и того не было. Пит отвернулся.

— Пошли дальше, Кларенс... Послушай, что ты там фотографируешь?

Кларенс направил объектив фотоаппарата прямо в небо.

— Не фотографирую, — ответил он. — Освещение плохое.

— А что там было?

— Смерч.

— Что? Кисонька?

— Может быть.

— Сюда, Кисонька... иди сюда, Кисонька.

Смерч опустился к самой земле недалеко от Пита и, еще стремительнее закружившись, подобрал кусочек картона, который только что выронил. Закружившись волчком, картонка ударила в лицо Питу.

— Не смешно, Кисонька, — недовольно протянул Пит. — Где Папочка?

Смерч бочком приблизился к нему. Пит заметил, что он снова подбирается к картонке.

— Да хватит же! — взвизгнул он и тоже потянулся за кусочком бумаги.

Смерч подтолкнул его к картонке и, взметнув ее на несколько футов, плавно принес обратно. Картонка краем ударилась о переносицу Пита.

— Кисонька! — взвыл он. — Кончай издеваться!

Картонка оказалась напечатанным уведомлением, примерно шесть на восемь дюймов. По всей видимости, до этого оно было к чему-то прикреплено кнопками, так как на всех его четырех углах виднелись крохотные дырочки. На бумажке было написано: «РИТЦ-КЛАССИК» и ниже «Комната 2013, проживание для одного человека — 6,00$, для двух человек — 8,00$». Далее следовал перечень правил внутреннего распорядка.

Пит изумленно смотрел на картонку и хмурился. Внезапно он швырнул ее смерчу. Кисонька моментально метнула картонку прямо ему в лицо.

— Пошли, Кларенс, — оживившись, сказал он. — Мы отправляемся в «Ритц-Классик», в комнату 2013.

— Естественно, — произнес Кларенс.

«Ритц-Классик», огромная и грязная дешевая гостиница, которую облюбовали букмекеры с дамочками, находилась в трех кварталах от стоянки. Пит вошел в гостиницу с цокольного этажа, миновав тем самым портье. Мальчик-лифтер посмотрел на фотоаппарат Кларенса и сказал:

— Нет, док, нельзя. В этом отеле никаких дел о разводе.

— Расслабься, — сказал Пит. — Это не настоящий фотоаппарат. Мы торгуем марихуаной — здесь целый стог соломки.

— Что ж вы сразу-то не сказали? Вам вовсе не обязательно было тащить ее в фотоаппарате. От этого и заикой можно стать. Какой этаж?

— Двадцать первый.

Не обращая внимания на вызовы с других этажей, лифтер без остановок доставил их на нужный этаж.

— С вас два бакса. За спецобслуживание.

— Чем ты расплачиваешься за концессию? — поинтересовался Пит.

— Вы еще набираетесь наглости обвинять меня — да с ваших же заработков.

Они спустились по лестнице на этаж ниже и сразу же увидели комнату 2013. Пит осторожно повернул шарообразную ручку; дверь оказалась запертой. Он постучал — но никто не ответил. Тогда он приложил к двери ухо, и ему показалось, что за дверью кто-то шевелится. Нахмурившись, он отступил на шаг.

— Я кое-что вспомнил, — сказал Кларенс и поспешно ушел. Вскоре он вернулся, в руках у него был красный топор из противопожарного инвентаря. — Сейчас? — спросил он Пита.

— Славно придумано, Кларенс! Пока нет. — Пит забарабанил в дверь и закричал, что было сил: — Папочка! Папочка!

Позади них открылась дверь и вышла крупная женщина в бесформенном розовом халате.

— Вы что тут себе позволяете? Разве можно спать при таком грохоте? — возопила она.

— Спокойно, мадам, — сказал Пит. — Нас записывают на радио.

Он прислушался. На этот раз он отчетливо расслышал шум борьбы и затем:

— Пит! Пи...

— *Сейчас*! — сказал Пит. И Кларенс начал с размаху бить в дверь.

Третьего удара замок не выдержал. Пит ворвался в комнату, за ним — Кларенс. В двери он столкнулся с кем-то, выбегавшим из комнаты, и не удержавшись на ногах, упал. Поднявшись, он заметил на постели Папочку. Старик прилагал неимоверные усилия, пытаясь избавиться от полотенца, которым ему завязали рот.

Пит сорвал с него полотенце и отбросил в сторону.

— Задержи их! — выкрикнул Папочка.

— Как только я тебя развяжу.

— Я не связан. Они забрали мои штаны. Парень, я думал, ты никогда не придешь.

— Кисоньке пришлось порядком потрудиться, прежде чем до меня дошло.

— Я поймал их, — заявил Кларенс. — Обоих.

— Где? — встрепенулся Пит.

— Здесь, — гордо ответил Кларенс и нежно похлопал по фотоаппарату.

Пит сдержался, подавив желание высказать ему все, что он о нем думал, и побежал к выходу.

— Они пошли вон туда, — подсказала ему уже знакомая крупная женщина и показала рукой.

Он помчался по коридору, на полном ходу завернул за угол — да так, что его даже занесло на повороте — и увидел, как захлопнулась дверца лифта.

Выбежав на улицу, он остановился, озадаченный, при виде целой толпы людей перед отелем. Он нерешительно оглядывался по сторонам, когда вдруг Папочка схватил его за руку.

— Там! Вон та машина!

Автомобиль, на который указал Папочка, в этот момент отъехал от кромки тротуара — как раз за шеренгой такси перед отелем; потом с громким ревом набрал скорость и помчался по дороге. Пит рванул на себя дверцу ближайшего такси.

— Следуй за той машиной! — крикнул он. Вслед за ним в такси нырнули остальные.

— Зачем? — спросил таксист.

Кларенс приподнял топор.

— Сейчас? — спросил он.

Водитель пригнул голову.

— Забудьте, что я сказал, — произнес он. — Я просто пошутил. — И такси ринулось в погоню.

Таксист оказался виртуозом по части вождения в центре города — и это было как нельзя кстати, но водитель преследуемого автомобиля свернул прямо на Третью и направился к реке. Разделяемые пятьюдесятью ярдами, они перенеслись через реку, оставив позади шум городских улиц, заполненных ревом машин, и очутились на скоростной автостраде. Таксист повернул голову.

— А киносъемочный фургон не отстал от нас?

— Какой киносъемочный фургон?

— А разве это не кино?

— К великому прискорбию, нет! Та машина набита похитителями людей. Быстрее!

— Киднэппинг? Я не хочу участвовать в этом. — Он неожиданно затормозил.

Пит взял топор и ткнул им в водителя.

— Давай, догоняй их!

Такси снова набрало скорость, но водитель начал бурно протестовать:

— Но не в этой же развалине. У них более мощный мотор.

Папочка схватил Пита за руку.

— Там Кисонька!

— Где? Впрочем, теперь это не имеет значения.

— Притормози! — закричал Папочка. — Кисонька, Кисонька — иди сюда!

Смерч устремился вниз и летел теперь параллельно машине, не отставая от нее.

— Сюда, малыш! — снова заговорил Папочка. — Задержи ту машину! Ну же, вперед — задержи ее!

Кисоньку, казалось, смутила эта просьба, и она колебалась, не зная, на что решиться. Папочка повторил просьбу, и она резко взмыла вверх. На миг она опустилась к самой земле и на лету подхватила с ее поверхности множество бумаг и всякого мусора.

Они увидели, как она снова взлетела и, нырнув вниз над самым автомобилем, ударила по нему, забрасывая бумагами ветровое стекло. Машина завиляла. Кисонька снова нанесла удар. Машина круто свернула, наехала на бордюр; потом налетела на барьер на автостраде и врезалась в фонарный столб.

Спустя пять минут Пит, оставив Кисоньку и Кларенса с топором из противопожарного инвентаря сторожить двух громил, охавших от боли и испуга, скармливал десятицентовую монету телефону-автомату у ближайшей заправочной станции. Он набрал номер телефона.

— Соедините меня с ФБР, с отделом киднэппинга, — потребовал он. — Да вы знаете: Вашингтон, федеральный округ Колумбия и соответствующий номер телефона.

— Боже мой, — ахнула телефонистка, — вы не против, если я послушаю ваш разговор?

— Свяжите меня с ними!

— Сию минуту!

Вскоре в трубке раздался голос:

— Федеральное бюро расследований.

— Позвольте мне поговорить с Гувером! А? О'кей, о'кей — я поговорю с вами. Послушайте, дело касается похищения людей. Я их тут пока задержал, все в ажуре, но если вы не поторопитесь послать сюда одного из ваших ребят из вашего местного отделения, то никакого дела о похищении, естественно, не будет; и это уж точно, если полицейские из города доберутся сюда первыми. Что?

Немного поостыв, Пит объяснил, как его зовут, где он находится, и как можно правдоподобнее изложил последние события, которые привели к такой ситуации. Чиновник прервал его настоятельные требования поторопиться и заверил его, что местное отделение уже поставлено в известность.

Вернувшись на место происшествия, Пит увидел лейтенанта Думброски, вылезавшего из полицейской машины. Пит поспешно подошел к нему.

— Не делайте этого, Думброски! — закричал Пит.

Рослый полицейский заколебался.

— Не делать чего?

— Ничего не делайте. Сюда едет ФБР, а вы и так уже замешаны в этом деле. Не навредите себе еще больше.

Пит указал на обоих гангстеров; Кларенс сидел на одном из них, упершись лезвием топора в спину другого.

— Эти птички уже отпели свое. Город вот-вот развалится на части. Если вы торопитесь, то можете еще успеть на самолет в Мексику.

Думброски взглянул на него.

— Умный малый, — задумчиво произнес он.

— Спросите у них. Они во всем признались.

Один из громил поднял голову.

— Нам угрожали, — заявил он. — Уберите их, лейтенант. Они напали на нас.

— Валяйте, — весело согласился Пит. — Забирайте нас всех... вместе. Тогда вы уж точно не потеряете

эту парочку до того, как ФБР станет допрашивать их. Впрочем, может, и вам чего-нибудь перепадет.

— Сейчас? — спросил Кларенс.

Думброски резко повернулся в его сторону.

— Положи топор!

— Делай, как он велит, Кларенс. И держи наготове фотоаппарат, чтобы щелкнуть, как только прибудут агенты охранки.

— Вы не посылали ни за какими агентами.

— Оглянитесь!

Тихо прошуршав по асфальту шинами, к ним подкатил темно-синий седан, и из него вышли четверо худощавых, по-спортивному подтянутых мужчин. Один из них — тот, что шел впереди всех, спросил:

— Кто из вас Питер Перкинс?

— Это я, — сказал Пит. — Вы не будете возражать, если я расцелую вас?

Ночь давно вступила в свои права, а на автостоянке толпился народ, и было, как никогда, шумно. Сбоку возвышалась трибуна для нового мэра и именитых гостей, напротив — эстрада для оркестра; над входом красовалась ярко освещенная вывеска, написанная огромными буквами: ДОМ КИСОНЬКИ — ПОЧЕТНОЙ ГРАЖДАНКИ НАШЕГО ПРЕКРАСНОГО ГОРОДА.

В середине огороженного круга Кисонька собственной персоной скакала и кружилась, раскачивалась и танцевала. Пит стоял с одной стороны круга, а Папочка — с другой, напротив; вокруг этого места через каждые четыре фута расставили детей.

— Все готово? — крикнул Пит.

— Можно начинать, — отозвался Папочка.

И в середине круга одновременно со всех сторон полетел серпантин. Бросали все — и Пит, и Папочка, и ребятишки. Кисонька спикировала вниз, подобрала разноцветные ленточки и, снова взмыв, укуталась в них.

— Конфетти! — закричал Пит.

И дети вывалили чуть ли не по мешку каждый; не успевал конфетти долететь до земли, как его подхватывал смерч.

— Шарики! — закричал Пит. — Освещение!

Ребятишки бросились надувать шарики — у каждого было припасено по дюжине, и все разных цветов. Надутые шарики незамедлительно передавались Кисоньке. Вспыхнули прожекторы. Кисонька преобразилась: высотой в несколько этажей, она стала похожа на живой фонтан, бурливший и переливавшийся всеми оттенками цветов, чистых и прозрачных, как слеза.

— Сейчас? — спросил Кларенс.

— Сейчас!

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ТИЛ

Американцев во всем мире считают сумасшедшими. Они обычно признают, что такое утверждение в основном справедливо, и как на источник заразы указывают на Калифорнию. Калифорнийцы упорно заявляют, что их плохая репутация ведет начало исключительно от поведения обитателей округа Лос-Анджелес. А те, если на них наседают, соглашаются с обвинением, но спешат пояснить: все дело в Голливуде. Мы тут ни при чем. Мы его не строили. Голливуд просто вырос на чистом месте.

Голливудцы не обижаются. Напротив, такая слава им по душе. Если вам интересно, они повезут вас в Лорел-каньон, где расселились все их буйнопомешанные. Каньонисты — мужчины в трусах и коричневоногие женщины, все время занятые постройкой и перепостройкой своих сногсшибательных, но неоконченных особняков, — не без презрения смотрят на туповатых граждан, сидящих в обыкновенных квартирах, и лелеют в душе тайную мысль, что они — и только они! — знают, как надо жить.

And He Built a Crooked House, 1957
© 1982 Д.Горфинкель, перевод на русский язык

Улица Лукаут Маунтейн — название ущелья, которое ответвляется от Лорел-каньона.

На Лукаут Маунтейн жил дипломированный архитектор Квинтус Тил.

Архитектура южной Калифорнии разнообразна. Горячие сосиски продают в сооружении, изображающем фигуру щенка, и под таким же названием*. Для продажи мороженого в конических стаканчиках построен гигантский, оштукатуренный под цвет мороженого стакан, а неоновая реклама павильонов, похожих на консервные банки, взывает с крыш: «Покупайте консервированный перец». Бензин, масло и бесплатные карты дорог вы можете получить под крыльями трехмоторных пассажирских самолетов. В самих же крыльях находятся описанные в проспектах комнаты отдыха. Чтобы вас развлечь, туда каждый час врываются посторонние лица и проверяют, все ли там в порядке. Эти выдумки могут поразить или позабавить туриста, но местные жители, разгуливающие с непокрытой головой под знаменитым полуденным солнцем Калифорнии, принимают подобные странности как нечто вполне естественное.

Квинтус Тил находил усилия своих коллег в области архитектуры робкими, неумелыми и худосочными.

— Что такое дом? — спросил Тил своего друга Гомера Бейли.

— Гм!.. В широком смысле, — осторожно начал Бейли, — я всегда смотрел на дом как на устройство, защищающее от дождя.

— Вздор! Ты, я вижу, не умнее других.

— Я не говорил, что мое определение исчерпывающее.

— Исчерпывающее! Оно даже не дает правильного направления. Если принять эту точку зрения, мы с таким же успехом могли бы сидеть на корточках в пещере. Но я тебя не виню, — великодушно продолжал Тил. — Ты не хуже фанфаронов, подвизающихся у нас в архитектуре. Даже модернисты — что они

* Hot dogs — сосиски (англ.).

сделали? Сменили стиль свадебного торта на стиль бензозаправочной станции, убрали позолоту и наляпали хрома, а в душе остались такими же консерваторами, как, скажем, наши судьи. Нейтра, Шиндлер? Чего эти болваны добились? А Фрэнк Ллойд Райт? Достиг он чего-то такого, что было бы недоступно мне?

— Заказов, — лаконично ответил друг.

— А? Что ты сказал? — Тил на минуту потерял нить своей мысли, но быстро оправился. — Заказов! Верно. А почему? Потому, что я не смотрю на дом как на усовершенствованную пещеру. Я вижу в нем машину для житья, нечто находящееся в постоянном движении, живое и динамичное, меняющееся в зависимости от настроения жильцов, а не статичный гигантский гроб. Почему мы должны быть скованы застывшими представлениями предков? Любой дурак, понюхавший начертательной геометрии, может спроектировать обыкновенный дом. Разве статистическая геометрия Евклида — единственная геометрия? Разве можем мы полностью игнорировать теорию Пикаро — Вессио? А как насчет модульных систем? Я не говорю уж о плодотворных идеях стереохимии. Есть или нет в архитектуре место для трансформации, для гомоморфологии, для действенных конструкций?

— Провалиться мне, если я знаю, — ответил Бейли. — Я в этом понимаю не больше, чем в четвертом измерении.

— Что ж? Разве мы должны ограничивать свое творчество... Послушай! — Он осекся и уставился в пространство. — Гомер, мне кажется, ты высказал здравую мысль. В конце концов почему не попробовать? Подумай о бесконечных возможностях сочленений и взаимосвязи в четырех измерениях. Какой дом, какой дом!..

Он стоял не шевелясь, и его бесцветные глаза навыкате задумчиво моргали.

Бейли протянул руку и потряс его за локоть.

— Проснись! Что ты там плетешь про четвертое измерение? Четвертое измерение — это время. И в него нельзя забивать гвозди.

Тил стряхнул с себя руку Бейли.

— Верно, верно! Четвертое измерение — время. Но я думаю о четвертом пространственном измерении, таком же, как длина, ширина и высота! Для экономии материалов и удобства расположения комнат нельзя придумать ничего лучше. Не говоря уже об экономии площади участка. Ты можешь поставить восьмикомнатный дом на участке, теперь занимаемом домом в одну комнату. Как тессеракт...

— Что это еще за тессеракт?

— Ты что, не учился в школе? Тессеракт — это гиперкуб, прямоугольное тело, имеющее четыре измерения, подобно тому, как куб имеет три, а квадрат — два. Сейчас я тебе покажу. — Они сидели в квартире Тила. Он бросился на кухню, возвратился с коробкой зубочисток и высыпал их на стол, небрежно отодвинув в сторону рюмки и почти пустую бутылку джина. — Мне нужен пластилин. У меня было тут немного на прошлой неделе. — Он извлек комок жирной глины из ящика до предела заставленного письменного стола, который красовался в углу столовой. — Ну, вот!

— Что ты собираешься делать?

— Сейчас покажу. — Тил проворно отщипнул несколько кусочков пластилина и скатал их в шарики величиной с горошину. Затем он воткнул зубочистки в четыре шарика и слепил их в квадрат. — Вот видишь: это квадрат.

— Несомненно.

— Изготовим второй такой же квадрат, затем пустим в дело еще четыре зубочистки, и у нас будет куб. — Зубочистки образовали теперь скелет куба, углы которого были укреплены комочками пластилина. — Теперь мы сделаем еще один куб, точно такой же, как первый. Оба они составят две стороны тессеракта.

Бейли принялся помогать, скатывая шарики для второго куба. Но его отвлекло приятное ощущение податливой глины в руках, и он начал что-то лепить из нее.

— Посмотри, — сказал он и высоко поднял крошечную фигурку. — Цыганочка Роза Ли.

— Она больше похожа на Гаргантюа. Роза может привлечь тебя к ответственности. Ну, теперь смотри внимательнее. Ты разъединяешь три зубочистки там, где они образуют угол, и, вставив между ними угол

другого куба, снова слепляешь их пластилином. Затем ты берешь еще восемь зубочисток, соединяешь дно первого куба с дном второго куба наискось, а верхушку первого куба с верхушкой второго точно таким же образом.

Он проделал это очень быстро, пока давал пояснения.

— Что же это собой представляет? — опасливо спросил Бейли.

— Это тессеракт. Его восемь кубов образуют стороны гиперкуба в четырех измерениях.

— А по-моему, это больше похоже на кошачью колыбельку — знаешь игру с веревочкой, надетой на пальцы? Кстати, у тебя только два куба. Где же еще шесть?

— Дополни остальные воображением. Рассмотри верх первого куба в его соотношении с верхом второго. Это будет куб номер три. Затем — два нижних квадрата, далее — передние грани каждого куба, их задние грани, правые и левые — восемь кубов.

Он указал пальцем на каждый из них.

— Ага, вижу! Но это вовсе не кубы. Это, как их, черт... призмы: они не прямоугольные, у них стенки скошены.

— Ты просто их так видишь: в перспективе. Если ты рисуешь на бумаге куб, разве его боковые стороны не выходят косыми? Это перспектива. Если ты смотришь на четырехмерную фигуру из трехмерного пространства, конечно, она кажется тебе перекошенной. Но, как бы то ни было, все равно это кубы.

— Может, для тебя, дружище, но для меня они все перекошены.

Тил пропустил его возражения мимо ушей.

— Теперь считай, что это каркас восьмикомнатного дома. Нижний этаж занят одним большим помещением. Оно будет отведено для хозяйственных нужд и гаража. Во втором этаже с ним соединены гостиная, столовая, ванная, спальни и так далее. А наверху, с окнами на все четыре стороны, твой кабинет. Ну, как тебе нравится?

— Мне кажется, что ванная у тебя подвешена к потолку гостиной. Вообще эти комнаты перепутаны как щупальца осьминога.

— Только в перспективе, только в перспективе. Подожди, я сделаю это по-иному, чтобы тебе было понятнее.

На этот раз Тил соорудил из зубочисток один куб, затем второй — из половинок зубочисток и расположил его точно в центре первого, соединив углы малого куба с углами большого опять-таки посредством коротких кусочков зубочисток.

— Вот слушай! Большой куб — это нижний этаж, малый куб внутри — твой кабинет в верхнем этаже. Примыкающие к ним шесть кубов — жилые комнаты. Понятно?

Бейли долго присматривался к новой фигуре, потом покачал головой.

— Я по-прежнему вижу только два куба: большой и маленький внутри его. А остальные шесть штук в этот раз похожи уже не на призмы, а на пирамиды. Но это вовсе не кубы.

— Конечно, конечно, ты же видишь их в иной перспективе! Неужели тебе не ясно?

— Что ж, может быть. Но вот та комната, что внутри, вся окружена этими... как их... А ты как будто говорил, что у нее окна на все четыре стороны.

— Так оно и есть: это только кажется, будто она окружена. Тессеракторый дом тем и замечателен, что каждая комната ничем не заслонена, хотя каждая стена служит для двух комнат, а восьмикомнатный дом требует фундамента лишь для одной комнаты. Это революция в строительстве.

— Мягко сказано! Ты, милый мой, спятил. Такого дома тебе не построить. Комната, что внутри, там и останется.

Тил поглядел на друга, едва сдерживаясь.

— Из-за таких субъектов, как ты, архитектура не может выйти из пеленок. Сколько квадратных сторон у куба?

— Шесть.

— Сколько из них внутри?

— Да ни одной. Все они снаружи.

— Отлично! Теперь слушай: у тессеракта восемь кубических сторон, и все они снаружи. Следи, пожалуйста, за мной. Я разверну этот тессеракт, как ты мог

бы развернуть кубическую картонную коробку, и он станет плоским. Тогда ты сможешь увидеть сразу все восемь кубов.

Работая с большой быстротой, он изготовил четыре куба и нагромоздил их один на другой в виде малоустойчивой башни. Затем слепил еще четыре куба и соединил их с внешними плоскостями второго снизу куба. Постройка немного закачалась, так как комочки глины слабо скрепляли ее, но устояла. Восемь кубов образовали перевернутый крест, точнее — двойной крест, так как четыре куба выступали в четырех направлениях.

— Теперь ты видишь? В основании — комната первого этажа, следующие шесть кубов — жилые комнаты, и на самом верху — твой кабинет.

Эту фигуру Бейли рассматривал более снисходительно.

— Это я по крайней мере понимаю. Ты говоришь, это тоже тессеракт?

— Это тессеракт, развернутый в три измерения. Чтобы снова свернуть его, воткни верхний куб в нижний, сложи вот эти боковые кубы так, чтобы они сошлись с верхним, и готово дело! Складывать их ты, конечно, должен через четвертое измерение. Не деформируй ни одного куба и не складывай их один в другой.

Бейли продолжал изучать шаткий каркас.

— Послушай, — сказал он наконец, — почему бы тебе не отказаться от складывания этого курятника через четвертое измерение — все равно тебе этого не сделать! — и не построить взамен дом такого вида?

— Что ты болтаешь? Чего мне не сделать? Это простая математическая задача...

— Легче, легче, братец! Пусть я невежда в математике, но я знаю, что строители твоих планов не одобрят. Никакого четвертого измерения нет. Забудь о нем! Так распланированный дом может иметь свои преимущества.

Остановленный на всем скаку Тил стал разглядывать модель.

— Гм... Может быть, ты в чем-то и прав! Мы могли бы получить столько же комнат и сэкономить столько

же на площади участка. Кроме того, мы могли бы ориентировать средний крестообразный этаж на северо-восток, юго-восток и так далее. Тогда все комнаты получат свою долю солнечного света. Вертикальная ось очень удобна для прокладки системы центрального отопления. Пусть столовая у нас выходит на северо-восток, а кухня — на юго-восток. Во всех комнатах будут большие панорамные окна. Прекрасно, Гомер, я берусь! Где ты хочешь строиться?

— Минутку, минутку! Я не говорил, что строить для меня будешь ты...

— Конечно, я! А кто же еще? Твоя жена хочет новый дом. Этим все сказано.

— Но миссис Бейли хочет дом в английском стиле восемнадцатого века.

— Взбредет же такое в голову! Женщины никогда не знают, чего хотят.

— Миссис Бейли знает.

— Какой-то допотопный архитекторишка внушил ей эту глупость. Она ездит в машине последнего выпуска, ведь так? Одевается по последней моде. Зачем же ей жить в доме восемнадцатого века? Мой дом будет даже не последнего, а завтрашнего выпуска — это дом будущего. О нем заговорит весь город.

— Ладно. Я потолкую с женой.

— Ничего подобного! Мы устроим ей сюрприз... Налей-ка еще стаканчик!

— Во всяком случае сейчас рано еще приступать к делу. Мы с женой завтра уезжаем в Бейкерсфилд. Наша фирма должна вводить в действие новые скважины.

— Вздор! Все складывается как нельзя лучше. Когда твоя жена вернется, ее будет ждать сюрприз. Выпиши мне сейчас же чек и больше ни о чем не заботься.

— Не следовало бы мне принимать решение, не посоветовавшись с женой. Ей это не понравится.

— Послушай, кто в вашей семье мужчина?

Когда во второй бутылке осталось около половины, чек был подписан.

В южной Калифорнии дела делаются быстро. Обыкновенные дома чаще всего строят за месяц. Под нетерпеливые понукания Тила тессеракторый дом что ни

день головокружительно рос к небу, и его крестообразный второй этаж выпирал во все четыре стороны света. У Тила вначале были неприятности с инспекторами по поводу этих четырех выступающих комнат, но, пустив в дело прочные балки и гибкие банкноты, он убедил кого следовало в добротности сооружения.

На утро после возвращения супругов Бейли в город Тил, как было условлено, подъехал к их резиденции. Он сымпровизировал бравурную мелодию на своем двухголосом рожке. Голова Бейли высунулась из-за двери.

— Почему ты не звонишь?

— Слишком долгая канитель, — весело ответил Тил. — Я человек действия. Миссис Бейли готова? А, вот и миссис Бейли! С приездом, с приездом! Прошу в машину! У нас сюрприз для вас!

— Ты знаешь Тила, моя дорогая! — неуверенно вставил Бейли.

Миссис Бейли фыркнула.

— Слишком хорошо знаю! Поедем в нашей машине, Гомер.

— Пожалуйста, дорогая.

— Отличная мысль, — согласился Тил. — Ваша машина более мощная. Мы доедем скорее. Править буду я: я знаю дорогу. — Он взял у Бейли ключ, взобрался на сиденье водителя и запустил двигатель, прежде чем миссис Бейли успела мобилизовать свои силы. — Не беспокойтесь, править я умею! — заверил он миссис Бейли, поворачиваясь к ней и одновременно включая первую скорость. Свернув на бульвар Заката, он продолжал: — Энергия и власть над нею, динамический процесс — это ведь как раз моя стихия. У меня еще ни разу не было серьезной аварии.

— Первая будет и последней, — ядовито заметила миссис Бейли. — Прошу вас, смотрите вперед и следите за уличным движением.

Он попытался объяснить ей, что безопасность езды зависит не от зрения, а от интуитивной интеграции путей, скоростей и вероятностей, но Бейли остановил его:

— Где же дом, Квинтус?

— Дом? — подозрительно переспросила миссис Бейли. — О каком доме идет речь, Гомер? Ты что-то затеял, не сказав мне?

Тут Тил выступил в роли тонкого дипломата.

— Это действительно дом, миссис Бейли, и какой дом! Сюрприз вам от преданного мужа. Да. Сами увидите!

— Увижу, — мрачно подтвердила миссис Бейли. — В каком он стиле?

— Этот дом утверждает новый стиль. Он новее телевидения, новее завтрашнего дня. Его надо видеть, чтобы оценить. Кстати, — быстро продолжал Тил, предупреждая возражения, — вы почувствовали этой ночью толчки?

— Толчки? Какие толчки? Гомер, разве было землетрясение?

— Очень слабое, — тараторил Тил, — около двух часов ночи. Если бы я спал, то ничего бы не заметил.

Миссис Бейли содрогнулась.

— Ах эта злосчастная Калифорния! Ты слышишь, Гомер? Мы могли погибнуть в кроватях и даже не заметить этого. Зачем я поддалась твоим уговорам и уехала из Айовы?

— Что ты, дорогая! — уныло запротестовал супруг. Ведь это ты хотела переехать в Калифорнию. Тебе не понравилось в Де-Мойне.

— Пожалуйста, не спорь! — решительно заявила миссис Бейли. — Ты мужчина, ты должен предвидеть такие вещи. Подумать только: землетрясение!

— Как раз этого, миссис Бейли, вам не надо бояться в новом доме, — вмешался Тил. — Сейсмически он абсолютно устойчив. Каждая его часть находится в точном динамическом равновесии с любой из остальных.

— Надеюсь! А где же этот дом?

— Сразу за поворотом. Вот уже виден плакат

Он показал на дорожный знак в виде большущей стрелы, какими любят пользоваться спекулянты земельными участками. Буквы, слишком крупные и яркие даже для южной Калифорнии, складывались в слова:

ДОМ БУДУЩЕГО
Колоссально — Изумительно — Революция в зодчестве.
Посмотрите, как будут жить ваши внуки!
Архитектор К. ТИЛ.

— Конечно, это будет убрано, как только вы вступите во владение, — поспешно сказал Тил, заметив гримасу на лице миссис Бейли.

Он обогнул угол и под визг тормозов остановил машину перед Домом Будущего.

— Ну, вот!

Тил впился взором в супругов, ожидая, какова будет их реакция.

Бейли недоверчиво таращил глаза, миссис Бейли смотрела с явным неодобрением.

Перед ними был обыкновенный кубический массив с дверями и окнами, но без каких-либо иных архитектурных деталей, если не считать украшением множество непонятных математических знаков.

— Слушай, — медленно произнес Бейли, — что ты тут нагородил?

Архитектор перевел взгляд на дом. Исчезла сумасшедшая башня с выступающими комнатами второго этажа. Ни следа не осталось от семи комнат над нижним этажом. Не осталось ничего, кроме единственной комнаты, опирающейся на фундамент.

— Мама родная! — завопил Тил. — Меня ограбили!

Он бросился к дому и обежал его кругом.

Но это не помогло. И спереди и сзади у сооружения был тот же вид. Семь комнат исчезли, словно их и не было.

Бейли подошел и взял Тила за рукав.

— Объясни! О каком ограблении ты говоришь? С чего это тебе пришло в голову построить этот ящик? Ведь мы договорились совсем о другом!

— Но я тут ни при чем! Я построил в точности то, что мы с тобой наметили: восьмикомнатный дом в виде развернутого тессеракта. Это саботаж! Происки завистников! Другие архитекторы города не хотели, чтобы я довел дело до конца. Они знали, что после этого вылетят в трубу.

— Когда ты был здесь в последний раз?

— Вчера во второй половине дня.

— И все было в порядке?

— Да. Садовники заканчивали работу.

Бейли огляделся. Кругом — безукоризненный, вылизанный ландшафт.

— Я не представляю себе, как стены и прочие части семи комнат можно было разобрать и увезти отсюда за одну ночь, не разрушив сада.

Тил тоже огляделся.

— Да, непохоже. Ничего не понимаю!

К ним подошла миссис Бейли.

— Ну, что? Долго я буду сама себя занимать? Раз мы здесь, давайте все осмотрим. Но предупреждаю тебя, Гомер, мне этот дом не нравится.

— Что же, осмотрим, — согласился Тил. Он достал из кармана ключ и отпер входную дверь. — Может быть, мы обнаружим какие-нибудь улики.

Вестибюль оказался в полном порядке, скользящие перегородки, отделявшие его от гаража, были отодвинуты, что давало возможность обозреть все помещение.

— Здесь, кажется, все благополучно, — заметил Бейли. — Давайте поднимемся на крышу и попробуем сообразить, что произошло. Где лестница? Ее тоже украли?

— Нет, нет! — отверг это предположение Тил. — Смотрите.

Он нажал кнопку под выключателем. В потолке откинулась панель, и вниз бесшумно спустилась легкая, изящная лестница. Ее несущие части были из матового серебристого дюралюминия, ступеньки — из прозрачных пластиков.

Тил вертелся, как мальчишка, успешно показавший карточный фокус. Миссис Бейли заметно оттаяла.

Лестница была очень красивая.

— Неплохо! — одобрил Бейли. — А все-таки эта лестница как будто никуда не ведет.

— Ах, ты об этом... — Тил проследил за его взглядом. — Когда вы поднимаетесь на верхние ступеньки, откидывается еще одна панель. Открытые лестничные колодцы — анахронизм. Пойдем!

Как он и предсказал, во время их подъема крышка лестницы открылась, они вошли, но не на крышу един-

ственно уцелевшей комнаты, как они ожидали, нет, они теперь стояли в центральной из пяти комнат, составляющих второй этаж задуманного Тилом дома, — в холле.

Впервые за все время у Тила не нашлось что сказать. Бейли тоже молчал и только жевал сигару. Все было в полном порядке. Перед ними сквозь открытую дверь и полупрозрачную перегородку виднелась кухня, мечта повара, доведенное до совершенства произведение инженерного искусства. Монель-металл, большой кухонный стол, скрытое освещение, целесообразная расстановка всевозможных приспособлений. Налево гостей ожидала немного чопорная, но уютная и приветливая столовая. Мебель была расставлена, как по шнурку.

Тил, даже не повернув головы, уже знал, что гостиная и бар тоже заявят о своем вполне материальном, хотя и невозможном существовании.

— Да, нужно признать, что это чудесно, — одобрила миссис Бейли. — Для кухни я прямо не нахожу слов. А ведь по наружному виду дома я ни за что не догадалась бы, что наверху окажется столько места. Конечно, придется внести кое-какие изменения. Например, вот этот секретер. Что, если мы переставим его сюда, а диванчик туда...

— Помолчи, Матильда, — бесцеремонно прервал ее Бейли. — Как ты это объяснишь, Тил?

— Ну, знаешь, Гомер! Как можно... — не унималась миссис Бейли.

— Я сказал — помолчи! Ну, Тил?

Архитектор переминался с ноги на ногу.

— Боюсь что-либо сказать. Давайте поднимемся выше.

— Как?

— А вот так.

Он нажал еще одну кнопку. Копия, только в более темных тонах, того волшебного мостика, что помог им подняться из партера, открыла доступ к следующему этажу. Они взошли и по этой лестнице — миссис Бейли замыкала шествие, без устали что-то доказывая, — и оказались в главной спальне, предназначенной для хозяев дома. Здесь шторы были опущены, как и внизу, но мягкое освещение включалось автоматически. Тил

снова нажал кнопку, управлявшую движением еще одной выдвижной лестницы, и они быстро поднялись в кабинет, помещавшийся в верхнем этаже.

— Послушай, Тил, — предложил Бейли, когда немного пришел в себя, — нельзя ли нам подняться на крышу над этой комнатой? Оттуда мы могли бы полюбоваться окрестностями.

— Конечно. Там устроена площадка для обзора.

Они поднялись по четвертой лестнице, но, когда находившаяся вверху крышка повернулась, чтобы пустить их наверх, они очутились не на крыше, а в комнате нижнего этажа, через которую вначале вошли в дом.

Лицо мистера Бейли приняло серый оттенок.

— Силы небесные! — воскликнул он. — Здесь колдуют духи. Прочь отсюда!

Схватив в охапку жену, он распахнул входную дверь и нырнул в нее.

Тил был слишком погружен в свои мысли, чтобы обратить внимание на их уход. Все это должно было иметь какое-то объяснение, и Тил заранее не верил в него. Но тут ему пришлось отвлечься от своих размышлений, так как где-то наверху раздались хриплые крики. Он спустил лестницу и взбежал наверх. В холле он обнаружил Бейли, склонившегося над миссис Бейли, которая упала в обморок. Тил не растерялся, подошел к встроенному шкафчику с напитками в баре, налил небольшую рюмку коньяку и подал ее Бейли.

— Дай ей выпить. Она сразу придет в себя.

Бейли выпил коньяк.

— Я налил для миссис Бейли.

— Не придирайся, — огрызнулся Бейли. — Дай ей другую рюмку.

Тил из осторожности сначала выпил сам и лишь после этого вернулся с порцией, отмеренной для жены его клиента. Она как раз в эту минуту открыла глаза.

— Выпейте, миссис Бейли, — успокаивающе сказал он. — Вы почувствуете себя лучше.

— Я никогда не пью спиртного, — запротестовала она и разом осушила рюмку.

— Теперь скажите мне, что случилось, — попросил Тил. — Я думал, что вы с мужем ушли.

— Мы и ушли: вышли из двери и очутились в передней, на втором этаже.

— Что за вздор! Гм... подождите минутку!

Тил вышел в бар. Он увидел, что большое окно в конце комнаты открыто, и осторожно выглянул из него. Глазам его открылся не калифорнийский ландшафт, а комната нижнего этажа — или точнее ее повторение. Тил ничего не сказал, а возвратился к лестнице и заглянул вниз, в пролет. Вестибюль все еще был на месте. Итак, он умудрился быть одновременно в двух разных местах, на двух разных уровнях.

Тил вернулся в холл, сел напротив Бейли в глубокое низкое кресло и, подтянув вверх костлявые колени, пытливо посмотрел на приятеля.

— Гомер, — сказал он, — ты знаешь, что произошло?

— Нет, не знаю. Но, если я не узнаю в самое короткое время, тебе несдобровать!

— Гомер, это подтверждает мою теорию: дом — настоящий тессеракт.

— О чем он болтает, Гомер?

— Подожди, Матильда!.. Но ведь это смешно, Тил. Ты придумал какое-то озорство и до смерти напугал миссис Бейли. Я тоже разнервничался и хочу одного — выбраться отсюда, чтобы не видеть больше твоих проваливающихся крышек и других глупостей.

— Говори за себя, Гомер, — вмешалась миссис Бейли. — Я нисколько не испугалась. Просто на минуту в глазах потемнело. Теперь уже все прошло. Это — сердце. В моей семье у всех сложение деликатное и нервы чувствительные. Так что же с этим тессе... или как там его? Объясните, мистер Тил. Ну же!

Несмотря на то, что супруги непрестанно перебивали его, он кое-как изложил теорию, которой следовал, когда строил дом.

— Я думаю, дело вот в чем, миссис Бейли, — продолжал он. — Дом, совершенно устойчивый в трех

измерениях, оказался неустойчивым в четвертом. Я построил дом в виде развернутого тессеракта. Но случилось что-то — толчок или боковое давление, — и он сложился в свою нормальную форму, да, сложился. — Внезапно Тил щелкнул пальцами. — Понял! Землетрясение!

— Земле-трясе-ние?

— Да, да! Тот слабый толчок, который был ночью. С точки зрения четвертого измерения этот дом можно уподобить плоскости, поставленной на ребро. Маленький толчок, и он падает, складываясь по своим естественным сочленениям в устойчивую трехмерную фигуру.

— Помнится, ты хвастал, как надежен этот дом.

— Он и надежен — в трех измерениях.

— Я не считаю надежным дом, который рушится от самого слабого подземного толчка.

— Но погляди же вокруг! — возмутился Тил. — Ничто не сдвинулось с места, все стекло цело. Вращение через четвертое измерение не может повредить трехмерной фигуре, как ты не можешь стряхнуть буквы с печатной страницы. Если бы ты прошлую ночь спал здесь, ты бы не проснулся.

— Вот этого я и боюсь. Кстати, предусмотрел ли твой великий гений, как нам выбраться из этой дурацкой ловушки?

— А? Да, да! Ты и миссис Бейли хотели выйти и очутились здесь? Но я уверен, что это несерьезно. Раз мы вошли, значит сможем и выйти. Я попробую...

Архитектор вскочил и побежал вниз, даже не договорив. Он распахнул входную дверь, шагнул в нее, и вот он уже смотрит на своих спутников с другого конца холла.

— Тут и вправду какое-то небольшое осложнение, — признался он. — Чисто технический вопрос. Между прочим, мы всегда можем выйти через стеклянные двери.

Он отдернул в сторону длинные гардины, скрывавшие стеклянные двери в стене бара. И замер на месте.

— Гм! — произнес он. — Интересно! Оч-чень интересно!

— В чем дело? — поинтересовался Бейли, подходя к нему.

— А вот...

Дверь открывалась прямо в столовую, а вовсе не наружу.

Бейли попятился в дальний угол, где бар и столовая примыкали к холлу перпендикулярно друг другу.

— Но этого же не может быть, — прошептал он. — От этой двери до столовой шагов пятнадцать.

— Не в тессеракте, — поправил его Тил. — Смотри!

Он открыл стеклянную дверь и шагнул в нее, глядя через плечо и продолжая что-то говорить.

С точки зрения супругов Бейли, он просто ушел.

Но это только с точки зрения супругов Бейли. У самого Тила захватило дух, когда он прямо-таки врос в розовый куст под окнами. Осторожно выбравшись из него, он решил, что впредь при разбивке сада будет избегать растений с шипами.

Он стоял снаружи. Рядом с ним высился тяжеловесный массив дома. Очевидно, Тил упал с крыши.

Тил забежал за угол, распахнул входную дверь и бросился по лестнице наверх.

— Гомер! — кричал он. — Миссис Бейли! Я нашел выход.

Увидев его, Бейли скорее рассердился, чем обрадовался.

— Что с тобой случилось?

— Я выпал. Я был снаружи дома. Вы можете проделать это так же легко: просто пройдите в эту стеклянную дверь. Но там растет розовый куст — остерегайтесь его. Может быть, придется построить еще одну лестницу.

— А как ты потом попал в дом?

— Через входную дверь.

— Тогда мы через нее и выйдем. Идем, дорогая!

Бейли решительно напялил шляпу и спустился по лестнице, ведя под руку жену.

Тил встретил их... в баре.

— Я мог бы предсказать, что у вас так ничего не получится! — объявил он. — А сделать надо вот что: насколько я понимаю, в четырехмерной фигуре трехмерный человек имеет на выбор две возможности, как только он пересечет какую-либо линию раздела, например стену или порог. Обычно он поворачивает под

прямым углом через четвертое измерение, но сам при своей трехмерной сущности этого не чувствует. Вот, посмотрите! — он шагнул в ту дверь, через которую немного раньше выпал. Шагнул и очутился в столовой, где продолжал свои объяснения:

— Я следил за тем, куда я иду, и попал, куда хотел. — Он перешел обратно в холл. — В прошлый раз я не следил, двигался в трехмерном пространстве и выпал из дома. Очевидно, это вопрос подсознательной ориентации.

— Когда я выхожу за утренней газетой, я не хочу зависеть от подсознательной ориентации, — заметил Бейли.

— Тебе и не придется. Это станет автоматической привычкой. Теперь, как выйти из дома? Я попрошу вас, миссис Бейли, стать спиной к стеклянной двери. Если вы теперь прыгнете назад, я вполне уверен, что вы очутитесь в саду.

Лицо миссис Бейли красноречиво отразило ее мнение о Тиле и его предложении.

— Гомер Бейли, — пронзительным голосом позвала она, — ты, кажется, собираешься стоять здесь и слушать, как мне предлагают...

— Что вы, миссис Бейли, — попытался успокоить ее Тил, — мы можем обвязать вас веревкой и спустить самым...

— Выкинь это из головы, Тил, — оборвал его Бейли. — Надо найти другой способ. Ни миссис Бейли, ни я не можем прыгать.

Тил растерялся. Возникла недолгая пауза.

Бейли прервал ее:

— Тил, ты слышишь?

— Что слышу?

— Чьи-то голоса. Не думаешь ли ты, что в доме есть еще кто-то и что он морочит нам головы?

— Едва ли: единственный ключ у меня.

— Но это так, — подтвердила миссис Бейли. — Я слышу голоса с тех пор, как мы пришли сюда. Гомер, я больше не выдержу, сделай что-нибудь!

— Спокойнее, спокойнее, миссис Бейли! — пытался уговорить ее Тил. — Не волнуйтесь. В доме никого не может быть, но я все осмотрю, чтобы у вас не

оставалось сомнений. Гомер, побудь здесь с миссис Бейли и последи за комнатами этого этажа.

Он вышел из бара в вестибюль, а оттуда в кухню и спальню. Это прямым путем привело его обратно в бар. Другими словами, идя все время прямо, он возвратился к месту, откуда начал обход.

— Никого нет, — доложил он. — По пути я открывал все окна и двери, кроме этой. — Он подошел к стеклянной двери, расположенной напротив той, через которую недавно выпал, и отдернул гардины.

Он увидел четыре пустые комнаты, но в пятой спиной к нему стоял человек. Тил распахнул дверь и кинулся в нее, вопя:

— Ага, попался! Стой, ворюга!

Неизвестный, без сомнения, услыхал его. Он мгновенно обратился в бегство. Приведя в дружное взаимодействие свои длиннющие конечности, Тил гнался за ним через гостиную, кухню, столовую, бар, из комнаты в комнату, но, несмотря на отчаянные усилия, ему все не удавалось сократить расстояние между собой и незнакомцем. Затем преследуемый проскочил через стеклянную дверь, уронив головной убор. Добежав до этого места, Тил нагнулся и поднял шляпу, радуясь случаю остановиться и перевести дух. Он опять находился в баре.

— Негодяй, кажется, удрал, — признался Тил. — Во всяком случае, у меня его шляпа. Может быть, по ней мы и опознаем этого человека.

Бейли взял шляпу, взглянул на нее, потом фыркнул и нахлобучил ее на голову Тила. Она подошла, как по мерке. Тил был ошеломлен. Он снял шляпу и осмотрел ее. На кожаной ленте внутри он увидел инициалы: «К.Т.» Это была его собственная шляпа.

По лицу Тила видно было, что он начинает что-то понимать.

Он вернулся к стеклянной двери и стал смотреть в глубь анфилады комнат, по которым преследовал таинственного незнакомца. И тут к удивлению своих спутников начал размахивать руками подобно семафору.

— Что ты делаешь? — спросил Бейли.

— Ступай сюда, и увидишь.

Супруги подошли к нему и, посмотрев в ту сторону, куда он указывал, увидели сквозь четыре комнаты спины трех фигур: двух мужских и одной женской. Более высокая и худощавая довольно глупо размахивала руками.

Миссис Бейли вскрикнула и опять упала в обморок.

Несколько минут спустя, когда она пришла в себя и немного успокоилась, Бейли и Тил подвели итоги.

— Тил, — сказал Бейли, — ругать тебя — значит зря тратить время. Взаимные обвинения бесполезны, и я уверен, что ты сам не ожидал ничего подобного. Но я думаю, ты понимаешь, в каком серьезном положении мы оказались. Как нам отсюда выбраться? Похоже, мы будем здесь торчать, пока не умрем с голоду. Каждая ее комната ведет в другую.

— Ну, не так все плохо. Ты знаешь, что я уже один раз выбрался.

— Да, но повторить этого несмотря на все попытки ты не можешь!

— Ну, мы еще не испробовали всех комнат. У нас в запасе кабинет.

— Ах да, кабинет! Мы, помнится, прошли через него, но задерживаться в нем не стали. Ты хочешь сказать, что, может быть, удастся выйти через его окна?

— Не создавай себе иллюзий. Если рассуждать математически, кабинет должен выходить в четыре боковые комнаты этого этажа. Впрочем, мы еще не поднимали штор. Давайте взглянем, что за этим окном.

— Беды от этого не будет. Дорогая, мне кажется, тебе лучше остаться здесь и отдохнуть.

— Остаться одной в этом ужасном ящике? Ни за что!

Не успев договорить, миссис Бейли вскочила с кушетки, на которой восстанавливала силы.

Поднялись в верхний этаж.

— Это внутренняя комната, не так ли, Тил? — спросил Бейли, когда они прошли через хозяйскую спальню и начали взбираться в кабинет. — Я припоминаю, что на твоем чертеже он имел вид маленького куба в центре большого и был со всех сторон окружен другими помещениями.

— Совершенно верно, — согласился Тил. — Что ж, посмотрим. По-моему, окно тут выходит в кухню.

Дернув за шнур, он поднял жалюзи.

Предсказание не оправдалось. Всеми овладело сильнейшее головокружение, и они попадали на пол, беспомощно цепляясь за ковер, чтобы их не унесло в Неведомое.

— Закрой, закрой! — простонал Бейли.

Преодолев первобытный атавистический страх, Тил, шатаясь, снова подошел к окну, и ему удалось опустить жалюзи. Окно смотрело вниз, а не вперед, вниз с ужасающей высоты.

Миссис Бейли опять упала в обморок.

Тил отправился за коньяком, а Бейли пока тер супруге запястья. Когда она очнулась, Тил осторожно подошел к окну и поднял жалюзи на одну планочку. Упершись коленями в стену, он стал вглядываться в то, что открылось его глазам. Потом обернулся к Бейли.

— Иди посмотри, Гомер. Узнаешь?

— Не ходи туда, Гомер Бейли!

— Не бойся, Матильда, я буду осторожен.

Он присоединился к архитектору и выглянул.

— Ну, видишь? Это, безусловно, небоскреб Крайслера! А там Ист-ривер и Бруклин. — Они смотрели прямо вниз с вершины необычайно высокого здания. На тысячу футов под ними расстилался игрушечный, но очень оживленный город. — Насколько я могу сообразить, мы смотрим вниз с Эмпайр-Стейт-билдинг, с точки, находящейся над его башней, — продолжал Тил.

— Что это? Мираж?

— Не думаю. Картина слишком совершенна. Мне кажется, пространство здесь сложено пополам через четвертое измерение, и мы смотрим вдоль складки.

— Ты хочешь сказать, что мы этого на самом деле не видим?

— Нет, безусловно, видим. Не знаю, что было бы, если бы мы вылезли из этого окна. Что до меня, то мне пробовать неохота. Но какой вид! Ах, друзья мои, какой вид! Попробуем другие окна.

К следующему окну они приблизились более осторожно. И не напрасно: им представилась картина еще

более удивительная, еще более потрясающая разум, чем вид с опасной высоты небоскреба. Перед ними был обыкновенный морской вид, открытый океан и синее небо, но только океан был там, где полагалось быть небу, а небо — на месте океана. На этот раз они уже несколько подготовились к неожиданностям, но при виде волн, катящихся у них над головами, их начала одолевать морская болезнь. Мужчины поспешили опустить жалюзи, прежде чем зрелище успело лишить равновесия и без того взволнованную миссис Бейли.

Тил покосился на третье окно.

— Попробуем, что ли, Гомер?

— Гм... Да... Гм!.. Если мы не попробуем, у нас останется неприятный осадок. Но ты полегче!..

Тил поднял жалюзи на несколько дюймов. Он не увидел ничего, поднял еще немного — по-прежнему ничего. Он медленно поднял жалюзи до отказа. Супруги Бейли и Тил видели перед собой... ничто.

Ничто, отсутствие чего бы то ни было. Какого цвета ничто? Не дурите! Какой оно формы? Форма — атрибут чего-то. Это ничто не имело ни глубины, ни формы. Оно не было даже черным. Просто — ничто.

Бейли пожевал сигару.

— Тил, что ты об этом думаешь?

Безмятежность Тила была поколеблена.

— Не знаю, Гомер, право, не знаю... Но считаю, что это окно надо заделать. — Он минутку поглядел на опущенное жалюзи. — Я думаю... Может быть, мы смотрели в такое место, где вовсе нет пространства. Мы заглянули за четырехмерный угол, там не оказалось ничего. — Он потер глаза. — У меня разболелась голова.

Они помедлили, прежде чем приступить к четвертому окну. Подобно невскрытому письму, оно могло и не содержать дурных вестей. Сомнение оставляло надежду. Наконец неизвестность стала невыносимой, и Бейли, несмотря на протесты жены, сам потянул за шнур.

То, что они увидели, было не так страшно. Ландшафт уходил от них вдаль, с подъемом в правую сторону. В общем, местность лежала на таком уровне, что кабинет казался комнатой первого этажа. И все же картина была неприветливая.

Знойное солнце хлестало лучами землю с лимонно-желтого неба. Выгоревшая до бурого цвета равнина казалась бесплодной и неспособной поддерживать жизнь. Но жизнь здесь все же была. Странные увечные деревья тянули к небу узловатые искривленные ветви. Маленькие пучки колючих листьев окаймляли эту уродливую поросль.

— Божественный день! — прошептал Бейли. — Но где это?

Тил покачал головой, глаза его были полны смущения.

— Это выше моего понимания.

— На Земле нет ничего похожего. Скорей всего, это другая планета. Может быть, Марс.

— Бог его знает. Но может быть и хуже, Гомер! Я хочу сказать — хуже, чем другая планета!

— А? Что это значит?

— Все это может оказаться целиком вне нашего пространства. Я даже не уверен, наше ли это солнце. Что-то оно слишком яркое.

Миссис Бейли робко подошла к ним и теперь была во власти диковинного зрелища.

— Гомер, — тихо сказала она, — какие отвратительные деревья. Они пугают меня.

Он похлопал ее по руке.

Тил возился с оконным затвором.

— Что ты делаешь? — строго спросил Бейли.

— Собираюсь высунуть голову из окна. Я хочу оглядеться, и, может быть, я что-нибудь пойму тогда.

— Ну... что ж! — нехотя согласился Бейли. — Но будь осторожен.

— Хорошо. — Тил чуть приоткрыл окно и потянул носом. — По крайней мере воздух как воздух.

Он распахнул окно, но больше ничего не успел сделать, так как внимание его было отвлечено странным явлением: все здание начало сотрясаться от мелкой дрожи, у людей такая дрожь обычно служит первым предвестником тошноты. Через две-три секунды она прекратилась.

— Землетрясение! — воскликнули все разом.

Миссис Бейли повисла на шее мужа.

Тил проглотил слюну. Он быстро оправился от испуга.

— Ничего худого не случится, миссис Бейли. Дом совершенно надежен. После толчка, который был ночью, можно, знаете ли, ожидать усадочных колебаний.

Не успел он придать лицу беспечное выражение, как толчок повторился. Но теперь это была не слабая дрожь, а настоящая морская качка.

В каждом калифорнийце, будь он местный житель или приезжий, глубоко сидит автоматический рефлекс: стоит начаться землетрясению, как он мгновенно бросается из закрытого помещения на воздух. Самые примерные бойскауты, повинуясь этому рефлексу, отпихивают в сторону престарелых бабушек. Однако Тил и Бейли упали на спину миссис Бейли. Очевидно, она первая выскочила из окна. Впрочем, это еще не доказывает рыцарского благородства ее спутников. Скорее следует предположить, что она находилась в позе, особенно удобной для прыжка.

Они перевели дух, немного опомнились и очистили глаза от песка. И прежде всего они испытали радость, почувствовав под ногами плотный песок пустыни. Потом Бейли заметил нечто, заставившее их вскочить на ноги и предупредившее словесный поток, который уже готов был хлынуть из уст миссис Бейли.

— Где же дом?

Дом исчез. Не было ни малейшего признака его существования. Здесь царило полное запустение. Именно этот вид открылся им из последнего окна. Тут не было ничего, кроме увечных, искривленных деревьев, желтого неба и солнца над головой, сверкавшего невыносимым блеском.

Бейли медленно огляделся, потом повернулся к архитектору.

— Ну, Тил?

В его голосе были зловещие нотки.

Тил безнадежно пожал плечами.

— Ничего не знаю. Не знаю даже, на Земле ли мы.

— Так или иначе, мы не можем оставаться здесь. Это верная смерть. В каком направлении нам лучше идти?

— Думаю, направление роли не играет, можно пойти в любую сторону. Будем ориентироваться по солнцу.

Они двинулись в путь и прошли не так уж много, когда миссис Бейли потребовала передышки. Остановились.

— Ну, что ты об этом думаешь? — театральным шепотом спросил у Бейли Тил.

— Ничего!.. Котелок не варит. Скажи, ты ничего не слышишь?

Тил прислушался.

— Может быть... если это не плод воображения.

— Похоже на автомобиль. Слушай, в самом деле автомобиль!

Пройдя не больше ста шагов, они очутились на шоссе. Когда автомобиль приблизился, оказалось, что это старенький тарахтящий грузовичок. Им управлял какой-то фермер. Они подняли руки, и машина скрежеща остановилась.

— У нас авария. Не выручите?

— Конечно. Залезайте!

— Куда вы едете?

— В Лос-Анджелес!

— В Лос-Анджелес? А где мы сейчас?

— Вы забрались в самую глубь Национального заповедника Джошуа-Три.

Обратный путь был уныл, как отступление французов из Москвы. Мистер и миссис Бейли сидели впереди, рядом с водителем, а Тил в кузове грузовичка подлетал на всех ухабах и старался как-нибудь защитить голову от солнца. Бейли попросил приветливого фермера дать крюк и подъехать к тессерактовому дому. Не то, чтобы он или его жена жаждали вновь увидеть это жилище, но надо же было им забрать свою машину.

Наконец фермер свернул к тому месту, откуда начались их похождения. Но дома там больше не было.

Не было даже комнаты нижнего этажа. Она исчезла. Супруги Бейли, заинтересованные помимо собственной воли, побродили вокруг фундамента вместе с Тилом.

— Ну а это ты понимаешь, Тил? — спросил Бейли.

— Несомненно, от последнего толчка дом провалился в другой сектор пространства. Теперь я вижу — надо было скрепить его анкерными связями с фундаментом.

— Тебе следовало еще многое сделать!

— Я общем, я не вижу оснований для того, чтобы падать духом. Дом застрахован, а мы узнали поразительные вещи. Открываются широкие возможности, дружище, широкие возможности. Знаешь, мне сейчас пришла в голову поистине замечательная, поистине революционная идея дома, который...

Тил вовремя пригнул голову. Он всегда был человеком действия.

РАСШИРЕННАЯ ВСЕЛЕННАЯ

УСПЕШНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Для любого из пишущей братии самым дорогим и ценным словом, конечно же, является короткое и круглое англосаксонское NO*!!! А одну из особенностей отношения публики к работе прозаика характеризует тот факт, что люди, никогда не ожидающие от таксиста свободного маршрута движения или от рынка свободного набора товаров, без малейшего смущения требуют от профессионального писателя все новых и новых даров его авторучки.

Это нетерпеливое «а ну-ка давай» — повальное заболевание среди фанатов научной фантастики, в острой форме проявляющееся у организованных фанатов НФ и в самой опасной форме — у фанатов-которые-издают-журналы-для-фанатов.

Следующая история появилась на свет сразу после продажи моего первого рассказа, то есть возникла в результате того, что я в то время еще не научился говорить NO!

— Как ты смеешь такое предлагать!

Главный придворный врач упорно стоял на своем.

Successful Operation, 1940

* Нет.

— Я бы не осмелился, сир, если бы вашей жизни не грозила опасность. Кроме доктора Ланса, в отечестве нет другого хирурга, который мог бы сделать пересадку гипофиза.

— А я говорю, оперировать будешь ты!

Медик покачал головой.

— Тогда вы умрете, вождь. Моего искусства недостаточно.

Глава государства стремительно закружил по комнате. Казалось, он вот-вот даст выход одному из тех истерических взрывов гнева, которых так боялись его приближенные. Неожиданно он сдался.

— Приведите его ко мне! — приказал он.

Сохраняя достоинство — достоинство и присутствие духа, не сломленные в течение трех лет «превентивного заключения», — доктор Ланс предстал перед вождем. Бледность и истощение выдавали в нем узника концентрационного лагеря; впрочем, люди его расы уже привыкли к притеснениям.

— Я понял, — произнес он. — Да, я понял... Я могу сделать операцию. Каковы условия оплаты?

— Условия оплаты? — возмутился вождь. — Ты еще смеешь говорить об условиях, грязная свинья? Тебе дается возможность хотя бы частично искупить грехи своей расы!

Хирург поднял брови.

— Думаете, я не знаю, что, будь у вас под рукой другой вариант, вы бы никогда не послали за мной? Но вам понадобилась именно моя помощь.

— Ты сделаешь, что тебе скажут! Ты и твой род должны быть счастливы уже тем, что остались живы.

— И все же без гонорара я оперировать не собираюсь.

— А я сказал, тебе еще повезло, что ты жив... — В голосе диктатора чувствовалась неприкрытая угроза.

Ланс молча развел руками в стороны.

— К тому же мне говорили, что у тебя есть семья...

Хирург облизал пересохшие губы. Его Эмми... они могут погубить ее... и маленькую Розу. Но он должен

быть мужественным — таким, каким хотела бы его видеть Эмма. И он будет играть по самым высоким ставкам... ради них и только ради них.

— Мертвым им не будет хуже, чем теперь, — твердо ответил он.

Прошло немало времени, прежде чем вождь убедился, что Ланса ему не сломить. Не стоило даже пытаться — хирург впитал мужество вместе с молоком матери.

— Какова твоя цена?

— Разрешение на выезд для меня и моей семьи.

— Скатертью дорога!

— Компенсация за имущество...

— Да подавись им!

— ...выплаченная золотом до операции!

Вождь по привычке хотел возразить, но сдержался. Пусть этот самонадеянный глупец думает что угодно. Вразумить его можно будет и после операции.

— А теперь последнее... операция будет проводиться в зарубежном госпитале.

— Но это нелепо!

— Я настаиваю.

— Так ты не доверяешь мне?

Ланс, не отвечая, смотрел ему прямо в глаза. Вождь ударил доктора — ударил сильно, по губам. Хирург даже не шевельнулся, чтобы избежать удара; он принял его, не изменив выражения лица...

— И вы действительно согласились на это, Самуэль?

Молодой человек без страха взглянул на доктора и ответил:

— Да, согласился.

— Нет никаких гарантий, что вы оправитесь после операции. Гипофиз вождя поврежден, и ваше молодое тело может не справиться с ним... Вы должны учесть такую возможность.

— Я все понимаю... но тогда я выйду из концлагеря!

— Да. Все верно. Если вы выживете, вас освободят. Я сам буду заботиться о вас, пока вы не будете готовы к путешествию.

Самуэль улыбнулся.

— Да это же просто удовольствие — болеть в стране, где нет концлагерей!

— Тогда все в порядке. Давайте начинать.

Они вернулись к группе людей, которые нетерпеливо, но молча ждали их в другом конце помещения. С точностью до пенни были отсчитаны деньги, которые знаменитый хирург посмел потребовать, несмотря на постановление диктатора о том, что люди его религии не нуждаются в деньгах. Ланс сложил половину золотых монет в широкий пояс и обмотал им талию. Где-то на дородном теле его супруги была укрыта другая половина.

Через час и двадцать минут Ланс положил на стол последний инструмент, кивнул хирургам-ассистентам и стянул операционные перчатки. Бросив последний взгляд на двух пациентов, он покинул помещение. Скрытые бинтами, оба под стерильными покрывалами, они были неотличимы друг от друга, и неосведомленный человек ни за что бы не разобрал, кто из них диктатор, а кто заключенный. Хотя, если вдуматься, благодаря обмену крошечных желез в жертве сейчас была частица диктатора, а в диктаторе — частица жертвы.

Доктор Ланс вернулся в госпиталь в тот же день к вечеру, после того как устроил жену и дочь в отеле первого класса. Поступок, конечно, не слишком разумный, принимая во внимание их неопределенное положение изгоев и беженцев, но они так давно уже не жили по-человечески *там* — доктор в мыслях не называл свою страну родиной, — что небольшое безумство им только на пользу.

Вернувшись в госпиталь, доктор осведомился о своем втором пациенте.

— Но его здесь нет, — с недоумением ответил дежурный.

— Нет?

— Конечно, нет. Парня увезли домой вместе с Его Величеством — обратно в вашу страну.

Ланс ничего не сказал. Самуэля нагло надули, но помочь бедняге доктор ничем не мог. Он возблагодарил Бога за то, что перед операцией предусмотрительно оградил себя и семью от вероломства диктатора. Хирург простился с дежурным и ушел.

К вождю возвращалось сознание. В уме все путалось, но он уже вспоминал события, которые предшествовали усыплению. Операция! Значит, она уже прошла! И он жив! Вождь никогда бы не признался в том, как страшил его исход пересадки гипофиза. Но он выжил... он жив!

Глава государства начал нащупывать шнурок колокольчика. Не найдя его, он заставил себя открыть глаза и осмотреться. Что происходит, черт бы их побрал! Как они посмели поместить своего вождя в такую конуру? Он с отвращением разглядывал грязно-белый потолок и голый деревянный пол. А постель! Да это же просто раскладушка!

Он закричал. Кто-то вошел — человек в форме рядового из корпуса его личной охраны. Прежде чем послать солдата под арест, вождю безумно захотелось обругать его. Но диктатора грубо оборвали.

— А ну заткнись, мерзкая свинья!

Вождь онемел от изумления. Потом завизжал как резаный:

— Встань смирно, когда обращаешься к вождю! Честь... отдай мне честь!

Солдат сначала удивился, потом захохотал.

— Может быть, так? — Он подошел к раскладушке и вытянул правую руку в воинском приветствии. В руке была резиновая дубинка. — Хайль, мой вождь! — проревел солдат и резко опустил руку вниз. Дубинка раздробила скулу.

Привлеченный шумом, в комнату вошел еще один рядовой. Первый все еще смеялся над своей остротой, тыкая в диктатора пальцем.

— Что за дела, Джон? Знаешь, я бы не стал обходиться так грубо с этой обезьяной: он все еще значится в больничном списке. — Солдат равнодушно осмотрел окровавленное лицо вождя.

— Ты что? Не в курсе? — Первый солдат подошел поближе и что-то прошептал напарнику на ухо.

Второй оскалился в ухмылке.

— Ах вот оно что! Значит, они не хотят, чтобы он поправился? Жаль, я не знал, а то бы уже с утра с ним позабавился...

— Давай позовем Толстяка, — предложил второй. — Он такой выдумщик по части забав!

— Хорошая идея. — Солдат подошел к двери и крикнул: — Эй, Толстяк!

И они на самом деле не тронули вождя, пока на помощь не пришел Толстяк.

НИКУДЫШНОЕ РЕШЕНИЕ

В 1903 году братья Райт совершили полет на «Китти Хок».

В декабре 1938 года в Берлине доктор Ган произвел расщепление атома урана.

В апреле 1943 года доктор Эстелла Карст, работая на Федеральное Управление Национальной Безопасности, усовершествовала технологию процесса Карст—Обри для получения искусственных радиоактивных веществ.

И это должно было полностью изменить американскую внешнюю политику. Да, ей предстояло стать другой. Непременно. Но ведь дьявольски трудно загнать зов трубы обратно в трубу. Ящик Пандоры — тоже штучка, работающая лишь в одном направлении. Свинью можно превратить в сосиски, а сосиски в свинью — черта с два! Разбитые яйца остаются разбитыми. «Вся королевская конница, вся королевская рать не может Шалтая, не может Болтая, не может Шалтая-Болтая собрать».

Мне-то такие дела хорошо известны — я сам из этой королевской рати. По правилам игры, вроде бы я

Solution Unsatisfactory, 1968.

не слишком подходил к этой роли. Когда грянула вторая мировая война, я не был профессиональным военным, и, когда конгресс принял закон о мобилизации, я уже занимал относительно высокое положение, во всяком случае, достаточно высокое, чтобы продержаться вне армии ровно столько, сколько нужно, чтобы спокойно помереть от старости.

А ведь умереть по такой причине удалось лишь очень немногим людям моего поколения.

Но я был свежеиспеченным секретарем только что избранного конгрессмена, а перед тем руководил его избирательной кампанией, что привело к потере предыдущего места работы. По профессии-то я школьный учитель экономики и социологии, но школьное начальство недолюбливает преподавателей общественных наук, принимающих активное участие в общественных процессах, поэтому мой контракт так и не был возобновлен. Ну, я и ухватился за шанс перебраться в Вашингтон.

Фамилия моего конгрессмена была Маннинг. Ну да, тот самый Маннинг, полковник Клайд К. Маннинг, отставной офицер армии США, он же мистер комиссар Маннинг. Чего вы, пожалуй, может, и не слыхали, так это то, что он был одним из лучших армейских экспертов по химической войне, до тех пор пока слабое сердце не отправило его «на полку». Я, можно сказать, подобрал его там с помощью группы своих политических единомышленников, и мы выставили его кандидатуру против прохвоста, занимавшего пост священника в одном из приходов в нашем избирательном округе. Нам был нужен крепкий либеральный кандидат, и Маннинг казался чуть ли не специально созданным для этой роли. Целый год он пробыл членом Большого Жюри, в результате чего у него, фигурально выражаясь, прорезался зуб мудрости, и он стал активно заниматься общественной деятельностью.

Положение отставного армейского офицера здорово помогает привлечь на свою сторону голоса консервативных и зажиточных избирателей, но в то же время послужной список Маннинга выглядел внушительно и для тех, кто стоял по другую сторону баррикады. Меня проблема охоты за голосами не так уж заботила; мне нравился сам Маннинг, нравилось, что, будучи либералом, он в то же время обладал решительностью, кото-

рая обычно либералам не свойственна. Большинство либералов верят, что хотя вода всегда бежит вниз по склону, но, по милости Божьей, никогда не иссякает.

А Маннинг был не таков. Он умел логически определить, что именно надо сделать, и действовал, сколь бы ни были неприятны эти действия.

Мы сидели в офисе Маннинга, расположенном в здании палаты представителей, и, пользуясь небольшой передышкой после бурного первого заседания конгресса семьдесят восьмого созыва, пытались разобраться в горе накопившейся корреспонденции, когда вдруг раздался звонок из военного ведомства. Маннинг сам взял трубку.

Мне поневоле пришлось подслушивать — я ведь как-никак был его секретарем.

— Да, — сказал он, — это я. Хорошо, соединяйте. О... приветствую вас, генерал... Отлично, спасибо... Вы сами? — Затем последовало долгое молчание. Наконец Маннинг заговорил снова: — Но это же невозможно, генерал, у меня уже есть работа... Что? Да, а кто же будет работать в комитете и представлять мой округ? Думаю, так... — Он взглянул на наручные часы. — Приеду немедленно.

Он повесил трубку, взглянул на меня и буркнул:

— Бери шляпу, Джон. Мы едем в военное министерство.

— Вот как? — отозвался я, собираясь как можно быстрее.

— Да, — ответил он, сопровождая слова встревоженным взглядом. — Начальник штаба считает, что мне нужно вернуться в строй. — Он резво зашагал вперед, тогда как я умышленно тащился сзади, чтобы заставить Маннинга снизить темп и не перегрузить свое больное сердце. — Конечно, это невозможно.

Мы поймали такси прямо на стоянке перед нашим зданием и помчались на беседу к военным.

Все, разумеется, оказалось возможным, и Маннинг быстро согласился, когда начальник штаба объяснил ему, в чем дело. Маннинга обязательно нужно было убедить, ибо никто на всем земном шаре, включая самого президента, не может приказать конгрессмену

покинуть свой пост, даже если выяснится, что он случайно состоит на военной службе.

Начальник штаба предвидел предстоящие политические затруднения и был настолько предусмотрителен, что уже откопал конгрессмена, принадлежавшего к оппозиционной партии, который должен был одновременно с Маннингом лишиться права голоса на все время существования чрезвычайного положения. Этим другим конгрессменом был достопочтенный Джозеф Т. Брайам, тоже офицер запаса, то ли сам желавший вернуться в армию, то ли соглашавшийся на сделанное ему предложение; я так и не узнал, как обстояло дело в действительности. Поскольку он принадлежал к оппозиционной партии, его голос в палате представителей всегда противостоял бы голосу Маннинга, так что ни одна партия не пострадала от столь мудрого решения проблемы.

Был разговор о том, чтобы оставить меня в Вашингтоне заниматься политическим аспектом дел, связанных с постом конгрессмена, но Маннинг решил иначе, посчитав, что с этим справится его второй секретарь, и объявил, что я должен последовать за ним в качестве адъютанта. Начальник штаба заупрямился было, но положение Маннинга позволяло ему стоять на своем, и начальник штаба сдался.

Если начальникам штабов приспичит, они могут заставить дела крутиться очень быстро. Еще до того как мы покинули здание министерства, меня привели к присяге в качестве «временного» офицера; а задолго до конца дня я уже стоял в банке, выписывая чек за мешковатую униформу, принятую в армии, а заодно и за парадную — с дивным блестящим поясом, которую, как выяснилось позже, я так и не надену.

Уже на следующий день мы выехали в Мэриленд, и Маннинг вступил в должность начальника Федеральной научно-исследовательской атомной лаборатории, которая была зашифрована как Специальный оборонный проект №347 военного министерства. Насчет физики я мало чего вообще соображал, а уж по части новейшей

физики так и вовсе ничего, если исключить ту белиберду, которую мы читаем в воскресных приложениях газет. Позже я кое-чего поднабрался (полагаю, что перепутав все на свете), в процессе каждодневного общения с теми учеными самых высоких весовых категорий, которыми была укомплектована наша лаборатория.

Полковник Маннинг в свое время окончил военную аспирантуру при Массачусетском технологическом и получил магистерскую степень за блестящую диссертацию по анализу математических теорий атомных структур. Вот почему армейское руководство и назначило его сейчас на эту должность. Впрочем, дело это было давно, и за прошедшее время физика успела проделать немалый путь; он признался мне, что ему приходится грызть гранит науки до посинения, чтобы дойти хотя бы до той точки, откуда он начнет понимать, о чем пишут его высоколобые подопечные в своих отчетах о проделанной работе.

Думаю, он все же преувеличивал степень своего невежества; уверен, что во всех Соединенных Штатах не было никого, кто мог бы заменить полковника на этой должности. Тут требовался человек, способный направлять исследования и руководить работами в высшей степени таинственной и малоизученной области, главное, мог оценивать эти проблемы с точки зрения насущных нужд и интересов армии. Предоставленные сами себе физики купались бы в интеллектуальной роскоши, обеспечиваемой безграничными денежными ассигнованиями, и достигли бы огромных успехов в развитии человеческих знаний, но вряд ли создали бы что-то важное с армейской точки зрения, и даже сама возможность военного применения уже сделанных открытий осталась бы незамеченной еще много лет.

Ведь это вроде как на охоте: чтобы вспугнуть птиц, нужна хорошая собака, однако только охотник, идущий по следу собаки, может удержать ее от зряшной траты времени на погоню за кроликами. А для этого охотник должен знать обо всем не меньше, чем сама собака.

Я не хочу сказать этим ничего, что умалило бы достоинство ученых. Ни в коем случае! Мы собрали под своим крылышком всех гениев в данной области,

которых только можно было найти в Соединенных Штатах — питомцев Чикагского, Колумбийского, Корнельского университетов, Массачусетского технологического, Калифорнийского технологического, Беркли, — вытащили их из всевозможных лабораторий, где они работали с радиоактивными элементами, да еще прихватили парочку выдающихся атомщиков, одолженных Англией. И эта публика располагала любыми приборами, которые только могла придумать и которые можно было соорудить за деньги. Пятисоттонный циклотрон, первоначально предназначавшийся Калифорнийскому университету, достался нам, но и он уже казался устаревшим в сравнении с теми новыми приборами, которые эти умники придумали, запросили и получили. Канада снабжала нас любым количеством урана — тоннами этого опасного сырья, добытого на берегах Большого Медвежьего озера, неподалеку от Юкона; технология же выделения урана 235 из более распространенного изотопа урана 238 уже была разработана той же группой исследователей из Чикагского университета, которые ранее изобрели более дорогой масс-спектрографический метод.

Кто-то в правительстве Соединенных Штатов уже довольно давно усек ужасные возможности, таящиеся в уране 235, и еще летом 1940 года все американские атомщики были взяты на учет и с них потребовали подписку о соблюдении секретности. Атомная энергия, если ее удастся получить, должна была, таким образом, стать государственной монополией; во всяком случае, хотя бы на то время, пока идет война. Атом имел шанс превратиться в необычайно мощное взрывчатое вещество — такое, что может присниться лишь в кошмарном сне, или же мог стать источником столь же невероятных ресурсов промышленной энергии. В любом случае, при наличии Гитлера, непрерывно вопившего о своем секретном оружии и выкрикивавшего грязные оскорбления в адрес демократии, правительство намеревалось держать любые новые открытия в данной области поближе к сердцу.

Гитлер потерял преимущества, вытекающие из положения первооткрывателя уранового секрета, только из-за того, что не принял должных мер предосторожно-

сти. Доктор Ган, ставший первым человеком, которому удалось расщепить атом урана, был немцем. Но одна из его помощниц бежала из Германии, спасаясь от еврейских погромов. Она приехала в нашу страну и здесь рассказала все, что ей было известно.

В своей лаборатории в Мэриленде мы нащупали путь использования урана 235 для контролируемого взрыва. Мы мечтали о тысячекилограммовой бомбе, которая заменит собой целый воздушный налет и одним-единственным взрывом превратит крупный промышленный центр в руины. Доктор Ридпат из Континентального политехнического утверждал, что он может создать такую бомбу, но пока не в состоянии гарантировать, что она не взорвется сразу же, как только будет заряжена; что же касается силы взрыва... ну... он сам не может заставить себя верить собственным расчетам — уж больно много там приходится писать нулей.

Проблема, как это ни странно, заключалась в том, чтобы создать взрывчатое вещество, которое обладало бы достаточно слабыми внутренними ядерными связями, чтобы взрывать по очереди целые страны, и было бы достаточно стабильно, чтобы делать это только тогда, когда ему прикажут. Если бы мы могли одновременно создать эффективное ракетное топливо, способное донести боевую ракету со скоростью тысяча миль в час или больше, тогда мы оказались бы в состоянии заставить почти любую страну относиться к «дяде Сэму» действительно как к уважаемому дядюшке.

Мы возились с этой проблемой весь остаток 1943 года и значительную часть 1944. Война в Европе и неприятности в Азии продолжались. После того как Италия капитулировала, Англия сумела высвободить достаточное число судов из своего Средиземноморского флота, чтобы ослабить блокаду Британских островов. С помощью самолетов, которые мы могли теперь ей регулярно поставлять, и тех устаревших крейсеров, которые мы ей одолжили, Англия как-то удерживалась на плаву, зарываясь в землю и переводя туда все больше и больше своих оборонных заводов. Россия, как обычно, склонялась то в одну, то в другую сторону, очевидно, придерживаясь политики не дать ни одной из

воюющих сторон получить преимущество, которое позволит довести войну до победного конца. Кое-кто начал рассуждать о возможности «перманентной» войны.

Я убивал время в административном офисе, пытаясь хоть немного улучшить свое умение печатать на пишущей машинке (большую часть докладных Маннинга мне приходилось печатать самому), когда в комнате возник ординарец и доложил о приходе доктора Карст. Я включил внутреннюю связь.

— Пришла доктор Карст, шеф. Вы примете ее?

— Да, — ответил он из своего кабинета.

Я приказал ординарцу впустить посетительницу.

Эстелла Карст была совершенно необыкновенная старуха и, я полагаю, первая женщина в инженерных войсках, добившаяся высокого звания. Она имела степень доктора медицины, а также доктора наук и очень напоминала учительницу, которая была у меня в четвертом классе. Думаю, именно поэтому я инстинктивно вскакивал всякий раз, как она входила в приемную — боялся, что она поглядит на меня и презрительно шмыгнет носом. Разумеется, причиной был не ее чин — мы тут с чинами не очень считались.

На ней был рабочий комбинезон и длинный, как у продавца, фартук; поверх всего этого она набросила накидку с капюшоном, чтобы укрыться от снега.

— Доброе утро, мэм, — сказал я и провел ее в кабинет Маннинга.

Полковник приветствовал ее с той вежливостью, которая сделала его столь популярным в женских клубах, и усадил в кресло, предложив сигарету.

— Рад видеть вас, майор, — сказал он ей, — а я как раз собирался на днях заскочить в вашу лавочку.

Я знал, куда он метит; тематика доктора Карст имела медико-физический уклон; он же хотел заставить ее изменить направление исследований, сделав их более актуальными с точки зрения обороны.

— Не смейте называть меня майором! — ответила она недовольно.

— Извините, доктор...

— Я пришла по делу, и мне надо поскорее вернуться обратно. Готова предположить, что вы тоже человек дела. Полковник Маннинг, мне нужна помощь.

— Я тут как раз для этого.

— Ладно. В своих исследованиях я столкнулась с рядом трудностей. Думаю, что один из сотрудников отдела доктора Ридпата мог бы помочь мне, но доктор Ридпат, видимо, не слишком расположен к сотрудничеству со мной.

— Вот как? Что ж, вряд ли я смогу действовать через голову начальника отдела, но все же расскажите мне, в чем дело; может быть, нам удастся решить этот вопрос. Кто вам нужен?

— Мне нужен доктор Обри.

— Специалист в области спектрографии. Хм-м... Я понимаю колебания доктора Ридпата и склонен с ним согласиться. В конце концов, исследуемая проблема сверхмощных взрывчатых веществ — приоритетная тема в нашей конторе.

Она вспыхнула, и мне показалось, что сейчас она прикажет ему, по меньшей мере, остаться в классе после уроков.

— Полковник Маннинг, вы понимаете, какую роль играют искусственные радиоактивные вещества в современной медицине?

— Что ж, полагаю, мне это известно. Тем не менее, доктор, наша главная миссия — это совершенствование оружия, которое может гарантировать безопасность нашей страны в случае войны.

Она шмыгнула носом и кинулась в бой.

— Оружие... чушь собачья! А что, в армии нет медицинской службы, что ли? Разве не важнее знать, как вылечить человека, нежели разорвать его в клочья? Полковник Маннинг, вы не тот человек, который должен возглавлять наш Проект! Вы... вы... поджигатель войны, вот кто вы такой!

Я чувствовал, что мои уши пылают, но Маннинг даже не шелохнулся. Он мог доставить ей кучу неприятностей, мог отправить под домашний арест, может быть, даже отдать под трибунал, но наш Маннинг не

таков! Помнится, он как-то сказал мне, что каждый раз, когда подчиненного отправляют под трибунал, это означает, что некто из старших офицеров опять лопухнулся и не справился со своими обязанностями.

— Мне очень жаль, что вы так считаете, доктор, — сказал он мягко, — и я согласен, что мои технические знания не столь обширны, как хотелось бы. И поверьте, я был бы рад, если б нам пришлось заниматься исключительно проблемами лечения. Кроме того, в любом случае, я еще не отказал вам в вашей просьбе. Давайте пройдем в вашу лабораторию и посмотрим, какие такие у вас проблемы. Весьма вероятно, мы найдем возможность изыскать решение, которое удовлетворит всех заинтересованных.

Полковник уже встал и начал натягивать свою шинель. Губы доктора Карст чуть дрогнули, и она ответила:

— Отлично. Я сожалею о своих словах.

— Пустяки, — улыбнулся он, — такие уж у нас нервные времена пошли. Ты пойдешь с нами, Джон.

Я поспешил за ними, задержавшись в приемной лишь для того, чтоб взять шинель и сунуть в карман блокнот для заметок.

И всю дорогу, пока мы пробирались чуть ли не восьмую часть мили до лаборатории доктора Карст сквозь рыхлые снежные заносы, они мило болтали о цветоводстве!

Маннинг ответил на оклик часового небрежным жестом руки, и мы вошли в лабораторный корпус. Он спокойно двинулся к дверям, ведущим в глубь лаборатории, но Карст его остановила:

— Сначала «доспехи», полковник!

Нам не сразу удалось подобрать галоши такого размера, которые подошли бы к сапогам Маннинга, настоявшего на своем праве носить их, несмотря на недавние изменения в форме; он уже хотел было нарушить правила защиты ног, но Карст даже не пожелала слушать его возражений. Она вызвала парочку лаборантов, и те соорудили что-то вроде неуклюжих мокасинов из какой-то ткани со свинцовой прокладкой.

Шлемы отличались от тех, что использовались в лаборатории взрывчатых веществ; они были оснащены дыхательными фильтрами.

— Зачем это? — спросил Маннинг.

— Для борьбы с радиоактивной пылью, — ответила доктор Карст. — Они тут совершенно необходимы.

Мы прошли через обшитый свинцовыми плитами «предбанник» и оказались перед дверью в лабораторию, которую Карст открыла, набрав нужную цифровую комбинацию на замках. Я зажмурился от неожиданно яркого освещения и обнаружил, что воздух лаборатории насыщен мириадами крошечных сверкающих пылинок.

— Хм-м-м... Ну и пылища же тут у вас, — поддержал мое впечатление Маннинг. — Неужели нельзя с ней бороться?

Его голос звучал глухо из-за противопылевого фильтра.

— Последняя стадия процесса должна происходить на воздухе, — объяснила Карст. — Большая часть пыли захватывается вытяжным шкафом. Мы могли бы избавиться от нее совсем, но для этого нам потребуется новое и очень дорогое оборудование.

— Ну с этим все будет в порядке. Мы же не на бюджете, как вам известно. Ведь эти маски очень мешают вам в работе?

— Разумеется, — согласилась Карст. — То оборудование, о котором я говорю, позволило бы нам работать без одежды, защищающей тело. Это было бы в высшей степени удобно.

Тут я внезапно понял, сколько неудобств приходится сносить здешним ученым. Я довольно рослый и сильный человек, и то надетые здесь «доспехи» показались мне слишком тяжелыми для постоянной носки. Эстелла Карст же — эта очень маленькая женщина — безропотно работала день за днем, возможно, по четырнадцать часов в одежде, которая была ничуть не удобнее, чем водолазный скафандр. И не жаловалась.

Нет, далеко не все герои попадают на первые страницы газет. Эти эксперты по радиации не только подвергались опасности заболеть раком или получить страш-

ные радиационные ожоги, но мужчины имели перспективу, что их гермоплазма подвергнется разрушению и что жены наградят их чем-то ужасным вместо наследников — например, детьми без подбородков или с длинными волосатыми ушами. И тем не менее ученые продолжали работать и даже, казалось, не испытывали раздражения, разве что кроме случаев, когда что-то мешало их непосредственной работе.

Доктор Карст, конечно, уже переступила тот возрастной порог, за которым перестают волноваться за будущее потомство, но принципиально это ничего не меняло.

Я слонялся по лаборатории, разглядывая непонятные приборы, с помощью которых она добывала свои результаты; меня всегда завораживала моя неспособность обнаружить хотя бы что-то знакомое по прежним впечатлениям о физических лабораториях — впечатлениям, сохранившимся со студенческих лет, а потому я был очень осторожен и опасался даже дотрагиваться до приборов. Карст начала объяснять Маннингу, над чем она работает и почему, но я знал, что для меня прислушиваться к технической стороне дела — пустая трата времени. Если Маннингу потребуется что-то записать, он мне продиктует. Мое внимание привлек странный, похожий на ящик прибор, стоявший в углу комнаты. На боковой панели у него было приспособление, напоминавшее загрузочную воронку; оттуда неслись звуки, похожие на гул вентилятора на фоне льющейся из крана воды. Это меня заинтриговало.

Я вернулся обратно к доктору Карст и услышал ее слова:

— Проблема сводится вот к чему, полковник: я получаю радиоактивного материала гораздо больше, чем мне надо, но существует большой разброс в периодах полураспада, казалось бы, одинаковых в остальном проб. Это дает мне основания считать, что я получаю смесь различных изотопов, но доказать мне свою догадку нечем. И если говорить честно, то моих знаний в этой части проблемы маловато, чтобы предложить существенные изменения в методике работы. Для этого мне нужна помощь доктора Обри.

Полагаю, именно таков был общий смысл ее слов, но, может быть, я передаю неточно, поскольку я в общем-то не физик. Насчет «полураспада» я все же понял. Все радиоактивные материалы продолжают оставаться радиоактивными до тех пор, пока не превратятся в нечто иное, на что теоретически требуется вечность. Но, с практической точки зрения, этот период или «распад» измеряются временем, требующимся на то, чтобы начальная радиация снизилась наполовину. Такое время называется «полураспадом», и каждый радиоактивный изотоп данного элемента имеет свой период полураспада.

Кто-то из наших ученых — не помню, кто именно, — говорил мне, что любой вид материи может рассматриваться в некоторой степени как радиоактивное вещество; разница лишь в длительности периода полураспада и интенсивности излучения.

— Я поговорю с доктором Ридпатом, — ответил ей Маннинг, — и посмотрю, что тут можно сделать. А вы пока разрабатывайте план переоборудования лаборатории с указанием, что для этого необходимо.

— Благодарю вас, полковник.

Я видел, что Маннинг уже собрался уходить, так как задача умиротворения доктора Карст была выполнена; однако меня все еще занимал тот большой ящик и издаваемые им странные звуки.

— Не могу ли я узнать, что это такое, доктор?

— Ах это? Кондиционер.

— Какой-то он странный. Я таких никогда не видел.

— Он предназначен не для кондиционирования комнатной среды. Он просто удаляет радиоактивную пыль, прежде чем воздух поступит наружу. Мы вымываем пыль из зараженной атмосферы.

— А куда уходит вода?

— В канализацию. А в конечном счете в залив, я думаю.

Я попытался щелкнуть пальцами, что было, однако, невозможно из-за освинцованных рукавиц.

— Вот в чем причина, полковник!

— Причина чего?

— Причина тех обвинений, которые сыплются на нас из Бюро рыболовства. Ядовитая пыль попадает в Чесапикский залив и убивает рыбу.

Маннинг повернулся к доктору Карст.

— Вы полагаете, такое возможно, доктор?

Сквозь щиток ее шлема я видел, как брови доктора сошлись у переносицы.

— Я об этом не думала, — призналась она. — Мне придется сделать кое-какие расчеты, касающиеся возможного уровня концентрации, прежде чем я смогу дать определенный ответ. Но такое возможно; да, возможно, — добавила она с тревогой в голосе, — но ведь можно отвести стоки в специальный колодец.

— Хм-м-м... да. — Маннинг несколько минут стоял молча, внимательно изучая кондиционер. Наконец он произнес: — А что, эта пыль очень ядовита?

— Она летальна, полковник.

И снова наступило долгое молчание.

Я понял, что полковник пришел к каким-то выводам, так как он решительно произнес:

— Я собираюсь принять меры, чтобы вы получили помощь доктора Обри. Доктор...

— Вот здорово!

— ...Но взамен я прошу вашей помощи. Я очень заинтересован в успехе ваших исследований, однако хочу, чтобы их масштабы были увеличены. Я прошу вас установить как максимальные, так и минимальные периоды полураспада и интенсивности. Я прошу отказаться от сугубо утилитарного подхода и приняться за всеобъемлющие исследования по тем направлениям, которые мы с вами определим во всех деталях немного позже. — Она начала было что-то возражать, но полковник перебил ее: — По-настоящему глубокая программа исследования окажется в перспективе более важной для решения вашей первоначальной задачи. А я буду считать своей обязанностью обеспечить вам любую материальную базу для претворения такой программы в жизнь. Думаю, нам удастся получить весьма широкий спектр интереснейших результатов.

Полковник немедленно удалился, не дав доктору Карст возможности возразить ему. Всю дорогу к наше-

му зданию он казался нерасположенным к разговору, так что я тоже молчал. Думаю, что именно в это время у него возникли первые контуры той смелой и жестокой стратегии, которая будет выработана позже, но я уверен, что даже сам Маннинг тогда еще не мог предугадать, к каким неизбежным последствиям приведут нас несколько дохлых рыб. Иначе он никогда не отдал бы приказ об изменении направления исследований.

Нет, в это я, пожалуй, не верю. Он, безусловно пошел бы вперед, зная, что если не он, то это все равно сделает кто-то другой. Он принял бы на себя ответственность, с горечью сознавая, какая тяжесть ложится на его плечи.

1944 год, казалось, завершался без особо ярких событий. Карст получила свое новейшее оборудование и столько дополнительных средств, что ее отдел стал самым крупным во всей лаборатории. Исследования в области взрывчатых веществ были сокращены после совещания Маннинга и Ридпата; я застал только самый его конец, — мысль сводилась к тому, что в данный момент нет никакой вероятности использовать взрывную силу урана 235. Как источник энергии — да, конечно, но в отдаленном будущем, когда у нас появится возможность решить исключительно хитрую проблему управления ядерной реакцией. И даже тогда, похоже, это будет не источник для приведения в действие двигателей ракет или автомобилей, а скорее основа для строительства мощных электростанций, по меньшей мере, столь же крупных, как Болдер-Дам.

После этого совещания Ридпат стал кем-то вроде соруководителя в отделе доктора Карст, а оборудование, ранее предназначенное для изучения взрывчатых веществ, было частично заменено и приспособлено для выполнения программы исследований в области получения смертельно опасных искусственных радиоактивных элементов. Маннинг содействовал разделению труда между обоими руководителями, и Карст занялась

преимущественно своей прежней проблемой, то есть разработкой методов получения искусственных радиоактивных веществ с заранее заданными параметрами. Надеюсь, она была полностью удовлетворена, нацеливая свой, так сказать, «одноколейный» ум для решения столь глубоко интересующих ее вопросов. До сего дня не знаю, сочли ли Маннинг и Ридпат нужным ставить ее в известность о той цели, к которой они в конечном счете стремились.

Фактически я тогда сам был слишком занят, чтобы думать об этом. Подходило время выборов в конгресс, и я был загружен обеспечением Маннингу большинства голосов избирателей, чтоб он мог вернуться к политической жизни, когда минует нынешняя экстремальная ситуация. Его это не очень интересовало, но он согласился, чтоб его имя было внесено в списки на переизбрание. Я старался издалека выработать методы руководства избирательной кампанией и ругался последними словами из-за того, что не могу быть на месте, чтобы разрешать кучу мелких проблем по мере их возникновения.

Я ограничился наилучшим паллиативом, установив отдельную линию связи, позволявшую председателю избирательного комитета связываться со мной в любое время. Не думаю, что этим я нарушал закон Хэтча, но все же, конечно, немного перегнул палку. Хотя в конце концов все обошлось; Маннинга в этом году снова избрали в конгресс наряду с другими депутатами от военного сообщества. Была сделана попытка замарать его честь сплетней, что он якобы получает два жалованья за одну работу, но мы парировали это обвинение, выпустив памфлет под названием «Стыдитесь!», который разъяснил, что Маннинг получает *одно* жалованье за *две* разные работы. В таких случаях действует федеральный закон, и народу следует знать об этом.

Как раз перед Рождеством Маннинг впервые поделился со мной тем, насколько беспокоят его кое-какие возможные последствия технологии Карст — Обри. Он

вызвал меня в кабинет по какому-то вопросу, не относящемуся к этому делу, а потом почему-то медлил отпускать. Я видел, что ему надо выговориться.

— Каким количеством «пыли» *К-О* мы располагаем? — спросил он неожиданно.

— Что-то вроде десяти тысяч единиц, — ответил я. — Если надо, я через полминуты дам вам точную справку.

«Единица» — количество, достаточное для уничтожения тысячи человек при нормальной плотности расселения. Маннинг, конечно, знал все цифры не хуже меня, и я понимал, что он просто тянет резину.

Лаборатория почти незаметно перешла от осуществления чисто исследовательских функций к промышленному производству, что произошло исключительно по инициативе самого Маннинга и под его руководством. Маннинг ни разу не докладывал об этом в министерство, хотя я не исключаю, что устно он поставил в известность начальника штаба.

— Не стоит, — ответил он на мое предложение, а затем добавил: — Ты видел этих лошадей?

— Да, — ответил я коротко.

Говорить на эту тему настроения не было. Я люблю лошадей. Мы реквизировали шесть совершенно разбитых кляч, предназначавшихся для живодерни, и использовали их в качестве подопытных животных. Теперь мы знали, на что способна эта «пыль». После гибели лошадей, любая часть их тела вызывала потемнение фотографических пластинок, а ткань, взятая с верхушек легких и бронхов, светилась сама по себе.

Маннинг минуту или две постоял у окна, глядя на печальный мэрилендский пейзаж, прежде чем ответить мне.

— Джон, как бы я хотел, чтоб радиоактивность не была открыта! Понимаешь ли ты, что это за дьявольская штуковина?

— Ну что ж, — сказал я, — это оружие вроде отравляющих газов... только, пожалуй, более эффективное.

— Черта с два! — выкрикнул он, и на мгновение показалось, что он злится на меня лично. — Это все

равно что сравнивать шестнадцатидюймовую пушку с луком и стрелами. Мы впервые в мире получили оружие, против которого нет защиты, абсолютно никакой. Это сама смерть, доставленная наложенным платежом. Ты видел доклад Ридпата? — продолжал он.

Я не видел. Ридпат подавал свои доклады лично Маннингу в единственном рукописном экземпляре.

— Так вот, — сказал он, — с тех самых пор как мы стали производить эту дрянь, я бросил всех относительно свободных талантливых ученых на проблему защиты от радиоактивной пыли. Ридпат говорит, и я с ним согласен, что если она будет применена, то решительно никакие средства борьбы с ней не помогут.

— Ну а как насчет защитных «доспехов»? — спросил я.

— Конечно, конечно, — ответил он раздраженно. — Они срабатывают, но только в том случае, если ты никогда не будешь их снимать, чтоб поесть, или попить, или еще по какой-нибудь надобности до тех пор, пока радиоактивность не исчезнет сама по себе или ты не уберешься из зараженной зоны подальше. Все эти штуки годятся только для работы в лабораторных условиях. А я говорю о войне.

Я задумался.

— Все равно не вижу причин для беспокойства, полковник. Если эта пыль так эффективна, как вы говорите, значит, вы добились того, к чему стремились с самого начала — получили оружие, которое обеспечит Соединенным Штатам защиту от любой агрессии.

Маннинг круто повернулся ко мне.

— Джон, бывают минуты, когда мне кажется, что ты абсолютный болван.

Я не стал отвечать. Я знал Маннинга и знал, что иногда на его настроение не следует обращать внимания. Тот факт, что он позволил мне стать свидетелем своих истинных чувств, следовало рассматривать как наивысший комплимент, когда-либо мной полученный.

— Посмотри на дело с другой точки зрения, — продолжал он уже более спокойно. — Эта пыль как оружие вовсе не является чем-то гарантирующим Соединенным Штатам безопасность, скорее уж это заряженный пистолет, приставленный к виску каждого мужчины, женщины и ребенка в мире!

— Ну, — сказал я, — и что же? Это наш секрет и, значит, командуем парадом мы. Соединенные Штаты могут остановить и эту войну, и любую другую. Мы можем объявить Pax Americana* и силой навязать его кому захотим.

— Хм-м-м... твоими устами да мед бы пить. Только такое открытие недолго сможет оставаться единоличным секретом. На это никак нельзя рассчитывать. И тут дело не в том, чтобы хранить тайну пуще зеницы ока; ведь все, что нужно кому-то — это всего лишь намек, содержащийся в самой «пыли», а потом уж вопрос времени — когда именно и какая именно держава начнет производить ее промышленным путем. Работу мозга остановить нельзя, Джон; повторное открытие методики производства «пыли» логически неизбежно, как только люди узнают, что именно им следует искать. Уран — элемент широко известный, его залежи имеются во многих частях земного шара — не забывай об этом! Дело обстоит так: как только наша тайна перестанет быть тайной, а это случится, как только мы пустим «пыль» в ход, весь мир уподобится комнате, битком набитой мужиками, каждый из которых вооружен пистолетом сорок пятого калибра. Бежать из этой комнаты некуда, и жизнь каждого зависит исключительно от доброй воли остальных и еще от того, желают ли они оставаться в живых. Все готовы к нападению, и ни у кого нет от него защиты. Теперь понимаешь, что я имею в виду?

Я пораскинул мозгами, но уяснил, видимо, далеко не все сложности складывающейся ситуации. Мне казалось, что единственный выход заключается в том, что мы насильно установим мир, а также присвоим себе

---

* Американский мир, американская эра (*лат.*). (*Здесь и далее примеч. пер.*)

контроль над источниками снабжения ураном. Во мне глубоко сидело свойственное всем американцам убеждение, что наша страна никогда не воспользуется своим могуществом просто ради агрессии как таковой. Позже я вспомнил о войне с Мексикой, об испано-американской войне, а также о кое-каких наших авантюрах в Центральной Америке, и моя уверенность изрядно поколебалась...

Двумя неделями позже, сразу же после инаугурации, Маннинг приказал мне соединить его с начальником штаба. Я слышал только то, что говорил сам Маннинг.

— Нет, генерал, не могу, — говорил Маннинг, — я не стану обсуждать этот вопрос ни с вами, ни с госсекретарем. Это проблема, которую должен будет решать сам главнокомандующий. Если он не согласится, то необходимо, чтобы никто и никогда не узнал о ней. Это мое глубочайшее убеждение. Что такое? Я согласился принять назначение на мой нынешний пост только при условии, что мои руки будут развязаны, так что вам придется дать мне определенную свободу действий и в данном случае... Пожалуйста, не пытайтесь разыгрывать передо мной роль важной персоны, я вас знал еще курсантом военного училища... О'кей, о'кей, извините! Если военный министр не пожелает внять голосу разума, скажите ему, что я завтра же пересяду обратно в свое кресло в палате представителей... и получу нужную мне привилегию из рук лидера парламентского большинства... Ладно. Пока.

Вашингтон оказался на проводе примерно час спустя. Теперь это был военный министр. На этот раз Маннинг преимущественно слушал и помалкивал. Только в конце разговора он сказал:

— Все, что мне нужно — это тридцатиминутный разговор с глазу на глаз с президентом. Если разговора не получится, значит, не будет и никакого ущерба. Если же мне удастся уговорить его, тогда вы будете ознакомлены со всеми деталями... нет, сэр, я не хочу, чтобы вы снимали с себя ответственность. Я хочу

принести пользу... Прекрасно! Благодарю вас, господин министр.

В конце дня позвонили из Белого дома и назначили время аудиенции...

На следующий день мы отправились в федеральный округ; добираться пришлось под омерзительным ледяным дождем, который в любой момент мог обернуться гололедом. Скверная погода делала обычные пробки на улицах Вашингтона еще более частыми и продолжительными. Мы чуть не опоздали. Я слышал, как Маннинг бормотал себе под нос ругательства, пока мы ползли по Род-Айленд-авеню. Тем не менее за две минуты до назначенного нам времени мы выбрались из машины у дверей западного крыла Белого дома.

Маннинга ввели в Овальный кабинет почти сразу же, а я остался в одиночестве, стараясь не нервничать и постепенно привыкать к своей новой штатской одежде. После стольких месяцев ношения формы, костюм жал мне повсюду, включая даже те места, где это казалось просто невозможным.

Прошло тридцать минут.

Секретарь президента, ведающий приемом, вошел в кабинет и тут же выскочил оттуда как пробка. Он спешно шмыгнул во внешнюю приемную, и я услышал его голос: «...очень сожалею сенатор, но...» Потом он вернулся, сделал на какой-то бумаге пометку карандашом и передал ее посыльному.

Прошло два часа.

Наконец Маннинг появился в дверях, и секретарь слегка приободрился. Однако полковник, не переступая порога, обратился ко мне:

— Входи, Джон. Президент хочет поглядеть на тебя.

Я чуть не свалился, вылезая из кресла.

Маннинг произнес:

— Мистер президент, это капитан Дефриз.

Президент кивнул, я поклонился, не в силах вымолвить ни слова. Он стоял на прикаминном коврике, его красивое лицо было обращено к нам; он здорово сма-

хивал на свой собственный портрет, хотя мне показалось странным, что президент Соединенных Штатов так невысок ростом.

Раньше мне его видеть не приходилось, хотя, конечно, я кое-что знал о нем, в частности, о тех двух годах, когда он был сенатором, а еще раньше — мэром.

Президент сказал:

— Садитесь, Дефриз. Если хотите, курите. — А потом обратился к Маннингу: — Вы считаете, он справится?

— Думаю, придется рискнуть. Другого выбора у нас нет.

— Вы за него ручаетесь?

— Он возглавлял мою избирательную кампанию.

— Понятно.

Некоторое время президент молчал и, слава Богу, я — тоже, хотя чуть не лопался от желания знать, до чего они тут договорились. Наконец президент снова заговорил.

— Полковник Маннинг, я намереваюсь следовать предложенной вами процедуре с теми изменениями, которые мы уже обговорили. Но завтра я приеду к вам, чтобы увидеть собственными глазами, способна ли эта «пыль» производить то действие, которе вы мне обрисовали. Вы успеете подготовить эксперимент?

— Да, мистер президент.

— Хорошо, рассчитываем на капитана Дефриза, если я не придумаю лучшего варианта. — Тут я подумал, что они хотят превратить меня в подопытную морскую свинку, но президент поглядел на меня и продолжал: — Капитан, я намерен послать вас в Англию в качестве своего личного представителя.

Я подавился слюной.

— Согласен, мистер президент.

Вот и все слова, что я произнес за время своего визита к президенту Соединенных Штатов.

После визита Маннингу пришлось поделиться со мной всеми своими задумками. Я намерен изложить их как можно точнее, даже рискуя показаться скучным и

банальным и повторить вещи, которые являются общеизвестными.

Мы владели оружием, которое нельзя было отразить. Любой тип пыли *К-О*, разбросанный над какой-то территорией, означал, что она станет необитаемой на время, зависящее от длительности периода полураспада данного типа радиации.

Пауза. Точка.

После того как территория опылена, помочь ей ничем нельзя, пока радиоактивность не упадет до уровня, безопасного для здоровья. Пыль нельзя вымести: она вездесуща. Нет никакого способа противостоять ей — сжечь или заставить войти в химическую реакцию с другим веществом; радиоактивный изотоп оставался таким же радиоактивным и смертельным. Однажды попав на почву, он становился причиной того, что данный участок земли будет *не пригоден для любых форм жизни* в течение заранее определенного времени.

Пользоваться этим оружием бесконечно просто, не требуется никаких сложных бомб, не надо бить по «важным военным объектам». Доставьте пыль на высоту с помощью любого летательного аппарата, выберите позицию где-то поблизости от того района, который вы хотите стерилизовать, и сбрасывайте свой груз. Те, кто находится на зараженной территории, уже мертвецы — они умрут через час, через день, через неделю, через месяц... в зависимости от дозы облучения.

Маннинг сказал мне, что однажды ночью он вполне серьезно размышлял о разработке рекомендации, согласно которой любой человек, включая его самого, знакомый с технологией Карст — Обри должен быть уничтожен в интересах мировой цивилизации. Правда, на следующий день он понял, что это — сущая чушь: без сомнения, такая простая технология будет обязательно открыта повторно кем-нибудь еще.

Более того, не было смысла выжидать и воздерживаться от применения этого жуткого порошка, ибо кто-то другой непременно улучшит процесс его изготовления и пустит в ход. Единственный шанс не допустить превращения нашего мира в колоссальный морг заключается в том, чтобы мы использовали свое могущество первыми, чтобы оказаться наверху, стать хозя-

евами положения и удерживать свою позицию достаточно долго.

Формально мы в войне не участвовали, хотя по уши погрязли в ней, бросив свою силу на чашу весов в поддержку демократии еще в 1940 году. Маннинг предложил президенту вручить часть запаса «пыли» Великобритании на выработанных нами условиях и помочь ей таким образом форсировать наступление мира. Однако мирные условия будут определены Соединенными Штатами, так как своего секрета производства «пыли» мы не собирались передавать Великобритании.

Ну а потом... *Pax Americana*...

У Соединенных Штатов было достаточно сил, чтобы, хочешь не хочешь, установить его. Нам пришлось взять на себя эту роль и навязать миру мир, действуя безжалостно и свирепо, чтобы мир не был захвачен какой-нибудь другой державой. Допустить существование союзников по владению этим оружием было нельзя. Фактор времени приобретал решающее значение.

Меня выбрали в качестве человека, который будет на месте согласовывать отдельные частности с Великобританией, ибо Маннинг настоял, а президент с ним согласился, что все люди, знакомые с технической стороной процесса Карст — Обри, должны оставаться в лабораторной резервации, так сказать, на положении временно задержанных, а фактически — узников. В их число входил и сам Маннинг. Мне можно было ехать, так как я не обладал знанием тайны — потребовались бы многие годы учебы, чтобы я смог усвоить хотя бы основные принципы открытия; следовательно, и не мог выдать того, что сам не знал, даже под воздействием, скажем, наркотиков. Мы намеривались держать свой секрет под замком столько времени, сколько нужно, чтобы «Рах» стабилизировался; мы не то чтобы не доверяли своим английским собратьям, но не забывали, что они британцы и их лояльность принадлежит в первую очередь Британской империи, так что ни к чему было подвергать их соблазну.

Меня выбрали еще и потому, что я, хотя не понимал науки, понимал политическую подоплеку, а еще потому, что Маннинг мне доверял. Не знаю почему, но

президент тоже чувствовал ко мне доверие; возможно, потому, что сама по себе моя задача была не так уж сложна.

Мы взлетели с нового аэродрома в окрестностях Балтимора холодным сырым вечером, весьма подходившим к моему настроению. У меня тоскливо ныл желудок, текло из носа, а в нагрудном кармане застегнутого на все пуговицы кителя были спрятаны бумаги, подтверждающие мой статус специального представителя президента Соединенных Штатов. Это был удивительный документ, не имевший прецедента в прошлом; он не просто давал мне дипломатический иммунитет; он делал мою особу почти такой же священной, как персона самого президента.

Чтобы подзаправиться горючим, мы ненадолго сели в Новой Шотландии, агенты ФБР покинули самолет, мы снова взлетели, и канадские истребители дальнего действия присоседились к нашему самолету. Вся «пыль», которую мы передавали Англии, находилась в моей машине; если бы представителя президента сбили, вместе с ним на дно океана отправилась бы и «пыль».

Нет нужды рассказывать вам о перелете. Меня укачало, я чувствовал себя дико несчастным, несмотря на отличное поведение нашей машины и ее новых шести моторов. Наверняка точно так же себя ощущал бы палач, направляющийся к месту казни; я готов был молиться Богу, чтоб Он снова сделал меня мальчишкой, у которого нет никаких забот, кроме страха перед выступлением в дискуссионном кружке или соревнованиями по легкой атлетике.

Когда мы подлетали к Шотландии, я понял, что вокруг нас разыгралось небольшое сражение, но ничего не увидел, так как иллюминаторы салона были плотно зашторены. Наш пилот-капитан игнорировал бой и посадил свою машину на совершенно темный аэродром, пользуясь, я полагаю, лучом радара, хотя точно мне это не известно, да и, откровенно говоря, не очень-то интересовало. Затем огни снаружи зажглись, и я увидел, что мы находимся в подземном ангаре.

Из самолета я не вышел. Явился командующий, чтобы пригласить меня в свой дом в качестве гостя. Я решительно покачал головой.

— Я останусь тут, — сказал я. — Таков приказ. Вам надлежит рассматривать эту машину как часть территории Соединенных Штатов.

Мне показалось, что командующий готов вспылить, но он все же согласился на компромисс — поужинал со мной на корабле.

На следующий день сложилась еще более деликатная ситуация. Я получил распоряжение явиться на королевскую аудиенцию. Однако у меня были свои инструкции, и я их твердо придерживался. Я должен был, в буквальном смысле, сидеть на своем грузе «пыли» до тех пор, пока президент не скажет мне, как с ней поступить. Позднее в тот же день меня посетил некий член парламента — никто вслух не признался, что это был премьер-министр. Вместе с ним явился какой-то мистер Виндзор. Говорил преимущественно «член парламента», а я лишь отвечал на его вопросы. Другой гость по большей части молчал, а если и говорил, то медленно и с каким-то усилием. Однако о нем у меня сложилось очень благоприятное впечатление. Он показался мне человеком, несущим почти неподъемное для него бремя, но делающего это с гордым мужеством.

А потом начался самый томительный и, казалось, бесконечно долгий период моей жизни. Фактически он продолжался всего лишь немногим больше недели, но каждая ее минута походила на те невероятно насыщенные переживаниями мгновения, которые предшествуют неизбежной автомобильной катастрофе. Президент тянул время, стараясь избежать необходимости применить «пыль». Он провел две телевизионные встречи с новым фюрером. Президент свободно говорил по-немецки, что, казалось, должно было помочь делу. Он трижды обращался ко всем воюющим нациям, хотя сомнительно, чтобы на континенте его услышало много народу, учитывая те полицейские правила, которые там действовали в это время.

Для посла рейха организовали специальный показ результатов применения «пыли». Его прокатили на самолете над безлюдной полосой западной прерии, чтобы он убедился, что сделало единственное опыление со стадом бычков. Это должно было произвести на него впечатление, и полагаю, так оно и случилось — никто не мог бы остаться равнодушным после подобного зрелища; впрочем, какой доклад он отправил своему лидеру, мы так никогда и не узнали.

За этот период ожидания Британские острова неоднократно подвергались налетам вражеских бомбардировщиков, столь же мощным, как и в течение всей войны. Я находился в безопасности, но о бомбежках слышал и мог убедиться в том, как воздействовали они на моральный дух офицеров, с которыми мне приходилось иметь дело. Нет, бомбардировки их не пугали, напротив, они пробуждали в них ледяную ярость. Налеты нацеливались вовсе не исключительно на заводы и доки, скорее, они носили характер безжалостного уничтожения всего, что попадет под руку, даже мелких сельских поселков.

— Я не понимаю, чего вы, парни, волыните — жаловался мне комадир авиационного «крыла», — эти фрицы нуждаются только в одном — в солидной дозе своего излюбленного Schrecklichkeit* — урока, использующего все достижения их собственной арийской культуры!

Я покачал головой.

— Мы обязаны руководствоваться собственными правилами игры.

К этой теме командир больше не возвращался, но я хорошо понимал его истинные чувства и чувства его офицеров. У них был традиционный тост, такой же священный, как и тост за здоровье короля, — «Помни о Ковентри».

Наш президент потребовал, чтобы во время переговоров королевские ВВС не совершали вылетов на бомбежку, но английские бомбардировщики все равно были завалены работой — континент ночь за ночью буквально заливался дождем листовок, написанных нашими

---

* Устрашение (*нем.*).

собственными агитаторами и пропагандистами. Листовки, сброшенные во время первых рейдов, призывали граждан рейха положить конец бессмысленной бойне и обещали, что мирные условия не будут для них унизительны. Второй ливень пропагандистских материалов содержал фотографии погибшего стада бычков. Третий же был недвусмысленным предупреждением о необходимости немедленно покинуть города и держаться от них подальше.

По выражению Маннинга, мы трижды крикнули «Остановитесь!», прежде чем выстрелить. Не думаю, чтобы наш президент считал, будто это сработает, но мы были морально обязаны сделать все от нас зависящее.

Англичане дали мне телевизионную установку типа Симондса — Ярли, исключавшую возможность подслушивания, где сначала, для того чтобы установка вообще заработала, следовало включить прием, а уж тогда особое пусковое устройство само включало передатчик. Такое приспособление впервые в истории обеспечивало полную секретность сугубо важных дипломатических переговоров и было чрезвычайно полезно в кризисных ситуациях. Я привез с собой собственного техника из группы специалистов ФБР, который должен был обеспечить бесперебойную работу триггера и шифратора.

Как-то днем он позвал меня:

— Вашингтон вызывает!

Я устало вылез из самолета и спустился к кабинке, установленной в ангаре, гадая — не есть ли это очередная фальшивая тревога. На экране оказался сам президент. Губы у него были белее мела.

— Приступайте к выполнению полученных вами инструкций, мистер Дефриз.

— Слушаюсь, мистер президент.

Все детали процедуры были разработаны заранее, и, как только я получил от командующего расписку и символическую плату за «пыль», мои обязанности окончились. Однако по нашему настоянию англичане пригласили военных наблюдателей от каждой независимой

страны и от некоторых временных правительств оккупированных немцами стран. Посол Соединенных Штатов, по предложению Маннинга, сделал одним из этих наблюдателей меня.

Наша боевая группа состояла из тринадцати бомбардировщиков. Собственно для доставки к цели потребного количества «пыли» было вполне достаточно одного из них, но «пыль» разделили на небольшие доли, чтобы обеспечить поражение намеченных целей если не всем нашим грузом, то хотя бы большей частью его. Я привез «пыли» на сорок процентов больше, чем, по подсчетам Ридпата, требовалось для осуществления нашей нынешней миссии, и моя последняя обязанность состояла в том, чтобы удостовериться, что каждый контейнер с «пылью» попал на борт самолетов нашего авиаотряда. До сведения каждого наблюдателя была заранее доведена информация о том, как ничтожно мал вес пыли, которая будет задействована в данной операции.

Мы вылетели как только стемнело, поднялись на высоту 25 тысяч футов, дозаправились в воздухе и поднялись еще выше. Соединение разбилось на 13 групп и сквозь разреженную атмосферу устремилось к целям Центральной Европы. Бомбардировщики, на которых мы летели, были, насколько возможно, «раздеты», чтобы обеспечить максимум высоты и быстроты полета.

С других английских аэродромов, чуть раньше нас, в воздух поднялись еще несколько авиационных звеньев, чтобы отвлечь от нас внимание противника. Их цели были разбросаны по всей Германии; смысл этих действий заключался в том, чтобы создать в небе рейха переполох и дать нашим самолетам, выполнявшим жизненно важную задачу, возможность полностью избежать обнаружения, так как мы летели к тому же очень высоко — в стратосфере.

Все тринадцать бомбардировщиков, несущих груз «пыли», подлетели к Берлину с разных направлений, намереваясь пройти над городом по радиусам, подобно тому, как сходятся спицы в колесе. Ночь была ясной, что отвечало нашим целям, а низкая луна еще более облегчала действия авиации.

Берлин — город, который нетрудно обнаружить, поскольку по площади он превосходит любой другой

современный город и расположен на обширной аллювиальной равнине. Я увидел реку Шпрее, как только мы подлетели к ней, увидел и Хафель. Город был затемнен, но городская тьма сильно отличается от темноты сельской местности. Над городом во многих местах уже повисли на парашютах осветительные ракеты, показывая, что королевские ВВС поработали здесь до нас; зенитная артиллерия внизу тоже помогала определить нашу цель.

Ниже нас кипело воздушное сражение, но оно, насколько я мог судить, не поднималось выше уровня 15 тысяч футов, то есть высоты, на которой шли мы.

Пилот доложил капитану:

— Мы у цели.

Парень, следивший за показаниями альтиметра, уверенно установил нужную высоту на циферблатах детонаторов, встроенных в контейнеры. Все они были снабжены небольшими зарядами черного пороха, достаточно мощными, чтобы взорвать оболочку контейнера и выпустить в воздух «пыль», когда детонаторы получат соответствующую команду. Такой метод доставки был более эффективен, чем другие. Сама «пыль» дала бы тот же эффект, даже если б ее просто вытряхнули из бумажного пакета, но она не распределилась бы так равномерно по площади города.

Капитан склонился над штурманской консолью, его худое бледное лицо слегка нахмурилось.

— Первый готов! — откликнулся бомбардир.

— Пуск!

— Второй готов!

Капитан взглянул на свои часы.

— Пуск!

— Третий готов.

— Пуск!

Когда последний из десяти небольших контейнеров был сброшен с самолета, мы легли на курс домой.

Никакой подготовки к моему возвращению на родину сделано не было; об этом просто никто не подумал. А ведь именно этого я сейчас желал больше всего в

мире. Не то чтобы я себя плохо чувствовал; вернее сказать, я вообще ничего не ощущал. Я был похож на человека, который собрал в кулак все свое мужество и ждал, что ему сделают очень опасную операцию; теперь операция позади, а он из-за перенесенного шока все еще не может вымолвить ни слова, хотя его мозг уже начал работать. И я хотел одного — домой.

Английский командующий отнесся к этому с пониманием; он немедленно подготовил и снабдил командой мой самолет и дал мне эскорт для перелета через внебереговую зону боев. Весьма дорогостоящий способ отправки единственного пассажира, но кому до этого дело? Мы только что пожертвовали несколькими миллионами жизней в отчаянной попытке прикончить войну, так стоит ли говорить о деньгах? Даже командующий отдавал нужные распоряжения в состоянии некоторой растерянности.

Я принял двойную дозу нембутала и проснулся уже в Канаде. Пока обслуживали корабль, я попробовал получить хоть какую-нибудь информацию, но ее было на удивление мало. Правительство рейха выпустило лишь один официальный информационный бюллетень сразу после нашего рейда. Глумясь над разрекламированным «секретным оружием» британцев, бюллетень сообщал, что главная воздушная атака была нацелена на Берлин и еще на несколько крупных городов Германии. но самолеты были отогнаны и нанесенный ими ущерб ничтожен. Очередной «Лорд Гав-Гав»* начал произносить одну из своих исполненных сарказма речей, но так и не смог ее завершить. Диктор заявил, что у «Лорда» сердечный приступ, и запустил пластинку с какой-то патриотической музыкой. Вещание вырубилось на середине песни «Хорст Вессель». Наступила мертвая тишина.

В аэропорту Балтимора мне удалось получить армейский автомобиль и водителя, и мы развили совсем неплохую скорость на магистрали Аннаполис. Даже чуть не проскочили поворот к лаборатории.

---

* Такую кличку во время войны дали англичане обозревателям, выступавшим по немецкому радио с передачами на английском языке.

Маннинг был у себя в кабинете. Он поглядел на меня, когда я вошел, сказал каким-то бесцветным голосом: «Привет, Джон» — и снова опустил глаза к исчерканному чернилами блокноту. Потом опять принялся рассеянно выводить какие-то бессмысленные закорючки.

Я внимательно оглядел его и впервые понял, что шеф — старик. У него было серое оплывшее лицо. Глубокие морщины по обеим сторонам рта создавали на лице отчетливый треугольник. Одежда висела на нем, как на вешалке.

Я подошел и положил руку на его плечо.

— Не переживайте, шеф. Это не ваша вина. Мы предупреждали их до хрипоты.

Он снова взглянул на меня.

— Эстелла Карст покончила с собой сегодня утром.

Это мог бы предвидеть любой из нас, но никому не пришло в голову. Почему-то ее смерть поразила меня сильнее, чем гибель бесчисленных незнакомых людей в Берлине.

— Как она умерла?

— От «пыли». Вошла в упаковочную и сняла «доспехи».

Я представил себе ее с высоко поднятой головой и сверкающими глазами и с тем надменно сжатым ртом, который вытягивался в прямую линию, если люди делали нечто, ею не одобряемое. Маленькая старая женщина, у которой дело всей жизни обернулось против нее самой.

— Как жаль, — с трудом выговорил Маннинг, — что мне так и не удалось объяснить ей, почему мы *должны* были так поступить.

Мы похоронили ее в свинцовом гробу, а потом Маннинг и я отправились в Вашингтон.

Во время пребывания в Вашингтоне нам показали киноленты, запечатлевшие гибель Берлина. Вы их не видели; они так и не стали достоянием публики, но зато оказались весьма полезными для того, чтобы убедить все страны, что мир — совсем неплохая идея. Я видел их, когда они демонстрировались конгрессу — по-

лучил разрешение, поскольку был помощником Маннинга.

Съемки делались двумя пилотами королевских ВВС, которым удалось перехитрить Luftwaffe* и прорваться к Берлину. Первые кадры показывали какие-то главные улицы сразу же после того утра, когда состоялся наш рейд. Там, на этих снятых с помощью телеобъектива снимках, было видно не так уж много деталей — просто деловые, кишащие людьми улицы, но если вглядеться повнимательней, то можно заметить неожиданно большое число автомобильных аварий.

На второй день появились попытки эвакуировать город. Центральные кварталы Берлина были практически пусты, если не считать трупов и разбитых автомобилей, но улицы, ведущие к окраинам, были забиты людьми — преимущественно пешеходами, так как трамваи не ходили. Несчастные жители бежали куда глаза глядят, не зная, что смерть уже гнездится в их собственных телах. Самолет спикировал вниз, и фотограф, с помощью телеобъектива, в течение нескольких секунд показал лицо молодой женщины. Она смотрела в объектив горестным взглядом, который невозможно забыть, а потом споткнулась и рухнула на землю.

Надо думать, ее затоптали. Очень надеюсь, что это так: у одной из тех шести лошадей были точно такие же глаза, когда радиация начала сжигать ее внутренности.

Последняя лента показывала Берлин и дороги в его окрестностях, спустя примерно неделю после рейда. Город был мертв; в нем не было ни единого мужчины, ни женщины, ни ребенка, не было ни кошек, ни собак, ни голубей. Повсюду валялись трупы, но им не грозила опасность быть осквернеными крысами. Крыс тоже не было.

На дорогах в окрестностях Берлина царило безмолвие. На их обочинах, в кюветах, даже на самом полотне (только в меньшей степени), подобно кучкам золы, выкинутой из паровозных топок, валялись груды тел,

---

* *Здесь: воздушная оборона (нем.).*

бывших когда-то жителями столицы рейха. Впрочем, хватит рассусоливать это зрелище.

Что касается меня, то, если у меня и была когда-то душа, я потерял ее в том кинозале, а новой уж так и не удосужился приобрести.

Те два пилота, что сделали эти снимки, вскоре тоже умерли — общее длительное кумулятивное поражение организма «пылью», содержавшейся в воздухе Берлина. Если бы были приняты нужные меры предосторожности, этих смертей могло бы и не быть, но тогда еще сами англичане не были убеждены в необходимости соблюдения наших строгих правил безопасности.

Рейху потребовалась всего одна неделя, чтобы рухнуть. Возможно, дело затянулось бы и на больший срок, да новый фюрер отправился в Берлин на следующий же день после нашего рейда, чтобы доказать, что хвастовство англичан совершенно ни на чем не основано. Нет нужды перечислять все временные правительства Германии, которые сменяли друг друга в течение нескольких ближайших месяцев. Единственное, имевшее для нас значение, — это так называемое «реставрационное правительство», оно воспользовалось в качестве символа кузеном бывшего кайзера и запросило мира.

Вот тогда-то и начались наши неприятности.

Когда премьер-министр Великобритании объявил условия своего тайного соглашения с президентом, его заявление в парламенте было встречено молчанием, которое тут же перешло в вопли «Позор! Позор! В отставку!». Полагаю, это было неизбежно; Палата общин отражала дух народа, беспощадно терзаемого вот уже четыре года. Члены парламента посчитали необходимым навязать противнику такой мир, перед которым сам Версальский договор выглядел бы райским блаженством.

Вотум недоверия лишил премьр-министра права выбора. Спустя восемь часов король произнес тронную речь, нарушавшую все конституционные прецеденты, ибо она была написана отнюдь не премьер-министром.

В момент величайшего кризиса за все время его правления, глас короля прозвучал ясно и без всякой аффектации; он сумел внушить парламенту свою идею, и было создано коалиционное национальное правительство.

Не берусь утверждать, посмели бы мы опылить Лондон, чтобы навязать ему наши условия, или не посмели; Маннинг полагает, что мы пошли бы на это. Мне кажется, решение зависело бы от характера президента Соединенных Штатов, но достоверно мы этого никогда не узнаем, поскольку принимать решения не пришлось.

Перед Соединенными Штатами и в особенности перед их президентом стояли две неотложные проблемы. Во-первых, нам надлежало немедленно укрепить свое положение, используя временное преимущество, вытекавшее из обладания невероятно грозным оружием, для того чтобы подобное же оружие не смогло быть обращено против нас самих. Во-вторых, следовало разработать такие меры стабилизации американской внешней политики, которые позволили бы ей успешно справиться с задачей управления тем колоссальным могуществом, которое внезапно свалилось на нас.

Вторая задача была особенно трудной и важной. Если мы хотели установить относительно прочный мир, скажем, лет на сто или около того, используя монополию на столь грозное оружие, что никто даже помыслить не мог, чтобы напасть на нас, то было необходимо, чтобы политика, которую мы станем проводить, была бы куда более долговременной, чем жизнь сменяющих друг друга администраций. Впрочем, подробнее об этом потом...

Первой проблемой надлежало заняться немедленно — тут фактор времени играл решающую роль. Дело в том, что главная опасность проистекала из поразительной простоты самого оружия. Оно не требовало ничего, кроме летательных аппаратов для его доставки к цели и, разумеется, самой «пыли», которую быстро и легко мог получить любой, овладевший секретом процесса Карст — Обри и имевший доступ хотя бы к небольшому запасу урановой руды.

А сам процесс Карст — Обри был прост, и какой-нибудь независимый исследователь мог открыть его в

любой момент. Маннинг доложил президенту, что по мнению Ридпата, разделяемому самим Маннингом, любая радиационная лаборатория могла разработать сходную технологию за шесть недель, если она воспользуется теми выводами, которые можно сделать на основе берлинских событий; и, следовательно, еще за шесть недель такая лаборатория сумела бы произвести достаточно «пыли», чтобы вызвать самые страшные последствия.

Итак, девяносто дней! Девяносто дней, *и это при условии*, что работа начнется с нуля, что у них нет разработок, прошедших хотя бы половину пути, ведущего к достижению поставленной цели. Если да, тогда меньше девяноста дней, может быть, даже завтра...

К этому времени Маннинг неофициально уже стал членом кабинета. «Пылевой министр» — так его назвал президент в одну из своих редких минут хорошего настроения. Что касается меня, то что ж... Я тоже присутствовал на заседаниях кабинета. Поскольку я был единственным непрофессионалом и к тому же свидетелем всего спектакля от начала до конца, то президент хотел, чтоб я всегда был под рукой...

Человек я простой и лишь благодаря стечению совершенно невероятных обстоятельств вдруг оказался засунутым в совет правителей. Однако вскоре выяснилось, что правители тоже обыкновенные люди и нередко столь же малокомпетентные, как и я.

А вот Маннинг был человеком необыкновенным. Обычный здравый смысл в нем поднимался до уровня гениальности. О да, я знаю, что сейчас принято взваливать всю вину на него и обзывать его всяческими словами — от предателя до бешеной собаки. Но я и теперь считаю, что он был мудр и благожелателен. И наплевать мне на то, сколько этих историков, крепких задним умом, не согласны со мной.

— Я предлагаю, — сказал Маннинг, — начать с запрещения всем самолетам на земном шаре подниматься в воздух.

Министр торговли высоко поднял брови.

— Не начинаете ли вы, — сказал он, — давать волю своей фантазии, полковник Маннинг?

— Ни в коем случае, — резко возразил Маннинг, — я исхожу из реалистических предпосылок. Ключом к решению нашей проблемы является самолет. Без самолета «пыль» превращается в ничего не стоящее оружие. Единственная возможность, которую я вижу, чтобы выиграть время, необходимое для решения проблемы в целом, это посадить на землю все летательные аппараты и запретить ими пользоваться. Абсолютно все самолеты, то есть, конечно, кроме тех, которые находятся на вооружении армии Соединенных Штатов. После этого мы сможем заняться полным всемирным разоружением и выработкой надежных методов контроля.

— Но послушайте, — возопил министр, — уж не хотите ли вы предложить запретить функционирование коммерческих авиалиний? Это же важнейшая отрасль мировой экономики! Было бы полным идиотизмом пойти на такое!

— Быть убитым — еще больший идиотизм, — упрямо гнул свое Маннинг. — И я действительно предлагаю эту меру. Все самолеты. *Все!*

До сих пор президент внимательно слушал, но в дискуссию не вступал. Теперь же он вмешался:

— А как же те самолеты, от которых зависит сама жизнь некоторых групп населения? Как, к примеру, насчет авиалиний на Аляске?

— Если подобные обстоятельства существуют, самолеты должны быть переданы в эксплуатацию американским военным летчикам и американским военным же экипажам. Без всяких исключений.

Министр торговли выглядел совершенно ошеломленным.

— Могу ли я из этого ответа сделать вывод, что вы намерены распространить подобный запрет не только на другие страны, но и на *Соединенные Штаты*?

— Естественно.

— Но это же невозможно! Это противоречит конституции! Это нарушает гражданские права!

— Когда человека убивают, его гражданские права тоже нарушаются, — продолжал гнуть свое Маннинг.

— С этим у вас ничего не получится! Любой федеральный суд в нашей стране через пять минут с наслаждением притянет вас к ответу!

— Мне кажется, — медленно начал Маннинг, — что Энди Джефферсон создал нам неплохой прецедент на сей счет, когда посоветовал Джону Маршаллу отправиться подальше и развлечься запуском воздушных змеев. — Он не торопясь обвел глазами лица сидевших за столом, лица, выражение которых варьировалось от нерешительности до явной враждебности. — Проблема необычайно остра, джентльмены, и, пожалуй, нам лучше обсудить ее со всей откровенностью. Перед нами выбор — стать ли нам мертвецами, внешне сохранив порядок, конституционность и соблюдение буквы закона или же сделать то, что должно быть сделано, и остаться в живых, а уж после постараться привести все в соответствие с законами.

Маннинг замолк и спокойно ожидал, что же будет дальше.

Перчатку поднял министр труда.

— Не думаю, что полковник хоть в чем-то исходит из реального положения вещей. Мне кажется, что я тоже вижу эту проблему, и, должен признаться, она представляется мне в высшей степени серьезной. «Пыль» ни под каким видом не должна больше применяться. Если б я узнал о ее существовании хоть немножко раньше, она никогда бы не была использована в Берлине. И я согласен, что какая-то форма международного контроля должна быть обязательно разработана. Однако я полностью расхожусь с полковником в вопросе о методах. То, что он предлагает, есть военная диктатура, силой навязанная всему миру. Признайтесь, полковник! Разве не это вы предлагаете?

Маннинг не дрогнул.

— Именно это я и предлагаю.

— Ну, спасибо! Вот теперь все стало ясным! Я, например, не считаю демократические порядки и конституционные процедуры столь маловажными, что способен отбросить их прочь в любой момент, который сочту для этого подходящим. Для меня демократия есть нечто большее, нежели вещь, которую можно выбросить за ненадобностью; для меня это вопрос веры. Либо она спасет меня, либо я вместе с ней пойду на дно.

— И что же вы предлагаете? — спросил президент.

— Чтобы мы рассматривали данную ситуацию как предпосылку создания мирового демократического сообщества! Давайте используем наше нынешнее доминирующее положение и бросим клич всем народам Земли, чтоб они прислали своих представителей на конференцию по выработке Всемирной конституции.

— Лига наций, — услышал я чье-то бормотание.

— Нет, — откликнулся министр на эту реплику, — нет, вовсе не Лига наций. Прежняя Лига была беспомощной, ибо не имела ни опыта, ни сил. Она не обладала механизмом, который позволил бы ей проводить свои решения в жизнь; это был дискуссионный клуб, дешевка. Тут все будет иначе, ведь мы *передадим «пыль» в руки нового сообщества*!

На несколько минут воцарилось безмолвие. Просто можно было видеть, как они прокручивают эту мысль в своих умах, то сомневаясь, то в чем-то одобряя, заинтригованные, но еще не убежденные.

— Я хотел бы ответить на это, — нарушил молчание Маннинг.

— Валяйте, — разрешил президент.

— Обязательно. Я собираюсь изложить все самым доходчивым языком и надеюсь, министр труда окажет мне честь и поверит, что мной руководит только искренняя и глубокая заинтересованность в деле, а не желание одержать победу в эффектном словесном турнире.

Я считаю, что всемирная демократия была бы расчудесной штукой, и прошу вас верить мне, когда я говорю, что с радостью отдал бы свою жизнь ради достижения такой цели. А еще я думаю, как было бы прекрасно, если б лев улегся подремать рядом с ягненком. Только я почти уверен, что единственным восставшим ото сна был бы лев. Если мы хотим попытаться создать мировой демократический порядок, то, боюсь, в этом случае нам уготована роль ягненка.

Существует множество прекрасных и добрых людей, которые сейчас по своим взглядам являются интернационалистами. Из каждых десяти таких — девять слегка чокнутые, а десятый — просто олух. Если

мы создадим мировую демократию, то на какой избирательный корпус она будет опираться? Давайте проанализируем факты: четыреста миллионов китайцев, у которых такое же представление о процедуре выборов и о гражданской ответственности, как у блохи; триста миллионов индийцев, обладающих в данной области ничуть не большим образовательным уровнем; один Бог знает, сколько миллионов в Евразийском Союзе, верящих опять же Бог знает во что; весь африканский континент, который вряд ли можно назвать даже полуцивилизованным; восемьдесят миллионов японцев, твердо убежденных в своем божественном праве на руководство миром; наши испано-американские друзья, которые то ли будут с нами, то ли ополчатся против нас, но которые относятся к Биллю о правах совершенно иначе, чем мы; четверть миллиарда человек, принадлежащих к дюжине европейских наций, сердца которых наполняет черная ненависть и жажда мести.

Нет, ничего хорошего не выйдет. Нелепо даже говорить о мировой демократии в течение многих и многих лет, ожидающих нас впереди. Если вы откроете тайну радиоктивной «пыли» такой компании, вы вручите миру оружие для самоубийства.

Ларнер ответил ему с ходу:

— Я мог бы опровергнуть многое из сказанного вами, но не стану этого делать. Если говорить прямо, то я вижу, в чем тут дело. Ваша беда, полковник, в том, что вы профессиональный военный и не верите в народ. Солдаты могут приносить пользу в определенных ситуациях, но все равно — худшие из них — тупые солдафоны, а лучшие — почему-то нередко мнят себя прирожденными воспитателями...

Все прочее было выдержано примерно в том же духе.

Маннинг спокойно ждал, когда придет его черед отвечать.

— Может быть, я и есть то самое, о чем вы говорили, но вы ничего не возразили по существу моей аргументации. *Что вы собираетесь сделать с сотнями миллионов людей, у которых нет ни демократических традиций, ни любви к демократии?* Да, возможно, моя концепция демократии отличается от вашей, но я твер-

до знаю вот что: здесь, на западе, есть пара сотен тысяч избирателей, пославших меня в конгресс; и я не намерен стоять в стороне и спокойно смотреть, как прокладывается курс, который неизбежно приведет к их гибели или к полному краху. Вот наше вероятное будущее, которое мне видится в случае, если будет реализовано расщепление атомного ядра и начнет развиваться производство смертельно опасных радиоактивных искусственных веществ. Какая-то страна в скором времени создаст у себя запасы радиоактивной «пыли». Она нанесет нам удар первой, чтобы поставить нас на колени и развязать себе руки. В один прекрасный день будут уничтожены Нью-Йорк и Вашингтон, а затем и все наши главные промышленные зоны, и вся страна окажется экономически и политически дезорганизованной. Но в этих городах не будет нашей армии; у нас сохранится воздушный флот и запас «пыли», спрятанный где-то там, куда не достанет вражеская бомбежка. Наши ребята отважно и с полным правом начнут уничтожать города напавшей на нас страны. Так и будет раскачиваться этот маятник, пока оба государства не ослабнут настолько, что уже не смогут поддерживать тот высокий уровень индустриального развития, который нужен, чтоб строить самолеты и производить «пыль». В результате начнется голод и эпидемии опаснейших болезней. Детали можете дорисовать сами.

А потом в игру вступят другие страны. Конечно, это будет самоубийственная глупость, но, чтобы вступить в драку, больших мозгов не надо. Для этого нужны всего-навсего крохотная группа, рвущаяся к власти, несколько самолетов и маленький запас порошка. *Это тот порочный круг, который невозможно разорвать, пока вся планета не опустится ниже того уровня развития экономики, который нужен, чтобы поддерживать технологию, необходимую для своего дальнейшего функционирования.* По моим расчетам, такая точка может быть достигнута к тому времени, когда три четверти населения земли уже вымрут от «пыли», болезней и голода, а культура упадет до уровня деревенско-земледельческой. Так где же окажется ваша конституция и ваш Билль о правах, если вы дадите такому свершиться?

Я передаю все это в весьма сокращенном виде, но смысл был именно таков. Считаю безнадежной попытку запоминать каждое слово в этих спорах, длившихся несколько дней.

Следующим за Маннингом принялся дискутировать министр военно-морского флота:

— А вам не кажется, что вы несколько склонны к истерике, полковник? В конце концов, наш мир повидал немало видов вооружения, которые должны были сделать войну неизбежной и такой кровавой, что о ней даже подумать страшно. Отравляющие газы, танки, самолеты, даже, если не ошибаюсь, огнестрельное оружие...

Маннинг криво усмехнулся.

— Вы это тонко подметили, господин министр. «И когда волк действительно пришел, мальчик напрасно звал на помощь». Могу представить себе торговую палату Помпеи, противопоставляющую столь же логичные аргументы какому-нибудь древнему вулканологу, такому осторожному, что он испытывал недоверие даже к Везувию. Попробую доказать оправданность моих опасений. «Пыль» отличается от более ранних видов оружия как своей смертоносностью, так и легкостью применения, но особенно тем, что нам не удалось разработать никаких средств защиты от нее. По ряду веских технических причин я сомневаюсь, что это будет когда-либо сделано; во всяком случае, в нашем столетии это в высшей степени мало вероятно.

— А почему?

— Потому что радиации невозможно противодействовать, если вы не установите между собой и ею свинцовую преграду; к тому же эта преграда должна быть *воздухонепроницаемой*. Люди смогут выжить только в герметически закрытых подземных городах, но в этих условиях наша специфическая американская культура вряд ли имеет шанс сохраниться.

— Полковник Маннинг, — вступил в разговор государственный секретарь, — мне кажется, вы проглядели весьма очевидную альтернативу.

— Вот как?

— Да. Надо удержать «пыль» в тайне, продолжать идти своим путем и предоставить остальному миру

заботиться о своих делах. Это единственная программа, которая опирается на наши национальные традиции.

Государственный секретарь был настоящим джентльменом старой школы, но новые мысли он усваивал с некоторым трудом.

— Мистер секретарь, — почтительно возразил Маннинг, — мне тоже хотелось бы занять позицию невмешательства в чужие дела. Да, я очень хотел бы этого. Но, по твердому убеждению всех экспертов, нам не удастся удержать контроль над этой тайной, иначе как применяя жесткие полицейские меры. Немцы и раньше чуть ли не наступали нам на пятки в области атомной физики; только по счастливой случайности нам удалось стать первыми. И я прошу вас подумать о Германии, о той Германии, какой она станет год спустя — обладательницей солидного запаса «пыли».

Секретарь ничего не ответил, но я видел, как его губы беззвучно произнесли слово «Берлин».

И все началось по новой. Президент умышленно предоставил Маннингу честь нести на своих плечах основную тяжесть дискуссии, сохраняя весь запас своей спокойной доброжелательности для умиротворения особо ожесточенных противников. Он решил не передавать дело на обсуждение конгресса, так как самолеты-опылители окажутся над нашими головами задолго до того, как все сенаторы успеют высказать свои соображения по данной проблеме. То, что он собирался сделать, возможно, и не вполне соответствовало конституции, но если ему не удалось бы осуществить это, то в скором времени от самой конституции не осталось бы и следа. Тем более что имелись прецеденты — объявление независимости, доктрина Монро, «Луизианская покупка», отмена «хабеас корпус»* во время Гражданской войны, соглашение о соотношении морских флотов.

Двадцать второго февраля президент ввел на всей территории страны чрезвычайное положение и отправил «Прокламацию мира» главам всех суверенных государств. Если очистить ее от всякой дипломатической шелухи, то она гласила: *Соединенные Штаты обладают возможностью нанести сокрушительное пораже-*

---

* Закон о неприкосновенности личности (1679 г.).

ние любой державе или любому союзу держав. В соответствии с этим, мы объявляем войну вне закона и призываем все страны полностью разоружиться. Попросту говоря: «Бросай оружие, ребята! Мы держим вас на мушке».

В приложении формулировалась следующая процедура: все самолеты, способные пересечь Атлантику, должны быть в недельный срок перегнаны на аэродром, точнее, на огромный степной участок, выделенный к западу от Форт-Райли в Канзасе. Для машин меньшего радиуса действия в качестве сборных пунктов отводилась территория вблизи Шанхая и в Уэльсе. Меморандум в отношении прочего военного оборудования должен появиться позже. Уран и его руды даже не были упомянуты; это оставлялось «на потом».

И никаких послаблений. Отказ от разоружения будет расцениваться как акт войны против Соединенных Штатов.

В сенате не случилось ни единого апоплексического удара. Почему — понять не могу.

Только три страны были по-настоящему задеты подобным разворотом событий — Англия, Япония и Евразийский Союз. Англия была предупреждена заранее; как-никак мы вытащили ее из войны, которую она уже проигрывала, так что она, а вернее, люди, стоявшие у власти, великолепно знали, что мы можем сделать с ними и что наверняка сделаем в случае необходимости.

Другое дело Япония. Японцы не видели Берлина и даже абсолютно не верили в то, что там действительно что-то произошло. Кроме того, они так долго убеждали друг друга в своей непобедимости, что в конце концов сами полностью уверовали в нее. Слишком крутой и быстрый нажим на японцев не мог дать ожидаемых результатов, так как они скорее умрут, нежели согласятся потерять лицо. Поэтому переговоры с ними велись в исключительно вежливых тонах, но наш флот уже находился на полпути от Перл-Харбор к Кобе, снабженный таким количеством «пыли», чтобы можно было полностью «стерилизовать» шесть самых больших

городов страны еще до конца переговоров. А знаете, что сработало лучше всего? До газетчиков так ведь и не дошло, что главным оказалась стилистика текста листовок, которые мы намеривались сбросить, прежде чем приступить к применению «пыли».

Император с удовольствием лично провозгласил наступление Нового Мирового Порядка. По официальной версии, запущенной только для внутреннего употребления, это был результат тесного сотрудничества двух великих дружественных держав, причем инициатива принадлежала самой Японии.

Что касается Евразийского Союза, то он был настоящей загадкой. После неожиданной смерти Сталина в 1941 году*, ни одна из стран Запада не знала хорошенько, что же там происходит.

Наши собственные дипломатические отношения с ним почти атрофировались благодаря тому, что нам не удалось заменить там своих дипломатов, отозванных почти четыре года назад. Всем, конечно, было известно, что стоявшая у власти новая клика именовала себя Пятым Интернационалом, но что это означало, никто толком не знал, если исключить отказ от привычки всюду вывешивать портреты Ленина и Сталина.

Однако Союз согласился на наши условия и предложил сотрудничество по всем линиям, их руководство подчеркивало, что Союз никогда не принадлежал к числу агрессоров и благодаря этому не принимал участия в последней мировой схватке. Их устраивает, что две оставшиеся великие державы используют свое могущество для обеспечения прочного мира.

Я был в восторге; дело в том, что Евразийский Союз меня всегда очень беспокоил.

Союз спешно обеспечил доставку части своих малых самолетов на сборный пункт вблизи Шанхая. Доклады о количестве и качестве этих машин, видимо, должны были показать, что Союз не без причины не участвовал в войне: самолеты были преимущественно германского производства и в очень плохом состоянии — эти модели Германия сняла с производства еще в самом начале войны.

---

* Рассказ написан до 1941 г., и тогда именно так сработала фантазия автора.

Маннинг отправился на Запад, чтобы проверить некоторые детали, касавшиеся задачи по выведению из строя самых больших трансокеанских самолетов, сконцентрированных возле Форт-Райли. Мы планировали опрыскать их нефтью, а потом опылить с небольшой высоты, как это делается при обработке полей гербицидами, причем «пыль» должна иметь малую концентрацию и полураспад, равный году. После этого о самолетах можно надолго забыть и на досуге заняться другими делами.

Однако тут были свои трудности. Нельзя было допустить, чтобы «пыль» проникла в Канзас-Сити, Линкольн, Уичито, то есть в любой из ближних больших городов. Население маленьких городишек вокруг следовало временно эвакуировать. На всех направлениях нужно было создать опытные станции, которые вели бы тщательное наблюдение за поведением «пыли». Маннинг считал себя персонально ответственным за то, чтобы не допустить ни единого случая облучения среди здешнего населения.

Мы облетели сборочный пункт для самолетов, прежде чем сесть в Форт-Райли. Я увидел три больших аэродромных поля, на которых в спешке велись работы по выравниванию почвы. Посадочные полосы в ярком солнечном свете казались белыми — бетон, затвердевший за 24 часа, еще не успел загрязниться. Вокруг каждого аэродрома находились десятки парковочных стоянок, где землянные работы велись менее тщательно. На некоторых из них еще продолжали трудиться тракторы и бульдозеры. На самых восточных аэродромах уже разместились германские и английские самолеты, стоявшие тесно крылом к крылу, как стоят только самолеты на взлетных палубах авианосцев; разница была лишь в том, что некоторые машины все еще буксировались на место; крохотные тракторы выглядели с высоты мурашами, которые тащат травинки размером намного больше их самих.

Из Евразийского Союза прибыли только три «летающих крепости». Представители Союза испросили небольшую отсрочку, для того чтобы успеть доставить на свои аэродромы нужное количество высокооктанового топлива. Они заявили, что запасы топлива, способного

обеспечить безопасность длительного перелета через Арктику, у них ограничены. Проверить справедливость их утверждений мы не могли, а потому согласились на отсрочку, пока не будет подвезено горючее из Англии.

Мы уже готовились к отлету, Маннинг был вполне удовлетворен мерами обеспечения безопасности, но тут пришла депеша, сообщавшая, что еще до наступления вечера к месту парковки ожидается прибытие «крыла» евразийских бомбардировщиков. Маннинг захотел дождаться их прилета, и нам пришлось прождать около четырех часов. Когда наконец сообщили, что наши истребители встретили евразийские бомбардировщики на канадской границе, Маннинг почему-то вдруг заметно занервничал и заявил, что намерен наблюдать за их посадкой с воздуха. Мы взлетели, набрали высоту и стали ждать.

В «крыле» бомбардировщиков было девять, они шли эшелонированной колонной и были так огромны, что наши крохотные истребители рядом с ними казались почти невидимками. Бомбардировщики сделали круг над аэродромом, и я подивился их гордому достоинству, когда пилот Маннинга — лейтенант Рафферти — вдруг воскликнул:

— Какого черта! Они, кажется, собираются садиться по ветру!

До меня еще ничего не дошло, но Маннинг крикнул второму пилоту:

— Соедини меня с аэродромом!

Тот повозился со своей аппаратурой и объявил:

— Аэродром на линии, сэр.

— Общая тревога! Всем надеть «доспехи»!

Мы, естественно, не слышали сирен, но я видел, как белые плюмажи появились из большого парового свистка на крыше административного здания — три долгих гудка, а потом три коротких. И мне показалось, что почти в то же мгновение выплыло первое облако из евразийского бомбардировщика.

Вместо того чтобы приземлиться, бомбардировщики прошли на небольшой высоте над сборным пунктом, забитым машинами со всего земного шара. Каждый эшелон выбрал одну из трех групп стоянок, расположенных вокруг аэродромов, и струи тяжелого коричне-

вого дыма пролились из брюха евразийских кораблей. Я видел, как крохотная фигурка соскочила с трактора и опрометью помчалась к ближайшему зданию. Затем дымовая пелена укрыла все поле.

— Есть ли еще контакт с аэродромом? — спросил Маннинг.

— Да, сэр.

— Переключитесь на главного инженера по безопасности. Быстро!

Штурман включил усилитель, чтобы Маннинг мог разговаривать напрямую.

— Сондерс? Говорит Маннинг. Что у вас происходит?

— Пыль радиоактивная, сэр. Интенсивность семь, запятая, четыре.

Они полностью воспроизвели технологию Карст — Обри!

Маннинг отключился и отдал распоряжение аэродромному отделу связи немедленно соединить его с начальником штаба. Последовало истерзавшее нас долгое ожидание, так как сначала нужно было получить Канзас-Сити, а там уговаривать какую-то местную шишку на ровном месте, чтоб она дала распоряжение на время реквизировать междугородную линию, находившуюся в частном коммерческом пользовании. Но все же нам удалось пробиться, и Маннинг доложил обстановку.

Я слышал, как он говорил:

— Вполне вероятно, что другие авиасоединения уже сейчас на подходе к нашей границе... Нью-Йорк и, конечно, Вашингтон... возможно, еще Детройт и Чикаго... остается только гадать...

Начальник штаба закончил разговор без всяких комментариев. Я знал, что американские военно-воздушные силы, уже несколько недель находившиеся в режиме боевой тревоги, через несколько секунд получат приказ и поднимутся в воздух, чтобы встретить и сбить агрессоров, если возможно, еще до того, как те подлетят к намеченным городам.

Я снова оглядел поле боя. Стройный порядок вражеских эшелонов нарушился. Один из евразийских бомбардировщиков был сбит и рухнул на землю в полумиле от аэродрома. Пока я смотрел, один из наших ма-

леньких пикирующих бомбардировщиков с жутким визгом ринулся на евразийского гиганта и обрушил на него свои бомбы. Они, видно, попали куда надо, но американский летчик позволил себе подойти к цели слишком близко, не успел отвернуть машину в сторону и погиб даже раньше своей жертвы.

Нет смысла повторять газетную болтовню насчет «Четырехдневной войны». Важно то, что мы могли ее запросто проиграть, если бы не совершенно уникальное сочетание удачи, предусмотрительности и хорошего управления. Очевидно, физики-ядерщики Евразийского Союза продвинулись в своих разработках почти столь же далеко, как и группа Ридпата, а берлинская катастрофа дала им ключ к тому, что надо было делать дальше. Но мы принудили их спешить, заставили предпринять действия еще до того, как они успели подготовиться как следует, заставили своей «Прокламацией мира», которая установила очень жесткие сроки окончательного разоружения.

Если бы президент пошел на то, чтобы дожидаться, пока окончится драка с конгрессом, прежде чем обнародовать свою «Прокламацию», то Соединенные Штаты почти наверняка перестали бы существовать.

Заслуга Маннинга в этом деле никогда не была публично признана, но мне совершенно ясно, что он предвидел возможность чего-то вроде «Четырехдневной войны» и приготовился к ней, разработав с дюжину разных хитрых ходов. Я не имею в виду военные приготовления; этим армия и флот занимались сами. Но то, что конгресс именно в это время оказался распущенным на каникулы, отнюдь не было случайностью. Я в какой-то степени сам причастен к торговле голосами и компромиссным сделкам, которые содействовали этому, так что знаю, о чем говорю.

И я спрашиваю вас: неужели полковник стал бы проделывать все эти хитроумные маневры, имевшие целью удалить конгресс из Вашингтона на то время, когда, по его мнению, Вашингтону угрожала опасность атаки, если бы он действительно обладал диктаторскими амбициями?

Разумеется, именно президент стоял за этим распоряжением о десятидневных каникулах, которые получили почти все чиновники Вашингтона, и, надо думать, он же лично принял решение о своей поездке по южным штатам в те же самые дни, но, несомненно, именно Маннинг вложил ему в голову идею о необходимости подобных мер. Невозможно допустить, чтобы президент покинул столицу только для того, чтоб избежать опасности, угрожавшей ему лично.

И еще эта история с паникой из-за чумы. Не знаю, как и когда Маннинг начал действовать в данном направлении — в моих записных книжках об этом нет ни слова, но я просто не могу поверить, что абсолютно ни на чем не основанные слухи насчет эпидемии бубонной чумы могли заставить Нью-Йорк превратиться в полупустыню как раз ко времени налета евразийских бомбардировщиков.

Хотя даже в этом случае мы потеряли более восьмисот тысяч жизней только в одном Манхэттене.

Конечно, вину за потерянные жизни возложили на правительство, и газеты были беспощадны в своей критике его неспособности предвидеть будущее и провести организованно эвакуацию населения вообще всех крупных городов.

Но почему, если Маннинг предвидел неприятности, он не потребовал эвакуации?

Что ж, насколько я понимаю, это случилось вот по какой причине.

Большой город не будет эвакуирован и никогда не был эвакуирован с помощью апелляций к разуму. Масштабы эвакуации лондонского населения были, как известно, весьма невелики, а мы сами потерпели неудачу в попытке вызвать массовый исход берлинцев. Жители Нью-Йорка еще в 1940 году пришли к выводу о вероятности воздушных налетов на свой город и с тех пор успели свыкнуться с этой мыслью.

Однако страх перед распространившейся опасностью эпидемии чумы вызвал самый массовый исход населения, который когда-либо видели огромные города.

И не забывайте о том, что мы сами сделали с Владивостоком, Иркутском и Москвой, а ведь там тоже жили люди, которые ни в чем не виноваты. Война — гнуснейшая штука.

Я уже говорил, что какую-то роль в нашей судьбе сыграла и удача. Навигационная ошибка привела к тому, что один из наших самолетов опылил не Москву, а Рязань, но эта ошибка вывела из строя лабораторию и завод, которые были единственными производителями боевых радиоактивных веществ в Евразийском Союзе. А предположим, что все случилось бы наоборот, что один из евразийских самолетов, атаковавших Вашингтон, округ Колумбия, по ошибке «захватил» бы завод Ридпата, находившийся в сорока пяти милях от столицы — уже в пределах штата Мэриленд?

Конгресс собрался вновь уже во временной столице — Сан-Луисе, и Миротворческая американская экспедиция принялась вырывать клыки у Евразийского Союза. Это не была военная оккупация в полном смысле слова; у нее были две главные цели: обнаружить и опылить все самолеты, все авиационные заводы и аэродромы и отыскать и опылить все радиационные лаборатории, источники получения урана, жилы карнотита и урановой смолки. Никаких попыток изменить состав правительства или заменить его не предпринималось.

Мы прибегли к «пыли» с двухлетним периодом полураспада, что дало нам передышку, достаточную для того, чтобы успеть укрепить свое положение. Информаторам было предложено весьма щедрое вознаграждение, а, как известно, этот прием действует безотказно не только в Евразийском Союзе, но и в подавляющем большинстве других регионов мира.

«Соглядатай» — прибор для вынюхивания радиации, основанный на принципе электроскопии и существенно модернизированный инженерами Ридпата, сильно упростил дело поисков урана и урановых руд. Нужное число «соглядатаев», расположенных так, чтобы они образовывали как бы сетку на подозрительной территории, могло обнаружить даже малое количество урана столь же легко, как локатор обнаруживает тайный передатчик.

Однако, несмотря на отменную работу генерала Булфинча и Миротворческой экспедиции в целом, именно ошибочная бомбежка Рязани помогла завершить указанные выше работы в самые сжатые сроки.

Если кого-то заинтересуют детали миротворческой деятельности, осуществленной в 1945 — 1946 годах, ему следует обратиться к «Материалам Американского Фонда Социальных Исследований», где опубликована статья, озаглавленная «Результаты проведения американской миротворческой политики с февраля 1945 года». На практике решение проблемы полицейского контроля над вооружениями во всем мире поставило Соединенные Штаты перед еще более важной задачей — задачей усовершенствования политики, способной навсегда исключить переход смертоносного оружия в дурные руки.

Эту задачу сформулировать столь же непросто, как задачу трансформации круга в квадрат, а решить ее и вовсе невозможно. И Маннинг, и президент верили, что Соединенные Штаты, по определению, должны оставаться средоточием могущества на все время, пока не будет создан какой-то постоянный орган, которому можно будет передать эти функции. Вся трудность, конечно, заключалась в том, что внешняя политика находится одновременно под контролем президента и конгресса. На наше счастье в то время мы имели и хорошего президента и адекватный ему конгресс, но ведь не было никакой гарантии, что такое положение сохранится и в будущем. В свое время у нас бывали и никуда негодные президенты, и рвущиеся к власти конгрессмены. О да — были! Почитайте хотя бы историю Мексиканской войны.

Мы стояли на пороге того, чтобы вручить будущим правительствам Соединенных Штатов силу, которая способна превратить весь земной шар в Империю, в *нашу* Империю. И по трезвой оценке президента, наша весьма специфическая и обожаемая демократическая культура никак не могла бы устоять перед подобным соблазном. Империализм разлагает и угнетателя и угнетаемых.

Президент твердо решил, что наша столь внезапно обретенная мощь должна использоваться впредь лишь в самых ограниченных рамках, обеспечивающих поддержание мира во всем мире, то есть только для самой благородной цели — исключить возможность возникновения новых войн и больше ни для чего. Она не должна была применяться ни для защиты американских инвестиций за рубежом, ни для навязывания выгодных

торговых соглашений словом, ни для чего, кроме сдерживания массовых убийств.

Социология не наука. Возможно, когда-нибудь она и станет наукой, если, например, точная физика породит доскональное знание коллоидной химии, а это, в свою очередь, даст полное понимание биологии, а там уж и дефинитивной психологии. Когда это произойдет, мы, может быть, и начнем разбираться в социологии и политике. Возможно, так оно и случится, но уж никак не раньше пятитысячного года нашей эры, если допустить, что человеческая раса не совершит самоубийства задолго до этого.

А пока нам нужно опираться только на здравый смысл, на правило правой руки, да еще на интуитивное понимание вероятности. Маннинг и президент действовали практически наугад.

Договоры с Великобританией, Германией и Евразийским Союзом, согласно которым мы брали на себя ответственность за поддержание мира во всем мире и в то же время гарантировали право этих народов противиться в случае, если мы совершим серьезные ошибки в применении своих вооруженных сил, были спешно заключены в период расцвета дружелюбия и доверия, наступивший сразу же после окончания «Четырехдневной войны». Мы следовали прецедентам, типа соглашений о Панамском канале, Суэцком канале и о предоставлении независимости Филиппинам.

Подо всем этим скрывалась главная цель — заставить будущие правительства Соединенных Штатов неукоснительно проводить доброжелательную политику по отношению к другим странам.

Для обеспечения действия указанных договоров был принят закон о создании Комитета Мировой Безопасности, после чего полковник Маннинг стал комиссаром Маннингом с пожизненным пребыванием на этом посту и с поручением подобрать других членов Комитета, каковые обязаны быть несменяемы, неподкупны и свободны от всякого внешнего давления, подобно членам Верховного суда Соединенных Штатов. Поскольку договоры предполагали наличие взаимного доверия, Комитет формировался не обязательно из одних американских граждан, и клятва, которую давали его члены,

требовала от них, чтобы они заботились о поддержании мира на земле.

Провести эту статью через конгресс было нелегко. Ведь прежде клятвы такого рода приносились лишь в верности Конституции Соединенных Штатов.

И тем не менее Комитет был создан. Он взял на себя заботу об авиационном парке земного шара, провозгласил свой контроль над радиоактивными материалами, естественными и искусственными, и принялся осуществлять весьма непростую задачу по организации Патрульной службы охраны мира.

Маннингу патруль виделся как международные полицейские силы, как своего рода полицейская аристократия, которой, благодаря тщательному отбору и специальному обучению, можно будет доверить безграничную власть над жизнью любого человека от мала до велика, проживающего на нашей планете. Ибо власть и мощь патруля *будут действительно безграничны*; необходимость спасти мир от возможности, что страшное и непобедимое оружие вырвется из-под контроля, аксиоматично требовала, чтобы гаранты безопасности были облечены такой властью, которая, по определению, может считаться почти Божественной. Ведь не будет *никого*, кто мог бы контролировать или направлять действия этих самодостаточных хранителей. Их личностные характеристики и поголовная слежка друг за другом — вот все, что будет стоять преградой между человеческой расой и ее полным уничтожением.

Впервые в истории высшая политическая сила должна была действовать без механизма корректировки и сбалансирования извне. Маннинг попытался усовершенствовать эту власть, но его не покидало щемящее подсознательное чувство того, что сделать это не под силу человеческой природе.

Состав Комитета пополнялся очень медленно, имена будущих его членов сообщались сенату лишь после долгого обсуждения каждой кандидатуры Маннингом и президентом. Директор Красного Креста, маленький никому не известный историк из Швейцарии и доктор Игорь Римский, который независимо от ученых лабора-

тории Карст — Обри разработал технологию получения «пыли», а потом уже после «опыления» Москвы обнаруженный американской полицейской службой в тюремной камере — вот эти трое были единственными иностранцами в его составе. Остальные имена вам хорошо известны.

Ридпат и его лаборатория, естественно, превратились в группу технических советников Комитета; из армейских и флотских летчиков набрали первых патрульных. Далеко не все из наличного летного состава годились для этой цели; их биографии подвергались тщательному изучению, их привычки и круг знакомых скрупулезно проверялись, их умственная деятельность, их эмоциональный настрой были протестированы с применением самых современных методов психологического анализа, хоть эти методы сами по себе были не так уж надежны. Окончательное решение о зачислении в патруль зависело от двух личных собеседований — одного с Маннингом, другого — с президентом.

Маннинг сказал мне, что больше всего он доверяет президентскому впечатлению о характере будущих патрульных, даже больше чем ассоциативным и прочим проверочным тестам, изобретенным психологами. У него чутье, как у гончей, говорил он, за свои сорок лет работы в сфере практической политики он встречал больше жуликов, чем мы с тобой, вместе взятые, увидим за всю жизнь, и каждый из них пытался ему что-то всучить. Да он их на ощупь в темноте опознает.

План на дальнюю перспективу включал также открытие училищ для подготовки кадетов-патрульных, училищ, куда принимались бы юноши любой расы, любого цвета кожи или национальности, которые после окончания учебы направлялись бы охранять мир в любой стране, кроме *своей собственной.* В родную страну патрульные не могли бы вернуться вплоть до окончания срока службы. Из таких вот людей и предполагалось создать подразделение искусственно лишенных родины янычар, ответственных лишь перед Комитетом и всем Человечеством и спаянных воедино тщательно культивируемым представлением о Чести Мундира.

Такая идея могла сработать. Если бы Маннингу дали еще двадцать лет жизни и деятельности без помех, его оригинальный план можно было бы осуществить.

Кандидатура на пост вице-президента на предстоящих выборах получила одобрение в результате политического компромисса. Этот кандидат в вице-президенты, принадлежавший к числу твердокаменных изоляционистов, с самого начала находился в оппозиции к Комитету мира, но выбирать приходилось между ним и расколом в рядах партии, да еще в год, когда оппозиция особенно набрала силу. Президента избрали снова, но число его сторонников в конгрессе явно поубавилось; только право вето дважды спасло от отмены Закон о мире. Вице-президент не делал ничего, чтобы помочь президенту, хотя на публике еще никогда не выступал в роли мятежника.

Маннинг пересмотрел свои планы с целью закончить разработку детальной программы уже к концу 1952 года, поскольку было очень трудно предвидеть, каков будет характер будущей администрации.

Мы оба страшно устали от работы, и я начал понимать, что мое здоровье ушло безвозвратно. Причину не пришлось искать далеко — кинопленка, приложенная к моей коже, темнела уже через двадцать минут. Я страдал от кумулятивного отравления маленькими дозами радиации. Оформившихся раковых опухолей, которые поддавались бы операции, не было, но отмечалась систематическая деградация функций всех органов и тканей. Средства излечения отсутствовали, но зато у меня была работа, которая ждать не могла. Свое состояние я связывал преимущественно с той неделей, которую провел, сидя на контейнерах, сброшенных потом на Берлин.

17-го февраля 1951 года я пропустил срочное телевизионное сообщение о крушении самолета, в котором погиб президент — в это время я валялся больным дома. Маннинг теперь требовал, чтобы я каждый день после обеда отдыхал, хотя от дежурства меня не осво-

бождали. Поэтому я впервые услышал о несчастье от своей секретарши, только когда вернулся в офис, и тут же бросился в кабинет Маннинга.

В этом свидании было нечто нереальное. Мне показалось, что мы каким-то образом сместились во времени к тому дню, когда я только что вернулся из Англии, ко дню, когда умерла доктор Карст. Маннинг поднял взгляд.

— Здравствуй, Джон, — сказал он.

И как тогда, я положил ему руку на плечо.

— Не принимайте так близко к сердцу, шеф.

Вот все, что мне удалось из себя выжать.

Через сорок восемь часов пришло распоряжение только что приведенного к присяге президента о вызове Маннинга в Белый дом на доклад. Я сам принес ему этот вызов — официальную депешу, которую мне пришлось расшифровать. Маннинг прочел ее с каменным лицом.

— Вы поедете, шеф? — спросил я.

— Что? Ну разумеется.

Я отправился в свой кабинет, чтобы взять цилиндр, перчатки и кейс.

Маннинг взглянул на меня, когда я вошел.

— Зря старался, Джон, — сказал он. — Ты не пойдешь. — Думаю, у меня был такой упрямый вид, что ему пришлось добавить: — Ты не пойдешь, ибо у тебя будет работа тут. Подожди минуту.

Он подошел к сейфу, покрутил диски, открыл дверцу и достал оттуда запечатанный конверт, который швырнул на стол между нами.

— Тут мои распоряжения для тебя. Принимайся за дело.

Он вышел в ту минуту, как только я открыл конверт. Я прочел приказ и принялся за дело. Времени было в обрез.

Новый президент принял Маннинга, стоя в окружении нескольких телохранителей и приближенных. Маннинг узнал сенатора, который возглавлял общественное движение, имевшее целью использовать патруль для возвращения земель, экспроприированных в Южной Америке и Родезии; тот же сенатор был и председателем комиссии по авиации, с которым Маннинг имел

несколько абсолютно неудовлетворительных встреч по вопросу о выработке *modus operandi** для открытия коммерческих авиалиний.

— Я вижу, вы точны, — произнес президент. — Это хорошо.

Маннинг поклонился.

— Мы можем сразу же перейти к делу, — продолжал глава исполнительной власти. — У нас произойдут некоторые изменения в политике администрации. Я хочу получить ваше заявление об отставке.

— К сожалению, мне придется отказать вам в этом, сэр.

— Ладно, разберемся. А пока, полковник Маннинг, вы освобождаетесь от своих обязанностей.

— Мистер комиссар Маннинг, с вашего разрешения.

Новый президент пожал плечами.

— Хотите так, хотите этак, нам все равно. В любом случае, вы освобождаетесь.

— К сожалению, мне опять придется вам возразить. Мое назначение пожизненное.

— Хватит! — крикнули ему в ответ. — Это Соединенные Штаты Америки! Здесь не может существовать более высокого органа власти! Вы арестованы!

Хорошо представляю себе, как Маннинг после долгого изучения выражения лица президента говорит ему, громко отчеканивая каждое слово:

— Физически вы, конечно, можете меня арестовать, я согласен, но советую все же подождать хотя бы несколько минут. — Он подошел к окну. — Погляди-те-ка на небо.

Шесть бомбардировщиков Комитета мира кружили над капитолием.

— Ни один из пилотов не является уроженцем Америки, — продолжал все так же чеканить Маннинг. — Если вы арестуете меня, никто из находящихся в этом помещении не доживет до завтрашнего дня.

Позже произошло несколько инцидентов, вроде той неприятной истории в Форт-Беннинге три дня спустя и мятежа в «крыле» патруля, расквартированного в Лис-

---

* Способ действия (*лат.*).

сабоне, после чего последовали массовые увольнения; однако если говорить о практических результатах, то они сводятся к свершившемуся coup d'etat*.

Маннинг стал неоспоримым военным диктатором земного шара.

Может или не может человек, столь ненавистный миру, как Маннинг, воплотить в жизнь идеальную идею того патруля, который виделся ему в мечтах, может ли он сделать эту организацию самовосстанавливающейся и сверхнадежной, я не знаю, а из-за недели, проведенной в подземном английском ангаре, у меня уже не будет времени, чтобы получить ответ на этот вопрос. Сердечное заболевание Маннинга делает будущее еще более непредсказуемым — он может и протянуть еще лет двадцать, а может откинуть копыта уже завтра, и нет никого, кто мог бы занять его место. Все это я пишу для того, чтобы чем-то заполнить то короткое время, которое у меня осталось, а отчасти, чтоб показать — у каждой истории есть две стороны, даже у той, которая касается владычества над миром.

Нет, ни один из возможных вариантов будущего меня не устраивает. Если есть хоть какая-то правда в болтовне насчет жизни-после-смерти, то я очень хотел бы встретиться с тем парнем, что впервые изобрел лук и стрелы; я б с удовольствием разобрал его на части голыми руками. Что же касается меня самого, то я не могу ощущать себя счастливым в мире, где любой человек или любая группа людей могут присвоить себе право миловать или казнить вас, меня, наших соседей, каждого человека, каждое животное, каждое живое существо. Мне не по душе каждый, кто держит в руках такую власть.

И самому Маннингу он тоже не по душе.

---

* Государственный переворот (*фр.*).

ЧТО ВЫТВОРЯЮТ С ЗЕРКАЛАМИ

Криминальная история рассказанная Эдисоном Хиллом

Я пришел сюда, чтобы посмотреть на голых красоток. Пришел, как и все остальные посетители. Это распространенная слабость.

Взгромоздившись на табурет в конце стойки бара, я подозвал хозяина заведения, оборвав его болтовню с двумя завсегдатаями.

— Налей на троих, — сказал я. — Нет, на четверых и хлопни одну со мной. Что новенького, Джек? Я слышал, ты тут устроил для публики кабинку с порнухой?

— Привет, Эд. Запомни, парень, у меня не порнуха, а настоящее искусство.

— Какая разница?

— Если девки ведут себя спокойно — это искусство, а вот если начинают извиваться и крутить задом — тогда закон против. Такие правила. На, посмотри.

Он дал мне программу. Я прочел:

They Do It With Mirrors, 1974

ДЖОЙ-КЛУБ
представляет

«МАГИЧЕСКОЕ ЗЕРКАЛО»
Прекрасные модели в серии развлекательных и художественных живых картин.

22.00 «Афродита» — Эстелла
23.00 «Жертвоприношение солнцу» — Эстелла и Хейзл
24.00 «Верховная жрица» — Хейзл
01.00 «Жертва на алтаре» — Эстелла
02.00 «Поклонение Пану» — Эстелла и Хейзл

(Посетителям рекомендуется воздерживаться от свиста, топанья ногами и прочих нарушений художественной чистоты показа.)

Последнее замечание было излишним. Заведение Джека Джоя славилось строгими правилами.

На другой стороне программки я увидел новый перечень цен, из которого узнал, что стаканчик в моей руке обойдется мне вдвое дороже, чем я предполагал. Тем не менее зал был битком набит народом — простаками вроде меня.

Я хотел было по-дружески сказать Джеку, что обещаю зажмуриться во время шоу, если он возьмет за выпивку по старой цене, но тут из-за стойки раздались два резких звонка — два пронзительных сигнала, похожих на морзянку.

— Одиннадцатичасовой показ, — объяснил Джек и, присев за стойку, начал там копаться.

Заглянув вниз, я заметил под стойкой какую-то продолговатую штуковину. Ее украшало столько электрических приспособлений, что их хватило бы на веселенькую рождественскую елку для бойскаутов — переключатели, кнопки, ручки реостатов, пластинки для проигрывателя и ручной микрофон. Я нагнулся, чтобы рассмотреть этот ящик получше. У меня слабость к таким вещам — наверное, от моего старика. Он ведь дал мне имя Томас Алва Эдисон Хилл в надежде, что я пойду по стопам его идола. Но я, наверное, здорово разочаровал его: мне так и не удалось придумать атом-

ную бомбу, хотя иногда я пытаюсь починить свою пишущую машинку.

Джек щелкнул переключателем и взял микрофон. Его голос загремел из колонок музыкального автомата.

— А сейчас мы представляем «Магическое зеркало»!

Проигрыватель заиграл «Гимн солнцу» из «Золотого петушка», и Джой медленно повернул ручку реостата. Освещение в зале погасло, а «Магическое зеркало» медленно осветилось. «Зеркалом» служила стеклянная перегородка шириной около десяти футов и высотой около восьми. Она отделяла от зала небольшую сцену на балконе. Когда в баре горел свет и огни на сцене были погашены, стекло оставалось непроницаемым и выглядело как зеркало. Когда же свет в зале гас, а на сцене — включался, сквозь стекло начинала медленно проступать картина.

В баре осталась гореть только лампа под стойкой у Джека. Она освещала его фигуру и приборы. Яркий свет лампы слепил мне глаза; я прикрыл их рукой и уставился на сцену.

А там было на что посмотреть.

Представьте: две девушки — блондинка и брюнетка. Алтарь или стол, на котором, как символ сладострастия, раскинулась блондинка. Брюнетка застыла у алтаря, схватив блондинку за волосы и занеся другой рукой причудливый кинжал. Задник сцены переливался золотым и темно-синим цветом, изображая яркие солнечные лучи на псевдоегипетский или ацтекский манер, но никто не смотрел на задник — все взоры ласкали девчонок.

На брюнетке был высокий головной убор, серебряные сандалии и набедренная повязка из стеклянных побрякушек. И больше ничего! Никакого намека на бюстгальтер. А блондинка вообще была гола как устрица. Ее колено на авансцене приподнялось ровно настолько, чтобы заткнуть рот скулящим блюстителям нравов.

Я не смотрел на голую блондинку; мой взгляд тянулся к ней — брюнетке.

И хотя сыграли свою роль две милые торчащие грудки, длина грациозных ног, форма бедер, боков и прочего, тем не менее меня потрясло какое-то общее

впечатление. Она была просто до боли хороша. Кто-то рядом воскликнул:

— Обалдеть можно! Я тащусь!

Я хотел уже шикнуть на него, как вдруг понял, что это мой собственный голос.

Тут свет на сцене погас, и я вспомнил, что надо дышать.

Я выложил безбожную плату недрогнувшей рукой. Джек интимно сообщил:

— Между показами они развлекают посетителей в зале.

Когда девушки появились на лестнице, ведущей с балкона в зал, он жестом подозвал их и представил меня.

— Хейзл Дорн, Эстелла д'Арки — знакомьтесь, это Эдди Хилл.

Хейзл, брюнетка, спросила: «Как поживаешь?», а блондинка фыркнула: «О-о, я встречалась с этим призраком раньше. Как дела? По-прежнему гремишь цепями?»

— У меня все замечательно, — ответил я, пропуская мимо ушей ее подковырки.

Да, я знал ее — не как Эстеллу д'Арки, а как Одри Джонсон. Когда я строчил автобиографию начальника полиции, она работала стенографисткой в муниципалитете. И она никогда мне не нравилась: слишком уж любила находить больные места и ковыряться в них.

Я не стыжусь своей профессии. Ни для кого не секрет, что я писатель-призрак и работаю на других авторов. Хотя вы можете найти мое имя на титульном листе «Сорока лет полицейского», прямо под именем начальника полиции — пусть маленькими буквами, но оно там: «в сотрудничестве с Эдисоном Хиллом».

— Как тебе понравилось шоу? — спросила Хейзл, когда я заказал круговую.

— Мне понравилась ты, — ответил я по возможности тише, как бы по секрету. — Не могу дождаться следующего номера, чтобы разглядеть тебя получше.

— Тогда ты увидишь кое-что еще, — пообещала она и сменила тему. У меня сложилось впечатление, что брюнетка гордится своей фигурой и с удовольствием принимает комплименты, но в то же время не совсем еще загрубела, выставляя тело напоказ для публики.

Эстелла склонилась через стойку к Джеку.

— Джекки-малыш, — сказала она тоном нежного упрека, — ты опять держал подсветку слишком долго. При моей позе это не страшно, но бедная старушка Хейзл к концу представления дрожала, как лист на ветру.

Джек ткнул пальцем в сторону песочных часов для варки яиц.

— Они рассчитаны на три минуты, и именно столько времени вы работали.

— Не думаю, что было больше трех минут, — подхватила Хейзл. — Я совсем не устала.

— Ты вся тряслась, моя милая. Я же видела. Тебе не стоит утомляться — от этого появляются морщины. В любом случае, — добавила Эстелла, — за временем теперь буду следить я. — И она сунула песочные часы в свою сумочку. — Тебе нас больше не надуть.

— А я говорю, три минуты, — настаивал Джек.

— Неважно, — заявила она. — Или с этого момента мы следим за временем, или мамочка закроет маленького Джекки в темный чулан.

Джек хотел ей что-то ответить, но, передумав, отошел в другой конец стойки бара. Эстелла пожала плечами, заглотнула остатки спиртного и ушла. Я видел, как она еще поговорила с Джеком, а потом присоединилась к клиентам за одним из столиков.

Хейзл тоже посмотрела ей вслед и пробормотала:

— Надавала бы я этой потаскушке по трусам... если б она их носила.

— А что, ее обвинение — туфта?

— Не совсем. Возможно, Джек твой приятель...

— Нет, мы просто знакомы.

— Знаешь... бывали у меня мерзкие боссы... но он настоящий подонок. Вряд ли он затягивает время, чтобы помучить нас — мне бы и в голову не пришло его проверять, — но некоторые позы очень трудно держать три минуты. Например, Афродиту у Эстеллы. Ты видел?

— Нет.

— Она балансирует одной ногой на шаре, а другая нога приподнята и заменяет собой фиговый листочек, потому что она там без одежды. Джек установил ава-

рийный выключатель, чтобы прикрыть ее, если она сорвется, но все равно это дикое напряжение.

— Лучше скажи, чтобы самому прикрыться от полиции.

— И от нее тоже. Джек хочет, чтобы мы работали так круто, как только можно, чтобы не замела полиция нравов.

— Не понимаю, зачем ты пошла работать в этот притон. Ты могла бы получить роль в фильме.

Она печально рассмеялась.

— Эдди, ты когда-нибудь пробовал получить роль? Я-то пыталась.

— И все-таки... впрочем, ладно. А что вы с Эстеллой не поделили? Ты сердишься, когда говоришь о ней.

— Она... хотя неважно. Наверное, у Эстеллы были добрые намерения.

— Ты хочешь сказать — когда она затащила тебя сюда?

— Не только.

— А что еще?

— Да ничего... слушай, как ты думаешь, мне действительно нужен крем от морщин?

Я рассматривал ее близко и старательно, пока она слегка не покраснела, а затем заверил, что абсолютно не нужен.

— Благодарю, — произнесла она. — А Эстелла явно считает, что нужен. Недавно она посоветовала, чтобы я позаботилась о своей внешности и надарила мне кучу косметики. Я поблагодарила Эстеллу за подарки — с ее стороны это, наверное, проявление дружелюбия... тем не менее меня покоробила такая забота.

Я кивнул и постарался сменить тему. Мне не хотелось говорить об Эстелле; я хотел говорить о самой Хейзл... и о себе. Я сказал, что знаю одного агента (моего собственного), который может ей помочь. Услышав, что есть шанс получить роль, она заинтересовалась по-настоящему — если не мной, то по крайней мере тем, что я ей говорил.

Случайно взглянув на часы за стойкой бара, она ахнула:

— Чуть не опоздала на свое выступление. Пора идти. Пока!

Было без пяти двенадцать. Мне удалось пересесть с конца стойки поближе к середине, прямо напротив пульта управления «Магическим зеркалом». Я не хотел, чтобы яркий свет за стойкой Джека мешал мне смотреть на Хейзл.

Почти в полночь из подсобки выбежал Джек и, оттолкнув своего помощника, занял место возле пульта.

— Как раз вовремя. Она звонила? — спросил он меня.

— Нет, не звонила.

— Ну и хорошо. — Он убрал со стойки грязные стаканы, сменил пластинку на проигрывателе — в общем, суетился понемногу, как обычно. Я не отрываясь смотрел на «Зеркало».

Раздалось два звонка, резких и громких. Джек почему-то не объявлял выступление. Я оглянулся и увидел, что он, сжав микрофон в руке, испуганно таращится на дверь.

В зал вошли двое полицейских, Ханнеган и Фейнштейн. Наверное, Джек испугался, что залетел под облаву. Да только патрульные полицейские не таскаются по облавам. Я понял, зачем они сюда пришли, еще до того, как Ханнеган слепил Джеку улыбочку и махнул рукой, показывая, что все нормально — они просто влезли бесплатно поглазеть на девочек под предлогом наблюдения за моралью публики.

— А сейчас мы представляем «Магическое зеркало», — раздался из колонок голос Джека. Кто-то влез на табурет рядом со мной и просунул ладонь мне под локоть. Я обернулся. Рядом сидела Хейзл.

— Тебе же надо быть не здесь, а там, наверху, — пробормотал я, как дурак.

— Ладно, успокойся. Так Эстелла сказала... я объясню после представления.

На балконе стало постепенно светлеть, из колонок зазвучал «Грустный вальс». И снова на сцене был алтарь. Эстелла распласталась на нем пуще прежнего. Когда стало совсем светло, я заметил у нее возле груди красное пятно и торчащую рукоять кинжала. Хейзл успела рассказать мне о каждом акте; это была так называемая «Жертва на алтаре», которую по программе полагалось показывать в час ночи.

Я опечалился, не увидев Хейзл в работе, но, надо признать, сцену поставили удачно — настоящий драматизм с тошнотворным привкусом, душераздирающее сочетание садизма и сексуальности. Красная жидкость, которую я посчитал за кетчуп, стекала вниз по голому боку Эстеллы, а рукоятка театрального кинжала торчала так, словно клинок действительно вонзили в тело, — публике это очень понравилось. Сцена была естественным продолжением «Жертвоприношения солнцу».

Хейзл завизжала прямо мне в ухо.

Ее первый крик оказался сольным. Но потом, через секунду или две, завопили все женщины в зале — контральто, альт, немного тенора, но в основном визгливое сопрано. Сквозь шум и крики прогремел мощный бас Ханнегана:

— Всем оставаться на местах! Эй, кто-нибудь, включите свет!

Я схватил Хейзл за плечи и встряхнул ее.

— В чем дело? Что там наверху?

Она ошеломленно тыкала рукой в направлении балкона и монотонно причитала:

— Она мертва... она мертва... она мертва!

Хейзл сползла с табурета и метнулась в подсобку. Я последовал за ней. Свет в зале резко вспыхнул, огни на балконе продолжали гореть.

Мы проскочили первый, второй и третий пролеты лестницы, пробежали через маленькую костюмерную и ворвались на сцену. Я почти догнал Хейзл, Фейнштейн наступал мне на пятки.

Мы застыли, сгрудившись в дверях и щурясь от яркого света. Признаюсь, зрелище открылось нам безотрадное. Она действительно была мертва. Кинжал, который следовало прижать рукой к груди, предварительно обмазав кетчупом для создания иллюзии... этот причудливый клинок, это гибкое стальное лезвие оказалось на три дюйма ближе к ее грудной кости, чем полагалось по сценарию. Его вонзили прямо в сердце.

На полу у алтаря, на расстоянии вытянутой руки от Эстеллы, скрытые от глаз публики, стояли песочные часы для варки яиц. И когда я взглянул на них, упали последние песчинки.

Хейзл потеряла сознание, я подхватил ее (сдобная девочка!) и уложил на кушетку.

— Эдди, — сказал Фейнштейн, — звони в участок. Передай Ханнегану, чтобы никого не выпускал. А я останусь здесь.

Я дозвонился до участка, но Ханнеган обошелся без наших советов. Он усадил народ по местам и настоятельно советовал не вставать. Джек по-прежнему стоял за стойкой, оцепенев от изумления; яркий свет от пульта придавал ему вид мертвеца.

В пятнадцать минут первого ночи появился Спейд Джонс, лейтенант Джонс из отдела по расследованию убийств, и началась обычная рутина. Лейтенант хорошо знал меня и даже помогал в работе над книгой, которую я писал для его шефа; наверное, поэтому он тут же вцепился в меня в поисках хоть какого-то объяснения. В полпервого он был уже почти уверен в том, что никто из посетителей не мог совершить преступления.

— Эдди, мальчик мой, я, конечно, не утверждаю, что никто из них не убивал ее, — это мог сделать любой: выбрать нужный момент, рвануть наверх, схватить нож и воткнуть его девчонке в ребра. Но мало вероятно, чтобы у кого-то из посетителей была возможность так точно выбрать время и способ убийства.

— Любой — но не обязательно из посетителей, — уточнил я.

— То есть?

— Прямо перед лестницей расположен пожарный выход.

— Ты думаешь, я этого не заметил? — Он отвернулся и приказал Ханнегану отпустить всех, кто мог предъявить документы с местным адресом. Остальных он велел отвезти в управление, чтобы ночные дежурные могли опросить их как свидетелей. Возможно, кого-то из них придется задержать для дальнейшего расследования, но в любом случае — чтобы здесь он их больше не видел!

На балконе деловито суетились фотографы и эксперты, снимавшие отпечатки пальцев. Появился помощник судмедэксперта, за ним хлынули репортеры. Через несколько минут после того, как заведение очистили от зевак и посторонних, по лестнице спустилась Хейзл.

Никто из нас ничего не сказал, но я похлопал ее по спине. А когда чуть позже вниз снесли накрытые носилки с завернутым в одеяло телом, я обхватил ее рукой, и она уткнулась лицом в мое плечо.

Спейд допрашивал всех поодиночке. Джек ничего не сказал. «Я не такой умный, чтобы говорить без адвоката», — вот и все, что удалось из него вытянуть. Я подумал про себя, что Джек не прав: лучше было ему поговорить с лейтенантом сейчас, чем потом потеть под яркими лампами. Тем более, что мои показания снимут с хозяина клуба все подозрения, пусть даже лейтенант и узнает о ссоре Джека и Эстеллы перед выступлением. Спейд никогда не стал бы подтасовывать факты. Он был честным полицейским — с копами это бывает. Я и сам встречал честных полицейских. Даже двух, по-моему.

Лейтенант выслушал меня, взял показания у Хейзл и снова обратился ко мне:

— Эдди, мальчик мой, помоги мне докопаться до сути. Как я понимаю, в двенадцатичасовом показе должна была выступать эта девушка Хейзл.

— Да, верно.

Он повертел в руках одну из программок Джой-клуба.

— Хейзл говорит, что без пяти двенадцать она пошла наверх подготовиться к шоу.

— Совершенно точно.

— Да. И она была с тобой, так? Она сказала, что поднялась наверх, потом пришла Эстелла и заявила, что хозяин велел поменять местами два представления.

— Я об этом не знал.

— Естественно. Хейзл сказала, что немного поартачилась, но уступила и спустилась вниз, где и составила тебе компанию. Верно?

— Верно.

— Хм-м... Тогда твое замечание по поводу пожарного выхода может иметь смысл. Хейзл рассказывала мне о дружке Эстеллы. Он дует в трубу на танцульках через дорогу. И этот парень мог прошмыгнуть сюда, чтобы приколоть подругу. Делов-то на пару минут. Ведь трубачи, сам знаешь, подудят и отдохнут — а то и губу протереть недолго.

— Но откуда он узнал, когда прийти? Выступать-то должна была Хейзл.

— М-да... Что ж, может, он был в курсе. Похоже, что Эстелла назначила свидание — вот чем объясняется изменение программы, и это же предполагает мужчину. Потому-то ее приятель и знал, когда прийти. Один из моих парней проверяет эту версию. Теперь о том, как шли выступления... Покажешь мне, что тут к чему? Ханнеган пытался, но добился лишь того, что его долбануло током.

— Могу попробовать, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Тут нет ничего особенно сложного. Так говоришь, Хейзл утверждает, что Джек разрешил Эстелле поменять программу? А ты спрашивал его — почему?

— Это единственный вопрос, на который он согласился ответить. Настаивает, что не знал о замене выступлений. Говорит, что ожидал увидеть в «Зеркале» малышку Хейзл.

Пульт управления только казался сложным. Я объяснил Джонсу назначение реостата и рассказал, что Джек одним поворотом ручки не только плавно уменьшает накал ламп в зале, но и усиливает освещение сцены. Позади реостата я обнаружил дополнительный обходной переключатель, который был рассчитан на нынешние условия — когда свет горел и в зале, и на сцене. Мы нашли также аварийный выключатель освещения балкона и пару кнопок для подключения микрофона и проигрывателя к колонкам музыкального автомата. Рядом находился звонок — небольшой черный ящик с двумя штырьками, от которых тянулись провода наверх, к сигнальной кнопке. Нажимая на нее, девушки сообщали о своей готовности. В центре стойки, прямо под крышкой, крепилась 150-ваттная лампа, подключенная к электрической сети отдельно от реостата. Кроме шнура этой лампы, все остальные провода исчезали в стальной изоляционной трубе под стойкой бара. И именно эта лампа слепила мне глаза во время одиннадцатичасового представления. Она казалась слишком яркой — на мой взгляд, сгодилась бы лампа и послабее. Наверное, Джеку нравился яркий свет.

Я объяснил Спейду устройство пульта и дал ему пощелкать кнопками. Потом я перевел реостат в положение «Зал» и отключил обходной переключатель. Зал продолжал сиять огнями, «Магическое зеркало» погасло.

— Итак, оставалось пять минут до полуночи. Хейзл помахала мне ручкой и пошла наверх. Я пересел на другой табурет, как раз напротив того места, где сейчас стою. В полночь появился Джек и спросил, был ли сигнал. Я сказал, что не слышал. Он немножко покрутился, убрал стаканы и так далее. Потом раздалось два звонка. Джек взял микрофон, но на несколько секунд задержал показ: он заметил Ханнегана и Фейнштейна. Ханнеган дал зеленый свет, и Джек объявил начало. — Я поднял микрофон и произнес в него: — А сейчас мы представляем «Магическое зеркало»!

Положив микрофон на пульт, я нажал клавишу проигрывателя. Там стояла та же пластинка, и из колонок зазвучал «Грустный вальс». Хейзл сидела за несколько столиков от стойки и, положив голову на скрещенные руки, пристально смотрела на меня. Возможно, воссоздание событий действовало ей на желудок: выглядела она как больной цыпленок.

Я медленно вывернул ручку реостата из положения «Зал» в положение «Сцена». В помещении потемнело, а на балконе стало светло.

— Вот и все, что было, — сказал я. — Хейзл сидела рядом со мной, когда Джек объявлял шоу. А когда на сцене включился свет, она закричала.

Спейд поскреб подбородок.

— Значит, когда сверху дали сигнал, Джек стоял прямо перед тобой?

— Точно.

— Ты дал мне повод подозревать его, рассказав о ссоре с Эстеллой. Но ты дал ему и алиби.

— Все верно. Либо Эстелла сама дала сигнал и, прыгнув на алтарь, прирезала себя, либо ее убили, и убийца нажал на кнопку, чтобы сбить нас со следа. Пока мы пялились на «Зеркало», ему удалось смыться. Но в любом случае Джек Джой был у меня на виду.

— Да, это хорошее алиби, — признал лейтенант. — Если только ты с ним не в сговоре, — добавил он с надеждой.

— Попробуй это доказать, — ответил я, улыбаясь. — Не валяй дурака, никакого сговора нет. И вообще я его считаю порядочным дерьмом.

— Эдди, мальчик мой, все мы более или менее дерьмо, если на то пошло. Пойдем осмотримся наверху.

Я щелкнул обходным переключателем, осветив балкон и нижние помещения, и пошел наверх. Отыскав там сигнальную кнопку, я показал ее Спейду. Изоляционная труба, проходившая через пол балкона, кончалась в соединительной коробке на стене, откуда разбегались провода освещения. На соединительной коробке зачем-то находилась кнопка звонка. Мне стало интересно, почему она не на «алтаре», но потом мы обнаружили, что алтарь можно передвигать по сцене. Надо полагать, девушки нажимали на кнопку и быстренько принимали свои позы. Спейд задумчиво надавил на кнопку, затем вытер о штаны палец, испачканный порошком для дактилоскопирования.

— Я ничего не слышу, — сказал он.

— И не услышишь. Сцена почти звуконепроницаема.

Он уже осмотрел песочные часы, но только теперь я рассказал ему о том, что видел, как падали последние песчинки. Спейд сжал губы.

— Ты уверен?

— Можешь считать это галлюцинацией. Но я думаю, что видел. Могу подтвердить под присягой.

Спейд сел на алтарь, отодвинулся подальше от кровавого пятна и после долгого молчания сурово произнес:

— Эдди, мальчик мой...

— Да?

— Ты не только дал алиби Джеку Джею, ты, черт тебя дери, делаешь почти невозможным постороннее вмешательство в эту смерть.

— Я знаю. Могло это быть самоубийством?

— Могло. Все могло быть. С точки зрения техники — но не психологии. Стала бы она ставить часы, если решила покончить с собой? И еще одна деталь: посмотри-ка на эту кровь. Попробуй ее на вкус.

— Что?

— Да не прыгай. Хотя бы понюхай ее.

Я понюхал — очень осторожно. Потом понюхал еще раз. Два запаха — помидоры и кровь. Кровь и томатный кетчуп. Мне показалось, что я обнаружил разницу и по виду пятен.

— Ты понимаешь, сынок? Если у нее из дырки на груди хлещет кровь, зачем тогда кетчуп? Не будь песочных часов и кетчупа, я бы первым кричал об идеальном самоубийстве в стиле театральных истеричек. Но теперь так не скажешь. Это убийство, Эдди.

В проеме двери показался Фейнштейн.

— Лейтенант...

— Что у тебя?

— Этот музыкантишка... у них с Эстеллой действительно было назначено свидание.

— Ага!

— Но он чист. Его банда была в полночь за работой, и они как раз исполняли номер, где он тянул сольную партию.

— Черт! Пошел отсюда.

— Это еще не все. Я позвонил помощнику судмедэксперта, как вы велели. Мотив убийства, о котором вы говорили, не годится — она не только не ждала ребенка, ее вообще еще никто не поимел. Virgo intacta*, — добавил он на довольно сносной латыни.

— Фейнштейн, сегодня ты щеголяешь учеными словечками, а завтра потребуешь себе звание сержанта? — невинным тоном спросил Спейд. — Вали отсюда.

— О'кей, лейтенант.

Признаюсь, меня удивили эти новости. Эстелла оказалась настоящей мастерицей крутить динамо. Видно, умела завлекать мужиков, не прибегая к самому проверенному способу.

Спейд немного подумал и сказал:

— Значит, когда тут светло, там темно; а когда там светлеет, тут темнеет.

— Да. Обычно так и бывает. Хотя сейчас свет и там и тут, потому что я использовал обходной переключатель.

— Я как раз о том, как бывает обычно. Светло, темно; темно, светло. Эдди, мальчик мой...

— Да?

— Ты, похоже, положил глаз на эту Хейзл?

— Ну вроде того, — согласился я.

---

* Девственница (*лат.*).

— Тогда присматривай за ней. Убийца был здесь всего несколько секунд — это подтверждают песочные часы и звонок. Он не входил в круг лиц, которые знали об изменении программы, поскольку дружок-трубач, как выяснилось, вне подозрений. И на сцене было темно. Эдди, он убил не ту девчонку! А значит, возможно новое убийство.

— Хейзл, — прошептал я медленно.

— Да, Хейзл.

Спейд Джонс собрал всех нас в зале — меня, Хейзл, двух официантов, помощника бармена и Джека Джоя. Я думал, он задержит Джека в отместку за его молчание, но лейтенант лишь попросил его не высовываться из своей гостиницы и предупредил, что в противном случае Джой наткнется на симпатичного полицейского, который тут же отправит его в симпатичную камеру. Прощаясь со мной, Спейд подмигнул и приложил к губам палец.

Но это меня ничуть не успокоило. Хейзл охотно позволила проводить ее домой. Увидев, что она живет одна в небольшой квартирке, а в здании нет даже привратника, я решил, что ей надо кое-что объяснить и предложить свои услуги в качестве ночного сторожа.

Она пошла на кухню, чтобы налить мне выпить.

— Один стаканчик, Эд, и ты пойдешь домой, — крикнула она. — Ты очень милый, я обязательно встречусь с тобой и поблагодарю за заботу, но сейчас девочка пойдет в постельку. Я устала.

— Я остаюсь на всю ночь, — твердо заявил я.

Она вышла с бокалом в руке и бросила на меня сердитый и в то же время немного озадаченный взгляд.

— Эд, — сказала она, — а не слишком ли быстро? Я не думала, что ты такой нахал.

— Успокойся, красотка, — ответил я. — Спать вместе не обязательно. Я только присмотрю за тобой. Кто-то хочет тебя убить.

Она уронила бокал.

Я помог ей вытереть лужу и объяснил ситуацию.

— Кто-то прирезал девушку в темной комнате, — закончил я свой рассказ. — И этот кто-то думал, что убил тебя. Сейчас он уже понял свою ошибку и попы-

тается ее исправить. Нам нужно выяснить только одно: *Кто хочет убить тебя?*

Она села и начала трепать концы носового платка.

— Никто не хочет меня убивать, Эдди. Эстелла получила свое.

— Ничего подобного.

— Но никакой ошибки не было. *Я знаю.*

— Что ты знаешь?

— Я... Нет, это невозможно. Если хочешь, оставайся на всю ночь. Можешь спать на той кушетке.

Она встала, выдвинула из стены кровать, потом пошла в душ, закрыла дверь и немножко поплескалась там.

— Этот душ такой тесный, в нем ни одеться, ни раздеться, — спокойно заявила она, выходя в комнату. — И в любом случае, я привыкла спать голышом. Если хочешь, раздевайся, я не испугаюсь.

— Спасибо. Я сниму только пиджак, галстук и обувь.

— Как знаешь. — Ее голос звучал приглушенно, поскольку в этот момент она стягивала через голову платье.

На ней были трусики, которые, по ее словам, никогда не носила Эстелла, — простой белый трикотаж, чистенький и аккуратный. Она не носила бюстгальтер, да и не нуждалась в нем. Представление о ее фигуре, полученное мною в «Магическом зеркале», вполне подтверждалось. Это было самое восхитительное зрелище, которое я когда-либо в жизни видел. В одежде на улице Хейзл показалась бы просто красивой и хорошо сложенной женщиной, но без одежды... многие войны начинались и по меньшему поводу.

Я начал сомневаться в том, что смогу остаться на кушетке. Наверное, это было как-то заметно, потому что она фыркнула:

— Сотри слюну с подбородка!

И перешагнула через трусики.

— Прошу прощения, — пробормотал я и начал развязывать шнурки.

Хейзл выключила свет, подошла к большому окну и раздвинула шторы. Окно было закрыто, но при выключенном свете улица просматривалась прекрасно.

— Отойди от окна, — сказал я. — Ты слишком хорошая мишень.

— Что? Ах да, конечно. — Она отошла на несколько шагов, все так же задумчиво глядя в окно. А я задумчиво разглядывал ее. Напротив, через улицу, сияла огромная неоновая вывеска, цветные полосы света врывались в комнату и покрывали Хейзл с головы до ног радужным текучим сиянием. Она походила на волшебную грезу.

Но через секунду я уже не думал о том, как она выглядит; мне вспомнилась другая комната, где лежала убитая девушка и огни ночного клуба светили сквозь стеклянную стену, как и эти всполохи неоновой рекламы.

Мысли быстро выстраивались в цепочку, причиняя мне почти физическую боль. Я разложил их по второму разу и получил все тот же ответ. Мне он очень не понравился. И я был рад, чертовски рад, что Хейзл разделась догола и ей негде спрятать нож, пистолет или какое-то другое смертельное оружие.

— Хейзл, — тихо позвал я.

Она повернулась ко мне.

— Да, Эдди?

— Мне пришла в голову новая идея... Зачем кому-то убивать тебя?

— Ты уже спрашивал. Нет никакого повода.

— Я так и знал. Ты права — никакого повода. Тогда давай поставим вопрос иначе... Зачем ты хотела убить Эстеллу?

Мне показалось, что она сейчас снова хлопнется в обморок, но меня это не волновало. Я хотел шокировать Хейзл. Ее сногсшибательная красота была для меня в тот миг всего лишь западней, сбивавшей со следа. Мне не хотелось подозревать Хейзл, поэтому я до сих пор даже не думал о том, что из всех очевидцев только она имела возможность совершить преступление, только она знала о перемене программы и, наконец, только у нее был хоть какой-то повод. Ясно как день, что она ненавидела Эстеллу. Хейзл скрывала свою ненависть, но не слишком умело.

А самое главное — на маленькой сцене не было темно! Конечно, она казалась темной — снаружи, из зала. Через стекло ничего не видно, если вы стоите на

освещенной стороне, но свет тем не менее проходит сквозь стекло. Неоновая вывеска на улице освещала комнату Хейзл, заливая нас сказочным светом; яркие лампы в баре Джека освещали маленькую сцену даже тогда, когда огни рампы были погашены.

И она знала это. Она знала, потому что бывала там много раз, репетируя позы для любителей клубнички. С самого начала она знала, что не было никакой ошибки в темноте: там хватало света! Чтобы перепутать иссиня-черную гриву Хейзл с обесцвеченной копной Эстеллы, нужна была абсолютная тьма.

Она знала... но почему тогда не сказала? Хейзл позволила мне остаться на ночь, хотя я ей даром не нужен. Она рискует репутацией и еще кое-чем, и все потому, что я выдвинул теорию о не-той-жертве-в-темноте. Хейзл знала, что это чушь собачья; почему она промолчала?

— Эдди, ты ненормальный, что ли? — Ее голос дрожал от испуга.

— Нет, теперь я стал нормальным. Я могу рассказать тебе, как ты это сделала, моя красотулечка. Вы были там обе, ты сама говорила, помнишь? Эстелла приняла свою позу и попросила тебя нажать на звонок. Ты нажала... но сначала схватила нож и воткнула ей между ребер. Потом ты вытерла рукоятку, осмотрелась, нажала кнопку звонка и удрала. Через десять секунд ты уже взяла меня под ручку. Меня — твое алиби!

Это сделала ты, потому что ни у кого другого не хватило бы духу совершить убийство на виду у всей публики — представь себе эти сотни глаз за тонким стеклом. На балконе было светло: свет проникал из зала. Но это тебя не тревожило, потому что ты не раз разгуливала нагишом перед этим стеклом, зная, что тебя не видно, пока в зале горит свет! Никто другой на такое бы не решился!

Она смотрела на меня так, словно не верила своим ушам. Ее подбородок начал подрагивать. Она опустилась на корточки и зарыдала. Я даже удивился — настоящие слезы, ручьем... Наверное, они должны были меня растрогать, но не растрогали. Мне не нравятся убийцы.

Я встал около нее.

— Зачем ты ее убила? *Зачем?!*

— Пошел вон!

— Вот еще! Я хочу посмотреть, как из тебя сделают жаркое, мой грудастый ангелочек.

К телефону пришлось пятиться задом. Я не спускал с нее глаз, не рискуя поворачиваться к ней спиной, какой бы голой она ни была.

Хейзл метнулась вперед, но не ко мне, а к двери. Не знаю, как далеко она надеялась убежать нагишом.

Я сбил ее с ног и подмял под себя. Там было что подмять, ничего не скажешь! Она кусалась и царапалась, но я применил захват и выкрутил ей руку.

— Веди себя хорошо, милая, или я сломаю руку.

Она притихла, и тут до меня дошло, что подо мной не просто тело, а очень женственное тело. Я постарался проигнорировать этот факт.

— Отпусти меня, Эдди, — попросила она дрожащим голосом, — или я закричу, что меня насилуют. Ты потом от копов не отобьешься.

— Полный вперед, моя пышечка, — ответил я. — Именно копов я и хочу здесь увидеть — и чем быстрее, тем лучше.

— Эдди, Эдди, ну послушай меня... я не убивала ее. Но я знаю, кто убийца.

— Да? И кто же?

— Я знаю... Знаю... Хотя он вроде и *не мог* этого сделать. Вот почему я ничего не сказала.

— Давай выкладывай.

Она отозвалась не сразу, мне пришлось усилить захват.

— Говори!

— О Господи! Это был Джек.

— Джек? Чепуха! Я его видел.

— Знаю. И все-таки это сделал он. Не знаю как... но он убийца.

Я задумался, по-прежнему сжимая ее руку. Она заглянула мне в глаза.

— Эд?

— Ну?

— Если бы я нажала кнопку звонка, на ней бы остался отпечаток моего пальца?

— Наверняка.

— Так почему бы тебе не выяснить?

Это меня озадачило. Я по-прежнему не сомневался в своей правоте, но Хейзл, похоже, искренне хотела, чтобы я узнал ответ.

— Вставай, — буркнул я. — Сначала на колени, потом на ноги. И не пытайся освободить руку. Никаких фокусов — иначе получишь в живот.

Она смирилась. Я провел ее к телефону и набрал номер. Через телефонную станцию полиции мне удалось соединиться со Спейдом Джонсом.

— Эй, Спейд? Это Эдди... Эдди Хилл. Слушай, на кнопке звонка были отпечатки?

— А я все гадал, когда ты наконец спросишь об этом? Конечно, были.

— Чьи?

— Трупа.

— Эстеллы?

— А кого же еще? Ее отпечатки остались и на песочных часах. На рукоятке кинжала ничего — ее вытерли. По всей комнате отпечатки обеих красоток, хотя есть и несколько чужих... но, возможно, старые.

— Ага... да... ну хорошо, спасибо.

— Не за что. Звони мне, сынок, если вдруг осенит блестящая идея.

Я повесил трубку и повернулся к Хейзл. Не помню точно, но, кажется, я отпустил ее, когда Спейд сказал про отпечатки Эстеллы. Хейзл стояла рядом, растирая руку и очень странно посматривая на меня.

— Ладно, — сказал я, — можешь тоже вывернуть мне руку или врезать куда захочешь. Я ошибся. Прости... Я постараюсь заслужить твое прощение.

Она хотела что-то сказать, но снова расплакалась. Все закончилось тем, что она приняла мои извинения, причем самым приятным из возможных способов, перепачкав меня помадой и потекшей тушью. Мне это понравилось, хотя в душе я чувствовал себя мерзавцем.

Промокнув слезы на ее лице носовым платком, я попросил:

— Надень платье или что-нибудь еще, сядь на кровать, а я посижу на кушетке. Нам надо докопаться до

сути, а я лучше соображаю, когда твои прелести прикрыты.

Она послушно отошла, и я начал размышлять.

— Ты говоришь, что ее убил Джек, но признаешь, что не знаешь, как он это мог сделать. Тогда почему ты его подозреваешь?

— Из-за музыки.

— Что-что?

— Из-за музыки, которую он приготовил для выступления. Помнишь «Грустный вальс»? Это музыка Эстеллы, то есть для ее сцены. Моя сцена, обычно шедшая в полночь, сопровождалась «Болеро». Он поставил музыку для нее и, значит, знал, что на балконе Эстелла.

— Поэтому, когда он заявил, что она не предупредила его о перемене программы, ты заметила ложь. Но по такой улике человека не осудишь — он может сказать, что поставил пластинку по ошибке.

— Может, да не скажет. Пластинки хранятся строго по номерам, каждая предназначена для своей сцены, и такой порядок соблюдается не первую ночь. Никто, кроме Джека, их не трогает. Он уволил бы любого, кто коснулся бы его пульта. Но знаешь... я заподозрила его еще до того, как подумала о музыке. Только как он ее убил — ума не приложу.

— Я тоже. Давай продолжай.

— Он ненавидел ее.

— Почему?

— Она крутила им как хотела.

— Как хотела? Допустим, крутила. Со многими такое бывает. Она над всеми издевалась — дразнила тебя, дразнила меня. Ну и что?

— Это не одно и то же, — настаивала Хейзл. — Джек боялся темноты.

Да, история оказалась печальной. Парень боялся темноты — по-настоящему, как боятся некоторые дети. По словам Хейзл, он ночью не мог без фонарика даже до стоянки дойти, чтобы сесть в машину. Но не в этом выражалась слабость Джека, и не этого он стыдился: многие люди пользуются фонариками — просто чтобы знать, на что они наступают. Беда в том, что Джек влюбился в Эстеллу и, видимо, добился немалых

успехов — фактически он уложил ее в постель. Да только ничего у него не вышло, потому что девчонке вздумалось выключить свет. Эстелла, рассказывая об этом Хейзл, злорадно подчеркивала, что вовремя успела узнать о его «трусости».

— После этого она постоянно издевалась над ним, — продолжала Хейзл. — Со стороны ничего не было заметно, если не знаешь. Но он-то знал! Он боялся ее, боялся уволить ее из-за страха, что она расскажет кому-нибудь. Он ненавидел ее — и в то же время сгорал от любви и ревновал. Однажды, когда я была в костюмерной...

Хейзл продолжала свой рассказ. Джек вошел в комнату, когда девчонки то ли одевались, то ли раздевались, а заодно препирались по поводу одного из посетителей. Эстелла велела Джеку убираться. Он ни в какую. И тогда она выключила свет.

— Он удирал как заяц, спотыкаясь о собственные ноги. — Хейзл тяжело вздохнула. — Ну как тебе история, Эдди? Хороший мотив для убийства?

— Хороший, — согласился я. — Ты почти убедила меня, что это сделал он. Только он не мог... я же его видел.

— Не мог... В том-то вся и проблема.

Я отправил ее в постель и попросил постараться заснуть. Мне хотелось спокойно посидеть, пока все куски мозаики не сложатся в картину. Когда Хейзл сняла наброшенный халат, я был вознагражден очередным лицезрением ее фигуры. Но я позволил себе только один поцелуй с пожеланием доброй ночи. Не думаю, что она спала; во всяком случае, не храпела.

Я сел и начал ворочать мозгами. На сцене не было темно, когда балкон *казался* темным, и этот факт менял все, исключая, по моему мнению, каждого, кто не был знаком с механикой «Зеркала». А значит, оставалось всего несколько подозреваемых — Хейзл, Джек, помощник-бармен, два официанта и сама Эстелла. Конечно, была возможность, что какой-то неизвестный тип прокрался наверх, сунул в девицу ножичек и потихоньку смылся — но возможность чисто физическая. С точки зрения психологии это мало вероятно. Кстати, не

забыть бы спросить у Хейзл, работали ли в «Зеркале» другие модели.

Помощник-бармен и два официанта, которых Спейд исключил из списка подозреваемых, имели железное алиби, подтвержденное одним и более клиентами. Мои показания говорили в пользу Джека. Эстелла... нет, это не самоубийство. Что касается Хейзл...

Отпечаток пальца Эстеллы вроде бы снимает подозрения с Хейзл: ей явно не хватило бы времени убить Эстеллу, расположить труп в нужной позе и, вытерев рукоятку, спуститься вниз, ко мне под бочок, до того как Джек начал представление.

Но в таком случае больше некого подозревать... и остается гипотетический сексуальный маньяк, который, не смущаясь толпой людей за стеклом, устроил резню на алтаре. Чушь какая-то!

Конечно, отпечаток пальца ничего не исключает. Хейзл могла нажать кнопку звонка монетой или заколкой — тогда бы старый отпечаток сохранился. Мне не хотелось это признавать, но окончательно снимать подозрения с Хейзл было рано.

И опять-таки, если Эстелла не нажимала на кнопку, убийство мог совершить только свой; никто из чужих не знал, где эта кнопка. Да и кто бы додумался нажимать на нее?

А зачем это понадобилось Хейзл? Сигнал не давал ей алиби... значит, в этом не было смысла.

Вот так круг за кругом, круг за кругом, пока не заболела голова.

Через какое-то время я встал и подергал за покрывало.

— Хейзл!

— Да, Эдди?

— Кто нажимал на кнопку звонка перед одиннадцатичасовым представлением?

Она задумалась.

— Это был наш совместный показ. Кнопку нажимала Эстелла... она всегда брала инициативу на себя.

— М-м-м... А другие девушки работали в «Зеркале»?

— Нет, никто, кроме меня и Эстеллы. Мы и начинали это шоу.

— Ладно. Кажется, я что-то нащупал. Пойду позвоню Спейду Джонсу.

Спейд заверил меня, что был несказанно рад покинуть теплую постель, чтобы потрепаться со мной: может, я соглашусь пойти к нему в горнисты? Но все же он обещал приехать в Джой-клуб, захватив с собой Джека, патрульных полицейских, пистолеты и мышцы для выкручивания рук.

Когда мы собрались в Джой-клубе, я встал за стойкой бара, Хейзл села там, где сидела вчера, на моем месте устроился полицейский из отдела по расследованию убийств. Джек и Спейд находились у конца стойки, откуда лейтенанту были видны мы все.

— Сейчас вы увидите, как человек может оказаться в двух местах одновременно, — объявил я. — Мне придется исполнить роль мистера Джека Джоя. Представим, что время близится к полуночи. Хейзл только что покинула костюмерную и спустилась вниз. Она ненадолго задержалась в дамском туалете, поэтому не заметила Джека, когда тот поднимался на балкон. Итак, наш герой находит Эстеллу в костюмерной — уже раздетую и готовую к выступлению...

Я взглянул на Джека. Его лицо казалось окаменевшей маской, но сдаваться он не собирался.

— Возникла ссора — не знаю, по какому поводу, но скорее всего из-за трубача, ради встречи с которым Эстелла изменила программу. В любом случае, готов держать пари, что девчонка закончила спор, выключив свет. И Джек вылетел прочь!

Первый пробный удар прошел. Джой вздрогнул, маска треснула.

— Но Джек отсутствовал не более нескольких секунд, — продолжал я. — Возможно, в кармане у него оказался фонарик — наверное, он и сейчас там лежит, — и это помогло ему вернуться в ту ужасную темную комнату, чтобы включить свет. Эстелла обмазывалась кетчупом; ей оставалось лишь нажать на кнопку звонка, она даже успела поставить песочные часы. Джек схватил кинжал и нанес смертельный удар.

Я сделал паузу. На этот раз мой шар не достиг цели. Маска Джека не дрогнула.

— Он придал ее телу нужное положение... оставим на это десять секунд. Скрывая улики, он вытирает рукоятку и сбегает по лестнице вниз — можем кинуть на это десять или даже двадцать секунд. Потом он спрашивает меня, звенел ли звонок, и я отвечаю, что звонка не было. А он действительно хотел это знать, потому что Эстелла могла нажать на кнопку до того, как он пришил ее.

Узнав, что хотел, Джек начинает отвлекать внимание... примерно так... — Я повозился с посудой, взял со стойки ложку и указал ею на стеклянную перегородку сцены. — Заметьте, что «Зеркало» освещено и там сейчас никого нет — я врубил обходной выключатель. Но представьте, что там темно, на алтаре лежит Эстелла, и ее сердце пробито кинжалом.

Пока они смотрели на «Зеркало», я опустил металлическую ложку и замкнул штырьки, от которых шли провода к звонку на сцене. Раздался громкий звонок. Я разомкнул контакт, приподняв кончик ложки, и снова замкнул два тросика: еще один звонок.

— Вот таким образом человек может... Держи его, Спейд!

Но лейтенант навалился на Джека еще до того, как я закричал. Трое полицейских еле смогли удержать его. Он не был вооружен, просто сработал защитный рефлекс — желание вырваться на свободу. И даже теперь он не сдавался.

— У вас на меня ничего нет! Ваши доказательства — дерьмо! Любой мог замкнуть эти провода на всем протяжении линии.

— Нет, Джек, — возразил я. — Мы это проверили. Провода входят в ту же стальную трубу, что и силовая проводка, и так до самой соединительной коробки на балконе. Или здесь, или там, Джек. А раз не там, то только здесь.

— Я хочу видеть своего адвоката, — вот и все, что он сказал мне в ответ.

— Ты увидишь своего адвоката, — весело заверил его Спейд. — Завтра или послезавтра. А сейчас ты поедешь к нам в участок и посидишь несколько часов под парочкой горячих ламп.

— Нет, лейтенант! — вмешалась Хейзл.

— Что? Почему нет, мисс Дорн?

— Не сажайте его под лампы. Лучше заприте в темный чулан!

— В чулан? Почему в чу... Девочка! Да ты просто умница!

Они воспользовались чуланом для швабр. Парня хватило на полчаса, потом он захныкал, а потом начал кричать. Они его выпустили и выслушали чистосердечное признание.

Когда Джека уводили, мне было почти жаль его. А впрочем, чего жалеть? Ему грозил только допрос второй степени, и клянусь, никто бы не доказал преднамеренного убийства. А теперь лучшим выходом для него будет «невиновность по причине невменяемости». Какой бы ни была его вина, Джека довела до убийства сама Эстелла. И только представьте, какое самообладание было у парня — какая колоссальная выдержка потребовалась, чтобы осветить кровавую сцену после того, как он поднял взгляд и заметил в дверях двух полицейских!

Я второй раз отвез Хейзл домой. Кровать по-прежнему была разложена, и, сбросив на ходу туфли, Хейзл направилась прямо к ней. Расстегнула молнию на боку платья, начала стаскивать его через голову и вдруг остановилась.

— Эдди!

— Да, красавица?

— Если я опять разденусь, ты не обвинишь меня в новом преступлении?

Я задумался.

— Все зависит от того, кем ты заинтересовалась — мной или агентом, о котором я говорил.

Она улыбнулась, схватила туфельку и бросила в меня.

— Конечно тобой! Только не очень задавайся.

И она разделась до конца. А немного погодя и я начал развязывать шнурки.

СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ

— Итого, три временных президента, — сказал Лидер. — Интересно, сколько их есть еще?

Он вернул клочок папиросной бумаги гонцу, и тот сунул его в рот и стал жевать, как резинку.

Третий пожал плечами:

— Трудно сказать. А меня беспокоит... — Тут его прервал крик пересмешника: «Тойти-тойти-тойти. Тюрлю-тюрлю-тюрлю, перти-перти-перти».

Поляна сразу опустела.

— Так я говорил, — шепнул голос третьего в ухо Лидера, — не то важно, сколько их, а вот как нам отличить де Голля от Лаваля? Что ты там видишь?

— Колонна. Остановилась под нами. — Лидер выглянул из кустов и окинул взглядом склон, спускавшийся к берегу реки, прижимая дорогу к самой воде. Потом дорога уходила влево, пересекая поля и луга долины, и десятью милями дальше достигала пригородов Берклея.

Колонна остановилась под ними — восемь грузовиков, а в голове и в хвосте колонны — вездеходы. На замыкающем было установлено расчехленное орудие,

---

Free Men, 1966

готовое к стрельбе. Очевидно, начальник колонны хотел иметь свободу маневра на случай засады.

Из второго грузовика высыпали фигурки в шлемах и собрались около заднего борта. Грузовик стоял на домкрате, и Лидер увидел, что одно колесо снято.

— Влипли?

— Не думаю. Просто привал. Скоро они уедут. — Он подумал, что могло бы быть в грузовиках. Еда, возможно. Рот наполнился слюной. Еще несколько недель тому назад такой случай означал бы хорошую прибавку к рациону, но завоеватели с тех пор поумнели.

Он отбросил бесполезные мысли:

— И не это меня беспокоит, Батя, — вернулся он к оставленной теме. — Мы сможем отличить квислинга от верного американца. Но как отличить мужчину от мальчишки?

— Ты насчет Джо Бенца?

— Может быть. Я много бы дал, чтобы понять, насколько можно доверять Джо. Но я мог иметь в виду и молодого Морри.

— Этому можно верить.

— Наверное. В свои тринадцать он не пьет — и не расколется, даже если ему ноги сожгут. И Кэтлин такая же. Тут не в поле дело и не в возрасте — вот только в чем? А мы должны уметь разбираться в людях.

Внизу зашевелились. Когда колонна остановилась, от нее отделились дозорные согласно существующим на такой случай наставлениям. Теперь двое из них возвращались к колонне, волоча между собой кого-то третьего в штатском.

Пересмешник возбужденно свистнул.

— Это связной, — сказал Лидер. — Дубина тупоголовая, затаиться не мог! Скажи Теду, что мы его видели.

Батя сложил губы трубочкой и свистнул: «Кии-ви, кии-ви, кии-ви, тюрлю!»

Другой пересмешник ответил «тюрлю» и смолк.

— Новая почта понадобится, — сказал Лидер. — Займись, Батя.

— Ладно.

— Это не решение проблемы, — сказал Лидер. — Размер боевых единиц можно уменьшить, чтобы никто

не мог выдать многих — но возьми, например, такую колонию, как наша. Чтобы она действовала, нужно больше дюжины. А это значит, что они все зависимы или что они заваливаются вместе. Получается, что каждый — это заряженный пистолет у виска остальных.

Батя криво улыбнулся:

— Вроде как Объединенные Нации перед Взрывом. Взбодрись, Эд. И нечего сжигать мосты, пока ты через них не перешел.

— Не буду. Смотри, колонна снимается.

Колонна исчезла вдали, и Эд Морган, Лидер, и заместитель его, Батя Картер, встали и потянулись. «Пересмешник» громко и радостно сообщил, что все вокруг чисто и безопасно.

— Скажи Теду, пусть прикроет нас до лагеря, — скомандовал Эд.

Батя засвистел и зачирикал и получил сигнал в ответ. Они пошли в сторону холмов. Все время петляя, они выходили на контрольные точки, откуда могли оглядеть пройденный участок и услышать, что свистнет Тед. Что за Тедом будет хвост, Морган не боялся — он знал, что Тед смог бы выкрасть детеныша из сумки мамы-опоссума. Но привал конвоя мог быть ловушкой — невозможно было проверить, все ли солдаты вернулись в машины. Могли следить и за связным — его подозрительно легко поймали.

Интересно, подумал Морган, что они из него вытащат. Об отряде Моргана он знал мало — только «почтовый ящик», где была встреча, и все.

База группы Моргана была не лучше и не хуже, чем у нескольких тысяч партизанских отрядов сопротивления, рассеянных на той территории, что когда-то называла себя Соединенными Штатами. Двадцатиминутная война застала врасплох не всех. Зрелище грибов, выросших вдруг над Вашингтоном, Детройтом и сотней других городов, было страшным, но для некоторых — ожидаемым.

Больших приготовлений Морган не делал. Он просто решил, что время как раз подходящее для того, чтобы

не терять подвижности и не торчать слишком близко к вероятным целям. Он взял права на разработку заброшенной шахты и начинил ее инструментами, провизией и прочими полезными вещами. У него было только одно желание — просто выжить; и лишь несколько недель спустя после Последнего Воскресенья он понял, что человеку, умеющему предвидеть, не избежать судьбы вожака.

Морган и Батя Картер вошли в шахту по новому стволу через туннель, которого не было на карте, пройдя по голой скале, где даже ищейка не взяла бы след. По туннелю они двигались ползком и смогли поднять головы только в оружейной. Оттуда они вошли в общую комнату колонии, размером десять футов на тридцать и по высоте равной ширине.

Их появление не было неожиданным — иначе бы им не войти живыми. Вмонтированный в туннеле микрофон предварил их появление произнесенным ими паролем. В комнате никого не было, если не считать молодой женщины, хлопотавшей около маленького очага под вытяжкой, и девушки около пишущей машинки рядом с радиоприемником. Сдвинув наушники, она повернулась к вошедшим:

— Привет, босс!

— Привет, Марджи. Что хорошего? — И к другой: — А что на завтрак?

— Суп из топора и новая дырка в поясе.

— Кэтлин, ты меня огорчаешь.

— Тогда — грибы, тушенные в кроличьем жиру. Но их чертовски мало.

— Это уже лучше.

— Лучше скажи своим ребятам смотреть, чего берут. Еще один кролик с туляремией — и еда нас волновать не будет.

— Трудно проследить, Кэт. Ты уж поступай с ними так, как говорит док. — Он повернулся к девушке: — Джерри в верхнем туннеле?

— Да.

— Позови его сюда, ладно?

— Есть, сэр! — Она вытащила лист из машинки, отдала ему вместе с остальными и вышла.

Морган посмотрел сводку. Противник запретил мыльные оперы и поющую рекламу, но нельзя сказать, чтобы радио стало лучше. Очень уж привычно-одинаковой была та пропаганда, что потоком теперь лилась в эфир. Морган просматривал сводку, мечтая хотя бы об одном старомодном, неподцензурном выпуске новостей.

— Вот, смотри! — неожиданно объявил он. — Вот здесь, Батя.

— Прочти вслух, Эд. — Батины очки разбились в Последнее Воскресенье. За тысячу ярдов он мог разглядеть оленя, человека или муху, но читать он уже никогда не сможет.

«Новый центр, 28 апреля. С глубоким прискорбием сообщаем, что Органы Континентальной Координации за Унификацию Мира района Северной Америки объявили о применении санитарных мер к бывшему городу Сент-Джозеф, территория бывшего штата Миссури. Постановлено произвести установку мемориальной стелы на месте расположения бывшего города Сент-Джозеф, как только позволит радиоактивная обстановка. Бывшие жители города, вопреки неоднократным предупреждениям, поддерживали мародерствующие банды поставленных вне закона выродков и способствовали им, предоставляя укрытия в пригородах своей общины. Органы Континентальной Координации выражают надежду, что печальная судьба бывшего города Сент-Джозеф подвигнет местные власти всех общин Северной Америки на принятие необходимых мер к остающимся еще на свободе бандам отбросов общества нашего континента».

Батя поднял бровь:

— Который это уже после их победы?

— Давай посчитаем. Салинас... Колорадо Спрингс... С Сент-Джозефом — шесть.

— Сынок, после Последнего Воскресенья выжило около шестидесяти миллионов американцев. Если так пойдет дальше, за несколько лет нас просто истребят.

— Знаю. — Морган был раздражен. — Нам придется действовать, не привлекая внимания к городам. Слишком много заложников.

Из бокового туннеля вошел невысокий темноволосый человек в грязных джинсах.

— Я вам нужен, босс?

— Да, Джерри. Я хочу вызвать сюда Мак-Кракена. Через два часа, если он успеет.

— Босс, слишком много разговоров по радио. Вы его подставите под пулю, да и нас тоже.

— Я думал, что этот трюк с отражением от скалы нас защищает.

— Хитрость, которую я придумал, кто-нибудь сможет и разгадать. А к тому же у меня аппаратура разобрана. Я ее чинил.

— Долго будет ее наладить?

— От двадцати минут до получаса.

— Так сделай. Может оказаться, что это будет последний случай, когда мы используем радио, разве что при крайней необходимости.

— Понял, босс.

Собрание проходило в общей комнате. По приказу Моргана собрались все, кто мог прийти. Мак-Кракен приобыл, когда Морган уже было решил начать без него. У Мак-Кракена был пропуск на передвижение в сельской местности, поскольку он был ветеринаром. Он держал связь между колонией и ее людьми в Берклее.

— Собрание Роты Свободы Берклея, временной административной единицы Соединенных Штатов, считаю открытым, — формально объявил Морган. — Есть ли у кого-либо вопрос, который он желал бы представить на рассмотрение Роты?

Он огляделся; ответа не было.

— Ты не хочешь? — спросил он Джо Бенца. — Мне говорили, ты считаешь, что есть вещи, о которых Рота должна знать.

Бенц было заговорил, но остановился и покачал головой:

— Я подожду.

— Не слишком долго, — мягко сказал Морган. — Ладно, у меня есть два момента, которые надо обсудить...

— Три, — поправил Мак-Кракен. — Хорошо, что вы меня позвали. — Он подошел к Моргану и протянул ему большой, многократно сложенный лист бумаги. Морган просмотрел его, сложил и сунул в карман.

— Все сходится, — сказал он Мак-Кракену. — Что говорят в городе?

— Они ждут вестей от вас. Они вас поддерживают — по крайней мере пока.

— Отлично. — Морган повернулся обратно к группе. — Первое — мы сегодня получили сообщение, передаваемое из рук в руки и уже трехнедельной давности, об организации еще одного временного правительства. Курьера схватили прямо у нас перед носом. Может, он струсил, может, был неосторожен — это сейчас к делу не относится. Автор сообщения, достопочтенный Альберт М. Брокман, объявляет себя временным президентом этих Соединенных Штатов согласно преемственности власти, назначает бригадного генерала Дьюи Фентона командующим всеми вооруженными силами, включая силы ополчения — то есть нас — и призывает всех граждан сплотиться во имя изгнания захватчиков. Все по форме и по правилам. Что будем делать?

— А кто этот достопочтенный Альберт М. Брокман, черт его побери? — спросил кто-то с задних рядов.

— Пытаюсь вспомнить. В письме были перечислены все его должности, включая должность чьего-то секретаря — отсюда, наверное, и «преемственность власти». Но не могу припомнить.

— Я помню, — неожиданно сказал доктор Мак-Кракен. — Я его встречал в бюро разведения домашних животных. Сержант гражданской службы... и канцелярист в душе.

Наступило молчание, которое нарушил Тед:

— Так чего с ним возиться?

Лидер покачал головой:

— Не так все просто, Тед. Нельзя сказать, что он не годится. Наполеон мог бы всю жизнь просидеть в канцелярии, живи он в другое время. А достопочтенный Альберт М. Брокман может быть гением революции под маской чиновника. Не в этом дело. Нам нужно объединение в масштабе нации. И неважно, кто будет называться лидером. Преемственность власти неубеди-

тельна, но это единственный способ, чтобы все приняли чье-то лидерство. Малые отряды вроде нашего никогда не отвоюют страны. Нам нужно единство — и вот почему мы не можем игнорировать Брокмана.

— Что меня все время мучает, — со злостью и силой заговорил Мак-Кракен, — так это то, что этого не должно было быть! Мы могли этого не допустить.

— Теперь-то чего полыхать, — ответил Морган. — Сейчас мы видим все ошибки правительства, но я думаю, что оно честно до последнего пыталось предотвратить войну. Чтобы сохранить мир, нужны усилия всех народов, а развязать войну может в одиночку любой из них.

— Да я же не про это, капитан, — ответил Мак-Кракен. — Я же не говорю, что войну можно было предотвратить. Это можно был сделать — один раз. Но каждый знал, что может случиться другая война, и каждый — каждый, говорю я, знал, что она начнется с бомбардировки американских городов. Каждый конгрессмен, каждый сенатор знал, что в первые минуты войны будет уничтожен Вашингтон, а страна останется без правительства и будет бессмысленно дергаться, как цыпленок с отрубленной головой. Знали — и ничего не сделали!

— А что они могли сделать? Вашингтон нельзя было защитить.

— Что? Да хотя бы составить планы на случай собственной смерти! Они могли принять поправку к Конституции насчет альтернативного президента и альтернативного конгресса и потребовать, чтобы альтернативные президент и конгресс не имели права находиться в угрожаемых зонах. Они могли придумать любую схему наследования власти в случае катастрофы. Они могли оборудовать тайные центры управления из бомбоубежищ. Как отец семейства думает о будущем, когда страхует свою жизнь, — точно так же могли подумать и они. А они только курлыкали, как индюки, и позволили, чтобы их убили, не оставив преемников для выполнения своих обязанностей. «Преемственность власти», мать вашу! Это не просто разрушительно, а еще и смешно! Мы были величайшей нацией мира — а кто мы теперь?

— Спокойно, док, — попросил Морган. — Легко предсказывать назад.

— Так я же предсказывал и вперед! Я бросил работу в Вашингтоне и занялся сельской практикой еще за пять лет до войны. А конгрессмены что — не могли додуматься?

— Ладно, ты прав. Но мы с тем же успехом можем обсуждать итоги гражданской войны. Вернемся к нашим делам. Есть мысли насчет Брокмана?

— А что вы предлагаете, босс?

— Я хочу услышать мнения снизу.

— Брось ты эту бодягу, босс, — фыркнул Тед. — Мы тебя выбрали руководить.

— Ладно. Я бы предложил послать человека разведать дорогу к этому Брокману и вынюхать, кто это такой и чем он располагает. Я связался бы с другими группами в нашем штате и за рекой, чтобы добиться согласованных действий. Я бы послал Батю и Морри.

Кэтлин покачала головой:

— Даже с фальшивыми регистрационными картами и разрешениями на передвижения их тут же загребут в Батальоны Восстановления. Пойду я.

— Хрена с два, — отказал Морган. — Тебя тоже схватят, и для кое-чего похуже. Должен идти мужчина.

— Боюсь, что Кэтлин права, — заметил Мак-Кракен. — На восстановление Детройта они набрали двенадцатилетних мальчишек и стариков-паралитиков. Им все равно, когда те окочурятся от радиации. Это входит в план нашего истребления.

— А в городах все так же плохо?

— Да, как я слышал. Детройт все еще светится, а он был первым.

— Пойду я. — Этот голос, высокий и тонкий, редко слышался на собрании.

— Слушай, мать... — начал Батя Картер.

— Не встревай, Батя. Мужиков и молодых баб загребли бы, а меня никто не тронет. Мне только бумажку, что я иду к внуку, или еще чего-нибудь такого.

Мак-Кракен кивнул:

— Это мы можем.

Морган выдержал паузу и неожиданно объявил:

— Миссис Картер вступит в контакт с Брокманом. Таков приказ. Следующий приказ — о текущих делах. Вы все видели новости насчет Сент-Джозефа — их передали вчера вечером в Берклей. Кроме того, город Берклей постановлено подвергнуть испытанию на способность «местных властей» подавить «банды бесчинствующих уголовников».

По аудитории прошел шумок, но никто ничего не сказал. Большая часть жила когда-то в Берклее, и у всех там были родственники или друзья.

— Я так понимаю, что вы ждете моих слов, — сказал Мак-Кракен. — Мы собрались, как только это получили. Собрались не все — стало трудно собрать хоть сколько-нибудь — но несогласных не было. Мы на вашей стороне, но просим вас пока действовать немного полегче. Мы предлагаем, чтобы вы ограничили свои экспедиции областью, скажем, не ближе двадцати миль от Берклея и прекратили все убийства, кроме абсолютно необходимых для ухода от ареста. Особенно их выводят из себя убийства — Сент-Джозеф был сожжен после того, как там убили директора округа.

Бенц фыркнул:

— Значит, нам вообще ничего не делать. Все бросить — и помирать с голоду в этих холмах.

— Дай мне закончить, Бенц. Мы не предлагаем дать им нас запугать и поработить навеки. Но случайные рейды не наносят им вреда. Они только дают возможность добыть еду для подполья да еще — удовлетворение от мелкой мести. Мы должны сохранить наши силы, увеличить и организовать их, чтобы потом ударить результативно. Мы не оставим вас голодать. Я организую работу с фермерами, и мы сможем укрыть часть скота от регистрации. Так что мясом мы вас как-то снабдим. И пайками поделимся. Нам сейчас дают 1800 калорий на человека, но мы сможем поделиться. С черного рынка тоже что-то добудем. Способы есть.

Бенц презрительно хрюкнул. Морган посмотрел на него:

— Выкладывай, Джо. Что у тебя на уме?

— Сейчас выложу. Это не план, это беспорядочное бегство. Через год мы будем вдвое голоднее и без

всяких перспектив — а они за это время хорошо укоренятся и усилятся. Что нам в этом толку?

Морган покачал головой:

— Ты не так понял. Даже если бы нас не вынуждали, мы бы все равно пришли к этой стадии. Роты Свободы должны перестать привлекать внимание. Если мы решим вопрос с едой, то дальше будем вооружаться и наращивать силы. Нам нужна организация и оружие — организация в национальном масштабе — и ножи, пистолеты и гранаты. Эта шахта превратится в фабрику. В Берклее есть люди, которые воспользуются нашим оружием — но сейчас мы не можем подвергать Берклей смертельному риску. Надо затаиться.

— Эд Морган, ты сам себя дурачишь и это знаешь.

— Почему?

— Почему? Слушай, ты меня уговорил остаться и присоединиться...

— Ты был добровольцем.

— Ладно, добровольцем. На меня подействовало, как ты кипел и брызгал желчью насчет врага, которого мы опрокинем обратно в океан. Ты говорил про Польшу и Францию и про то, как дрались филиппинцы под игом оккупантов. Я здорово купился на это. Только одного ты мне не сказал.

— Чего же это?

— Что никогда ни одно подполье не освободило своей страны. Их выручали только вторжения извне. А нас никто не собирается выручать.

Наступило молчание. В этих словах было слишком много правды, но об этой правде не позволял себе думать ни один человек из Роты. Нарушил молчание Морри:

— Капитан?

— Говори, Морри. — Морри был бойцом, а потому — гражданином с правом голоса.

— Откуда Джо так хорошо знает, о чем говорит? История не повторяется. Да и к тому же нам могут помочь. Англия, например — или даже Россия.

Бенц фыркнул:

— Слушайте молокососа! Мальчик, Англия так же раздавлена, как и мы, только похуже. И Россия тоже. Пора повзрослеть, мальчик, хватить наяву грезить.

Мальчик посмотрел на него со злостью:

— Откуда ты знаешь? Мы знаем только то, что они нам говорят. А их слишком мало, чтобы держать весь мир, всех и каждого, все время и повсюду. Мы так и не смогли стереть с лица земли племена индейцев. И они нас не сотрут, если мы сами им не дадим. Я тоже историю читал.

Бенц пожал плечами.

— Ладно, о'кей. Давайте все споем «Страна моя, это ты», а потом прочтем вслух Клятву Скаута. Морри будет счастлив.

— Спокойнее, Джо!

— У нас свобода слова, правда ведь? Я что хочу знать: как долго это протянется? Мне надоело конкурировать с койотами за право поедания местных кроликов. Вы знаете, что я хорошо дрался и ходил в рейды. Помните ведь? Меня точно уж не назвать желторотым.

— Ты бывал в нескольких рейдах, — подтвердил Морган

— Отлично. Так вот, я бы тянул эту лямку сколько угодно, если бы у нас был разумный план. Вот почему я спрашиваю: «Сколько еще времени это планируется тянуть? Когда выступать? По весне? После Нового года?»

Морган нетерпеливо пожал плечами:

— Откуда мне знать? Это может начаться по весне, а может — через десять лет. Поляки ждали триста лет.

— Вот в этом и дело, — медленно произнес Бенц. — Я думал, ты можешь предложить разумный план. Ждите и вооружайтесь — классная картинка! Самодельные гранаты против атомных бомб. Бросил бы ты лучше себе голову дурить. Мы проиграли! — Он затянул пояс. — Остальные как хотят, а я выхожу из игры.

Морган пожал плечами:

— Я не могу заставить человека драться, если он не хочет. Пойдешь на нестроевую службу. Сдай пистолет и доложи Кэтлин.

— Ты меня не понял, Эд. Я выхожу совсем.

— Это ты не понял, Джо. Из подполья не выходят в отставку.

— Так вы же ничем не рискуете. Я спокойно ухожу и даю себя зарегистрировать как бродягу. На вас всех

это никак не скажется. А язык я буду держать за зубами — это уж само собой.

Морган сделал глубокий вдох:

— Джо, я на горьком опыте научился не доверять словам вроде «естественно», «конечно» и «само собой».

— Так вы мне не доверяете?

— Как капитан этой Роты, я не могу позволить себе доверия. Добейся от Роты моего снятия — тогда другое дело, а сейчас действуют мои правила. Ты под арестом, Джо. Сдай револьвер.

Бенц поглядел вокруг, но увидел только ряд бледных суровых лиц. Он потянулся к поясу.

— Левой рукой, Джо!

Но Бенц вдруг отскочил к стенке, внезапно выхватив револьвер.

— Дорогу! — его голос срывался на визг. — Я никого не хочу трогать, только дайте дорогу!

Морган был безоружен. У кого-то из собравшихся мог быть нож, но большинство только что вышло из-за обеденного стола. Носить оружие внутри шахты было не принято.

У Морри была винтовка, поскольку он вернулся из дозора. Пустить ее в ход было трудно из-за тесноты, но Морган заметил, что парнишка собирается попытаться. И Бенц заметил.

— Брось, Морри! — Морган, не допуская даже мысли о неповиновении, повернулся к остальным. — Пропустите его. Никто ни с места. Иди, Джо.

— Так-то лучше. — Бенц попятился к главному тоннелю, к главному входу, скрытому многолетними зарослями бурьяна. Его нетронутый вид был основой всей маскировки, но выбирать не приходилось.

Он попятился в темный проем, не опуская пистолета. Туннель изгибался, и вскоре Бенц скрылся за поворотом.

Как только Бенц исчез, Батя Картер скрылся в другую сторону и тут же появился с чем-то в руках.

— Пригнись! — закричал он и проскочил мимо них следом за Бенцем.

— Батя! — крикнул Морган, но Картера уже не было.

Через секунду по ушам ударил грохот взрыва и поднялась пыль.

Морган встал, отряхнул пыль с одежды и раздраженно сказал:

— Терпеть не могу взрывов в туннелях. Клив, Арт! Посмотрите, что там. Быстро!

— Есть, босс! — они скрылись.

— Остальные — подготовиться к выполнению плана эвакуации. Полного плана, со всей провизией и снаряжением. Джерри, не отсоединяй приемник и линию наблюдения, пока я не скажу. Марджи, поможешь Джерри. Кэтлин, готовься подать на стол все, что нельзя унести. Есть будем сегодня один раз. У приговоренных аппетит хорош.

— Минутку, капитан, — Мак-Кракен тронул его за рукав. — Стоило бы сообщить в Берклей.

— Как только ребята вернутся и доложат. Тебе бы лучше вернуться в город.

— Сомневаюсь. Бенц меня знает. Я думаю, я пока останусь.

— Хм... Ладно, тебе лучше знать. А как твоя семья?

Мак-Кракен пожал плечами:

— Им не будет лучше, если меня возьмут в городе. Я бы хотел, чтобы их предупредили и чтобы они могли при случае ко мне присоединиться.

— Предупредим. Тебе придется дать мне новый контакт.

— Запланировано. Как только придет это сообщение, мой дублер сразу вступит в дело. Его зовут Хобарт — владелец продуктового магазина на Пелэм-стрит.

Морган кивнул.

— Я должен был бы сообразить, что у тебя есть запасной вариант. Хотелось бы только знать...

Его перебил доклад Клива:

— Босс, он ушел.

— Почему не преследовали?

— Кровля обвалилась, когда Батя швырнул гранату. Туннель завалило скалой. Я нашел щель для обзора, но пролезть в нее не смог. Его в туннеле не было.

— Что с Батей?

— Все в порядке. Щелкнуло по голове щебенкой, но ничего серьезного.

Морган остановил двух торопящихся мимо женщин, занятых подготовкой к эвакуации.

— Джин — и вы, миссис Боуэн. Займитесь Батей Картером, а Арту скажите, чтобы быстро шел ко мне. Давайте!

После доклада Арта Морган сказал:

— Вы с Кливом пойдете наружу и найдете Бенца. Будем считать, что он направился в Берклей. Догоните его и, если сможете — приведите обратно. Если нет — убейте его. Ответственный — Арт. Выполняйте.

Он повернулся к Мак-Кракену:

— Насчет сообщения.

Он поискал в кармане бумагу, взял блокнот, который протянул ему Мак-Кракен, оторвал листок и начал писать. Написанное показал Мак-Кракену:

— Годится?

В сообщении Хобарта предупреждали насчет Бенца и просили его по возможности Бенца выследить. Об уходе Роты Свободы Берклея не говорилось, но назначался почтовый ящик для следующей связи — мужской туалет на автобусной станции.

— Насчет почтового ящика лучше выбросить, — посоветовал Мак-Кракен. — Хобарт его и так знает, а мы можем с ним связаться еще кучей других способов. Но я бы попросил его убрать мою семью от греха подальше. Напишите, что нам было прискорбно узнать о кончине тети Дины.

— Этого хватит?

— Вполне.

— Ладно.

Морган изменил текст и позвал:

— Марджи! Зашифруй и дай Джерри отправить. Скажи ему, что это последняя передача. Как только он закончит, может разбивать свои устройства.

— Есть, босс.

Криптографии Марджи не знала. Она использовала жаргон панков, словарь подросткового трепа и тому подобные вещи, которые показались бы бессмыслицей всякому, кроме американского подростка. На другом конце провода была такая же пятнадцатилетняя пере-

водчица, преобразующая эту словесную мешанину в осмысленный текст. Ее старомодные родители посчитали бы это чем-то вроде телепатии, но это работало.

Этой переводчице можно было верить. Вся ее семья, кроме нее, оказалась в Лос-Анджелесе в Последнее Воскресенье.

След Джо Бенца Арт и Клив взяли без труда. На осыпи у главного входа было видно, как он скользил. Следы были ясно видны, потому что с последнего большого дождя здесь никто до него не проходил.

Но след уже двадцать минут как остыл: они вышли из бокового потайного выхода в четверти мили от главного, через который ушел Бенц.

Арт нашел отпечатки, оставленные Бенцом на осыпи, и проследил его путь через опушку с легкостью, достойной скаута степени орла, которым он когда-то был. Бенц не старался замести следы, из чего было ясно, что он хотел выйти кратчайшим путем к шоссе. Двое преследователей гнались за ним с той скоростью, с которой успевали читать следы, жертвуя осторожностью ради быстроты.

Перед выходом на шоссе они осмотрелись.

— Что-нибудь видишь? — спросил Клив.

— Нет.

— Куда он мог пойти?

— Старик сказал, что его надо отсечь от Берклея.

— Верно; а если он вдруг пошел на юг? Когда-то он работал в Викэмптоне и вполне мог туда направиться.

— Босс сказал прикрыть Берклей. Пошли.

Пистолеты пришлось спрятать. С этого момента они могли рассчитывать только на ножи и собственную сообразительность. Вооруженный американец на шоссе привлек бы к себе внимание охраны вернее, чем нудист на дипломатическом приеме.

Главной целью была теперь скорость. Они должны были его догнать или опередить и перехватить.

Девятью милями и двумя с половиной часами позже — сто пятьдесят минут волчьей рыси и времени, потерянного на залегание в придорожных кустах, когда с ревом проносились автоколонны — они вышли на окраины Берклея. За поворотом, пока еще не видный, находился контрольный пост захватчиков. Здесь и было

узкое место; Бенцу было не миновать его, если он шел в Берклей.

— Он впереди или позади? — спросил Клив, выглядывая из кустов.

— Позади, если его не подобрала колонна или он не отрастил крылья. Дадим ему час.

На дороге показался фургон с сеном. Клив присмотрелся. Американцам не разрешалось пользоваться экипажами иначе как под надзором, но этот фермер со своим грузом мог ехать в город по приказу, и тогда ему предстояла только рутинная проверка на посту.

— Мы могли бы спрятаться в сене и поймать его в городе.

— Сначала поймали бы штык под ребро. Не дури.

— Ладно, не кипятись. Эй! Посмотри на это.

«Это» было человеческой фигурой, отделившейся от заднего борта фургона, когда тот начал поворачивать за угол; человек перекатился на дальнюю сторону дороги и скрылся из виду.

— Это Джо!

— Ты уверен?

— Точно! Давай за ним!

— Как? — возразил Арт. — Спокойно, друг. Давай за мной.

Они отошли на пару сотен ярдов назад, где можно было незаметно переползти дорогу по дренажной трубе. Там они по другой стороне прошли до того места, где Бенц исчез в зарослях.

Они нашли место, где он был; стебли травы еще не распрямились. Было ясно, куда он направился — к берегу реки, вверх по течению, к городу. На дороге были капли крови.

— Батя промахнулся на волосок, — заметил Клив.

— А жаль.

— Еще одно: он говорил, что хочет сдаться. Я так не думаю, иначе он остался бы в фургоне и явился бы на контрольный пост. Он явно ищет убежища. Кого он знает в Берклее?

— Не знаю. Лучше пойдем дальше.

— Погоди. Если он зацепит сигнал тревоги, они сами его пристрелят вместо нас. Если он пролезет через «окно», мы его потеряем и придется ловить его в

городе. В любом случае нет смысла ломиться вперед. Нам придется воспользоваться люком.

Берклей, как и все города, взятые захватчиками, был окружен системой электронного наблюдения. Противник обкорнал город, вгоняя его в систему, взрывая и сжигая все, что мешало созданию непрерывной цепи автоматических часовых. Но остался «люк» — заброшенный и забытый водопровод, проходивший под сигнальным уровнем. Арт о нем знал — он дважды после Последнего Воскресенья бывал в городе.

Они осторожно вернулись к шоссе, пересекли его и направились в холмы. Через тридцать минут они уже были на улицах Берклея в относительной безопасности — надо было только успевать сойти с тротуара при виде встречного оккупанта.

Первый на их пути почтовый ящик — одежный магазин — ничего им не сказал: витрина была пуста. Они пошли на автобусную станцию. Клив изучал объявления для жителей, а тем временем Арт пошел в туалет. Там, на стене, исчерченной всякого рода рисунками и надписями, в основном непристойными, он нашел, что искал — надпись: «Здесь был Киллрой». Ошибочное второе «л» в слове «Килрой» было ключом. Восемнадцать дюймов от него вправо и шесть вверх был адрес: «1745 Спурс — спросить Мэйбл».

Это значило «2856 Пайн» — на квартал дальше, чем «Спурс».

Арт передал адрес Кливу, и они разделились, спеша успеть до комендантского часа, но двигаясь с осторожностью — хотя бы один должен был добраться до цели. Встретились они на заднем дворе указанного в адресе дома. Арт постучал в дверь кухни. Она чуть приоткрылась, и выглянувший человек средних лет им вовсе не обрадовался.

— Ну?

— Мы ищем Мэйбл.

— Здесь таких нет.

— Извините, — сказал Арт. — Мы, наверное, ошиблись. — Он поежился: — Холодновато. Ночи становятся длиннее.

— Когда-нибудь станут и короче, — заметил собеседник.

— Приходится так думать, — закончил Арт.

Человек распахнул дверь:

— Заходите. А то вас патруль увидит. — Он отступил назад. — Меня зовут Хобарт. Что у вас случилось?

— Мы ищем человека по имени Бенц. Он мог сегодня проникнуть в город и затаиться где-нибудь.

— Знаю, знаю, — нетерпеливо ответил Хобарт. — Он вошел где-то около часа тому назад и спрятался у одного типа по имени Мойленд.

Во время разговора Хобарт взял из шкафа буханку хлеба, отрезал четыре ломтя, добавил по холодной сосиске и сделал два сандвича. Он не спросил, хотят ли они есть, а просто дал Арту и Кливу по сандвичу.

— Спасибо, друг. Так он спрятался. Ты что-нибудь предпринял? Его надо заставить молчать, пока не поздно.

— У нас есть подключка к телефонному кабелю. Надо подождать, пока стемнеет. Я не хочу жертвовать хорошими парнями, чтобы заткнуть ему пасть — разве что это нужно позарез.

— Сейчас уже темно, а мы — те самые парни. Так что своих ты можешь отозвать.

— Годится.

Хобарт принялся натягивать ботинки.

— Тебе не надо высовываться, — сказал Арт. — Просто скажи нам, где живет этот Мойленд.

— И подставить вас под нож. Я сам вас проведу.

— А что это за человек, этот Мойленд? Он безопасен?

— Не могу сказать. Он — делец черного рынка, но это ничего не значит. В организацию он не входит, но и против него у нас ничего нет.

Хобарт вывел их к задней изгороди, на темную сторону улицы, через детскую площадку, где они несколько минут пролежали в кустах из-за ложной тревоги, и проскользнул дальше по задворкам и проходным дворам. Он, похоже, чуял противника — больше тревоги не было. Наконец он провел их через дверь погреба частного дома. Они поднялись по лестнице, прошли через комнату, где женщина пеленала ребенка. Она взглянула, но больше никак на их появление не отреагировала. Путь закончился в темной мансарде.

— Эй, Джим! — негромко позвал Хобарт. — Что нового?

Человек, к которому это относилось, лежал, опираясь на локти, и всматривался в ночную темноту через театральный бинокль. Он перекатился на спину, отложив бинокль и сдвинув с головы пару наушников.

— Привет, шеф. Ничего особенного. Бенц, похоже, напивается.

— Я бы хотел знать, куда девался Мойленд, — сказал Хобарт. — Он кому-нибудь звонил?

— Я бы так и лежал, ничего не делая, если бы он звонил? Ему пару раз звонили, но безотносительно к нашему делу, так что я позволил ему говорить.

— Откуда ты знаешь, что безотносительно?

Джим пожал плечами и повернулся обратно к отдушине.

— Мойленд спустил штору, — объявил он.

Арт повернулся к Хобарту:

— Нам некогда ждать. Мы идем туда.

В дом Мойленда Бенц попал не в лучшем виде. Кровоточило плечо, раненное осколком батиной гранаты. Он перетянул рану платком, но от движений она открылась снова; он дрожал от страха, что его состояние проявит себя раньше, чем он попадет в безопасное место.

Мойленд отозвался из-за двери на его осторожный стук. Бенц, сжавшись, спросил:

— Зак, это ты?

— Я. Кто там?

— Это я — Джо Бенц. Зак, пусти меня, быстро!

Мойленд, казалось, хотел запереть дверь, но вдруг ее распахнул.

— Заходи.

Закрыв за Бенцем дверь и задвинув засов, он спросил:

— Так. А теперь — что случилось? Зачем ко мне пришел?

— Мне где-то надо спрятаться, Зак. Убраться с улицы, пока меня не замели.

Мойленд посмотрел изучающим взглядом:

— Ты не зарегистрирован. Почему?

Бенц не ответил. Мойленд подождал, потом продолжил:

— Ты знаешь, что мне будет за укрывательство беглеца? Ты ведь из подполья?

— Ну что ты, Зак! Я бы не подложил тебе такую свинью. Я просто — просто бродяга. Я собираюсь стать на учет.

— Откуда у тебя кровь на куртке?

— Ну... просто несчастный случай. Может, у тебя найдется пара чистых тряпок и йод.

Мойленд некоторое время смотрел на него без всякого выражения и вдруг улыбнулся:

— Не бойся, все будет путем. Садись.

Он отступил к бару и вытащил бутылку бурбона. Налив в чайный стакан на три пальца виски, он протянул его Бенцу.

— Выпей, а я тебя перевяжу.

Он вернулся с пригоршней обрывков полотенца и бутылкой.

— Сядь спиной к окну и сними рубашку. Вот тебе еще виски. Выпивка тебе понадобится, пока я буду работать.

Бенц нервно дернул головой в сторону окна:

— Почему ты шторы не опустишь?

— Привлечет внимание. Честные люди в наши дни не задергивают шторы. Сиди тихо, сейчас будет больно.

После еще трех порций виски Бенцу стало лучше. Теперь они с Мойлендом сидели за столом и пили, и нервы у Джо постепенно успокоились.

— Ты правильно сделал, что пришел, — сказал Мойленд. — Нет смысла прятаться в нору, как испуганный кролик, или бодаться с каменной стеной. Глупо это.

Бенц кивнул:

— Я им так и говорил.

— Кому — им?

— Кому? Да никому. Тем ребятам, что встретил на дороге. Бродягам.

Мойленд налил ему еще.

— На самом деле ты был в подполье.

— Я? Не говори глупостей, Зак.

— Слушай, Джо, я не мальчик. И я твой друг. Даже если бы ты мне рассказал, это ничего не изменило бы. Во-первых, у меня нет доказательств. Во-вторых, я симпатизирую подполью — как всякий американец. Я только считаю, что у них негодное руководство и глупая тактика. А то бы я сам к ним примкнул.

— Глупые они — это точно! Здесь ты не ошибешься.

— Так ты там был?

— А? Слушай, не подлавливай меня. Я давал честное слово...

— Остынь! — сказал Мойленд, как бы отмахиваясь. — Не бери в голову. Я ничего не слышал и ничего никому не могу рассказать. Меньше знаешь — дольше живешь.

Он сменил тему.

Жидкости в бутылке постепенно убавлялось, а Мойленд тем временем излагал свой взгляд на события.

— Стыд и позор, что нам пришлось так трудно усваивать свой урок, но реальность такова, что мы фактически стояли на пути прогресса. Когда-то в сорок пятом было время, когда мы могли это сделать сами, да только духу не хватило. Всемирная организация, всемирное правительство. А теперь мы стояли на дороге, вот нас и сровняли с асфальтом. Так должно было случиться, и умный человек мог это предвидеть.

Бенц страшно возмутился, но не сразу нашелся, что сказать.

— Слушай, Зак, так ты хочешь сказать, что тебе это нравится?

— Нравится? Конечно, нет. Но это было необходимо. Если тебе надо будет вырвать зуб, тебе это может не нравиться, но все равно придется. И в любом случае, — продолжил Мойленд, — это не так плохо. Большие города так или иначе были экономически нецелесообразны. Нам бы пришлось самим их взрывать. Можешь назвать это уборкой лома.

Бенц стукнул пустым стаканом:

— Пусть так — но ведь нас превратили в рабов!

— Не так страстно, Джо! — сказал Мойленд, наливая в его стакан. — Ты ведь говоришь абстракциями.

Коп на углу мог тебя замести, когда только хотел. Это свобода? И важно ли, с ирландским или каким-нибудь другим акцентом говорит коп? Нет, друг, слишком много чепухи болтают насчет свободы. Свободы нет ни у кого. Ее вообще нет на свете. Есть только различия в привилегиях. Свобода слова? Вот сейчас мы говорим свободно. Или тебе надо обязательно забраться на трибуну? Свобода печати? А ты был владельцем газеты? Не будь фраером. Теперь, когда ты проявил здравый смысл и вернулся, ты увидишь, как мало изменился мир. Чуть больше порядка и нет страха войны, и это, в общем, все. Девки как давали, так и дают, ушлые ребята загребают монету, а фраерам остаются огрызки.

— Ты прав, Зак, — кивнул Бенц. — Дурак я был.

— Хорошо, что ты понял. Вот, например, те дикари, с которыми ты был. Что у них за свобода? Свобода голодать, свобода спать на холодной земле, свобода быть дичью на охоте.

— Так оно и есть, — согласился Бенц. — Ты спал когда-нибудь в шахте, Зак? Холод — это только полдела. Там еще и мокро.

— Воображаю, — поддержал Мойленд. — В Кэйпхартских копях всегда было полно воды.

— Это не в Кэйпхарте, это в Харкн... — Бенц поймал себя на том, что чуть не проговорился.

— В Харкнессе? Это там база?

— Я этого не сказал! Это ты сказал! Ты...

— Спокойно, Джо. Не волнуйся. — Мойленд подошел к окну и опустил шторы. — Ты ничего не сказал.

— Ничего не сказал, — подтвердил Бенц, тупо глядя на стакан. — Слушай, Зак, где бы мне поспать? Что-то мне нехорошо.

— Я устрою тебя на отличном месте.

— Да? Спасибо, покажи где. Я уже падаю.

— Один момент. Тебе придется сначала стать на учет.

— Чего? Слушай, только не сегодня. Я уже никуда не гожусь.

— Боюсь, что все равно придется. Ты видел, как я опустил шторы? Они вот-вот явятся.

Бенц, слегка шатаясь, вскочил:

— Ты меня заманил в ловушку! — и бросился на Мойленда.

Тот отступил на шаг, положил руку на плечо Бенца и толкнул его обратно на стул.

— Сядь, фраер, — ласково сказал он. — Ты ведь не думаешь, что ради тебя и твоих дружков я подставлю себя под атомную бомбу?

Бенц покачал головой и захныкал.

Хобарт проводил их до дома и сказал Арту, уходя:

— Если вернетесь, скажите Мак-Кракену, что тетя Дина почиет в мире.

— Скажу.

— Дайте мне две минуты и входите. Удачи.

Клив остался прикрывать, Арт вошел внутрь. Задняя дверь была заперта, но филенка была стеклянная. Он разбил филенку рукоятью ножа, просунул руку и отпер дверь. Когда Мойленд вышел на шум, он уже вошел.

Арт двинул Мойленда ногой в живот, а когда он согнулся, вонзил нож ему в шею. Убедившись, что он мертв, Арт отправился на поиски той комнаты, где был Бенц, когда опустились шторы.

Именно там он и нашел Бенца. Тот замигал и начал тереть глаза, как бы не в силах поверить тому, что видит. Наконец он выкрикнул:

— Арт! Господи, это ты! До чего же я рад тебя видеть! Давай выбираться отсюда — тут горячо.

Арт стал приближаться с ножом наготове. Бенц посмотрел на него встревоженно:

— Эй, Арт! Это ошибка. Арт, не делай этого. Я ведь...

Первый удар ножа пришелся в солнечное сплетение, а второй — для верности — перерезал ему горло. После этого Арт быстро покинул дом.

Через тридцать пять минут он вышел из внешнего выхода люка. Глотка у него пересохла и горела, а левая рука безжизненно повисла — то ли сломанная, то ли просто раненая.

Клив лежал мертвым в аллее за домом Мойленда. Он хорошо прикрыл отход Арта.

Добираться до шахты Арту пришлось всю ночь и еще часть утра. Весь путь он проделал по холмам; на шоссе, по его мнению, было слишком горячо. Он не рассчитывал застать Роту на месте. Со стороны Моргана было бы разумно, не имея твердой уверенности, что Бенцу заткнули рот, провести эвакуацию. Арт спешил.

Но он не рассчитывал увидеть то, что увидел — вертолет, барражирующий в окрестностях шахты.

Он остановился оценить обстановку. Он знал, где искать Моргана, если ему с отрядом удалось выбраться. Если они все еще в шахте, то нужно придумать, как им помочь. Ему очень не нравилась собственная беспомощность — в одиночку с ножом и сломанной рукой против вертолета.

Где-то застрекотала сорока. Без особой надежды он подал свой сигнал. Сорока умолкла, и ответил пересмешник — Тед.

Арт просигналил, что будет ждать на месте. Он думал, что хорошо спрятался, и ждал сигнала, когда Тед подберется поближе, но недооценил Теда. Рука на его плечо легла неожиданно. Он повернулся, выхватывая нож, и чуть не вывихнул плечо.

— Тед, это ты! До чего же рад тебя видеть!

— Взаимно. Ты его нашел?

— Бенца? Нашел, только не знаю, вовремя ли. Где вся кодла?

— Четверть мили к северу от задней двери. Нас пришпилили. Где Клив?

— Клив не вернется. Что значит «пришпилили»?

— Этому хренову вертолету видно то русло, в котором мы сейчас торчим. Батя вывел наших в укрытие, и сейчас они в безопасности, но они не могут двинуться.

— Что значит «Батя вывел?» Где босс?

— Он не в форме, Арт. Получил автоматную пулю в ребра. Его придется подлечить. Кэтлин погибла.

— А, чтоб тебя!

— Именно так. Марджи и Мод Картер взяли ее ребенка на себя. Но главное, из-за чего нас пришпилили — это босс и ребенок.

Вдалеке раздался голос пересмешника.

— Это Батя, — сказал Тед. — Нам надо вернуться.

— А это возможно?

— Конечно. Только держись за мной. А я постараюсь не слишком отрываться.

Арт пошел за Тедом по крутой, а в одном месте почти отвесной тропе. Отряд укрылся под выступом скалы, в углублении, бывшем некогда руслом потока, а теперь сухим. Возле стены лежал на спине Морган, а рядом с ним сидели Батя Картер и доктор Мак-Кракен. Арт подошел и доложил об операции. Морган кивнул; лицо у него было серым от боли. Рубашка была разрезана, а вокруг груди намотан толстый слой бинта.

— Хорошо сработал, Арт. Клива жалко. Тед, мы уходим. Вы впереди, потому что ты понесешь ребенка.

— Ребенка? А как...

— Док ему даст снотворное, чтобы он не пискнул. А ты его привяжешь к себе на спину, как папуас.

Тед задумался.

— Пожалуй, лучше на грудь. Там придется кое-где пробираться почти ползком под низкой кровлей.

— Тебе лучше знать.

— Босс, а как вы будете выбираться?

— Не говори глупостей.

— Послушайте, босс, если вы думаете, что я смоюсь и брошу вас вот так, то вы...

— Прекратить разговоры и выполнять! — От резкого крика усилилась боль; Морган закашлялся и вытер рот.

— Есть, сэр! — Арт и Тед вышли.

— Слушай, Эд, — начал Картер...

— И ты заткнись. Ты точно не хочешь стать капитаном?

— Ты сам знаешь, Эд. Они меня слушались, пока я был твоим заместителем, но капитаном они меня не признают.

— Тогда тебе придется, док.

Мак-Кракен встревожился:

— Они меня не знают, капитан.

— Они тебя примут. Ты можешь командовать, и люди это чувствуют.

— Если я стану капитаном, я все равно не позволю тебе остаться здесь одному. Мы дождемся темноты и понесем тебя.

— И попадем под инфракрасный прожектор, как утки на пруду? К тому же до заката может появиться еще один вертолет с подкреплением.

— Они не дадут мне тебя оставить.

— Это твое дело их приструнить. Я ценю твою гуманность, док, но, когда ты станешь капитаном, начнешь мыслить по-другому. Научишься списывать потери.

Мак-Кракен не ответил. Морган повернулся к Картеру:

— Собери их, Батя.

Они столпились плечом к плечу. Морган обвел взглядом ряд встревоженных лиц и улыбнулся.

— Собрание Роты Свободы Берклея, временной административной единицы Соединенных Штатов, считаю открытым, — неожиданно твердо прозвучал голос Моргана. — Я оставляю пост капитана в связи с физической невозможностью выполнять возложенные на меня обязанности. Есть кандидатуры на этот пост?

Тишину нарушали только щебет птиц и жужжание насекомых.

Морган посмотрел в глаза Бате. Тот прочистил горло:

— Предлагаю дока Мак-Кракена.

— Другие предложения есть? — Он выдержал паузу. — Те, кто за дока, прошу поднять правую руку. Так, теперь — кто против? Доктор Мак-Кракен выбран единогласно. Командуйте, капитан. Удачи.

Мак-Кракен встал, пригнувшись под низкой кровлей.

— Начинаем эвакуацию. Мистер Картер, дайте младенцу еще ложку сиропа, потом помогите Теду. Он знает, что делать. Вы пойдете за ним. Потом Джерри. Следующая — Марджи. Выйдя из каньона, разделиться и идти по одному. Рандеву на закате согласно плану капитана Моргана — в пещере. — Он остановился. — Так, пока все. Выход по готовности Теда с ребенком. Теперь все свободны, и не толпитесь тут — капитану Моргану нужен воздух.

Они вышли, и Мак-Кракен наклонился к Моргану, который слабым голосом сказал:

— Не думай, что ты меня последний раз видишь, капитан. Я через несколько дней вас, может быть, догоню.

— Может быть. Я тебе оставлю одеяла и достаточно воды рядом. И еще — таблеток, которые могут облегчить тебе жизнь. Принимай по половинке — они рассчитаны на коров. — Доктор усмехнулся.

— Ладно, половину так половину. Слушай, пусть Батя командует эвакуацией — он отличный заместитель, а я хочу тебе сказать пару слов перед уходом.

— Сейчас. — Доктор подозвал Картера, дал ему инструкции и повернулся к Моргану.

— Когда соединишься с отрядом Пауэлла, — прошептал Морган, — первым делом свяжитесь с Брокманом. Лучше всего отправь миссис Картер прямо после разговора с Пауэллом.

— Так и сделаю.

— Это самое для нас важное, док. Нам нужно единство и один план на всех, от океана до океана. Наступит день, когда за каждым из них будет закреплен американец, и в назначенное время — вжжик! — Он провел большим пальцем поперек шеи.

Мак-Кракен кивнул:

— Может быть. И наверняка будет. Только когда?

— Не знаю. И не думаю про это «когда». Два года, пять лет, столетие, быть может. Не в этом дело. Дело в том, осталось в Америке мужество или нет. — Он посмотрел туда, где уже пятый боец отряда ждал сигнала от Картера, который, в свою очередь, ждал сигнала от Арта, следящего из укрытия за вертолетом. — У этих людей осталось.

— В этом я уверен.

Морган добавил:

— Я понял одну вещь: свободного человека нельзя сделать рабом. Единственный, кто может поработить человека — это он сам. Нет, сэр — свободного человек рабом не сделаешь. Самое большее — его можно убить.

— Нет спору, Эд.

— Факт. Слушай, док, сигареты есть?

— Тебе это не полезно, Эд.

— Но и вреда тоже нет, правда, док?

— Если и есть, то немного.

Мак-Кракен, не задумываясь, отдал последнюю сигарету и смотрел, как затягивается Морган.

Паузу прервал Морган:

— Батя тебя ждет, док. Будь.

— Бывай. И не забудь: полтаблетки на прием. Воды пей сколько хочешь, но не сбрасывай одеял, как бы ни было жарко.

— Полтаблетки, понял. Ладно, удачи тебе.

— Тед тебя навестит завтра.

Морган покачал головой:

— Слишком рано. Не раньше чем через пару дней.

Мак-Кракен улыбнулся:

— Так я решил, Эд. Ты, главное, лежи закутанный. Удачи, — он отошел в сторону к поджидающему его Картеру.

— Вперед, Батя. Ты первый, я второй. Дай сигнал Арту.

Картер поколебался, но все же спросил:

— Скажите мне прямо, док. В каком он виде?

Мак-Кракен внимательно посмотрел Бате в глаза и негромко произнес:

— Я думаю, у него еще часа два.

— Я с ним останусь.

— Нет, Батя, ты будешь выполнять приказ.

Но при виде глубокого горя, отразившегося в глазах старика, Мак-Кракен добавил:

— За Моргана не беспокойся. Свободный человек может сам о себе позаботиться. А теперь пошли.

— Есть, сэр!

ОРКЕСТР МОЛЧАЛ, И ФЛАГИ НЕ ВЗЛЕТАЛИ...

Эту историю заказал мне журнал «Шахтеры» — коротенькую-коротенькую, говорили они, полторы тысячи слов, не более. Потом я попробовал пристроить ее в журнал американских легионеров, но там меня выбранили за то, что лечение ветеранов изображено в рассказе весьма далеким от совершенства. Тогда я отправил историю нескольким издателям НФ — и мне сообщили, что это не научная фантастика. (Вот здорово, черт бы их побрал! Полеты со сверхсветовой скоростью — это научно, а терапия и психология — нет. Должно быть, я чего-то не понимаю.)

Но у рассказа и впрямь есть изъян, который обычно бывает фатальным. Попробуйте определить его. Я вам подскажу ответ, но только в самом конце.

— Самый храбрый человек, которого я встречал в жизни! — сказал Джонс, начиная уже надоедать своей болтовней.

Мы — Аркрайт, Джонс и я, — отсидев в госпитале ветеранов положенное посетителям время, возвраща-

---

No Bands Playing, No Flags Flying — 1973

лись к стоянке. Войны приходят и уходят, а раненые всегда остаются с нами — и черт возьми, как мало внимания им уделяется между войнами! Если бы вы не сочли за труд убедиться в этом, а убеждаться мало кому охота, то нашли бы в некоторых палатах искалеченные человеческие останки, датируемые годами первой мировой войны.

Наверное, поэтому каждое воскресенье и каждый праздник наш округ назначает несколько комиссий для посещения больных. Я в этом деле участвую уже тридцать лет — и если вы таким образом не оплачиваете долг, то по крайней мере должны иметь какой-то интерес. Чтобы остаться на такой работе, вам это просто необходимо.

Но Джонс, совсем молодой парень, участвовал в посещении первый раз. Он был в совершенно подавленном состоянии. И скажу честно, я бы презирал его, будь это не так; нам достался свежий урожай — прямиком из Юго-Восточной Азии. Сначала Джонс держался, но, когда мы вышли из госпиталя, его понесло, и в заключение он выдал свою громкую фразу.

— Интересно, какой смысл ты вкладываешь в слово «храбрость»? — спросил я его. (В общем-то Джонс был прав — парень, о котором он говорил, потерял обе ноги и зрение, но не унывал и держался молодцом.)

— А сами-то вы какой в него вкладываете смысл? — завелся Джонс, но тут же добавил «сэр», уважая скорее мою седину, чем мнение. В его голосе чувствовалось раздражение.

— Не кипятись, сынок, — ответил я. — То, что помогло этому парню вернуться живым, я бы назвал «мужеством», или способностью терпеть напасти, не теряя присутствия духа. И в моих словах нет никакого пренебрежения; возможно, это качество даже более ценное, чем храбрость. Но я определяю «храбрость» как способность сознательно пойти навстречу опасности, несмотря на страх и даже имея выбор.

— А при чем тут выбор?

— При том, что девять человек из десяти пройдут любое испытание, если им его навяжут. Но чтобы самому взглянуть опасности в лицо, требуется нечто большее, особенно когда сходишь с ума от страха и есть возможность улизнуть. — Я взглянул на часы. —

Дайте мне три минуты, и я расскажу вам о самом храбром человеке, с которым мне довелось повстречаться.

Между первой и второй мировыми войнами, совсем еще молодым пареньком, я попал почти в такой же госпиталь, какой посетила наша троица. На маневрах в зоне Панамского канала я получил воспаление легких, и меня отправили на лечение. А если вы помните, это были годы, когда терапия легких только развивалась — ни тебе антибиотиков, ни специальных лекарств. В то время применяли френикотомию — вам перерезали нервы, которые управляли диафрагмой, и лишали грудную клетку подвижности, чтобы дать легкому поправиться. Если это не удавалось, использовали искусственный пневмоторакс. А если и он не помогал, врачи ломились с «черного хода» — отрубали несколько ребер и снабжали несчастных корсетами.

Все эти ухищрения были нужны для того, чтобы удержать легкое в покое и дать ему восстановиться. При искусственном пневмотораксе больному просовывают между ребрами пустотелую иглу так, чтобы ее конец оказался между стенкой ребер и стенкой легкого, а потом заполняют пространство между ними воздухом, таким образом сжимая легкое, как губку.

Но кислород вскоре поглощается, и тебя закачивают воздухом снова и снова. Утром, каждую пятницу, те из нас, кто был на «пневмо», собирались в приемной хирурга, чтобы уколоться. Не так уж мы и печалились — легочники — веселые люди; они всегда найдут, над чем посмеяться. В нашем отделении размещались только офицеры, и мы превратили приемную в нечто вроде клуба. Вместо того чтобы толпиться в очереди в коридоре, мы заваливали в комнату, растягивались в креслах, усаживались на стол, курили сигареты хирурга и кормили друг друга байками, пока шла процедура. В то утро нас было четверо, и мне выпал первый номер.

Когда вставляют иглу, это не очень больно — просто легкий укол. Но если вы попросите об анестезии кожи, то даже укола не почувствуете. Процедура занимает несколько минут, вы снова надеваете халат и

отправляетесь в постель. В тот раз я не спешил уходить, потому что второй пациент, парень по фамилии Сондерс, рассказывал очень непристойную хохму, которую мне еще не доводилось слышать.

И вот он обрывает ее на середине и забирается после меня на стол. Хирург нашего отделения ушел в отпуск, и нас обслуживал его помощник — молодой парень, чуть ли не со школьной скамьи. Нам он нравился, и мы чувствовали, что у него задатки великого хирурга.

Что бы вы там ни думали, в общем-то закачка воздухом не опасна. Вы можете сломать себе шею, свалившись с лестницы, или задохнуться до смерти, подавившись куриной косточкой. Вы можете поскользнуться в дождливый день, удариться головой и утонуть в небольшой луже. При искусственном пневмотораксе тоже возможны непредвиденные случайности. Если игла проходит чуть дальше и проникает в легкое и если потом воздушный пузырек попадает в кровеносный сосуд и умудряется дойти до сердца, то в сердечных клапанах может образоваться газообразный тромб. Случай крайне редкий — врачи называют его воздушной эмболией. Таким образом, при стечении всех этих маловероятных случайностей вы можете умереть.

Одним словом, мы так и не услышали окончание веселой истории Сондерса. Он отдал концы прямо на столе.

Молодой хирург делал все возможное, чтобы спасти его; прибежали другие врачи. Они пытались вернуть Сондерса к жизни, перепробовали самые разные фокусы, но все напрасно. В конце концов в помещение принесли мясную корзину и утащили парня в морг.

А мы трое так и стояли, не говоря ни слова. Весь мой завтрак вывернуло, но я благодарил судьбу за то, что еще дышу. Полевой писарь по фамилии Джозефс должен был идти на укол следующим, полковник Хостеттер — за ним. Хирург поднял голову и посмотрел на нас. Он весь вспотел, выглядел ужасно — видимо, потерял своего первого пациента, ведь доктор был совсем еще мальчишка. Он повернулся к доктору Арманду из соседнего отделения. Не знаю, хотел ли паренек попросить старика закончить процедуры или хотел

отложить их на день, но по его лицу было видно — он и рукой не может шевельнуть после смерти Сондерса.

Как бы там ни было, сказать он ничего не успел, потому что Джозефс мигом сбросил свой халат и забрался на стол. Только что прикуренную сигарету он передал санитару:

— Подержи сигаретку, Джек, пока доктор... — и он называет имя нашего парнишки, — не накачает меня воздухом. — С этими словами Джозефс начинает снимать пижаму.

Вы, наверное, знаете, что молодых летчиков отправляют в полет сразу после первой аварии. В такой же ситуации оказался и наш молоденький доктор: он должен был повторить процедуру и доказать себе, что это всего лишь неудача и он не мясник на бойне. Парень сам бы не решился — вот Джозефс ему и помог. В тот момент любой из нас мог погубить его как хирурга, отказавшись от процедуры или дав ему время довести себя до нервного срыва, но Джозефс заставил мальчишку взяться за дело.

Джозефс умер прямо на столе.

Игла вошла, все было нормально, а потом писарь тихо вздохнул и умер. На сей раз рядом стоял доктор Арманд. Он взял руководство в свои руки, но ничего не помогло. А мы смотрели этот фильм ужасов по второму разу. Появились те же четверо и унесли тело в морг — возможно, в той же корзине.

Наш хирург и сам выглядел как труп. Доктор Арманд распорядился:

— Вы двое идите по койкам, — сказал он Хостеттеру и мне. — Полковник, после обеда зайдете в мой кабинет, я сделаю вам укол.

Хостеттер покачал головой.

— Нет, благодарю вас, — решительно ответил он. — Мой хирург и сам может это сделать. — Он снял халат. Молодой паренек был ни жив ни мертв. Полковник подошел к нему и потянул за руку. — Ладно, доктор, давай, а то опоздаем на ленч. — С этими словами он влез на стол и подставил свои ребра.

Через несколько минут полковник уже надевал пижаму. Работа была сделана, и наш хирург снова выглядел человеком, хотя перепотел, как в бане.

Я остановился, чтобы перевести дыхание. Джонс серьезно кивнул и произнес:

— Теперь мне ясно, что вы хотели сказать. Да, поступок Хостеттера требует больше хладнокровия и мужества, чем любое сражение.

— Да нет же, — вмешался Аркрайт. — Он хотел тебе сказать о другом. Он имел в виду не полковника, а молодого врача. Доктору пришлось собраться и делать свое дело — причем не один раз, а дважды! Хостеттер только поддержал его.

Я почувствовал себя старым и больным.

— Одну секунду. Вы оба не правы. Помните, я определил храбрость как состояние, в котором человек имеет выбор... и идет навстречу опасности, несмотря на свой страх. Нашего хирурга заставили принимать решения, поэтому он не в счет. Полковник Хостеттер был ветераном, закаленным в боях, к тому же Джозефс подал ему пример. Нет, полковнику тоже не видать приза как своих ушей.

— Но это несправедливо, — возмутился Джонс. — Конечно, ваш Джозефс был храбрецом, но если уж он едва заставил себя пойти на стол, то полковнику это было вчетверо труднее. Ведь вам наверняка уже всем казалось, что любой, кто попадет на этот стол, живым оттуда не слезет.

— Да-да, — подхватил я. — Именно так мне и казалось. Но ты не даешь мне закончить. Я точно знаю, что приз за храбрость заслужил именно Джозефс. Видишь ли, вскрытие показало, что у него не было воздушной эмболии. Джозефс умер от страха.

ОТВЕТ: Я закамуфлировал его, чтобы вы не сразу догадались; изъян заключается в том, что это **правдивая** история. Я сам там был. Я поменял имена, место действия и даты, но не события.

ЕЕ СОБСТВЕННАЯ ВАННАЯ

Вы когда-нибудь опускали ногу на верхнюю ступеньку лестницы, которой там не оказывалось?

Вот что я ощутил, когда увидел моего достопочтенного соперника на должность городского советника от третьего избирательного округа.

Том Гриффит позвонил мне после регистрации кандидатов и назвал моих противников.

— Альфред Мак-Най, — сказал он, — и Фрэнсис Кс. Нельсон.

— Мак-Ная можно сбросить со счетов, — заметил я, прикидывая. — Он выставил свою кадидатуру только для рекламы. Так что бороться будем мы трое: я, этот Нельсон и нынешний советник судья Джоргенс. Может, все решится на предварительных выборах.

Наш чудный город пользуется системой, которую в насмешку окрестили «беспристрастной» — кандидат может пройти еще на первичных выборах, получив чистое большинство.

— Джоргенс своей кандидатуры не выставил, Джек. Старый вор не добивается переизбрания.

Я обдумал эту новость.

A Bathroom of Her Own, 1960

— Значит, Том, собранный на него материал можно просто выбросить. По-твоему, босс Тулли и его ребята отказываются от нашего округа?

— Отказаться от третьего округа в этом году машина Тулли никак не может. Следовательно, Нельсон — их кандидат.

— Пожалуй... Не Мак-Най же! И что ты о нем знаешь?

— Ничего.

— Вот и я ничего. Ладно, сегодня вечером успеем на него наглядеться.

«Гражданская лига» устраивала вечером «встречу с кандидатами». Я поехал на стоянку прицепов, где обосновался, принял душ, побрился, надел жмущие ботинки и вернулся в город. Времени на размышления у меня было предостаточно.

Не так уж редко политическая машина заменяет (на время!) своего человека, чья репутация начинает попахивать слишком уж сильно, незапятнанным гражданином пока без сомнительного прошлого. Я мысленно уже видел этого Нельсона — молодой, с мужественным лицом, возможно, адвокат и, несомненно, ветеран. Такой политически наивный, что выставит свою кандидатуру и не поморщится, или же такой честолюбивый, что закроет глаза на необходимость идти на поводу у машины. И так и эдак он машину устроит.

Я чуть не опоздал, меня представили с ходу, и я занял место на эстраде. Нельсона я нигде не углядел, зато увидел, что Клифф Мейерс беседует с какой-то девицей. Мейерс — мальчик на посылках у босса Тулли, и, следовательно, Нельсона следовало искать где-то поблизости.

Мак-Най откликнулся на зов народа двумя-тремя сотнями слов, затертых до блеска, а затем был представлен Нельсон, «ветеран этой войны и кандидат на ту же должность».

Девица оторвалась от Мейерса и поднялась на трибуну.

Раздались хлопки, а на галерее кто-то одобрительно свистнул. Она, вместо того чтобы смутиться, поглядела туда с улыбкой и сказала:

— Благодарю вас!

Тут все снова захлопали, засвистели, затопали ногами. Я не блещу сообразительностью — так и не научился «махать ручкой», а «ладушки» и вовсе не освоил. Вот я и ждал, что она извинится за отсутствие Нельсона, назвавшись его женой, сестрой или там свояченицей... Так что она кончала четвертую фразу, когда я наконец сообразил, что она сама и есть Нельсон!

Фрэнсис Кс. Нельсон! Вернее, Франсес Кс. Нельсон. За что мне это? Ну за что?!

Даже в лучшем случае соперничать на выборах с женщиной — мука смертная. Ты не смеешь себе позволить даже самых безобидных выпадов, а ей разрешается пускать в ход все — от хлыста из змеиной кожи до отравы, подлитой тебе в кофе.

А прибавьте изящную красоту, несомненный ум, умение держаться на трибуне. А в довершение еще и ветеран! Где уж мне... Я попытался перехватить взгляд Тома Гриффита, но он смотрел только на нее и прямотаки упивался.

Нельсон, извините, мисс Нельсон, ставила на жилищную проблему.

— Пока он воевал, вы обещали ему потом все самое лучшее. А что он получил? Лачужку в трущобах, диван в гостиной зятя, гараж без удобств! Если меня выберут, я начну с того...

Против такого не пикнешь. Хорошие дороги, хорошая погода, американский семейный очаг и жилищная программа для ветеранов — у кого могут найтись возражения?

Когда встреча закончилась, я поймал Тома, вместе мы разыскали руководство ассоциации третьего округа и отправились домой к одному из активистов.

— Вот что, дорогие мои, — начал я, — когда я согласился выставить свою кандидатуру, мы ставили себе целью ущемить машину, подставив ножку Джоргенсу. Но теперь положение изменилось, и мне еще не поздно забрать залог. Что скажете?

Миссис Холмс (миссис Бигсби Холмс), отличнейшая женщина, все зубы съевшая на избирательных кампаниях, уставилась на меня с изумлением.

— Джек, какая муха тебя укусила? Избавиться от Джоргенса еще полдела. Нам нужен советник, на кото-

рого можно положиться. И для нашего округа самый подходящий кандидат — ты.

Я замотал головой.

— Мне хотелось быть не кандидатом, а организатором! Нам нужен ветеран...

— Так ты же во время войны показал себя не хуже других, — перебил Дик Блейр.

— Может быть. Но политически это не стоит ничего. Нам нужен ветеран. (Я тасовал документы в юридическом отделе Манхэттенского проекта — в гражданской форме — и настаивал на кандидатуре Дика Блейра, десантника, медаль «Пурпурное Сердце». Но Дик дал себе самоотвод, а кто посмеет настаивать, чтобы ветеран и фронтовик приносил еще жертвы во имя своего народа?) Джоргенс тоже не ветеран, вот я и подчинился воле большинства. Ну а теперь... Черт подери, по-вашему, я могу ее обойти? Она донельзя сексапильна политически!

— И не только! — выкрикнул Том.

Но тут заговорил доктор Поттер, и мы прикусили языки. В нашей команде ему принадлежит роль старого мудреца.

— Ты неверно ставишь вопрос, Джек. Ветеран ты или не ветеран — значения не имеет.

— Я не верю в пользу от безнадежной борьбы, доктор.

— А я верю. Если мисс Нельсон ставленница Тулли, мы обязаны выступить против нее.

— Так за ней машина? Это точно? — спросила миссис Холмс.

— Конечно, — отозвался Том. — Разве вы не видели, как Клифф Мейерс волок ее на буксире? Марионетка со светло-каштановыми волосами.

Я потребовал голосования. Они дружно проголосовали против моего предложения.

— Ну, ладно, — сдался я. — Если вы стерпите, то и я как-нибудь уж стерплю. Но хлопот добавится. Мы думали, у нас хватит грязи против Джоргенса, а теперь надо снова копать и копать.

— Не волнуйся, Джек, — успокоила меня миссис Холмс. — Мы копнем, и копнем поглубже. Работу в избирательных участках я беру на себя.

— А мне казалось, ваша дочь в Денвере вот-вот родит.

— Так и есть. Но я доведу дело до конца.

Вскоре я ушел, но на душе у меня было много легче — и не из-за того, что я вдруг поверил в свою победу, а просто потому, что на свете есть доктор Поттер, миссис Холмс и им подобные. Дух сотрудничества во время предвыборной кампании — чудесная штука. Я вновь его ощутил, и ко мне вернулась довоенная энергия.

До войны наша общественность была в отличной форме. Мы приструнили местную избирательную машину, подтянули чиновников, отправили в тюрьму лейтенанта полиции и добились, чтобы строительные контракты заключались строго на конкурсной основе. Причем добились всего этого не с помощью воскресных молитв, а благодаря усилиям частных граждан, добровольно обходивших улицы, нажимая на дверные замки.

Потом началась война и все переменилось.

Те, кто добросовестно круглый год отдавал свои силы местной политике, разумеется, к войне отнеслись со всей серьезностью. И с Перл-Харбора до Хиросимы на политику они не могли выкроить и минуты. Просто поразительно, как никто во время войны не слямзил ратушу. Разве что она наглухо привинчена к фундаменту.

По дороге я остановился у автомобильной закусочной, чтобы съесть гамбургер и поразмыслить. Ко мне почти вплотную притиснулась еще машина. Я покосился на нее и заморгал.

— Чтоб мне! Мисс Нельсон! Кто вас отпустил гулять одну?

Она обернулась, готовая отбрить меня, но тут же включила предвыборную приветливость.

— Вы меня напугали! Вы же мистер Росс, правда?

— И ваш будущий городской советник, — согласился я. — Вы тоже меня напугали. Ну, как вам жнется на политической ниве? И где Клифф Мейерс? Спустили его в канализацию?

Она хихикнула.

— Бедный мистер Мейерс! Я пожелала ему доброй ночи у моей двери, а потом поехала сюда. Жутко есть хочется.

— Так за победу на выборах не борются! Почему вы не пригласили его зайти и не изжарили яичницу?

— Ну, мне не хотелось... Вернее, мне хотелось подумать наедине с собой. Вы на меня не наябедничаете? — Она бросила на меня взгляд, означавший — только не вы, такой сильный, благородный мужчина!

— Я ведь враг, не забывайте! Но я вас не выдам. Мне тоже удалиться?

— Не обязательно. Раз уж вы станете моим городским советником, мне следует познакомиться с вами получше. Но почему вы так уверены, что победите меня, мистер Росс?

— Джек Росс — ваш друг и мой. Не разрешите ли угостить вас сигарой? И я вовсе не уверен, что обойду вас. Где мне против ваших природных преимуществ и шайки Тулли у вас за спиной.

Она прищурилась. Предвыборная улыбка исчезла.

— О чем вы? — спросила она медленно. — Я независимый кандидат.

Мне предлагалось поджать хвост, но я воздержался.

— И вы думаете, я поверю? Клифф Мейерс торчит у вас за плечом и...

Договорить мне помешал официант. Мы заказали, каждый свое, и я хотел продолжать, но она перебила:

— Я правда хочу побыть одна!

И, поставив меня на место, начала поднимать стекло.

Я положил ладонь на верхний край стекла.

— Минуточку! Это политика, и о вас судят по друзьям, которыми вы себя окружаете. А на первую встречу с избирателями вы являетесь под крылышком Клиффа Мейерса.

— Но что тут такого? Мистер Мейерс настоящий джентльмен.

— И трогательно заботится о старушке матери. Он — человек без видимых средств к существованию на посылках у босса Тулли. Я, как и все в зале, решил, что босс поручил ему опекать желторотого кандидата.

— Неправда!

— Неужели? Вас поймали с поличным. А ваша версия?

Она прикусила губу.

— Я не обязана ничего вам объяснять.

— Безусловно. Но обстоятельства говорят сами за себя.

Она промолчала, и мы принялись за еду, игнорируя друг друга. Но когда она включила зажигание, я сказал:

— До вашего дома я буду ехать за вами.

— Благодарю вас, этого не требуется.

— После войны наш город стал небезопасен. Вечером молодой женщине не следует быть на улице одной. Даже Клифф Мейерс лучше, чем ничего.

— Поэтому я и позволила им... Поступайте как знаете!

Мне пришлось проскакивать на красный свет, но я держался за ней, точно пришитый, и не сомневался, что она поспешит войти к себе и хлопнуть дверью погромче. Однако она остановилась на краю тротуара и сказала:

— Благодарю вас, мистер Росс, что вы столь любезно проводили меня до дома.

— Не стоит благодарности. — Я поднялся с ней на крыльцо-веранду и пожелал ей доброй ночи.

— Мистер Росс, мне не так уж важно, что вы обо мне думаете, но босс Тулли ко мне никакого отношения не имеет. Я независимый кандидат.

Я промолчал, и она добавила:

— Вы мне не верите! — Большие красивые глаза заблестели от слез.

— Я ничего не утверждал, но я ищу какого-нибудь объяснения.

— Да что тут объяснять?

— Очень и очень многое! — Я сел на качели, украшавшие веранду. — Идите-ка сюда и объясните дедушке, почему вы решили выставить свою кандидатуру.

— Ну-у... — Она села рядом со мной, и на меня волнующе повеяло ее духами. — Началось с того, что я не могла найти квартиру. Нет, не с этого, а гораздо раньше. На юге Тихого океана. Я мирилась с жарой и с насекомыми. Даже идиотизм армейских порядков меня не слишком раздражал. Но мы выстаивали очереди к умывальникам. Доходило до рационирования воды! Вот это меня бесило. Ночью я не могла заснуть от жары и ворочалась на койке, мечтая о ванной — моей личной ванной. Только моей! Глубокая ванна, полная воды до краев, и сколько угодно времени, чтобы нежиться в

ней. Шампуни, маникюрные принадлежности и огромные пушистые полотенца! Я грезила, как запрусь в своей ванной. Как поселюсь в ней навеки. А потом я демобилизовалась...

— И?

Она пожала плечами.

— Единственная квартира, которую мне удалось отыскать, оказалась мне не по карману.

— Ну а родной дом чем вам не угодил?

— Этот? Он принадлежит моей тетке. В ее семье семь человек. Я восьмая, а ванная одна на всех. Если я успеваю почистить зубы, это уже счастье. А сплю я на детской кровати вместе с восьмилетней двоюродной сестричкой.

— Вот как... Но это не объясняет, почему вы выставили свою кандидатуру.

— Именно что объясняет! Как-то дядя Сэм зашел в гости, а я вся кипела из-за жилищной проблемы и расписывала, что я сделала бы с конгрессом, и он сказал, так почему бы мне не заняться политикой? Я ответила: с радостью бы, будь у меня такая возможность. На следующий день он позвонил и спросил, не хочу ли я выставить свою кандидатуру на его место. И я ответила...

— Дядя Сэм? Сэм Джоргенс?

— Ну да. Вообще-то он мне не дядя, но я его знаю чуть не с пеленок. Я перепугалась, но он сказал, что бояться не надо — он будет помогать мне, советовать... Ну, я и выдвинула свою кандидатуру. Вот и все. Теперь видите?

Как не увидеть! Политическое чутье пасхального барашка. Только барашек мне, пожалуй, даст вперед сто очков.

— Ладно, — сказал я ей. — Но на одной жилищной проблеме далеко не уедешь. Как насчет привилегий газовой компании, например? И завода для переработки мусора? А налогообложение? Кому, по-вашему, следует поручить строительство аэропорта? Считаете ли вы, что вопрос о зонировании не следует слишком заострять? Как быть с шоссе?

— Я займусь жилищной проблемой. Остальное может и подождать.

Я насмешливо фыркнул.

— Ждать вам не позволят. Пока вы будете кататься на своем коньке, ловкачи подчистую оберут город — еще раз.

— Конек! Позвольте вам сказать, мистер Умник, что обрести дом — это для бездомного человека самое главное. Будь вы в таком положении, вам бы все представлялось иначе.

— Не горячитесь так! Я живу в прицепе с протекающей крышей. И всецело за широкую программу жилищного строительства. Но как вы будете ее осуществлять?

— Как? Ну, это уже глупо! Буду поддерживать меры по ее ускорению.

— Например? Вы считаете, что строительство должен вести город? Или частные компании? Выпускать ли нам облигации и открывать кредит? Ограничетесь ветеранами или поможете и мне? Только для семейных или не забудете и себя? Как насчет сборных домов? Насколько совместимо то, что вы намерены сделать, со строительными законами, принятыми в тысяча девятьсот одиннадцатом году? — Я перевел дух. — Ну так как же?

— Вы стараетесь меня уязвить, Джек!

— Да, стараюсь. Но я не перечислил еще и половины. И буду предлагать вам вести дебаты обо всем, начиная с собачьего налога и кончая патентованными покрытиями для мостовых. Честная чистая предвыборная кампания — и пусть победит достойнейший. При условии, что его фамилия — Росс.

— Я не соглашусь.

— И пожалеете. Мои мальчики и девочки на всех ваших встречах с избирателями будут засыпать вас ехидными вопросами.

Она смерила меня взглядом.

— Какая грязь!

— Вы же кандидат, деточка. И обязаны знать ответы на все вопросы.

Она как будто расстроилась.

— Я же говорила дяде Сэму, — пробормотала она почти про себя, — что слишком мало знаю о подобных вещах, но он сказал...

— Ну-ну, Франсес, что он сказал?

Она мотнула головой.

— Я и так уже наговорила лишнего!

— Ну хорошо, я сам вам скажу. Не забивайте свою хорошенькую головку всякой чепухой, потому что он всегда будет рядом и подскажет вам, как голосовать. Верно?

— Ну, не совсем. Он сказал...

— Но смысл был этот. И он познакомил вас с Мейерсом и обещал, что Мейерс покажет и объяснит вам, что к чему. Вы не хотели создавать проблем и делали все, как говорил вам Мейерс? Правильно?

— Вы отвратительно все передергиваете.

— Но это еще не все. Вы искренне считаете себя независимой, но действуете по указке Сэма Джорженса, а Сэм Джоргенс, ваш милый старый дядюшка Сэм, носков не сменит без разрешения босса Тулли.

— Неправда.

— А вы проверьте. Поговорите с репортерами. Поразнюхайте.

— Так я и сделаю.

— Вот и хорошо. Узнаете подноготную и про капусту и про аистов. — Я встал. — Ну, пора и честь знать. Увидимся на баррикадах, товарищ!

Я уже почти спустился со ступенек, когда она меня окликнула.

— Джек!

— Что, Франсес?

Я вернулся на веранду.

— Я выясню, какая связь существует — если существует! — между Тулли и дядей Сэмом, но в любом случае и как бы то ни было, я независима. Если меня водят за нос, долго это продолжаться не будет!

— Умница.

— Погодите! Я намерена дать вам бой, решительный бой. Разгромить вас вдребезги и стереть самодовольную ухмылку с вашей рожи!

— Браво! Так держать, детка. Мы отлично проведем время.

— Спасибо. Ну, так спокойной ночи.

— Секундочку. — Я обнял ее за плечи, но она настороженно сбросила мою руку. — Кто пишет вам речи?

Меня больно пнули в лодыжку, и нас разделила дверь с проволочной сеткой.

— Спокойной ночи, мистер Росс!

— Еще одно. Ваше второе имя? Не Ксавье же? Так что означает Кс?

— Ксантиппа*. Кушайте на здоровье! — Дверь окончательно захлопнулась.

Весь следующий месяц дел было по горло, и я выкинул Франсес Нельсон из головы. Вам доводилось выставлять свою кандидатуру на выборную должность? Да легче, чтобы тебе удаляли аппендикс у брачного алтаря в бочке, которая крутится в струях Ниагарского водопада! Минимум одна встреча с избирателями в день, но обычно не одна; званые завтраки в клубах деловых людей по субботам и воскресеньям; или же в полдень званый завтрак в торговой палате, а может быть, и еще где-нибудь; затем — в суд (правда, не каждый день), бесконечная переписка, телефонные звонки, конференции, а в довершение — столько посещений избирателей на дому, сколько удается втиснуть в остающееся время.

Это была ставка на простых людей в лучшем смысле слова, но сил требовала максимум. Миссис Холмс выскребла бочку до дна и нашла-таки достаточно добровольцев, чтобы охватить три четверти избирательных участков. Остальные остались на мою долю. Охватить их все было выше человеческих возможностей, но я рьяно пытался.

И каждый день требовал денег. Пусть политическая кампания ведется на строго добровольческих началах, деньги все равно нужны — много денег. Типография, почтовые расходы, аренда зала, телефонные счета, оплата бензина и обедов в закусочных тех активистов, кто не в состоянии тратиться на них из собственного кармана. Доллар туда, доллар сюда — и вот у тебя уже три тысячи долларов долгу.

---

* Легендарная жена древнегреческого философа Сократа. В переносном смысле — властная, сварливая баба. (*Примеч. пер.*)

Судить о том, как идет кампания, очень трудно: невольно внушаешь себе и другим то, во что хочется верить. Мы провели предварительную проверку — звонили по телефону, посылали открытки с оплаченными ответами, опрашивали устно на улицах. Том, миссис Холмс и я отправились на разведку — так сказать, понюхать, чем пахнет. В течение дня я залил бак бензином тут, выпил «кока-колу» там, купил пачку сигарет еще где-то, и всюду, не называясь, заводил разговор о выборах. К тому времени, когда мы собрались у миссис Холмс сравнить полученные результаты, мне казалось, что я точно знаю свои шансы.

Сопоставив свои оценки, мы подвели итоги. У меня: Росс — 45%, Нельсон — 55%, Мак-Най — практически нуль. У Тома: пятьдесят на пятьдесят. Миссис Холмс определила: «Вялая кампания, малая активность избирателей с легким уклоном не в нашу пользу». После обработки мы получили такие официальные цифры: Росс — 43%, Нельсон — 55%, Мак-Най — 5%. Возможные колебания — плюс-минус 9%.

Я поглядел на миссис Холмс с Томом.

— Ну как, заблаговременно отступим или доблестно ринемся навстречу поражению?

— Нас еще не побили, — указал Том.

— Пока нет, но побьют. Мы ведь опираемся только на предпосылку, что из меня советник получится лучше, чем из большеглазой девчушки, но Обывателя Джо это абсолютно не интересует. А ваше мнение, миссис Холмс? Вы сумеете добиться какого-нибудь перелома в участках?

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Откровенно говоря, Джек, все идет кое-как. Наших старых боевых коней я совсем загнала, а завербовать новых мне не удается.

— Нам необходимо что-нибудь с перчиком! — сокрушенно вздохнул Том. — Давайте-ка начнем швыряться грязью.

— Какой? — спросил я. — Обвинишь ее в том, что она перекидывалась записочками на уроках? Что в армии смывалась в самоволку? Она ничем не запятнана.

— Так потягайся с ней в жилищном вопросе. Ты зря позволяешь ей прикарманить такую козырную карту.

Я покачал головой.

— Будь у меня что предложить, я бы не ютился в прицепе. А пустых обещаний я давать не собираюсь. У меня есть три законопроекта — в поддержку федерального закона, о пересмотре существующего строительного законодательства, о субсидировании жилищного строительства. Последний — очень твердый орешек. И все они мало чего стоят. Жилищную проблему нам с ходу не решить.

— Джек, тебе не следовало выставлять свою кандидатуру, если ты не находишь в себе солнечного оптимизма, обязательного для любого политика.

— А что я вам все время твердил? — буркнул я. — У меня натура организатора. А кандидат, сам организующий свою предвыборную кампанию, обрекает себя на раздвоение личности.

Миссис Холмс сдвинула брови.

— Джек, в любом случае о жилищной проблеме ты знаешь больше, чем она. Давайте устроим дебаты на эту тему.

— Согласен. Я же тут прислуга за все. И я предупредил ее, что намерен вести с ней дебаты по всем темам — от трамваев до налогов. Как, по-твоему, Том?

— Да что угодно, лишь бы побольше шума.

Я тут же позвонил.

— Это марионеточка со светло-каштановыми волосами?

— Джек Росс? Привет, язва. Ну, как вам поцелуйчики младенцев?

— Липковатые. Помните, я обещал побеседовать с вами о всяких проблемах? Пятнадцатого в среду в восемь вечера подойдет?

— Не кладите трубку, — попросила она, и я услышал приглушенное рокотание, а затем снова ее голос. — Джек? Ведите свою кампанию, а я буду вести свою.

— Детка, лучше согласитесь. Мы бросим вам публичный вызов. Открыть кавычки. «Мисс Нельсон трусит поставить вопрос ребром?» Закрыть кавычки.

— Всего хорошего, Джек!

— Дядя Сэм не разрешает, э?

В трубке щелкнуло.

Однако мы продолжали бороться. Я продал несколько облигаций военного займа и заказал специальный номер «Бюллетеня Гражданской лиги» с первой страницей под шапкой «Росса — в советники!» в качестве затравки для сообщения о собрании — призы, аттракционы, кинофильмы и суперколоссальная словесная эпохальная схватка между Россом в этом углу и Нельсон в противоположном. В воскресенье поздно вечером мы загромоздили гараж миссис Холмс газетными пачками. Утром в семь тридцать позвонила миссис Холмс.

— Джек! — охнула она в трубку. — Приезжай сейчас же!

— Еду. А что не так?

— Все! Сам увидишь.

Она сразу повела меня в гараж, и я увидел сам: кто-то распотрошил наши бесценные пачки и облил их машинным маслом.

Мы еще созерцали погром, когда подъехал Том.

— Домовые расшалились, — сказал он. — Сейчас же позвоню в типографию.

— Не трудись, — перебил я с горечью. — За новый тираж нам нечем заплатить.

Он все равно отправился звонить, а тут начали подходить ребята, которые должны были разносить газеты. Мы заплатили им и отправили восвояси. Вернулся Том.

— Поздно! — сказал он. — Пришлось бы набирать с самого начала, а на это нет времени, да и слишком дорого.

Я кивнул и пошел в дом: мне тоже не терпелось позвонить.

— Алло! — крикнул я в трубку. — Это мисс Нельсон, независимый кандидат?

— У телефона Франсес Нельсон. Это Джек Росс?

— Да. Как вижу, вы ждали моего звонка.

— Нет. Я просто узнала ваш приятный голос. Чем обязана такой честью?

— Мне бы хотелось показать вам, как замечательно ведут предвыборную кампанию ваши мальчики.

— Минутку... В десять у меня встреча, но до тех пор я свободна. Но, собственно, о чем вы говорите? Какие мальчики? Какая кампания?

— Увидите, — ответил я и повесил трубку.

И продолжал молчать, пока не показал ей разгром в гараже.

— Грязнейшая подлость, Джек, — сказала она, уставясь на промасленные газеты. — Но почему вы показываете их мне?

— А кому же?

— Но... Послушайте, Джек. Не знаю, чьих рук это дело, только я тут ни при чем. — Она обвела нас взглядом. — Да поверьте же мне! — Внезапно у нее в глазах мелькнуло облегчение. — Все ясно! Это не я, и, значит — Мак-Ней.

Том хмыкнул, а я сказал мягко:

— Послушайте, радость моя, Мак-Ней — пустое место. Он двести десятая спица в колеснице и кандидатуру свою выставил только для того, чтобы его фамилия попала в газеты. Победы он не ищет, а потому пакостить тут не стал бы. Кроме вас некому... Погодите вспыхивать! Не вас лично, а машины. Вот что происходит, когда принимаешь поддержку темных сил.

— Но вы же ошибаетесь! Да, ошибаетесь! Машина меня вовсе не поддерживает.

— Ах так? А кто ведет вашу предвыборную кампанию? Кто платит по счетам?

Она мотнула головой.

— Этим занимается комитет. Мое дело выступать на митингах и проводить встречи.

— А откуда взялся этот комитет? Аист принес в клюве?

— Не говорите глупостей! Меня выдвинула и организовала комитет для моей поддержки Лига домовладельцев третьего избирательного округа.

Я не психолог, но было видно, что она говорит правду — то, что считала правдой.

— Вам когда-нибудь доводилось слышать о дутых организациях, детка? Единственная ваша связь с этой «Лигой домовладельцев» — Сэм Джоргенс, так?

— Да нет же... то есть... пожалуй, так.

— А я уже говорил вам, что Джоргенс — дрессированный пудель Тулли.

— Говорили, но я проверила, Джек. Дядя Сэм все мне объяснил. Тулли действительно его поддерживал, но они порвали отношения, так как дядя Сэм отказался

идти на поводу у машины. И не его вина, если раньше машина поддерживала его.

— И вы ему поверили?

— Вовсе нет! Я потребовала доказательства. Вы же сами посоветовали мне навести справки в газетах... А дядя Сэм предложил мне поговорить с редактором «Геральда».

Том хмыкнул.

— Он подразумевает, — объяснил я Франсес, — что «Геральд» принадлежит машине. Я ведь советовал вам навести справки у репортеров. Они в большинстве люди честные и хорошо знают, как обстоят дела за кулисами. Просто не понимаю, откуда в вас такая наивность. Я знаю, вы долго отсутствовали, но неужели до войны вы совсем не читали газет?

После чего выяснилось, что с пятнадцати лет из-за школы, а затем из-за войны она в городе бывала редко и за местной политикой не следила вовсе. Тут вмешалась миссис Холмс.

— Джек! Но у нее же просто нет права выставлять свою кандидатуру! Она не прожила в городе указанный в законе срок.

Я покачал головой.

— Как юрист ручаюсь, что баллотироваться она вправе. Отсутствие по таким причинам не прерывает срока проживания, и тем более, если она записалась в армию здесь. А вы не сварите нам кофе, миссис Холмс?

Миссис Холмс нахмурилась. Догадываясь, что она не желает брататься с врагом, я взял ее под локоть и увел в дом, нашептывая:

— Не будьте так строги к девочке, Молли. И вы и я допускали ошибки, пока разбирались в подоплеке этих игр. Вспомните Смити!

Смити был на редкость благообразным взяточником и высосал из нас всю кровь. Миссис Холмс немного смутилась и стала заметно мягче.

Мы беседовали о жаре, о шансах на ближайших президентских выборах, а потом Франсес сказала:

— Я ничего не признаю, Джек, но за газеты заплачу.

— А, ладно! — ответил я. — Меня больше устроило бы свести счеты с Тулли. Но вот что: у вас в запасе есть еще час, так я вам кое-что покажу.

— Мне поехать с вами, Джек? — спросил Том, глядя на Франсес.

— Если хочешь. Спасибо за кофе, миссис Холмс. Я скоро вернусь и приберу в гараже.

Мы отправились в приемную доктора Поттера и достали из сейфа материалы, собранные на Джоргенса. Объяснять мы ничего не стали, и я просто расположил фотокопии в наиболее логичном порядке. Франсес тоже молчала, но бледнела все больше и больше. Наконец она сказала:

— Вы не отвезете меня домой, мистер Росс?

Мы проваландались еще три недели — с утра до вечера гонялись за голосами, а потом до поздней ночи облизывали марки, рисовали по шаблонам плакаты и жутко не высыпались. Вскоре мы заметили странную вещь: Мак-Най все больше вылезал на первый план. Сначала плакаты и листовки, затем рекламная кампания, и вскоре к нам начали поступать сведения, что на избирательных участках усиленно агитируют за Мак-Ная.

Нас это ошеломило так, словно республиканская партия выдвинула в президенты отпетого демократа. И мы провели еще одну проверку. Миссис Холмс, доктор Поттер и я оценили результаты. Росс и Нельсон — ноздря в ноздрю, Мак-Най на третьем месте, но не так уж отстает и набирает темпы.

— Что вы думаете, миссис Холмс?

— То же, что ты: Тулли бросил Нельсон и тащит Мак-Ная.

Поттер кивнул.

— Бороться вы будете с Мак-Наем. Нельсон держится пока по инерции благодаря прошлой поддержке машины, но скоро выйдет в тираж.

В эту минуту вошел Том.

— Ну, не знаю, — сказал он. — Тулли рассчитывает победить на предварительных выборах, а если не выйдет, то постарается оставить его соперницей девочку — у нее же нет никакой организации, а у нас есть.

— Тулли не может исходить из того, что я окажусь третьим. Даже в самом худшем случае вторым буду я, а не Франсес.

Том взглянул на меня с загадочной улыбкой.

— Ты видел вечерний выпуск «Геральда», Джек?

— Нет. Они разоблачают меня как тайного алкоголика?

— Хуже! — Он бросил мне газету. «ЕСТЬ МНЕНИЕ, ЧТО РОСС НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ГОРОДСКИМ СОВЕТНИКОМ», — гласила шапка.

Под ней красовалось напечатанное в три цвета фото моего прицепа со мной в дверях. Заметка под ним объясняла, что каждый отец города обязан прожить в нем до выборов по меньшей мере два года, причем хотя бы шесть месяцев из них в своем избирательном округе. Стоянка прицепов находилась за городской чертой.

— Они могут снять твою кандидатуру, Джек? — встревожился доктор Поттер.

— В суд им обращаться не с чем, — успокоил его я. — Юридически под меня не подкопаешься. Местожительство вовсе не пространственное понятие, а осуществление намерения — ваш дом, это место, куда вы намерены вернуться, уезжая. Официально я проживаю в квартире, где жил до войны — просто я поселил в ней моего партнера, когда отправился в Вашингтон. И мои вещи по-прежнему там, однако у него семья — жена и близнецы. Таким образом, прицеп всего лишь временное убежище и юридически ровно ничего не значит.

— Хм-м... А политически?

— Это другое дело.

— И какое! — подхватил Том. — А вы что скажете, миссис Холмс?

— Том прав, — озабоченно сказала она. — Отличный материал для устных намеков в сочетании с враждебной газетной шумихой. Зачем отдавать голос человеку, который даже не живет в вашем округе? Ну и так далее.

— Что же, идти на попятный уже поздно, однако, друзья, посмотрим правде в глаза: все наши усилия и деньги пошли прахом.

Против обыкновения они не заспорили, и Поттер тут же выдвинул новую идею.

— Что такое мисс Нельсон в человеческом плане? Нельзя ли нам отдать свою поддержку ей?

— Она даже очень хороший человечек, — заверил я его. — Ее обвели вокруг пальца, и ей очень не

хотелось признать это. Но в любом случае она несравненно лучше Мак-Ная.

— Еще бы! — воскликнул Том.

— Настоящая леди, как выражались в старину, — заявила миссис Холмс.

— Но как мы можем поддержать ее в финале? — возразил я. — На Мак-Ная у нас ничего нет, а она совсем не обстреляна и не выдержит того, что на нее обрушит машина в оставшиеся недели. Тулли не дурак.

— Боюсь, ты прав, — согласился доктор Поттер.

— Джек, — сказал Том, — ты вроде бы убежден, что нас уже победили.

— Спроси у миссис Холмс.

Миссис Холмс не стала дожидаться вопроса и сказала:

— Мне горько говорить так, и я не выхожу из игры, но пройти Джек может только чудом.

— Ладно! — воскликнул Том. — Так, может, мы перестанем изображать бойскаутов и порезвимся напоследок. Мне не по вкусу то, как ведет свою кампанию босс Тулли. Мы играли честно, а нам отвечали грязными трюками.

— Так что же ты предлагаешь?

Он объяснил, и я кивнул.

— Полностью поддерживаю. У меня тоже кое-что припасено. Во всяком случае повеселимся, и у нас есть шанс победить.

— Так звони ей!

Трубку взяла Франсес Нельсон, и я сказал:

— Франсес, это Джек Росс. Что-то я давно вас не видел, деточка. Как идет кампания?

— А, это... — В ее голосе прозвучала усталость. — Какая кампания, Джек?

— Вы сняли свою кандидатуру? В газетах ничего не было.

— Зачем? Я объяснилась с Джоргенсом напрямую, и тут же моя кампания оборвалась. Комитет испарился. Джек, мне бы хотелось увидеться с вами и извиниться.

— Бросьте! Но мне тоже надо бы вас повидать, так я заеду за вами?

Мы посвятили ее в наши планы. Она удивленно посмотрела на нас.

— Джек, это же бессмысленно. Я проголосую за вас, вот и все.

— А? Забудьте. Такой возможности вам просто не представится. — И я показал ей статью в «Геральде». — Чистейшей воды липа, но меня уже положили на обе лопатки. Мне бы следовало сразу сыграть на моей бездомности, а я, как дурак, подарил эту карту им. И теперь уже поздно: когда кандидат начинает оправдываться, значит, он получил в челюсть и вот-вот свалится в нокауте. И раньше я мог бы протиснуться только на самом минимальном преимуществе, а теперь о нем и речи нет.

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, прижав кулачок ко рту.

— Джек... Боже мой! Я и тут...

— Тут?

— Навредила вам. Я ведь передала Сэму Джоргенсу наш первый разговор во всех подробностях. Упомянула и о том, что вам пришлось поселиться в прицепе. Мне...

Я отмахнулся от ее признания.

— Ерунда. Они все равно докопались бы. Слушайте: мы хотим поддержать вас и, возможно, добьемся, что вас выберут.

— Но я не хочу, Джек. Я хочу, чтобы выбрали вас.

— Поздно, Франсес. Но мы намерены прокатить это запасное колесо — Мак-Ная. Машина все еще поддерживает вас, чтобы покончить со мной на предварительных выборах, разделив голоса, не купленные ею. А потом избавится от вас. Я тут кое-что придумал, но сначала... Вы называете себя независимым кандидатом. Вот про это забудьте!

— О чем вы? Я ни за что на свете не соглашусь сдать свою позицию.

— И женщинам дали право голоса! Послушайте, деточка! Кандидат может не подчиняться боссу и все равно независимым не станет. Независимость — подростковая иллюзия. Чтобы обрести поддержку, вы должны связать себя с чем-то, вот и каюк вашей независимости.

— Но я... Политика — это такая мерзость!

— Ну, сколько можно? Политика так же чиста — или грязна, — как люди, которые ее делают. И грязной ее называют те, кому лень внести свою лепту.

Она спрятала лицо в ладонях, я схватил ее за плечи и встряхнул.

— А теперь слушайте! Я повторю нашу программу пункт за пунктом. Если вы с ней согласитесь и возьметесь провести ее в жизнь, вы наш кандидат. Договорились? Так будет честно?

— Да, Джек... — Ее голос перешел в шепот.

Мы пробежались по программе, разумной, практичной, привлекательной для всякого, кто не преследует своекорыстных интересов. И у нее не нашлось никаких возражений. Пункты, для нее неясные, мы временно отложили. Особенно ей понравились мои предложения по жилищному вопросу, так что мало-помалу она приободрилась и говорила уже как уверенный в себе кандидат.

— Ну, хорошо, — сказал я под конец. — А вот мой план: я снимаю свою кандидатуру, и все решится на предварительных выборах. Сделать это по своей инициативе я опоздал, но тут они сыграли мне на руку. Ее снимет суд, указав, что я не имею права баллотироваться не по месту проживания.

— Что-что, сынок? — Доктор Поттер посмотрел на меня укоризненно. — По-моему, ты говорил, что с юридической точки зрения твое положение неуязвимо.

Я ухмыльнулся.

— Бесспорно... если бы я стал возражать. А я не стану. План таков: через парочку подставных лиц мы вносим в суд протест. Суд дает распоряжение, чтобы я представил свои возражения. Я ничего не представляю, и суду остается только вычеркнуть мою фамилию из списка кандидатов. Раз, два, три — готово!

Том захлопал, я поклонился.

— С этой минуты доктор Поттер — председатель вашего нового комитета. Вы продолжаете по-прежнему: отправляетесь, куда вас пошлют, произносите такие же речи. Ах да! Я дам вам для проработки материал по другим проблемам, кроме жилищной. Ну а Том и я — мы заведуем эффектами и трюками. Просто забудьте, что мы существуем.

Три дня спустя меня вычеркнули из списка кандидатов. Том подал все так, словно за этим стояли Мак-Най и Тулли. Миссис Холмс выпала деликатная задача убедить наших активистов в избирательных участках, что Франсес — наша новая великая надежда. Доктор Поттер и Дик Блейр добились, чтобы Гражданская лига поддержала Франсес. Впрочем, лига поддержала бы и большую панду, лишь бы противопоставить кого-то кандидату Тулли. А Дик Блейр обработал и союз ветеранов.

Мы с Томом были свободны для всяких веселых игр и фокусов. Во-первых, мы заручились чудесным фото Франсес — прямо-таки аллегория «Свобода, несущая свет миру». Огромные глаза и благородный лоб. Фото это мы увеличили для плакатов — на шесть листов. (Фото в двадцать четыре листа наталкивает на мысль о подозрительно большом денежном фонде.)

Обзавелись мы и отличным фото Мак-Ная. То есть отличным для наших целей. Способ такой: посылаете двух фотографов на митинг, где выступает ваш объект. Первый ослепляет его лампой-вспышкой, а второй повторяет то же самое в следующую секунду, прежде чем ваша жертва успевает совладать со своими рефлексами. Затем первый снимок выбрасываете. На нашей фотографии Мак-Най запечатлелся с выпученными глазами, разинутым ртом и немыслимо идиотским выражением лица — дебил, выдающий себя за олигофрена. Она была настолько великолепной, что пришлось ее слегка отретушировать. Затем я уехал в другой город и втайне отпечатал плакаты.

Мы выждали до последних дней и взялись за дело. Для начала мы будто исподтишка наклеивали призывы на наши собственные щиты поперек красивой мордочки Франсес, так что ее трогательно-печальные глаза смотрели на вас с мольбой прямо над надписью: «ГОЛОСУЙТЕ ЗА МАК-НАЯ!» Две ночи спустя мы расклеили плакатики с его дивным фото: «ГОЛОСУЙТЕ ЗА МАК-НАЯ! МЕСТО ЖЕНЩИНЫ — ДОМ И КУХНЯ!» Их мы наклеили и на частных домах и изгородях.

Утром мы с Томом поехали полюбоваться делом своих рук.

— Прелесть! — мечтательно произнес Том. — А нельзя ли, Джек, устроить так, чтобы Мак-Ная поддержала коммунистическая партия?

— Не вижу как, — ответил я с сожалением. — Но если это обойдется не очень дорого, то у меня есть в запасе парочка военных облигаций.

— Ничего не получится! — Он с сожалением покачал головой. — Но какая прекрасная мысль!

Главный удар мы припасли для кануна выборов. Обошелся он недешево... Но, погодите, все по порядку. В субботу мы, используя связи Тома, наняли десяток темных личностей, обязав их явиться в понедельник с двухдневной щетиной на мордах, а тогда скормили каждому по бутерброду с чесноком, снабдили листовками и устными инструкциями — позвонить в дверь, хорошенько дыхнуть в лицо хозяйке и сунуть ей листовку, злобно рявкнув: «Голосуйте вот так, дамочка!» Листовка содержала призыв «ГОЛОСУЙТЕ ЗА МАК-НАЯ!», его неповторимое фото, а также и избранные двусмысленные цитаты из высказываний Мак-Ная. Края обрамляла надпись: «100% американец — 100% американец».

Мы поручили каждой образине примерно по четыре участка, главным образом в богатых районах.

А вечером была устроена факельная процессия в духе старого доброго времени — работа миссис Холмс и заключительный аккорд законной предвыборной кампании. Во главе шествовали символы республиканской и демократической партий — слон и осел. (Только Богу известно, где миссис Холмс раздобыла слона.) Первого украшал плакат «Я ЗА ФРАНСЕС!», «И Я ТОЖЕ!» — вещал плакат на втором. За ними следовал детский оркестр, факельщики — наши умученные добровольцы — и отряд ветеранов женских вспомогательных служб армии и флота. За ними двигался открытый автомобиль с Франсес. Вид у нее был испуганный и очаровательный.

Мы с Томом полюбовались процессией и вновь взялись за работу. В эту ночь нам было не до сна.

Мы опять клеили плакатики — теперь на ветровых стеклах клеем по тексту. (Честное слово, в городе добрая половина машин не имеет гаражей — опять-та-

ки жилищная проблема!) До рассвета мы охватили все кварталы нашего округа. Том вел машину, а я сидел у открытого окна с ведерком воды, губкой и наклейками. Он притормаживал у очередной легковушки, а я нашлепывал наклейку так, чтобы она закрывала обзор водителю... и ее пришлось бы счищать со стекла. Надпись призывала: «ГОЛОСУЙТЕ ЗА МАК-НАЯ! СОХРАНИТЕ АМЕРИКУ ЧИСТОЙ!»

Мы полагали, что это напомнит владельцам о выборах и подтолкнет проголосовать.

Сам я проголосовал, едва открылись избирательные участки, и завалился спать.

Проснулся я как раз вовремя, чтобы провести вечер в нашей штаб-квартире — пустующем здании, которое мы арендовали на последний месяц кампании. Наблюдение на участках и за верностью подсчета голосов меня не интересовали — эта была сфера миссис Холмс, но пропустить поступление сведений о результатах с участков я никак не хотел.

Все вечера ожидания результатов похожи друг на друга — те же дружелюбные алкоголики, те же тесно сгрудившиеся у радиоприемника люди, то же нарастающее напряжение. Я взял банку пива с картофельной соломкой и присоединился к обществу у приемника.

— Есть что-нибудь? — спросил я у миссис Холмс. — А где Франсес?

— Пока нет. Я заставила ее прилечь.

— Лучше приволоките ее сюда. Кандидат должен быть на виду. Когда люди трудятся за ради дружеского похлопывания по плечу, им надо обеспечить это похлопывание.

Но тут явилась Франсес без всякой подсказки и повела себя так, как положено кандидату — дружески, любезно. искренне благодаря всех и каждого. Я прикинул, не выдвинуть ли ее в конгресс.

Том с мутными от бессонницы глазами пришел как раз тогда, когда начали поступать первые результаты. Все — в пользу Мак-Ная. Франсес услышала — и улыбка соскользнула с ее губ. К ней подошел доктор Поттер и сказал:

— Пустяки! Первыми всегда поступают результаты с участков, контролируемых машиной.

Она вновь прилепила улыбку к губам.

Мак-Най повел со значительным преимуществом, но затем начали сказываться плоды наших усилий — Нельсон сократила разрыв. К десяти тридцати они уже шли ноздря в ноздрю, а затем все сильнее создавалось впечатление, что наш советник избран.

В полночь Мак-Най выступил по радио и признал свое поражение.

И вот я негласный секретарь советника. Сижу у барьера на всех заседаниях городского совета. Если я почесываю правое ухо, советник Нельсон голосует «за», если левое, то «против» — чаще всего.

Женился я на ней? Женился на ней Том, и они заняты строительством своего дома с одной спальней и *двумя* ванными. То есть когда сумеют достать оборудование для обеих.

НА СКЛОНАХ ВЕЗУВИЯ

Когда Советский Союз отверг наши предложения по контролю за атомным оружием, я плюнул на «Спасение мира». Хватит! Никаких больше проповедей. Никаких попыток предупредить о смертельной опасности. С меня довольно!

Через полтора года, на закате 47-го, я отказался от прежних убеждений. Если события нельзя остановить откровенным описанием последствий, возможно, стоит сгустить краски, обратившись к жанру фантастики.

И вновь меня постигло разочарование.

Через пятнадцать лет мы пережили огромную панику, когда Советы разместили на Кубе ракеты средней дальности. Потом их убрали, во всяком случае, так нам сказали, и паника улеглась. Но почему? Почему мы успокоились и сейчас и тогда? Сколько лет уже советские подводные лодки шныряют вдоль обеих побережий! Будем надеяться, что они вооружены рогатками? Или дамскими пуховками?

Эта история сегодня еще более актуальна, чем тридцать лет назад, когда я ее написал; опасность стала неизмеримо больше.

On the Slopes of Vesuvius, 1949

И вновь мое предупреждение останется без внимания. Но оно не отнимет у вас много времени; оно не так и велико — всего около 2200 слов.

— Пэдди, можешь пожать руку парню, который сделал атомную бомбу, — сказал профессор Уорнер, обращаясь к бармену. — Он и Эйнштейн слепили ее как-то вечером на кухне.

— С помощью четырехсот других ребят, — добавил незнакомец, слегка повышая голос, чтобы перекричать грохот подземки.

— Не будем углубляться в детали. Пэдди, это доктор Мэнсфилд. Джерри, познакомься с Пэдди... Эй, Пэдди, я забыл твою фамилию.

— Фрэнсис К. Хьюс, — представился бармен, вытерев руку и протянув ее гостю. — Рад познакомиться с другом профессора Уорнера.

— Я тоже рад встрече с вами, мистер Хьюс.

— Называйте меня Пэдди, как все. А вы действительно один из тех ученых, которые создали атомную бомбу?

— Боюсь, что так.

— Да простит вас Господь. И вы тоже из Нью-йоркского университета?

— Нет, я перебрался в новую лабораторию Брукхэвена.

— Ясненько.

— Бывали там когда-нибудь?

Хьюс покачал головой.

— Единственное место, куда я езжу, так это домой, в Бруклин. Но я читаю газеты.

— Пэдди привык к подушкам и тапочкам, — объяснил Уорнер. — Слушай, старина, а что ты будешь делать, если они сбросят бомбу на Нью-Йорк? Ведь тогда твой распорядок, пожалуй, нарушится?

Бармен поставил перед ними заказанные напитки и налил себе пива.

— Если это все, что мне угрожает, то я, пожалуй, доживу до глубокой старости, не слезая со своей диванной подушки.

На секунду веселое лицо профессора Уорнера омрачилось; он посмотрел на свой бокал, словно джин в нем внезапно превратился в полынь.

— Хотел бы я иметь твой оптимизм, Пэдди, но у меня его нет. Рано или поздно это все равно произойдет.

— Не надо шутить такими вещами, профессор.

— А я и не шучу.

— Опять решили посмеяться?

— Хотел бы, да не могу. Спроси его, создателя этой чертовой штуки.

Хьюс вопросительно поднял брови, и Мэнсфилд пояснил:

— Я вынужден согласиться с профессором Уорнером. Они могут сделать это... я имею в виду атомную бомбардировку Нью-Йорка. И мое мнение основано не на догадках, а на проверенных фактах. А раз могут, то скорее всего и сделают.

— Кто такие «они»? — спросил бармен. — Вы имеете в виду русских?

— Не обязательно. Любого, кто разработает оружие, способное уничтожить нас.

— Все верно, — согласился Уорнер. — Каждому хочется пнуть толстого богатого мальчишку. Нам завидуют и нас ненавидят. Мы живы только потому, что ни у кого из них нет оружия, необходимого для тотального уничтожения — пока нет!

— Одну минуту, джентльмены... — вмешался Хьюс. — Я вас не понимаю. Вы говорите, что какие-то страны хотя разрушить Нью-Йорк атомными бомбами? Но как они их сделают? Разве производство атомного оружия не держится в секрете? Или вы считаете, что, пока мы зевали по сторонам, какой-то шпион уже разнюхал тайну?

Мэнсфилд взглянул на Уорнера, повернулся к бармену и мягко сказал:

— Мне очень жаль смущать ваш душевный покой, мистер Хьюс, то есть Пэдди, но в этой области нет никаких секретов. Любая страна, которая пойдет на определенные трудности и затраты, может создать свое атомное оружие.

— Это официальное мнение, — добавил Уорнер, — и поскольку в мире торжествует политика силы, то

совершенно ясно, что над созданием атомного оружия сейчас работает целая дюжина стран.

Хьюс смутился, но затем его лицо прояснилось:

— А-а, я понял, что вы хотите сказать. Конечно, со временем они могут докопаться до решения задачи сами. Но в таком случае, джентльмены, позвольте налить вам еще по одной, и давайте выпьем за крушение их надежд. Не стоит волноваться о том, что может произойти через двадцать лет. При нынешнем сумасшедшем движении на дорогах ни один из нас, вероятно, столько не протянет.

Мэнсфилд удивленно поднял брови.

— А почему именно двадцать лет, Пэдди?

— Ну... Кажется, я читал что-то в газетах. Так говорил тот генерал... как его? Главный босс во всем этом ядерном бизнесе.

Мэнсфилд небрежным взмахом руки послал генерала подальше.

— Чушь! Его оценка совершенно безосновательна. Типичное патриотическое бахвальство. Времени почти не осталось.

— Что значит — почти? — спросил Хьюс.

Мэнсфилд пожал плечами.

— А что бы ты сделал, Пэдди, — с любопытством поинтересовался Уорнер, — если бы узнал, что какая-то страна уже изготовила атомную бомбу? И что эта страна как раз из тех, кому мы не нравимся?

По стойке прошелся кот — любимец бара. Хьюс задумчиво скормил ему ломтик сыра и ответил:

— У меня нет вашего образования, джентльмены, но Пэдди Хьюс не дурак. Если кто-нибудь пустит в ход эти дьявольские штучки, то Нью-Йорк можно считать обреченным. Америка держит марку чемпиона, и, если какой-нибудь новый задира претендует на победу, ему придется сокрушить ее, а значит, Нью-Йорк будет тем самым местом, куда он пальнет в первую очередь. Но даже у Растяпы... — он ткнул пальцем в пухлого кота, — хватит ума удрать из горящего дома.

— Все верно, но что бы ты сам придумал в такой ситуации?

— Мне не надо думать, я и так знаю. Я бы сделал то же самое, что и раньше. Еще в молодости, когда парни в коричневых гимнастерках дышали мне в затылок, я

сел на пароход и даже не подумал обернуться... и любой при желании мог забрать все мое барахло — ну и черт с ним!

Уорнер тихо рассмеялся.

— Да, ты парень что надо, Пэдди. Но я не верю, что ты повторишь это еще раз: не тот возраст. Ты по голову врос в свой быт, и он тебе нравится — как и мне, и еще шести миллионам человек в этом городе. Вот почему бегство не спасет — оно невозможно.

Хьюс кивнул.

— Да, это будет тяжело.

Он-то знал, как будет тяжело. После стольких лет бросить уютный гриль-бар старого Шрайбера, уйти и знать, что сам Шрайбер не сможет справиться с работой и растеряет всех постоянных клиентов. Тяжело терять друзей по церковной скамье, тяжело расставаться с домом, где прямо за углом могила Молли. И если города будут разрушены, людям придется вернуться к сельскому хозяйству. А он, уезжая в новую страну, обещал себе, что никогда, никогда, никогда больше не возьмется за надрывный труд пахаря. Но, возможно, если погибнут города, то землевладельцев тоже больше не останется? Пусть даже придется пахать, но по крайней мере не на хозяина. Конечно, все равно будет трудно... и могила Молли останется где-то под грудами щебня.

— Но я бы ушел.

— Значит, думаешь, тебе это удастся?

— Я даже не вернусь в Бруклин, чтобы поменять рубашку. А выручка за неделю у меня здесь. — Он похлопал по карману жилета. — Схвачу шляпу и пойду. — Бармен повернулся к Мэнсфилду. — Скажите правду, доктор... если не через двадцать лет, то когда?

Мэнсфилд достал листок бумаги и начал что-то вычислять. Уорнер хотел вставить слово, но Хьюс остановил его.

— Не сейчас, пусть он закончит!

— Только не давай ему задурить себе голову, Пэдди, — с иронией проворчал Уорнер. — После Хиросимы он даже по ночам работает над этим вопросом.

Мэнсфилд поднял голову.

— Все верно. Я постоянно надеюсь получить другой ответ. Но никак не удается.

— Так какой же ответ? — настаивал Хьюс.

— Пэдди, вы, конечно, понимаете, — нерешительно начал Мэнсфилд, — что проблема включает в себя множество факторов, не все из которых определены окончательно. Во-первых, для создания атомного оружия нам потребовалось четыре года. Но у нас более чем хватало денег и людей — такого не может себе позволить ни одна страна, кроме России. Так что по идее еще десяток-другой лет мы могли бы жить спокойно. Но это только по идее. На самом же деле все гораздо хуже. Военный департамент опубликовал отчет, отчет Смита — возможно, вы слышали? — в котором любой, кто умеет читать, найдет все принципы ядерного оружия, разве что за исключением окончательных формул. Так вот, обладая этим отчетом, компетентными людьми, урановой рудой и значительно меньшей суммой денег, чем затратили мы, любая страна может изготовить бомбу очень быстро.

Хьюс покачал головой.

— Мне не нужно объяснений, доктор. Я хочу услышать ваш ответ. Сколько осталось?

— Мне приходится объяснять ситуацию, потому что ответ остается неопределенным. Я думаю, от двух до четырех лет.

Бармен тихо присвистнул.

— Два года. Еще два года, а потом надо уходить и начинать новую жизнь.

— Нет-нет, мистер Хьюс! — возразил Мэнсфилд. — Два года, но не с сегодняшнего дня, а с момента падения первой бомбы.

Хьюс нахмурился в отчаянной попытке понять.

— Позвольте, джентльмены, — запротестовал он, — так ведь с тех пор как упала первая бомба, прошло уже больше двух лет.

— В том-то и дело.

— Не ломай себе голову, Пэдди, — попытался успокоить его Уорнер. — Бомба сама по себе ничего не значит. Возможно, пройдет еще лет десять, прежде чем кто-то разработает ракетоноситель, который можно будет запускать через Северный полюс или из-за океана, нацеливая ядерный заряд на какой-то конкретный город. А пока что нам грозят лишь обычные бомбардировки с самолета, то есть бояться особенно нечего.

Мэнсфилд сердито засопел.

— Ты сам это начал, Дик. Так что же ты теперь льешь ему на уши успокоительный сиропчик? Наша страна открыта со всех сторон, и, чтобы превратить ее в Перл-Харбор, не нужны никакие управляемые ракеты. Бомбы можно тайно привезти сюда и взорвать с помощью телеуправления. Возможно, прямо сейчас какое-то грузовое судно бросает якорь в гавани Ист-ривер...

Уорнер уныло сгорбился.

— Конечно, ты прав.

Хьюс отбросил полотенце.

— Вы хотите сказать, что Нью-Йорк может взлететь на воздух прямой сейчас или в любую минуту?

Мэнсфилд кивнул.

— Так оно и есть, — сказал он спокойно.

Бармен перевел взгляд с одного посетителя на другого. Кот спрыгнул вниз, потерся о его лодыжку и замурлыкал. Хьюс отодвинул его ногой.

— Да вы меня просто разыгрываете! Брехня все это!

— Почему же?

— Потому! Если бы вы говорили всерьез, стали бы вы сидеть здесь и пьянствовать? Просто вам захотелось подурачиться и подшутить надо мной. Я, конечно, не найду ошибки в ваших рассуждениях, но вы же сами не верите в то, что говорите.

— Хотел бы я не верить, — прошептал Мэнсфилд.

— Мы верим, Пэдди, — сказал Уорнер. — И, честно говоря, я лично собираюсь слинять отсюда. Я уже разослал письма полудюжине коллег и только жду момента, когда закончится мой контракт. А док Мэнсфилд просто не может уехать. Здесь его лаборатория.

Хьюс задумался, а затем покачал головой.

— Нет, какая-то ерунда. Ни один человек в здравом уме не станет цепляться за работу, если при этом приходится сидеть на горячей сковородке и ждать, когда кто-то нажмет на кнопку. Вы водите меня за нос.

Мэнсфилд словно не заметил его слов.

— В любом случае, — сказал он Уорнеру, — политические факторы могут на какое-то время отсрочить нанесение удара.

Уорнер яростно вскинул голову.

— И кто теперь льет на уши сиропчик? Политические факторы лишь ускоряют события. Если какая-то страна задумает сокрушить нас, она обязательно сделает это быстро, с первого раза, чтобы мы не успели раскрыть ее планы и нанести упреждающий удар. Они будут спешить, пока мы не разработали настоящее оборонительное оружие — если это вообще возможно.

Мэнсфилд выглядел больным и усталым.

— Да, ты прав. Я просто сам себя подбадриваю. Мы так и не создали предупредительной системы; у нас нет никакой реальной обороны. От атомного взрыва можно спастись только одним способом: оказаться там, где его нет. — Он повернулся к бармену. — Налей еще по одной, Пэдди.

— А мне сделай «манхэттен», — добавил Уорнер.

— Минуточку. Профессор Уорнер, доктор Мэнсфилд, вы действительно не обманываете меня? И каждое ваше слово вы можете подтвердить, как перед Богом?

— Это такая же истина, как то, что ты стоишь перед нами, Пэдди.

— А доктор Мэнсфилд... Профессор Уорнер, вы доверяете выкладкам доктора Мэнсфилда?

— В Соединенных Штатах нет человека более осведомленного. И его оценка верна, Пэдди.

— Ладно, все ясно... — Бармен посмотрел в ту сторону, где у дальней стены над кассовым аппаратом что-то сонно насвистывал сквозь зубы его работодатель. — Эй, Шрайбер! Давай сюда, за стойку! — И Пэдди начал стягивать передник.

— Подожди, — удивился Уорнер. — Ты куда? Я же заказывал «манхэттен»!

— Смешай себе сам, — ответил Хьюс. — Я ушел. — Он схватил шляпу, повесил на другую руку плащ и исчез за дверью.

Через сорок секунд он садился на городской экспресс. Выйдя на 34-й улице, он уже через три минуты купил себе билет на запад. А еще через десять минут Хьюс почувствовал, как поезд тронулся в путь, увозя его из огромного города.

Меньше чем через час им овладели сомнения. А не слишком ли он поспешил? Профессор Уорнер прекрасный человек, но он не раз откалывал такие шутки —

закачаешься! Вдруг это просто розыгрыш? Что, если Уорнер сказал своему приятелю: давай, мол, похохмим и напугаем старого ирландца до потери пульса?

А еще он забыл попросить кого-нибудь подкармливать кота. У Растяпы слабый желудок, но кого это волнует, кроме Пэдди Хьюса? И могила Молли... в среду он должен был прополоть траву. Конечно, отец Нельсон по доброте душевной позаботится о том, чтобы кто-то полил цветы, но все же...

Когда поезд остановился в Принстоне, Пэдди выбежал из вагона и нашел телефон. В уме уже крутились слова, которые он хотел сказать профессору Уорнеру. Время сейчас обеденное, думал он, и, возможно, эти джентльмены решили остаться в баре и заказать по бифштексу. «Профессор Уорнер, — скажет он, — вы отличный парень, и я первый признаю, что ваша шутка была превосходна, я даже оплачу вашу выпивку, но только скажите как мужчина мужчине: неужели в том, что вы и ваш друг мне говорили, есть хоть доля правды?» И тогда я успокоюсь, думал он.

Наконец его соединили с баром; в трубке раздался раздраженный голос Шрайбера:

— Алло, кто говорит?

Внезапно линия отключилась. Хьюс подергал рычаг. Ему ответил оператор:

— Одну минуту, извините... Это оператор Принстона. Вы звоните в Нью-Йорк?

— Да. Я...

— У нас временные неполадки на линии. Будьте добры, повесьте трубку и перезвоните через несколько минут, пожалуйста.

— Но я просто хотел спросить...

— Будьте добры, повесьте трубку и перезвоните через несколько минут, *па-а-жалста*!!!

Выходя из телефонной будки, Хьюс услышал крики. Он закрыл за собой дверь — и увидел огромный, величественно прекрасный, золотой с пурпурными пятнами гриб, который поднимался к небесам с того места, где прежде находился Нью-Йорк.

КЛИФФ И КАЛОРИИ

Папочка заявил, что я — ам! — и съем все, что стоит неподвижно или даже движется, но не слишком быстро. Мама сказала — чушь! Просто у нее (то есть у меня) стремительный обмен веществ.

— Но ты же его никогда не измеряла, — возразил папочка, — так откуда тебе известна его скорость? Плюшка, стань боком, дай я тебя огляжу.

А братец съехидничал:

— Так у нее же никаких боков нет! — И испустил жуткий хохот на манер Дятла-Долбильщика. И правда похоже, но только куда противнее. Впрочем, какой прок от мужской половины человечества в возрасте от двух до шестнадцати? Потом они становятся сносными, даже необходимыми — во всяком случае мне было бы нелегко обходиться без Клиффа, хотя братец и до седых волос наверняка останется такой же язвой.

Вот как и почему я села на диету.

Началось с Клиффа — как почти всегда и во всем. Я обязательно выйду за Клиффа, хотя ему я про это еще не говорила. У меня ни разу не было повода усомниться в искренности его обожания, но порой я задумывалась над тем, что для него во мне самое

Cliff and the Calories, 1950

привлекательное — мой характер, мои интересы, мои духовные достоинства, или же мои, так сказать, физические данные.

Весы в ванной намекали, что пальму первенства следует отдать внутренней красоте моего облика. Как будто это должно было меня обрадовать, но покажите мне девушку, которая согласилась бы обменять талию в двадцать один дюйм и изящную фигуру на высокие добродетели. Конечно, сногсшибательной красавицей я себя не считаю, но одобрительный свист тебе вслед еще никому вреда не причинял и укрепляет бодрость духа.

А как раз перед этим мне выпал шанс выяснить точку зрения Клиффа. В наш класс пришла новенькая, у которой все обхваты были точно такими же, как у меня. (Мы сравнили.) Соль в том, что Клариссе они очень шли — изгибисто, обильно, но в самый раз. Морин, сказала я себе, вот случай узнать истинное мнение Клиффа.

Я подстроила так, чтобы он хорошенько ее разглядел во время теннисной тренировки, а когда мы уходили, я сказала коварно:

— У новенькой, у Клариссы, фигура — ну просто чудо!

Клифф поглядел через плечо и ответил:

— Ага! От щиколоток и ниже.

Вот я и получила искомый ответ, и он пришелся мне не очень по вкусу. Клиффу не нравятся фигуры моего типа! Отъединенная от моей личности, моя фигура его не прельщает. Конечно, мне следовало возликовать: вот она — истинная любовь! Но я не возликовала, а почувствовала себя очень скверно.

Так вот, когда я вечером отказалась положить себе картошки, и возникла тема моего обмена веществ.

На другой день я отправилась в библиотеку и порылась в каталоге. Мне и в голову не приходило, что о диетах понаписано столько книг! Тем не менее мне удалось отыскать достаточно осмысленную: «Ешьте и обретайте стройность». Что может быть лучше!

Я забрала книгу домой, достала сухарики, сыр и машинально жевала, пока разбиралась, что к чему. Один курс обещал избавление от десяти фунтов за

десять дней, но меню выглядело чересчур уж скудным. Второй гарантировал потерю десяти фунтов за месяц. Вот он, решила я. Изнуряться тоже не к чему.

Одна глава объясняла про калории. Очень доходчиво. Порция мороженого — сто пятьдесят калорий, три финика — восемьдесят четыре калории.

«Сухарики на соде» увидела я. Ну, они на много не потянут. Так и вышло. Всего двадцать одна калория. Тогда я отыскала «сыр». В моем мозгу зашебаршились арифметические действия, а по коже побежали мурашки. Я кинулась в папин кабинет и положила на почтовые весы тот сыр, который еще не перевоплотился в Морин.

Я складывала, умножала, делила, а потом проверила и перепроверила результат. Никуда не денешься: включая две малюсенькие помадки, я съела шестьсот семьдесят калорий, то есть *более половины калорий, положенных на день*!

Морин, сказала я, давай-ка, милая, изнуряйся! Без десятидневной диеты тебе не обойтись.

Я намеревалась помалкивать и выклевывать свою диету из того, что ставилось передо мной на стол. Но куда там! Какие тайны в семье, объединяющей вреднейшие замашки сенатской комиссии по расследованию с допросом под пыткой. Немного опоздав, я увернулась от супа со сливками, но когда была вынуждена отказаться от мясного соуса, у меня остался лишь один выход: показать им книжку.

Мама объявила, что растущие девочки нуждаются в усиленном питании. Я возразила, что по вертикали уже не расту, а расти по горизонтали мне, пожалуй, хватит.

Братец раскрыл было рот, но я заткнула его булочкой, так что папочка успел сказать:

— Спросим доктора Эндрюса. Если он даст ей зеленую улицу, пусть морит себя голодом. Она вправе распоряжаться собой.

Ну, на следующий день мы с папочкой отправились к доктору Эндрюсу. Тем более что папочка уже был записан на прием — его каждую весну мучают жуткие насморки. Доктор Эндрюс тут же отослал папочку через вестибюль в приемную доктора Грайба, специалиста по аллергиям, а потом занялся мной. Доктора

Эндрюса я знаю с тех самых пор, когда испустила свой первый писк, а потому рассказала ему все, даже про Клиффа, и показала книжечку. Он полистал ее, взвесил меня, послушал сердце, измерил давление, а потом сказал:

— Действуй! Только выбери месячную диету. Я не хочу, чтобы ты падала в голодные обмороки на уроках.

По-видимому, я надеялась, что он спасет меня от моей силы воли.

— А физическими нагрузками обойтись нельзя? — спросила я выжидательно. — Я же веду очень подвижный образ жизни.

Он прямо чуть не умер от смеха.

— Девочка моя, — сказал он, — знаешь, сколько тебе надо проехать на велосипеде, чтобы нейтрализовать один шоколадный коктейль? *Восемь миль!* Конечно, физические упражнения помогут, но очень мало.

— И долго мне соблюдать диету? — спросила я умирающим голосом.

— Пока не достигнешь веса, который тебя устроит, или пока у тебя хватит силы воли.

Я вышла, стискивая зубы. Если у девушки нет ни фигуры, ни силы воли, что, спрашивается, у нее есть?

Когда мы вернулись, мама была дома. Папочка поднял ее на руки, чмокнул и сказал:

— Кормить диетически тебе придется двоих!

— Двоих? — переспросила мама.

— Ты погляди! — и папочка снял рубашку. Руки у него были все в красных пупырышках, расположенных аккуратными рядами — красных и очень-очень красных.

— У меня аллергия! — гордо возвестил он. —Это вовсе не простуды. У меня аллергия буквально на все. Это, — он указал на красный рядок, — бананы. А вот — кукуруза. Здесь — белки коровьего молока. Тут — цветочная пыльца в меду. Погоди-ка... — Из кармана он извлек длинный список. — Ревень, саго, фасоль, кокосы, горчица, коровье молоко, абрикосы, свекла, морковь, мясо барашка, хлопковое масло, латук, устрицы, шоколад... Впрочем, прочти сама. Это ведь твоя проблема.

— Как хорошо, что я сегодня записалась на вечерние курсы домашних диетологов! Теперь наша семья будет питаться строго по-научному, — сообщила мама.

Казалось бы, хуже некуда. Как бы не так! Братец заявил, что у него хоккейные тренировки и ему требуется тренировочная диета, а именно: кровавые бифштексы и хлеб из пшеничных зерен. И все. В прошлом сезоне он даже со свинцовыми грузилами в карманах не добрал до контрольного веса, а к следующему намерен стать помесью сказочного великана и боксера-тяжеловеса. Отсюда и диета.

Ну, тут и мама подобрала себе диету — строго научную, опирающуюся на знания, которые она приобрела за две недели, пока посещала курсы. Мама часами просиживала над диаграммами, и еда нам подавалась каждому на собственном подносе, точно в больнице, где я лежала, когда сломала лодыжку во время перебежки в бейсболе, играя за Младших Гигантов Вест-Сайда. Мама сказала, что девочке с моей фигурой не следует уподобляться уличным сорванцам, а я говорю, что уличным сорванцам не следует иметь мою фигуру. Да я и никакой не уличный сорванец с тех пор, как в мою жизнь вошел Клифф.

Мама каким-то образом умудрялась находить продукты питания, не попавшие в список папочкиных запретов — тушеное мясо яка, маринованные пальмовые листья, вяленые щупальца осьминога и прочее в таком же роде.

Я спросила папочку, проверил ли он, что их ему можно, а он сказал:

— Занимайся своим вязанием, Плюшка! — И положил себе еще телячьего паштета. Я даже отвернулась.

Мамина диета была такой же экзотической, но менее заманчивой. Она пыталась прельстить меня и братца своим супчиком из морских водорослей, толченой пшеницей и сырым ревенем, но мы упрямо цеплялись за свои диеты. Еда — большое удовольствие при условии, что она съедобна.

С завтраком было легче — папочка завтракал позднее меня, потому что в этом семестре лекции у него начинались только в десять.

Я отлеживалась в кровати, пока наш юный атлет не разделывался со своим Завтраком Чемпионов, а потом вставала в последнюю минуту, выпивала стакан томатного сока (двадцать восемь калорий) и окончательно просыпалась на полдороге к школе. А тогда уже не на что было облизываться. Свой жалкий полдник я приносила в школу с собой, Клифф тоже завел такую манеру, и мы устраивали пикнички вдвоем. Он не замечал, что я ем и сколько.

Но я и не хотела, чтобы Клифф что-то заметил до поры до времени. Я мечтала, как он замрет в восхищении, когда я явлюсь на вечер в честь окончания учебного года в вечернем платье.

Но не получилось. Два последних экзамена Клифф сдал досрочно и укатил на лето в Калифорнию, а я провела вечер в честь окончания у себя в комнате — грызла сельдерей (четыре калории стебель) и размышляла о жизни.

И сразу же мы отбыли в наше летнее путешествие. Папочка предложил Новый Орлеан. Мама покачала головой.

— Жара там невыносимая. И я не хочу подвергать тебя соблазнам креольских ресторанчиков.

— Как раз о них я и думал! — ответил папочка. — Лучшие рестораны для гурманов во всей стране! Во время путешествия ты же все равно не сумеешь держать нас на диете. Это непрактично. «У Антуана», я гряду! Жди меня.

— Нет, — сказала мама.

— Да, — сказал папочка.

Ну и мы поехали в Калифорнию. Едва Калифорния была упомянута, я всем весом (еще порядочным) навалилась на папочку, чтобы он согласился. Увидеться с Клиффом до осени! Об этом я и не мечтала. Бог с ними, с буябесами по-марсельски, и с креветками по-норфолкски. Но, хотя победа осталась за Клиффом, я предпочла бы, чтобы она далась мне не так тяжело.

Назвать наше путешествие веселым и беззаботным было бы большим преувеличением. Братец дулся потому, что ему не разрешили взять с собой тренировочную штангу, а мама запаслась всевозможными диаграммами, справочниками и меню. Где бы мы ни останавлива-

лись, она сразу вступала в длительные переговоры, включавшие дипломатическую встречу с шеф-поваром, а нас тем временем терзал лютый голод.

Мы подъезжали к Кингмену в Аризоне, как вдруг мама объявила, что, по ее мнению, мы там не найдем ресторана, где могли бы поесть.

— Но почему? — вопросил папочка. — Местные жители едят же что-то!

Мама перетасовала свои листки и предложила ехать прямо в Лас-Вегас, не останавливаясь.

Знай он, вздохнул папочка, что наша поездка обернется повторением злоключений тех, кто пересекал континент под водительством Доннера, он подучился бы, как стряпать человечину.

Под эту беседу мы проскочили Кингмен и свернули на север к плотине Боулдер-Дам. Мама с тревогой посмотрела на гряду суровых холмов впереди и сказала:

— Не лучше ли вернуться, Чарльз? До Лас-Вегаса ехать еще часы и часы, а на карте — ни единого населенного пункта.

Папочка покрепче стиснул баранку и нахмурился. Заставить его повернуть назад под силу разве что ползню, и маме следовало бы это знать.

А мне было уже все равно. Белеть моим косточкам под насыпью, это уж точно. «Она старалась и сконча-лась!»

За холмами потянулась невообразимо унылая пустыня, и тут мама сказала:

— Да поверни же назад, Чарльз! Погляди на бензиновый счетчик.

Папочка выставил подбородок и прибавил скорость.

— Чарльз! — сказала мама.

— Ни звука! — отрезал папочка. — Я вижу бензоколонку.

Вывеска провозглашала: «Санта-Клаус, Аризона». Я заморгала в уверенности, что наконец-то мне довелось увидеть мираж. Да, бензоколонка... но не только, не только!

Ведь в пустынях бензозаправочные станции — всегда скопление различных строений. И тут красовался сказочный коттедж, крытый дранкой, которая слагалась в волнистый узор и блестела на солнце, ну прямо

как леденцовая! Над крышей торчала широкая кирпичная труба. *И в нее собирался залезть Санта-Клаус!*

Морин, сказала я себе, довела ты себя голоданием до галлюцинаций!

Между бензоколонкой и коттеджем стояли два чудных домика. На одном была надпись «Золушкин дом» и там Мэри Все Наоборот поливала огород. Второй ни в каких надписях не нуждался: в окошко выглядывали Три Поросенка, а в трубе застрял Злой Серый Волк.

— Для мелюзги! — буркнул братец и заныл: — Па, мы тут перекусим, а?

— Нет, только наполним бак, — ответил папочка. — Найди камушек посочнее и погрызи. Ваша мамочка объявила голодовку.

Мама молча направилась к коттеджу, и мы потянулись за ней. Едва мы переступили порог, как зазвонил колокол и кто-то объявил звучным приятным контральто:

— Добро пожаловать! Кушать подано!

Внутри коттедж показался вдвое больше, чем снаружи, с прелестнейшим столовым залом, блестевшим новизной и чистотой. Из кухни веяло небесными ароматами. Оттуда вышла владелица контральто и улыбнулась нам. Мы сразу поняли, кто перед нами, потому что на ее переднике было вышито «Госпожа Санта-Клаус». Глядя на нее, я ощутила себя в меру худощавой, но ее полнота только красила. Попытайтесь вообразить тощую госпожу Санта-Клаус.

— Сколько вас? — спросила она.

— Четверо, — ответила мама, — но...

Госпожа Санта-Клаус уже скрылась на кухне.

Мама села за столик и взяла меню. Я последовала ее примеру, и у меня потекли слюнки. Вот посудите сами!

Мятно-фруктовые тарталетки
Похлебка по-креольски
Суп-пюре из курицы
Жареная телятина с пряностями
Суфле из ветчины
Жаркое по-новоанглийски
Барашек по-гавайски
Картофель по-лионски

Картофельная соломка
Сладкий картофель по-мэриленски
Маринованный лук
Спаржа с зеленым горошком
Салат из цикория с сыром рокфор
Артишоки с авокадо
Свекла под майонезом
Сырная соломка
Булочки с корицей
Оладьи
Миндальное мороженое под хересом
Ромовая баба
Пылающие персики по-королевски
Воздушный мятный пирог
Шоколадный торт
Фруктовый торт со взбитыми сливками
Кофе, чай, молоко

(Воду нам привозят за пятнадцать миль. Пожалуйста, помогите нам ее экономить.)

Благодарю вас. Госпожа Санта-Клаус.

У меня просто в глазах зарябило, и я посмотрела в окно. Мы по-прежнему находились в центре самой угрюмой пустыни в мире.

Тогда я принялась подсчитывать калории в этом провокационном документе. Дошла до трех тысяч и сбилась. Потому что перед нами поставили фруктовые тарталетки. Я едва притронулась к одной, как мой желудок подпрыгнул и принялся грызть пищевод.

Вошел папочка, сказал «ну-ну!» и сел. Братец тоже не заставил себя ждать.

— Чарльз, — сказала мама, — в этом меню для тебя практически ничего нет. Пожалуй, я... — Она встала, чтобы пойти на кухню.

Папочка сказал, не отрываясь от меню:

— Погоди, Марта. Будь добра, сядь!

Мама села, и он спросил:

— У меня большой запас носовых платков?

— Конечно, — ответила мама, — но почему...

— Превосходно. Я уже ощущаю начало приступа. Итак, похлебка...

— Чарльз! — сказала мама.

— Затвори уста, женщина! Человечество просуществовало пять миллионов лет, поедая все, что можно разжевать и проглотить...

Тут вернулась госпожа Санта-Клаус, и он заказал и то и се, и еще, и еще, и каждое его слово было как удар ножа в мое сердце.

— А теперь, — заключил он, — если у вас найдется восемь нубийских рабов, чтобы внести все это...

— Мы воспользуемся «джипом», — ответила она и обернулась к маме.

Мама хотела было заказать рубленой травки и витаминный суп, но папочка ее перебил:

— Я заказал на нас двоих. А дети пусть выберут сами.

Мама сглотнула и промолчала.

Братец вообще в меню не заглядывает.

— Мне двойной каннибальский бутерброд, — потребовал он. Госпожа Санта-Клаус содрогнулась.

— А что такое, — осведомилась она зловеще, — каннибальский бутерброд?

Братец объяснил, и она воззрилась на него так, словно надеялась, что он уползет под **камень**, откуда выполз. Потом сказала с трудом:

— Госпожа Санта-Клаус выполняет любые заказы клиентов, но есть его ты будешь на кухне. Тут ведь будут обедать и другие люди.

— Ладненько, — согласился братец.

— А тебе что приглянулось, деточка? — спросила она у меня.

— Все, — ответила я тоскливо, — но у меня диета.

Она сочувственно вздохнула, а потом спросила:

— Но что тебе запрещено есть?

— Особо ничего. Мне запрещена еда вообще. Мне нельзя есть еду.

— Найти тут что-то малокалорийное не так-то просто. К подобным блюдам у меня душа не лежит. Я тебе подам то же, что твоим родителям, а уж ты ешь, что захочешь, и так мало, как захочешь.

— Хорошо, — слабовольно согласилась я.

Нет, правда, я старалась устоять. Считала до десяти между двумя глотками, только вдруг заметила, что считаю очень быстро — для того чтобы успеть съесть это блюдо, пока не подали следующее.

Вскоре мне стало ясно, что я — погибшая женщина, но мне было все равно. Меня окутывал теплый туман калорий. Один раз из-за края тарелки высунулась моя совесть, я обещала завтра вообще проголодать, и она опять уснула под тарелкой.

Из кухни показался братец с физиономией, вымазанной розовым кремом.

— Это что? Крем с каннибальского бутерброда? — спросила я.

— А? Ты бы посмотрела, чего там только нет! Ей бы держать тренировочный стол! — пробурчал он.

Много-много времени спустя папочка сказал:

— Пора и в дорогу... Брр!

— Так переночуйте здесь, — предложила госпожа Санта-Клаус. — Место найдется для всех.

Ну, мы и остались. Это было чудесно!

Утром я проснулась с твердым намерением обойтись без двадцати восьми калорий моего томатного сока, но я не учла госпожи Санта-Клаус. И никаких меню! Не успели мы сесть за стол, как нам подали чашечки с кофе и еще всякую всячину — но не разом, а по очереди, а это притупляет бдительность. Как-то: грейпфрут, молоко, овсяные хлопья со сливками, яичницу с колбасой, а еще поджаренный хлеб, сливочное масло, джем, бананы и сливки. А когда казалось, что на кухне больше ничего остаться не могло, появились хрустящие вафли, еще масло, земляничное варенье и кленовый сироп. А с ними еще кофе.

Я съела все, испытывая безнадежное раздвоение личности: одна половина пребывала в чернейшем отчаянии, другая — в блаженном экстазе.

В путь мы отправились, чувствуя себя великолепно.

— Завтрак, — изрек папочка, — следует сделать обязательным, как школьное образование. Я предсказываю, что скоро будет установлена прямая зависимость между современной тенденцией обходиться без завтрака и ростом преступности среди несовершеннолетних.

Я промолчала. Мужчины — моя слабость, вкусная еда — моя погибель, но мне было все равно.

Пообедали мы в Барстоу. Я, правда, осталась в машине и попыталась вздремнуть.

В отеле нас встретил Клифф, и мы с ним попросили нас извинить — он пригласил меня поехать с ним на машине посмотреть университет. Когда мы пришли на автостоянку, он спросил:

— Что с тобой? Лицо такое, словно ты лишилась последнего друга... И ты исхудала, ну словно щепка.

— Ах, Клифф, — сказала я и расплакалась у него на плече.

Потом он вытер мне нос и завел мотор. Мы тронулись, и я рассказала ему все. Он промолчал, но вскоре свернул влево.

— Разве университет там? — спросила я.

— Неважно.

— Клифф, я тебе совсем опротивела?

Вместо ответа он остановил машину перед внушительным зданием, и мы вошли. Оказалось, что это картинная галерея. Все еще не говоря ни слова, Клифф повел меня на выставку старинной живописи и указал на картину.

— Вот, — сообщил он, — мой идеал женской красоты.

Я посмотрела. «Суд Париса» Рубенса.

— И вот, и вот, — продолжал Клифф, кивая на другие полотна Рубенса, чьи натурщицы, честное слово, ни про какие диеты наверняка ничего не слышали.

— Вот что требуется нашей стране! — объявил Клифф. — Побольше пухленьких девушек и побольше ребят вроде меня, способных оценить их.

Я молчала, пока мы не вышли из музея. Мне требовалось переосмыслить все мои представления. Но что-то меня грызло, и я напомнила ему, как он обругал фигуру Клариссы, девушки такого же роста и таких же объемов, что и я.

— А, да! — припомнил он. — Настоящая красавица, просто сногсшибательная...

— Погоди, Клифф, но ты же сказал...

Он схватил меня за плечи.

— Ты меня за полного идиота принимаешь, дуреха? Так я бы и подал тебе повод взревновать!

— Но я никогда не ревную!

— Расскажите вы ей! Так где перекусим? «У Романова»? В «Бродяге»? Денег у меня полным-полно.

Меня нежили теплые волны счастья.

— Клифф...

— Что, детка?

— Мне говорили про коктейль «Мечта идиота». В большой бокал кладут два банана, шесть сортов мороженого и...

— Ты отстала от века. Про «Эверест» слышала?

— О?

— На подносе строят пирамиду из двадцати одного сорта мороженого, скрепляя четырьмя бананами, жженым сахаром и орехами. Потом обливают шоколадным сиропом, утыкивают орехами под скалы, обсыпают ванильной пудрой, а вершину покрывают взбитыми сливками под снег. Ниже втыкают петрушку под деревья, а на верхнем склоне присобачивают маленького пластмассового лыжника. Его берешь на память о пережитом.

— О-о-о! — вздохнула я.

— По одному на клиента. Но если ты съешь все, я не плачу.

Я расправила плечи.

— Вперед, на взятие «Эвереста»!

— Ставлю на тебя, Плюшка.

Клифф самый лучший из всех мужчин в мире.

ДА БУДЕТ СВЕТ!

Эту телеграмму доктор естествознания, доктор философии и вообще большой ученый Арчибальд Дуглас прочитал с явным раздражением.

ПРИБЫВАЮ ГОРОД СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ТЧК ПРОШУ КОНСУЛЬТАЦИИ ХОЛОДНОГО СВЕТА ТЧК БУДУ ВАШЕЙ ЛАБОРАТОРИИ ДЕСЯТЬ ВЕЧЕРА

подпись: *ДР. М. Л. МАРТИН.*

Прибываю, значит? Прошу, значит? Да что ему тут — отель? Может быть, этот Мартин думает, что он, Арчибальд Дуглас, склонен тратить свое время на любого неощипанного гуся, который может раскошелиться на телеграмму? Про себя он уже составлял изысканно-обескураживающий ответ, но тут заметил, что телеграмма послана из какого-то аэропортика на Среднем Западе. Черт с ним, пусть едет. Встречать его Дуглас, во всяком случае, не собирается.

Однако естественное любопытство побудило Дугласа достать справочник «Кто есть кто в науке» и отыскать нахала. Справочник гласил: Мартин, М. Л., биохимик и эколог, доктор мирантологии, магистр артоники и телеологии, ведущий специалист в области пыльцево-

---

«Let There be Light», 1940

© 1993 Д.Старков, перевод на русский язык.

чешуйчатых калахари и эмфатических эфемизмов драмадоидов, руководитель кафедры преднатольного эндемогенеза — в общем, степеней у него на шестерых хватит... Хм-м — член редколлегии «Гуггенхеймовского обзора фауны Ориноко»; автор «Вторичного симбиоза коррупчатых долгоносиков», и так далее — еще три дюйма мелкого шрифта. Да, непростой такой старикашка, что и говорить.

Немного погодя Дуглас обследовал свою персону в зеркале лабораторного умывальника. Грязный рабочий халат он снял, вытащил из жилетного кармана расческу и тщательно расчесал блестящие темные волосы. Элегантный клетчатый пиджак, шляпа с широкими полями — ну вот, и на люди показаться можно. Дуглас потрогал шрам, светлым штрихом прорезавший смуглую щеку. Неплохо, даже со шрамом. Если бы не перебитый нос, вид был бы просто шикарный!

Ресторан, где он обычно ужинал в одиночестве, был наполовину пуст. И оживленней здесь не станет, пока театры не закроются, однако, на вкус Дугласа, еда здесь была что надо и свинг-бэнд тоже. Он как раз заканчивал ужин, когда мимо прошла молодая женщина и села за соседний столик лицом к нему. Он ненавязчиво осмотрел ее. Ничего себе штучка! Фигуркой как балерина, роскошные, пшеничного цвета волосы, огромные, томные глазищи! Лобик, впрочем, несколько узковат, но слишком уж ты многого хочешь.

Он решил предложить ей выпить. Если все пойдет как надо, доктор Мартин может катиться ко всем чертям. Дуглас написал приглашение на обороте меню и подозвал официанта.

— Лео, это — одна из ваших девочек?

— Нет, м'сье. Никогда раньше не видел.

Дуглас откинулся на спинку стула и принялся ждать результатов. Он всегда безошибочно узнавал этот призывный взгляд и в исходе своего предприятия был абсолютно уверен. Незнакомка прочла записку и, слегка улыбнувшись, оглядела его. Он подмигнул. Девица подозвала официанта, попросила у него карандаш и написала что-то на обороте меню. Лео тут же вручил ему ответ.

Благодарю за любезное приглашение, но сегодня вечером я занята другими делами.

Оплатив счет, Дуглас вернулся в лабораторию.

Лаборатория располагалась на последнем этаже фабрики, принадлежавшей Дугласу-старшему. В ожидании доктора Мартина Арчибальд оставил входную дверь и лифт внизу открытыми, а чтобы не терять времени даром, решил выяснить, почему это с недавних пор стала дребезжать центрифуга. Ровно в десять загудел лифт, и Арчибальд направился к двери встречать гостя.

Перед ним стояла та самая сладкая блондиночка, которую он пытался подцепить в ресторане.

Дуглас немедленно возмутился:

— Как вы сюда попали? Шли за мной?

Блондинка опешила.

— У меня — встреча с доктором Дугласом. Пожалуйста, передайте ему, что я уже здесь.

— Черт побери! Что это за шуточки?!

Она с трудом держала себя в руках.

— Думаю, доктор Дуглас знает об этом лучше вас. Доложите ему, что я приехала — немедленно!

— Да я и есть доктор Дуглас!

— Вы? Вы больше похожи на бандита с большой дороги.

— И тем не менее. Так что прекрати валять дурака, сестренка, и расскажи, в чем дело. Как тебя зовут?

— Я — доктор М. Л. Мартин.

На мгновение Дуглас растерялся, но затем ухмыльнулся.

— Без дураков? А вы не морочите голову своему деревенскому братишке? Входите, док.

Она последовала за ним с настороженностью бездомной кошки, готовой, чуть что, выпустить коготки. Усевшись в кресло, она снова засомневалась:

— Но вы — действительно доктор Дуглас?

Он усмехнулся.

— Во плоти — и могу это доказать. А вот вы... Я все еще думаю, что меня хотят надуть.

Она пожала плечами.

— Чего же вы хотите? Может, мне вам показать свидетельство о рождении?

— А может, вы прикончили этого бедного старикана — доктора Мартина, — а тело сбросили в шахту лифта?

Она встала, взяла сумочку и перчатки:

— Ради этой встречи я проехала полторы тысячи миль. Извините за беспокойство. До свидания, доктор Дуглас.

Арчибальд смутился.

— Да вы не обижайтесь, это я так... Забавно, что известный доктор Мартин оказывается вылитой копией Мерилин Монро. Садитесь.

Он мягко отобрал у нее перчатки.

— Позвольте мне еще раз предложить вам выпить.

Она еще сердилась, но скоро природное легкомыслие взяло верх.

— Ладно уж... Шрамоносец.

— Вот, так-то лучше. Скотч или бурбон?

— Бурбон — и поменьше воды.

Однако когда коктейли были готовы, а сигареты раскурены, напряжение возникло вновь.

— Скажите, — начал Дуглас, — а чем я обязан вашему визиту? Я ведь в биологии — ноль.

Она выпустила колечко дыма, отогнав его наманикюренным пальчиком.

— Помните свою статью в апрельском номере «Физикл ревью»? О холодном свете и возможных путях работы над этой проблемой?

— Хемилюминесценция против электролюминесценции, — кивнул он.— Для биолога не так уж много интересного.

— Не скажите, я довольно давно работаю над той же проблемой.

— С какой точки зрения?

— Хотела выяснить, как светятся светлячки. В Южной Америке мне попались несколько очень ярких экземпляров, вот я и заинтересовалась.

— Хм... Наверное, в этом что-то есть. И что вам удалось выяснить?

— Не больше того, что уже и без меня известно. Как вы, наверное, знаете, светлячки как источник света эффективны до неправдоподобия: КПД почти девя-

носто шесть процентов. А какая эффективность у обычной лампы накаливания?

— В лучшем случае два процента.

— Вот именно, глупый маленький жучок выдает в пятьдесят раз больше, даже в ус не дуя. Сравнение не в нашу пользу, верно?

— Да уж, — признал Дуглас. — Давайте дальше о светлячках.

— Так вот. В брюшке у них содержится очень сложное активное органическое вещество под названием «люциферин». Окисляясь в присутствии катализатора, оно превращается в люциферазу, и вся энергия окисления преобразуется в зеленоватый свет, причем совершенно без выделения тепла. Восстановите люциферин с помощью водорода — и процесс можно повторять до бесконечности. Я выяснила, как добиться этого в лабораторных условиях.

— Да?! Так поздравляю! Я вам не нужен и могу прикрывать свою лавочку.

— Не спешите с выводами. На практике у меня ничего не вышло. Слишком сложная технология, а достаточной интенсивности света не получается. И потому я приехала к вам. Не могли бы мы объединить наши знания и силы?

Через три недели, в четыре утра, доктор М. Л. Мартин — для друзей просто Мэри Лу — жарила яичницу на бунзеновской горелке. На ней были шорты и свитер, поверх них — длинный резиновый фартук, золотая грива распущена по спине, круглая попка и ножки — будто взяты с обложки журнала.

Обернувшись к Дугласу, распластанному в кресле, она сказала:

— Послушай-ка, ты, горилла, кажется, кофеварке пришел конец. Не сварить ли кофе во фракционном дистилляторе?

— А я думал, ты змеиный яд там держишь...

— Ну да. Но я сполосну, ты не бойся.

— Женщина! Если тебе плевать на то, что может случиться со мной, ты хоть бы себя пожалела...

— Ерунда. Раз уж та гадость, которую ты пьешь, еще не довела тебя до язвы желудка, от змеиного яда тем более вреда не будет.

Она отшвырнула фартук и села, закинув ногу на ногу.

— О, закрой свои бледные ноги! Мэри Лу, для моей романтической души это слишком!

— Плевать, а души у тебя вообще нет, одни низменные инстинкты. Давай лучше займемся делом. На чем мы остановились?

Дуглас запустил пятерню в волосы и закусил губу.

— Остановились мы, похоже, перед каменной стеной. Все, что мы испробовали, не оставляет никаких надежд.

— Но ведь проблема, судя по всему, лишь в том, чтобы довести лучистую энергию до видимого спектра.

— Ух ты, ясноглазая моя! Просто-то как: взять и довести до спектра...

— Ты свой сарказм оставь. Именно там при обычном электрическом освещении потери и возникают. Вольфрамовая нить раскаляется добела, может быть, два процента превращаются в свет, а остальное уходит в инфракрасное и ультрафиолетовое излучение.

— Красиво, а главное — истинная правда.

— Чурбан ты этакий, конечно, ты устал, однако слушай, что старшие говорят. Должен же существовать способ точной настройки длины волн, ну как в радио.

Дуглас слегка оживился.

— В нашем случае это не подойдет, даже если б тебе удалось разработать индукционно-емкостный контур с естественной резонансной частотой в пределах видимого спектра. Слишком сложная конструкция для каждого светящегося фрагмента. А если настройка будет неточной, то вообще никакого света не получится.

— Но разве способ контроля частоты только один?

— Практически один. Правда, в некоторых — особенно любительских — передатчиках используются специально вырезанные кварцевые кристаллы. Они имеют свою естественную частоту и таким образом контролируют длину волн.

— А почему мы не можем вырезать кристалл, имеющий естественную частоту в области видимого спектра?

Дуглас резко выпрямился.

— Детка! Похоже, ты попала в точку!

Он поднялся и стал расхаживать взад-вперед, рассуждая вслух:

— Для обычных частот используются обычные кристаллы кварца, а для коротких волн — турмалин. Частота вибрации зависит непосредственно от формы кристалла. Существует простая формула...

Дуглас взял с полки толстый справочник.

— Ага, вот. Для кварца — каждый миллиметр кристалла удлиняет волну на сто метров. А частота, естественно, обратна длине волны. И для турмалина — то же самое, но волны более короткие...

Он продолжал читать вслух:

— При воздействии электрических разрядов кристаллы изгибаются и, напротив, будучи изогнуты, выдают электрический разряд. Период колебания — является неотъемлемым качеством кристалла, зависящим от его геометрических пропорций. Будучи подключенным к передающему радиоконтуру, кристалл заставляет весь контур работать на одной постоянной частоте, присущей самому кристаллу. Вот оно, малыш, вот! Если нам удастся найти подходящий кристалл и обработать его так, чтобы он вибрировал на частоте видимого спектра — то способ преобразования электроэнергии в световую без потерь на тепло у нас в кармане!

Мэри Лу восхищенно охнула:

— Вот какой у нас мальчик! Способный, только ленивый! Ведь может, если захочет!

Почти полгода спустя Дуглас пригласил в лабораторию своего отца, чтобы продемонстрировать достигнутые результаты. Проводив тихого, седого джентльмена в свою святая святых, он сделал знак Мэри Лу — задернуть шторы, а затем показал на потолок.

— Вот, пап. Холодный свет — его стоимость составляет лишь ничтожную долю от стоимости электрического освещения!

Старик поднял глаза и увидел подвешенный к потолку серый экран, размером и формой напоминавший крышку ломберного столика. Мэри Лу повернула вы-

ключатель. Экран засиял мягким светом перламутровой раковины. Сильный, нерезкий свет заливал комнату.

Молодой ученый улыбался отцу. Он был счастлив и ожидал похвалы, как щенок ожидает ласки.

— Ну как, пап? Сто свечей — электролампы сожрали бы сто ватт, а у нас тут — всего ничего, пол-ампера на четыре вольта!

Старик растерянно заморгал, глядя на экран.

— Замечательно, сынок. Вправду замечательно. Хорошо, что вам удалось добиться этого.

— Пап, а знаешь, из чего сделан экран? Вид силиката алюминия. Дешево, потому что можно использовать для производства любую глину: бокситы, криолиты, да почти все, что угодно — лишь бы содержало алюминий! То есть сырья — в любом штате хоть экскаватором греби!

— Ты, сынок, уже готов запатентовать процесс?

— Конечно!

— Тогда давай перейдем в твой кабинет: нам нужно кое-что обсудить. И даму свою пригласи.

Торжественная серьезность отца несколько омрачила ликование Арчибальда. Когда все сели, он спросил:

— Что-нибудь случилось, отец? Нужна моя помощь?

— Боюсь, Арчи, ты ничем не сможешь мне помочь. Мало того, у меня к тебе просьба: я хочу просить тебя закрыть свою лабораторию.

Арчибальд не повел и бровью.

— Вот как?

— Ты знаешь, я всегда гордился твоей работой. А с тех пор как умерла твоя мама, моей главной целью было — обеспечить тебя необходимым оборудованием и средствами.

— Да, пап, ты всегда был щедр на этот счет.

— Мне хотелось предоставить тебе как можно больше возможностей. Но теперь настали трудные времена. Фабрика больше не в состоянии финансировать твои исследования. Мне, вероятно, придется просто закрыть предприятие.

— Неужели так плохо, пап? Я думал, что у нас заказов хватает...

— Заказов у нас больше чем достаточно, но дела обстоят так, что никакой выгоды нам это не сулит. Помнишь, я говорил тебе про закон о коммунальных

услугах, который приняли на последней законодательной сессии?

— Да, что-то такое припоминаю... Но разве губернатор не наложил на него вето?

— Они обошли вето губернатора. Такой бесстыдной коррупции в нашем штате еще не бывало — лоббисты продали и душу, и тело!

Голос старика задрожал в бессильном гневе.

— А нас это касается?

— Этот билль якобы уравнивает тарифы на электроэнергию согласно обстоятельствам. Но на самом деле он просто позволяет контрольной комиссии вертеть потребителями, как ей хочется. А ты знаешь, что это за комиссия... В политику я никогда не ввязывался, но теперь они и меня приперли к стенке. Я больше не выдерживаю конкуренции.

— Силы небесные! Они не смеют так поступать! Надо подать на них в суд!

Старик поднял брови:

— В нашем штате?

Дуглас встал и принялся расхаживать по комнате.

— Но ведь что-то мы можем!

Отец покачал головой.

— Меня бесит, что они проделывают такие фокусы с ресурсами, которые фактически принадлежат народу! Программа федерального правительства позволила нам получать много дешевой энергии. Страна могла бы богатеть, однако местные пираты наложили на электричество лапу и пользуются этим, чтобы подчинить себе сограждан.

Когда старый джентльмен удалился, Мэри Лу положила руку на плечо Дугласа и заглянула ему в глаза.

— Бедный ты мой...

Арчибальд был подавлен.

— Так-то вот, Мэри Лу. И как раз на самом интересном месте. Я ведь занимался этим в основном из-за отца.

— Я знаю.

— Но теперь эти толстопузые рэкетиры подмяли под себя весь штат.

Вид у Мэри Лу был разочарованный и немного презрительный.

— Ну и слюнтяй же ты, Арчи Дуглас! Неужели ты так все и спустишь этим мерзавцам?

Дуглас мрачно посмотрел ей в глаза.

— Нет, не спущу. Я буду драться. Но наверняка проиграю. Такие штуки — не по моей части.

Она прошлась по комнате.

— Я тебе удивляюсь! Ты изобрел величайшую вещь со времен динамо и еще что-то болтаешь о проигрыше?!

— Это ты изобрела...

— О Господи! А кто разработал состав? Кто смешивал его, чтобы получить полный спектр? Это твое дело и твои заслуги! В чем проблема? Энергия! Из-за энергии тебя скрутили в бараний рог! Но ты ведь физик. Найди способ получить энергию, не кланяясь кому попало!

— Какую тебе нужно? Атомную?

— Это ты загнул. Ты — пока что не Комиссия по ядерной энергетике.

— Можно поставить ветряк на крыше.

— Уже лучше, простенько, но со вкусом. Ты пошевели как следует мозгами, а я пока кофе сварю. Похоже, нам опять предстоит бессонная ночь.

Он усмехнулся.

— Ладно, Совесть Нации, сейчас примусь шевелить.

Она счастливо улыбнулась.

— Вот это разговор!

Он подошел к ней, обнял за талию и поцеловал. Она притихла в его объятиях, но когда поцелуй завершился, вдруг резко его отпихнула.

Когда рассвет окрасил их лица болезненной бледностью, они принялись устанавливать два экрана холодного света — один напротив другого. Арчи сближал их до тех пор, пока между ними не осталось пространство шириной в дюйм.

— Ну вот, практически весь свет попадет на второй. Эй, красотка, включай первый!

Мэри Лу повернула выключатель. Первый экран засветился, отдавая свой свет второму.

— Сейчас поглядим, насколько эта замечательная теория верна.

Дуглас присоединил к клеммам второго экрана вольтметр и нажал кнопку. Стрелка отклонилась за два вольта.

Мэри Лу озабоченно оглянулась:

— Ну как?

— Работает! Безо всяких! Экраны работают в двух направлениях! Дай им энергию — получишь свет. Дай им свет — получишь энергию!

— А каковы потери, Арчи?

— Сейчас.

Он подключил амперметр и вытащил логарифмическую линейку.

— Так... Около тридцати процентов. Большей частью — утечка света по краям экрана.

— Арчи, солнце встает. Попробуем вытащить второй экран на крышу и посмотрим, как ему понравится солнышко.

Через несколько минут экран и измерительные приборы оказались на крыше под лучами восходящего солнца. Арчи подключил вольтметр, стрелка снова отклонилась за отметку в два вольта.

Мэри Лу чуть не запрыгала от радости:

— Работает!

— Должен работать, — заметил Арчи. — Если свет с одного экрана смог заставить его генерировать энергию, то солнце — тем более. Подключи амперметр: посмотрим, что мы тут имеем.

Амперметр показал восемнадцать и семь десятых ампера.

Мэри Лу взяла линейку и высчитала результат.

— Восемнадцать и семь на два... Получается — тридцать семь и четыре десятых ватта, около пяти сотых от лошадиной силы. Не слишком-то много: я думала, выйдет больше.

— Все правильно, малыш. Мы ведь используем только видимый спектр, а солнце как источник света эффективно процентов на пятнадцать, остальные восемьдесят пять приходятся на инфракрасную и ультрафиолетовую области. Дай-ка линейку.

Получив линейку, Дуглас продолжал:

— Солнце излучает около полутора лошадиных сил, или один и одну восьмую киловатта на каждый квад-

ратный ярд земной поверхности, расположенной перпендикулярно лучам. Около трети поглощает атмосфера — даже в жаркий полдень над Сахарой... Значит, одна лошадка на квадратный ярд. А на восходе — и для наших широт — получится не больше трети лошадиной силы. Из расчета эффективности в пятнадцать процентов — около пятисот лошадок. Проверяем — что и требовалось доказать. Что ты глядишь так мрачно?

— Я думала, на этой крыше мы сможем получить энергию для всей фабрики. Но если на одну лошадиную силу нужно двадцать квадратных ярдов...

— Не вешай нос, детка! Мы создали экран, вибрирующий только в области видимого спектра. А можем, наверное, сконструировать и другой — так сказать, атонический — чтобы реагировал на волны любой длины. Он будет усваивать всю лучистую энергию, какая на него попадет, и превращать ее в электрическую. В ясный полдень, да с такой крышей мы хоть тысячу лошадей получим! Только надо будет завести цепь аккумуляторов, чтоб копить энергию для пасмурных дней и ночных смен.

Большие голубые глаза Мэри Лу смотрели на него с восторгом:

— Арчи, а голова у тебя когда-нибудь болит?

Через двадцать минут он снова сидел за своим столом, погрузившись в расчеты, а Мэри Лу пыталась наскоро сообразить завтрак.

— Мэри Лу Мартин, — оторвался от бумаг Арчибальд, — не стоит тратить время на кулинарные изыски.

Обернувшись, она замахнулась на него сковородой.

— Слушаю и повинуюсь, мой господин. И все же, Арчи, ты — простой, темный неандерталец и в радостях жизни ничего не смыслишь!

— Может, и так. Но ты сюда посмотри: вот он — экран, который будет вибрировать по всем имеющимся частотам.

— Серьезно, Арчи?!

— Без дураков, малыш. В наших прежних экспериментах это уже было, но мы этот вариант прохлопали — слишком увлеклись экраном, вибрирующим в заданных пределах. И еще я тут кое-что выяснил.

— Так расскажи мамочке!

— Мы сможем создать экраны, излучающие в инфракрасной области, почти так же легко, как экраны холодного света. Понимаешь? Это же — нагревательные элементы любого вида и размера, экономичные, не требующие больших мощностей, без высоких температур — то есть не огнеопасные и не представляющие угрозы, скажем, для детей. Я думаю реально спроектировать такие экраны, чтобы можно было, во-первых, — он загнул палец, — использовать солнечную энергию с максимальной эффективностью; во-вторых, вырабатывать энергию в виде холодного света или, в-третьих, тепла, или, в-четвертых, электричества. Можем соединить экраны последовательно и получить любой вольтаж, можем — параллельно, получая любую силу тока. И вся энергия — практически бесплатно, только вот на саму установку придется потратиться!

Прежде чем что-либо сказать, Мэри Лу несколько секунд молча смотрела на Дугласа.

— И все это — ради того, чтобы получать свет подешевле... Ладно уж, молотилка ты этакая, давай завтракать. Мужчин нужно кормить, иначе г них никакого проку.

Ели молча — каждый был занят новой идеей. Наконец Дуглас заговорил:

— Мэри Лу, ты хоть понимаешь, что мы с тобой придумали?

— Вроде бы понимаю.

— Это же бесподобно! Мы можем располагать таким количеством энергии... Солнце постоянно отдает Земле двести тридцать триллионов лошадиных сил, а мы до сих пор ни одной из них не использовали.

— Арчи, неужели действительно так много?

— Да я своим же расчетам было не поверил, пока в справочник Ричардсона не заглянул! Выходит, в любом квартале города можно получить больше двадцати тысяч лошадей! Понимаешь, что отсюда следует? Даровая энергия! Богатство для всех! Это — величайшее достижение со времен паровой машины!

Тут он замолк, увидев мрачную мину Мэри Лу.

— В чем дело, малыш? Я ошибся?

Она вертела в пальцах вилку.

— Нет, Арчи, все правильно. Я тоже сейчас подумала... Разукрупнение больших городов, машины, облегчающие физический труд, всякие удобства... Это прекрасно. Однако у меня такое чувство, что тут-то и начнутся для нас главные неприятности. Знакомо тебе такое название — «Брикейджес, Лтд»?

— Это что, переработка вторсырья?

— Разве что на первый взгляд... Арчи, ты в своей жизни читал хоть что-нибудь, кроме «Докладов американского общества инженеров-физиков»? Хотя бы Бернарда Шоу? У него в одной пьесе, кажется, «Назад к Мафусаилу», есть весьма язвительное описание того, как индустриальные корпорации противостоят любым переменам, угрожающим их прибылям. А ты, сынок, угрожаешь всему промышленному укладу — вот прямо сейчас сидишь и угрожаешь! Следовательно, с этого момента ты сам в опасности. Что, по-твоему, произошло с ядерной энергией?

Дуглас откинулся на спинку кресла.

— Да ерунда это все. Ты просто устала, вот и дергаешься. Индустрия всегда приветствовала изобретения. Все крупные корпорации имеют свои исследовательские отделы, где собирают лучших ученых страны. И именно сейчас они по горло заняты ядерной физикой.

— Конечно. И каждый молодой-талантливый может получить там работу. Вот тут-то он и попался, потому что изобретения его принадлежат компании, и только те из них, которые способны дать компании богатство и власть, имеют шанс когда-либо увидеть свет. А остальным — крышка! Ты что, думаешь, они позволят вольному стрелку вроде тебя пустить псу под хвост их миллиарды, уже вложенные в дело?

Он сдвинул брови, но затем рассмеялся.

— Да плюнь на них, малыш! Это несерьезно.

— Хорошо бы! Ты слыхал когда-нибудь о силанезной вуали? Нет? Это такой синтетический материал, вроде шифона, он лучше носится и легче стирается и стоит около сорока центов за метр, а шифон — в четыре раза дороже. Но этого замечательного материала больше нигде не достанешь. А бритвенные лезвия? Пять лет назад мой брат купил одно. Его не нужно было затачивать, и он все еще им пользуется, но если когда-нибудь потеряет,

придется опять вернуться к старым бритвам. В продаже таких больше нет. А приходилось ли тебе слышать о тех ребятах, которые нашли топливо куда лучше и дешевле газолина? Около четырех лет назад один из них все же появился на публике и доказал справедливость своих требований, однако через несколько недель утонул. Несчастный случай! Я не утверждаю, что его убили, но как ни смешно, его расчетов так и не нашли. Или вот еще. Я когда-то читала в «Лос-Анджелес дейли ньюс», что некто купил в Сан-Диего машину — обычную машину вроде пикапа, заправился и поехал в Лос-Анджелес. Бензина на это ушло всего два галлона. Затем он поехал в Агуа-Калиенте, а оттуда — обратно в Сан-Диего. И израсходовал три галлона. Через неделю фирма разыскала его и предложила крупную сумму, если он согласится вернуть машину. По ошибке ему достался образец, не предназначенный для продажи, карбюратор в нем был с каким-то фокусом. Ты видел когда-нибудь тяжелый лимузин, потребляющий галлон на семьдесят миль? Нет. То-то и оно. И не увидишь — пока делами заправляет «Брикейджес Лтд». И это чистая правда, если хочешь, можешь посмотреть архивы. У нас ведь автомобили делают не для того, чтобы на них ездить, они должны быстрее изнашиваться, чтобы потребитель раскошеливался на новые. Вот паровые машины гораздо реже попадали бы в аварии, да вдобавок служили бы, по крайней мере, лет по тридцать.

Дуглас засмеялся.

— Балаболка ты моя, оставь эти мрачные мысли. Мания преследования какая-то! Давай лучше о чем-нибудь поприятней — к примеру, о нас с тобой. Ты так здорово умеешь варить кофе... Словом, не купить ли нам лицензию на совместное проживание?

Она не отвечала.

— В самом деле, почему нет? Я молод, здоров... Бывают гораздо хуже.

— Арчи, я еще не рассказывала об одном вожде из Южной Америки? Ради меня он был готов на все!

— Не припомню. И что?

— Он хотел, чтоб я вышла за него замуж. Даже предложил заколоть семнадцать прежних жен для свадебного пира.

— И как это отразится на моем предложении?

— Все познается в сравнении. В наши дни девушке не стоит упускать такой шанс.

Арчи нервно курил, расхаживая по лаборатории. Мэри Лу испуганно наблюдала за ним с рабочего табурета и, когда он остановился, чтобы прикурить новую сигарету от предыдущей, робко спросила:

— И как, титан мысли, идут наши дела?

Он прикурил, обжегся, невнятно выругался и ответил:

— Ты, Кассандра, пожалуй, была права. Теперь у нас неприятностей больше, чем я мог себе представить. Для начала: наш электромобильчик, работавший от солнечной энергии, кто-то облил керосином и сжег. Этому я значения не придал: думал, так себе, случайность. Но когда я отказался отдать им на откуп все наше дело, они буквально завалили нас дурацкими судебными исками! Выше крыши!

— Законных оснований у них нет.

— Знаю... Зато денег у них немерено, чего о нас не скажешь. Они в состоянии месяцами тянуть эти процессы. Может, и годами. Но мы-то и года не выдержим.

— Что будем делать? Ты пойдешь на переговоры?

— Не хотелось бы. Опять станут покупать или запугивать каким-нибудь новым хитроумным способом. Если бы не отец, давно бы послал их куда подальше. Он для подобных игр слишком стар — уже два раза кто-то ломился к нему в дом.

— Думаю, конфликты на фабрике ему покоя не добавляют.

— Еще бы. А раз неприятности начались, как только мы запустили экраны в серийное производство, то это наверняка по их указке. Раньше у отца никаких проблем с персоналом не было. С профсоюзами он всегда ладил, а к рабочим относился как к домочадцам. Понятно, что теперь он весь на нервах! Меня и самого эта вечная слежка раздражает.

Мэри Лу выпустила колечко дыма.

— За мной хвост уже недели две.

— Ах вот как... Ладно. С этим я прямо сегодня разберусь.

— Пойдешь продаваться?

— Нет.

Подойдя к столу, Дуглас вынул из ящика свой автоматический пистолет 38-го калибра и сунул в карман. Спрыгнув с табурета, Мэри Лу бросилась к нему. Положив руки на плечи Дугласа, она заглянула ему в глаза.

— Арчи...

— Что, детка? — мягко ответил он.

— Арчи, не руби сплеча! Ведь случись что с тобой, ни с кем другим я жить не смогу...

Он погладил ее по голове.

— Это — лучшее, что я слышал за последнее время.

Вернулся Дуглас около часу дня. Мэри Лу встретила его у лифта.

— Как?

— А-а, все та же старая песня. Несмотря на мои смелые заявления, ничего не выходит.

— Угрожали?

— Ну, не то чтоб... Только спросили, на сколько я застраховал свою жизнь.

— А ты что сказал?

— Ничего. Полез за носовым платком и позволил им посмотреть на пушку в кармане. Думаю, это заставит их изменить ближайшие планы на мой счет, если, конечно, они у них были. После этого наша беседа как-то увяла, и я ушел, но хвост за мной был. У Мэри был ягненочек, собаки он верней... Как только Мэри со двора — ягненочек за ней...

— Это тот, вчерашний?

— Да. Или другой, из того же инкубатора. Хотя вряд ли — вместе такие не рождаются, иначе со страху бы передохли, посмотрев друг на друга, когда родились.

— Да-а-а... Ты обедал?

— Нет еще. Пойдем в столовую, схватим чего-нибудь. А дела, они от нас никуда не денутся...

Столовая была пуста. Они почти не разговаривали. Голубые глаза Мэри Лу были устремлены к потолку. После второй чашки кофе она тронула Дугласа за плечо.

— Я знаю, что делать.

— Поподробней, пожалуйста.

— Из-за чего они на нас взъелись?

— У нас есть то, что им требуется.

— Неправильно. У нас есть то, что они хотели бы спрятать подальше, чтобы этого вовсе никто никогда не узнал. Поэтому они пытаются купить тебя или запугать. А не подействует — придумают чего-нибудь и похлеще. Секрет в твоих руках, поэтому ты опасен для них, а значит, и сам в опасности. А если представить себе, что никакого секрета нет? Что он всем известен?

— Они здорово расстроятся!

— Да, но что они смогут сделать? Ничего! Эти бонзы практичны донельзя. Они за твою жизнь ни цента не дадут, если это не принесет им выгоды.

— Что же ты предлагаешь?

— Раскрыть секрет. Рассказать всему миру, как это делается! И пусть эти энергетические и световые экраны производят все, кому не лень. Процесс тепловой обработки смеси настолько прост, что любой химик-производственник сможет его повторить, если будет знать технологию. Тысячи фабрик смогут изготовлять эти экраны на имеющемся оборудовании — сырье ведь прямо под ногами валяется!

— Господь с тобой, Мэри Лу, а мы с чем останемся?

— Да что мы теряем? Ты заработал каких-то две тысячи, пока держал процесс в тайне. А если раскрыть тайну — патент все равно у тебя, и ты можешь получать свои проценты, пусть самые ничтожные, скажем, десять процентов с каждого квадратного ярда. В первый же год выпустят миллионы квадратных ярдов: значит, у тебя будут сотни тысяч долларов. На всю жизнь хватит! Сможешь завести себе лучшую лабораторию в стране!

Дуглас хлопнул салфеткой о стол.

— Малыш! Похоже, ты права!

— И при этом не забывай, что ты делаешь это для своей страны! Повсюду, где много солнечного света, по всему юго-западу, эти фабрики будут расти как грибы! Энергия — даром! Да на тебя молиться будут!

Дуглас встал. Глаза его сияли.

— Так и сделаем. Погоди, сейчас расскажу обо всем отцу, а потом устроим газетчикам встряску!

Через два часа телетайпы всех информационных агентств страны выстукивали сообщение. Непремен-

ным условием публикации Дуглас поставил наличие полного технологического описания своего открытия. Когда они с Мэри Лу выходили из здания «Ассошиэйтед Пресс», на улицах уже продавали экстренный выпуск. «ГЕНИЙ ДАРИТ НАРОДУ БЕСПЛАТНУЮ ЭНЕРГИЮ!!!» Купив газету, Арчи подозвал мускулистого парня, неотступно следовавшего за ними.

— Поди-ка сюда, сынок. Да ладно, кончай дурака валять. Тут для тебя дело есть.

Он протянул топтуну газету. Тот взял ее с неохотой. На протяжении всей его долгой и безрадостной карьеры с ним еще ни разу не обращались столь бесцеремонно.

— Снеси-ка ты газетку своим хозяевам: скажешь, мол, им валентинка от Арчи Дугласа. Понял? Так не стой столбом, давай тащи, пока не схлопотал!

Арчи еще следил, как топтун растворяется в толпе, когда Мэри Лу взяла его за руку:

— Ну как? Моей деточке стало лучше?

— Еще бы!

— Больше тебя ничто не беспокоит?

— Только одно.

Схватив Мэри Лу за плечи, Дуглас повернул ее к себе лицом.

— Пора мне и с тобой разделаться, а уж как, я знаю.

Крепко сжав запястье Мэри Лу, он поволок ее через улицу.

— Арчи, какого черта?! Отпусти сию минуту!

— Ну нет! Вон тот дом видишь? Это суд. И прямо там, рядом с окошком, где выдают лицензии на собак, мы сможем с тобой пожениться.

— А я не собираюсь за тебя замуж!

— Еще как собираешься! Или сейчас, прямо тут, посреди улицы, возьму и заору!

— Шантаж?!

При входе в здание она еще немного поупиралась — однако больше для виду.

ВНЕ ВСЯКИХ СОМНЕНИЙ

«УЧЕНЫЙ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНУ КАМЕННЫХ СТАТУЙ ОСТРОВА ПАСХИ!» Профессор Дж. Хоуард Эрленмейер, доктор философии, член Королевского общества, руководитель экспедиции на остров Пасхи под эгидой Археологического общества утверждает:

«Теперь не осталось уже никаких сомнений в назначении гигантских монолитных статуй, открытых на острове Пасхи. Учитывая ведущую роль религиозных культов во всех первобытных культурах и сравнивая указанные статуи с культовыми атрибутами, которыми полинезийские племена пользуются и по сей день, неизбежно приходишь к выводу о глубочайшем религиозном смысле указанных статуй. Вне всяких сомнений их грандиозные размеры, присущее им гротескное преувеличение черт лица и словно бы случайное, а на деле строго определенное размещение неопровержимо доказывают, что создавались они для поклонения, как воплощение...»

На исходе дня жаркое солнце заливало слепящими лучами бело-зеленый город Мурию, раззолачивая лабиринт кривых улиц — концентрированных кругов, рас-

---

Beyond Doubt, 1952

сеченных радиальными проспектами. Башни Хранителей, вздымающиеся над сочной зеленью холмов, сверкали, как отполированная слоновая кость. Шум торговых рядов под высоким куполом затих: купцы отдыхали в прохладной тени сочной пышной листвы, попивали освежающую окреду и поглядывали на величественные крутоносые корабли, покачивающиеся на якорях в гавани — зелено-алые корабли из Хиндоса, из Китая, из дальних колоний Атлантиды.

На всем обширном континенте Му не было города прекраснее и богаче Мурии, столицы провинции Лак.

Но ласковый блеск солнца, моря и неба не рассеивал странного напряжения, пронизывавшего воздух, словно он был скручен в тугую спираль, готовую вот-вот развернуться... словно малейшая искра могла вызвать космический взрыв.

По городу свистящим шепотком разносилось имя. Оно повторялось везде — с отвращением и страхом или с надеждой, в зависимости от того, кто его произносил. И всегда в нем крылась сила громового удара.

Талус!

Талус, кумир простых людей, Талус, чьи призывные слова дарили надежду миллионам его сограждан. Талус — кандидат в губернаторы провинции Ла.

В сердце трущоб неподалеку от вонючей набережной ютилась редакция «Возрождения Му», газеты, которую выпускала организация, поддерживающая кандидатуру Талуса. Там царила такая же тишина, как всюду в Мурии, но это было затишье урагана, истощившего свою силу. На полу валялись клочки пергамента, опрокинутые табуреты, пустые фляги из-под пива. У большого круглого, видавшего виды стола сидели три молодых человека в позах, говорящих о глубоком унынии. Один с горькой усмешкой смотрел на огромный плакат, занимавший почти всю стену. На нем был изображен облаченный в зеленую тогу высокий величественный мужчина с курчавой седеющей бородой. Правую руку он поднимал благословляющим жестом. Поверху под ало-лиловыми скрещенными знаменами Мурии вилась надпись:

«ТАЛУСА В ГУБЕРНАТОРЫ!»

Глядевший на плакат тяжело вздохнул, сам того не заметив. Другой, чертивший по листу пергамента затупившимся стилосом, поднял голову и спросил:

— Что тебя грызет, Робар?

Тот ткнул пальцем в плакат.

— Просто я смотрел на нашу великую надежду! До чего красив! Объясни, Дольф, как может человек столь благородного облика быть таким безнадежным тупицей?

— Только боги знают! А я понятия не имею.

— Ребята, вы несправедливы! — вмешался третий. — Старикан вовсе не туп, а просто не от мира сего. Вы же не будете отрицать, что его План полон конструктивной государственной мудрости, какой наш век еще не знал.

Робар перевел на него усталый взгляд.

— Кто спорит! И губернатор бы из него вышел отличный. Я ведь не отрицаю. Не верь я в осуществимость Плана, разве я торчал бы здесь, не зная отдыха ни днем ни ночью? Надрывал бы сердце из-за проклятущей предвыборной кампании? Конечно, он благороден. Иной раз до того, что блевать хочется. Я о другом: вам когда-нибудь доводилось работать на кандидата, который бы так по-ослиному упирался, чуть речь заходит о том, как завоевать голоса и победить на выборах?

— Ну-у... Нет, конечно.

— Меня, Клевум, доводит то, что он мог бы добиться избрания без всякого труда. У него же есть все! Предвыборная платформа, способная увлечь массы, безупречное прошлое, замечательный ораторский талант и внешность для кандидата ну просто идеальная! В сравнении с Нетопырьухим он прирожденный губернатор. Алле-оп! И готово! Однако, как пить дать, переизбран будет Нетопырьухий.

— Боюсь, ты прав, — грустно согласился Клевум. — Нас обойдут, как стоячих. Одно время мне казалось, у нас есть шансы, но теперь... Вы видели, что утром тиснула о нем «Вся царская рать»?

— Этот помойный листок! Так что же?

— Вдобавок к гнусным намекам на атлантидское золото они обвинили его в намерении уничтожить мурийские семейные очаги и покуситься на неприкосновенность мурийских женщин. И призвали всех стопро-

центных мурийцев отправить это коварное чудовище туда, откуда оно явилось. Дурно пахнущие поклепы! Но чернь глотает и облизывается.

— Еще бы! Я же про это и говорил. Губернаторская шайка без передышки швыряет грязь горстями, но стоит нам швырнуть хоть комочек в губернатора Вортуса, как Талус закатывает истерику. В его представлении забористая превыборная статья — это увлекательные статистические изыскания для сравнительного анализа сельскохозяйственных налогов в разных провинциях Му... Дольф, что ты рисуешь?

— А вот! — И он показал ядовитую карикатуру на губернатора Вортуса с его длинной физиономией, узкими губами и лысым лбом под высокой алой губернаторской шапкой. Гигантские оттопыривающиеся уши придавали зловещему лицу сходство с развернувшим крылья стервятником. Простая подпись под карикатурой призывала:

«НЕТОПЫРЬУХОГО В ГУБЕРНАТОРЫ!»

— Вот-вот! — вскричал Робар. — Именно то, что там требуется. Юмор! Если бы мы могли поместить эту карикатуру на первой странице «Возрождения Му» и подсунуть по номеру под дверь каждого избирателя в провинции, это сразу же все изменило бы. Один взгляд на эту рожу — они обхохотались бы и кинулись голосовать за нашего Талуса! — Он отодвинул набросок на расстояние вытянутой руки и разглядывал его, сосредоточенно сдвинув брови. Потом посмотрел на своих друзей. — Слушайте, олухи, а почему бы и нет? Хоть последний номер приперчим. Ну, как? Идет?

Клевум сказал с тревогой:

— Ну... не знаю. Откуда ты возьмешь деньги? И даже если Орик раскошелится, как мы сумеем распространить такой тираж? А в случае удачи неизвестно, чем это обернется для нас — у противника хватит денег и времени для ответного удара.

Робар скривил губы.

— Вот чем вознаграждаются идеи в этой кампании — возражения, возражения и снова возражения!

— Погоди, Робар, — вмешался Дольф. — У Клевума есть основания брыкаться, но в главном ты прав. Главное — чтобы Простой Избиратель от души посме-

ялся над Вортусом, верно? Так почему бы не отпечатать листовки с моей карикатурой и не раздавать их перед участками в день выборов?

Робар побарабанил пальцами по столу и вынес приговор:

— Хм-м... нет! Ничего не выйдет. Держиморды Вортуса насажают синяков нашим активистам и отберут листовки.

— Ну а если перерисовать Нетопырьухого на полотнища и развесить их возле избирательных участков так, чтобы голосующие их обязательно увидели?

— Та же беда. Держиморды посрывают их еще до открытия участков.

— Знаете, ребята, — вмешался Клевум. — Нам требуется что-то большое, видное отовсюду, притом прочное и массивное, с чем губернаторским прихвостням не справиться. Каменные истуканы в два этажа высотой были бы в самый раз.

Робар искривил губы еще сильнее.

— Клевум, если ничего умнее ты придумать не можешь, так хоть помолчал бы! Да, истуканы — прекрасная идея, будь у нас в распоряжении сорок лет и десять миллионов золотых.

— Робар, подумать только, — съязвил Дольф со злоехидной усмешкой, — отдай тебя твоя матушка в жрецы, ты мог бы насгущать столько истуканов, сколько пожелал бы, без тревог, хлопот и расходов.

— Верно, умник. Но тогда бы я не занимался политикой... Погодите!

— А?

— Сгущение! А что, если мы сгустим столько истуканов Нетопырьухого...

— Каким это образом?

— Знаете Кондора?

— Траченого молью петуха, который ошивается в «Пляшущемките»?

— Ага. Бьюсь об заклад, он их налепит столько, сколько нам надо.

— Из него же песок сыплется! И к тому же он не инициирован. Так, дешевый колдунишка. Читать по ладони в харчевнях да составлять гороскопы — вот и все, на что он способен. Даже любовное зелье сварить

толком не умеет. Я как-то на собственном опыте убедился!

— Не воображай, будто ты его хорошо знаешь! Однажды вечером он нализался и поведал мне историю своей жизни. Прежде он был жрецом в Египте!

— И почему же он там не остался?

— В том-то и соль! Он не ладил с Верховным жрецом и как-то ночью напился, да и сгустил статую Верховного жреца в таком месте, где она всем бросалась в глаза, и такую большую, что видна она была издалека. Вот только голову Верховного жреца он насадил на туловище зверя.

— О-го-го!

— Ну и утром, когда он протрезвел и вспомнил, что натворил, то сразу ударился в бега. Устроился в Красном море на грузовое судно, да и приплыл сюда.

Во время этого разговора лицо Клевума вытягивалось все больше и больше. Наконец он не выдержал.

— Вы, два идиота, даже не вспомнили, **как** карают за противозаконное использование жреческих тайн!

— Заткнись, Клевум! Если Талус победит, он все уладит. А если мы проиграем выборы... так на всем Му для нас не найдется безопасного убежища, устроим мы эту штуку или нет.

Убедить Орика оказалось очень непросто. Как политик, он был сама любезность, но как организатор предвыборной кампании Талуса и, следовательно, шеф Робара, Дольфа и Клевума он, в чем юноши не замедлили убедиться, оказался крайне осторожным, хотя и сохранял приятельский тон.

— Хм-м... да... право не знаю, — сказал он. — Боюсь, Талусу это не понравится.

— А зачем ему знать заранее?

— Ну, мальчики... право же! Э... не хотите же вы, чтобы я скрыл от него...

— Орик, но ты же прекрасно понимаешь, что мы наверняка проиграем, если не примем какие-то меры, и побыстрее.

— Робар, откуда такой пессимизм? — Выпуклые глаза Орика излучали фальшивую уверенность в будущем.

— А соломенное голосование? Не слишком-то много оно обещает! В сельских местностях мы проигрываем один к двум!

— Ну-у... Может быть, ты и прав, мой мальчик. — Орик дружески положил ладонь на плечо юноши. — Хорошо, предположим, что мы и правда проиграем выборы. Му же не один день строился. И я хочу, чтобы вы знали, как высоко мы ценим ваше самоотверженное усердие, независимо от исхода. Талус его не забудет, как и... э... я... Благодаря вам и таким, как вы, мы, старшее поколение, можем не опасаться за судьбу Му!

— Нам не нужно, чтобы нас высоко ценили, нам нужно победить на выборах!

— Безусловно, безусловно! Мы все этого хотим, и я в первую очередь. Э... в какую сумму обойдется эта ваша задумка?

— Сгущение обойдется недорого. Предложим Кондору единовременный гонорар и пообещаем какую-нибудь должность после победы. Основные расходы придутся на вино для него. Другое дело переброска истуканов на избирательные участки. Мы планируем простую коммерческую переброску.

— Она... э... обойдется дорого.

— Дольф заходил в храм справиться о цене.

— Боги! Неужели вы открыли жрецам свой план?

— Нет, почтеннейший. Он просто уточнил тоннаж и расстояние.

— И сколько он запросил?

Робар ответил, и на лице Орика появилось такое выражение, будто у него на глазах волки пожирали его первенца.

— Ни в коем случае! — отрезал он. — Даже и не заикайтесь!

Но Робар не отступил.

— Дороговато, конечно, но куда дешевле избирательной кампании, которая не принесет результата. Кроме того... Да, я знаю, что официально жрецы стоят вне политики, однако с твоими связями уж наверное удастся найти такого, кто займется этим частным обра-

зом за плату поменьше или даже в кредит. Ему это ничем не грозит, а если наш план осуществится, то победа обязательно будет нашей. Это твердо.

Орик сказал — и впервые в его голосе прозвучал искренний интерес:

— М-м-м, да. Пожалуй, ты прав. — Он тщательно соединил кончики пальцев. — Беритесь за дело, мальчики. Обеспечьте изготовление истуканов. А организацией переброски займусь я. — И с озабоченным видом он направился к двери.

— Минуточку! — возопил Робар. — А деньги, чтобы подмаслить старика Кондора?

Орик остановился.

— А, да-да. Как я рассеян! — Он вытащил три серебряные монеты и протянул их Робару. — Наличными и без расписки, э? — Он подмигнул.

— Да, кстати, почтеннейший! — вставил Клевум. — Как насчет моего жалованья? А то квартирная хозяйка мне проходу не дает.

Орик изумился.

— Как? Я тебе еще не заплатил? — Он пошарил в складках тоги. — Ты очень деликатен. Такое терпение и патриотизм! Но ты же понимаешь, у меня столько разных забот, а спонсоры далеко не все исполняют свои обещания в ими же назначенные сроки! — Он протянул Клевуму одну-единственную монету. — Напомни мне в первый же день следующей недели, мой мальчик. Не допусти, чтобы я снова забыл.

И он торопливо удалился.

Дружная троица пробиралась по узким улочкам, запруженным лотошниками, моряками, ребятишками и домашними животными, ловко избегая всякого мусора и помоев из ведер, которые бесцеремонно опоражнивали прямо с балконов. Харчевня «Пляшущий кит» дала о себе знать густым благоуханием квартала за два. Кондор, как обычно, привалился к стойке в уповании, что пьющие вокруг мореходы угостят и его.

Когда юноши пригласили его выпить с ними, он согласился со всей поспешностью. Робар выждал, пока

пара кружек пива не привела старика в благодушное настроение, и только тогда заговорил о деле. В ответ на прямой вопрос Кондор выпрямился с пьяной гордостью.

— Умею ли я сгущать подобия? Сын мой, ты видишь перед собой того, кто сотворил Сфинкса! — Он элегантно икнул в кулак.

— Но сумеешь ли ты сделать это здесь и теперь? — гнул свое Робар. — Разумеется, за гонорар, — прибавил он.

Кондор опасливо огляделся.

— Осторожнее, сын мой. Нас могут подслушать... Тебе требуется первичное сгущение или простое копирование?

— А какая разница?

Кондор со вздохом возвел глаза к потолку и вопросил:

— И чему только учат в нынешних школах? Первичное сгущение требует большей затраты сил, ибо приходится тревожить самую сердцевину эфира. А копирование сводится к простой перегруппировке атомов в заданные конфигурации. Для каменной статуи сгодится простой булыжник.

— Значит, копирование! А нужно нам...

— Для первого завода хватит. Останови грузчиков! — Кондор отвернулся и подслеповато уставился в ветхий пергамент, шаря налитыми кровью глазами по выцветшим иероглифам.

Они собрались в заброшенном карьере за дальним полем дядюшки Дольфа, который получили в полное свое распоряжение без всяких хлопот: ведь, как рассудительно указал Робар, раз почтенный старец не знает, что на его земле творится беззаконие, какие у него могут быть возражения?

Их компания пополнилась шестью краснокожими грузчиками из Земли Инков — неутомимыми силачами, обладавшими, помимо всего, одним важнейшим достоинством: они ни слова не говорили по-муйски. Они загрузили серой галькой бункер необычной ком-

струкции — без выпускного отверстия, а теперь невозмутимо ждали дальнейших распоряжений. Кондор засунул свиток в складки видавшей виды туники и извлек из того же тайничка серебряную трубочку.

— Твоя конфигурация, сын мой?

Дольф протянул ему восковую модельку, вылепленную по карикатуре на Нетопырьухого. Кондор поставил слепок перед собой и уставился на него в серебряную трубочку. То, что он увидел, как будто его удовлетворило. Во всяком случае он монотонно забубнил себе под нос, покачивая в такт лысой головой.

Примерно в пятидесяти шагах от них на каменном пьедестале начал возникать образ, вначале словно клуб дыма, но затем сгустился, пошел рябью, уплотнился и затвердел. Кондор оборвал бормотание и обозрел плод своих усилий. Высотой в три человеческих роста перед ними красовался истукан Нетопырьухого весь насквозь из бесхитростного обычного камня.

— Клевум, сын мой, — сказал Кондор, — передай-ка мне кувшин.

В бункере не осталось ни камешка.

За два дня до выборов их посетил Орик. Робар растерялся: Орик не только привел с собой какого-то незнакомца, но и походил с ним между рядами массивных истуканов. А потом, когда их шеф попрощался с ними, он отвел его в сторону и зашептал:

— Что это за тип?

— Вполне надежный, — заверил Орик с обезоруживающей улыбкой. — Один из наших... мой друг.

— Но доверять ему можно? Я, по-моему, ни разу его не видел. За все время кампании.

— О, безусловно! И кстати, ребятки, вас надо поздравить с тем, что вы тут натворили! Ну, мне пора. Я еще загляну к вам...

— Минутку, Орик! Переброска у тебя на мази?

— О да! Да-да. А как же? Они все будут доставлены на избирательные участки заблаговременно. Каждый истукан.

— А когда?

— Робар, почему бы тебе не оставить все эти мелочи мне?

— Ну-у... ты бесспорно босс, но, по-моему, нам следует знать, когда готовиться к переброске.

— Что же, раз тебя это так заботит, то, скажем, в полночь перед выборами.

— Отлично. У нас все будет готово.

Накануне выборов Робар с облегчением ждал полуночи.

Кондор потрудился на славу. Гротескные истуканы стояли длинными рядами — по паре для каждого избирательного участка в провинции Лак, и Кондор усердно возобновлял знакомство с винным кувшином. Ведь непрерывное напряжение, которого потребовала эта работа, почти совсем вернуло его на стезю трезвости.

Робар созерцал истуканы с глубоким удовлетворением.

— Жаль, мы не увидим, какую рожу скорчит губернатор, когда взглянет на наши статуэтки! С первого взгляда ясно, чьи это бюсты. Дольф, ты гений. Ничего кошмарнее я в жизни не видел.

— Лестная похвала, друг мой, — отозвался Дольф. — Но куда запропастился этот жрец? Я успокоюсь, только когда увижу, как наши куколки разлетаются по избирательным участкам.

— Не волнуйся зря. Орик меня твердо заверил, что жрец придет заблаговременно. И переброска — дело секундное. Едва он приступит к делу, как даже истуканы, предназначенные для глухомани и северного полуострова, окажутся на месте через минуту-другую.

Однако проходили часы, и становилось все очевиднее, что произошла какая-то накладка. Робар в тринадцатый раз вернулся с ведущей в город дороги и сообщил, что на ней по-прежнему не видно ни души.

— Что же делать? — спросил Клевум.

— Не знаю. Ясно одно: случилось что-то непредвиденное.

— Так чего мы ждем? Пошли в храм, попробуем его найти.

— Какой смысл? Мы же не знаем, с кем договорился Орик. Пошли к нему.

Они оставили Кондора сторожить истуканы, а сами помчались в город. Орика они перехватили в тот момент, когда он выходил из штаб-квартиры. С ним был незнакомец, которому два дня назад он показывал истуканы. Появление юношей, казалось, удивило Орика.

— Привет, ребятки! Кончили так рано?

— Он не пришел! — пропыхтел Робар.

— Не пришел? Только подумать! А вы уверены?

— Конечно! Мы же там были все время.

— Как зовут жреца, с которым ты договорился? — спросил Дольф. — Мы сбегаем в храм и найдем его.

— Как его зовут? Нет, нет, вам не следует идти туда. Вы можете все осложнить. Я пойду сам.

— И мы с тобой!

— Это лишнее! — раздраженно отрезал Орик. — Вернитесь в карьер и проверьте, все ли готово.

— Великие боги! Орик, все проверено и перепроверено десятки раз! Пусть хоть Клевум пойдет с тобой, чтобы показать жрецу дорогу.

— Об этом я позабочусь сам! А теперь идите, идите!

Юноши неохотно подчинились. Возвращались они в угрюмом молчании, которое у самого карьера прервал Клевум.

— Знаете, ребята...

— Да не тяни ты!

— Тип, который был с Ориком. Он ведь тот самый, что приходил с ним в карьер, так?

— Ну и что?

— Я все старался вспомнить, почему он показался мне знакомым. И сейчас сообразил: недели две назад я видел, как он выходил из губернаторской штаб-квартиры.

Все трое онемели.

Потом Робар сказал ошеломленно:

— Преданы! Все ясно. Орик продался и предал нас.

— Так что же нам делать?

— А что мы можем?

— Хоть убейте, не знаю.

— Погодите, ребята, — умоляюще произнес Клевум. — Кондор же был жрецом. Может, он способен наладить переброску?

— Верно! Надо попытаться. Бежим!

Но Кондор валялся на земле в пьяном забытьи.

Они трясли его, лили ему на голову воду, подняли и принялись водить взад и вперед. Наконец он протрезвел настолько, что уже мог отвечать на вопросы.

Задавал их Робар.

— Слушай, папаша, это очень важно. Ты можешь устроить переброску?

— Кто? Я? Само собой. А то как же мы воздвигли бы пирамиды?

— Да ну их, пирамиды. Вот сейчас ты сумеешь перебросить эти изваяния?

Кондор уставился на него воспаленными глазами.

— Сын мой, великие законы магии едины для всего времени и всего пространства. Что было сделано в Египте в Золотом веке, может быть сделан в Му сегодня ночью.

Дольф не сдержался.

— Боги! Что же ты, папаша, раньше молчал?

Ответ был исполнен достоинства и логики:

— А вы меня спрашивали?

За работу Кондор взялся тут же, но с такой медлительностью, что юноши чуть не визжали от нетерпения. Сначала он начертил на земле широкий круг.

— Дом тьмы! — возвестил он торжественно и добавил полумесяц Астарты.

Затем начертил второй большой круг, сопредельный с первым.

— А это дом света, — объяснил он и добавил символ солнечного бога.

В первом ряду первый слева истукан покачнулся на пьедестале, затем взмыл в воздух и молниеносно исчез за горизонтом на востоке.

Юноши дружно испустили радостный вопль, а по лицу Робара заструились слезы.

Взмыл второй истукан и уже устремился вперед, как вдруг Кондор икнул. Изваяние рухнуло на пьедестал и раскололось пополам. Старик оглянулся на своих нанимателей.

— Извиняюсь, — пробурчал он. — С другими буду поосторожнее.

И он правда попытался, но алкоголь в крови брал свое. Кондора пошатывало, и он целился куда попало. Каменные фигуры летели во все стороны, но недалеко. Группа из шести с оглушительным плеском рухнула в гавань. Три четверти еще ждали своей очереди, когда Кондор вяло опустился на колени, опрокинулся и замер.

Дольф кинулся к нему и начал трясти. Но без малейшего толку. Он оттянул веко старика и вгляделся в зрачок.

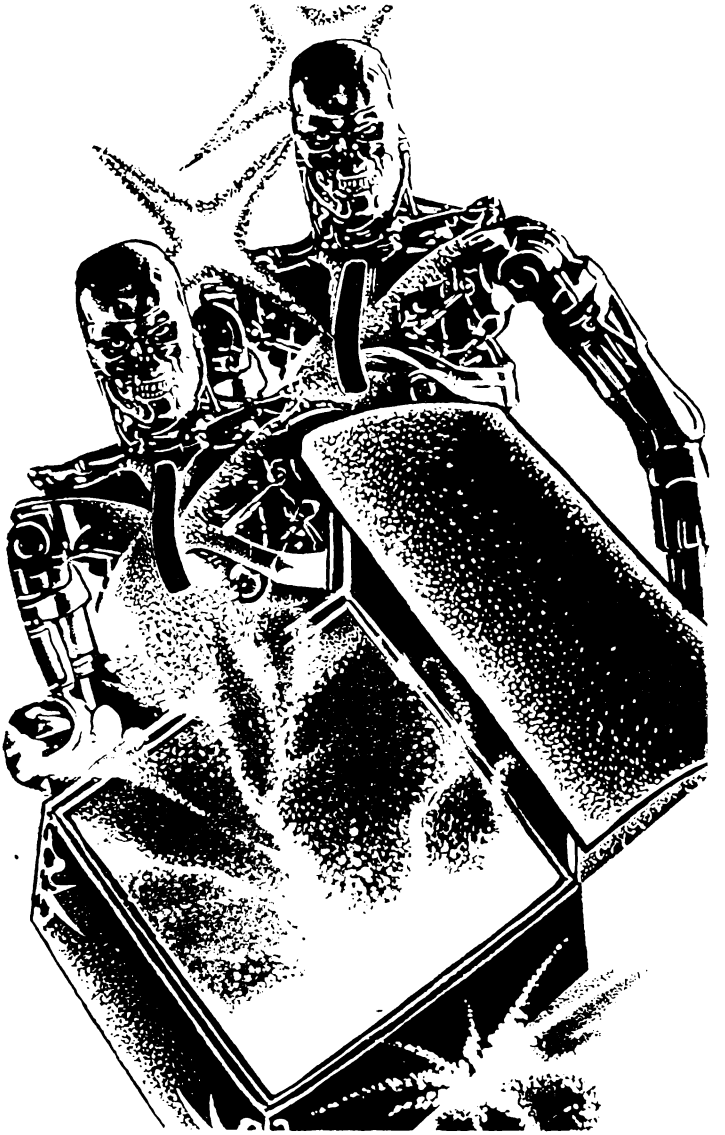
— Бесполезно! — вздохнул он. — Его и через пять часов в себя не привести.

Робар тоскливо смотрел на истуканы и их обломки. «Стоят, — думал он, — а что проку? Их же никто никогда не увидит — наглядная агитация, пропавшая втуне... Самая замечательная из моих идей!»

Тягостную тишину нарушил Клевум:

— Порой, — простонал он, — я начинаю думать, что Му только хорошее землятресение исправит!

«...их верховного божества. Хотя археология и не свободна от ошибок, в данном случае, вне всяких сомнений, ошибка невозможна. Статуи эти носят сугубо религиозный характер. Такая неопровержимая предпосылка позволяет вдумчивому ученому с высокой достоверностью проанализировать их назначение...»



ЯЩИК ПАНДОРЫ

PRAVDA ЗНАЧИТ «ПРАВДА»

Закончив работу над «Звездной пехотой», я переквалифицировался в каменщика (мой любимый отдых после писательства в молодые годы), сложил фонтан возле оросительного пруда и привел в порядок местность вокруг него, а потом вернулся к работе над «Еретиком», он же «Чужак в чужой стране», и наконец завершил работу через десять лет после того, как замыслил этот роман. Я не торопился, поскольку он все равно не мог быть опубликован раньше, чем изменятся общественные «нравы». Я видел, как они меняются, и так уж вышло, что роман подоспел как раз вовремя.

Многие говорили, будто им совершенно ясно, что «Чужак» написан в два приема и что разделительная линия четко прослеживается. Но не оказалось и двоих, указавших бы на одну и ту же разделительную линию... а я впервые признаюсь, что роман был написан не в два приема, а в четыре.

Никто не сможет ткнуть пальцем в реальные начало и конец каждой из частей, потому что «Чужак» — одно из немногих моих произведений, каждая деталь в котором расписана еще до начала работы и скрупулез-

---

«Pravda» Means «Truth», 1960

но следует плану. А места, на которые читатели указывают как на возможные «перерывы в работе», на самом деле запланированные «разделители», придающие тексту драматизм.

Затем мне пришлось этот чертов роман сокращать: в результате работы по сложному и подробному плану рукопись оказалась вдвое больше, чем ей следовало быть исходя как из коммерческих, так и сюжетных соображений. И на это сокращение ушло вдвое больше рабочего времени, чем на само написание.

Пока я работал, моя жена записалась на курсы углубленного изучения русского языка в университете штата Колорадо. Она всегда считала, что если уж берешься за какое-либо дело, то надо делать его на совесть, иначе не стоит и время на него тратить, поэтому целых два года она жила и дышала русским языком. Она не пропустила ни единого занятия, всегда тщательно готовилась к ним, наняла репетитора для устных занятий в дополнение к университетскому курсу, купила всевозможнейшие пособия по русскому языку на пластинках, установила их стопкой в автоматический проигрыватель и целыми днями слушала записи, занимаясь прочими делами, — у нас дома в каждой комнате стоит по динамику, а в саду еще два больших.

(Моей работе это нисколько не мешало; поскольку я тогда не знал русского совсем, для меня эти записи были просто шумом.)

Через два года она смогла читать, писать и говорить по-русски, понимать этот язык — и думать на нем.

Затем мы отправились в СССР.

Разумеется, и в другие страны тоже — моя симпатия к Польше и Чехословакии никогда не умирала, равно как и к захваченным странам Балтии. Следовало бы включить и страны Туркестана, но они, кажется, не столь угнетены — гораздо дальше от Москвы и меньше пострадали. В целом мы пропутешествовали по СССР около 10 тысяч миль и увидели около двадцати городов. Тяжкий труд Джинни полностью окупился: мы увидели и услышали очень много, гораздо больше, чем узнали бы от политически инструктированного гида, —

нам часто удавалось от него отделаться. Я нахватался кое-каких слов на русском, но говорить так и не научился: мог спросить или показать, как пройти в нужное место, заказать обед, оплатить счет — и ругаться по-русски (что очень важно!).

Эту статью я написал в отеле «Торни» в Хельсинки сразу после «бегства» (я испытывал именно такое ощущение) из Советского Союза. Более легкую по тону статью, следующую за «Pravdoй», я написал две-три недели спустя в Стокгольме. К тому времени мои нервы в свободном воздухе Скандинавии успокоились, и я смог разглядеть юмор в том, что вовсе не казалось смешным в тот момент, когда происходило.

«Pravda» — значит «правда».

Так написано в моем англо-русском словаре: «Pravda — правда». Словарям, конечно, можно доверять.

1 мая 1960 года американский самолет-разведчик U-2 совершил нечто вроде незапланированной посадки в СССР. Это одновременно и «правда», и «pravda». За пределами этого голого факта «правда» и «pravda» весьма сильно расходятся.

ПРАВДА: 1 мая этот самолет приземлился неподалеку от Свердловска, в самом сердце Советского Союза, в 1500 милях от границы, которую он пересек. Самолет был покалечен, но пилот остался жив. Большая часть оборудования самолета, например радиоаппаратура, осталась целой. То, что уцелели пилот и оборудование, а также состояние поврежденного самолета предполагает вынужденную посадку, например, из-за отказа двигателей.

Самолет U-2 весьма скоростной и совершает полеты на очень больших высотах, 60-70 тысяч футов, или 18-21 км. Летящий с такой скоростью самолет обладает колоссальным запасом кинетической энергии. И если в него попадает зенитная ракета, то происходит такое, по сравнению с чем лобовое столкновение двух водителей-лихачей покажется ласковым материнским шлепком. Столкновение с ракетой лишь дает толчок к разрушению самолета, основные же разрушения происходят из-за его огромной скорости — он буквально взрывается! В одно мгновение небо усеивается обломками.

Шансы пилота на выживание невелики. Он может спастись, если капсула катапультирования при попадании ракеты остается целой. Но шансы на то, что радио- и другая относительно уязвимая аппаратура останется неповрежденной, совершенно ничтожны. Тем не менее подобное оборудование было «извлечено» из «сбитого» U-2. С тем же успехом можно утверждать, что с неба упала корзина с яйцами и они не разбились.

Мы можем никогда не узнать правды о том, что же случилось с U-2. С невезучим пилотом Пауэрсом перед судом разговаривали только советские официальные лица.

Однако некоторым слишком нервным нашим согражданам следует прекратить бить себя в грудь и скорбеть о постигшем нас позоре. Фоторазведка — далеко не то же самое, что рейд бомбардировщика. Полет безоружного самолета над чужой территорией сильно отличается по весовой категории от того, что Хрущев сделал в Будапеште. В данном случае мы имеем дело с безопасностью Соединенных Штатов, а также — очень вероятно — с выживанием, и уж наверняка со свободой всего человечества.

По международному законодательству, шпионаж не является ни незаконным, ни аморальным. Наказание же для пойманного шпиона всегда очень сурово — обычно он расплачивается собственной головой. По законам США, попытки шпионажа на территории СССР не являются наказуемыми, и точно так же законами СССР не запрещен шпионаж на территории США. В любом случае, такие попытки не являются актом войны. На всем протяжении истории каждая страна пыталась узнать военные секреты потенциального противника и защитить свои собственные. Шпионаж — мудрая и необходимая страховка против непоправимой военной катастрофы.

Самой обнадеживающей новостью за последнее десятилетие является то, что нам целых четыре жизненно важных года успешно удавалось проводить над Советским Союзом воздушную фоторазведку. Кроме всего прочего, это означает, что у нас теперь имеются точные карты для нанесения ответного удара. СССР не нужно посылать самолеты-шпионы на территорию США для получения подобной информации, потому что прекрас-

ные крупномасштабные карты с ясным указанием наших военных объектов и промышленных комплексов можно бесплатно получить, к примеру, от компании «Стандард Ойл». Карты еще лучшего качества советское посольство может совсем недорого заказать у нашей службы береговой и геодезической разведки. Советские агенты беспрепятственно перемещаются по стране, многие из них наслаждаются личной неприкосновенностью и полной свободой передвижения, обеспеченной паспортом ООН. Если красному шпиону требовались цветные воздушные снимки базы ВВС чуть южнее Канзас-сити — в самом центре Америки, — то до недавнего времени он мог нанять пилота и самолет в аэропорту Канзас-сити долларов за двадцать пять в час и щелкать камерой сколько душе угодно без риска угодить на виселицу или попасть под расстрел, чем рисковал за нас Френсис Пауэрс. И если мистер Эйзенхауэр не смог, использовав все возможные средства военной разведки, раздобыть ту информацию, которую СССР столь легко и дешево получил на нашей территории, то он в таком случае пренебрегал своими обязанностями.

Поэтому, если вы услышите, как некто воет о том, насколько «постыдными» были полеты U-2, отнимите у него леденец и отшлепайте его этим же леденцом.

PRAVDA: Толстому парню со скверными манерами потребовалось пять дней, чтобы решить, какую именно pravdu скормить своему народу. Должно быть, ситуация для него оказалась еще более затруднительной, чем для нас, потому что целых четыре года он был совершенно не способен остановить эти полеты, несмотря на похвальбы и все новые типы ракет, несмотря на то что каждый полет наверняка наблюдался на экранах советских радаров.

Хрущев мог и промолчать. В этом случае у информационных агентств Запада почти не было бы шансов узнать об инциденте, а у миллионов русских шансов не осталось бы и вовсе. Конечно, в ЦРУ стало бы известно о пропавшем самолете-разведчике. Но зачем им разглашать секретные сведения?

Хрущев мог подлакировать инцидент и разменять его на пропагандистские мелочи.

Или же он мог просто сказать ПРАВДУ. Эта альтернатива упоминается лишь как теоретическая возможность, поскольку простая правда марксистско-ленинскими доктринами не предусматривается. Здесь и пролегает существенное различие между правдой и pravdoi.

Для Запада правда состоит из неискаженных фактов. Pravda — это то, что служит Мировой Коммунистической Революции. Она может быть смесью фактов и фальсификаций или же просто явной, звонкой и оглушительной ложью. В редких случаях и по чистой случайности pravda может соответствовать действительности. Мне такие случаи неизвестны, но статистически вероятно, что за последние 43 года они могли несколько раз произойти.

Это сравнение не является простым цинизмом. Я взываю к авторитету самого Ленина, к его тактике революции. Согласно доктринам диалектического материализма, простая правда (какой мы ее знаем) отвергается на уровне концепции. Она не может иметь собственного существования, отделенного от потребностей и целей коммунистической партии и Мировой Революции. Наша врожденная привычка полагать, что собеседник по большей части обычно говорит правду, может оказаться нашей величайшей слабостью в отношениях с Кремлем.

Очевидно, Хрущев и его единомышленники испытывали значительные затруднения, решая, какой же должна быть pravda об U-2. Они потратили на размышления почти неделю. Я в это время был в Москве и не видел совершенно никаких признаков того, что 1 мая произошел какой-либо инцидент. Русские продолжали относиться к нам, американским туристам, со своей обычной приторной вежливостью, а в ежедневной газете (я все никак не решаюсь назвать ее источником информации) под названием «PRAVDA» не было и намека на U-2. Так продолжалось несколько дней. Это впечатление сложилось у меня вовсе не потому, что я зависел от гида-переводчика «Интуриста», поскольку моя жена читает, пишет, понимает и достаточно свободно говорит по-русски. Она выучила русский язык за два года упорных занятий на вечерних курсах Колорадского университета и у частного преподавателя.

После 1 мая мы отправились в Казахстан, в город Алма-Ату, расположенный в 2000 милях от Москвы. Это севернее Индии и совсем недалеко от границы Красного Китая. «Неделя вежливости с американцами» продолжалась. Трое американцев, единственные иностранные путешественники в этой отдаленной части Азии, пользовались безраздельным вниманием со стороны алма-атинского директора «Интуриста», двух школьных учителей (оторванных от преподавания ради выполнения роли гидов), двух шоферов и большей части персонала гостиницы. Нам нужно было лишь высказать пожелание — и его тут же исполняли.

В четверг, 5 мая, pravda все еще заключалась в том, что ничего не случилось. Но только с утра.

После полудня климат резко изменился. Хрущев наконец решил выдать такую pravdu: американский военный самолет пытался пересечь границу Советского Союза. Едва он пересек границу, советская ракета сбила его на высоте 60 тысяч футов. Советский народ очень обеспокоен тем, что Америка совершила подобный акт неприкрытой агрессии. Советский народ хочет мира. Таких агрессий он больше не потерпит. И в будущем будут сбиваться не только такие самолеты, но будут также атакованы и уничтожены базы, с которых они взлетят. Такова оказалась новая pravda Хрущева в конце его пятичасовой речи.

Единственная связь между pravdoi и фактом заключается в существовании американского самолета, лежащего на советской земле. Место инцидента сдвинуто на 1500 миль. Самолет «сбит» на необычайной высоте (если это так, то выставленные в парке Горького останки самолета столь же фальшивы, как и обещания безопасности, которые Хрущев давал Надю и Палу Малетеру). Четыре долгих года унизительных неудач даже не упоминаются. Pravda подавила истину и превратила инцидент в триумф советского оружия. Советские газеты и радиостанции (все — государственные) высказывали ту же версию. Весь этот период «Голос Америки» глушился. Хрущев хотел быть уверен, что его рабы не услышат ничего, кроме pravdi.

Мы узнали о ней, когда нам приказали — а не пригласили — явиться в алма-атинский офис директора «Интуриста». Там нам прочитали длительную, очень

суровую, но отеческую лекцию об агрессивной политике нашего правительства, в которой была тщательно пересказана pravda об U-2.

Едва я все понял, я сделал то, что ни одному американцу не следует делать в Советском Союзе. Я совершенно вышел из себя и накричал на директора, изложив ему все претензии США к Советскому Союзу. Моя жена весьма решительно поддержала меня, обрушив на него все, что она думает по поводу советских лагерей рабского труда, перечислив их названия и показав их местонахождения на висевшей в кабинете директора большой карте СССР, да еще упомянув, сколько людей в них погибло, включая американцев.

Мы выскочили из кабинета директора, вернулись в свою комнату, и тут нас затрясло. Я вышел из себя, потерял самообладание и тем самым подверг опасности не только себя, но и жену. Я забыл, что сейчас меня не защищает наш Билль о правах, что я сейчас не настолько свободен, чтобы без последствий накричать на официальное лицо, и что от возможной помощи меня отделяет как минимум 2000 миль.

Коммунизму нет дела до личности. Советы уничтожили во время «строительства социализма» от 20 до 30 миллионов своих же граждан. За Троцким шли по пятам, пока не прикончили. Моего школьного товарища убили в поезде в Восточной Европе на перегоне между станциями, а тело сбросили на ходу. Террор и смерть — такие же неотъемлемые части их тактики, как и искажение правды. А сейчас их команду возглавляет «освободитель» Будапешта, «миротворец» Украины — комик-мясник, лично ответственный за смерть миллионов невинных людей.

Все это мне было известно. Я знал также и то, что наша политика неузнаваемо изменилась, смягчилась по сравнению с тем временем, когда Тедди Рузвельт пригрозил смертью всем виновным в гибели американских граждан за границей — и привел эту угрозу в исполнение. В наше печальное время ни один американский гражданин за рубежом не может рассчитывать на защиту Государственного департамента. Мы сознательно лишили своих солдат конституционных прав, призывая их в армию и посылая, не спросив их желания, в чужие страны. Мы до сих пор позволяем красным китайцам

держать в плену сотни наших парней, захваченных почти десять лет назад в Корее. Мы даже пальцем не шевельнули, чтобы их вызволить. Я с холодным удовлетворением осознавал, что вел себя как свободный человек, как американец. Но я не мог искренне похлопать себя по спине. Гнев мой был скорее рефлексом, а не мужеством. И если нам с женой придется отправиться в советский лагерь, то гордостью там сыт не будешь.

Я начал ожидать стука в дверь — того самого, означающего, что следующим твоим адресом будет Воркута или Караганда. Сам адрес значения не имеет. Ты уже никогда больше не получишь писем.

Страх мой имел под собой основание. Я читал «Невиновного посла» Филипа Уайли и знаю, что случилось с его братом. И живо припомнил книгу Кравченко «Я выбрал свободу».

Но стук этот так и не раздался, потому что политический климат, созданный новой pravdoi, можно было выразить фразой: «Мы больше сожалеем, чем сердимся». На следующее утро, 6 мая, нам снова велели явиться в кабинет директора. Но мы решили держаться вызывающе и отказались. В конце концов нам разрешили взять билет на самолет до Ташкента.

Эта pravda продолжалась 12 дней, пока Хрущев не сделал невозможной намечавшуюся встречу на высшем уровне и не сообщил новую pravdu.

Мы прибыли в Ленинград как раз в тот день, когда города достигла весть о том, что встреча не состоится и что президент Эйзенхауэр отменил намеченную поездку в СССР, а Хрущев возвращается в Москву через Восточный Берлин.

Климат внезапно сильно похолодал.

Месяцем раньше в Москве мы познакомились с двумя русскими в первый же день, едва вышли на улицу. Мужчина был техническим переводчиком, а женщина — куратором музея. Они были очень дружелюбны и провели с нами почти три часа, задавали вопросы об Америке и охотно отвечали на вопросы о Советском Союзе. С того дня такое случалось почти ежедневно, случайные знакомства с советскими гражданами завязывались у нас на улицах, в парках, в ресторанах, в театральных антрактах, буквально везде. Все они с интересом расспрашивали об Америке, были очень

дружелюбны и необыкновенно вежливы. Подобное отношение отдельных советских граждан к отдельным американцам продолжалось все время, пока действовала первая pravda, и закончилось 6 мая. Во время второй pravdi (той самой «Мы больше сожалеем...») оно лишь незначительно смягчилось.

Парижская пресс-конференция Хрущева породила новую pravdu. С того момента, когда мы прилетели в Ленинград, и вплоть до дня нашего отлета в Хельсинки ни один советский гражданин, за исключением сотрудников «Интуриста», исполнявших свои профессиональные обязанности, не заговаривал с нами ни при каких обстоятельствах. Ни один.

Имея дело с «Интуристом», всегда трудно понять, возникают ли твои затруднения от вездесущей секретности или же из-за намеренного обструкционизма. В Ленинграде нам сразу стало ясно, что «Интурист» теперь просто НЕ ЖЕЛАЕТ нас обслуживать. Даже носильщик, относивший в номер чемоданы, вел себя неприлично.

На первый день у нас был запланирован визит в Эрмитаж — один из величайших художественных музеев мира. Запланирован на этот день и на это время еще в американском представительстве «Интуриста».

К назначенному времени наш гид (вы обязаны его иметь) не вызвал машину. Через некоторое время она все-таки появилась, а гид сказал: «А сейчас мы поедем на стадион».

Мы сказали, что хотели бы поехать в Эрмитаж, как было запланировано. Гид ответил, что Эрмитаж закрыт. Мы попросили отвезти нас в другой музей (в Ленинграде их много). Мы объяснили также, что нам вовсе не интересно осматривать очередной стадион.

Но все же мы поехали на стадион.

Это было все, что разрешил нам посмотреть в тот день «Интурист».

Вернувшись в отель, мы обнаружили кого-то в своем номере. В Ленинграде это стало правилом. Поскольку в отелях «Интуриста» горничные или почти ничего не делают, или, напротив, вездесущи, мы не сразу пришли к выводу, что нам намеренно причиняют неудобства. Но когда следующим вечером мы обнаружили в номере шестерых мужчин, деловито отдирающих различные

трубы, вопрос о преднамеренности перестал быть вопросом. Гостиничный номер с отодранными трубами и полом, усеянным щепками и штукатуркой, лишь ненамного лучше отсутствия номера как такового.

Однажды в Ленинграде мы пошли на балет. В советских театрах антракты очень длительны, около получаса, и прежде именно в антрактах нам удавалось завязывать самые интересные знакомства.

Но не сейчас, после новой, парижской, pravdi. С нами не заговорил ни один человек. Никто даже не захотел встретиться с нами глазами. Единственный знак личного внимания в тот вечер — явно преднамеренный толчок локтем в ребро — мы получили от какого-то майора в форме.

Как может поведение и отношение 200 миллионов людей включаться и выключаться, словно лампочка? Как из одного набора фактов можно создать три различные pravdi? Полным контролем над всеми средствами общения, от колыбели до могилы.

Почти все советские женщины работают. Дети их воспитываются в детских садах в среднем с возраста 57 дней. Так нам сказали, и увиденное это подтвердило. Мы побывали в нескольких детских садах, в колхозах и на предприятиях. Судя по вывешенным распорядкам дня, эти дети проводят в детском саду ежедневно по 13,5 часов, а с матерью — лишь пару часов перед сном.

В колхозе имени 40-летия Октября неподалеку от Алма-Аты дети постарше в одном из детских садов показали нам небольшое представление. Сначала девочка прочитала стихи. Потом мальчик прочел отрывок из прозы. Потом все вместе спели. Дети были чистые и симпатичные, здоровые и счастливые. Наш гид ничего не стал переводить, так что, скорее всего, это было нечто вроде обычного развлекательного представления, которое можно увидеть в любой день в любом американском детском саду.

Однако моя жена понимала по-русски.

Стихи были о жизни Ленина.

Отрывок из прозы был на тему семилетнего плана.

Песня была о том, как «мы должны защищать нашу Революцию».

И всем малышам было не больше шести.

Вот как это делается. Начиная с колыбели никому не дают слушать ничего, кроме официальной версии. Так «pravda» становится для советских детей «правдой».

А что означает подобная дрессировка для личности, которой уже достаточно лет и которая вполне может делать собственные выводы? 14 мая мы ждали вылета в аэропорту Киева. Погода была плохая, самолеты опаздывали, и в комнате ожидания «Интуриста» скопилось около 30 иностранцев. Один из них спросил, куда мы летим, и жена ответила, что в Вильнюс.

— Вильнюс? Где это?

Жена ответила, что это столица Литвы, одной из ранее независимых Балтийских республик, захваченной СССР более 20 лет назад, — и это простая историческая правда, столь же неоспоримая, как высадка в Нормандии или бомбежка Перл-Харбора.

Но правда не есть pravda.

Присутствовавшая при этом молодая женщина — гид «Интуриста» — понимала по-английски, и она немедленно прервала мою жену, опровергла ее слова и заверила нас, что Литва *всегда* была частью Советского Союза.

Единственными результатами спора стали шум и возмущение. Не было никакой возможности изменить убеждения этой молодой женщины. Она рассказала нам pravdu, выученную в школе, вот и все. Вероятно, ей было около трех лет, когда свершился этот акт международного насилия. У нее не было личных воспоминаний об этом периоде. Она не была в Вильнюсе, хотя от Киева до него менее 400 миль. (Советские люди мало путешествуют. Дороги, за редкими исключениями, ужасны, а железнодорожная сеть слабо развита. От русских требуют пользоваться внутренними паспортами и получать внутренние визы для поездки в каждый город, а также путешествовать через «Интурист», как и иностранцам. Поэтому путешествий ради удовольствия, за исключением заранее определенных мест отдыха у Черного моря, почти не бывает.)

Вступив в дискуссию с официальной pravdoi, мы стали просто наглыми лжецами, и женщина ясно дала нам понять, что таковыми она нас и считает.

Около полудня в воскресенье, 15 мая, мы спускались по дорожке парка, окружающего холм, на вершине которого стоит вильнюсский замок. Нам повстреча-

лась группа из шести или восьми курсантов Советской Армии. Иностранцы в Вильнюсе вызывают большое любопытство. Туристов здесь почти не бывает. Поэтому они остановились, и мы немного поговорили: я — через нашего гида, а жена — напрямую, по-русски.

Вскоре один из курсантов спросил нас, что мы думаем о их новой пилотируемой космической ракете. Мы ответили, что еще не слышали о ней: что это такое и когда ее запустили? Он рассказал нам, а другие курсанты слушали и подтверждали, что ракету запустили как раз сегодня и в этот самый момент русский астронавт находится на околоземной орбите. Так что мы об этом думаем?

Я поздравил их с таким замечательным достижением, но в глубине ощутил отвратительную слабость. Советский Союз еще раз больно щелкнул нас по носу. Но позднее в тот же день наш гид внимательно посмотрел на нас и осторожно скорректировал услышанную историю: курсант ошибся, ракета не была пилотируемой.

Вечером мы попытались раздобыть экземпляр «Pravdы», но не смогли отыскать в Вильнюсе ни одного. Позднее от других американцев мы слышали, что в тот вечер «Pravdy» нельзя было достать и в других городах СССР. Но этого я не могу утверждать наверняка, поскольку передаю лишь то, что мне рассказывали. Мы также пытались поймать «Голос Америки», но его глушили. Мы послушали несколько советских радиостанций, но никакого упоминания о ракете не было.

Это та самая ракета, которую Советы пытались вернуть на Землю и позднее признали, что возникли какие-то неполадки с тормозными двигателями — они сработали, когда ракета находилась не на расчетной высоте.

Так каков же ответ? Действительно ли в ракете находился лишь манекен, как теперь утверждает pravda? Или же в космосе сейчас летает мертвый русский космонавт — ставший оруэлловской «неличностью» в тот самый момент, когда стало ясно, что вернуть его не удастся?

Я уверен в одном: в полдень 15 мая группа курсантов единодушно утверждала, что ракета была пилотируемой. И эта pravda стала другой лишь к вечеру того же дня.

А что касается неличностей...

Имя Распутина очень хорошо известно в Америке. Но я так и не смог отыскать в России хотя бы одного человека, признавшего бы, что он о нем слышал. Он — неличность.

Джон Поль Джонс известен каждому американскому школьнику. После американской революции Екатерина Великая пригласила его в Россию, где он служил адмиралом и помогал развивать русский флот, в то время еще незначительный. Много раз я пытался отыскать его портрет в советских исторических музеях, десятки раз спрашивал о нем образованных советских граждан, но безрезультатно. В русской истории Джон Поль Джонс стал неличностью.

Троцкий и Керенский пока еще ими не стали. Живы еще слишком многие люди, помнящие об их немаловажной роли в недавней российской истории. Но когда-нибудь и они станут неличностями, хотя Керенский и сейчас живет в Калифорнии *. В СССР всегда молчаливо предполагается, что именно коммунисты сбросили царя. И это не оставляет места Керенскому. Если загнать советского гида в угол, он может признать, что была такая личность, как Керенский, а потом сменит тему. То же самое относится и к Троцкому: его роль, какой бы они ни была, стирается из исторических записей. Мы видели буквально тысячи портретов Ленина, включая несколько сот групповых фотографий, запечатлевших, вероятно, всех коммунистических лидеров эпохи Революции. Ни на одной из них не было Троцкого, хотя многие из них считаются фотографиями тех лет, когда Ленин и Троцкий еще были соратниками и товарищами.

Так изготовляются неличности. Так создается pravda.

В этом году темой первомайских праздников был лозунг «Миру — мир». Прекрасное утверждение. Но вряд ли будет безопасным предполагать, что словарное определение слова «мир» имеет какую-то связь с официальным коммунистическим значением, потому что вчерашняя pravda может быть изменена завтра.

---

* Он умер лишь несколько лет назад. (*Примеч. пер.*)

«ИНТУРИСТ» ИЗНУТРИ

Предисловие

«Не езжайте в Россию, если привыкли к чистым туалетам». Под таким заголовком была 2 декабря 1979 года в газете «Сентинел», выходящей в Санта-Крусе, опубликована статья Г. Мартина Лэндвера. «Российские туалеты, — пишет Лэндвер, — всегда грязны, не имеют сидений на унитазах, туалетная бумага (если она есть) грубая, а сливное давление в бачке чрезвычайно низкое».

*Судя по этой статье и прочим многочисленным личным свидетельствам 1979 года я понял, что моя статья «"Интурист" изнутри», написанная в 1960 году, все еще не устарела, несмотря на незначительные изменения. У «Интуриста» до сих пор на выбор три класса удобств: «плохой — еще хуже — ужасный». Теперь они называются: номер-люкс, просто люкс и первый класс, то есть «первый класс» фактически является третьим — типичная оруэлловская pravda *.*

Inside «Intourist», 1960

© Перевод на русский язык, «Полярис», 1994

* Здесь и далее «русские» слова будут приводиться в авторском написании. Правильность толкования смысла остается на совести автора. (*Примеч. пер.*)

Грязные туалеты и скверное питание говорят сами за себя; разобраться в относительных ценах труднее, поскольку цены 1960 года, которые я буду упоминать как безбожно высокие, оказываются в 1979 году вполне приемлемыми. Поэтому я должен сделать поправку на инфляцию, а это нелегко, когда имеешь дело с четырьмя видами валюты: 1) доллар 1960 года, полностью обратимый в золото на мировом рынке по курсу 35 долларов за тройскую унцию золота; 2) доллар 1979 года с плавающим курсом (на 3 декабря 1979 года он составлял 432 доллара за тройскую унцию); 3) инвалютный рубль для западных туристов образца 1960 года — валюта, не конвертируемая на мировом рынке (блокированная), не поступающая на него, обращающаяся только в пределах собственной страны. Его официальный обменный курс установлен правительственным распоряжением, и, как следствие, имеется сильно отличающийся обменный курс «черного рынка» (свободный обмен); 4) инвалютный рубль для западных туристов образца 1979 года, столь же не конвертируемый, но не эквивалентный инвалютному рублю 1960 года.

Определить взаимоотношения между свободно конвертируемой золотой валютой, плавающей валютой и двумя различными блокированными валютами — задачка, решая которую легко заработать головную боль. Арифметика тут проста, но семантика весьма запутана, к тому же дело еще более осложняет как сознательное, так и подсознательное личное отношение. К примеру, вы можете «не верить» в золотой стандарт (и я охотно соглашаюсь с поговоркой, утверждающей, что золото есть не станешь), но совершенно не имеет значения, во что верю я или вы, потому что наш плавающий доллар не стоит в золоте столько, сколько утверждает весь остальной мир, то есть речь идет о цене покупки долларов или продажи золота. Единственный общий знаменатель, который мне удалось подобрать для всех четырех валют, это тройская унция золота — 31,1035 грамма.

Поскольку рубли на золотом рынке не обращаются, я должен сперва уравнять рубли с долларами, затем перевести в золотой эквивалент. (Эти рассуждения —

не моя идея; просто наш издатель совершенно верно заметил, что читателю без них трудно будет разобраться в цифрах.) В 1960 году объявленный Кремлем курс составлял 4 рубля за 1 американский доллар. Сегодня, 3 декабря 1979 года, тот же курс для американских туристов равен 1,52 доллара за рубль.

Теперь примемся за работу:

В 1960 году 1 доллар равнялся 1/35 тройской унции золота, то есть 0,888671 грамма, а 1 рубль равнялся 25 центам, то есть 0,222167 грамма золота.

В декабре 1979 года 1 доллар равен 1/432 тройской унции, то есть 0,071998 грамма, а 1 рубль равен 1,52 доллара, или 0,109438 грамма золота.

Эти цифры мало что нам говорят, поскольку курс доллара плавает и каждый день меняется, а соотношение между инвалютным рублем и долларом устанавливается правительственным распоряжением и меняется без предупреждения. В статье, которую вы сейчас прочтете, я указываю цены тремя способами: 1) в ценах 1960 года; 2) в ценах декабря 1979 года в пересчете на мировой обменный курс и 3) в кремлевском эквиваленте исходя из курса между инвалютным рублем и долларом на 3 декабря 1979 года.

Коэффициент конверсии на мировом свободном рынке 432/35=12,343; кремлевский коэффициент конверсии 152 цента/25 центов = 6,08. Можете верить обеим цифрам, можете не верить — дело ваше.

Но все вышеприведенные расчеты мало что дают, поскольку курс доллара ежедневно меняется, а курс рубль/доллар меняется тогда, когда его меняет Кремль. К тому же вы будете читать эти строки не 3 декабря 1979 года. Тем не менее польза от них есть: вы можете сами вычислить коэффициент конверсии на текущий день тем же методом, каким это сделал я.

Для расчета коэффициента на мировом свободном рынке найдите в газете текущую стоимость унции золота и разделите на 35. Если вам нужен кремлевский коэффициент, позвоните в советское консульство или нью-йоркское отделение «Интуриста», спросите текущую стоимость рубля в долларах и центах, разделите на 25 центов. Потом достаньте карманный калькулятор.

Проще говоря, путешествие по Советскому Союзу в 1960 году было чрезвычайно, разорительно дорогим — самой настоящей запланированной обдираловкой.

Как свести концы с концами (или почти) в Советском Союзе

Чтобы насладиться событием, нужно соответственно настроиться. Женщина, которой пообещали роскошные апартаменты в Майами-Бич, вряд ли воскликнет от радости, если ей взамен предложат побродить по северным лесам, особенно если муж сообщит об изменении планов уже после начала отпуска.

Но все же, если заранее правильно настроиться, можно получить удовольствие от чего угодно — кое-кому, например, очень нравится прыгать с парашютом. Оказаться в Советском Союзе без предварительной психологической настройки — примерно то же самое, что прыгать с парашютом, который во время прыжка не открывается. Чтобы правильно настроиться на пребывание в Советском Союзе, нужно уподобиться человеку, бьющему себя молотком по голове: представляете, какую он испытывает радость, прекратив это занятие?

Эта статья предполагает, что вы, руководствуясь некими вескими и обоснованными причинами, решили посетить СССР. Одной из таких веских причин может стать желание увидеть собственными глазами тот коммунистический рай, который Хрущев обещал нашим внукам. Но поехать в Россию в том беззаботном настроении, в каком вы отправляетесь на Ривьеру, в Лас-Вегас или Рио, означает заведомо погубить все.

Вы можете избежать самого сильного потрясения нервной системы, заранее настроившись на то, что не получите того, за что уже заплачено. А любимое успокоительное поможет вам справиться с остатками раздражения. Я пользовался в этих целях небольшими количествами водки — «небольшими» по русским стандартам, поскольку русские тоже пользуются этим лекарством, возводя барьер между собой и окружающей действительностью, не скупящейся на тычки и подножки, однако употребляют его в дозах, доводящих до

бессознательного состояния. Пьяницы, отрубившиеся в общественных местах, намного правдивее символизируют СССР, чем серп и молот.

Моя жена сочла более пригодным для этой цели мепробамат. Для вас этим может стать йога или произнесенная про себя молитва, но чем бы вы ни пользовались, не пренебрегайте этим. Путешествие по Советскому Союзу совершенно не похоже на путешествие по любой другой стране мира. Мы с женой побывали более чем в шестидесяти странах на шести континентах, плавали на торговых кораблях, летали на вертолетах, ездили на собачьих упряжках и на мулах, побывали на сафари, катались по каналам на лодках и прочее, и прочее — вот наши удостоверения «опытных путешественников». К поездке в Советский Союз мы готовились, усиленно читая, а моя жена выучила русский язык. Тем не менее мы вновь и вновь натыкались на всевозможные сюрпризы и трудности и попадали в отчаянные, сводящие с ума ситуации.

Вы можете проехать весь Советский Союз, не зная ни слова по-русски, — это весьма устраивает Хрущева, поскольку вы тем самым станете пленниками «Интуриста», государственного бюро путешествий, увидите только то, что им захочется вам показать, и услышите только то, что они позволят вам услышать.

Но русский язык труден; моей жене потребовалось два года, чтобы им овладеть. Алфавит какой-то зловеще странный, произношение для нас трудное, а сам язык изобилует склонениями и спряжениями — самое обычное существительное вроде «Смит» или «Хрущев» имеет восемнадцать различных форм.

Разумеется, большинство туристов не может затратить два года на изучение языка. И что тогда? Полностью зависеть от гидов «Интуриста»?

Нет, нет и нет! Лучше не тратьте деньги зря и оставайтесь дома. Не зная русского, вы будете беспомощны, как прикованный к койке больной. Советую вам вместо поездки хорошенько подготовиться и выучить хотя бы азы русского языка. О грамматике можете спокойно позабыть: грамматически правильный русский язык существует только в литературных текстах. Хрущев и тот не научился говорить на хорошем рус-

ском языке, а Микоян говорит с таким акцентом, что его можно нарезать ломтиками. Вам-то чего из-за этого волноваться?

Первым делом выучите алфавит, заглавные и строчные буквы, печатные и прописные. Одно это позволит вам наполовину выиграть сражение. Теперь вы сможете отыскать мужской (или женский) туалет. Мужские обозначаются буквой «М» (для «muzhcheen»), а женские помечены буквой, напоминающей две заглавные К, сложенные спинками: Ж. Теперь вам не страшен самый большой кризис, подстерегающий путешественника: невозможность найти бытовые удобства.

Теперь, просто зная алфавит, мы сможете опознать большинство полезных русских слов. Хотите есть? Ищите вывеску «РЕСТОРАН». Мысленно прочтите это слово как «restauran», и — вот оно! — знакомое, почти английское слово, только без t на конце.

В русском буквально сотни слов, которые оказываются схожими с английскими или почти такими же. Если вы знаете немецкий или французский, ваш словарь немедленно обогащается еще больше, потому что в русской культуре полно заимствований и очень многие слова, означающие понятия более сложные, чем прополка грядки с турнепсом, одолжены из французского, немецкого или английского, только фонетически изменены.

Но не останавливайтесь на алфавите, купите набор пластинок для изучения русского языка. Проигрывайте их, читая очередное занятие в учебнике, — а также без учебника, когда стоите под душем, бреетесь, готовите, работаете в саду и т.д. Несколько часов таких усилий оплатятся потом сторицей: вы больше не будете зависеть от гида «Интуриста» и привезете из-за «железного занавеса» втрое больше впечатлений и информации. Всего несколько долларов на пластинки и немного труда превратят заведомо проигрышное дело в мероприятие, полностью окупающее себя если и не в удовольствии, то в самообразовании.

Но чтобы еще и получить от этого удовольствие, вы должны понимать игру, в которую с вами играет «Интурист», играть в нее и выигрывать. Выигрыш заключается в том, чтобы перехитрить систему и получить от нее

больше, чем вам намерены дать; я не имею в виду (к примеру) традиционный уровень услуг, который путешественник получает за свои деньги в любой скандинавской стране. Честно получить услуги на всю заплаченную сумму в Советском Союзе невозможно, правила игры действуют против американского туриста. Но есть способы свести расходы к минимуму, а отдачу сделать максимальной, при этом еще и немало повеселившись.

Все ваши перемещения по стране полностью контролирует «Интурист»: вы покупаете у него все билеты, услуги гидов и шоферов, номера в гостиницах, все завтраки, обеды и ужины; а если вы решите купить поесть не в «Интуристе», вы просто выбросите деньги, уже заплаченные за еду.

Вы покупаете в «Интуристе» четыре рубля за доллар, а это означает, что вас обдирают, как липку, потому что реальный курс близок к сорока рублям за доллар (по такому курсу советское правительство обменивает деньги гостям, которым оно покровительствует, — тем же азиатам, которых стремится сосватать в коммунистический лагерь).

Можно немало сэкономить, заказав дешевое жилье. Вам предложат на выбор «люкс» и туристские классы А и Б. Одинокий путешественник может рискнуть остановиться в туристском Б, если он не возражает против общественного туалета, ванной сомнительной чистоты и койки с соседом в своем номере. Пара путешественников может испробовать туристский А, предположительно (но не на самом деле) равный первому классу во всем остальном мире. Но, положа руку на сердце, я никак не могу рекомендовать вам категорию «люкс», потому что даже лучшее в России потрясающе скверно по нашим стандартам — ванные комнаты без ванны, даже целые гостиницы без ванн, отсутствие горячей воды, «эксцентричные», если не хуже, туалеты, невкусная еда, грязная посуда, сводящие с ума ожидания. Помещение класса «люкс» обычно огромно и обставлено фантастической мебелью, но двухкомнатный номер с ванной в любой другой стране гораздо комфортабельнее.

«Люкс» стоит 30 долларов в день с человека (по кремлевскому курсу 1979 года это составляет 182 доллара 40 центов, по мировому курсу — 370 долларов 29 центов) и включает проживание, купоны на еду и три часа услуг автомобиля с шофером на человека (то есть шесть часов на двоих) — если вы сможете это выбить. Сюда *не* входит стоимость *любых* билетов — на поезд, самолет или автобус. Сложите эти деньги, приплюсуйте стоимость полета от Нью-Йорка и обратно, и окажется, что месяц пребывания в Советском Союзе обойдется американской чете как минимум в 4500 долларов (по кремлевскому курсу 1979 года — 27360 долларов, по мировому курсу — 55543,5 долларов), не считая карманных расходов.

В любой прочей части Европы вы получите за свои деньги как минимум вдвое больше, но настоящая проблема всегда в том, чтобы получить от «Интуриста» то, за что уже уплачено и что он обязан предоставить вам согласно контракту.

Начните с осознания того факта, что «Интурист» на самом деле не является бюро путешествий, каким вы привыкли видеть агентство Кука или «Американ экспресс». Это бюро коммунистического правительства, и функция его заключается в том, чтобы выкачать из янки доллары авансом, прокатить по ограниченной со всех сторон дорожке и дать пинка на другом конце, оставив пребывать в том же неведении о стране пребывания, что и вначале. Знаменитый лозунг цирка Барнума «На выход — туда» предвосхитил главный принцип «Интуриста»: сперва вытянуть из простака денежки, а затем избавиться от него с минимальными хлопотами для начальства.

Поэтому относитесь ко всему как к игре и не огорчайтесь, когда проиграете. Попробуйте хорошенько выспаться — кровать может оказаться ужасной, зато будет тихо, потому что движение на улицах небольшое, — и сыграйте заново на следующий день.

Пример: гид здесь не для того, чтобы вам помогать, а чтобы заставить вас осмотреть стадион — поэтому попробуйте извернуться и не попасть ни на один из стадионов в Советском Союзе. Разумеется, тут есть стадионы, раз уж люди столь стремятся к «единству» —

где еще можно полюбоваться на десять тысяч человек, синхронно выполняющих упражнения? (Это называется «Спартакиада».) Но помните, что вы уже заплатили 20 долларов только за то, чтобы взглянуть на стадион (там в это время даже не будет футбольного матча), и что, уволакивая вас на стадион, «Интурист» лишает вас возможности увидеть нечто действительно интересное — фабрику, район трущоб или школу.

С той поры как римляне построили Колизей, стадионы мало изменились; если вы уже видели стадионы «Янки», «Солдатское поле» или «Розовую чашу», считайте, что вы насмотрелись пустых стадионов до конца своей жизни. Поэтому отказывайтесь!

Но гид получает приказ *заставить* вас осмотреть стадион; никакая другая теория не может объяснить ту настойчивость, с какой все гиды «Интуриста» *настаивают* на том, чтобы вы осмотрели местный стадион. Если вы ухитритесь вернуться из Советского Союза, не побывав ни на едином стадионе, можете наградить себя орденом Героя-путешественника по СССР первой степени.

(Мы вдоволь насмотрелись стадионов — нас-то никто не предупреждал.)

В каждом отеле «Интуриста» есть так называемое «Бюро обслуживания». «Обслуживание» в данном случае есть пример коммунистической семантики, сравнимой с «сосуществованием», «миролюбием», «демократией» и т. п. Здесь обычно и проходит большая часть ваших схваток с «Интуристом». Если не считать валяющегося на улице пьяницы, наиболее типичным зрелищем в Советском Союзе можно считать американского туриста, сидящего в бюро обслуживания, причем с каждой утекающей драгоценной минутой выражение его лица становится все более жестким.

«Интурист» редко использует против этого несчастного существа прямой отказ. Есть несколько стандартных тактик типа «Присядьте, пожалуйста, и минуточку подождите» (минуточка обычно оборачивается часом ожидания), «Мне очень жаль, но директора нет на месте» (и он не вернется до тех пор, пока *вы* тут ошиваетесь), «Зайдите попозже» (когда лавочка уже закроется) и «Пройдите к тому столу в дальнем конце»

(где после новых задержек и множества консультаций вас отправят к столу, откуда вы начали).

Когда вы с этим столкнетесь, то, чтобы получить хотя бы часть того, за что вы уже заплатили (добиться семидесяти процентов обещанного — уже триумф, а половины — неплохое достижение), вы должны придерживаться заранее выбранной оборонительной тактики и никогда — никогда! — не срываться, иначе станете первым кандидатом на мокрый компресс и потребителем успокоительных таблеток.

Их первое оружие — вежливость. Вы *обязаны* сопротивляться этой усыпляющей вежливости, или вы не добьетесь ровным счетом ничего.

Первая линия обороны. Будьте так же вежливы, как и они, — но непоколебимо упрямы. Самое главное, *никогда не садитесь, если вам это предлагают.* Если вы усядетесь, вы будете выведены из игры на неопределенно долгий срок. Удерживайте свои позиции; подойдите к столу вплотную и займите как можно больше места — обопритесь на него широко расставленными руками, расширяя линию фронта. Скажите твердо и вежливо: «Нет, спасибо, я подожду здесь», а затем монополизируйте и стол, и чиновника за ним, сделав невозможным урегулирование спора до тех пор, пока «Интурист» не выполнит свои обязательства по контракту.

Продолжайте говорить. Не имеет значения, что именно вы говорите и понимает ли клерк по-английски — *говорите!* Ваша задача заключается в том, чтобы доставать это отделение «Интуриста» до тех пор, пока на вашу просьбу не откликнутся, и не обещаниями, а немедленным действием — а *их* задача в том, чтобы вывести из игры *вас*, вынудив сесть и дожидаться ответа подальше от стола.

Поэтому удерживайте позиции и проявляйте мягкое, вежливое упрямство. Как правило, через несколько минут появится кто-либо из начальства и удовлетворит вашу просьбу.

Вторая линия обороны. Будьте готовы в любой момент симулировать гнев. Гораздо лучше *притвориться* потерявшим терпение *до того,* как ситуация станет невыносимой и вы на самом деле взорветесь; имитация

избавит вас от язвы желудка и позволит более эффективно претворять избранную тактику в жизнь.

(Тут я должен сказать несколько слов в оправдание служащих «Интуриста». Примерно три четверти из них — молодые женщины, фактически девушки. Они очень приятные, вежливые, задерганные, очень много работают и очень мало получают. Они тоже пленницы системы, приводящей путешественника в отчаяние, причем даже в большей степени, чем вы, потому что вы покинете (надеюсь) страну в соответствии с датой вашей выездной визы, а они такой возможности не имеют. Эти бедняжки не изобретали дурацкую секретность и горы бессмысленных бумажек, а поскольку занимают самые младшие должности, то не имеют права нарушать инструкции. Поэтому не придирайтесь к ним слишком сильно и попробуйте все-таки не выходить из себя.)

Но приготовьтесь симулировать гнев, если мягкая тактика первой линии обороны не сработает и затор остается на месте. Когда вы откажетесь сесть и подождать, клерк может отвернуться и перестать обращать на вас внимание.

Тут и наступает момент для возмущения.

Вы должны: 1) продолжать блокировать стол, 2) издавать побольше шума и 3) продемонстрировать, что вы сильно и обоснованно разгневаны и заткнуть вам рот можно только в том случае, если все ваши требования полностью удовлетворят.

Шумите, не стесняясь. Полезно также немного поругаться, тут вам пригодится одно универсальное слово «Borjemoi!» Это фонетическая аппроксимация двух слов, означающих «Боже мой!» — в этой атеистической стране они превратились во фразу, выражающую отвращение. Есть другая хорошая фраза «Yah Hawchew!», то есть более грубый эквивалент выражения «Я хочу!». (Вежливая идиома звучит как «Mnyeh Khawchettsuh».)

Можете крикнуть «Я хочу видеть директора!» — или, по-русски: «Yah Khawchew veedyets Direktora!» Вам, возможно, укажут, где находится кабинет (или стол) директора, но более вероятно, что ваше требование скорее удовлетворят, чем позволят вам жаловаться боссу.

Но если вам предложат встретиться с директором, *оставайтесь на месте.* Удерживайте позиции, сделайте вид, будто не понимаете никаких доводов, и пусть босс выйдет к вам сам. Если вы позволите заманить себя в его кабинет и останетесь без зрителей, а в кабинете к тому же усядетесь и станете вести себя вежливо — считайте, что этот раунд вы проиграли. Директор будет вежлив, начнет извиняться и сожалеть о «нехватках», но помогать не станет точно. Выигрывать нужно на публике.

Большинству из нас трудно становиться преднамеренно грубыми. Я считаю, что человеку никогда не следует быть невежливым без необходимости, но мы можем заметно возвысить наше национальное достоинство и улучшить отношения с Советским Союзом тем, что не станем молчать в ответ на оскорбления, отвечая на великое русское упрямство двойным упрямством и тем, что будем сознательно и громко грубить в тех случаях, когда «Интурист» отказывается выполнять свои обязательства по контракту, несмотря на вежливый протест. «Интурист» — составная часть правительства, вот уже сорок три года (теперь уже 63 года. — Р.Х) не уважающего свои самые твердые обязательства; можно предположить, что это откровенное надувательство запланировано наверху и что каждый служащий «Интуриста» вышколен для отработки своей роли, включая симпатичную девчушку, настаивающую на том, что вам необходимо осмотреть стадион.

Если вам так больше нравится, можете считать, что этот непостижимый бардак — всего лишь непреднамеренный побочный продукт фантастической, всеобъемлющей и поразительно неэффективной бюрократии, погрязшей в секретности до такой степени, что она просто не в состоянии обслужить вас как положено. В любом случае контракт с «Интуристом» в точности напоминает длинную цепочку нарушенных договоров. Вы начинаете с заключения контракта с советским правительством; от вас требуют заплатить вперед и полностью. Кончаете вы тем, что пытаетесь получить уже оплаченное, — и обнаруживаете, что коммунистический контракт стоит того, чего он обычно стоит. «Номер с ванной» оказывается номером без ванны,

реактивный самолет оборачивается поршневым, машину с шофером вам дают на срок вдвое меньше оплаченного, столовые в обеденный час закрыты, ваше очень дорого оплаченное время утекает на бесконечное сидение в бюро «обслуживания».

Так и будет, если вы не поднимете шум сразу и немедленно. Позднее жаловаться бессмысленно, никто вам деньги все равно не вернет.

Если не сработают ни вежливое упрямство, ни шумная грубость, прибегайте к прямым оскорблениям. Размахивая пальцем перед лицом самого старшего из присутствующих чиновников, симулируйте крайнюю степень ярости и вопите «Nyeh Kuhltoornee!» («Некультурные!»). Ударение нужно сделать на среднем слоге и выделить «р».

Подчиненные тут же позеленеют и постараются оказаться от вас подальше. Чиновник окажется на грани апоплексического удара — но, вполне вероятно, приложит все доступные ему усилия, чтобы выполнить ваше требование, лишь бы вы заткнулись. **Это самое** сильное оскорбление, которое можно обрушить на русского, и пробивающее трещины в его броне. *Пользуйтесь им только как самым крайним средством.*

Если и «nyeh kuhltoornee» не сработает, мне остается посоветовать только горячую ванну и успокоительное.

Но описанная выше тактика обычно приводит к победе уже на первой или второй стадии и редко подводит на третьей, потому что основывается на русском темпераменте и коммунистической социальной организации. Даже самый высокомерный советский гражданин страдает от комплекса неполноценности, сталкиваясь со свободными жителями западного мира, особенно американцами. Наиболее часто задают вопросы вроде «Сколько вы зарабатываете?», «Большой ли у вас дом?», «Есть ли у вас свой автомобиль?» Каждый такой вопрос выдает спрашивающего с головой.

Поэтому если вы дадите понять, что сервис в «Интуристе» ничтожен по сравнению с западными стандартами, у русского может возникнуть желание вас уязвить, но гораздо более вероятно, что он попытается сохранить лицо и приблизиться к этим стандартам. Добавлю только, что это связано с социалистическим «равенст-

вом» — еще одним примером коммунистической семантики, — потому что в этом эгалистическом раю равенства *нет*. Вы нигде не найдете ничего похожего на непринужденное равенство между американским таксистом и его пассажиром. В СССР вы или наверху, или внизу — но никогда не равны.

Американец в эту схему не укладывается. Некоторые советские граждане реагируют тем, что ставят себя в подчиненное по отношению к туристу положение: подметающие улицы бабули торопливо уступают дорогу, водители такси бегут открывать дверцу, портье, официантки и другой персонал становятся необыкновенно услужливыми. Но работник «Интуриста», оставшись наедине с иностранцем, никак не может выбрать позицию. Подчиненный он или начальник? Надо выбрать одно из двух. Обычно происходит нечто вроде быстрой пробы сил, затем немедленно принимается та или иная роль в зависимости от реакции туриста. В Киеве, например, нас встретил гид, назвавшийся «Саша». Я спросил, как его фамилия; он высокомерно заявил, что мне ее знать не обязательно.

К тому времени мы пробыли в Советском Союзе уже несколько недель, и я больше не мог терпеть это высокомерие; я резко заявил, что его имя меня не интересует и что спросил я из вежливости, практикуемой во всех *цивилизованных* странах, но если в его стране приличные манеры не приняты, то пусть он о моем вопросе забудет!

Американец или любой человек из свободного мира ответил бы мне резкостью или ледяным молчанием, он же начал лебезить. Расставаясь с нами возле отеля, он словообильно благодарил нас за то, что мы оказались настолько добры, что не отказались с ним разговаривать. Во всем его поведении сквозила раболепная услужливость.

Раболепство нравится мне не более чем любому американцу, но если кому-либо и придется подхалимствовать, этим субъектом буду не я. Надеюсь, не вы тоже. Имея дело с людьми из «Интуриста», вы нередко будете попадать в ситуации, когда одному из спорящих придется проявить характер. А многие из них орешки покрепче того гида. Такая ситуация становится столк-

новением силы воли, и очень часто вежливого упрямства бывает недостаточно, чтобы заставить их уважать ваш контракт. В таком случае необходимо моделировать свое поведение по худшему образцу гневного припадка — вам доводилось его видеть во время выступлений Хрущева по телевидению; такое они поймут. В СССР так себя ведет только начальник, и вы, следовательно, *должны* заслужить сервис на уровне Красной Ковровой Дорожки. Функционеры «Интуриста» *знают*, что вы всего лишь простой американский турист, которого следует вогнать в отчаяние и подвергать издевательствам, но вдолбленные рефлексы обходят сознание, а весь жизненный опыт велит ему пресмыкаться перед представителем правящего класса... которым вы *должны* стать, пусть даже сознание подсказывает ему, что вы таковым не являетесь.

Это обычно срабатывает. В обществе всеобщего запугивания зачастую можно добиться своего, лишь кого-нибудь припугнув.

«Игра в купоны». После прибытия вам, в обмен на туристский ваучер, вручат множество документов. Одним из них окажется книжечка с купонами на питание — по четыре на каждый день. В классе «люкс» их денежный эквивалент составляет двенадцать рублей за купон на завтрак, двадцать за ленч, три за чай и тридцать за обед. Если вы и ваш спутник собрались провести в СССР месяц, купоны на питание обойдутся вам в тысячу долларов (по кремлевскому курсу 1979 года — 6080 долларов, по мировому — 12343 доллара). Тут и начинается обдираловка, потому что ни один обжора не в состоянии съесть за месяц интуристовской еды на тысячу долларов. Места, где вас кормит «Интурист», варьируют от сносного до очень плохого. В Москве лучшим является, вероятно, отель «Берлин», хотя и его ресторан с трудом попал бы в список заведений высокого класса. В СССР есть три или четыре хороших ресторана, но цены там *очень* высокие, а купоны не принимаются.

Вы можете свести потери к минимуму способом, который «Интурист» вам не сообщает. Купоны можно при желании комбинировать, к примеру, заплатить за обед «ленчем» и «завтраком». В денежном выражении

получается много различных комбинаций — 3, 6, 9, 12, 15, 18, 20, 21, 23 и так далее рублей, но загвоздка в том, что очень многие из них требуют более одного «чайного» купона. Поэтому прикиньте самые удобные для вас комбинации и запишите их на обложке купонной книжки. Это поможет вам решить, что лучше — переплатить за уже заплаченную и безбожно дорогую еду или доплатить разницу наличными. Ловкость в купонной игре может сэкономить вам немало долларов.

В купонной системе нет ничего честного, но именно такой она и задумывалась; именно таким приемом советское правительство выжимает из американских туристов больше долларов, чем им хочется или необходимо потратить.

Есть и другие способы уменьшить потери. Купоны можно обменять на спиртное, сладости, икру в банках, сигареты и минеральную воду. Утверждают, что в Москве и Ленинграде водопроводную воду можно без опаски пить, но в других городах разумнее покупать минеральную — достаточное количество бутылок всегда можно купить, рассчитываясь купонами перед отъездом в другой город. Сигареты здесь очень крепкие, но «Труд» курить еще можно. Сладости — невероятно дорогое, но очень желательное добавление к однообразному питанию (я потерял двенадцать фунтов); икра дешевая, и покупать ее лучше всего на остаток купонов в последний день. Не ожидайте найти здесь виски или любое другое импортное спиртное, но местные «kawnyahk» и «chahmpahnskoyeh» хороши. С нашей водкой сравнима только «vawt-kah stelleechnayuh» — другие сорта очень сильно сдобрены специями. Вина тут хорошие.

Моим любимым средством для снятия напряжения после трудного дня общения с «Интуристом» была «Кровавая Мэри» — «Staw grahm vawt-kee, p'jalst, ee tawmahtnee sawk». Это «nyeh kuhltoornee», потому что правильно водку считается пить с пивом (peevaw) или с черным хлебом, сливочным маслом и икрой.

В Москве и Ленинграде очень немногие официанты говорят по-английски, а в других местах таких практически не встретишь, но вам обычно вручают огромное меню на четырех языках, в котором вы можете вы-

брать нужное блюдо в английском тексте и указать на его русское название. Но предлагаются лишь немногие блюда — те, где рядом указана цена, а из них реально доступна от силы половина. Когда официант произносит «Nyeh-taw», он хочет сказать, что это блюдо кончилось. Обед занимает не менее двух часов; мне неизвестны способы ускорить обслуживание. Тем не менее, едва подав вам блюдо, официант может начать вас торопить, утверждая, что десять минут назад этот столик зарезервирован для какой-нибудь делегации или что-то в этом роде. Вполне возможно, он хочет попросту продать ваш обед кому-то другому и получить за это комиссионные. Не обращайте на него внимания — вы и так долго ждали, заплатили заранее большие деньги и имеете полное право спокойно поесть.

Столик выбирайте как можно дальше от оркестра. Некоторые из них хороши, но большинство играет очень громко и напоминает шум автоматизированной котельной.

На чай давать не обязательно, но официанты, горничные и портье зарабатывают очень мало. Чаевые можно давать деньгами или купонами.

Столовая часто оказывается закрытой — там может оказаться политическая делегация из Азии или Африки, гастролирующая театральная труппа и вообще кто угодно. В любом отеле «Интуриста» любой сервис может быть отменен без предупреждения. Можете жаловаться... но лучше настройтесь поискать буфет (произносится «boof-yet»). В больших гостиницах их обычно три или четыре на верхних этажах, они открыты с семи утра до одиннадцати вечера и торгуют омлетами, закусками, пивом, вином, соками, кофе, чаем, пирожками и прочим. Гиды и служащие «Интуриста» зачастую о них не знают, потому что *никогда не бывают на верхних этажах*, поэтому или ищите вывеску «БУФЕТ», или бродите по коридорам, вопросительно обращаясь к горничным и дежурным: «Boof-yet?»

Буфеты — уютные и небольшие заведения, которыми заправляют приветливые, готовые помочь и замученные работой женщины. Английского они не знают, меню там на русском, поэтому заранее выпишите в блокнотик русские и английские названия тех блюд,

которые вам приглянулись. Но даже в буфете нельзя позавтракать до семи утра, а расписание транспорта в России такое, что нередко вынуждает вас покинуть гостиницу еще раньше. Еду в номер вам могут принести, но не в такой ранний час. Если у вас есть *собственный* термос, накануне вечером вас могут снабдить горячим кофе и холодным завтраком. (Про термосы здесь знают — по-русски он звучит точно так же, но в гостинице вы не найдете ни одного.)

Держите в номере неприкосновенный запас консервов и запасайтесь едой и питьем, отправляясь в долгие полеты или поездки. И поезда, и самолеты часто делают остановки, чтобы пассажиры поели, но на это лучше не рассчитывать, ибо заранее это выяснить обычно невозможно.

Мелкие хитрости, улучшающие счет в вашу пользу. Отправляйтесь гулять без гида, и вы наверняка встретите кого-нибудь, говорящего по-английски, — но такой встречи *никогда* не случится, пока гид рядом с вами. Это ваш шанс познакомиться с местными жителями и услышать неофициальные ответы. О политике не говорите — эти ищущие души могут сами задать вам политические вопросы, и из самих вопросов вы узнаете почти столько же, сколько узнали бы из ответов.

Ваш гид может и не оказаться непробиваемым коммунистом, и, если решит, что вам можно довериться, он или она будут достаточно откровенны. Только будьте осторожны и не упоминайте ничего, что имеет хотя бы отдаленное отношение к политике, если поблизости есть третье лицо, *особенно водитель.* Он может оказаться политическим *сопровождающим*, который знает английский, но делает вид, будто не знает его. Мне об этом говорил не один гид, и *все* гиды начинают говорить свободнее, если некому подслушивать.

В этой стране детей привозили в Москву и награждали за то, что они доносили на своих родителей. *Никогда не забывайте об этом.*

Когда вам показывают партийное учреждение, дворец культуры, стадион, зрительный зал или нечто подобное, поинтересуйтесь годом постройки. Мы узнали, что в местах, не оккупированных нацистами, многие из самых больших и пышных зданий были построены

как раз в то время, когда американцы погибали, приводя в Мурманск конвои с грузами по ленд-лизу.

По всей стране сейчас возводят новые кирпичные здания. Мы неоднократно просили показать нам кирпичный завод; нам не отказывали прямо, но просьбу так и не выполняли. До нас доходили слухи, будто здесь используется труд заключенных в тюрьмах, поэтому туристам и не могут показать столь несекретный объект, как кирпичный завод. Попробуйте задать этот вопрос сами — возможно, вы лишь в очередной раз докажете себе, что «Интурист» существует скорее для того, чтобы помешать туристам увидеть то, что им хочется, чем наоборот.

Покажите случайным знакомым свой паспорт — в ответ они обычно покажут свой *внутренний* паспорт. Работникам «Интуриста» велено отрицать их существование, но он есть у каждого жителя СССР, причем владелец должен получить визу, чтобы перебраться из одного советского города в другой. Это коричневая книжечка с надписью «ПАСПОРТ» на обложке. Попробуйте ее попросить, если рядом нет гида.

СССР — единственная страна, где нам не удалось попасть в частный дом. Другие туристы сообщают то же самое, но одна чета из Лос-Анджелеса почти раскусила этот твердый орешек. Они спросили гида: «Почему мы не можем осмотреть изнутри один из этих жилых домов? Неужели вы их *стыдитесь?*» На следующий день их провели по новому, но еще не заселенному многоквартирному дому.

Тут возможны бесчисленные вариации, но сам по себе подход основан на присущем русским комплексе неполноценности. Ключевое слово тут «стыдитесь» — просто спросив «почему?», вы ничего не добьетесь. На мой взгляд, при помощи этого способа можно попасть на фермы, предприятия, в школы и куда угодно, кроме военных объектов, и он возглавляет мой список вещей, о которых мне следовало бы подумать заранее, до поездки.

Общаясь с кем угодно, включая гидов, попробуйте как можно раньше воспользоваться словами «страны демократии» в качестве антонима «коммунистическим странам», например: «Я считаю, что все мы, из стран

демократии, искренне надеемся на мир с коммунистическими странами» и так далее. В России сильно затасканное слово «демократический» означает «коммунистический» и всегда имеет пропагандистский оттенок. Если вы употребите это слово первым и тем самым придадите ему смысл, противоположный тому, какой вкладывает в него собеседник, он останется стоять с открытым ртом, не в силах продолжить разговор.

Мы несколько раз попадали в такую ситуацию, и лишь потом до нас дошло.

Официальный список того, что вам нельзя фотографировать, невелик, зато неофициальный — очень длинный и простирается от старых обветшалых зданий до пожилых опустившихся женщин, метущих улицы. Вы можете все это сфотографировать как бы «случайно», на заднем фоне, но если вас заподозрят, то молча возьмут на заметку. Некоторое время спустя вы обнаружите, что пленка засвечена и смотана обратно в кассету. Вы, конечно, можете держать все отснятые пленки постоянно при себе в надежде пересечь с ними границу... но такое поведение может навлечь на вас подозрение в шпионаже и арест, как случилось этим летом с одним американским туристом. В лучшем случае, сняв тайком лежащего на улице пьяницу, вы рискуете потерять *все* свои пленки — на мой взгляд, цена слишком высока, даже если вас и не обвинят в шпионаже.

Самый распространенный здесь самолет, «Ильюшин-14», летает очень низко. Вы сможете многое увидеть и сравнить впечатления и наблюдения из разных мест. Каковы железные дороги, в одну или две колеи? Много ли машин на шоссе? Кораблей на реках? Фабричных дымовых труб и других признаков промышленности? Насколько напряженно работают аэродромы? Многое можно заметить. Думаю, вы и сами придете к выводу, что ни одно утверждение русских нельзя принимать за истину, если не увидишь собственными глазами подтверждение. «Крупный промышленный центр» зачастую оказывается захолустным городком.

Но никогда ничего не записывайте на эту тему! Никогда!

Будут ли ваши письма вскрывать? Считайте для спокойствия, что будут. Будет ли подслушивание в вашем номере? Кажется, что невозможно прослушивать все номера всех гостиниц «Интуриста», но если полиция заинтересуется *вами*, то в наши дни сплошной миниатюризации нужно лишь три минуты, чтобы начинить ваш номер «клопами». Из нескольких инцидентов я знаю — советские граждане *верят*, что все номера в отелях прослушиваются.

Мне хочется, чтобы в СССР побывали миллионы американцев; те доллары, что вытянет из нас Кремль, не стоит жалеть — они окупятся с лихвой, если многие свободные люди собственными глазами увидят, что такое коммунизм.

Но, отправляясь в эту страну, не теряйте бдительности — «Интурист» такое же агентство Кремля, как Громыко или Микоян. В его функции входит: 1) получить авансом ваши деньги; 2) отдать взамен как можно меньше за счет скверного жилья, чрезмерно дорогого питания и урезанных часов работы гидов и водителей; 3) вынудить вас потратить время так, чтобы вы увидели как можно меньше, и 4) обеспечить, чтобы в незначительное свободное время вы увидели лишь то, против чего Кремль возражать не станет: «новостройки» (снаружи), парки «культуры и отдыха» (набитые извергающими пропаганду громкоговорителями), балеты, музеи, стадионы и наружные стены общественных зданий.

С первым пунктом вам придется смириться; игра нечестная, но другого заведения в городе нет. С пунктами два и три можно бороться — тут, надеюсь, поможет предложенная мною тактика. Самый трудный пункт — четвертый. Обрезав ваше полезное время до трех часов в день, «Интурист» может и станет использовать остаток на «осмотр стадионов», если только вы не будете с этим непрерывно бороться. Но и в этом случае «Интурист» легко парирует ваши желания словами: «Сегодня закрыто, очень жаль, что вы не останетесь еще на день», «Это необходимо заранее согласовать через Министерство культуры» и «Вам следовало сделать запрос в Москве».

Суть интуристовской тактики такова: «Варенье вчера и варенье завтра, но никогда варенье сегодня».

Отвечать на такое следует словами: «Нет! Я *не* поеду на стадион, *не* поеду в музей, чтобы увидеть еще пятьсот портретов Ленина. Я хочу видеть то-то и то-то, и хочу видеть *прямо сейчас.* Остановите машину, поговорите по телефону и договоритесь — или сообщите директору, что, по моему мнению, вы уволены! Я остаюсь в машине с шофером и отправлюсь куда угодно без вас — у меня сегодня оплачено еще несколько часов пользования машиной, и я *не намерен* дожидаться, пока меня надуют».

Вы сразу поймете, настоящий ли у вас гид или это охранник, приставленный к вам для того, чтобы вы увидели только фасад режима. И независимо от того, удастся ли вам увидеть желаемое, вы наверняка узнаете на удивление много о методах управления полицейским государством... и тем самым оправдаете целиком потраченные на образование деньги.

Послесловие

Прошло двадцать лет, и мне логичнее всего было бы вернуться в СССР и собственными глазами убедиться, произошли ли какие-либо изменения для туристов. Я мог бы сослаться на возраст и здоровье, но не стану: одна поездка в СССР познавательна, вторая — уже мазохизм.

Если вы побывали в СССР недавно, достаточно хорошо знали русский язык, время от времени соскальзывали с поводка и заводили знакомства без разрешения «Интуриста», то напишите мне, пожалуйста, и расскажите обо всем — что видели собственными глазами, к чему прикасались, что показалось важным, как к вам относились. Меня не интересуют пересказы, даже если рассказывали люди, которым вы доверяете, и меня категорически не интересует что угодно, рассказанное вашими гидами.

Если вы не знаете русского и прокатились по стандартному интуристовскому маршруту — вокруг Черного моря или Ленинград-Москва-Сочи, то не тратьте времени на письма мне. Надеюсь, вы приятно провели время.

Но если вы долго ехали поездом, из Владивостока в Москву или Ленинград — или наоборот, — то напишите обязательно. Если вы поначалу не знали русского, готов поспорить, что задолго до конца поездки уже говорили на нем бойко (пусть даже грамматически неправильно). Вы узнаете многое, чего не мог узнать я, потому что не бывал в Сибири. Самой дальней точкой СССР, где я побывал, оказалась Алма-Ата в Казахстане.

Верить ли тому, что вы видите? Регулярно путешествуя вот уже тридцать лет, мы с миссис Хайнлайн не ограничивались разглядыванием достопримечательностей, а изучали жизнь других людей. Некоторые из наших наблюдений достаточно тривиальны. Например, в Перу пекут яблочные пироги гораздо более вкусные, чем выпекала моя мама, в Чили нас побивают по всем статьям, когда дело касается мороженого, а финское мороженое в стаканчике — настоящее произведение искусства, и то, что мы у себя дома называем мороженым в стаканчике, ему и в подметки не годится.

Но обычно наши исследования совершенно серьезны. Не так давно я занялся обзором ситуации с переливанием крови во всем мире — хотя это уже совсем другая история. Но путешествуя по миру, мы всегда: 1) осматривали трущобы; 2) оценивали питание.

Отели, музеи и парки по всему миру очень похожи, но самый честный критерий состояния общества — трущобы, даже если цифры путешественнику недоступны. Уличная толпа в Бомбее или Калькутте говорит об Индии гораздо больше, чем величественный Тадж-Махал.

Два других вопроса дают возможность провести прямое, числовое сравнение. Первый: сколько тонн белка (мяса, рыбы, сыра) потребляется в стране за год? (Узнав эту цифру, наедине с собой разделите ее на число жителей.) Второй: сколько минут должен работать квалифицированный плотник, чтобы купить килограмм стандартного местного хлеба?

Первый вопрос дает ответ на среднее качество питания в стране; второй показывает, насколько богата (или бедна) страна в среднем. Если вам к тому же удастся увидеть трущобы, вы получите представление и о степени распределения богатства в стране.

Вы не сможете оценить ее, глядя на очень богатых: во всем мире они из осторожности одеваются как верхний средний класс, не лучше. Но трущобы честны, и самую большую разницу между богатыми и бедными мы обнаружили в Индии.

Разрыв между богатыми и бедными в России 1960 года был высок, возможно, даже больше, чем в США. Но разрыв этот проявляется в «привилегиях», а не в деньгах: персональном автомобиле с шофером, летних домах, апартаментах. Офис секретаря Союза писателей Латвии (русского, а не латыша) располагался в мраморном дворце, обильно украшенном внутри и снаружи, набитом скульптурами и картинами (построенном, как мне сказали, покойным царем для любовницы-фаворитки. Правда ли это? Не знаю, но более пышного дворца мне видеть не приходилось, а побывал я во многих). После встречи с его коллегами — мне удалось выжить в русском соревновании «кто кого перепьет», но его лучше не описывать — он повез нас к морю показывать свою dacha, тем самым продемонстрировав, что имеет личную машину, шофера, летний дом и в буквальном смысле царский офис. О деньгах он не упоминал, да в этом и не было нужды — я уже убедился, что дома на ужин он ест не черный хлеб с картошкой и отварной капустой.

Но он всего лишь босс писателей Латвии, маленькой захваченной страны, а не Генеральный секретарь Союза писателей в Москве. Я побывал в московском секретариате Союза писателей, большом деловом здании, но с Генеральным секретарем не встречался. Полагаю, живет он по меньшей мере не хуже, чем его коллега из Латвии.

А сколько ступенек отделяет мелкого босса в Риге от членов Президиума? Насколько хорошо живет Хрущев... извините, Брежнев? Не стану гадать.

Задавать в СССР два ключевых вопроса, которые я задавал во всех других странах, оказалось рискованно, а трущобы нам смотреть запрещали. Дважды мне удавалось увидеть их случайно, когда мы быстро проезжали мимо, — примитивные бревенчатые хижины на самой окраине Москвы и первобытные глинобитные хибары за забором в Алма-Ате. Поднявшись на высокое

место, мы смогли заглянуть за этот забор, но сопровождающие это тут же заметили и предупредили, чтобы мы не останавливались и не фотографировали.

Поскольку мы не могли задавать наши стандартные сравнительные вопросы, жена придумала несколько других, «безобидных», а я сосредоточился на поиске определенных признаков — мы решили оценить численность населения. В то время СССР заявлял, что в стране живет 225 миллионов человек, а в Москве — 5 миллионов. (Сегодня, двадцать лет спустя, — почти 300 миллионов населения и более 7 миллионов в Москве.)

Много дней мы бродили по Москве — ездили на машине, на такси, когда хотели отделаться от «Интуриста», в метро, на автобусе, ходили пешком. Все это время моя жена, хорошо зная русский язык, заводила знакомства с гидами «Интуриста», шоферами, людьми на улицах, горничными — словом, с самыми разными людьми. Русские — восхитительные люди, они всегда рады поговорить с гостями на английском, если знают язык (а многие знают), или на русском, если нет.

Позвольте мне также добавить, что Джинни, если в настроении, может очаровать кого угодно.

Она смогла задавать личные вопросы (но такие, на которые люди во всем мире с удовольствием отвечают), потому что сама откровенно отвечала на вопросы о нас и высказывала живой интерес к собеседнику, причем совершенно искренний.

Но в любом разговоре она всегда выясняла следующее:

сколько человеку лет;

женат ли он;

сколько у него детей;

сколько у него братьев и сестер, какого они возраста;

сколько у него племянников и племянниц.

Если задавать такие вопросы в лоб, они прозвучат агрессивно, как интервью нахального репортера. Но задавались они примерно так: «О, какой вы счастливый человек! Мы с господином Хайнлайном познакомились лишь незадолго до Великой Отечественной войны... и у нас нет детей, хотя мы их хотели. Зато у нас много племянников и племянниц». И так далее. Она

часто рассказывала больше, чем спрашивала, зато без хлопот собирала нужную информацию, иногда даже не задавая конкретных вопросов.

В один прекрасный день мы уселись в парке на скамейке спиной к Кремлю и лицом к Москве-реке. Поблизости никого не было, так что место отлично подходило для разговора — направленный микрофон, если бы нас подслушивали, пришлось бы расположить на другом берегу реки, пока мы сидели спиной к Кремлю.

— Сколько людей в этом городе, если заглянуть в путеводитель? — спросил я.

— Более пяти миллионов.

— Гм-м! Взгляни на эту реку. Видишь, какое на ней движение? (Одинокая шаланда...) Помнишь Рейн? (Три года назад мы плавали на пароходике по Рейну. Движение было настолько плотным, что на реке пришлось установить светофоры, совсем как на Панамском канале.) Джинни, здесь и близко не может быть пять миллионов человек. Скорее всего Копенгаген, не больше. Питтсбург. Нью-Орлеан. Возможно, Сан-Франциско. (Это города, которые я хорошо знаю, я исходил их пешком и объездил на разном транспорте. В 1960 году в каждом из них жило в пределах 600-800 тысяч человек.) И все же нам пытаются сказать, что этот город больше Филадельфии, больше Лос-Анджелеса, больше Чикаго. Чушь.

(Я жил во всех этих трех городах. В большом городе чувствуется, что он большой, будь то Иокогама или Нью-Йорк.) Три четверти миллиона, но никак не пять.

— Знаю, — согласилась она.

— Откуда?

(Пожалуй, я должен упомянуть, что миссис Хайнлайн глубоко изучала русскую историю, историю революции, историю Третьего Интернационала, или Коминтерна, и настолько сильна в марксистском диалектическом материализме, что может вступить в теоретический спор с членом КПСС и так его запутать, что он начнет кусать собственный хвост.)

— Они утверждают, — ответила она, — что после войны население страны составляло около двухсот миллионов, а в Москве жило четыре миллиона. Теперь, по их словам, в Союзе прибавилось еще двадцать пять

миллионов, а в Москве — миллион. — Она ненадолго задумалась. — Это ложь. И если только люди не плодятся, как тараканы, повсюду за пределами Москвы, то население страны после войны уменьшилось, а не увеличилось. Я не нашла ни единой семьи, где больше трех детей. В среднем в семье меньше двух детей. К тому же люди поздно женятся и выходят замуж. Роберт, в стране нет даже простого воспроизводства населения.

Она посмотрела на пустую реку.

— По моим оценкам, Москва не крупнее Копенгагена.

Мы останавливались во многих других городах — Алма-Ате, Ташкенте, Самарканде, Минске, Вильнюсе, Киеве, Риге, Ленинграде и других — и везде она продолжала мягкие расспросы, но так и не нашла оснований изменить прежнее мнение. Даже в мусульманских странах Туркестана рождаемость оказалась низкой, так следовало из ответов. Она не записывала цифры (так я, по крайней мере, думаю, я ее предупредил), но память у нее прекрасная... когда она может избавиться от ненужных подробностей, на что я сам не способен.

Как русские получили возможность утверждать, что Москва в семь раз больше, чем на самом деле? Может такое быть, что я прав, а весь мир ошибается? Всемирный Альманах дает те же цифры, что и русские, все информационные агентства вроде бы не возражают против данных о населении страны — как могла настолько Большая Ложь остаться незамеченной?

Примерно год назад мне подвернулась возможность обсудить это со своим старым сослуживцем, теперь отставным адмиралом. Я спросил его, сколько человек живет в Москве.

— Не знаю, — ответил он. — Почему бы тебе не посмотреть в справочнике? (Когда начальство отвечает «Не знаю», это может означать «Отстань и смени тему». Но я не отставал.)

— Попробуй прикинуть. Хотя бы примерно.

— Ладно. — Он закрыл глаза и несколько минут молчал. — Семьсот пятьдесят тысяч, не более.

(В точку!)

— Мистер Ноль-Ноль-Семь, — сказал я, — ты что, специально изучал Россию? Или мне не следует спрашивать?

— Вовсе нет. У меня на службе и так забот выше головы, только России мне еще не хватало. Я просто решил задачу методом логистики, как нас учили в военном училище. Но мне пришлось сперва мысленно представить карту города. Шоссе, реки, железные дороги, размеры сортировочных станций и прочее. Сам знаешь. (Да, я примерно представил, но я не кончал военное училище, в отличие от него.) Этот город обладает такой транспортной сетью, что крупнее он быть просто не может. Если в него набить более трех четвертей миллиона, они начнут голодать. Они не могут пойти на риск и увеличить население, пока не удвоят число дорог и размеры сортировочных станций. За ночь такое не сделаешь. Кое-что можно подвезти по реке, но водных путей нет там, где потребность в них больше всего.

Вот вам и результат. Или мы все трое сумасшедшие, хотя и получили один и тот же ответ на числовую задачку, решенную тремя разными, но логическими методами... или кремлевская фабрика лжи уже многие годы выдает свою самую большую и фантастичную «Pravdu», не получая ни единого вопроса.

Судите сами — и Пентагон, и Государственный департамент совершенно точно знают, насколько велика Москва, и Кремль знает, что они это знают. Мы четыре года снимали их высоко летающими U-2; можно поспорить, что Москву несколько раз тщательно фотографировали. Наши космические Небесные Глаза теперь настолько зоркие, что уже почти могут прочесть номер вашей машины; наше верховное руководство давно решило московскую логическую задачку — и каждому экономисту известно, что единственный параметр, строго ограничивающий верхний предел размера города, это число тонн пищи, которое можно в него доставить в течение недели. Почти во всех больших городах запасов всего на день-два, не пройдет и недели, как начнутся голод и паника.

А Москва даже не морской порт, а речной, к тому же не из лучших. И большую часть пищи в нее должны доставлять по суше поездами или грузовиками.

Быть может, с 1960 года ситуация с транспортом и улучшилась, но в 1960 году необходимого количества транспорта попросту не имелось. А раз я не могу поверить в пять миллионов 1960 года, то не верю и в семь миллионов в 1979.

Есть у меня одна безумная теория. Возможно, наш Государственный департамент не видит выгоды называть их по этому поводу лжецами. Вот уже несколько администраций проявили чрезвычайную осторожность, лишь бы не задеть их чувства. На мой взгляд, они совершили ошибку... но я не президент и не государственный секретарь; мое мнение неважно и может оказаться ошибочным.

(«А король-то голый», — сказал ребенок.)

ЯЩИК ПАНДОРЫ

Когда этот ящик открыт, закрыть его уже нельзя. Но вслед за роем бесчисленных Несчастий из него вылетает и Надежда.

Научная фантастика — не пророчество. Она часто производит такое впечатление, когда ее читаешь; и действительно — те, кто подвизается в этом двусмысленном жанре (каламбур сознательный, но повторять его не буду), обычно прилагают максимум усилий к тому, чтобы их истории производили впечатление реальных картин будущего. Пророчеств.

Пророчествами занимаются метеорологи, игроки на бегах, консультанты на фондовой бирже и предсказатели, читающие будущее по вашей ладони или проникающие взглядом в магический кристалл. Каждый из них предсказывает будущее — иногда точно, иногда — путаным, туманным и напыщенным языком, а иногда просто заявляяя о некой статистической вероятности. Но всегда на полном серьезе произносится, что с определенной области будущего сдернут покров тайны.

Авторы научной фантастики не имеют к этому ни малейшего отношения. Фантастика почти всегда расположена в будущем — или, по меньшей мере, в вероят-

---

Pandora's Box, 1952

ном, воображаемом будущем — и почти неизменно глубоко озабочена обликом этого будущего. Но ее метод отнюдь не предсказание; это обычно экстраполяция и/или предположение. И в самом деле, от автора вовсе не требуется (и он обычно так и поступает), чтобы воображаемое «будущее», о котором он решил написать, состояло целиком из событий, которые почти наверняка осуществятся; его цель может не иметь ничего общего с *вероятностью* осуществления событий, запечатленных им на бумаге.

«Экстраполяция» для писателя означает почти то же самое, что и для математика: изучение тенденции, то есть продолжение математической кривой, пути или тенденции в будущее. Берется текущее направление, и прежний *вид* этой кривой сохраняется и далее. Например, если прежде тенденция имела вид синусоиды, то и в дальнейшем ее изображают синусоидой, а не гиперболой, не спиралью, и уж *совершенно точно не* касательной.

«Спекуляция», то бишь предположение, да автору, по сравнению с экстраполяцией, гораздо больший простор. Она начинается с вопроса «Что, если?» — и новый фактор, запущенный в систему при помощи этого вопроса, может одновременно оказаться как совершенно невероятным, так и настолько революционным, что запросто превратит прежнюю синусоиду (или любую другую тенденцию) в нечто неузнаваемо другое. Что, если маленькие зеленые человечки приземлятся на лужайке перед Белым домом и пригласят нас вступить в Галактический союз? Или же то будут большие зеленые гуманоиды, которые нас поработят и станут пожирать? Что, если мы решим проблему бессмертия? Если Нью-Йорк действительно останется без воды? Да не так, как при нынешней умеренной нехватке питьевой воды, с которой справляются столь же умеренными контрмерами, — можете ли вы себе представить, как линчуют человека, зря потратившего кубик льда? Проживая, как сейчас, в штате (Колорадо — 1965), где имеется только два вида воды, слишком мало и слишком много, мы как раз отметили окончание семилетней засухи дождиком, налившим за два часа семь дюймов воды, и каждое из этих двух природных явле-

ний не менее ужасно, чем другое, — я испытываю ужас, смешанный с восхищением, читая «Мир Дюны» Фрэнка Херберта, «День, когда высох Нью-Йорк» Чарльза Эйнштейна и истории о наводнениях, подобных библейскому, вроде «Потопа» С. Фоулера Райта.

В большинстве научно-фантастических произведений используется и экстраполяция, и спекуляция. Возьмем, к примеру, мой рассказ «Взрыв всегда возможен». Он был написан в 1939 году, в минимальной степени дополнен для книжной публикации сразу после второй мировой войны вставкой слов вроде «Манхэттенский проект» и «Хиросима», но не переписан, и входит в группу рассказов, опубликованных под претенциозным общим названием «История будущего» (!) (это название придумал редактор, но *не я*!), — и явно производит впечатление пророчества.

Я отвергаю любые обвинения в пророчестве; рассказ был написан с единственной целью заработать деньги для выплат за дом и с единственным намерением развлечь читателя. Как пророчество этот рассказ не стоит и ломаного гроша — любой бойскаут-новичок может раскритиковать его в пух и прах, — но, по моему мнению, он еще сохраняет развлекательность как *рассказ*, иначе я не включал бы его в книгу; у меня есть профессиональная репутация, которую нужно оберегать, и желание продолжать зарабатывать деньги. Кстати, я ничуть не стыжусь последнего. Очень малая доля современного литературного наследия появилась на свет исключительно благодаря желанию «творить искусство»; большая же часть написанного, как великого, так и серенького, имеет первопричиной потребность в деньгах в сочетании с отвращением к тяжелому «честному труду» или нежеланием им заниматься. Писательство зачастую предлагает законный и относительно честный способ решения такой дилеммы.

Писатель-фантаст может иметь, и часто имеет, другие побуждения, *кроме* стремления заработать. Он может желать творить «искусство ради искусства», пытаться отвратить весь мир от пути, который считает опасным («1984» Оруэлла, «Прекрасный новый мир» Хаксли; но прошу отметить, что оба произведения весьма развлекательны и каждое принесло автору немало денег), может страстно хотеть направить человечество

на тот путь, который полагает для него желанным («Глядя назад» Беллами, «Люди как боги» Уэллса), может желать поучать, развлекать или даже поражать блеском своего ума. Но писатель-фантаст — и вообще *любой* писатель — никогда не должен забывать о том, что в первую очередь он обязан читателя развлекать... или же снова окажется бродягой со старой котомкой за плечами.

Если он в этом преуспеет, его рассказы наверняка останутся захватывающе развлекательными еще долгие годы после того, как окажутся ложными «пророчествами». Герберта Уэллса, вероятно, можно назвать величайшим фантастом всех времен, а его самые знаменитые фантастические произведения были написаны примерно шестьдесят лет назад (то есть около 1895 года)... буквально из-под палки. Прикованный к постели чахоткой, не в состоянии удержаться на любой с трудом найденной работе, без гроша в кармане и обязанный платить алименты, он был просто *обязан* как-то зарабатывать деньги, и из всех доступных ему работ писательство было самой тяжелой. Он ясно сознавал (смотри его автобиографию), что должен развлекать читателя, чтобы остаться в живых, и результатом стал целый поток великолепных произведений о будущем — лучше их, пожалуй, ничего и не написано. Как пророчества все они безнадежно устарели... ну и что с того? Они захватывают современного читателя ничуть не меньше, чем в «Блистающие девяностые» или «Лиловое десятилетие».

Попробуйте раздобыть его роман «Когда спящий проснется». Техника в нем изображена очень изобретательно — и ни к черту не годится. Будущее великолепно — но так и не наступило. И все это совершенно не портит сам роман; это великолепное повествование о любви, принесенных жертвах и леденящих кровь приключениях, базирующееся на основе масштабных предположений о природе Человека и его Судьбе. Впервые я прочитал его в 1923 году и перечитывал с тех пор десяток раз... и продолжаю перечитывать до сих пор всякий раз, когда ощущаю неуверенность в своих способностях справиться с малопривлекательным процессом написания прозы ради развлечения совершенно незнакомых мне людей, — и всякий раз при

чтении романа Уэллса меня заново охватывает восхищение.

Моя повесть «Никудышное решение», опубликованная в этой книге, сознательно написана «под Уэллса». Нет-нет, я вовсе не утверждаю, что по качеству она достойна Уэллса, — о качестве судить вам, а не мне. Но написана она по методу, предложенному Уэллсом для подобных произведений: примите одно, только одно базовое новое предположение, а потом изучите все вытекающие из него последствия — но выразите эти последствия с точки зрения людей. В качестве предположения я выбрал «абсолютное оружие» и поразмыслил о том, какие изменения оно вызовет в судьбе человечества. Зато «история», описанная в рассказе, просто-напросто не воплотилась в реальность.

Однако проблемы, обсужденные в повести, свежи и сейчас, спорные вопросы столь же остры, потому что угрюмым фактом остается и то, что мы не отыскали даже «никудышного» решения проблемы Абсолютного Оружия; у нас нет *никакого* решения.

За годы, прошедшие после написания повести (в 1940 году) ситуация в мире стала намного хуже. Вместо одного Абсолютного Оружия мы теперь имеем по меньшей мере пять его различных типов — по определению, «абсолютным оружием» называется такое, против которого нет эффективной защиты и которое убивает все без разбора на обширной территории. Известно, что самым ранним из пяти этих типов, атомной бомбой, сейчас обладает по меньше мере пять стран, и еще не менее двадцати пяти имеют потенциал изготовить его за несколько последующих лет.

Но возможен и шестой тип. Не так давно в этом году (в 1965 — Р.Х.) я побывал на семинаре в одной из новых американских «фабрик мозгов». Одним из обсуждавшихся там вопросов был такой: может ли быть в принципе построена «бомба Судного дня», то есть единственное оружие, способное уничтожить всю жизнь любого вида на это планете; *одна* бомба, а не ядерные холокосты, для которых требуются сотни тысяч МБР? Речь шла о «сокрушителе миров» типа того, что использовал Е.Е. «Док» Смит в своих межзвездных сагах в те времена, когда на обложках НФ журналов красовались

пучеглазые монстры, а сама фантастика считалась низколобым, примитивным и высосанным из пальца чтивом.

Участники семинара согласились в следующем: может ли быть создана «машина Судного дня»? Да, несомненно. Сколько она будет стоить? Совсем недорого.

Так что в седьмом типе вряд ли возникнет необходимость.

После таких утверждений угрюмость и мрачность «Никудышного решения» начинают больше смахивать на книжку про страну Оз, в которой все жуткие напасти, обрушивающиеся на героев, всегда заканчиваются счастливо.

«Прожектор» представляет собой почти чистую экстраполяцию, там почти нет предположений. Описанные в нем устройства или уже лежат на полке, воплощенные в металле, или вскоре на ней окажутся, потому что для их создания не требуется ничего, кроме обычного технического прогресса. Противоположным примером служит «Линия жизни» (мой первый рассказ), произведение чисто спекулятивное и или невозможное, или весьма маловероятное, поскольку постулат «что, если» не будет решен — по-моему. Надеюсь. Но оба рассказа очень схожи в том, что ни один из них не зависит ни от времени написания, ни от времени прочтения. Оба независимы от некоего конкретного исторического момента; они безвременны.

«Свободные люди» — еще один пример безвременного рассказа. При прочтении он кажется еще одним произведением на тему «после взрыва», но это не так. Хотя номинально местом действия являются Соединенные Штаты, а время (судя по техническим деталям) сдвинуто в недалекое будущее, можно, всего лишь изменив имена и географические названия, вставив другое оружие и технику, переместить действие этого рассказа в другую страну, в любое время — прошлое или будущее, — или даже на другую планету, населенную инопланетянами. Но в сюжете полагается обозначать место и время, поэтому я написал его таким, какой он есть.

«Ящик Пандоры» был оригинальным названием статьи, подготовленной и написанной в 1949 году для публикации в 1950 году, в конце полувека. Но непости-

жимы пути редакторские: статья появилась под названием «Куда идем?» и представлена как научное пророчество на тему 2000-го года, каким он видится из 1950-го. (Да, я согласен, что писатель-фантаст должен избегать марихуаны, пророчеств и заказных произведений с оплатой при сдаче — но меня сумели искусить мягким шелестом.)

Наш нынешний редактор (1965) решил использовать эту статью, но намекнул, что ее неплохо бы освежить. Авторам, которые желают публиковаться и дальше, следует внимательно прислушиваться к редакторским намекам даже в том случае, если, по их мнению, редактор слишком долго просидел на солнце с непокрытой головой; я согласился.

И перечитал «Куда идем?» и обнаружил, что наш редактор, несомненно, прав: статью следует освежить. По меньшей мере.

Но в конце концов я решил не утаивать собственные промахи и ляпы. На последующих страницах вы прочтете в неизмененном виде все мои предсказания пятнадцатилетней давности. Но кое-где по всей статье я вставил знаки примечаний — их вы найдете в конце текста, написанного в 1950 году, и там я привлекаю внимание к своим промахам, по возможности извиняюсь за них и тут же поясняю, почему любой, даже сам Нострадамус, сделал бы ту же самую ошибку. В некоторых случаях я увиливаю от прямого ответа или выпекаю новенькие предсказания, осторожно относя их исполнение настолько далеко в будущее, сколько мне, вероятно, не прожить... а кое-где и радостно кудахтаю из-за сбывшихся предсказаний. (Дополнение 1979 года: я интерполировал более поздние комментарии и пометил каждый пункт: 1950, 1965 или 1980.)

Итак...

КУДА ИДЕМ?

Фантастика по большей части состоит из крутых историй о приключениях в космосе, атомных войнах, нашествиях инопланетян и тому подобного. Все это очень здорово, но сейчас мы сделаем перерыв и взглянем на обычную домашнюю жизнь через пятьдесят лет.

Если оставить в стороне кофейную гущу и прочие магические средства, единственный способ погадать о *будущем* заключается в изучении *настоящего* с точки зрения *прошлого*. И прежде чем попробовать отправиться к вашим внукам, давайте вернемся на половину столетия и нанесем визит вашей бабушке.

1900 год: президент сейчас Мак-Кинли, и аэроплан еще не изобретен. Постучим в дверь этого дома — украшенного орнаментом, с окнами-витражами и куполом.

Хозяйка дома открывает дверь. Вы узнаете ее — это ваша бабушка, миссис Среднийкласс. Она почти такая же пухленькая, какой вы ее помните, потому что, выйдя замуж, «набрала немного здорового веса».

Where To? 1950-1979

Она приглашает вас войти и угощает кофе с булочками, только что испеченными в ее современной кухне (вода в кране с подкачкой от ручного насоса и лучшая модель угольной печи из производимых в Питтсбурге). Все в ее доме самое современное: фарфоровая посуда с ручной росписью, сувениры с Колумбийской выставки, портьеры из бусинок, начищенные до блеска отопительные котлы в подвале, газовое освещение, телефон на стене.

Ванной в доме нет, но хозяйка и мистер Среднийкласс уже подумывают об ее установке. Мать вашей бабушки называет эту идею чушью, но сама бабушка шагает в ногу со временем. Она сторонница реформ в одежде, носит только одну нижнюю юбку, моется дважды в неделю, а ее корсеты имеют гарантию против ржавчины. Известно, что она симпатизирует движению за равноправие женщин, но только когда поблизости нет мистера Среднийкласс.

Тем не менее вы обнаруживаете, что общаться с ней трудно. Давайте прыгнем обратно в настсящее и попробуем снова.

Автоматический лифт поднимает вас на девятый этаж, а нужную дверь мы выбираем по номеру, это единственный способ отыскать ее среди прочих.

Что вы сказали? Не трудитесь звонить? Почему? Ах, да, это же *ваша* дверь, и вы прекрасно знаете, что за ней находится...

Прекрасно, тогда перенесемся на пятьдесят лет в будущее и попробуем заглянуть в еще один дом среднего класса.

Дом находится в пригороде, не далее двухсот миль от города. Пока такси приземляется, вы успеваете разглядеть место, куда направляетесь, — тесную группу полусфер, напоминающую домики, которые Дороти увидела в стране Оз.

Вы направляете такси обратно в ангар и входите в вестибюль. Стучать или звонить не приходится. Экран предупредил хозяев о появлении посетителя еще раньше, чем вы приземлились, и за прозрачным окошечком автоматического дворецкого уже светится надпись: «ПРОДИКТУЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, СООБЩЕНИЕ».

Но, не успев повернуться к микрофону, вы уже слышите голос хозяйки: «О, это вы! Заходите, заходите». Приходится немного подождать, пока хозяйка подойдет к двери. Дворецкий передал ваше изображение на экран во внутренний дворик, где она читала и загорала, а также донес до вас ее ответ.

Она слегка задерживается за дверью, разглядывает вас через стекло с односторонней прозрачностью и слегка хмурится; ей известно ваше старомодное неодобрительное отношение к привычке ходить дома обнаженным. Все же по доброте своей она нарушает совет семейного психиатра и, прежде чем подать сигнал открыть дверь, накидывает на себя халатик.

Психиатр был прав: тем самым вы сразу попали в один класс с незнакомцами, торговцами и прочими лицами, не входящими в интимный круг семьи. Но раздражение придется спрятать; вы не можете возражать против того, что она оделась, раз все время фыркали из-за того, что она этого не делала.

Зачем ей, собственно, носить дома одежду? Дом чист — не чист более или менее, а *чист* — и комфортабелен. Пол теплый даже для голых пяток, внутри нет ни неприятных сквозняков, ни холодных стен. Весь попадающий в дом воздух очищается от пыли. Текстура полов, кушеток или стульев приятна для обнаженной кожи. Стерилизующие ультрафиолетовые лампы освещают каждую комнату, когда в ней никого нет, а несколько раз в день искусственный «смерчик» сдувает со всех поверхностей домашнюю пыль и выносит ее наружу. Такие автоматические услуги не раздражают, потому что отключаются всякий раз, когда датчики обнаруживают в помещении некоторую массу, нагретую до температуры тела.

Такой дом может быть немного неряшливым, но только не грязным. Пять минут, чтобы расставить вещи по своим местам, пара взмахов тряпкой, стирающей отпечатки детских пальцев на мебели, — и с дневной уборкой покончено. Наша хозяйка часто (причем чаще, чем во времена Мак-Кинли меняли простыни) меняет покрывала на всех поверхностях, где в доме сидят, и выбрасывает старые покрывала в мусоропровод. Операция проста: в каждом стуле или кушетке находится

рулончик с годовым запасом пленки-покрывала. Пленку отматывают и закрепляют легким приглаживанием, она не скрывает ни текстуры, ни цвета мебели.

Вы проходите в гостиную, садитесь и упоминаете о том, какой сегодня прекрасный день.

— И верно, хороший, — отвечает она. — Пойдемте вместе позагораем.

Солнечный дворик по любым стандартам служит оправданием для того, чтобы сбросить одежду; она с благодарностью скидывает халатик и вытягивается на кушетке. Вы секунду мешкаете. В конце концов, она ведь ваша внучка, так почему бы и нет? Вы раздеваетесь быстро, потому что ботинки и уличную одежду уже оставили возле двери (только варвары ходят по дому в уличной обуви), а от оставшегося избавиться легко. Вашим бабушкам и дедушкам тоже приходилось привыкать к пляжам середины столетия. Им было не легче.

С другой стороны, их тела, в отличие от вашего, были старыми и морщинистыми. Триумфы эндокринологии, косметики, пластической хирургии и всевозможных способов ухода за фигурой таковы, что женщина от зрелости до старости внешне почти не меняется. Женщина в состоянии поддерживать свое тело настолько гибким и крепким, насколько пожелает, — и большинство желает сохранять форму. Это породило парадокс: за последние два с половиной столетия в Соединенных Штатах еще никогда не было такого процента людей в возрасте, и тем не менее создается впечатление, что такого количества красивых молодых женщин здесь тоже никогда не было.

(Не присвистывай, сынок! Это твоя бабушка...)

Половину сада занимает дворик для солнечных ванн с кустами, лужайкой, цветами и кушетками, а вторую половину — плавательный бассейн. День, хотя и солнечный, довольно холодный — но не в саду, а вода в бассейне далеко не ледяная. Кажется, будто сад находится на улице, но это не так: его накрывает купол из прозрачного пластика, надутый и подогнанный по размерам прямо на месте. Вы внутри купола, солнце снаружи, а сам пластик невидим.

Она приглашает вас на ленч, вы начинаете отказываться. «Ерунда! — отвечает она. — Я люблю готовить». Она отправляется в дом. Вы начинаете думать, не последовать ли за ней, но мартовское солнышко восхитительно приятно, к тому же вдали от города так расслабляешься... Вы отыскиваете переключатель на боковине кушетки, устанавливаете его на легкий массаж, и все ваши заботы начинают постепенно растворяться. Кушетка измеряет ваш пульс и дыхание; когда они замедляются, замедляется и она. Когда вы засыпаете, она выключается.

Хозяйка тем временем «надрывается у горячей плиты». Если точнее, она запустила селектор меню, и теперь он ищет вариант ленча из четырех блюд на 800 калорий. Это устройство работает по принципу случайного выбора, подобно игровому автомату, и хранит в своей памяти перечень продуктов из кладовой, который оно перебирает, пока не получит сбалансированное меню. Кое-кто из домохозяек утверждает, что кулинария тоже искусство, но наша хозяйка — одна из многих, кто с благодарностью установил у себя дома этот бесконечный источник новых меню. Сегодня выбор несколько ограничен, потому что в последний раз продукты закупались три месяца назад. Несколько вариантов хозяйка отвергает, но селектор терпеливо предлагает все новые и новые, пока ей, наконец, приходится по душе вариант, где в качестве главного блюда значится рыба, замаскированная под бараньи отбивные.

Хозяйка достает нужные продукты с полок или из морозильника. Все они уже обработаны, а некоторые готовы к употреблению. То, что еще требует тепловой обработки, она закладывает в... гм, ее «кухонный процессор», хотя она и называет его «плитой». Остается задать циклы обработки, нажать кнопки и подождать две-три минуты, пока еда не станет готова. За это время она проводит небольшую инвентаризацию кладовой.

Несмотря на столь сложную кухню, она питается не так хорошо, как ее прабабушка, — в мире слишком много людей и слишком мало акров земли.

Впрочем, неважно; поднос, который она приносит во дворик, плотно заставлен и великолепно смотрится. Когда он пустеет, у вас обоих появляется желание

снова вздремнуть. Проснувшись, вы замечаете, что пустые тарелки уже сожжены, а хозяйка «смывает усталость» в душевой. После сна вы немного вспотели и разгорячились, и решаете тоже воспользоваться кабинкой, как только она освободится. Душевая предлагает вам широкий набор услуг, но вы ограничиваетесь теплым душем, постепенно становящимся прохладным, сушите тело теплым воздухом, затем — короткий массаж, опрыскивание ароматной жидкостью и опудривание. Столь простое задание — оскорбление для талантливой машины.

Когда вы выходите, хозяин уже вернулся домой; он решил отдохнуть два дня от работы инженера и провел выходные на пляже с двумя сыновьями. Он целует жену, приветливо здоровается с вами и включает видео, настроив его на поиск и отбор нужных ему новостей, накопившихся за два дня. Жена отправляет мальчиков освежиться в душевую и спрашивает мужа:

— Хороший был день, дорогой?

— Движение было ужасным, — отвечает он. — Последнюю сотню миль пришлось идти на автоматике. В телефоне нет для меня сообщений?

— Разве ты не переключил его на себя?

— Нет. Не хотел, чтобы меня тревожили.

Он подходит к домашнему телефону, включает запись, прослушивает и решает, что ничего достойного внимания там не было. Но тут машина включается и отпечатывает сообщение; он отрывает листок и читает.

— Что там такое? — спрашивает жена.

— Телестат из Луна-Сити, от тети Джейн.

— Что она пишет?

— Так, пару строк. По ее словам, Луна — отличное место, она приглашает нас в гости.

— Это не по мне! — отвечает жена. — Ты только представь, каково сидеть взаперти в пещере с кондиционером.

— Когда тебе будет столько же лет, как и тете Джейн, моя милая овечка, и у тебя станет такое же слабое сердце, ты тоже отправишься на Луну и полюбишь ее. А низкой гравитацией пренебрегать не стоит — тетушка вполне может дожить и до ста двадцати даже с больным сердцем.

— А ты *сам* полетишь на Луну?

— Если потребуется и если смогу такое себе позволить. — Он оборачивается к вам. — Верно?

Вы обдумываете ответ. Жизнь все еще кажется вам прекрасной... но лестницы с каждым годом становятся все круче. А в малой силе тяжести есть своя привлекательность, пусть даже ради нее придется прожить остаток дней в санатории Гериатрического фонда на Луне.

— В гости слетать было бы весело, — отвечаете вы. — Оставаться ведь не обязательно.

Госпитали для стариков на Луне? Не говорите глупостей...

Но глупости ли это? Или логическое и необходимое следствие того мира, в котором мы сегодня живем?

У нас будут космические полеты, и не через пятьдесят лет, а гораздо раньше. Они уже дышат нам в затылок. Что же касается лунной гериатрии, то большинство из нас не пожалеет ни денег, ни усилий ради продления собственной жизни. Возможно, малая сила тяжести (на Луне она в шесть раз меньше земной) и не продляет жизнь, но *может* продлить — мы пока еще не знаем, — зато она, вне всяких сомнений, сильно облегчит жизнь в том неизбежном для каждого возрасте, когда необходимость перемещать свое одряхлевшее тело станет почти непосильной, или же в тех случаях, когда приходится пользоваться кислородной палаткой, облегчая работу изношенного сердца.

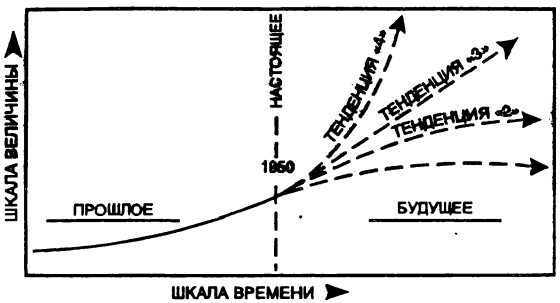
По законам пророчества такое предсказание скорее *вероятно*, чем невозможно.

Зато приборы и устройства, описанные выше, являются примерами *робких* пророчеств.

Каковы же законы пророчества, если они существуют вообще?

Взгляните на график. Сплошная кривая линия изображает все то, что произошло за последние пятьдесят лет. В нее включено многое — использование энергии, скорость транспорта, число научных и технических работников, достижения в области связи, среднее число миль, проезжаемое человеком за год, успехи мате-

матики. Это восходящая кривая знаний, можете назвать ее кривой человеческих достижений.



Как правильно продолжить эту кривую в будущее? Несмотря ни на что, существует упорная, базирующаяся на «здравом смысле» тенденция продолжить ее по пунктирной линии номер один — подобно тому, как некий чиновник патентного бюро сотню лет назад решил уволиться с работы, «потому что все уже успели изобрести». Даже те, кто не ожидает резкого замедления, склонны считать, что мы со временем достигнем точки максимума, после которой начнется спад (пунктирная линия номер два).

Очень отважные умы склонны предсказывать, что прогресс будет идти с прежней скоростью (пунктирная линия номер три).

Но правильным будет продолжить кривую по пунктирной линии номер четыре, потому что нет никаких оснований, математических, научных или исторических, полагать, что кривая сгладится, или достигнет точки максимума с последующим уменьшением, или просто пойдет по касательной. Судя по всем известным на сегодня фактам, кривая будет идти вверх бесконечно, причем с *возрастающей* крутизной.

Небольшие и робкие предсказания, о которых вы прочли выше, по сути относятся к первой, от силы ко второй кривой. Можете рассчитывать на то, что изменения за следующие пятьдесят лет окажутся как мини-

мум в *восемь раз* большими, чем за предыдущие пятьдесят.

Век Науки *еще и не начинался.*

АКСИОМА: то, что девять дней подряд воспринималось как чудо, на десятый день считается само собой разумеющимся.

АКСИОМА: предсказание, основанное на «здравом смысле», будет неизбежно ошибаться в сторону уменьшения.

АКСИОМА: чем более экстравагантно звучит предсказание, тем более вероятно, что оно окажется истиной.

Итак, давайте сделаем несколько смелых предсказаний будущего.

Некоторые из них окажутся ошибочными — но осторожные предсказания будут неверными *обязательно.*

1. **1950** Межпланетные путешествия ждут вас у порога — с доставкой на дом. Платите и летите.

1965 Теперь мы за них платим, и цена высока. Но, по причинам, понятным только бюрократам, мы почти прекратили разработку космического корабля с атомным двигателем, когда до успеха было уже рукой подать. Ничего, не мы, так другая страна его создаст. К концу столетия космические полеты станут дешевыми.

1980 Теперь, когда программа «Человек на Луне», базировавшаяся на кораблях «Аполло-Сатурн», завершена и стала историей, у нас в США есть только программа «космического челнока», страдающая от нехватки финансирования и на два года отстающая от графика.

Так что, космическим полетам конец? *Нет, потому что Соединенные Штаты не единственная страна на этой планете.* Сейчас неплохие шансы у Германии и Японии — многие страны уже поняли, что в космосе их ждут огромные богатства, осталось только прийти и взять. СССР, кажется, больше сосредоточен на военных аспектах, чем на космических полетах, а у Китая пока еще нет возможности выделить достаточные сред-

ства; но ни одну из этих стран нельзя сбрасывать со счетов; потенциал в обоих случаях имеется.

И не сбрасывайте со счетов Соединенные Штаты! Сегодня большинство наших граждан воспринимают космическую программу как некую обузу (совершенно не сознавая, что это одна из считанных федеральных программ, многократно себя окупивших). Но речь сейчас о том, что будет через двадцать лет, в 2000 году. Попробуем увидеть перспективу. Ровно тридцать лет назад Джордж Пэл, Ирвин Пайчел я и еще примерно человек двести снимали фильм «Место назначения — Луна». Отчетливо помню, что большинство работавших над фильмом людей воспринимали его как глупую фантазию, невозможность. Меня снова и снова тыкали в это носом, особенно если собеседник не знал, что я написал этот роман. (Поправка: написал первую версию сценария. Когда начались съемки, даже жена банкира переписывала диалоги.)

А реакция публики... Путешествие на Луну? Чушь!

Так было тридцать лет назад, в конце 1949 года.

Через девятнадцать лет и десять месяцев на Луну сел «Аполло-11».

Взгляните снова на кривые графика. В том, что касается космических полетов (а также промышленности, энергии и колонизации), мы скатились до жалкой кривой номер 1, но мы в состоянии за одну ночь вознестись обратно на четвертую кривую, *если до нашего президента и/или Конгресса* дойдет, что не одна, а *все* наши кризисные проблемы могут быть решены за счет эксплуатации космоса. Безработица, инфляция, загрязнение среды, энергия, истощение невозобновимых ресурсов — вот лакомый небесный пирог для нашей страны *и для всей планеты, включая страдающий от нищеты «третий мир».*

Я не буду пытаться доказывать свои слова здесь. Прочтите лучше книги «Третья промышленная революция» Гарри Стайна (1979) и «На шаг дальше» доктора Джерри Пурнела (1979) и примите мои заверения в том, что я знаю обоих авторов уже не менее двадцати лет, что у каждого из них многолетний опыт работы в аэрокосмической промышленности, каждый, кроме формального образования, продолжает исследования по

специальности, а главное — они истинные эксперты в этом вопросе.

От почти всеобщего неверия в космические полеты до посадки на Луну через двадцать лет... от объявленного президентом Кеннеди решения до отпечатка человеческой ноги на Луне всего через *семь* лет... а до конца столетия еще двадцать лет — мы еще можем перебраться на четвертую кривую (и разбогатеть) чуть ли не за ночь. К 2000 году у нас могут быть колонии О'Нейла в точках «Лагранж-4» и «Лагранж-5», обеспечивающие сами себя и экспортирующие энергию на Землю, передаточные станции на орбитах вокруг Земли и Луны, постоянная база на Луне, снабженная электрической катапультой, и дома для престарелых.

Я, однако, не уполномочен предсказывать то, что мы *можем* сделать, а лишь то, что с наибольшей *вероятностью* может свершиться к 2000 году.

Наша все возрастающая национальная робость и нарастающий антиинтеллектуализм, наше почти тотальное отсутствие интереса ко всему, что не приносит *прямой* и *немедленной* прибыли, развал системы общественного образования почти по всей стране (особенно в Нью-Йорке и Калифорнии) заставляют меня предсказать, что *наша космическая программа будет продолжать сокращаться.* Не удивлюсь (но чрезвычайно огорчусь), если программу «космического челнока» ликвидируют.

А тем временем другая нация или группа стран начнут эксплуатировать космос — промышленность, энергия, возможно, и колонии в точках Лагранжа, — и в какой-то момент, проснувшись, мы окажемся перед фактом, что нас обошли. Такое уже случилось с нами в 1957 году; нам пришлось наверстывать упущенное. Возможно, нам удастся этот повторить. Возможно...

Но денежную ставку на это я делать не рискну.

2. **1950** Противозачаточные средства и контроль над болезнями до такой степени изменят отношения между полами, что сменится вся социальная и экономическая структура нашего общества.

1965 Эта тенденция сейчас настолько более очевидна, чем пятнадцать лет назад, что у меня появляется искушение назвать ее свершившимся предсказанием. Мы повсюду видим огромные изменения в отношениях полов — старики называют их «моральным разложением», а молодежь не обращает на них внимания и воспринимает все, как должное. Вот некоторые характерные признаки: бестселлерами становятся книги вроде «Секс и единственная девушка»; ранее непечатные слова из трех и более букв можно встретить в романах и журналах; неологизм «свингер»* вошел в обиходный язык, а суды признают, что полная или частичная обнаженность уже является неотъемлемой частью культурных нравов. Но до конца еще далеко; эта революция пойдет гораздо дальше, а сейчас она лишь едва началась.

Самой трудной задачей для писателя-фантаста становится необходимость верно предугадать *вторичные* последствия, вытекающие из введения нового фактора. Многие верно предвидели появление безлошадных экипажей, у некоторых хватило храбрости предсказать, что ими будут пользоваться все, а лошади постепенно почти исчезнут. Но мне неизвестен ни один писатель, будь то прозаик или публицист, увидевший бы те огромные будущие изменения в обычаях американцев, имеющих отношение к ухаживанию и браку, причиной которых стал автомобиль, — те изменения, которые диафрагма и противозачаточные таблетки лишь подтвердили. Насколько мне известно, никому и в голову не приходили те изменения в сексуальных обычаях, которые вызвал к жизни автомобиль.

Уже сейчас существует некое новое устройство, которое окажется столь же революционным в какой-то другой области и столь же неожиданным. И вам, и мне известны и его название, и функции, но никто из нас не знает ни что это за устройство, ни каким окажется этот неожиданный эффект. Вот почему научная фантастика

---

* Слово swing означает «качаться, колебаться», так что смысл этого слова, не имеющего однозначного перевода, вполне понятен. (*Примеч. пер.*)

не пророчество и вот почему писательские предположения так приятно и писать, и читать.

1980 (Нет, я до сих пор не знаю, что это за революционное устройство — если только не компьютерная микросхема.) Сексуальная революция: она продолжает набирать темп — феминистки, гомосексуалисты; матери-одиночки, родившие вне брака, уже не вызывают неодобрительного удивления, в старых степенных университетах и колледжах незамужним парам позволяют в кампусах жить в одной комнате, групповые браки, «открытые» браки, несчетные мили «освобожденных» пляжей. Большая часть перечисленного может быть сформулирована одной фразой: что раньше скрывалось, теперь делается открыто. Но сексуальные отношения постоянно меняются, и новые из них еще не стали культурными нравами.

Но, как мне кажется, я вижу тенденцию, которая может оформиться к 2000 году. Расовая биологическая функция «семьи» заключается в защите детей и беременных женщин. Для обеспечения этой функции семейная организация должна вознаграждать также и мужчин... и я *не* имею в виду копуляцию. На эту тему есть старая циничная поговорка: «Зачем держать корову, коли молоко так дешево?» Брак должен предлагать супругам эмоциональный, духовный и физический комфорт, превышающий тот, которым пользуется живущий одиноко, если первичная функция выполняется.

(Уточнение: имеются индивидуумы обоего пола, предпочитающие жить одиноко. Это расовая самокоррекция.)

Традиционная американская семья (отец, мать, двое или трое детей) перестала приносить эмоциональное удовлетворение — если когда-либо приносила. Это порождение нашего времени: мобильность, контроль над рождаемостью, легкость развода. В начале нашего столетия традиционная семья состояла из отца, матери и от четырех до восьми детей... и, в свою очередь, была ячейкой расширенной семьи, включающей бабушек, дедушек, тетушек и дядюшек плюс двоюродных родственников, живущих неподалеку (а то и в одном доме), и такая структура обладала взаимной поддержкой. Если заболевал ребенок, на помощь приходила тетя Кора,

а тетя Эбби отводила остальных детей к себе домой. Смотри романы «Лилового десятилетия».

С увеличением мобильности и уменьшением числа детей такая расплывчатая структура расширенной семьи тихо и почти незаметно исчезла. Люди ощущали разве что тихую радость избавления от занудства двоюродных и прочих родственников, и потребовалось гораздо больше времени для осознания того факта, что преимущества такой структуры тоже исчезли.

Нас не ожидает возврат к расширенной семье того типа, что был характерен для XIX и начала XX столетия, но нынешнее бурление клубов свингеров, групповые браки, обмен партнерами и прочее вызваны, по моему мнению, отчаянными и почти подсознательными попытками возродить удовольствие, эмоциональный комфорт и взаимную безопасность, ранее присущие расширенной семье два и более поколения назад.

(Предсказание: к 2000 году или чуть позднее расширенные семьи нескольких видов станут более обычными, чем традиционные. Общей характеристикой различных типов семей станет возросшая безопасность детей, подкрепленная законно заключенными брачными контрактами.)

3. **1950** Наиболее важный военный факт этого столетия состоит в том, что не существует способа отразить атаку из космоса.

1965 Я твердо придерживаюсь этой точки зрения. Да, верно, мы сейчас работаем над системами «Найк-Зевс», «Найк-Х» и родственными им и планируем затратить на такие системы миллиарды — зная, что другие поступают точно так же. Верно и то, что можно сбить объект на орбите или на траектории полета. Тем не менее это предсказание не менее надежно, чем утверждение, что завтра взойдет солнце. Зенитный огонь никогда не мог остановить воздушные налеты, он просто сделал их более дорогими. Уязвимость от пребывания на дне глубокого «гравитационного колодца» очень велика, и гравитация в грядущие годы будет не менее критическим фактором, чем роза ветров в те годы, когда парусные корабли контролировали империи. Нация, контролирующая Луну, будет контролировать и Землю, но

в наши дни, кажется, никто не желает вслух произнести этот отвратительный факт.

1960 Я только что прослушал убедительный доклад о том, что СССР разработал лазеры гораздо лучше наших и что они способны «ослепить» наши наблюдательные спутники и, вероятно, уничтожить в полете межконтинентальные баллистические ракеты. Допустим, что эти слухи верны: они ни на йоту не изменят мою позицию 1950 года. Снарядами, запущенными с Луны на Землю, вовсе не обязательно должны быть водородные или любые другие бомбы. Им даже не нужно иметь форму ракеты. От них требуется только одно — массивность, потому что они войдут в атмосферу со скоростью примерно *семь миль в секунду*. Лазер, способный ослепить спутник и вывести МБР из строя до такой степени, что она не может взорваться, должен быть на порядок мощнее, чтобы распылить лунную глыбу размером с дом. Интересующихся подробностями отсылаю к моему роману «Луна — суровая хозяйка».

4. 1950 Совершенно невозможно, что Соединенные Штаты начнут «превентивную войну». Мы станем сражаться, если на нас нападут, или непосредственно, или на территории, которой мы гарантировали защиту.

1965 С 1950 года мы проделали это несколько раз и воюем во Вьетнаме как раз сейчас, когда пишутся эти строки. «Превентивная» же война кажется столь же маловероятной, и не имеет значения, кто живет в Белом доме. Вот новое предсказание: третья мировая война (в худшем случае, всеобщая война) не начнется по меньшей мере до 1980 года и с той же легкостью не случится и до 2000-го. Это очень приятное предсказание по сравнению с ситуацией в 1950 году, поскольку эти годы милосердия могут породить базовые факторы, которые (надеюсь!) отодвинут катастрофу на еще более долгий срок. Примерно в 1955 году мы были к ней *намного* ближе, чем сегодня, — по сути, гораздо ближе, чем во время Карибского кризиса 1962 года. Но народ этого не знал. Так или иначе, пока что ситуация благоприятна для выживания — и это прорыв ничуть не менее важный, чем совершили наши предки. В Лондоне 1664-1665 годов жить было намного опаснее, чем

в городе, которому сегодня угрожают водородной бомбой.

1980 Я вынужден изменить предсказание 1950 года следующим образом: больше нет уверенности, что мы станем сражаться, отражая нападение на территорию, которой гарантировали защиту; наше поведение по отношению ко Вьетнаму и Тайваню стало ясным предупреждением нашим союзникам по НАТО. И дело даже не в том, побывали ли мы во Вьетнаме или станем ли мы когда-либо союзниками китайских националистов. Я не знаю ни *единого* профессионального военного, допускающего даже мысль ввязаться в боевые действия на азиатском континенте; такая война станет для нас логической и стратегической катастрофой.

Но нарушить договор с союзником, *если он уже заключен*, означает подорвать доверие к нашей стране.

5. **1950** В течение пятнадцати лет проблема нехватки жилья будет решена за счет «прорыва» в новую технологию, которая сделает любой стоящий ныне дом примитивным, словно хижина.

1965 Тут я плюхнулся лицом в грязь. Никакого прорыва в строительстве жилья не произошло и даже не ожидается — в ходу все те же древние, расточительные технологии. Степень нашего отставания в этой области трудно даже вообразить; можете считать, что современного дома вы и в глаза не видели. Подумайте только, каким стал бы автомобиль, если бы каждый из них собирался на заказ из материалов, привезенных к вашему дому, — на что он был бы похож, какого качества и сколько бы он стоил. Ставьте цену не менее 100 тысяч долларов, а скорость не выше 10 миль в час, иначе не получите реалистичного сравнения о столетиях разницы жилищной и автомобильной промышленностями.

Я недооценил (хотя из благих побуждений) силу человеческого упрямства, что и оказалось фатальным для этого предсказания.

1980 Я все еще лежу, уткнувшись носом в грязь; ситуация даже хуже, чем прежде. Прочтите рассказ «Ее собственная ванная» в этом томе. А только что упоминавшиеся выше 100 тысяч долларов рассчитыва-

лись по курсу 35 долларов за тройскую унцию золота, так что замените их на миллион или на 2700 унций золота. Или забудьте о них вовсе. Суть в том, что, если бы мы строили автомобили так, как строим дома, у нас не получился бы даже рыдван на колесах.

У нас имеется технология постройки дешевых, красивых, эффективных, с гибкой архитектурой (по модульному методу) домов, весьма комфортабельных и долговечных, не хуже «роллс-ройса». Но я не в силах угадать, когда именно нынешние власти (местные бюрократы, профсоюзы, поставщики стройматериалов, руководство графств и штатов) позволят нам, своим бедным слугам, построить современные дома.

6. **1950** Время от времени мы будем немного голодать.
1965 Новых комментариев нет.
1980 Не обязательно. В 1950 году я слишком пессимистично оценивал рост населения. Теперь я подозреваю, что управляющим параметром является нефть. В современном сельском хозяйстве она стала решающим фактором — как источник энергии для фермерских машин (что очевидно), но также и в производстве удобрений и инсектицидов. Поскольку наши нефтяные политики в Вашингтоне тупы именно в той степени, на какую только способны, я понятия не имею, сколько пищи мы сможем производить в 2000 году. Но никто в США не будет в 2000 году голодать — если только нас не завоюют и не оккупируют.

7. **1950** Культ бредятины в искусстве исчезнет. Так называемое «современное искусство» станут обсуждать лишь психиатры.
1965 Новых комментариев нет.
1980 Право надеяться есть у каждого... Но искусство отражает культуру, а мир сейчас еще более сумасшедший, чем был в 1950 году. Наступили Безумные Годы. Утешает только одно: пока «тонкое» искусство продолжает смахивать на творения умственно отсталой обезьяны, коммерческое искусство непрерывно становится все лучше.

8. **1950** Фрейда назовут донаучным интуитивным пионером, а на место психоанализа придет ныне развиваю-

щаяся и изменяющаяся «операционная психология», основанная на измерениях и предсказании.

1965 Новых комментариев нет.

1980 Это предсказание начинает сбываться. Информированные люди Фрейда более всерьез не воспринимают. Все большее число профессиональных психологов приобретает практический опыт в прикладной математике, все больше молодых психологов начинает понимать индуктивную методологию и природу научного подтверждения результата и упорно пытается придать необходимую жесткость необыкновенно трудному, но пока еще весьма расплывчатому предмету своих исследований. О некоторых таких достижениях вы можете прочитать в книге доктора Пурнела начиная со страницы 325.

К 2000 году мы будем знать многое о том, как функционирует мозг... кстати, то немногое, что мы об этом знали в 1900 году, оказалось ошибочным.

Я не предсказываю, что главная загадка психологии — каким образом некоторое количество материи, организованное в определенную сложную структуру, начинает осознавать себя — будет решена к 2000 году. Надеяться я могу, но не ожидаю.

9. **1950** Рак, простуда и кариес будут побеждены; новой революционной проблемой в медицине станет достижение «регенерации», то есть дать человеку возможность отрастить новую ногу, а не снабжать его протезом.

1965 За это время был достигнут впечатляющий прогресс в трансплантации органов — а проблема регенерации к ней близка. Биохимия и генетика совершили не менее впечатляющий прорыв в «расшифровке генетического кода». Но это, однако, лишь начало, и пройдет еще немало времени, прежде чем будут составлены карты всех хромосом человека, и еще больше, прежде чем мы научимся «перекраивать» людей при помощи манипуляций с генами. Такая возможность есть — но не к 2000 году. Может, оно и к лучшему. Если у нас не хватает ума построить себе достойные человека жилища, то вряд ли мы достаточно умны, чтобы играть роль Бога, когда речь идет об архитектуре человека.

1980 Не вижу причин менять это предсказание, если вы позволите сделать кое-какие уточнения. «Простудой» в обиходе называют инфекции верхних дыхательных путей, вызываемые очень большим числом вирусов. А вирусы — еще те ребята. Против них можно приобрести иммунитет, к примеру, делают вакцинацию против оспы, то есть вирусного заболевания. Но химиотерапии, лекарств против вирусов практически не существует. Именно поэтому «простуду» сейчас лечат примерно так же, как и в 1900 году, то есть укладывают пациента в постель, обильно поят, дают аспирин для облегчения и накрывают теплым одеялом. То было стандартное лечение в 1900 году, оно остается стандартным и в 1980.

Вполне вероятно, что наш организм вырабатывает антитела против вирусов любой простуды, которую мы подхватываем. Но это не дает нам защиты против сотен родственников этого вируса, обитающих в любом аэропорту, театре, магазине или просто в щепотке уличной пыли. А пока родственники первого вируса развлекаются тем, что превращают вас в сопливую развалину, сам он претерпевает мутацию, а против нее в организме опять нет антител.

Хорошие новости: онкология (рак), иммунология, гематология и «простуда» оказались тесно связанными предметами; исследования во всех этих областях быстро развиваются, и реальный прорыв в любой из них может означать прорыв во всех остальных.

10. 1950 К концу этого столетия человечество изучит свою Солнечную систему. Будет строиться корабль для полета к ближайшей звезде.

1965 Редактор намекнул, что это предсказание чересчур оптимистично — но я стою на своем. До конца века еще целых тридцать пять лет. Давайте оценим перспективу: тридцать пять лет назад, в 1930 году, «Американское ракетное общество» еще не было основано. Еще одна кривая на графике, сходная по форме с той, что опубликована в этой книге, при экстраполяции намекает на то, что сверхсветовые скорости будут достигнуты как раз к 2000 году. Наверное, у меня не хватает храбрости, потому что я не предсказываю появление к тому времени сверхсветовых звездолетов,

если они вообще когда-либо появятся. Но само предсказание остается в силе.

1980 Мои деньги все еще лежат на столе, ставку я не снимаю. Сенатор Проксмайр не может жить вечно. За последние десять с половиной лет люди несколько раз побывали на Луне, значительная часть Солнечной системы тщательно исследована в пределах возможностей технологии «черного ящика», и даже до конца этого года поступит новая информация.

Увы, но исследовали ее не *люди*, а расстояния так велики. Конечно, они побывали в космосе... на околоземных орбитах. Но есть многочисленные предложения и проекты кораблей с постоянным ускорением (КПУ), проекты, требующие для осуществления только проведения научно-конструкторских работ и той технологии, которая уже имеется, — никаких технических прорывов.

Достаньте карманный калькулятор и прикиньте длительность полета на Марс и обратно, если ваш корабль летит с постоянным ускорением 0.1 g. Упростим задачу, предположив, что полет начинается с околоземной орбиты и там же заканчивается, траектории только прямые, а притяжение Солнца игнорируется — на Марс мы летим в гору, а на Землю спускаемся под гору; потерянное на разворотах выиграем на рывках.

От таких упрощенных расчетов Дэн Алдерсон, баллистик из «Лаборатории реактивного движения», может упасть в обморок. Но когда он придет в себя, то наверняка согласится, что полученный ответ будет необходимого порядка точности — а я всего лишь хочу доказать, что даже самое малое постоянное ускорение вносит огромную разницу в результаты полетов по Солнечной системе. (Потом, в двадцать первом веке, мы назовем это «Экономичным турне: десять планет за десять дней».)

Расстояние между Землей и Марсом непрерывно меняется, но мы выберем почти минимальное (глупо болтаться на орбите вокруг Марса примерно год, чтобы вернуться по кратчайшему пути... и еще глупее ждать многие годы, пока расстояние между планетами станет минимальным). Совершим полет в стиле Космического патруля: вот Марс, вот мы в ракете, полный вперед,

облетаем Марс и прямиком домой. Просто так, для тренировки.

Условия: ускорение свободного падения на Земле 980.7 сантиметров на секунду в квадрате. Марс в противостоянии или почти (Марс восходит, когда Солнце садится). Примем, что длина кругового полета около 120 миллионов миль. Если пожелаем дождаться самого малого расстояния между планетами, то сможем срезать путь до 70 миллионов миль... но ждать этого события придется лет семнадцать. Так что выберем компромисс, одно из малых противостояний, которое случается каждые 26 месяцев, и тогда расстояние от Земли до Марса составляет 50—60 миллионов миль, но никогда не превышает 64 миллиона.

(Когда Марс находится за Солнцем, можно совершить и живописный полет длиной более 500 миллионов миль — насколько именно «более», зависит от того, как легко к вам пристает загар. Советую выбрать не менее 700 миллионов.)

Теперь у вас есть все необходимые данные для расчета времени полета Земля—Марс—Земля на КПУ — любом КПУ, — когда Марс в противостоянии. (Если вы настаиваете на живописном путешествии, но не имеете права принимать траектории за условно прямые линии, а космос считать плоским — полет пойдет как бы слегка в гору. Для расчетов потребуются помощь Алдерсона или специалиста такого же уровня и *большой* компьютер, а не карманный калькулятор, а уравнения расчетов такие, что волосы встают дыбом.)

Нам понадобится только одно уравнение: скорость равна ускорению, умноженному на время полета: $V=at$.

Отсюда получается, что наша средняя скорость равна половине at, а из этого вытекает, что пройденный путь определяется как средняя скорость, умноженная на время.

Только помните еще о двух вещах: 1) путешествие состоит из четырех участков — разгон до середины пути, разворот и торможение; потом те же операции на обратном пути. Примем длину каждого из участков равной 30 миллионам миль, поэтому вычислим длитель-

ность каждого и умножим на четыре (Дэн, не хмурься, это же *приближенный* расчет).

2) Пользуйтесь одинаковыми единицами измерения. Если начали с сантиметров, считайте и далее в сантиметрах, если в милях, то и далее в милях. Четверть пути равна 30 миллионам миль, или 4.827 x 10 в 12-й степени сантиметрам.

И последнее: поскольку нам нужно именно время полета, преобразуем последнее уравнение таким образом, чтобы вы получили ответ на калькуляторе за одну операцию. Я уже сделал так много упрощений и отбросил столько мелких переменных, что буду рад получить ответ с точностью до двух значащих цифр.

Итак, если d/(0.5a)=t в квадрате, то t равно квадратному корню из d/(0.5a).

Вводим в калькулятор расстояние (d) 30 миллионов миль, делим на половину от 0.1g. Нажимаем кнопку квадратного корня. Умножаем на четыре. Мы получили время пути, выраженное в секундах, поэтому делим его на 3600, получаем в часах, делим еще на 24 и получаем в днях.

Тут вам полагается удивиться и начать искать ошибку. Пока вы этим занимаетесь, схожу возьму пива из холодильника.

Ошибки нет. Пересчитайте снова, на этот раз в метрической системе. Найдите справочник и проверьте уравнения. Ответ вы найдете чуть ниже, но пока в него не заглядывайте; мы поговорим о других путешествиях, которые вы сможете совершить в 2000 году, если говорите дома на японском или немецком — или даже английском, если Проксмайр и его приспешники не будут переизбраны.

Подсчитайте длительность того же пути, но только при ускорении в одну сотую g. При такой тяге я буду весить меньше собственных ботинок.

Гм-м! Получается, что один из ответов ошибочный.

Потерпите немного и на этот раз повторите вычисления для ускорения в одно g — того самого, что вы испытываете, лежа в кровати. (См. статью Эйнштейна, написанную в 1905 году.)

(Странно. Должно быть, все три ответа ошибочны.)

Потерпите еще немного. Давайте решим все три задачки снова, но для полета к Плутону — в 2006 году плюс или минус год. Почему именно в этом? Потому что сейчас Плутон нырнул внутрь орбиты Нептуна и не достигнет перигелия до 1989 года, а я хочу, чтобы он находился подальше — у меня в шляпе припасен кролик.

Плутон вынырнет обратно в 2003 году и в 2006 году будет (с точностью до пары миллионов миль) на расстоянии в 31.6 астрономических единиц (АЕ) от Солнца. Одна АЕ равна 92.9 миллиона миль, или 1.496 x 10 в 13-й степени сантиметрам.

Теперь посчитайте длительность полета туда и обратно (63.2 АЕ) с постоянным ускорением в одну, одну десятую и одну сотую силы тяжести. Свои труды мы посвятим Клайду Томбо — единственному живущему среди нас человеку, открывшему новую планету и затратившему на это месяцы кропотливого труда по изучению тысяч астрономических фотографий.

Некоторые полагают, что Плутон некогда был спутником другой планеты, и его малые размеры делают это предположение вероятным. Но *сейчас* это не спутник. Он и слишком велик, и слишком далек от Солнца, чтобы быть астероидом или кометой. Так что это планета — или нечто настолько экзотичное, что представляет собой еще более ценную добычу.

Плутон остается самым таинственным и самым интригующим небесным телом. Планета размером и массой с Марс, но очень далекая может и не представлять особого интереса... но представьте ее в роли заправочной станции. Во многих художественных произведениях и научных проектах говорится об использовании газовых гигантов и/или колец Сатурна как источников горючего. Но если Плутон состоит из метанового или водяного льда, замерзшего водорода или их смеси, то как источник горючего — обычного, ядерного или просто реакционной массы — Плутон имеет одно чрезвычайно важное преимущество перед газовыми гигантами: он *не* находится на дне ужасающе глубокого гравитационного колодца.

Кончили считать? Тогда посмотрите на таблицу.

Сравнение времени полета туда и обратно для различных величин постоянного ускорения

Земля—Марс—Земля	Ускорение	Земля—Плутон—Земля
4.59 дня	1 g	4.59 недели
14.5 дня	0.1 g	14.5 недели
45.9 дня	0.01 g	45.9 недели
145 дней	0.001 g	145 недель

Вот вам и кролик из шляпы. Вы уже заметили, что цифры длительности пути в обеих колонках совершенно одинаковы, только для Марса они означают дни, а для Плутона — недели, то есть для кораблей любой конструкции, но с постоянным ускорением Плутон *всего в семь раз* дальше, чем Марс, хотя расстояние до Плутона в милях *примерно в 50 раз* больше.

Я добавил еще пример для величины ускорения в одну тысячную силы тяжести, потому что сейчас (я пишу это в 1979 году) мы не знаем, как построить КПУ для долгих полетов при 1 g, 0.1 g и даже 0.01 g; третий закон Ньютона (из которого можно вывести все остальные законы реактивного движения) пока подрезает нам крылья. Но только временно. Есть еще и E=mc в квадрате, есть и несколько способов «питаться подножным кормом», набирая прямо в космосе необходимую реакционную массу. Наберитесь терпения, все это еще очень ново. Большинство из вас, читающих эти строки, доживет до появления кораблей, способных выдавать постоянно 0.1 g или даже больше, — и вы еще сможете провести отпуск в космосе — и скоро! Я, вероятно, до них не доживу, но *вы* сможете. (Я не жалуюсь, сержант, — я родился в век лошади с телегой, а дожил до того дня, когда увидел шагающих по Луне людей и прямую трансляцию с поверхности Марса. Я свою долю получил!)

Но если вас устраивает постоянное ускорение порядка 0.001 g, мы можем начать космический проект хоть сегодня, потому что уже имеется несколько спо-

собов постройки кораблей с таким ускорением — хотя бы со световым парусом.

Я предпочитаю говорить именно о таких, летящих под дуновением «солнечного ветра», потому что последний добавленный мною пример (0.001 g) показывает, что вся Солнечная система доступна нам *прямо сейчас и нет никакой необходимости дожидаться* 2000 года и разных технологических прорывов.

Десять недель до Марса... полет до Плутона и обратно на расстояние 31.6 АЕ за 2 года и 9 месяцев... или такой же полет до афелия Плутона, самой дальней известной нам точки системы (более удаленной, чем зимний дом комет).

Десять недель... пилигримам на «Мэйфлауэре» потребовалось девять недель и три дня, чтобы пересечь Атлантику.

Два года и девять месяцев — такой была в прошлом веке нормальная длительность коммерческого плавания для клипера, направляющегося из Бостона в Китай... а ведь купцы-янки после таких плаваний богатели.

Три года и двадцать пять недель — многовато для торговли с Китаем в XIX столетии... но никто и не захочет отправляться в столь длительный полет к Плутону, *потому что Плутон достигнет афелия лишь в 2113 году,* а *к тому времени* у нас будут корабли, которые смогут долететь до него (с постоянным ускорением и разворотом на середине пути) *за три недели.*

Прошу вас также отметить, что Англия, Голландия, Испания и Португалия создали империи планетного масштаба при помощи кораблей, у которых на дорогу туда и обратно уходило столько же времени, сколько уйдет у космического корабля с ускорением в 0.001 g. В открытом море или космосе важно не расстояние, а время. Все впечатляющие достижения наших астронавтов были достигнуты во время инерционных полетов, в невесомости, и потому могут быть приравнены к плаванию на плоту по Миссисиппи. Но даже самое малое постоянное ускорение превращает Солнечную систему в прибыльное коммерческое предприятие.

А теперь вернемся на Землю.

11. 1950 Ваш личный телефон будет настолько мал, что его можно будет носить с собой в сумочке. Домаш-

ний телефон станет записывать сообщения, отвечать на простые запросы и передавать изображение.

1965 Новых комментариев нет.

1980 Это предсказание оказалось тривиальным и робким. Оно по большей части уже сбылось, а остальное телефонные компании готовы предоставить уже сейчас, только за отдельную плату. В 2000 году, когда современные для того времени телефоны будут подключены к домашнему компьютеру (тогда они станут столь же привычными, как сейчас унитаз с бачком), у вас в распоряжении будет объемное головидение и стереозвук. Артур Кларк говорит, что это уничтожит большинство личных контактов в бизнесе. Я согласен с аргументами мистера Кларка, но возражаю против его выводов; для нас, потомков любопытных обезьян, замены личным контактам просто нет, мы ими наслаждаемся и заполняем ими духовные потребности.

Кроме того, деловые совещания частенько служат поводом побездельничать в рабочее время, а деловые конференции нередко одаривают нас кое-какими выгодами римских сатурналий.

Тем не менее я дожидаюсь головидеостереотелефонов, но от личных контактов *не* отказываюсь.

12. 1950 На Марсе будет найдена разумная жизнь.

1965 После всем известных удручающих фотографий человек, предсказывающий разумную жизнь на Марсе, смотрится довольно глупо. Но я не стану отказываться от своего мнения до тех пор, пока Марс не будет *тщательно* исследован. Пока что у нас нет представления — и данных — о том, насколько распространенной и разнообразной может оказаться жизнь в нашей Галактике; жизнь, которую мы *не* знаем, может развиться на планете *любого* сорта... и наши современные знания химии этого не отрицают. Речь-то шла о жизни такой, какой мы ее *знаем*, а она подразумевает земные условия окружающей среды.

Но если, по-вашему, мои слова выдают детское нежелание расстаться с мечтой о прекрасной марсианской принцессе до тех пор, пока меня к этому не вынудят, то я спорить с вами не буду — просто подожду.

1980 Фотографии, сделанные на Марсе спускаемыми аппаратами и их орбитальными коллегами, делают предсказание разумной жизни на этой планете еще более глупым. Но новые снимки и новые данные делают Марс еще более загадочным. И я упрямлюсь потому, что считаю жизнь вездесущей, — называйте это религиозным мнением, если хотите. Но помните о двух вещах: почти все дискуссии шли о жизни такой, какой мы ее знаем... а как насчет жизни, которой мы *не* знаем? И если марсиане жили в те времена, когда формировались эти изумительные каньоны и долины, то не укрылись ли они под грунтом, когда атмосфера начала становиться разреженной? На сегодня, несмотря на превосходные фотографии, у на есть лишь очень скудная информация; спускаемые аппараты сели на Марсе в местах, которые на Земле можно приравнять одно к Канадской тундре, а другое — к Антарктике. Едва ли этого достаточно для решения проблемы «есть ли жизнь на третьей планете Солнечной системы?»

(А есть ли разумная жизнь в Вашингтоне, округ Колумбия?)

Но если Марс на самом деле необитаем, то вскоре начнется такая земельная гонка, по сравнению с которой схватки из-за земельных участков в Оклахоме покажутся детскими шалостями. Поскольку в нашу жизнь входит E=mc в квадрате, *любое* частное земельное владение потенциально очень ценно; его можно приспособить под нужды землян. Уже столько опубликовано фантастики и серьезных научных статей на тему о том, как переделать Марс под наши нужды, что мне нечего к ним добавить, разве что следующее.

Энергия там не проблема. На таком расстоянии солнечный свет слабеет до 0.43% от максимальной величины на Земле — но Марс получает ее *целиком* и круглые сутки, за исключением периодов редких пыльных бурь. Для сравнения: максимум, что получает Филадельфия (и ей подобные места), едва достигает 0.35%, а пасмурные дни здесь нередки. Марсу даже не требуются солнечные электростанции на орбите; энергию дешевле добывать на поверхности.

Но не удивляйтесь, если японцы потребуют от вас очень высокую плату за право поставить их визу в ваш паспорт плюс предъявить депозит на оплату обратного

билета, или же, если вы попросите иммигрантскую визу, плата еще больше возрастет, а у вас еще попросят документ о владении нужной для колонистов профессией.

Потому что в Токио *есть* разумная жизнь.

13. **1950** Самыми обычными станут поездки со скоростью тысяча миль в час при себестоимости один цент за милю. Короткие поездки будут совершаться по вакуумированным подземным туннелям с огромной скоростью.

1965 Тринадцатое предсказание необходимо уточнить; тот цент, что я упоминал, был частью доллара 1950 года. Но наша валюта прошла долгий путь непрерывной инфляции, и ни одна нация в истории еще не заходила настолько далеко по этому пути, не достигнув взрывной фазы инфляции. Гамбургеры за десять долларов? Приятель, да мы приближаемся к гамбургеру за сто долларов... а то и круче: к гамбургеру только в обмен на что-то.

Но пока гамбургеров достаточно, это всего лишь мелкое неудобство, а не несчастье.

1980 Вынужден снова уточнить стоимость «цента». В 1950 году золото стоило 35 долларов за тройскую унцию; сегодня утром цена на Лондонской бирже была 374 доллара за унцию. На прошлой неделе мы с женой летали самолетом из Сан-Франциско в Балтимору и обратно. Мы не летели люксом и не пользовались никакими скидками, просто купили те билеты, что достались.

С учетом фактора инфляции, то есть 35/374, наши билеты стоили самую малость менее цента за милю в долларах *1950* года. С этого момента я лучше буду выражать цены в унциях золота или швейцарских франках, потому что даже Человек в Белом доме не подозревает об инфляции. Насчет тех подземных туннелей: к 2000 году возможно, даже вероятно. Но вряд ли их строительство начнут финансировать, пока доллар не стабилизируется — об этом весьма болезненном процессе правительство предпочитает умалчивать.

14. **1950** Главным направлением прикладной физики станет управление гравитацией.

1965 Это предсказание остается в силе. Но современная физика пребывает в состоянии радикальных изменений, и новые данные накапливаются быстрее, чем их удается переработать. Все гадают, куда мы идем, но чем более дикие предположения вы высказываете, тем больше вероятность того, что вы попадете в точку. Когда число «элементарных частиц» достигло половины списка «стабильных» химических элементов, зрителю уже нужна программка, чтобы не забыть имена актеров. На другом конце шкалы масштабов появились «квазары» — квазизвездные объекты; радиоастрономия сменила на месте лидера оптическую астрономию с ее телескопами, и мы уже несколько раз переписали картину Вселенной, всякий раз увеличивая и усложняя ее. Не знаю, какая теория появилась на этой неделе, но это к лучшему, потому что она все равно устареет, когда эти строки будут напечатаны. В 1950 году физика плазмы едва зарождалась, то же самое можно сказать и о физике твердого тела. Сейчас в физике Золотой век — и полная анархия.

1980 Основное предсказание не меняется. Физики, как теоретики, так и экспериментаторы, сейчас работают над природой гравитации настолько упорно, что через двадцать лет прикладная физика уже станет пытаться ею управлять. Но отметьте слово «пытаться» — до полного успеха путь может оказаться очень долгим. Если когда они его и добьются, результатом, вероятно, станет космический корабль, не являющийся ракетой, — и Галактика наша! (Если только мы не наткнемся на еще более умную, злобную и упрямую расу, которая нас убьет, поработит или съест — или сделает все сразу.)

Физика частиц: ситуация сейчас еще более запутанная, чем в 1965 году. Ученым теперь известно более 200 видов хадронов, «элементарных» тяжелых частиц. Чтобы избавиться от конфуза, была изобретена математическая конструкция под названием «кварк». Кварки, подобно мороженому, имеют на любой цвет и вкус... плюс спин, очарование, правду и красоту (или верх и низ вместо правды и красоты. Возможно, правда, в список не входит... только не шутите, пожалуйста, на этот счет, потому что физики не шутят, и я тоже).

Сложите вместе кварки, имеющие разные атрибуты, и вы получите (наверное) все 200 с лишком хадронов (а заодно в качестве премии и систему лептонов, то есть легких частиц).

Все это просто прекрасно... вот только никому до сих пор не удалось выловить ни единого кварка. Кварки, если они существуют, являются нам в виде кучки хадронов — и не как Бог на душу положит, а в соответствии с законами, присущими каждой из групп хадронов.

И вот появляется Кеннет А. Джонсон, доктор наук, получивший ученую степень в Гарварде в 1955 году, профессор физики Массачусетского технологического института (что однозначно причисляет его к группе ведущих физиков мира), со статьей («Scientific American», июль 1979 года, стр. 112), озаглавленной «Сумочная модель упаковки кварков», и в этой статье он утверждает, что кварки невозможно поймать именно потому, что они прикрыты некой вечной паранджой, и потому их невозможно увидеть даже в виде следа в детекторе частиц.

Я не собираюсь подшучивать над доктором Джонсоном; он очень умный человек и очень старался разъяснить этот трудный вопрос так, чтобы его поняли даже невежды вроде меня.

А пока советую вам дожидаться 2000 года, почитывая «Охоту на змеря» Льюиса Кэрролла. Информации у нас с избытком; глядишь, лет за двадцать картина упростится. Может быть...

15. **1950** В обозримом будущем мы не достигнем уровня «мирового государства». Тем не менее коммунизм с лица планеты исчезнет.

1965 Свое пятнадцатое предсказание буду упорно отстаивать.

1980 Продолжаю настаивать на первом предложении этого предсказания. Что касается второго, тут я могу извернуться, отметив, что на этой планете *ни одно* государство, называющее себя марксистским, социалистическим или коммунистическим, не смогло воплотить в жизнь систему, описанную в работах Карла Маркса и Фридриха Энгельса. И никогда не сможет. утопия Мар-

кса людям, какие они есть, попросту не подходит. Государство не «отомрет».

Но я не могу скрыть своей тревоги по поводу политических событий последних 15—20 лет. По меньшей мере две трети территории нашей планеты называют себя марксистскими государствами. Еще одна большая группа стран — военные диктатуры. Другая большая группа (включая Соединенные Штаты) — конституционные демократические республики, но они настолько нашпигованы социализмом («государство пособий»), что движутся к банкротству и краху.

Насколько я вижу сейчас, единственной причиной, способной вызвать коллапс марксистских государств за столь короткий срок, как двадцать лет, может стать завоевание и оккупация США Советским Союзом — и двадцать лет назад я считал вероятность такого события весьма большой. (Теперь, учитывая нынешнее трехстороннее противостояние, я стал большим оптимистом.)

Если нас оккупируют, коммунистический мир может довольно быстро рухнуть. Мы лет пятьдесят подпирали и поддерживали их (и частенько!), когда они оказывались в реальной беде.

16. 1950 Всеми самолетами будет управлять гигантская радарная сеть континентального масштаба, находящаяся под контролем многочисленных электронных «мозгов».

1965 Новых комментариев нет.

1980 Предсказание не снимается — хотя может оказаться лишь моими благими пожеланиями. Такая система была разработана более тридцати лет назад; Конгресс не станет ее покупать. Сегодня она обойдется еще дороже... а насущная потребность в ней возросла еще больше. Тот, кто побывал в башне управления перегруженного аэропорта или кабине коммерческого самолета во время взлета или посадки на такой аэродром, знает, что я имею в виду. Все наши аэропорты перегружены, но если вам приходилось прилетать или улетать из Сан-Диего или из Чикаго... к чему продолжать список? Самолеты у нас прекрасные... но вот методы управления воздушным движением по результату срав-

нимы с Манхэттеном, внезапно лишившимся всех светофоров.

Я продолжаю регулярно летать по двум причинам. 1) Мы с женой надеемся отойти в мир иной вместе после какой-либо аварии. 2) Рассмотрим альтернативы: поездом (тьфу!), автобусом (дважды тьфу!) и самому вести машину. Последний вариант хорош для небольших расстояний (насколько позволяют ОПЕК и Вашингтон), но хотя в молодые годы я пересек континент столько раз, что и счет потерял, сейчас я физически не в состоянии совершить такую поездку даже с шофером.

Но эту полностью автоматизированную систему управления полетами *следует* создать. Да, дорого — но во сколько вы оцените сотню погибших пассажиров с экипажем и современный авиалайнер? Компьютеры и радары сейчас настолько совершенны, что ни пилот, ни диспетчер не должны испытывать стресс при взлете и посадке; им нужно лишь быть настороже и готовыми при необходимости взять управление в свои руки, потому что даже над самыми совершенными машинами и оборудованием довлеет закон Мерфи. Но всеми рутинными (99.9%) взлетами и посадками должен управлять компьютер.

Если такая система вытеснит маленькие частные самолеты на отдельные или небольшие аэродромы, пусть будет так. Велосипедам не место на скоростном шоссе. Мне очень неприятно это говорить, потому что нет ничего приятнее полета на легком спортивном самолете.

(Об управлении полетами я говорю как более или менее человек искушенный. В 1948 году я на короткое время вернулся в авиапромышленность, чтобы изучить этот вопрос, а затем написал статью, названную в черновике «Глаз стоимостью миллиард долларов». Но промахнулся — ее до сих пор не опубликовали.)

17. **1950** Нашими основными источниками белка станут рыба и дрожжи. Говядина превратится в роскошь, а баранина вовсе исчезнет.

1965 С этим предсказанием я немного перегнул палку. В США голод не превратился в проблему, не станет он ею и к 2000 году, но во всем мире он *является* проблемой и сразу станет проблемой для нас, если нас

оккупируют... но до конца века это лишь отдаленная возможность. Между нашим нынешним статусом и оккупацией целый спектр политически и экономически возможных образов будущего, в пределах которого нам предстоит в большей или меньшей степени разделять всемирный голод. И проблема все возрастает. Можно ожидать, что к концу столетия нам придется кормить полмиллиарда американцев — и наши нынешние огромные избытки продовольствия обернутся балансированием на грани нехватки, даже если мы не отправим в Индию и тонны пшеницы.

1980 Сейчас получается, что население США к концу столетия составит около 270 миллионов, а не 500 миллионов. Я уже сорок лет вырезаю из газет статьи о демографии; все приведенные в них расчеты имеют одну общую черту: все они оказались ошибочными. Даже 270 миллионов могут оказаться слишком большой цифрой; сейчас наше население в основном растет по той причине, что пожилые люди дольше живут, а текущий уровень рождаемости недостаточен даже для замещения родительского поколения.

18. **1950** Человечество *не* уничтожит ни себя, ни «цивилизацию».

1965 Оставляю это предсказание в силе.

1980 И сейчас оставляю его в силе. Будут войны, мы станем участвовать в некоторых из них, не исключено и применение атомного оружия. Но того всеуничтожающего ядерного холокоста, какой описан во многочисленных НФ-произведениях, *не* будет. На это есть три причины: Соединенные Штаты, Советский Союз и Китайская Народная Республика.

Почему? Да потому что три самые сильные страны в мире (а каждая из них испытывает неприязнь к любой из остальных) ничего не приобретет и все потеряет в результате полномасштабного обмена ядерными ударами. Потому что в Кремле сидят не идиоты, да и в Пекине тоже.

Если любая другая страна — скажем, Израиль, Индия или Южная Африка — пойдет на отчаянный шаг и применит атомное или водородное оружие, то ее руководство, скорее всего, получит одновременно три теле-

фонных звонка, по одному от каждого из Большой тройки, и услышит лишь одну фразу: «У вас есть ровно три минуты, чтобы пойти на попятную. В противном случае мы вас уничтожим».

После второй мировой войны никто не предполагал, что наша безопасность будет зависеть от ссоры в Коммунистическом Интернационале — но это именно то, что произошло.

1950 Вот список того, что мы *не получим* скоро, если вообще когда-либо получим.

Путешествия во времени.

Полеты со сверхсветовой скоростью.

Передача материи «по радио».

Человекообразные роботы с человекоподобными реакциями.

Воспроизведение жизни в лаборатории.

Реальное понимание того, что такое «мысль» и как она связана с материей.

Научное доказательство существования личности после смерти.

Полное прекращение любых войн. (Мне это предсказание нравится не больше, чем вам.)

1950 Предсказание появления неких технических устройств — не более чем салонный фокус, которому может выучиться каждый, но только дурак возьмется предсказывать детали истории будущего (разве что в виде фантастических произведений с соответствующей пометкой); слишком уж тут много неизвестностей, а если даже многое известно почти наверняка, то нет метода для интеграции фактов в единое целое.

Даже делать предсказания об общих тенденциях развития техники в наше время весьма трудно. В областях, в которых до второй мировой войны открыто работал один человек, сейчас работает десять, но уже за завесой секретности. В стране может быть человек шесть, имеющих точное представление о том, что сейчас происходит в науке. *А может не быть и ни одного.*

Это уже само по себе тенденция. Многие ведущие ученые считают ее фактором не менее губительным

для нас, чем лысенковщина для русских. Тем не менее есть и совершенно очевидные тенденции, которые наверняка сделают грядущую эру в огромной степени более продуктивной и интересной, чем та отчаянная эпоха, через которую мы только что пробрались. Среди них следующие.

Кибернетика: Изучение связей и управление механизмами и организмами. Эта наука включает в себя восхитительные области механических и электронных «мозгов» — но не ограничивается ими. (Эти «мозги» сами по себе фактор, который ускорит технический прогресс примерно так, как его ускорила война.)

Семантика: Кажется, что эта область науки занимается лишь определением значений слов. Но это не так; это фронтальная атака на эпистемологию — другими словами, *как* мы знаем то, *что* мы знаем; сия тема прежде была вотчиной длинноволосых философов.

Новые инструменты математики и логики, такие, как исчисление утверждений, Булева логика, морфологический анализ, обобщенная симвология, недавно изобретенная математика всевозможных видов — нет места даже перечислить эти огромные области, но они дают надежду на прорыв во множестве других: медицине, общественных отношениях, биологии, экономике, да в чем угодно.

Биохимия: Исследования в области природы протоплазмы, химии ферментов, вирусов и т. д. дают надежду, что мы можем не только победить болезни, но и когда-нибудь поймем механизмы самой жизни. Через эти исследования, а также при помощи кибернетических машин и радиоактивных изотопов мы сможем со временем преодолеть и застой в химии. Сейчас это не научная дисциплина, а джунгли. Мы знаем, что химическое поведение элемента зависит от числа электронов на орбитах вокруг атомов, а химические свойства подчиняются схеме, называемой Периодическим законом. Нам мало что известно сверх этого, и то в основном найдено методом тыка, несмотря на масштабность и важность химической промышленности. Когда химия станет настоящей наукой, математические химики станут создавать новые материалы, предсказывать их свойства и указывать инженерам, как их изготовить, даже

не входя в лабораторию. До этого нам предстоит пройти еще *долгий* путь.

Нуклеоника: Нам еще предстоит узнать, как устроен атом. Атомная энергия? — да, она у нас будет в удобной упаковке — когда мы поймем структуру атомного ядра. Одна только наука о радиоизотопах сейчас больше, чем вся известная нам наука в 1900 году. И еще не решив эти проблемы до конца, мы, возможно, узнаем, как устроена Вселенная и *почему* именно так. Не говоря уже об огромных областях неизвестного, которые лучше обозначить как «????»

Некоторые физики сейчас используют две шкалы времени — Т-шкалу и *тау*-шкалу. Три миллиарда лет по одной шкале могут равняться ничтожно малому мгновению по другой — и тем не менее обе применимы по отношению к вам или вашей кухонной плите. Вот в какой анархии пребывает современная физика.

По этим причинам мы можем утверждать, что *Век Науки еще не начался.*

(Все еще 1950) Величайший кризис, который нам нужно преодолеть, — это не атомная бомба, не коррупция в правительстве, не наступающий голод, не моральный облик молодежи. Это кризис *в организации и доступности* человеческих знаний. Мы владеем огромной «энциклопедией», которая не упорядочена даже хотя бы в алфавитном порядке. Наши «карточки» разбросаны по полу и никогда не были сложены в надлежащем порядке. Ответ, который мы ищем, может оказаться погребенным где-то в этой куче, но чтобы отыскать в ней два уже известных факта, разместить их рядом и вывести из них третий, отчаянно необходимый факт, может потребоваться вся ваша жизнь.

Если хотите, назовите это Кризисом Библиотекаря.

Нам нужен новый «специалист», который вовсе не специалист, а синтетик. Нам нужна новая наука, которая станет идеальным секретарем для всех прочих наук.

Но вряд ли мы отыщем такого секретаря в ближайшее время, а пока ведутся поиски, нам предстоит перенести немало горя и страданий.

Предсказатели будущего всегда могут обеспечить себе постоянных клиентов, предсказывая то, что клиент хочет услышать... и совершенно не имеет значения, сбудутся ли эти предсказания. И наоборот, синоптиков частенько обвиняют в том, что погода плохая.

Сдерживайте себя.

В 1900 году на горизонте висело облачко не крупнее кулака — но впереди нас ждали хаос 1907 года, Первая мировая война, последовавшие за ней паника, депрессия, фашизм, Вторая мировая война, атомная бомба и Красная Россия.

Сейчас тучи скрыли все небо, а ветер, который перевернет мир, уже завывает вдалеке.

Период ближайшего будущего окажется самым грубым и жестоким за всю долгую и тяжелую историю человечества. Вполне возможно, нам предстоит худшая из всех мировых войн. Это может быть война с Марсом! И даже если отбросить эту фантастическую возможность, совершенно ясно, что безопасности вы не найдете нигде, разве что обрящете ее в глубинах своего духа.

А как же насчет картинки домашней роскоши и спокойствия миссис Среднийкласс в 2000 году?

Она пережила эти времена. Она выжила.

И высказанные выше перспективы не должны испугать вас, если ваши предки были на перевале Кровавый Нос, сражались под Геттисбергом или тряслись в фургоне по Равнинам. Вы и я живем здесь и сейчас потому, что в нас гены бесчисленных предков, которые сражались со смертью во всех ее видах — и побеждали ее. Мы крепки и упрямы. Мы выживем. Большинство из нас.

Мы перенесли предварительные стычки; главное событие надвигается.

Но оно не для маменькиных сынков.

Последней из ящика Пандоры вылетела Надежда — без которой люди умирают.

Надвигающийся ветер не уничтожит все, равно как Век Науки все не изменит. И еще долго после того, как первый звездолет улетит в неведомые дали, будут и

бездомные в Нью-Йорке, и молодые бычки в Техасе, а англичане — тут уж сомнений нет — будут пить в положенное время чай.

Послесловие, пятнадцать лет спустя (1965)

Не вижу причин менять любое из негативных предсказаний, следующих за пронумерованными позитивными. Все они по сути возможны; все они почти наверняка не сбудутся к 2000 году. Некоторые спорны в том случае, если термины выбраны так, чтобы повысить их утвердительность — к примеру, определения «жизнь» и «человекоподобный». Договоримся, что я не веду в первом случае речь об аминокислоте, а во втором — о машине, играющей в шахматы.

Предшественники синтетиков уже работают сейчас во многих местах. Должности у них могут называться по-разному, научные степени могут быть какими угодно — или вообще отсутствовать. Сегодня их называют «исследователями операций», иногда — «инженерами системного развития» или каким-либо промежуточным словом. Но все они люди, не принадлежащие ни к одной из научных дисциплин, системщики, а не специалисты, люди Нового Ренессанса. Тот самый информационный взрыв, что заставил большинство ученых опуститься до узкой специализации, создал необходимость, породившую этих новых не-специалистов. Пока что эта «неспециализация» пребывает во младенчестве, ее методология не разработана, результаты иногда тривиальны, и никто не знает, какое нужно образование, чтобы стать таким человеком. Но результаты их деятельности часто впечатляюще ярки — эти новые люди могут еще спасти нас всех.

Я оптимист. Я уверен в будущем Homo sapiens.

Впереди нас ждут тяжелые времена — но когда их не было? Человечество всегда «балансировало на грани». Водородные бомбы, коммунизм, расовые волнения, нехватка воды — проблемы одна другой хуже. Но проблемы не главные, а всего лишь преходящие.

У нас есть три главные и до сих пор не решенные проблемы: бурный рост населения, информационный взрыв и проблема правительства.

Проблемы перенаселенности имеют жуткую тенденцию разрешаться сами собой, когда их не решают рационально. Четыре всадника Апокалипсиса никогда не слезают с седел и готовы отправиться в путь. Проблема информационного взрыва сейчас решается по большей части кибернетиками и электронщиками, а не библиотекарями — и если решения далеко не идеальны, они, по крайней мере, лучше тех, которые принимал в такой ситуации ваш дедушка. Проблема правительства пока не решена ни «западными демократиями», ни «народными демократиями». (Любой, полагающий, что народ Соединенных Штатов решил проблему правительства, пользуется слишком короткой временной шкалой.) Народы мира вовлечены сейчас в долгую, очень долгую борьбу, конца которой не видно, и примеряют концепции одну за другой, подбирая лучшую; в этом конфликте миллионы уже погибли, и вполне возможно, что до 2000 года погибнут еще сотни миллионов. Но не все.

Предсказывая исход, я выражаю и свое мнение, и свое предпочтение. Но мое личное предпочтение по большому счету не имеет значения; то, что мы сейчас переживаем, является эволюционным процессом, в котором личные предпочтения учитываются в лучшем случае статистически. Биологи, в особенности экологи, ходят вокруг идеи о том, что естественный отбор и выживание самого приспособленного больше применимы к группам и тому, как они организованы, чем к индивидуумам. Нынешняя проблема решится на холодных условиях эволюционного выживания, и по ходу процесса обе противоборствующие стороны сделают изменения в структуре своей группы. Система, которая выживет, может называться «коммунизмом» или же «демократией» (последнее предположение мое), но в одном мы можем быть уверены: она не будет очень близко напоминать то, что имели в виду Маркс или Джефферсон. Впрочем, ее могут назвать и другим, равно неподходящим неологизмом; политические ярлыки редко бывают логичны.

Потому что сам Человек редко бывает логичен. Но я уверен в Человеке, и моя уверенность основывается на его прежних достижениях. Это существо злобное, завистливое, сварливое, алогичное, эмоциональное — и поразительно живучее. Религиозные лидеры верят в духовное спасение Человека; лидеры гуманистов склоняются к вере в его усовершенствование на пути тех усилий, которые ему предстоят, но я не стану оспаривать ни ту ни другую точку зрения. Моя уверенность в нашем виде уходит корнями в историю и покоится в равной степени как на так называемых человеческих пороках, так и на достоинствах. Когда забрала опущены, драчливость и самолюбие могут оказаться столь же полезными для выживания человеческой расы, как альтруизм, а эгоизм может оказаться более выгодной чертой характера, чем блаженное безрассудство. Не будь это правдой, эти «пороки» вымерли бы вместе с их носителями еще полмиллиона лет назад.

Я испытываю глубокую и непоколебимую уверенность в Человеке таком, какой он есть, несовершенном и зачастую не вызывающем симпатии, и еще большую уверенность в его потенциале. Какие бы трудности ни обрушивались на Человека, он с ними справится. И из алогичных предпосылок выведет подходящий ответ.

Последней из ящика Пандоры вылетает сверкающая, прекрасная — и вечная Надежда.

(1980 Не вижу нужды что-либо добавлять. Р. Х.)

Содержание

Странная история мистера Джонатана Хога

Странная история мистера Джонатана Хога, *пер. М. Пчелинцева* 7
Человек, который путешествовал слонами, *пер. И. Зивьевой* 148
«Все вы зомби...», *пер. А. Волнова* 169
Они, *пер. В. Гольдича* 186
Наш прекрасный город, *пер. И. Зивьевой* 206
Дом, который построил Тил, *пер. Д. Горфинкеля* 233

Расширенная Вселенная

Успешная операция, *пер. С. Трофимова* 261
Никудышное решение, *пер. В. Ковалевского, Н. Штуцер* 267
Что вытворяют с зеркалами, *пер. С. Трофимова* 326
Свободные люди, *пер. М. Левина* 352
Оркестр молчал, и флаги не взлетали... *пер. С. Трофимова* 381
Ее собственная ванная, *пер. И. Гуровой* 387
На склонах Везувия, *пер. С. Трофимова* 412
Клифф и калории, *пер. И. Гуровой* 421
Да будет свет, *пер. Д. Старкова* 434
Вне всяких сомнений, *пер. И. Гуровой* 453

Ящик Пандоры

Pravda значит «правда», *пер. А. Волнова* 469
«Интурист» изнутри, *пер. А. Волнова* 483
Ящик Пандоры, *пер. А. Волнова* 512
Куда идем?, *пер. А. Волнова* 519

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

В двадцати пяти книгах

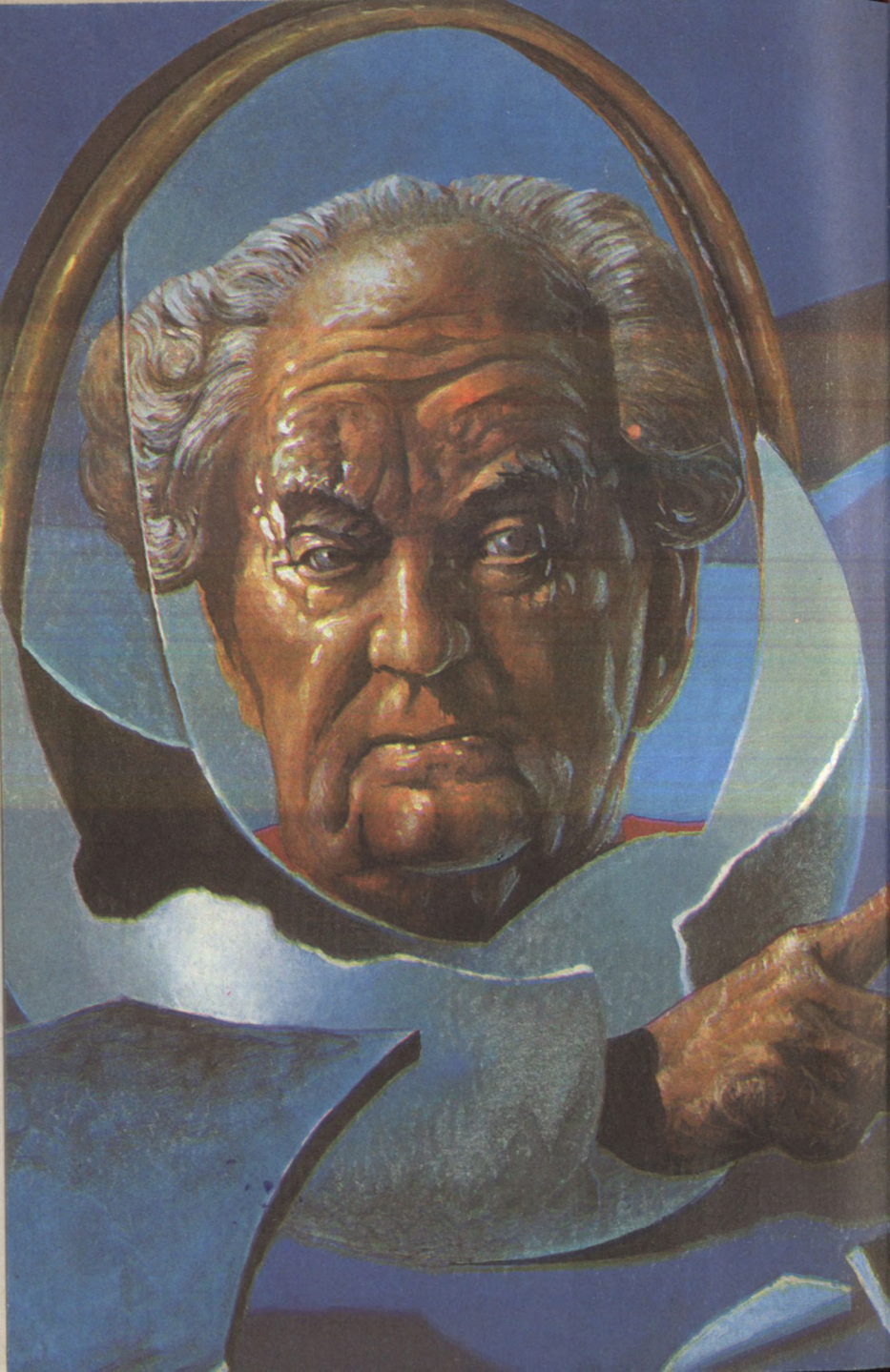
Книга двадцать пятая

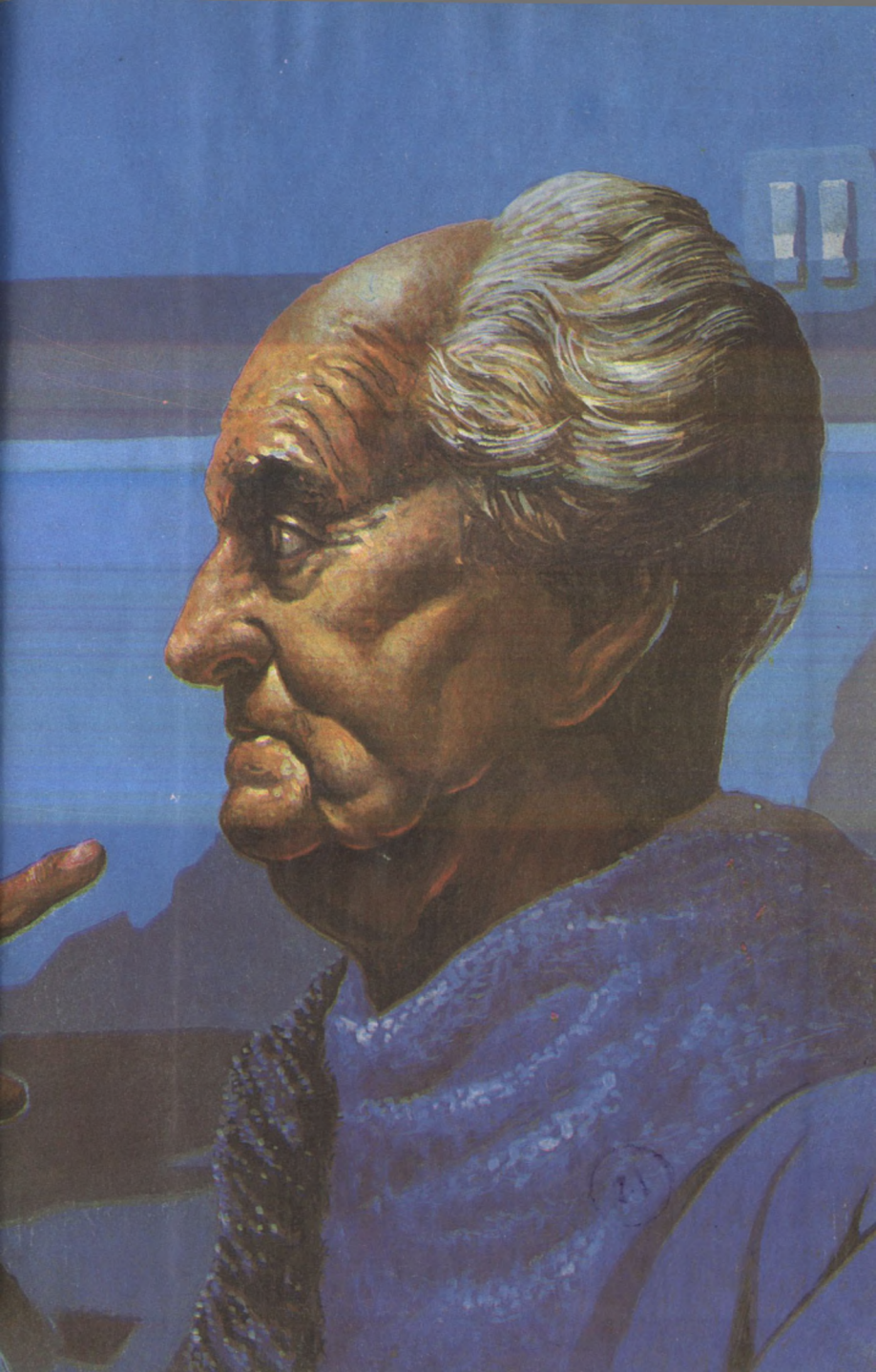
Составитель *А. Новиков*
Главный редактор *А. Захаренков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редакторы *А. Александрова, И. Васильева, М. Катаева, М. Проворова, Л. Шилова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Т. Куликова, Н. Лебедева, Е. Ошуркова*
Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*
Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*
Оформление обложки и форзаца: *А. Кириллов*
Оформление шмуцтитулов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 03.10.94.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.10.94.
Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага типографская.
Гарнитура Балтика. Печать высокая.
Усл. печ. л. 29,40. Усл. кр.-отт. 30,40. Уч.-изд. л. 30,2.
Тираж 25 000 экз. Заказ № 4-383.

Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.
Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.





VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers